VISIT…

ТУВИНСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Б.И. ТАТАРИНЦЕВ

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Том II

Д, Ё, И, Й

Ответственный редактор
кандидат филологических наук *Д.А. Монгуш*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2002

Tyulemissov Madi مهدی ابواصل

tmadi1@gmail.com

УДК 801.32.2
ББК 83.3(2Рос-Туви)
Т12

Рецензенты

кандидат филологических наук *Ч.М. Доржу*
кандидат филологических наук *М.В. Бавуу-Сюрюн*

Утверждено к печати Ученым советом
Тувинского института гуманитарных исследований

Татаринцев Б.И.

Т12 Этимологический словарь тувинского языка. — Новосибирск: Наука, 2002. — 388 с. (Т. II: Д, Ё, И, Й).

ISBN 5—02—028697—4 (т. II).
ISBN 5—02—032304—7.

Словарь — результат многолетней работы автора в области тувинской (тюркской) этимологии. В нем на основе структурных характеристик и звуковых особенностей слов анализируется происхождение корневой лексики тувинского языка. Исследуются фонетические, словообразовательные и семантические аспекты.

Для тюркологов, историков, преподавателей, студентов.

ТП—2001—I—№ 128

УДК 801.32.2
ББК 83.3(2Рос-Туви)

ISBN 5—02—028697—4 (т. II)
ISBN 5—02—032304—7

© Б.И. Татаринцев, 2002
© Оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 2002

ОТ АВТОРА

Предлагаемый вниманию читателя второй том «Этимологического словаря тувинского языка» продолжает первый, в котором рассматривается происхождение слов, начинающихся с букв А и Б*. В настоящее издание включены основы на буквы Д, Ё, И, Й. В словаре не даны основы с инициальными В, Г, Е, Ж, З, поскольку они, согласно действующей графике и орфографии тувинского языка, относятся к числу поздних русских заимствований, сохраняют графический облик их прототипов и нами в данном словаре не рассматриваются.

Основой словника является, как и ранее, «Тувинско-русский словарь» (ТРС 1968). Кроме того, том дополнен материалом «Толкового словаря тувинского языка» (рукопись), по которому также уточнены определения значений слов.

По содержанию, построению и расположению словарных статей этимологического словаря сохраняется преемственность между его первым и вторым томами.

То же следует сказать и о принятых в словаре сокращениях библиографического и иного характера. Круг использованных литературных источников, по сравнению с первым томом, дополнен.

---

* *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. — Новосибирск: Наука, 2000. — Т. I: А — Б.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРА. ИСТОЧНИКИ

АА — Аксагалдай ашак. Тыва хуулгазын тоолдар. — Кызыл, 1992. — Т. 1.

Абаев — Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. — М.; Л., 1958—1989. — Т. I—IV.

АГ — Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. — М., 1962.

АИ — Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. — М., 1966.

Айдаров — Айдаров Т. Проблемы диалектной лексикологии и лингвистической географии. — Алма-Ата, 1991.

Алтан тобчи — Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н.П. Шастиной. — М., 1973.

Аманжолов — Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. — Алма-Ата, 1959.

Антонов — Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. — Якутск, 1971.

Арсланов — Арсланов Л.Ш. Язык карагашей-ногайцев Астраханской области. — Набережные Челны, 1992.

Ахметьянов. ОЛДК — Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. — М., 1981.

Ахметьянов. ОЛМК — Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. — М., 1989.

Ахметьянов. Ср. исследование — Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. — М., 1978.

АЭ — Алтайские этимологии. — Л., 1984.

БА — Бора-Шокар аъттыг Боралдай. Маадырлыг тоол. — Кызыл, 1983.

Базарова, Шарипова — Базарова Д.Х., Шарипова К.А. Развитие лексики тюркских языков Средней Азии и Казахстана. — Ташкент, 1990.

Баскаков 1966 — Баскаков Н.А. Диалект черневых татар (туба-кижи): Грамматический очерк и словарь. — М., 1966.

Баскаков 1985 — Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». — М., 1985.

Бертагаев. Лексика — Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков. — М., 1974.

Бертагаев. МС — Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. — М., 1969.

Бётлингк — Бётлингк О.Н. О языке якутов. — Новосибирск, 1989.

Бирюкович — Бирюкович Р.М. Лексика чулымско-тюркского языка. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984.

Благова. БН — Благова Г.Ф. «Бабур-наме»: Язык, прагматика текста, стиль. — М.,.1994.

Боровков 1961 — Боровков А.К. «'Бада' и 'ал-лугат'». Словарь Тāли 'Имāни Гератского к сочинениям Алишера Навои. — М., 1961.

Боровков 1963 — Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. — М., 1963.

БТ — Баазанайның тоолдары. — Кызыл, 1980.

Будаев — Будаев Ц.Б. Бурятские диалекты: (Опыт диахронического изучения). — Новосибирск, 1992.

БурРС — Бурятско-русский словарь. — М., 1973.

Бhh — Башкорт һөйләштәренең һүзлеге. — Өфө, 1987. — Т. III.

Вайнштейн — Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. — М., 1972.

ВАЯ — Вопросы алтайского языкознания. — Горно-Алтайск, 1988.

Вербицкий — Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. — Казань, 1884.

Владимирцов. Монгольский сборник — Владимирцов Б.Я. Монгольский сборник рассказов из Paṅcatantra // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при АН СССР. — Л., 1925. — Т. V, вып. 2.

Владимирцов. Общественный строй — Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. —'Л., 1934.

Владимирцов. Ср. грамматика — Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. — Л., 1929.

Владимирцов. Турецкие элементы — Владимирцов Б.Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Зап. Вост. отд-ния Имп. Русского географического общества. — СПб., 1911 (отд. оттиск). — Т. XX, вып. 2—3.

ВТФ — Вопросы тувинской филологии. — Кызыл, 1983.

ВТЯ — Вопросы тувинского языкознания. — Кызыл, 1993.

ВЯ — Вопросы языкознания.

Габышева — Габышева Л.Л. Функции числительных в мифологическом тексте на материале олонхо // Язык — миф — культура народов Сибири. — Якутск, 1988.

Гамкрелидзе, Иванов — Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1984. — Кн. 2.

ГАЯ — Грамматика алтайского языка / Сост. членами алтайской миссии. — Казань, 1869.

Голст. — Голстунский К.Ф. Монгольско-русский словарь: В 3 т. — СПб., 1893—1895*.
Гребнев — Гребнев Л.В. Тувинский героический эпос. — М., 1960.
Даль — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М., 1994.
ДБХ — Далай-Байбың хаан. — Кызыл, 1994.
Девяносто лет — 90 лет Н.А. Баскакову. — М., 1996.
Дёрфер — Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. — Wiesbaden, 1963—1975. — Bd. I—IV.
Дмитриев. СТЯ — Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. — М., 1962.
Дмитриева — Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. — Л., 1981.
Доржу — см. ЛМТЯ.
ДСЯС — Диалектологический словарь языка саха. — Новосибирск, 1995.
ДСЯЯ — Диалектологический словарь якутского языка. — М., 1976.
ДТС — Древнетюркский словарь. — Л., 1969.
ДХЯ — Диалекты хакасского языка. — Абакан, 1973.
Дыбо — Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). — М., 1996.
Дыренкова — Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. — М.; Л., 1940.
Жамбал-сурэн — Жамбал-сурэн Н. Тибетские слова в монгольском языке: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1961 (рукопись).
Жаримбетов — Жаримбетов А. Тюркские лексические элементы в русской номенклатуре растений. — Нукус, 1980.
ЗТ — Зарубежная тюркология. — 1986. — Вып. 1.
Иванов — Иванов С.А. Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. — Новосибирск, 1993.
Иллич-Свитыч 1971 — Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков: Введение. Сравнительный словарь (b — ḳ). — М., 1971.
Иллич-Свитыч 1976 — Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь (l — ʒ́). Указатели. — М., 1976.
Иллич-Свитыч 1984 — Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь (p — q). — М., 1984.
ИМЧЯ — Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. — М., 1976.
ИОЭАЯ — Исследования в области этимологии алтайских языков. — Л., 1979.
ИП — Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. — М., 1961.

* В первом томе «Этимологического словаря тувинского языка», в отличие от второго, сокращение «Голст.» относится к более позднему изданию указ. «Монгольско-русского словаря».

ИРЛТЯ — Историческое развитие лексики тюркских языков. — М., 1961.

Ишбердин — Ишбердин Э.Ф. Наименование птиц в башкирских говорах // Вопросы башкирского языкознания. — Уфа, 1973.

Кажибеков — Кажибеков Е.З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках: (Явление синкретизма). — Алма-Ата, 1986.

КазРС — Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь. — Алма-Ата, 1989.

Кайдаров — Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. — Алма-Ата, 1986.

КалмРС — Калмыцко-русский словарь. — М., 1977.

КБРС — Карачаево-балкарско-русский словарь. — М., 1989.

КЛА — Кенин-Лопсаң М. Алгыши тувинских шаманов. — Тыва хамнарның алгыштары. — Кызыл, 1995.

Козин. СС — Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. — М.; Л., 1941.

Кононов. ГЯТРП — Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. — Л., 1980.

Кононов. Родословная туркмен — Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. — М.; Л., 1958.

Коркина — Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. — Новосибирск, 1992.

КРС — Киргизско-русский словарь. — М., 1965.

ЛМТЯ — Лексика и морфология тюркских языков. — Новосибирск, 1982.

ЛРДИВ — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока // Материалы к дискус. на Междунар. конф. — М., 1989. — Ч. 1.

Малов. Лобнор — Малов С.Е. Лобнорский язык: Тексты, переводы, словарь. — Фрунзе, 1956.

Малов. УНС — Малов С.Е. Уйгурские наречия Синьцзяна. — М., 1961.

Малов. УЯ — Малов С.Е. Уйгурский язык. Хамийское наречие. — М.; Л., 1954.

Малов. ЯЖУ — Малов С.Е. Язык желтых уйгуров: Словарь, грамматика. — Алма-Ата, 1957.

Манжигеев — Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. — М., 1978.

Менгес — Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». — Л., 1979.

МК — Словарь Махмуда Кашгарского (по «Древнетюркскому словарю»); см. ДТС.

МК И — Девону луготит турк. Индекс-лугат. — Ташкент, 1967.

МЛС — Монгольский лингвистический сборник. — М., 1992.

Монгуш 1973 — Монгуш Д.А. Сокращенная форма личных имен в тувинском языке // УЗ ТНИИЯЛИ. — Кызыл, 1973. — Вып. XVI.

Монгуш 1983 — Монгуш Д.А. О языке тувинцев Северо-Восточной Монголии // Вопросы тувинской филологии. — Кызыл, 1983.

Монгуш 1998 — Монгуш Д.А. Частицы как компонент аналитических сказуемых: (На материале тувинского языка) // Языки коренных народов Сибири. — Новосибирск, 1998. — Вып. 4.

МРС — Монгольско-русский словарь. — М., 1957.

Мудрак — Мудрак О.А. К вопросу о палатализации начальных согласных в чувашском языке // Вопросы чувашской фонетики и морфологии. — Чебоксары, 1986.

Мурзаев. Словарь — Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. — М., 1984.

Мусаев — Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. — М., 1975.

Наджип. ИТЯ — Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI—XIV вв. — М., 1989.

Наджип. ХШ — Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века на материале «Хосрау и Ширин» Кутба. — М., 1979. — Кн. I.

Опыт — Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. — Казань, 1903.

ОРС — Ойротско-русский словарь. — М., 1947.

ОСЛАЯ — Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. — Л., 1972.

ОСМАЯ — Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. — Л., 1978.

ПДТП — Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. — М.; Л., 1951.

Пек. — Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. — [Б. м.], 1959. — Т. I—III (фототип.).

ПМЯ — Проблемы монгольского языкознания. — Новосибирск, 1988.

ПОАЯ — Проблемы общности алтайских языков. — Л., 1971.

Поляков — Поляков В.А. Способы лексической номинации в енисейских языках. — Новосибирск, 1987.

Попов — Попов Г.В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка. — Якутск, 1986.

Поппе. Мук. — Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. — М.; Л., 1938. — Т. XIV, ч. I—II: «Труды института востоковедения».

Поппе. Сол. — Поппе Н.Н. Материалы по солонскому языку. — Л., 1931.

Потанин — Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — СПб., 1883. — Вып. IV.

ПЭТЯ — Проблемы этимологии тюркских языков. — Алма-Ата, 1990.
Рамазанова — Рамазанова Д.Б. Термины родства и свойства в татарском языке. — Казань, 1991.
Рамстедт — Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. — М., 1957.
Рассадин. МБЗ — Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. — М., 1980.
Рассадин. Морфология — Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. — М., 1978.
Рассадин. Очерки — Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. — М., 1982.
Рассадин. Присаянская группа — Рассадин В.И. Присаянская группа бурятских говоров. — Улан-Удэ, 1996.
Рассадин. Словарь — Рассадин В.И. Словарь современного тофаларского языка (рукопись).
Рассадин. Становление — Рассадин В.И. Становление говора нижнеудинских бурят. — Улан-Удэ, 1999.
Рассадин. Фонетика — Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. — Улан-Удэ, 1971.
Рассадин. Этимология — Рассадин В.И. Об этимологии некоторых бурятских диалектных слов // Исследования бурятских и русских говоров. — Улан-Удэ, 1977.
Рахимов — Рахимов Т.Р. Китайские элементы в современном уйгурском языке. — М., 1970.
РСл. — Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. — СПб., 1893—1911. — Т. I—IV.
РТС — Русско-тувинский словарь. — М., 1980.
РФ ТНИИЯЛИ — Рукописный фонд Тувинского НИИ языка, литературы и истории.
Рясянен. Материалы — Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. — М., 1955.
Садвакасов 1970 — Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. — Алма-Ата, 1970. — [Ч. 1]: Очерк фонетики, тексты и словарь.
Садвакасов 1976 — Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. — Алма-Ата, 1976. — [Ч. 2]: Лексика, морфология и языковая интерференция.
Санжеев. Ср. грамматика — Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. — М., 1953. — Т. I.
Санжеев. Глагол — Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. — М., 1964.
Сат, Салзыңмаа — Сат Ш.Ч., Салзыңмаа Е.Б. Амгы тыва литературлуг дыл. — Кызыл, 1980.
Сат. ТД — Сат Ш.Ч. Тыва диалектология. — Кызыл, 1987.
Серебренников, Гаджиева — Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 1986.

СИГТЯ Л — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. — М., 1997.
СИГТЯ М — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. — М., 1988.
СИГТЯ Ф — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. — М., 1984.
ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. — Л., 1975. — Т. I; 1977. — Т. II.
СТ — Советская тюркология (Баку).
Старостин — Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. — М., 1991.
Татаринцев 1976 — Татаринцев Б.И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. — Кызыл, 1976.
Татаринцев 1977 — Татаринцев Б.И. Местные географические термины Северо-Восточной Тувы // СТ. — 1977. — № 5.
Татаринцев 1987 — Татаринцев Б.И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. — М., 1987.
Татаринцев 1988 — Татаринцев Б.И. О специфике семантической реконструкции в условиях отдаленности значений многозначных слов // СТ. — 1988. — № 1.
Таубе — Сказки и предания алтайских тувинцев. Собраны Эрикой Таубе. — М., 1994.
ТГС — Тувинские героические сказания. — Новосибирск, 1997.
ТДДА — Тыва дыл дугайында ажылдар. — Кызыл, 1964.
Тенишев. Сал. — Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. — М., 1976.
Тенишев. С.-югур. — Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. — М., 1976.
Тенишев. УДС — Тенишев Э.Р. Уйгурский диалектный словарь. — М., 1990.
ТЛЛ — Тюркская лексикология и лексикография. — М., 1971.
ТНС — Тувинские народные сказки. — Новосибирск, 1994.
Тодаева. Джангар — Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». — Элиста, 1976.
ТРС 1955 — Тувинско-русский словарь. — М., 1955.
ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь. — М., 1968.
ТРС-РТС — Рассадин В.И. Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь. — Иркутск, 1995.
ТРФС — Хертек Я.Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. — Кызыл, 1975.
ТС — Тюркологический сборник.
ТСГА — Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1979.
ТСТЯ — Толковый словарь тувинского языка (рукопись).
ТТ 1951 — Тыва тоолдар. — Кызыл, 1951.
ТТ 1957 — Тыва тоолдар. — Кызыл, 1957.

Тугушева — Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. Фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР. — М., 1991.

Тумашева — Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. — [Казань, 1992].

ТуркРС — Туркменско-русский словарь. — М., 1968.

ТурРС 1945 — Турецко-русский словарь / Сост. Д.А. Магазанник. — М., 1945.

ТурРС 1977 — Турецко-русский словарь. — М., 1977.

УЗ ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы и истории.

УРС — Уйгурско-русский словарь / Сост. Э.Н. Наджип. — М., 1968.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1964—1973. — Т. I—IV.

Федотов — Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. — Чебоксары, 1980—1986. — Ч. I—III.

ФТЯ — Бичелдей К.А. Фарингализация в тувинском языке. — Кызыл, 1999.

Хабичев — Хабичев М.А. Именное словообразование и формообразование в куманских языках. — М., 1989.

Харитонов — Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. — М.; Л., 1954.

ХРИЭС — Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. — Абакан, 1999.

ХРС — Хакасско-русский словарь. — М., 1953.

Цэвэл — Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. — Улаанбаатар, 1966.

Чадамба 1974 — Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. — Кызыл, 1974.

Чадамба 1977 — Чадамба З.Б. Некоторые группы лексических диалектизмов тувинского языка // Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период. — Кызыл, 1977.

ЧР — Черемисов К.М., Румянцев Г.Н. Монгольско-русский словарь (по современной прессе). — Л., 1937.

ЧРС — Чувашско-русский словарь. — М., 1982.

Шанский и др. — Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. — М., 1971.

Шервашидзе 1989 — Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд // ВЯ. — 1989. — № 2.

Щербак 1970 — Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. — Л., 1970.

Щербак 1977 — Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). — Л., 1977.

Щербак 1987 — Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова). — Л., 1987.

ЭС МГУ — Этимологический словарь русского языка. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

ЭСТЯ I — Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1974. — Т. I: Общетюркские и межтюркские основы на гласные.

ЭСТЯ II — Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1978. — Т. II: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б».

ЭСТЯ III — Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1980. — Т. III: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д».

ЭСТЯ IV — Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1989. — Т. IV: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ӂ», «Ж», «Й».

ЭСТЯ V—1 — Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1997. — Т. V, вып. 1: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ».

ЭСЧЯ — Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 1964.

ЯМВМ — Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. — М., 1981.

ЯМТЯ — Языки мира: Тюркские языки. — М., 1997.

ЯНС 1978 — Языки народов Сибири. — Кемерово, 1978. — Вып. 2.

ЯРС — Якутско-русский словарь. — М., 1972.

Donner — Donner K. Kamassisches Wörterbuch. — Helsinki, 1944.

ED — Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish. — Oxford, 1972.

EW — Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuch der Türksprachen. — Helsinki, 1969.

Grundwort — Doerfer G. Grundwort und Sprachmischung. — Wiesbaden, 1988.

Joki — Joki A. Die Lehnwörter des Sajan-Samojedischen. — Helsinki, 1952.

Kara — Kara G. Notes sur le dialecte oirat de la Mongolie Occidentale // Acta Orientalia. — Budapest, 1958. — T. VIII, fasc. 2.

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ*

азерб.	— азербайджанский
алт.	— алтайский
анат.	— анатомическое
араб.	— арабский

* В список включены сокращения названий языков и диалектов, стилистических помет и некоторых грамматических терминов.

арх.	— архаичный
ассан.	— ассанский
астрон.	— астрономическое
аф.	— аффикс, аффиксальный
балк.	— балкарский
бараб.	— барабинский диалект
башк.	— башкирский
биол.	— биологическое
бот.	— ботаническое
букв.	— буквально
бур.	— бурятский
вежл.	— вежливое
вин. п.	— винительный падеж
воен.	— военный термин
вопрос.	— вопросительное
вост.	— восточный
вост.-монг.	— восточно-монгольский
вост.-тюрк.	— восточно-тюркский
высок.	— высокий стиль
гаг.	— гагаузский
глаг.	— глагол, глагольный
грам.	— грамматический
дат. п.	— дательный падеж
дерб.	— дербетский диалект ойратского языка
диал.	— диалектное
др.-булг.	— древнебулгарский
др.-кит.	— древнекитайский
др.-тюрк.	— древнетюркский
др.-уйг.	— древнеуйгурский
ед., ед. ч.	— единственное число
жен.	— женский лексикон (алт.)
зап.	— западный
знач.	— значение
зоол.	— зоология
ирон.	— ироническое
ист.	— историческое
исх. п.	— исходный падеж
каз.	— казахский
калм.	— калмыцкий
кар.	— караимский
кач.	— качинский диалект
кбалк.	— карачаево-балкарский
кирг.	— киргизский
кирг.-южн.	— южный диалект киргизского языка

кит.	— китайский
ккалп.	— каракалпакский
книжн.	— книжное
койб.	— койбальский диалект
кор.	— корейский
кр.-тат.	— крымско-татарский
коттск.	— коттский
кум.	— кумыкский
куман.	— куманский
куманд.	— кумандинский диалект
кызыл.	— кызыльский диалект хакасского языка
кыпч.	— кыпчакские языки
л.	— лицо
-л.	— -либо
леб.	— лебединский диалект
лит.	— литературное
лоб.	— лобнорский
маньчж.	— маньчжурский
мат.	— математический термин
межд.	— междометие
межтюрк.	— межтюркский
мест.	— местоимение
мест. п.	— местный падеж
мн., мн. ч.	— множественное число
многокр.	— многократный вид
миф.	— мифологическое
монг.	— монгольский язык
монгол.	— монгольские языки
напр.	— например
направ. п.	— направительный падеж
нар.	— наречие, наречный
нов.	— новый
ног.	— ногайский
образн.	— образное
общетув.	— общетувинский
общетюрк.	— общетюркский
огуз.	— огузский
ойр.	— ойратский
оруд. п.	— орудный падеж
осет.	— осетинский
п.	— падеж
парн.	— парные слова
перен.	— переносное
перс.	— персидский

п.-монг.	— старописьменный монгольский
под.	— подобные
полигр.	— полиграфическое
полит.	— политическое
полов.	— половецкий
поэт.	— поэтическое
презр.	— презрительное
пренебр.	— пренебрежительное
прил.	— прилагательное
прост.	— просторечное
против.	— противительный
проч.	— прочее
прям.	— прямое
разг.	— разговорное
редк.	— редкое
рел.	— религиозное
род. п.	— родительный падеж
рус.	— русский
саг.	— сагайский диалект хакасского языка
сал.	— саларский
сиб.-тат.	— диалекты сибирских татар
сиб.-тюрк.	— сибирско-тюркский
скр.	— санскрит
служ.	— служебное слово
см.	— смотри
собир.	— собирательное
совр.	— современный
согд.	— согдийский язык
сол.	— солонский
ср.	— сравни
ср.-кит.	— среднекитайский
ср.-кыпч.	— среднекыпчакский
ср.-монг.	— среднемонгольский
ср.-тюрк.	— среднетюркский
ср.-уйг.	— среднеуйгурский
ст.-монг.	— старомонгольский
ст.-тат.	— старотатарский
ст.-тур.	— старотурецкий
ст.-узб.	— староузбекский
суф.	— суффикс
сущ.	— существительное
с.-югур.	— сарыг-югурский
тат.	— татарский
театр.	— театральный термин

тел. — телеутский диалект
тиб. — *тибетский*
т.н. — **так называемый**
тоб. — **тобольский диалект**
тодж. — **тоджинский диалект**
тоф. — тофаларский
тох. — тохарский
туба — тубаларский*
тув. — тувинский
тув.-тоф. — тувинско-тофаларский
тув.-тодж. — см. тодж.
тунг. — тунгусский
тунг.-маньчж. — тунгусо-маньчжурский
тур. — турецкий
турк. — туркменский
тюрк. — тюркский
угор. — угорский
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
указ. — указательное, указанный
усилит. — **усилительное**
уст. — **устаревшее**
уступ. — **уступительный союз**
утв. — утвердительный
филос. — философское
финск. — финский
фолькл. — фольклорное
хак. — хакасский
хим. — химический термин
чаг. — чагатайский
чалкан. — чалканский диалект
чув. — чувашский
чул.-тюрк. — чулымско-тюркский
шахм. — шахматный термин
шор. — шорский
шумер. — шумерский
шутл. — шутливое
эвен. — эвенский
эвенк. — **эвенкийский**
юж.-сиб. — **южно-сибирский**
юр. — ***юридический термин***
як. — якутский

* Данное сокращение заимствовано у Н.А. Баскакова.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

> перешло в... (заимствовано в...)
< заимствовано из... (возникло из...)
~ связано с...; вариант
? сомнительно
* реконструированная форма (значение)
→ изменение семантики

ТУВИНСКИЙ АЛФАВИТ

Аа	Бб	Вв	Гг	Дд	Ее	Ёё	Жж
Зз	Ии	Йй	Кк	Лл	Мм	Нн	ң
Оо	Өө	Пп	Рр	Сс	Тт	Уу	ү
Фф	Хх	Цц	Чч	Шш	Щщ	ъ	Ыы
		ь	Ээ	Юю	Яя		

— Д —

даа I *частица* 1) *усил.* 'и, даже'; 2) *в отрицательных оборотах* 'ни'; 3) *служит для образования отрицательных и определительных местоимений, уступительной формы глагола.*

Общетюркская частица или, по Щербаку, «частица-союз», характеризуемая полифункциональностью и многозначностью (см.: ЭСТЯ III, *109*). Как отмечал Э.В. Севортян, тув. *даа* и некоторые из его соответствий в других тюркских языках не имеют вариантов по вокализму. «Они автономные лексемы, в отличие от остальных форм, которые фонетически зависимы от слов, к концу которых они примыкают» (Там же).

Наиболее распространенная форма частицы — *да ~ де* и *та ~ те*. Согласно точке зрения, получившей наибольшее признание, частица восходит к слитному деепричастию *такы ~ дакы* или *така ~ дака* от глаг. *так- ~ дак-* 'прикреплять, присоединять', хотя характер и состав промежуточных форм исследователями представляется поразному (ЭСТЯ III, *110*; Щербак 1987, *97, 105*), и процессы фонетико-структурных преобразований здесь не вполне ясны.

Частица *да, даа...* в ряде тюркских языков имеет двухсложное соответствие типа *дагы ~ тагы...* выступающее как имя, наречие, союз (в частности, соединительный) и частица (ЭСТЯ III, *122—123*; см. также **дагын**).

Обращает на себя внимание распространенность варианта указ. соответствия, которое характеризуется интервокальным *-г(ғ)-*, тогда как логично было бы ожидать в ряде подобных случаев сохранения *-к-*, как это наблюдается, например, в памятниках тюркской письменности (см.: ЭСТЯ III, *122*). В тув. языке *-к-* в основах глаголов переходит в *-г-* и претерпевает некоторые другие изменения, не приводящие, однако, к появлению долгого гласного, как это имеет место в случае с *даа*. Последнее, скорее, — из **дагы* или **дага* с исконным интервокальным сонантом.

В связи с этим представляет интерес наличие в тув. языке глагольной основы *даг-* 'скреплять, соединять (напр., бревна плота)' (см. **даг- II**), которую можно считать структурно-фонетическим коррелятом вышеприведенного тюрк. *так- ~ дак-*, и, таким образом, *даа* — стяженная форма деепричастия от *даг-* на *-а ~ -ы*.

Судя по распространенности варианта *тагы ~ дагы* (см. также турк. диал. *дага* 'еще'), ранее глаг. основа с конечным сонантом типа тув. *даг-*, возможно, была более распространенной, нежели теперь. При этом *-г-* мог варьировать с *-ң-*: ср. тюрк. глаг. основу *даң- ~ таң-* 'вязать', 'связывать' и тур. диал. *даңы* 'и прочее', 'и др.', 'и т.п', которую Э.В. Севортян назвал «заманчивой для этимологического анализа», но единичной и недостаточной (ЭСТЯ III, *122, 123*).

даа II *уст.* 'да' (*чиновничий и духовный титул*); в некоторых сочетаниях употреблялся в значении 'старший, большой' (*даа лама* 'старший лама').

Н.Ф. Катанов в своем труде приводит *тā* (*таа*) в значении 'великий', которое истолковывает как кит. *да*, заимствованное через п.-монг. *da* (Опыт, *131*). Такое объяснение в целом верно, но, учитывая наличие в тув. слове долготы, его следует связывать не с п.-монг. *da*, а с совр. монг. *даа* 1. 'главный, старейший; большой, великий'; 2. 'начальник' (см.: МРС, *135*; Цэвэл, *173*; Владимирцов. Ср. грамматика, *246*), представляющим собой китаизм.

В некоторых тюрк. языках соответствия тув. *даа* — это непосредственные заимствования из кит. языка: ср. уйг. *да* 'большой, огромный' (Рахимов, *145*), с.-югур. *да* 'большой, важный', *та* 'большой, великий' (Малов. ЯЖУ, *24, 109*).

По-видимому, первоначально монг. (и тув.) *даа* употреблялось в качестве начального компонента других титулов и званий (каковы, например, монг. *даа дарга, даа ноён, даа лама*), указывая на главенство, старшинство их носителей, а затем произошло обособление и субстантивация этого компонента, превратившегося в своего рода титул.

даады, дың II, дыңгаар II 'сплошь, целиком, только; все время, постоянно, всегда, систематически'.

Монголизм? Ср. монг. *даг* 'постоянно, все время', *дагт(ан)*, п.-монг. *dayta* (*dayata*?) 'сплошь, все время'. Нет ли связи с монг. *daya-* / *дагах* 'следовать, идти за кем-л.'? Ср. также п.-монг. *dajitu* 'везде, всюду'. См. **даан**.

даадыла- 'выбирать более вкусное'.

См. **дадыглыг**.

даадым *межд.* 'ой, да что это я!', 'фу ты!..' (*восклицание говорящего при обнаружении ошибки, оговорки в своей речи*).

Непосредственных соответствий в других языках не обнаружено. Вместе с тем, судя по внешнему облику тув. *даадым*, оно связано своим происхождением со знаменательным словом, в данном случае, возможно, с формой прошедшего категорического времени 1 л. ед. ч. от глагола, обозначавшего какую-то оплошность говорящего. Структурно *даадым* представляется в виде *даа-ды-м*, где *даа-* восходит к глаг. основе. Последняя может быть отождествлена с глаг.

да:*га-* ~ *дагы-* ~ *тага-* ~ *тагы-* 'расходиться; разбредаться; рассеяться; приходить в беспорядок; выходить из строя', который Э.В. Севортян определял как «остаточный», сохранившийся, главным образом, в юго-зап. группе тюрк. языков, где употребляются в основном залоговые формы данного глагола или производные от него имена.

При этом указ. формы (типа *дагыл-* ~ *тагыл-* и *дагын-* ~ *тагын-*) имеют в числе прочих также значение 'быть рассеянным (о человеке)', существовавшее, по всей вероятности, и у основной формы глагола (ср., напр., тур. *таган* 'рассеянный' в РСл. III, *796*). Последний, будучи употреблен в форме 1 л. прошедшего категорического времени, первоначально означал нечто вроде 'я проявил рассеянность, невнимательность', т.е. 'я ошибся'.

В тув. языке эта глаг. форма (ее первоначальный облик — **дагатым* или **дагытым*), утратив свою мотивированность ввиду отсутствия в данном языке исходной глаг. основы и родственных с ней слов, превратилась в междометие (или была заимствована в этом качестве).

даай 'дядя' (*брат матери, который по возрасту старше говорящего*), 'дядя' (*обращение к старшему по возрасту мужчине*)[1]; **даай-ава** 'тетя' (*сестра матери, которая по возрасту старше говорящего*); **даай-эне** 'бабушка со стороны матери'.

Даай — общетюрк. слово; оно отмечено в различных фонетических или фономорфологических вариантах, в числе которых — *даайы* ~ *тайы, дайы, даай* ~ *таай, дай* ~ *тай, тагай*(*ы*), *тага* и которые в ЭСТЯ (III, *127—129*) рассматриваются как гомогенные. Все эти варианты в целом семантически тождественны друг с другом, имея в качестве основного значения — 'дядя (по матери)'; другие, менее распространенные значения — 'дед (по матери); родство (родственники) по материнской линии' и др.

Удовлетворительной этимологии *даай*... не имеет. Э.В. Севортян, предлагая свою версию происхождения слова, исходил фактически из последнего значения, которое «является скорее вторичным» и возводится к семантике 'мать' (ЭСТЯ III, *128*), что трудно признать достаточно обоснованным.

Практически все указ. варианты рассматриваются им как сращения, главным компонентом которых является лексема *тай* (~ *дай*), в кирг. языке означающая «родство по матери». Затем Э.В. Севортян приводит ряд определительных сочетаний с *тай* типа кирг. *тай ата* 'дед по матери' и под. Ср. также тув. *даай-ава* и *даай-эне* в указ. ранее знач. (при *ава* 'мать' и *эне* 'бабушка').

[1] Значение возникло в разговорной речи, скорее всего, под влиянием рус. языка (ср. рус. *дядя*).

При этом формы слова *даай* в генезисе считаются по своему строению аналогичными указ. словосочетаниям или их сращениям. Так, по Э.В. Севортяну, с.-югур. *така* < **тай ака*, *тага* < **тай ага* (при *ака*, *ага* 'старший брат, дядя'); *тагай* — звательная форма того же сращения; *да:й ~ та:й* < *дагай ~ тагай* (Там же).

Э.В. Севортян признает, что «изложенная выше этимология... небезупречна», в частности, по фонетическим основаниям. Так, он отмечает, что «сочетание гласн. + *й* + гласн.— в данном случае **тай ага* > **тайага* — нечасто переходит в различных тюрк. языках в долгий гласный, который затем может сократиться...» (ЭСТЯ III, *128*). Такой переход, очевидно, маловероятен для тув. *даай*, которое, как и алт. *таай* и, вероятно, як. *таай*, скорее всего < *тагай ~ дагай*, как это отмечал и Севортян (ср. также ИРЛТЯ, *49*; Дёрфер III, *196*). То же следует сказать и о тоф. *даай ~ таай* 'дядя по матери'.

Маловероятно также «сокращение» в широких масштабах вторичного *аа*. Можно предположить, что долгота в турк. (и азерб. диал.) *да:йы* имела иную природу, чем, напр., в тув. *даай*, т.е. в первом случае она могла быть «первичной», и ей закономерно соответствуют формы с кратким гласным как типа *дайы ~ тайы* (где конечный *-ы*, как это признано исследователями, является посессивным показателем 3 л. ед. ч.), так и типа *дай ~ тай*. Поэтому едва ли следует считать обоснованным включение тув. *даай* и некоторых его соответствий с явно вторичным долгим гласным в ту рубрику соответствий, где располагаются формы *дай ~ тай* (с кратким гласным).

Этимология, предложенная Севортяном, вызывает сомнения и в структурно-семантическом плане. По этой версии остается неясным происхождение *тай* в качестве первого компонента сочетаний и сращений, приведенных выше, не говоря уже о том, что *тай*, с одной стороны, считается первичной основой, а с другой — истолковывается как результат указ. преобразований.

Скорее всего, существовало два основных варианта названия родственника по матери (в частности, дяди): **тай* и **тагай*, а все остальные варианты являются вторичными, производными от них. Таким образом, прав Г. Дёрфер, полагавший, что первоначально было два лексических типа: **тауаі* и **тауı* (< **тау* + аф. принадлежности *-і*), хотя и не предложивший своей этимологии (см. ЭСТЯ III, *128—129*). Различия *тай* и *тагай* имеют морфологическую природу, о чем более подробно будет сказано ниже.

Вначале же целесообразно ответить на вопрос: что представляет конечный *-й* в *тагай* (а также в *тай*)? Принято считать, что этот элемент является показателем звательной формы, и **тага* первично по отношению к **тагай* (см. также: СИГТЯ Л, *296*). Однако в

плане хронологии дело обстоит как раз наоборот: форма *тагай* характерна для памятников письменности, в т.ч. др.-тюрк., и почти не встречается в совр. тюрк. языках, тогда как *тага*, наоборот, присуща в основном как раз указ. языкам и их диалектам (кирг., уйг. и его диалектам, сарыг-югурскому, диалектам каз. и некот. др.). Форма *тага* отмечена только в некоторых, причем поздних письменных памятниках (напр., в чагатайских) (ЭСТЯ III, *127*).

Учитывая подобное временно́е соотношение форм *тагай* и *тага*, можно предполагать бо́льшую древность первой, тогда как *тага* вторична и является результатом народно-этимологического переосмысления *тагай* как звательной формы на *-й*. Но элемент *-й* в *тагай* (как и в *тай*), скорее всего, должен быть осмыслен как словообразовательный аф., образующий имена (в частности, адъективы) от глаг. основ, хотя и малоупотребительный (см.: Рассадин. Морфология, *81*; Хабичев, *50*; а также **аай, алай** и др.).

Тай, как, очевидно, и *тагай*, не имело первоначального значения 'мать', как считает Э.В. Севортян. Слово *тай*, вероятнее всего, было равнозначно другим о п р е д е л е н и я м, которые употребляются в тюрк. составных наименованиях с т а р ш и х родственников и в образованных на основе этих наименований сращениях. Подобные определения имеют в основном семантику 'большой' (→ 'старший').

Так, например, отмечено, что образование наименований лиц по старшинству на основе классификационных терминов кровного родства и при помощи атрибута — распространенное явление в тат. языке, где используются различные прилагательные, объединяющиеся по семантике в общее значение 'большой'. Среди этих прилагательных — тат. *зур, дәү* и *олы* (Рамазанова, *16, 17*). Кстати, *тай* и его соответствия (в т.ч. и как компоненты составных наименований) в татарском, по всей вероятности, не отмечены.

В отличие от подобных определений (в частности, тат. *олы*, которому соответствует тув. *улуг* 'большой') *тай* и его корреляты употреблялись, вероятно, в основном применительно к терминологии родства, где они претерпели значительные изменения в семантике, в частности подверглись субстантивации и изменили лексическое значение в основной массе тюрк. языков, в одних из которых на первый план (вместо старшинства) выдвинулась идея родства по материнской линии «в чистом виде» (как, напр., в кирг.) или вообще — идея близкого родства (как в хак. *таа* < **тага* (?) 'близкая родня': ХРИЭС, *131*). В других тюрк. языках, напротив, основное место заняла семантика с т а р ш и н с т в а по возрасту и/или по занимаемому положению. Таковы значения 'дядя, дядюшка' (почтительное обращение к старшему), 'офицер янычар; прежние привилегированные владетели Алжира; дружеское прозвище старших

(по званию), в особенности употреблявшееся между янычарами', характерные в основном для тур. языка (ЭСТЯ III, *127—128*).

Связь наименования родства по матери со словом, первоначальное значение которого было 'большой' и, вероятно, также 'великий', носит закономерный характер: она могла быть обусловлена высокой оценкой роли материнства в обществе.

В отдельных случаях (за пределами терминологии родства) наблюдается сохранение первоначальной семантики *тай*. Так, в каз. языке отмечено **тай* 'нечто большое, огромное', реализуемое в сочетаниях типа *тай казан* 'большой казан', *тай сандык* 'большой сундук' (Кайдаров, *280*; см. также **дай, тайга**).

Как и ряд других, вероятно, гомогенных с ним слов, *тай* представляет собой производное от глаг. основы типа **та-* 'возвышаться', 'выделяться (своей величиной, высотой и т.п.)' (см., в частности, **даг**), образованное с помощью аф. *-й*.

Форма *тагай* и связанные с ней наименования, в т.ч. тув. *даай*, представляют собой образования с тем же формантом (*-й*) от глаг. **тага-* < **та-га-*, где *-га-(-ка-)* может быть интерпретирован как аф., применявшийся для производства глаголов от глаг. основ и придававший им учащательно-интенсифицирующее значение, которое, однако, в подобных случаях не всегда сохраняется (см.: АГ, *243—247*).

В ситуации со словом **та-га-й*, вероятно, имело место нечто подобное, поскольку каких-либо заметных смысловых различий между формами *тай* (образованной непосредственно от **та-* в указ. значении) и *тагай* (производной от той же глаг. основы, но с добавлением к ней аф. интенсива) практически не отмечено. Соотношение этих форм напоминает ситуацию с титулом *кан* (*каган*); см. **хаан**.

даай-ава см. **даай**.

даай-эне см. **даай**.

даалга 'поручение, наказ; задание'.

Монголизм. См. п.-монг. *dayalγa* 'обязанность, служба, поручение; занятие', монг. *даалт* 'поручительство; ручательство'.

Монгол. слово является производным от глаг. основы типа п.-монг. *dayа-*, монг. *даах* 'быть в состоянии поднять тяжесть; резать (о ноже, пиле); «брать» (о бритве); ручаться, брать на себя ответственность; выносить, терпеть; заниматься, исполнять (должность)'.

Побудительная форма от этого глагола совпадает с формой п.-монг. *dayalγa*; ср. *dayalga-/даалгах* 'поручать, возлагать'. Тув. *даалга*, скорее, < п.-монг. *dayalγa*. Ср. также **дагдын-**.

даалы, даалыы 'даалы' (*национальная игра, напоминающая домино*); 'домино'.

Н.Ф. Катанов привел это слово в виде *таайлы* ('игра в лото-домино') (Опыт, *142*) и без указания источника его появления в языке.

Им был, скорее всего, монг. язык, где содержится *даалуу ~ даалиу* 'далу' (игральные кости); ср. п.-монг. *dālū* 'игральные кости (китайские)' (ЧР, *350*). Вариант *тайлы* отражает, вероятно, монгольскую форму типа *даалиу*. Монгол. слово является китайским заимствованием, исходная форма которого *ta-liu* (правда, без указания значения) приводится, в частности, М. Рясяненом (см.: EW, *131*).

даалык 'галоп' (*аллюр лошади*).

Непосредственных соответствий не обнаружено. М. Рясянен сопоставляет тув. *даалык* с монгол. *tab-la-* 'мчаться галопом, скакать во весь опор'; *dabi-* 'подгонять, торопить лошадь при езде верхом' (EW, *131*). Это, вероятно, имеет рациональное начало, однако природа формальных различий тув. и монгол. слов при этом остается неясной. Вместе с тем круг сопоставлений можно несколько расширить, уточнив при этом определение семантики включаемых в их число слов. Ср., напр., калм. *тавлх* [тавълх] 'ехать галопом', *тавлһн* 'галоп', монгол. *dabi-/давих* 'пришпоривать коня', *dabki-/давхих* 'скакать во весь опор, спешить вперед, мчаться, устремляться вперед'.

Часть слов этого круга привлечена для сопоставления в статье «Этимологического словаря тюркских языков», где рассматривается происхождение глаг. *да:быра- ~ дабра-...* 'скакать, мчаться (о лошадях)'; 'быстро двигаться, бежать' и под. и связанных с ним глаг. и именных основ, связь которых с тув. *даалык* также не исключена. Ср. также др.-тюрк. *tapraš-* 'нестись галопом', *taprï-* 'скакать, подпрыгивать' (ДТС, *533*). Э.В. Севортян рассматривает глаг. *да:быра-* как «вероятное производное от звукоподражательной основы **ma:n ~ *man*, имитирующей шум шагов, топот и означающей поспешность» (ЭСТЯ III, *113*; ср. также **дан I**), что представляется вероятным. Возможно, с указ. основой связано и лоб. *тап* 'шаги верблюда'. Допустимо, что **тап* могло иметь и значение 'прыжок, скачок'.

Если допустить связь *даалык* с рассматриваемой основой и ее соответствиями и производными от нее основами, то в подобной ситуации интервокальный *-в-* (< *-б-* < *-п-*) мог, скорее, сохраниться (при предполагаемой праформе **тапалык* или **тапылык*, ср. также **давы-, дывыла-**).

Однако у указ. звукоподражательной (или образной) основы допустимо существование разновидности **таг*. На ее существование указывают некоторые данные. Так, у прил. и нар. типа *табырак ~ табрак...* 'быстрый; скоро, быстро', являющегося производным от глаг. *да:быра-* и его соответствий (см.: ЭСТЯ III, *114*)[1], в одном из

[1] Интересно, что Н.Ф. Катанов зафиксировал *табырак* и в тув. языке (со значением 'проворный, быстрый; поскорее, живее') (Опыт, *1260*) и высказал мнение, согласно которому это слово образовано от (предполагаемого) корня *тап* 'скорость' (Опыт, *745*), а это мнение имеет точки соприкосновения с вышеприведенной версией происхождения основы *да:быра-...*

др.-тюрк. памятников отмечено соответствие *tayuraq* 'быстро, сразу, внезапно' (ДТС, *527*), в котором по аналогии с *табырак*... можно вычленить исходную основу **tay*.

Сюда же, возможно, относится слово, соответствия которого характерны в основном для совр. кыпч. языков, вроде каз. *дауыл*, тат. *тавыл* и некот. др. в значении 'буря', сиб.-тат. (бараб.) *тawыл* 'волна', як. *тыал* 'ветер', этимология и первоначальная форма которых не вполне ясны (см., в частности: Ахметьянов. ОЛМК, *5*). Они могут быть возведены к праформе **тагыл* с той же исходной основой **tay*. Последняя прослеживается и в камасинском *тагал-* 'дрожать' (в т.ч. от ярости) и шор. *тагыл* 'горячка, лихорадка' (РСл. III, *797, 799*); последнее вполне может быть поставлено в ряд приводимых выше слов с начальной формой **тагыл*.

Если исходить из приведенных данных, первоначальный облик тув. *даалык* с большой долей вероятности представляется как **тагалык* или *тагылык*, а структура — в виде **таг-а/ы-л-(ы)к*, где **таг-* — основа, по характеру подобная **та:п-* (*тап*)-; *-а-/-ы-* — глаголообразующий аф., *-л-* — аф. залоговой формы (медиопассива). Глаг. основа **тагал-(тагыл-)* могла иметь значение 'мчаться, скакать галопом'; *-(ы)к* — аф., образующий отглаг. имена. Структура *даалык* реконструируется предположительно, возможны и другие варианты.

Подражательная основа **тап*, **таг* могла иметь другие разновидности, в частности, с узким гласным типа **тык* или **тыг*, которые прослежены, напр., в тоф. *дыъhыра- ~ дыыра-* 'спешить, торопиться; двигаться быстро' (Рассадин. Словарь), *дыырак ~ тыырак* 'быстрый, скорый'. Формы *дыыра-* и *дыырак* В.И. Рассадин обоснованно сопоставляет, в частности, с кирг. *тыкыр-* 'быстрый, неотложный' (Рассадин. Фонетика, *179*), которое, в свою очередь, связано, по всей вероятности, с кирг. же *тык* 'резко, сразу, вдруг' (КРС, *790*). См. также **дыка**.

даалымба *уст.* 'далемба' (*хлопчатобумажная ткань*).

Ср. кирг. *далымбоо* (кит. редк.) 'далемба'. Как явствует из первой пометы, кирг. слово является прямым заимствованием из китайского. Тув. же *даалымба*, судя по форме, заимствована через монгол. языковое посредство: ср. п.-монг. *dalimba*, монг. *даалимба* 'далемба' (< кит. *da-lin-bu*) (EW, *131*).

В тув. говорах отмечен также вариант *таалыма* (*мб* > *мм* > *м*?)

даалыы см. **даалы**.

даамай 'медлительный, спокойный'.

По-видимому, монголизм, претерпевший в тув. языке определенное смысловое изменение. Ср. монгол. *дагāтаi/даамай* 'надежный, основательный; терпеливый, выносливый'.

даамал, даамыл *уст.* 'смотритель, надзиратель; надсмотрщик, охранник'; **бута даамылы** *уст. диал.* 'смотритель оросительной системы, староста' (ВТФ, *155*).

Монголизм. Ср. монгол. *dayamal/даамал* 'начальствующий, ответственное лицо, заведующий, смотритель', бур. *даамал* 'нарядчик, десятник; прораб'. В монгол. языках слово является родственным этимону слова **даалга** (см.), так как также производно от *dayа-/даа-* 'сносить, выдерживать; «брать» (о ноже и т.п.); брать на себя ответственность' (Владимирцов. Ср. грамматика, *208*).

даамчыра- 'недомогать, плохо себя чувствовать; впадать в апатию (о больном); впадать в забытье'.

По-видимому, монголизм, хотя и с несколько измененной семантикой. Ср. п.-монг. *dayamčira-*/монг. *даамжрах* 'прогрессировать (о болезни)', бур. *даамжарха* 'усиливаться, заходить далеко, прогрессировать (о болезни); углубляться, погружаться (в мысли)'. Заимствованиями из монгол. языков могут быть и некоторые производные имена от *даамчыра-*, в частности *даамчырал* 'недомогание, плохое самочувствие; апатия; забытье'. Лексических соответствий последнему в имеющихся источниках монгол. языков не найдено, хотя оно возможно. Не исключено, что *даамчырал* образовалось по образцу отглаг. монгол. имен на *-л* в самом тув. языке.

даамыл см. **даамал**.

даан- см. **дагдын-**.

даан 1. см. **даады**; **2.** *частица* 'же; -ка'.

Слово *даан* в качестве наречия, возможно, родственно с *даады* 'сплошь, целиком; все время, всегда' и т.п. (см. **даады**). Вместе с тем *даан* в указ. качестве, являясь, подобно *даады*, монголизмом, может иметь другой источник в монгол. языках: ср., в частности, монгол. *dangnan* 'сплошь, все время' (первоначально — форма слитного деепричастия от глаг. *dangna-/дагна-* 'исполнять бессменно, делать одно и то же' (< *dang/даң(г)*) (см. **даң II**). В тув. наречии *даан* — интервокальный комплекс *-пүп-* (*-ңн-*), вероятно, подвергся элизии с образованием *-аа-*. Ср. также монгол. усилит. частицу *даан* 'очень; чересчур, слишком'.

Тув. частица *даан* считается по своему первоначальному составу сложной, образованной слиянием двух частиц: *де* + *аан* (ИП, *433*) или *даа* + *аан* (Сат, Салзыңмаа, *244*); см. также **аан, даа, де**. Вероятны обе версии, тем более что частица *аан* участвует в образовании других сложных и составных частиц тув. и тоф. языков (ИП, *433*; Рассадин. Морфология, *271*; Сат, Салзыңмаа, *244*). В настоящее время сложно отдать предпочтение какой-либо одной версии происхождения *даан*.

В тув. языке данная частица варьирует по качеству начального согласного. Так, после конечного сонанта предшествующего знаменательного слова появляется вариант *наан* (*көр наан* вместо *көр даан*

'посмотри-ка'). В тодж. диалекте и некоторых других говорах *даан* превратилось по существу в аффикс, утратив долготу гласного и гармонируя с предшествующей глаг. основой по характеру как вокализма, так и консонантизма (Чадамба 1974, *96*) (результат сближения с аф. исходного падежа *-дан ~ -ден*?).

Таким образом, хотя в семантике наречия и частицы *даан* имеется общий компонент высокой степени качества (ослабленной у частицы), их происхождение, скорее всего, различно, а смысловая общность имеет вторичный характер.

даара- 'шить, зашивать'.

Н.Ф. Катанов фиксировал данный глагол в форме *тāра-* со значением 'зашивать, починять' (Опыт, *423*). Его соответствия отмечены в тоф. (*da:ra-* или *даара-* '(с)шить; чинить (одежду)'), а также в хак. языках (*тагыра-* 'зашивать, починять что-л.') (Рассадин. Фонетика, *170*). По мнению Н.Ф. Катанова, тув. глаг. основа < монгол. *tayari-* 'выкраивать (о лоскуте или заплате)', что вызывает сомнения по фонетическим и, отчасти, по семантическим основаниям. К подобному же объяснению склонялся и М. Рясянен, приводивший в своем словаре тув. слово (в «катановской» форме) и его соответствие в хак. языке, или, точнее, его кызыльскую диалектную форму *tayra-* 'штопать, чинить; зашивать (старое платье)' (по А. Йоки); ср. также хак. (саг.) *тагра-* 'починить, зашить (прореху)' (РСл. III, *800*).

М. Рясянен фактически объединил вышеуказ. слова с глаголом, имеющим значение 'стричь, постригать', и возводил к приводимому выше монгол. глаголу (EW, *454*), что нельзя считать правомерным. См. **таар(ы)-**.

Тув. *даара-* и его соответствия в тоф. и хак. языках, по всей вероятности, вообще не относятся к монголизмам. Более оправдано отнесение **tayra-* 'чинить, зашивать' к пратюрк. лексике (СИГТЯ Л, *727*)[1]. Происхождение *даара-*... может быть связано с общетюрк. глаг. основой *дак- ~ так-* (изредка встречается вариант *таг-*) 'прицеплять; привязывать, связывать; (при)соединять; продевать (нитку в иголку); пришивать (напр., пуговицу)' и т.п. (ЭСТЯ III, *129—130*). См. также **даа I, даг- II**.

Среди производных от данной основы — чаг. *така* 'петля; крючок, пряжка' и, по-видимому, *такар* 'большая игла' (РСл. III, *779—780*; см. также **дага**).

У указ. односложной основы встречаются двухсложные варианты типа каз., кирг. *така-* 'придвинуть вплотную; приставить', уйг. *така-* 'запереть ворота бревном; приставить, присоединить; за-

[1] Неубедительно, однако, восстановление у **tayra-* первым значения 'улучшать', что, по-видимому, связано с алтаистическим сближением указ. тюрк. глаг. основы с монгол. **tayа-ra-* 'подходить, быть впору' (Дыбо, *15*). Однако такое сближение выглядит искусственным.

крыть; привлечь к себе' (РСл. III, *780*), что может свидетельствовать о существовании ранее у глаг. *дак- ~ так- ~ таг-* именного коррелята. Так, в каз. *така-* вычленена основа ***так* 'близкое соприкосновение' (Кайдаров, *280*). См. также **дагы- II, дакпыш**.

Глаг. *даара-* и его соответствия, вероятно, произведены при помощи редк. аф. *-ра-*, образующего глаголы как от именных, так и от глаг. основ (СИГТЯ М, *433*; Кононов. ГЯТРП, *117—118*). Его первоначальная форма может быть представлена в виде *тагра-* (возможно, < **так-ра-* путем сонантизации *-к-*, где *таг* (или **таг-*) — именная или соответствующая ей глаг. основа, о которой говорилось выше (см. также **даг- II**).

Таким образом, предполагаемая исходная форма *даара-* фактически совпадает с хак. диал. *тагра-*, тогда как хак. форма *тагыра-*, очевидно, включает в свой состав узкий протетический гласный *-ы-*. Долгий гласный в тув. и тоф. *даара-* восходит к комплексу с интервокальным *-г-* того же типа, что имеется в хак. *тагыра-*.

даарта 'завтра(шний); в будущем'.

Ср. хак. (саг.) *тāрта* 'рано утром', *тāрта күн* 'завтрашний день'. Тув. *даарта* (как, очевидно, и саг. *тāрта*) истолковывается как результат сращения *даң эрте*, где *даң* — 'заря', а *эрте* — 'рано'. (См., в частности: Опыт, *22*; Чадамба 1974, *19*, а также **даң эрте**.) Словосочетания типа *даң эрте* (в т.ч. с морфологическим варьированием второго компонента или с обратным порядком расположения компонентов) отмечены в ряде тюрк. языков: ср. др.-уйг. *таң ärtä* 'рано утром' (РСл. III, *804*), тоф. *даң эьртэ* 'на рассвете, рано утром' (ТРС-РТС, *20*), тат. *иртә таңнан* 'чуть свет, очень рано', **ер-тан* (> тур. диал. *ertan*) 'рано; рассвет' (ЭСТЯ I, *305*).

Семантически эти словосочетания в разных языках либо тождественны, либо очень близки, поскольку обозначают раннее, утреннее время. А подобная семантика в тюрк. языках бывает тесно связана со значением 'завтра', служа основой для последнего (через промежуточное 'утро(м) следующего дня'?).

Подобная связь значений характерна, в частности, для общетюрк. *ерте* и *ертен* (ЭСТЯ I, *302, 305*). См. также **эрте, эртен**. Последнее из них в тув. означает не только 'утро(м)', но и, подобно *даарта*, — 'завтра'.

Сходное явление прослеживается и у слова *даң*, означающего не только 'заря', но и 'утро' (изредка — 'под утро'), а производные наречия от *даң ~ таң* в разных тюрк. языках, в т.ч. *таңла, таңда* и под., употребляются в значении 'завтра' (ЭСТЯ III, *144—145*).

Гласный первого слога в тув. *даарта* варьирует в произношении от чистого до назализованного долгого, где назализация является рефлексом *-ң* в *даң эрте*, как это наблюдается, к примеру, в тодж. *дā:рта*, а под влиянием регрессивной ассимиляции согласных в

диалекте тоджинцев (таежный говор) назализуется и начальный согласный, в результате чего возникает вариант *нā:рта* (Чадамба 1974, *19*).

даас- см. **дагдын-**.

дааш 'шум, звук, гул'; **дагжа-** 'шуметь; раздаваться (о шуме)'.

Ср. тоф. *дааш* 'звук; шум, крик', *дагжа-* 'звучать, раздаваться (о любом звуке)', башк. *тауыш* 'шум, звук', каз. *дауыс* 'голос, звук, тембр голоса'.

Очевидно, исходная форма для тув. и тоф. *дааш* — **дагыш*; она же идентична или близка к праформе данного слова. Интервокальный сонант *-г-* сохранился в глаг. основе *дагжа-*: **дагыш* + *-а-* > > **даг(ы)ша-* (с закономерным выпадением узкого гласного *-ы-*) > *дагжа-*.

В свою очередь **дагыш* связано своим происхождением со звукоподражанием **даг* (*таг*), от которого первоначально был, по-видимому, образован глаг. **дагы-* 'звучать, шуметь, производить шум', а от последнего при помощи известного форманта *-ш* — сущ. **дагыш*. От подобной же звукоподражательной основы и далее, возможно, от глаг. **дагы-* (~ **тагы-*) с помощью форманта *-р* произведено тел. *тагыр* 'побрякушка', а от последней — глаг. основа *тагра-* 'издавать звон' (РСл. III, *798*, *800*).

Ту же подражательную основу, но в двухсложной форме можно видеть и в каз. *даудыр-ла-* 'громко говорить, галдеть'. В тюрк. языках более широко, нежели **дагыш* и соответствия последнего, распространилось слово, одноструктурное с ним, но характеризуемое наличием интервокального *-в-* (реже *-б-*) типа др.-тюрк. *tavïš*, турк. *тавуш* 'голос, возглас', каз. диал. *дабыс* 'голос, шум' и под. Кроме того, отмечено наличие родственных с *tavïš* слов, в числе которых каз. *дабыр* 'гомон, голоса людей, шум и гам', где выделяется основа **дап-* — подражание разнообразным голосам и шумам (Кайдаров, *201*).

Тоф. *дааш* (*да:ш*) сопоставлялось в основном со словами, содержащими *-в-* (*тавуш* и др.) (Рассадин. Фонетика, *170*), что не вполне правомерно, ибо наличие тоф. *дагжа-* и его тув. соответствия однозначно указывает на *-г-*. Ср. в сходных условиях хак. *табыс* 'голос, звук' и *тапса-* 'издавать звук', чул.-тюрк. *та:быш* 'шум' и *тапша-* 'откликаться' (Бирюкович, *60*, *61*).

дааш-диңмит 'шум и гам'.

См. **дааш**, **диңмит**.

даван 'нога, конечность; лапа, лапка (в частности, птичья); ножка (напр., мебели)'.

У тув. *даван* имеются соответствия общетюрк. характера: *да:бан ~ та:бан*, *даван ~ табан* и т.п., у которых преобладают значения 'подошва ноги, ступня, стопа' (реже встречается 'пятка') и свя-

занные с ними переносные ('каблук; полоз' и др.). Семантика 'нога, лапа' и под. отмечены лишь в отдельных языках (ЭСТЯ III, *110—111*).

Представляют интерес значения качественного прил. 'плоский, ровный, гладкий' (у тур. *laban*) и соотносительная с ними семантика субстантива — 'плоское, гладкое место; ток' (РСл. III, *963—964*), кирг. *тапан* 'альчик, у которого сглажены две противоположные друг другу стороны', а также *таман ~ тапан* 'подошва (обуви, ноги); дно (реки, озера)'.

Исходная форма слова реконструируется в виде **ma:пан* (ЭСТЯ III, *111—112*; Дыбо, *346*; СИГТЯ Л, *89*), **ta:ban*, **da:pan* (Старостин, *18*).

Считается, что *да:бан...* — производное со значением 'орудие, средство', образованное при помощи аф. *-н* от глаг. **man(a)-*, о котором дают представление каз. *тапа-* 'топтать', тат. диал. *тапа-* 'топтать, мять' и другие данные, в т.ч. распространенный в ряде тюрк. языков глаг. *тапта-* 'топтать' (ЭСТЯ III, *111—112*; см. также **топта-**).

Данная этимология выглядит на первый взгляд довольно убедительно, но при дальнейшем рассмотрении вызывает сомнения в фонетическом плане. Так, налицо различие начальных согласных и последующих гласных анализируемого слова и его предполагаемой производящей глаг. основы на материале турк. языка: ср. *да:бан* 'подошва ноги' и *тапда- ~ тапта-* 'топтать, растаптывать' (ЭСТЯ III, *112*). При этом указ. различия никак не комментируются.

Выше была отмечена признаковая семантика 'плоский, ровный, гладкий'. С ней связаны значения типа 'низкий, низменный'. Ср. вышеприведенное кирг. *таман ~ тапан*, а также сиб.-тат. (бараб.) *табан* 'низкий; вниз к...', тур. *даман* 'подол, низ платья' (РСл. III, *1650*), а также як. *таман* 'жир у конного скота между ребрами и наружным мясом; жир на боках', а также 'начало, корень (radix), возникновение' (Пек. III, *2544—2545*).

Возможно, что *да:бан...* первоначально и обозначало подобные признаки, а затем это наименование было перенесено на различные объекты (носители признаков), в т.ч. на подошву ноги, ступню и т.п. В таком случае, *да:бан* и его соответствия гомогенны также с именами типа куманд. *тапак* 'шея' (низ, основание по отношению к голове?), каз. *тапал* 'низкий, приземистый; коротышка', кирг. диал. *тапаш* 'низкого роста, низенький'.

Из вышеприведенных образований вычленяема глаг. основа **man(a)- ~ *там(а)-*, которая, скорее всего, омонимична с вышеприводимой основой, реконструированной для *да:бан* Э.В. Севортяном.

В свою очередь *ман(а)-...* в нашем случае может быть производной от именной или образной основы *ман ~ там* (с долготой или без нее), о которой можно судить по як. *маппай-* (< **ман-пай-*?) 'быть

чрезмерно коротким и широким (о фигуре)' (Харитонов, *298*), *таппагар* 'широкозадый', *таппардаа-* 'двигаться (о человеке, низеньком, на коротких ногах, имеющим широкий зад)' и под. (Пек. III, *2560*) и, возможно, по с.-югур. *тап* 'равнина у небольшой горы; дол, удобный для пастбища; пологий скат горы'. Интересен также як. образный глаг. *тамай-* 'высоко закидывать ноги при ходьбе, ступая на носок' (Харитонов, *18*).

Исходя из приведенных данных, значение глаг. основы *тап(а)-* ~ **там(а)-*, производящей для *да:бан* и др., может быть представлено как 'быть плоским, широким (об объектах, расположенных внизу); двигаться (о подобных объектах)'.

Можно полагать, что от той же основы при помощи аф. *-ч* (*-ш...*) образовано сущ. *табыч* ~ *тавач* ~ *табыш...* характерное для ряда тюрк. языков и диалектов Южной Сибири и означающее 'ступня, подошва', а также 'лапа; перепонка на ногах плавающих птиц; ладонь, горсть' (ср.: ЭСТЯ III, *112*; Дыбо, *205*). Здесь исходным, определенно, является значение 'подошва ноги', на основе которого образовалось 'лапа животного', а затем возникли значения, связанные с кистью руки (Дыбо, *213*). В тув. *даван* также имел место подобный смысловой переход (ср. **таванҷай**). См. также **даван-даяк**.

В пользу предлагаемой нами этимологической версии говорят и соображения, приводимые в словаре В.И. Абаева, где рассматривается этимология осет. *тæрæн* 'плоский, уплощенный; приземистый низкий; низина, плоскость'. Последнее сопоставляется с тюрк. *taban*, *tapan* 'плоское, гладкое, поемное место'; 'подошва' и под. Данная параллель интерпретируется как созвучные слова близкого значения в различных, не связанных родством языках, что, в свою очередь, указывает на звуковую символику. По Абаеву, идеофоны типа *tpl*, *tpn* и т.п. означают обычно 'круглый, выпуклый', но они же по семантической поляризации получают значение 'плоский' и т.п. (Абаев III, *353—354*).

даван-даяк 'ноги и руки, конечности; козлы (для пилки дров); ходули'; *уст.* 'деревянные стойки, служащие опорой для бревенчатого желоба, по которому текла вода для орошения полей'.

Этимологию слова, связанного с первым компонентом (**даван-**), см. в статье **даван**. Второй компонент (**-даяк**) связан с *даяк* 'нога' (см. **даяк 1**). Возможно, *даяк* имело значение 'передняя нога (конечность)' → 'рука'? (Ср. такое значение *даван-даяк*, как 'ноги и руки'). Появление семантики 'козлы' вполне объяснимо.

Менее ясно происхождение значения 'ходули', которое логически не выводится из 'ног и рук' ('четырех конечностей'). Можно полагать, что в этом случае *-даяк* имело другое значение, а также и происхождение: вероятно, восходило к слову *дайак* ~ *тайак*, имеющему общетюрк. распространение и такие значения, как 'палка, посох, дубинка, опора, основа' (см.: ЭСТЯ III, *126*).

Соответствия этого слова употребляются в качестве компонента названий ходулей в других тюрк. языках, однако в подобных названиях *тайак*... выступает как начальный компонент, ср., напр.: кирг. *таяк бут*, хак. *таях азах* (где *бут* и *азах* означают 'нога'), что может быть истолковано как '(изготовленная) из палки, «палочная» нога'. См. также обозначения ходулей вроде кбалк., турк. *агач аяк*, ккалп. *агаш аяк*, уйг. *ягач аяк* (букв. 'деревянная нога').

Возможно, первоначально тув. обозначение ходулей имело обратный порядок расположения компонентов (*даяк-даван*) слóва *даван-даяк* 'конечности', что, в свою очередь, связано с уходом из активного употребления в тув. языке слова *даяк* или *таяк* 'палка' и под. (см. **даяк II**).

В данном языке существует и другое, более распространенное название ходулей со вторым компонентом *даяк*, которое также представляет интерес в этимологическом аспекте: см. **шывар-даяк**.

давы- 'лежа на спине, дрыгать ногами и размахивать руками или подпрыгивать, когда поддерживает взрослый (о ребенке); подпрыгивать от радости (о маленьком ребенке)'; *редк.* 'убегать, скрываться' (см., напр., БА, *10*).

В тюрк. языках непосредственные соответствия глаг. основы *давы-* не обнаружены, она представлена в связанном виде. Так, в одном из тюрк. названий зайца (др.-тюрк. *tabïšγan* < **tabï-š-γan* и его соответствий) выделяется основа **tabï-*, состоящая из корня **tapï-* и непродуктивного аф. *-š-* с учащательным или интенсифицирующим значением. Кроме того, *tabïš-* сопоставляется со ст.-узб. *тавыш-* 'бежать; прыгать' (ОСЛАЯ, *123—124*, сноска *133*). В свою очередь, корень **tapï-* сопоставим с тув. *давы-*.

Вероятно также, что с этим глаг. родственна и тюрк. глаг. основа *да:быра- ~ дабра-*... 'скакать, мчаться (на лошадях)' с широко представленными залоговыми формами, которую Э.В. Севортян связывал со звукоподражанием **ma:n ~ man* (ЭСТЯ III, *112—113*; см. также **даалык**); ср. уйг. (лоб.) *ман* 'шаг верблюда'.

Сюда же могут быть отнесены тур. *тапырда-* 'прыгать, топать ногами' (РСл. III, *950*) и, вероятно, ряд глаг. основ типа каз. *тапа-* 'топтать' (ЭСТЯ III, *111—112*), як. *табый-* 'бить передними копытами (о лошади)' и *тыбый-* 'ударять ногами в бока лошади, быка, погоняя их' и под.

Тув. *давы-* — вероятно, < **тапы-* < **ман-ы-*, где **ман* — подражательная или соотносительная с ней именная основа, а *-ы-* — аф. глаголообразования. Ср. **деви-**.

даг- I 'предполагать; говорить наугад'.

Прямых соответствий в тюрк. языках не обнаружено. Однако в монгол. языках отмечены слова типа *таγа-/таа-* 'соображать, предполагать; сомневаться, не быть уверенным; догадываться, отгадывать',

бур. *таа-* 'гадать, догадаться, разгадать, угадать'. Ср. также як. *таай-* 'догадываться, предчувствовать, предполагать; отгадывать, угадывать', которое обоснованно относится к числу монголизмов (Рассадин. МБЗ, *73*).

Едва ли подлежит сомнению и наличие связи тув. *даг-* и вышеприведенной монгол. глаг. основы, но в данном случае интерпретация формы *даг-* как монголизма неприемлема, в частности, по фонетическим основаниям. В более древней монгол. форме, п.-монг. *дагa-* имеется конечный гласный *-а*, отсутствующий в тув. *даг-*, и, таким образом, в первом случае глаг. основа является двухсложной, а во втором — односложной.

Однако для реальных монгол. заимствований тув. языка подобное сокращение длительности слов нехарактерно. В данном случае звуковой облик рассматриваемого слова, если бы оно действительно являлось заимствованным, должен был бы выглядеть как **даа-* или, что менее вероятно, как **дага-*.

Казалось бы, случай с тув. *даг-* воспроизводит достаточно характерную для тюрко-монгол. лексических соответствий ситуацию, когда тюрк. слова, в частности глаг. основы, являются более краткими, нежели их монг. соответствия, ср., напр.: др.-тюрк. *boγ-* — п.-монг. *boγu-* 'связывать, завязывать', др.-тюрк. *saγ-* — п.-монг. *saγa-* 'доить', др.-тюрк. *saγ-* — п.-монг. *saγi-* 'охранять, стеречь', др.-тюрк. *uq-* — п.-монг. *ухā-* 'понимать' и под. (ср., в частности, Щербак 1970, *132*).

В тув. языке соответствия подобных основ в одних случаях (*бог-*, *саг-*) односложны, а в других (*сагы-*, *угаа-*) — двухсложны. Очевидно, что в ситуации с *бог-...* мы имеем дело с исконно тюрк. словами (на это указывает еще и конечный сонант *-г-*, не характерный для монгол. языков), а в ситуации с *сагы-* — с монгол. заимствованиями вторичного характера.

Следует отметить, что трактовка исследователями тюрк.-монгол. соответствий, подобных вышеприведенным, разноречива. Одни ученые, в частности алтаисты, считают, что именно монгол. языки сохраняют наиболее древнюю форму глаголов, другие придерживаются противоположного мнения. Последние (в т.ч. А.М. Щербак) полагают также, что монгол. соответствия являются результатом заимствования тюрк. слов и их фонетического освоения монгол. языками.

Последняя точка зрения представляется нам наиболее обоснованной и могла бы быть применена к рассматриваемому случаю. Однако здесь возникает проблема реальности самой основы в форме *даг-*: она самостоятельно практически не употребляется, от нее не образуется залоговых и временных форм (типа **дагды*, **дагган*) и подтвердить ее бытование в виде *даг-* не представляется возмож-

ным, хотя оно полностью не исключается. Но допустимо, что первоначальной формой рассматриваемой основы была не **даг-*, а *даа-* (< **дага-*).

В случае, если все-таки имела место основа **даг-*, мы сталкиваемся с сохранением более древнего, нежели в монг. языках, облика слова, которое оказалось слабо и неполно представлено в тюрк. языках. Возможно, с той же глаг. основой, что и тув. *даг-*, связано с.-югур. *тагак* 'загадка' (Малов. ЯЖУ, *109*) (? < **таг-(а)к*, где **таг-* может соответствовать тув. *даг-*).

Если исходной формой анализируемой основы была **даа-*, то ее логично интерпретировать как монгол. заимствование, подобно тому, как это имело место в отношении к як. *таай-*.

Б.Я. Владимирцов (Ср. грамматика, *208*) сопоставлял монгол. *таγа-/таа-* в значении 'отгадывать' с тюрк. глаг. основой *тар-* 'найти' (ср. тув. *тып-* то же), восстанавливая первоначальный облик монгол. основы в виде **tawa-* и относя данный случай к проявлению звукового перехода **awa* > *аγа* > *ā* (ср. также: Дыбо, *14*, *45*).

Однако, возможно, что здесь, как и в некоторых других подобных случаях, допустимо иное истолкование соответствующего звукоизменения, в частности **awa* > *аγа* > *ā* (ср., напр., **дагдын-**, **хаг-**).

даг- II 'скреплять (напр., плот)'.

В данном случае можно предполагать существование фонетического или морфолого-фонетического варианта общетюрк. глаг. основы *дак- ~ так-* 'прицеплять, привязывать, присоединять, прикреплять' и т.д. Вариант с конечным *-г* встречается довольно редко: он отмечен в диалектах алт. языка, в шор. и чаг. (см.: ЭСТЯ III, *129–130*, где отсутствует тув. *даг-*). См. **дагым**. Ср. также **даг- III**.

даг- III 'засучивать, закатывать (напр., брюки, рукава); закручивать, подвертывать (косу, волосы)'.

В.Г. Егоровым оно приведено (ЭСЧЯ, *227*) в форме причастия на *-ар* (*даар*) как соответствие к чув. *тавăр-* 'выворачивать (шубу); переворачивать; засучивать рукава' и т.п.; в той же статье даются формы типа *тегру-*, *девир-* 'перевертывать, поворачивать'. В целом эти сближения чув. глагола с переднерядными основами, вероятно, оправданы (см. также: ЭСТЯ III, *179*), но вовлечение в этот круг сопоставлений тув. *даг-* (*даар*) выглядит небесспорным, нуждаясь в дополнительном обосновании.

Говоря о глаг. типа *девир-*, Э.В. Севортян считал старейшей их семантикой 'вращать, крутить; поворачивать', а более древней формой — др.-уйг. *тăgir-* 'кружить, вращать'. Последняя считается производной от именной (**тег*) или глаг. (**тег-*) основы (ЭСТЯ III, *172*).

Можно предположить, что тув. *даг-* является заднерядным вариантом *тег-* ('крутить(ся)'?), который известен и в виде **тек-*, если

судить по турк. *тек-ер* 'колесо', тур. диал. *tek-er* 'катушка' (там же). С.Н. Муратов на основании других данных реконструировал наряду с переднерядным заднерядный вариант подобного названия **такар* 'колесо', интерпретируемый как «общеалтайская основа» (*ОСЛАЯ, 350*).

Реально на тюрк. материале Муратов почти не отмечал соответствий данной основы с заднерядным вокализмом, за исключением *тагарла-* 'катиться (о колесе, шаре и т.п.)' в языке урумов Украины (ОСЛАЯ, *347*).

Тув. *даг-* представляет собой, таким образом, редк. для тюрк. языков (и, по-видимому, арх.) вариант глаг. основы *тег-*. Интересно, что у *даг-* (< *таг-?*) можно проследить, как и у *тег-*, наличие именного соответствия, о котором можно судить по каз. *тау* (< **таг*) в составе диал. выражения *тау бер-* 'крутить, скручивать (веревку)' (Кайдаров, *283*).

Д.А. Монгуш обратил наше внимание на определенную семантическую общность между рассматриваемой глаг. основой и глаг. *даг-* 'скреплять (плот)' (см. **даг- II**), формулируемую как 'делать что-л. более плотным, коротким; уплотнять, укорачивать (чтобы, в частности, избежать соприкосновения с водой, намокания)'. Наличие подобной общности, возможно, ориентирует на иное этимологическое решение в случае **даг- II** или **даг- III** (или в обоих случаях).

даг 'гора'.

Общетюркское; варианты — *да:г, даг, таг* и др.; основное значение — 'гора, горы', довольно частотна семантика типа 'лес' и под. Удовлетворительной этимологии слово не имеет. См.: *ЭСТЯ III, 117—119*; АЭ, *155—156*; СИГТЯЛ, *94*, где дается в основном реестр форм и значений, а также архетип слова, который реконструируется с «первичной» долготой (**тāг*).

По всей вероятности, *даг...* — членимая основа, представляющая собой производные с аф. *-г* от глаг. основы **да- ~ та-* 'возвышаться; выделяться (в частности, своими размерами, высотой)', вычленяемой и в ряде других тюрк. именных основ, также не имеющих удовлетворительной этимологии; в их числе — *да-м ~ та-м* 'стена, крыша' (при архетипе **тāм*). См. также **даай, дай, даш I**.

Есть основания полагать, что первоначально *даг...* имело адъективную семантику типа 'большой, крупный, огромный' и под., которая отмечалась в тоф. *даγ* (*даг*), рассматриваемом как омоним к *даγ* (*даг*) 'гора' (Рассадин. Фонетика, *168*; Рассадин. Словарь). В таком случае *даг* 'гора' и проч. может быть истолковано как результат субстантивации.

В тув. языке адъективная семантика *даг* прослеживается только в составе отдельных устойчивых определительных сочетаний (аналитических наименований), каковы, напр., *даг диш* 'коренной (т.е. круп-

ный) зуб' (*диш* 'зуб'), *даг-иргек* 'самый большой медведь-самец' (*иргек* 'медведь-самец'). Соответствие первому из них (*даг діш* 'коренной зуб') отмечено в тоф. языке (Рассадин. Словарь).

В.И. Рассадин интерпретирует наименование *даг-иргек* фактически как случай, где определение выражено существительным, т.е. является приложением, поскольку буквально переводит это наименование как 'гора-самец' (см. сб.: Диалектная лексика тюркских языков Сибири. — Новосибирск, 1987. — С. 68). Такая трактовка не исключена, хотя она в то же время может представлять собой результат современного осмысления структуры названия *даг-иргек*. См. также **тайга, танды**.

дага [аъ] 'подкова; кошки' (*приспособление для горной обуви*).

Ср. тоф. *таъһа* 'подкова'. Соответствия *дага...* широко распространены в тюрк. языках в вариантах *така ~ такка ~ тага ~ дага* (тат.)... со значениями 'подкова; каблук' и некот. др. Ср. хак. *таха* 'каблук; деревянная колодка, надеваемая на правую ногу жеребца (чтобы он не убегал); деревянные шлепанцы, надеваемые чабанами на обувь' (ХРИЭС, *139*), як. диал. *тага* 'ножка у (глиняного) горшка', сопоставляемое, в частности, Э.К. Пекарским с тюрк. названием подковы (Пек. III, *2517*; ДСЯЯ, *233*).

Слово имеет также морфологические варианты: чаг. *такау* 'подкова' (РСл. III, *780*), кбалк. *тагай* 'шипы, подковы с двумя зубцами (используются для охоты в горах; привязываются к обуви)'; чаг. *такан* 'подкова' (EW, *456*).

Этимологические словари содержат в основном только сопоставительный материал и не дают этимологии *дага...* Повсеместно приводятся монгол. соответствия слова, в т.ч. п.-монг. *taka* 'подкова; железная подбивка под сапогами для ходьбы по горам и по льду' и его современные соответствия.

Последние использованы Б.А. Серебренниковым в приводимых им монгол.-тюрк. лексических параллелях как один из примеров «удивительной сохранности внешней формы» (и, добавим, значения) подобных слов. Эта особенность считается аргументом в пользу заимствования (Проблемы монгольского языкознания. — Новосибирск, 1988. — С. 35—36), причем в данном и в большинстве под. случаев — заимствования из тюрк. языков в монгольские.

Соответствия тув. *дага*, очевидно, имеют тюрк. происхождение и являются производными от общетюрк. глаг. основы *дак- ~ так-* 'присоединять; прицеплять, привязывать', а также 'надевать (напр., коньки на ноги)' и под. (см., в частности, АИ, *265*).

Е.З. Кажибеков, основываясь на материале словаря Л. Будагова, реконструирует глагольно-именное соответствие *taq-* 'прицеплять; прибивать' → *taq* 'подвеска; подкова' (Кажибеков, *190, 254*).

Следует заметить, что для глаг. основы *дак- ~ так-* не характерно значение 'прибивать' и, возможно, первоначально реалия, име-

нуемая *така* или подобным же образом, присоединялась к ноге каким-то иным образом (напр., привязывалась; ср. вышеприведенное кбалк. *тагай*).

Наименования подковы и других реалий образованы от *так-* в основном при помощи словообразовательного аф. *-а*; вариант *так-ка*, вероятно, < *так-ка*, где использован формант *-ка*. Применялись также другие аф.: *-(а)й*, ~ *(а)н*.

По-видимому, производным на *-(а)н* является и слово *таxан*, отмеченное С.И. Вайнштейном в тоф. языке и тодж. диалекте тув. языка, обозначает деревянный «башмак», приспособление в виде плашки с раздвижным концом, скреплявшимся веревкой или кожаным ремешком. «Башмак» надевался на ноги домашним оленям, чтобы они не могли далеко уйти от стойбища. Ср. тоф. *таъһан* 'оленьи путы' (ТРС-РТС, *230*). *Таxан* сближается С.И. Вайнштейном с названиями оленьего «башмака» у самодийцев, в языках которых отмечены слова *бахан и бакан* (Вайнштейн, *94, 95*). Однако характер отношений между указ. тюрк. и самодийск. словами недостаточно ясен. Скорее всего, здесь налицо чисто внешнее сходство соответствующих названий.

В случае с тув. *дага* и тоф. *таъһа* не исключена возможность вторичного заимствования из монгол. языков.

дагаа [аъ] 'курица'.

В тюрк. языках широко распространенные соответствия тув. *дагаа* отмечены в двух основных разновидностях: 1) двухсложной и восходящей к ней односложной типа *макук ~ тагук ~ тавык ~ таак ~ тоок*; 2) трехсложной, представленной в основном в др.-тюрк. памятниках, где отмечены варианты *taqaγu ~ taqïγu* (ДТС, *536*).

К трехсложным вариантам восходят, по-видимому, и некоторые современные двухсложные формы с конечным широким долгим гласным *а*, к которым принадлежат, например, алт. *такаа*, тув. *дагаа*. Однако их связь непосредственно с др.-тюрк. формами типа *taqaγu* (по МК) не может считаться установленной, а результат изменений формы *taqïγu* должен был для тув. выглядеть как **дагыы*, а не *дагаа*. Вероятнее всего, последний есть результат заимствования слова из монгол. языков, что предполагал уже Н.Ф. Катанов. Вопрос заключается только в том, из какого языка-источника оно было заимствовано. Катанов связывал тув. слово (в варианте *тагā*) с п.-монг. *takij-a*, истолковывая его как пример перехода монгол. *ija* > *ā*(*аа*) (Опыт, *132*). Подобным же образом трактуется происхождение алт. *такаа* (Рассадин. МБЗ, *30*).

Б.Я. Владимирцов интерпретировал *takija* как новописьменную форму, развившуюся из старописьменной *taqïγa*, и сравнивал с др.-уйг. *taqïγu* (Владимирцов. Ср. грамматика, *206*).

Едва ли название подобной бытовой реалии проникло в тув. и алт. языки из письменного источника или через него; кроме того, для

тув. маловероятно подобное звуковое преобразование. Скорее всего то, что его источником были современные монгол. языки типа ойратских или халха-монгольского, где на месте комплексов *-ij-a-* или *-īγa-* (? *-iγa-*) развился долгий гласный *a*; ср., напр., калм. *така* [такаа], баитск. *такā*, монг. *тахиа* [*тах'аа*] 'курица'.

Монгол. название курицы — очевидно, тюркизм. Можно предположить, что в алт. и тув. языках ее более раннее тюрк. обозначение было сравнительно недавно вытеснено вторичным монгол. заимствованием. Ср., напр., тоф. *таккыняк*, которое, возможно, представляет один из исконно тюрк. вариантов слова, хотя и очень редкий (см.: ТРС-РТС, *68*).

Название курицы в тюрк. языках неоднократно привлекало внимание исследователей: см., в частности, статью Л.П. Петрова (Этимологические исследования по чувашскому языку. — Чебоксары, 1984. — С. 73—77), где содержится большой языковой материал и приводятся имеющиеся точки зрения на происхождение слова, которое связывается со звукоподражанием.

дагавыр 'сопроводительный (о письме)'.

Один из поздних монголизмов; связанный, скорее всего, с монг. *дагавар* 'следующий за кем-чем-л.' < *дага-* 'следовать за кем-чем-л., сопутствовать'. Ср. с тув. *дагавыр* < п.-монг. формы *daγaburi* 'должность, служба; поручительство' (EW, *130*), что следует считать неточностью.

дагдын-, даан- 'обязываться, брать на себя обязательство (делать что-л.)'; **даас-** 'обязывать кого-л.; возлагать на кого-л.'.

Дагдын- и *даан-* (< **дагын-*) — формы возвратного залога от несохранившейся глаг. основы *даг-*, образовавшиеся соответственно с помощью аф. *-дын-* и *-(ы)н-*. В тув. языке от указ. основы образована также форма каузатива *даас-* (< **даг-ыс-*).

Несохранившаяся глаг. основа **даг-*, очевидно, не связана с тремя рассмотренными выше омонимичными по отношению друг к другу основами (см. **даг- I—III**) ни семантически, ни этимологически.

Вместе с тем **даг-* обнаруживает смысловую общность с *даалга* 'поручение; наказ; задание', которое относится к числу монголизмов в тув. лексике (см. **даалга**, а также **даамал, даамыл**). В свою очередь, монгол. слово, являющееся исходным для *даалга*, оказывается производным от монгол. *daγa-/даа-* 'сносить, выдержать, поднять; брать (о ноже и т.п.); брать на себя ответственность; исполнять обязанности', т.е. проявлять состоятельность, силу, надежность, способность быть использованным в определенной функции и т.п.

Вполне вероятно, что подобную же семантику имел и глаг. **даг-*, который к тому же, судя по его внешнему облику, связан с указ. монгол. глаг. основой и этимологически. Однако реконструирован-

ное тув. **даг-* (в отличие от *даалга и даамал*), едва ли может быть отнесено к монголизмам, так как фонетически односложная основа **даг-* не может быть возведена ни к более древней двухсложной монгол. форме *дαγа-*, ни тем более к ее совр. варианту с долготой гласного (*даа-*).

Формальное соотношение тув. и монгол. форм в данном случае аналогично тому, которое детально рассматривалось нами на примере глаг. основы *даг-* 'предполагать' (см. **даг- I**). Как и в том случае, следует констатировать, что в формальном отношении тув. глаг. основа оказывается более древней, нежели монгол., однако в тюрк. языках соответствия **даг-* (явно архаичной основы) представлены слабо. Б.Я. Владимирцов, как и в случае с монгол. *таγа-/таа-* (соответствующим, согласно нашей точке зрения, тув. *даг-* 'предполагать'), связывает *даγ-/даа-* с односложной тюрк. основой на конечный *-п(р)* — *јар-* 'делать, сделать, исполнить, кончить работу' (с которой к тому же без достаточных оснований связывается др.-тюрк. *јабγu* 'правитель; название высокого чина'[1]) (Владимирцов. Ср. грамматика, *208*). Однако и в этом случае связь с тюрк. основой на конечный *-г-* также выглядит достаточно вероятной.

В др.-уйг. буддийском памятнике отмечено слово *таγунčї* 'доверенное лицо правителя' (ДТС, *527*) или, по Дж. Клосону, просто 'доверенное лицо' (ED, *471*), т.е. речь идет о надежном, проверенном, достойном доверия человеке, на которого можно положиться при выполнении им ответственных дел и поручений. Таким образом, здесь налицо смысловая (и формальная) связь с монгол. *дαγа-/даа-* и с *тув. *даг-*.

Структурно *таγунčї* представляет собой название лица, образованное при помощи аф. *-čї* от имени *таγун* с предположительной семантикой 'исполнительность' и под. Слово *таγун* встречается в др.-уйг. памятнике также буддийского содержания, но его значение истолковывается иначе. Согласно «Древнетюркскому словарю», оно реализуется только в определительном словосочетании *таγун saw*, переведенном как 'льстивые речи' (ДТС, *527*), а в труде Клосона дается в значении 'лесть', но соответствующий перевод сопровождается знаком вопроса как не вполне достоверный (ED, *470*).

Наконец, в др.-уйг. буддийском тексте зафиксирована производная от *таγун* глаг. основа *таγунla-*, которая, согласно первому из указ. словарей, употребляется только с другой основой — *аsγанčula-* 'льстить', и этот парный глаг. имеет то же значение (ДТС, *60*). Дж. Клосон с сомнением представляет основу *таγунla-* с семантикой 'вводить в заблуждение при помощи лести' (ED, *471*).

[1] Др.-тюрк. титул *јабγu*, очевидно, не связан с тюрк. *јар-* 'делать'... и, вероятно, не принадлежит к исконно тюрк. лексике. См., напр., Кононов. ГЯТРП, *104*.

Думается, что имя *таγын* было многозначным и использовалось как в тех значениях, наличие которых мы у него предположили ('исполнительность'/'исполнительный', 'услужливость'/'услужливый' и под.), так и в значениях типа 'лесть'/'льстивый' или 'угодничество'/'угодливый' (т.е. 'чрезмерно услужливый'), 'подобострастие'/'подобострастный' ('раболепный, угодливо-покорный'). Соответственно предлагаемая поправка может быть распространена и на слова, производные от *таγын*, в т.ч. на *таγынčï*, которое, согласно ДТС, означало не только 'доверенное лицо правителя', но и 'льстец', причем последнее значение приводится первым (ДТС, *527*), что едва ли оправдано. Во всяком случае, вместо 'льстец' напрашивалось бы нечто вроде 'угодник, прислужник, приспешник', что более согласуется с семантикой 'доверенное лицо'.

Слово *таγын*, по всей вероятности, морфологически членимо и может быть представлено в виде **таγ-(ы)н* как производное с аф. *-(ы)н* от глаг. основы **таγ-*, о существовании которой можно судить, в частности, исходя из тув. **даг-* и монгол. соответствий этого глаг., упоминавшихся выше.

В данном случае следует допустить общий язык-источник для тув. и монгол. глаголов — древнеуйгурский. Это подтверждается некоторыми языковыми фактами, хотя, как мы видели, эти данные др.-уйг. памятников фрагментарны и их семантическая интерпретация встречает затруднения.

Но тув. языковой материал и данные монгол. языков позволяют составить более ясное представление о первоначальной семантике *таг- > даг-*.

В них п.-монг. *дαγа-* и его совр. соответствия (монг., бур., калм.) характеризуются достаточно развитой многозначностью, причем исходной есть основания считать семантику более конкретную: типа 'быть в состоянии поднять тяжесть', т.е. обладать необходимой для этого силой.

Можно сделать вывод, согласно которому **таг-* ранее означало 'проявлять силу (физическую или духовную)' или имело примерно то же значение, которое отмечается в монгол. соответствиях данной глаг. основы.

дагжа- см. **дааш**.

дагы- I [аъ] 'освящать; совершать религиозный обряд'; *перен.* 'баловать кого-л.; «молиться» на кого-л.'.

Н.Ф. Катанов приводил тув. слово в варианте *тагы-* со значением 'жертвовать богу; молиться' и возводил его к п.-монг *taqi-* (Опыт, *429*); практически та же трактовка дается В.В. Радловым алт. диал. туба *такы-* 'принести жертву' (РСл. III, *783*; см. также: EW, *130*). Предложенная этимология вполне обоснована. Ср. монг. *taqi-/таχих* 'почитать, поклоняться; совершать жертвоприношение, приносить в жертву'. См. также **дагыл, дагылга(н)**.

дагы- II [аъ] *уст.* 'согревать или остужать, прижимая к чему-л.; делать компресс'.

С *дагы-* в указ. значениях связано, по-видимому, и встречающееся в эпосе парное слово *өге- дагы-* 'натирать, намазывать (о лекарстве)' (ТТ 1951, *137*; см. также **өге-**).

В ТРС 1968 (с. 142) *дагы-* 'делать компресс' дается как одно из значений глаг. основы *дагы-* 'освящать' (см. **дагы- I**), что, очевидно, не имеет под собой достаточных оснований. *Дагы-* II в отличие от *дагы-* I явно связывается с общетюрк. глаг. основой *дак- ~ так-* 'прицеплять, привязывать' и т.п. (ЭСТЯ III, *129—130*; см. также **даг- II, дагым**). У данной основы прослеживается также именное соответствие (Кажибеков, *190, 254*; см. **дага**). Производными от подобного имени можно считать встречающиеся двухсложные варианты указ. основы типа башк. диал. *така-* 'присоединить' (Bhh III, *165*), каз. *така-* 'придвинуть вплотную; приставить'. Ср. также кирг. *такы-* 'надоедать, приставать; повторять одно и тоже', значение которого логично истолковать как перен. по отношению к '(при)цеплять, привязывать'. Не случайно то, что значение 'сделать несколько раз, повторять' отмечено и у глаг. *так-* (РСл. III, *778—779*).

Тув. *дагы-*, вероятно, имеет ту же природу и структуру, что и *така-* и *таkы-*. Его семантика характеризуется определенной специализацией. Ср. также **дакпыш**.

дагыл [аъ] *рел.* 'жертвенная чашечка'; 'чашечка сепаратора'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *taqil* 'жертва, жертвоприношение; принадлежности ламаистского жертвенника (их восемь, и в это число входят жертвенные чашечки)', монг. *тахил* 'жертвоприношение', калм. *тәкл* то же, бур. *тахил* то же + 'божки, расставленные в божницы'. Эти имена являются производными от глаг. основы типа *taqi-* 'приносить жертву' (см. **дагы- II**). Ср. также (EW, *130*) тув. *дагыл* 'подсвечник' (по ТРС 1955).

В тув. *дагыл* отмечена определенная специализация, а в дальнейшем — развитие значения слова.

дагылга(н) [аъ] 'религиозный праздник жертвоприношения духам-хозяевам земли, воды, огня и др'.

Как и предыдущие слова (см. **дагы- I**), *дагылга* относится к монгол. заимствованиям. Ср. монгол. *taqilγa/тахилга*, бур. диал. *тахилга(н)* 'жертва, жертвоприношение', а также алт. монголизм *такылга* 'жертва' (ГАЯ, *259*). Монгол. слова — производные от глаг. основы типа п.-монг. *taqi-* 'приносить жертву'.

дагым [аъ] *уст.* 'деревянная поперечина, к середине которой привязывалась соха (*андазын*), а к краям — аркан, охватывающий седло запряженных вола или лошади' (см.: Вайнштейн, *168*).

По всей вероятности, тув. *дагым* гомогенно с *такым*, отмеченным в таких тюрк. языках, как тур., гаг., чаг. со значениями 'комплект, набор; сбруя, дорожные вещи' и под., истолковывающиеся как про-

изводные от глаг. основы *так-* 'прицеплять, привязывать' (РСл. III, *787*; ЭСТЯ III, *130*).

В тув. языке ей соответствует основа с конечным *-г-* (см. **даг- II**), но в производных от нее формах он в интервокальном положении не сохраняется, и соответствующий звуковой комплекс превращается в долгий *а*: **даг-ыр > даар* 'скреплять'.

Следует полагать, что исконный *-г-* не сохранился бы и в случае с *дагым*, где при наличии этого согласного следовало ожидать, скорее, **даам*. Однако *-г-*, возникший в результате озвончения *-к-* в основах слов, как правило, не подвергается элизии. Поэтому можно полагать: тув. *дагым* < **такым* (ср. также **дага**). Его источником, возможно, явился какой-то тюрк. язык огузского типа.

дагын [аъ] 'снова, опять, вновь, еще раз'.

В части совр. тюрк. языков и их диалектов, а также в некоторых средневековых письменных памятниках отмечается слово *дагын ~ тагын*, выполняющее функцию нар. и означающее 'еще раз, опять, снова', а также выступающее в качестве соединительного союза ('и, также') (см.: ЭСТЯ III, *122—123*, где, однако, отсутствует тув. *дагын*).

Э.В. Севортян считал, что *дагын ~ тагын* гомогенно с общетюрк. *дагы ~ тагы*, выступающим в сходных функциях и возводимым к глаг. основе *так-* 'присоединять' (см. также **даа I**). При этом ученый признавал, что форма *дагын* впервые отмечена довольно поздно — в половецком «Кодексе». Э.В. Севортян обращал также внимание на то, что в монгол. языках отмечена форма типа п.-монг. *daqin* 'снова, еще' и т.п., являющаяся бесспорным производным от *daqi-* 'повторять' (ЭСТЯ III, *123—124*). Тем не менее в указ. работе не признается возможность в данном случае монгол. заимствования в тюрк. языках, хотя она вполне реальна, во всяком случае для тув. языка.

дагыр [аъ] 'скрюченный, кривой'.

Ср. як. *такыр* 'кривой, изогнутый' (Пек. III, *2531*), хак. *тахыр мойынныг* '(человек) с ограниченными движениями шеи (с парализованным шейным нервом)'.

Как тув. *дагыр*, так и его соответствия относятся к числу монголизмов. (См., в частности: EW, *457*; Рассадин. МБЗ, *60, 64, 71.*) Ср. монгол. *taqir/тахир* 'кривой изогнутый; увечный, калека'.

дадаазын [аъ] *уст.* 'лента (полоса) из козлиной шкуры (употреблялась как пояс и т.п.); предварительный подарок в виде кожаной ленты родителям невесты, а также в других случаях'.

Монголизм. Ср. монг. *тамаас(ан)* книжн. 'кожаная бечевка, веревочка, кожаный шнурок', бур. *тамаahан* 'поясное украшение для женских шуб, вытканное из разноцветных ниток', калм. *тамасн*

'линия; стык; склепка'. По-видимому, источником тув. *дадаазын* послужил халха-монг. язык.

дадагалза- [аъ] 'сомневаться; воздерживаться (напр., при голосовании)'. Монголизм (см.: EW, *467*). Ср. монг. *татгалза-* 'уклоняться, воздерживаться; возражать, не соглашаться', бур. *татагалза-* 'содрогаться, дергаться, корчиться; быть в нерешительности, колебаться; мямлить, воздерживаться, сопротивляться'. Судя по наличию в тув. глаг. *дадагалза-* согласного *з*, это слово является относительно поздним заимствованием, поскольку данный согласный отражает свистящую аффрикату *дз* (орфографически — *з*), которая в совр. монгол. языках является рефлексом более раннего шипящего *дж* (*j*, *ж*).

В частности, более древней формой монгол. глаг. основы была *tatagulǰa-*, которой в тув. должно было бы соответствовать **дадагалжа-* и с которой не вполне правомерно связывал и тув. *дадагалза-* М. Рясянен (EW, *467*). Тув. *дадагалза-*, по-видимому, заимствовано из халха-монг. (совр. монг.) языка. См. также **дадагалзаа, дадагалзал.**

дадагалзаа [аъ] 'сомнение; воздержание'; **дадагалзал** [аъ] **1.** см. **дадагалзаа**; **2.** 'отрицание'.

Тув. *дадагалзаа*, несомненно, связано с глаг. *дадагалза-*, который, как уже было установлено, является монголизмом (см. **дадагалза-**), но непосредственного структурного соответствия в имеющихся источниках не обнаружено. В данном случае также трудно допустить возможность самостоятельного производного от заимствованной глаг. основы: в качестве словообразовательного форманта здесь допустим только *-ка* (*-га*), но он в тув. языке непродуктивен и к тому же отмечен лишь в составе слов с конкретной предметной семантикой (см.: ИП, *173—174*).

Возможно и то, что существовало монгол. слово типа **татагалзага* > **татагалзаа*, которое и было исходным для тув. *дадагалзаа*. В отличие от последнего, слово *дадагалзал* имеет непосредственное соответствие в виде монг. *татгалзал* 'возражение, несогласие; недоумение', хотя в смысловом отношении от него заметно отличается. Вероятно, здесь произошел сдвиг в сторону большего сближения с семантикой глаг. *дадагалза-*.

дадагалзал см. **дадагалзаа.**

дадай [аъ] 'страх, ужас'.

В совр. тув. языке слово имеет ограниченное употребление в качестве существительного. Так, напр., значение 'страх, ужас' реализуется в основном в сочетаниях со словами, выражающими отрицание: *дадай чокка*, *дадай дивейн* 'без страха'. Более распространено межд. *дадайым!* 'ужас!, ой, какой ужас!', которое истолковывается как одно из вторичных междометий, этимологически связанных

со знаменательными частями речи. Букв., первоначальное значение *дадайым* интерпретируется как 'ужас мой' (ИП, *457*).

Ср. хак *татай* — межд., выражающее отвращение, испуг, ужас (*О, татай* 'какая гадость!'), объясняемое так же, как 'возглас брезгливости и отвращения, оберегающий человека от всякой нечисти' (ХРИЭС, *139*). Кирг. *татай* (или *татай көтөк*) — восклицание страха, ужаса (главным образом, женщин); это слово В.В. Радлов представлял как сущ. со значениями 'страх, ужас; болезнь' (РСл. III, *901*).

Ср. алт. *татай* — межд. отвращения (*и татай* 'у, какая гадость!') як. *татай* — межд., выражающее сетование, недовольство, *татат* — межд., выражающее неожиданный испуг, удивление.

М. Рясянен, включивший в свой словарь кирг. *татай* (по РСл.), тув. *дадай* и як. *татай*, возводил их к монгол. *tatai* 'тьфу!, отвратительно!', которое, в свою очередь, считается производным от монгол. *tata-* 'тянуть, тащить' (EW, *467*), что неубедительно в смысловом отношении (см. также **дадывыр**). Кроме того, если исходить из этой версии, то межд. должно быть старше знаменательного слова, что также вызывает сомнение.

Наиболее вероятно и то, что источником монгол. *tatai* были тюрк. языки, хотя для части их допустимо и вторичное заимствование из монгол. *татай* в качестве межд. (восклицания). Однако в данном случае версия о заимствованном характере слова, скорее всего, не относится к тув. *дадай* и к слову кирг. языка в тех его значениях, которые даны в словаре Радлова и которые, возможно, еще существовали в то время.

Тув. *дадай* и кирг. *татай* (по РСл.) обозначают сильный страх, болезнь (а *дадай* — также смерть). В то же время межд. *татай...* эмоционально выражает как страх и ужас, так и другие отрицательные ощущения, в частности недовольство, отвращение. *Татай...* может обозначать и те реалии, которые порождают отрицательные эмоции. Таково шор. *татай* 'сопли' (Вербицкий, *338*), *таттай* то же (РСл. III, *908*). Естественно, что и слова, родственные с *татай ~ дадай* (а также с як. *татат*), должны принадлежать к тому же кругу.

В частности, совр. кирг. *татай* является не только междометием, но и компонентом парного прил. *өгөй-татай*, употребляемого в составе сочетания со словом *сөз* 'слово', что означает 'бранное слово, хула'. Тот же смысл имеет и выражение *өгөй-татоо сөз*, тогда как *татоо* (< **тата-г*) в самостоятельном употреблении — 'спутанный (напр., о нитках); неровный, со складками (напр., о неправильно застегнутом пальто)' (КРС, *586, 713, 714*).

Кирг. *татоо*, очевидно, родственно каз. *татау* со значениями 'неприятный, грубый', а также 'недоверие, недовольство'; 'неров-

ность, сучковатость' (Аманжолов, *409*); ср. также с.-югур. *таттыы-* 'упрекать, укорять', *таттыс-* 'ругаться, браниться; спорить'.
Можно предположить, что в случаях с *татай...*, а также с материалами кирг. и каз. языков мы имеем производные от глаг. основы **mata-* с предполагаемой семантикой 'быть неприятным (неправильным, отклоняющимся от обычного порядка); вызывать неприятие, страх' и под. *Татай ~ дадай*, вероятно, было образовано при помощи аф. *-й* и первоначально могло иметь адъективную семантику типа 'страшный; отвратительный'.
Очевидно, **mata-* с указ. значениями едва ли как-то связано по своему происхождению с монгол. *tata-*, к которому *татай...* возводил М. Рясянен. Реконструированная выше глаг. основа **mata-* имеет, по всей вероятности, именной коррелят **mata*, который можно видеть в каз. диал. связанной основе *тата*, реализуемой в сочетании *тата бол-* 'ломать голову; мучиться' и в форме на *-сыз*, выражающей отрицание (отсутствие): *татасыз* 'без горя и печали' (Там же).
Наличие двухсложного имени *тата*, в свою очередь, ориентирует на поиски его производящей глаг. основы **mat-*, по смыслу, очевидно, сходной с **mata-* и, предполагаем, реализующейся в составе каз. диал. *маты* 'плохая порода лошадей' (Там же). **Mat-* может быть отождествлено с каз. *мат-* 'перекиснуть, испортиться (о кумысе)', семантика которого являлась возможным результатом специализации значения; ср. также ног. *ув татык* 'горький, прогоркший' (при *ув* 'яд'). С каз. *мат-* и ног. *татык* явно связано и такое название растения, как ног. *татыран* 'хрен'.
Существует точка зрения о том, что тюрк.-монгол. *татай* (в качестве междометия) имеет связь с именем древнеегипетского бога луны Тота. Этот теоним связывается, в первую очередь, с алт. *Тотой-пайанай*, названием божества (по данным Вербицкого); ср. тел. *тотой-пайана* 'божество, владыка града, грома и дождя' (РСл. III, *205*), а также хак. *Тотай* — название покровителя человеческого жилья (ХРИЭС, *151*). Согласно рассматриваемой точке зрения, слово *татай* также употреблялось в качестве названия божества, являясь вариантом теонима *Тотой* (Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства. — М., 1991. — С. 250—251). Все эти сопоставления выглядят неубедительно и неправдоподобно.
В связи с тюрк. *дадай ~ татай* привлекает внимание также осет. *dædæj* 'возглас страха, боли; обрядовый крик при оплакивании покойника' и *dodoj* 'возглас угрозы, ужаса', которые, как полагает В.И. Абаев, можно возвести к картвел. *deda* 'мать'; ср. грузин. *dedaja* 'возглас страха и удивления' (букв. «мама»), чечен. *wadadaj* 'междометие ужаса', а также обрядовый плач (Абаев I, *350, 364*). Думается, что в части слов этих языков Кавказа может быть прослеже-

но тюрк. влияние, которое заметно проявляется, в частности, в лексике осет. языка.

дадар- I 'ржаветь, покрываться ржавчиной'.

См. **дат I**.

дадар- II *тодж.* 'удаляться, скрываться из виду, становиться невидимым'.

Непосредственных соответствий не обнаружено, но допустима связь *дадар-* с др.-тюрк. (МК) *tada ~ tata* 'пространство, которое можно рассмотреть на расстоянии десять шагов' (ДТС, *526, 541*). Согласно другому источнику, *тада* означало 'участок земли размером в один охват взглядом' (МК И, *242*). Дж. Клосон приводил это слово в варианте *tada:*, оценивая его как «гапакс легоменон», т.е. как окказиональное слово, а его значение интерпретировал как 'всё, находящееся в поле зрения до горизонта'. Клосон предполагал, что *tada:* — заимствование, но не привел его иноязычного этимона, а только сопоставил с другим др.-тюрк. словом — *tadu:*, означающим 'природа, натура' (ср. *tasu ~ tadu* то же в ДТС, *526*).

Слово *tadu:* Дж. Клосон относил к заимствованиям из санскрита и связывал со скр. *dhata* 'элемент в природе: элементарная составная часть тела' (ED, *451*).

Смысловая общность и связь *tada:* и *tadu:* не улавливается, и истолкование первого из них как фактически возможного варианта заимствования остается неаргументированным. Общность значений прослеживается между *tata ~ tada* (*tada:*) и тув.-тодж. *дадар-*: в том и другом случаях речь идет об отдалении, удалении на значительное пространство (вплоть до линии горизонта).

Структурно *дадар-* может быть представлено как основа, которая образована от имени **тада > дада*, соответствующего вышеуказ. др.-тюрк. слову и предположительно означавшего также нечто вроде 'даль, удаление', при помощи глаголообразующего аффикса.

Исходя из сказанного, глаг. *дадар-* может быть отнесен к архаичным элементам тув. диалектной лексики.

дадывыр [аъ] 'взнос'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *tataburi* 'подать, налог, сбор, пошлина; взнос', монг. *татвар* 'налог, взнос' < *tata-/tamax* 'тянуть, тащить; влечь' и под. Тув. *дадывыр*, судя по семантике и внешнему облику, относится к числу поздних заимствований; его источником был, скорее всего, совр. монг. язык.

дадыглыг [аъ] *диал.* 'вкусный'.

Прил. на *-лыг*, от сущ. типа *татыг* 'вкус, приятный вкус' и под., характерно в основном для различных письменных памятников. *Татыг* — производное от глаг. *да:* *т- ~ дат- ~ мат-* 'пробовать на вкус; приходиться по вкусу, иметь вкус...'. См.: ЭСТЯ III, *162—164*; а также **дадык-**.

В тоф. языке зафиксированы как прил. *тадыглыг* 'вкусный, сладкий', так и глаг. основа *тадыглы-* 'быть вкусным' (ТРС-РТС, *68*); последняя, вероятно, является результатом обратной деривации от *тадыглыг*.

Следует обратить внимание на то, что в тув. языке зафиксирован также глаг. *даадыла-* 'выбирать более вкусное', который сопоставляется с турк. *дат-* 'пробовать, вкушать' и у которого, как считается, имеет место первичная долгота (Бичелдей К.А. Гласные тувинского языка в потоке речи. — Кызыл, 1989. — Ч. I. — С. 16).

Первичная, или этимологическая, долгота действительно реконструируется для тюрк. *дат- ~ тат-* (и его именного соответствия) (ЭСТЯ III, *162*), но едва ли целесообразно отождествлять долгие гласные в данных основах, с одной стороны, и в тув. *даадыла-* — с другой, по их происхождению. Долгота в последней, скорее, вторична и может быть связана с комбинаторными характеристиками гласного *а* (в частности, его соседством с узким *ы* второго слога). Кроме того, в родственном с *даадыла-* слове *дадыглыг* фиксируется фарингализованный гласный, который указывает на краткость указ. гласного в прошлом.

Структурно *даадыла-* — основа с аф. *-ла-*, образованная от **дады*, которому соответствуют хак. диал. *таады* (РСл. III, *911*) и его варианты *дады ~ тату ~ таду*... 'вкус; приятный вкус'. Последние считаются производными от *дат- ~ тат-* 'пробовать на вкус' (ЭСТЯ III, *164*).

дадык- [аъ] 'загорать, огрубеть; стать физически крепким; закаляться, становиться стойким (физически или морально)'.

Непосредственных формально-семантических соответствий тув. *дадык-* в других тюрк. языках не найдено. Вместе с тем в них широко распространена глаг. основа *да:т- ~ та:т- ~ дат- ~ тат-* 'пробовать на вкус; приходиться по вкусу; испытывать, претерпевать, изведывать' и ее именной коррелят *да:т ~ та:т*... 'вкус', 'сладость, пища, питье', образующие «омофорную пару» *да:т- ~ да:т* (ЭСТЯ III, *162—163*; ср. также: Менгес, *137*).

В тув. языке отмечен малоупотребительный глаг. *дат-* [даът-] 'привыкать, приучаться (в частности, к трудностям)', тогда как соответствия именной основы *да:т*... отсутствуют.

В тюрк. языках получил распространение также глаг. *дады- ~ тады- ~ таты-* 'пробовать, отведывать' и под., образованный от именной основы *да:т* с помощью аф. *-ы-*. Отмечен и глаг. *дадан- ~ тадан- ~ татан-* 'пробовать, вкушать; приучаться, привыкать', который Э.В. Севортян первоначально интерпретировал как производное от той же именной основы, образованное с помощью аф. *-(а)н-* (АГ, *20*). Но затем *дадан-* рассматривается им также как медиальная форма от *дад-а-* (варианта *дады-*?), что представляется Севортяну более приемлемым (ЭСТЯ III, *164*).

Тув. *дадык-* структурно представляет собой не получившую распространения в других тюрк. языках медиальную форму на *-(ы)к-* (с оттенком интенсивности) от *да:т-...* (см. **дат-**). *Дадык-*, очевидно, связано с вторичными, перен. значениями указ. глагола (типа 'испытывать, претерпевать') и на их уровне ближе всего к форме *дадан-* (имеется в виду семантика 'приучаться, привыкать').

На семантику тув. *дадык-*, или, точнее, на появление у него значений 'грубеть (о коже, шкуре)' и под., могло повлиять его сближение с другой, сходной с *дадык-*, глаг. основой *додук-* 'обветриваться; становиться твердой (о коже, шкуре)' (см.: **додук-**; ср. также **чадык-**). Возможно, с этим же сближением связано возникновение фарингализации у *дадык-* [даъдык], а затем и у *дат-* [даът-]. Ср. **дадыр-**.

В монгол. языках имеются глаг. основы, сходные с рассмотренными выше тюркскими и частично отмеченные в словаре Севортяна, в т.ч. п.-монг. *dadu-*, бур. (и монг.) *дадах* 'привыкать, приучаться, приобретать опыт, навык', п.-монг. *daduγa-* 'приучать, упражнять; руководить', бур. *дадаах* 'втягивать, вовлекать'. Однако реальные отношения этих форм с соответствующим материалом тюрк. языков в словаре не прояснены (см.: ЭСТЯ III, *163—164*).

Возможно, что основа *dadu-* и ее совр. монгол. соответствия — тюркизмы в монгол. языках.

дадыр- *прост. тодж.* 'давать'.

В монографии по тодж. диалекту тув. языка отмечается, что в нем «встречаются специфические стилевые синонимы». В частности, «некоторые глаголы имеют свои общеупотребительные и грубо просторечные варианты» или синонимы. Так, у слова *бер-* 'давать' существует такой синоним, как *дадыр-* (Чадамба 1974, *81*).

По всей вероятности, *дадыр-* связан с такой глаг. основой тюрк. языков, как др.-тюрк. *tatur-* 'дать попробовать, дать отведать (о пище)'; чаг. *татур-* 'дать вкусить', кирг. *татыр-* 'дать попробовать на вкус', каз. *татыр-* 'угощать, дать попробовать'. В свою очередь, основа типа *татур- ~ татыр-* — это форма каузатива глаг. *тат(ы)-* 'пробовать, отведывать; вкушать; испытывать' и т.п., имеющего общетюрк. характер и, как полагают исследователи, содержавшего «первичную» долготу гласного *а* (см. ЭСТЯ III, *162—164*). В тув. языке сам глагол с первоначальной семантикой не сохранился (см. **дадык-**). Это обстоятельство, по-видимому, способствовало изменению значения тодж. *дадыр-* в сторону обобщения: 'дать' (без обязательной связи с едой или питьем). См. **дадыглыг**.

Поскольку глаг. основа *татур- ~ татыр-* означала не 'дать поесть как следует, досыта', а только 'дать поесть немного, дать отведать еды', с подобной семантикой могло быть впоследствии связано возникновение ассоциативного признака скупости, пренебрежения и

т.п. (Ср. в этом плане каз. *ол бізге кымыз татырмады* 'он не угостил нас кумысом' (или, иными словами, 'не дал нам кумыса даже попробовать') (КазРС, *321*).

Подобные ассоциации, в свою очередь, способствовали стилистическому снижению, огрублению слова, что и проявилось в случае с тув.-тодж. *дадыр-*.

дажа- 'бросать, кидать (камни)'; 'очищать от камешков (зерно)'.

Слово *дажа-* — производное от *даш* 'камень' (см. **даш I**).

дажаара- [аъ] 'отлынивать; терять желание что-л. делать'; **дажаарал** [аъ] 'лень, нежелание что-л. делать'.

Структурно-фонетически тув. *дажаара-* и *дажаарал* сопоставимы с монгол. *tašijara-/ташаарах* 'заблуждаться, ошибаться; допускать оплошность' < монгол. *tašija/ташаа* 'ложь, неправда; заблуждение', однако смысловая связь тув. слов с монгольскими не прослеживается. Возможно, на семантику тув. *дажаара-* и *дажаарал* повлияло их вторичное сближение с монгол. *tašij-a/ташаа* 'бок, бедро'. В результате, *дажаара-* (< *ташаара-*) могло быть осмыслено как 'лежать на боку' → 'проявлять лень'. (Интересно, что эта основа обычно употребляется в сочетании с предшествующим деепричастием *тоткаш* 'насытившись'.) Результатом подобной же семантической аттракции было, очевидно, и переосмысление отглаг. имени *дажаарал*.

Судя по фонетическому облику (в частности, по наличию долгого *а* во втором слоге), появление в тув. *дажаара-* и *дажаарал* относится к сравнительно позднему времени и, скорее всего, отражает влияние совр. монг. языка.

дажаарал см. **дажаара-**.

дажак [аъ] *анат.* 'мошонка; яичко'.

Ср. тоф. *таъһяк* то же (Рассадин. Словарь), тур., полов., тат. *ташак* 'мошонка' , алт. диал. *тажак*, хак. диал. *тазак* то же (РСл. III, *926, 934, 944*), хак. *тазак* 'мошонка (вместе с семенниками)', кирг. *ташак* то же, др.-тюрк. *tašaq* 'мошонка, мужской половой орган с мошонкой' (ДТС, *540*) и т.п.

Некоторые исследователи связывали данное слово с тюрк. *даш ~ таш* 'камень', истолковывая как уменьшительную форму на *-ак* (см., напр.: EW, *466*; ED, *562*). Эта версия уже была предметом критики с позиции семантической типологии (А.В. Дыбо), и в целом следует согласиться с тем, что «тюрк. **tašak* является самостоятельной, не связанной с **taš* 'камень' основой».

Взамен указ. версии предлагается этимология на алтаистической основе, согласно которой **tašak* сопоставляется с тунг.-маньчж. **talpi* 'бедро, ляжка'. При этом предполагается, что «значение 'мошонка' появилось на позднем этапе вследствие эвфемистического употребления, а первоначальное для него значение — 'зад, задница'...»

(МЛС, *218–219*). Эта версия выглядит неясной и сомнительной как в структурно-фонетическом, так и в семантическом аспектах.

Слово **tašak* — определенно тюрк. происхождения. Оно может быть реально связано с общетюрк. *даш ~ таш* 'внешний, наружный' и т.п. или, скорее, с его глаг. коррелятом *даш- ~ таш-* 'переливаться через край; быть вне... выходить наружу' и т.п. (см. **дажы- II, дашты**), т.е. обычно **tašak* — название определенной наружной части тела, которое первоначально также могло быть эвфемизмом. Случай подобной же смысловой связи — як. *тас* 'внешний, наружный' и *тас* 'наружный (подкожный) жир у скота (на бедрах)'.

По своей структуре **tašak* представляет собой отглаг. имя, образованное с помощью аф. *-(a)k*...

дажаң I 'каменистый'.

Ср. тоф. *дачаң ~ тачаң* 'крупный камень в русле реки, ручья' (ТРС-РТС, *165*).

По всей вероятности, производные с аф. *-ң* от глаг. основы типа тув. *дажа-* 'бросать, кидать (в частности, камни)', тоф. *дача-* 'бросать камни' < *даш ~ таш* ' камень' (см. **даш I**), которые в других тюрк. языках соответствуют обычно образованиям с аф. *-ла-* (*~ -да-*) *дашла- ~ ташла- ~ дашда-* со значениями 'забрасывать камнями; бросать камень (камни)' и под. (ЭСТЯ III, *171*; ср. также тув. *дашта-* 'мостить камнем'). См. **дажаң II**.

дажаң II *уст.* 'битва, бой'; **дайын-дажаң** *разг.* 'война, военные действия'.

Монголизмы. Ср. монг. *dajin/дажин* 'грабеж, разбой, мародерство; мятеж, смута; разруха (МРС, *140*; Цэвэл, *180*; Владимирцов. Ср. грамматика, *354*), *dajin dajin/дайн дажин* 'война; военные бедствия'. Ср. также калм. *дажг* редк. 'грабеж, разбой; гнет', *дэн дажг* 'война, военные действия; сражения'.

В тув. языке слово *дажаң* семантически значительно изменено по сравнению с ее монгол. соответствием. По-видимому, оно осмыслено как синонимичное *дайын* 'война' (через призму парного слова *дайын-дажаң*; см. также **дайын I**). Кроме того, в данном случае, по-видимому, имела место контаминация с глаг. основой *дажа-* 'бросать, швырять (камни)' и производным от него именем (см. **дажа-, дажаң I**).

дажы- I [аъ] 'перетаскивать, перевозить', *перен.* 'тащить, растаскивать, красть'.

Общетюрк. глаг. основа, существующая в вариантах *даша- ~ дашы- ~ ташы-* и др. (наиболее распространен *ташы-*) со значениями 'носить, переносить, приносить; таскать, тащить, перетаскивать, возить, привозить' и т.п. По Э.В. Севортяну, этот глагол — отыменное производное; производящей основой считается *даш ~ таш* 'внешняя/наружная сторона (часть)'; см. **дажак, даш-**

ты. Элементы *-а ~ -ы-* — глаголообразующие аф. (ЭСТЯ III, *170–171*).

Но если общее представление Э.В. Севортяна о морфологической структуре рассматриваемого глагола едва ли может быть оспорено, то его интерпретация конкретного лексического «заполнения» производящей основы по логико-семантическим основаниям неприемлема. Семантика 'внешняя сторона' прямо не связывается с содержательной стороной глагола *даша- ~ дашы-*, если иметь в виду тот круг его значений, которые приводились выше и которые для данного слова следует считать основными.

В некоторых из использованных Севортяном источников отмечена основа *ташы-* со значениями типа 'выселяться, выезжать' и 'выбрасывать, выгонять', которые, как он полагал, тяготеют к *таш ~ тыш* 'внешняя сторона/часть; наружу, вне...' (ЭСТЯ III, *171*), с чем еще можно согласиться (см. также **дажы- II**). Остается неясным то, какова же связь этих значений *ташы-* с основными значениями рассматриваемого глагола. Скорее всего, *ташы-* 'выселяться; выбрасывать' представляет собой омоним по отношению к *даша- ~ ташы-* 'носить; таскать, перетаскивать' и под.

По логике вещей, его производящая (именная) основа *даш ~ таш* могла обозначать какой-то материальный объект (в частности, значительный груз), соответствующим образом перемещаемый в пространстве. В этом плане интересно значение *ташы...* 'тащить (по земле)', отмеченное во многих тюрк. языках (ЭСТЯ III, *170*).

К настоящему времени искомая именная основа в самостоятельном употреблении почти не сохранилась и поэтому трудноопределима. Она в представлении носителей тюрк. языков (а также их исследователей) фактически слилась с другим, напротив, очень распространенным словом *даш ~ таш* 'камень' (< **та* : *ш*) (см.: ЭСТЯ III, *167–168*, а также **даш I**), которому теперь принадлежат или к которому относятся и значения интересующей нас основы.

Так, в реестр значений слова *да:ш ~ даш ~ таш* 'камень', составленный Э.В. Севортяном, вошли и такие, принадлежность которых (во всяком случае, изначальная) этому слову небесспорна. К их числу принадлежат 'гиря' (в кирг., ккалп., узб.) и 'мера веса' (в уйг. диалектах) (ЭСТЯ III, *168*). Думается, что «название металлического груза определенного веса, служащего мерой при взвешивании» (С.И. Ожегов), а также одной из мер веса могло и не быть первоначально связано со словом, называющим камень, а в реальности имело связь с каким-то иным, сходным с *таш...* 'камень' словом, означающим 'тяжелый; (перемещаемая) тяжесть, груз' и под[1].

[1] Ср. также рус. *гиря*, истолковываемое как заимствование, связанное с новоперс. *qiran* 'тяжелый' (Шанский и др., *103*).

Интересно и кирг. *таш* 'пешка, шашка; фигура (в шахматах)', которое Э.В. Севортян, вслед за К.К. Юдахиным, также счел связанным с наименованием камня (материала, из которого первоначально изготавливали шашки и шахматные фигуры?). Речь идет о реалиях, обладающих определенным и при этом разным «весом» (ср. тяжелые и легкие фигуры в шахматах), а также подлежащих перемещению, переносу с места на место.

Не исключено, что интересующая нас производящая основа **таш* все-таки связана своим происхождением с названием камня (на основе ассоциативного сближения по признаку тяжести), однако, если дело обстояло именно так, указ. **таш* и *таш* 'камень' достаточно давно стали разными словами. На это указывает установленная исследователями для последнего «первичная» долгота, тогда как в **таш* гласный был кратким, о чем свидетельствует его краткость в производном от данной основы глаг. *даша- ~ дашы-*.., происхождение которого рассматривается в данной статье, а также его тув. соответствие *дажы-* с фарингализованным гласным [даъжы-], отражающим сильное в прошлом качество согласного *-ш-* в **ташы-*.

Следует отметить наличие в тодж. диалекте слова *даъш* — омографа к *даш* 'камень', означающего 'крупный сиг', тогда как обычная разновидность этой рыбы именуется *ак-балык* (букв. 'белая рыба') (Чадамба 1974, *67*). Непосредственных соответствий тодж. *даъш* в других тюрк. языках не обнаружено, но представляется вероятным, что это слово связано с искомой производящей основой глаг. **тажы-* (> *дажы-*), являясь, как и его возможные другие (приводимые выше) соответствия, названием весомого объекта, также связанного с проблемой перемещения (из воды на сушу).

дажы- II [аъ] 'прибывать (о воде), разливаться (о реке)'.

Глаг. *дажы* имеет соответствия общетюрк. характера, существующие в двух основных вариантах: односложном — *да:ш- ~ даш- ~ таш-* 'литься, переливаться через край, разливаться, прибывать' и под. и двухсложном *тажы- ~ дажы-* (тув.) с тем же кругом основных значений (ЭСТЯ III, *169—170*).

Первый вариант распространен более широко и, судя по характеру источников, в которых он отмечен, является более древним, чем второй, зафиксированный в совр. кыпчакских и кыпчакизованных языках (с.-югур., тув.).

По поводу этимологии глаг. *да:ш-*... Э.В. Севортян писал: «Было бы заманчиво связать *да:ш-* 'переливаться через край' с *даш ~ таш* 'внешняя сторона, наружу', семантическая близость которых отмечается исследователями... тем более, что некоторые значения *да:ш-* и т.д. прямо указывают на связь глагола и имени *даш* ('быть вне'.., 'выходить наружу'...). При таком подходе легко разъясняется строение глаг. *таш-ы-*, как производного от *даш ~ таш* 'внеш-

няя сторона, наружу' + глаголообразующий аф. *-ы-*» (ЭСТЯ III, *169—170*).

Как считал Э.В. Севортян, осуществлению подобной связи препятствует то обстоятельство, что турк. форма *даш* 'внешняя сторона' имеет краткий гласный, тогда как в *да:ш-* 'переливаться через край' гласный оказывается долгим, вследствие чего в соответствующей глаг. основе реконструируется «первичная» долгота. Указ. обстоятельство якобы «ослабляет приведенные сближения» (ЭСТЯ III, *170*), а возникшую трудность одни исследователи пытаются преодолеть, в то время как другие ее просто игнорируют.

Так, А.М. Щербак считал вышеуказ. именную и глаг. основы гомогенными, но, исходя из долгого гласного в глаг., реконструировал соответствующую долготу и в именной основе (**tāш*), по поводу чего Э.В. Севортян заметил, что основания для подобной реконструкции неясны (ЭСТЯ III, *166*).

А.Т. Кайдаров возводит каз. *тасы-* 'переходить, переваливать за пределы чего-л.; выходить из берегов (о реке)' к *тас* 'снаружи; внешняя сторона, предел чего-л.' (Кайдаров, *282*) (соответственно **ташы-* и **таш*). При этом не проявляется никакой реакции на вышеуказ. обстоятельство, связанное с наличием долготы в турк. *да:ш-*. См. также: Кажибеков, *72—73*.

Думается, что этому обстоятельству и не следует придавать того большого значения, которое оно приобретает в труде Э.В. Севортяна, фактически отказавшегося исключительно по формальным основаниям от «заманчивого» (по его мнению) сопоставления слов, не задаваясь при этом вопросом о том, какова природа бесспорной семантической общности соответствующих глаг. и именной основ. (См. также: Дыбо, *12, 13*, где тюрк. *taš* 'внешний' и **tāš-* 'переливаться через край' включены в сопоставления с совершенно различными алтайскими «параллелями».)

В то же время Э.В. Севортян с именной основой *даш ~ таш* 'внешняя сторона' связывал с **таш(ы)-* 'переливаться через край' близкий и тождественный ему по форме не родственный глаг. *ташы-*... 'носить, таскать...' (см. дажы- I). Он явно не имеет смысловой общности с данной основой, но в данном случае не возникает проблемы с наличием или отсутствием долготы гласного.

Наличие фарингализованного гласного в тув. *дажы-* [даъжы-] и, что также существенно, в тоф. *таъш-* 'разливаться, выходить из берегов' указывает, во всяком случае, на существование вариантов этих глаг. основ с кратким *а*, а не только с долготой. Подобное соответствие типа «фарингализация — первичная долгота» при этом отнюдь не является исключением (см. нашу публикацию в сб.: Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. — Новосибирск, 1986. — С. 153—156).

Возможно, глаг. основа **таш-*, как и в большинстве подобных глаг.-именных пар (лексем), является первичной по отношению к именной основе **таш* 'внешняя сторона...'. При этом именно последняя сохранила первоначальное или близкие к нему лексические значения слова, которые у **таш-*, а также у **ташы-* должны были иметь вид 'выходить наружу (из границ, за пределы); быть вне...' (см.: Кажибеков, *255*) и которые, как отмечалось выше, прослеживаются в некоторых источниках.

Возникает также вопрос, не связана ли **таш-* с той глаг. основой **да- ~ *та-* 'возвышаться; выделяться (напр., своими размерами, высотой)' и под., которую мы ранее вычленяли из состава других производных (см., напр., **даг**)? Может быть, **таш-* — форма взаимного залога (здесь, скорее, в функции интенсива) от указ. **та-*?

В основном совр. семантика глаг. основ связана с разлитием жидкой массы через край, с подъемом воды в реках и выходом их из берегов. По-видимому, первоначально изменение семантики **таш-* и **ташы-* (последнее <**таш* или, что не исключено, **таш-*) связано с непрямым (эвфемистическим) названием стихийного бедствия (разлива реки, половодья, наводнения). В последующем значения с подобными характеристиками стали для указ. глаголов основными.

дажы- III [аъ] 'ударять по лицу, давать пощечину'.

Ср. алт., алт. диал. *тажы-* 'бить, ударять ладонью' (РСл. III, *945*), як. *таһый-* 'шлепать, бить, хлестать, сечь'.

Материал тув. и алт. языков включен в словарь Э.В. Севортяна, где соответствующие глаг. основы интерпретированы как лексико-семантические варианты общетюрк. *даша- ~ дашы- ~ ташы-* '(при)носить, таскать, тащить' и проч., хотя автор признавал и то, что в этом случае, как и в ряде других, связь подобных значений с основными неясна (см.: ЭСТЯ III, *170—171*).

В указ. труде (с. 171) имеется подстрочное примечание Л.С. Левитской, согласно которому значения типа 'бить, ударять; давать пощечину' относятся, вероятно, к глаголу-омониму, восходящему к монг. *tasi-*, калм. *tašxи* 'бить, ударять ладонью' (со ссылкой на работу Г. Рамстедта); ср. также монг. *таших* 'шлепать, ударять', бур. *ташаха* 'шлепать, ударять (ладонью); бить чем-л. наискосок'.

Думается, что точка зрения, согласно которой алт. *тажы-* и тув. *дажы-* относятся к монгол. заимствованиям и не имеют отношения к указ. общетюрк. глаг. основе, вполне обоснованна (см. также **дажы- I, II**). Трактовка алт. и тув. глаголов как монголизмов содержится также в работе Рассадина (МБЗ, *19, 74*).

Однако возникает вопрос: не связано ли соответствующее монгол. слово с тюрк. влиянием? Ср., например др.-тюрк. *tasya-* 'бить по

щеке' (ДТС, *539*). Не исключено, что подобное сходство этого глагола с монгол. формами основывается на общности их исходных (подражательных) основ.

дажырган [аъ] 'таежная пищуха'; **дайырган** [аъ] *тодж.* то же.

Ср. тоф. *даъһирган ~ таъһирган* 'пищуха, медведка' (крупный грызун, обитающий в Саянских горах) (ТРС-РТС, *21, 178, 202*).

Согласные *-й-* в тув.-тодж. *дайырган* и смягченный *-h-* в их тоф. соответствиях носят вторичный характер, являясь в указ. диалекте и языке распространенным коррелятом тув. *-ш- > -ж-* в положении между фарингализованным и последующим (в основном *-ы* или *-и*) гласными (см., напр.: Чадамба 1974, *39—49*; Рассадин. Фонетика, *57, 62—63*).

Первоначальной формой тув. и тоф. слов следует считать *ташыркан*. Возможно, в этом наименовании отражены особенности внешнего облика зверька, связанные с толщиной, «солидностью» и т.п. Ср. др.-тюрк. *tašïrqan* 'выпученный (о глазах)', каз. *тасырай* 'вздуваться (о животе); выпучиваться (о глазах)' *тасыраңда-* 'выпучиться (о глазах); чваниться, возомнить' (КазРС, *321*). Каз. *тасырай-* (но с несколько иной трактовкой семантики, чем вышеприведенная) связывается с подражательной основой (Кайдаров, *282*), но она, по-видимому имеет связь с основой обычной, «необразной». Так, каз. *тас-*, соответствующее общетюрк. *даш- ~ таш-* 'литься через край; выходить из берегов' (см.: ЭСТЯ III, *169*, а также **дажы- II**), имеет также перен. 'возгордиться, возомнить'. Очевидно, производным от *тасы-* в последнем значении является каз. *тасыр* 'чванливый' (*тасыр адам* 'чванливый человек'). Ср. также тат. *ташын-* 'разжиреть, становиться тучным, жирным', вероятно также связанное с *таш-*.

В **ташыркан*, а также в др.-тюрк. *tašïrqan* выделяется глаг. основа **ташыр-* (*tašïr-*) и аф. *-кан* (*-qan*), в др.-тюрк. памятниках образовывавший некоторые отглаг. имена. Возможно, **ташыр-* — залоговая форма или, скорее, форма интенсива от указ. основы *таш-*. Слово **ташыркан* могло первоначально означать не только 'выпученный (о глазах)' или 'с выпученными глазами', но и 'пузатый, разжиревший' или 'чванливый' и под.; затем это слово было использовано для наименования пищухи. Ср. также **бартам, морзук**.

дазыл 'корень (растения); источник, начало, корень чего-л.; корень слова'.

Ср. тоф. *dazɨl* (*дазыл*) 'дерево, вывернутое с корнем' (или, согласно более поздним данным, 'коряга, пень-выворотень'), сопоставляемое с алт., сиб.-тат. *тазыл* 'корень', хак. *тазылга* 'дерево, вывернутое ветром с корнями', которые относятся к лексике сиб.-тюрк. языков, имеющей неизвестное происхождение (Рассадин. Фонетика, *89, 176*).

Слово *тазыл* 'корень' отмечено также в алт. диалектах и шор. языке (РСл. III, *929*). К числу слов, сопоставимых с вышеприведенными, можно отнести шор. *тазырга* 'тонкая пластинка из прута или древесного корня для сшивания бураков, кузовков и т.д.' (Вербицкий, *326*) и с определенной долей вероятности др.-тюрк. *talas ~ tasal* (ДТС, *528, 539*) 'лента, веревка, протягиваемая через площадку при игре с мячом и конных состязаниях' (при условии, что первичным являлся вариант *tasal*)[1].

Наличие у *дазыл...* морфологических вариантов (*тазылга, тазырга*) указывает на членимость слова и его принадлежность, скорее всего, к исконно тюрк. лексике. При его этимологизации следует исходить из определенных логико-смысловых предпосылок, в частности, из того, что *дазыл ~ тазыл* обозначает предмет узкой и протяженной формы, первоначально представлявший собой нечто целое, которое было затем разъединено, раздвинуто, растопырено и т.п.

В данном случае это, в первую очередь, корни дерева или само дерево (или пень) с вывернутыми, выкорчеванными корнями, а затем различные длинные полосы, ленты и под.

Исходя из подобных представлений, можно предположить, что в число слов, гомогенных с *дазыл...* входят такие, как тув. *дазала-* 'расставить ноги, раскорячиться', образованное от именной основы **даза*, от которой, кроме того, могла быть образована образная глаг. основа *дазай-* 'раскорячиться' (ср. также хак. *тазай-* 'стоять, выпятив живот и расставив ноги'), а от последней, в свою очередь, — прил. *дазагар* 'раскоряченный (о ногах)'.

Точное значение **даза* (~ **таза*) неясно, но это имя явно обозначало нечто разъединенное и, по-видимому, как и *дазыл*, могло быть производным от глаг. основы **тас-* 'разделять(ся) (в частности, разрезать или быть разрезанным) на узкие, длинные части'; 'отделять(ся)', возможно, 'изолировать(ся)'.

Та же основа прослеживается, скорее всего, в слове типа *тасма*, распространенном в ряде тюрк. языков и имеющем значения 'ремень; тесьма из сыромятной козлиной кожи' (в кирг. — название самой кожи, служащей сырьем для указ. изделия); 'лента, тесьма, полоса, завязка; веревка, трос' и т.п. Ср. также як. диал. *тасна* (< *тас-*

[1] *Talas* (*tasal*) отмечено в словаре МК, но в совр. источниках данный случай имеет разную интерпретацию. В отличие от ДТС другие словари дают *talas* и *tasal* фактически как два слова с близкой, но различной семантикой. Так, по МК И (с. 243, 252) *талас* означает 'канат, обтянутый вокруг площади во время игры чавган', а *тасал* — 'черта, проводимая по земле при игре в чавган' (МК И, *252*). Подобные же различия в семантике *talas* и *tasal* отмечены Дж. Клосоном (ED, *501—502*), который, ссылаясь на МК, *истолковывает tasal как результат метатезы в слове talas. Это, однако, не подтверждено* ни этимологическим анализом, ни приведением сопоставительных данных.

ма) 'шина из лучинок, накладываемая на сломанные конечности человека' (ДСЯС, *184*).

Тасма не имеет удовлетворительной тюрк. этимологии, истолковывалось как заимствование: первоначально — из греческого, что было уже давно отвергнуто (см. Фасмер IV, *52*), а затем — из персидского, где его источником считаются монгол. языки, что выглядит сомнительно, хотя и поддерживается Г.И. Рамстедтом и Г. Дёрфером (см.: EW, *466*). Последний, впрочем, склонен истолковывать *тасма* как непосредственно монгол. по происхождению (Дёрфер IV, *542*); ср. п.-монгол. *tasama ~ tasuma, tasma* 'ремни из кожи оленя или дикой козы' (Голст. III, *30*), монгол. *тасам* 'тесемка'. Однако, скорее всего, мы, напротив, имеем дело с тюркизмом в монгол. языках. По-видимому, тюрк. *тас-ма* (откуда, в частности, рус. *тесьма*) — образование однотипное с кирг. *тил-ме* 'резанный на полосы, ломтики' (< *тил-* 'разрезать на узкие полосы, ломтики'). В некоторых тюрк. языках имеются словообразовательные варианты *тасма*: ср. кирг. *тасма* (с указ. выше значениями) и *тасмал* тоже (< *тас-мал*), уйг. диал. (Хами) *тасма* 'ремень' и *тасым* 'кусок ремня, кусок кожи'.

Возможно, та же (уже упоминавшаяся) основа **тас-*, но с семантикой изоляции, изолированности прослеживается в образованиях типа башк. диал. *таскак* 'летний хлев', чул.-тюрк. *тасак* 'кладовая; охотничья палатка'.

Рефлексы той же глаг. основы можно наблюдать и в монгол. языках, где отмечена п.-монг. *tasu* — своего рода глаг. форма, «употребляемая при других глаголах для обозначения последней законченности действия» (Голст. III, *30*). По всей вероятности, *tasu* можно определить как одно из тех явлений, которые Л. Бэшэ и В.И. Рассадин относят к числу глаг. превербов и которые по функции и значениям сопоставимы с системой глаг. приставок в европейских языках. Превербы широко распространены в сиб.-тюрк., а также в монгол. языках, причем эти слова довольно широко заимствуются из одних языков в др., в т.ч. из тюрк. в монгол. Так, монгол. преверб *qaya* 'раскалывая, разбивая' В.И. Рассадин возводит к форме деепричастия на *-а* от тюрк. *qaq-* 'бить' и под. (см.: ТС 1977, *221—222, 224*). *Tasu* могло быть как подобным превербом, так и именем, связанным с тюрк. *тас-* (ср. *даза* < **таса* < ? > в тув. *дазала-*). Семантика монгол. слова отразилась в производных от *tasu* глаг. *tasu-la-* 'отрывать, разрывать...', *tasu-da-* 'разрывать, раздирать...' и *tasu-ra-* 'отрываться, рваться'. См. **дазылга**.

Формы *дазыл ~ тасыл*, по-видимому, < **тас-ыл*, где **тас-* — реконструированная ранее глаг. основа, а *-(ы)л* — словообразовательный аф. Сходную структуру можно видеть в др.-тюрк. *tasal* (< **tas-al*). Хак. *тазылга* (< **тасыл-га*) и шор. *тазырга* (< **тасыр-га*) ве-

роятно, образованы с помощью аф. *-га* от залоговых форм основы **mac-*. См. также **даспан**.

С.А. Старостин реконструирует праформу тув. *дазыл* как *tarïl* (?), исходя из алтаистических представлений о первичности ротацизма (*ŕ* > *z*). Но никакой этимологии слова (ни тюрк., ни общеалт.) не предложено и даже не приведено каких-либо сравнительных материалов (Старостин, *193, 289*).

дазылга [аъ] *уст.* 'комната'.

Ср. **өрөэл**.

Монголизм. Ср. п.-монг. *tasulγa*, монг. *таслага* 'отделение, перегородка; комната', *тасалгаа(н)* 'комната'. По-видимому, *tasulγa/таслага* — производное на *-γа(-га)* от глаг. основы *tasul(a)-/таслах* 'отрывать, разрывать, разделять'. См. также **дазыл**.

В тоф. языке отмечено слово *таһалга* (*таъһалга*) 'перегородка в комнате', которое восходит к бур. *таһалга*, соответствию вышеприведенного монгол. слова (см.: Рассадин. МБЗ, *57*; ТРС-РТС, *69*).

дазыр [аъ] **1.** 'голый (о местности)'; **2.** 'голое (без растительности) место; пустырь'.

Непосредственные структурно-семантические соответствия слова не обнаружены[1]. *Дазыр* может быть гомогенно с тюрк. *таз* 'лысый, плешивый; голый, со скудной растительностью' и его соответствиями (см. **тас**). Однако в тув. *дазыр* гласный первого слога — фарингализованный, а в *тас а* — краткий и соответственно — в последнем начальный согласный — сильный, а в *дазыр* он (как отражение фарингализации) слабый.

По-видимому, у этимонов *дазыр* и *тас* наблюдается варьирование по качеству свистящего гласного: в *дазыр* (< **тасыр*) он был сильным, а в *тас* (< **таз* или **тас*) — слабым.

Различие этих согласных наблюдается и в других языках. Так, в кирг. отмечены *таз* 'парша на голове; человек с паршивой головой' и *тас* = *таз*. Вместе с тем кирг. *тас* употребляется в таком сочетании, как *тас талаа* 'голая степь'.

Семантически *дазыр* и *тас* весьма близки друг к другу, когда они употребляются в качестве характеристик соответствующей местности. Структурные различия между этими словами не вполне ясны. Возможно, *тасыр* образовано от несохранившейся глаг. основы **тасы-* (< *тас* + *-ы-*), производной от **тас*.

Семантически, структурно, а также по своему облику *дазыр* и *тас* весьма напоминают пару *такыр* и *так*. Первое из них отмечено в ряде тюрк. языков со значениями 'гладкий, ровный; без волос, без

[1] Возможно, что с тув. *дазыр* связано тоф. изобразительное слово *даъсыр* — представление о твердой утоптанной дороге, о твердом участке суши посреди болота. См.: ЯМТЯ, *381*.

травы, голый' (РСл. III, *782*); 'без растительности; бритый' и т.п., а также 'такыр, глинистая, лишенная растительности земля' (каз., кирг.), 'голая степь' (хак. *махыр*), а *так* имеет меньшее распространение (по Радлову, оно встречается в отдельных алт. и хак. диалектах) и означает 'истоптанный, покрытый очень редкой травой; голый' (РСл. III, *778*). Ср. хак. *тах* 'утрамбованное (утоптанное) место'; а также *такы*, более широко представленное в тех же диалектах и употребляемое в значении 'паршивый' (Там же, *782*). Возможно, последнее указывает на существование в прошлом глаг. основы **так-*, соотносим с *так...*

По предположению Р.Г. Ахметьянова, *такыр* могло образоваться из словосочетания *так кыр* 'голое поле' (Ахметьянов. ОЛМК, *38*), но более вероятно, что *такыр* — отглаг. образование, как, очевидно, и приводимое там же башк. диал. *такыс* 'утоптанное место'.

Вероятно, *так* и *тас ~ таз* гомогенны и могут быть производными от глаг. основы **та-* 'оголять(ся)' или нечто под. Наряду с тув. *дазыр* и межтюрк. (а по мнению Ахметьянова, — общетюрк.) *такыр* отмечается еще одно сходное с ними тюрк. слово — *татыр*. Ср. др.-тюрк. (МК) *tatïr jer* 'ровное, глинистое место, лишенное растительности' (ДТС, *542*) или, по другому источнику, 'голая, открытая местность без деревьев' (МК И, *252*). Иначе — ED, *458*. Др.-тюрк. *tatïr*, возможно, соответствует *татыр*, отмеченному в кыпч. языках в значении 'солончак; солончаковая местность' (см. Ахметьянов. ОЛМК, *38*), а также п.-монг. *tačir* 'бесплодный, тощий (о почве)'.

Р.Г. Ахметьянов связывает *tatïr* и *татыр* со словом *дат ~ тат* 'ржавчина' (см. также **дат** I).

дай *фолькл.* 'конек, жеребенок (от двух до трех лет); молодой (обычно о лошади, иногда о других домашних животных)'.

Судя по имеющимся данным, возрастная характеристика животного, именуемого *дай*, непостоянна и может варьировать как в сторону большего взросления, так и, реже, в сторону уменьшения возраста.

Так, в одном из тув. героических сказаний *дай* сопровождается определением *сес диштиг* 'с восемью зубами', что означает возраст от четырех до пяти лет, а в другом употребляется в сочетании *дай аът*, разъясняемом комментаторами как *аныяк мал*, т.е. 'молодой конь' (без указания возраста).

Некоторые информаторы указывают для *дай* возраст *чедишкен аът* 'созревший конь (пять—шесть лет)', а Н.Ф. Катанов определял значение *дай* (~ *тай*) как 'жеребенок по второму году' (Опыт, *132*).

Слово *дай* имеет соответствия общетюрк. характера. В основном отмечен вариант *тай*, изредка встречается *дай* (напр., в азерб. язы-

ке). В МК слово фиксируется с долготой гласного (*ta:j*), возможно «первичной» (СИГТЯ Ф, *41 и след.*), хотя в основном в исходной форме долгота не отмечается (СИГТЯ Л, *646, 725*).

В тюрк. языках у *тай ~ дай* наиболее распространено значение 'жеребенок по второму году'. Отметим, что возрастная характеристика, даваемая словом, по языкам заметно варьирует. А.М. Щербаком отмечено варьирование от одного года до трех лет (ИРЛТЯ, *91*). В некоторых языках и памятниках слово дается с семантикой 'жеребенок' без указания возраста.

В турк. языке *тай* обозначает и взрослого жеребца (ср. также наименование *тохум тай* 'племенной жеребец'), а в отдельных тюрк. языках и памятниках у *тай* бытует семантика 'молодой конь' ('молодая лошадь') (РСл. III, *765*; ДТС, *527*; см. также ТЛЛ: ст. М. Губогло, *222—223*; Базарова, Шарипова, *51—52*). По мнению М. Губогло, наиболее древнее значение слова *тай* сохранилось в гаг. языке. Оно формулируется как «фольклорный символ молодого прекрасного животного» (без указания его возраста), что сходно с тув. *дай*.

Указанные различия, а также неопределенность, «размытость» возрастных характеристик, даваемых словом *тай*, или их полное отсутствие в значениях этого слова заметно отличают его от других тюрк. названий лошадей по возрасту, которым присущи бóльшая смысловая четкость и одноплановость.

Отмеченная выше семантическая особенность *тай* могла быть както связана со спецификой его первоначальной семантики. Последняя же, по всей вероятности, опиралась на представление о чемто большом, крупном. Так, обращает внимание, что в части тюрк. языков среднеазиатского региона это слово употребляется в значении 'крупное животное в возрасте одного года', которое реализуется в составе аналитических наименований типа кирг. *тай бука*, каз. *тай өгіз* 'бычок по второму году' (КРС, *689*; Базарова, Шарипова, *52*).

Можно полагать, что первоначально *тай* означало нечто вроде 'крупный, большой (подросший, выросший из младенческого возраста)', т.е. животное, в частности жеребенок, теленок, на втором году жизни. Поэтому не случайно то, что именно одногодовалый возраст оказывается минимальным для животных, именуемых *тай*, тогда как с ростом, взрослением (вплоть до того возраста, когда жеребенок становится конем и называется *ат*[1]) возраст продолжает укладываться в рамки того понятия, которое первоначально

[1] Ср. в этой связи др.-тюрк. *taj atatï* 'жеребенок стал конем' (ДТС, *527*), где основа глагола (*atat-* 'стать конем, вырасти (о жеребенке)') — производная от *at* 'конь' (см. также: ДТС, *61*).

связывалось со словом тай ('крупное молодое животное'). Это обстоятельство и сделало его семантику как бы «безразмерной» в возрастном плане.

В пользу значения типа 'крупный, большой...' как первоначального для слова *тай* может свидетельствовать и то обстоятельство, что оно во многих языках «характеризуется и родо-половым дифференциальным признаком, поскольку, как правило, обозначает жеребенка мужской особи» (Базарова, Шарипова, *52*; см. также: ИРЛТЯ, *91*), т.е. особи более крупной, нежели женская.

Скорее всего, *тай* первоначально было прилагательным со значением 'крупный, большой...' которое затем подверглось субстантивации. Думается, это слово гомогенно с *тай ~ дай...* как названиями старших родственников, которое мы также возводим к этому *прилагательному (см.* **даай**), *а также с другими словами: см.* **дайын II, III**.

Дай 'конек...' находится на периферии тув. лексики и практически не входит в систему названий лошади по возрастному признаку. Вместе с тем исследователями к слову *дай* возводится наименование одной из возрастных разновидностей оленя в диалектах тув. языка — *куудай*, которое тоджинцы относят к домашнему кастрированному животному, используемому для перевозки вьюков и верховой езды (его возраст, по-видимому, не моложе двух-трех лет). Население Тере-Холя словом *куудай* называют двухлетнего оленя-самца. Ср. также тоф. *куудай ~ hуудай* 'бык домашнего северного оленя в возрасте двух-трех лет'.

Кроме того, тув. *куудай*, по-видимому, имело общее значение 'олень-самец', реализующееся в аналитических наименованиях *бир дуктуг куудай* 'трехлетний олень-самец', *ийи дуктуг куудай* 'четырехлетний самец', *уш дуктуг куудай* 'пятилетний олень-самец' (см.: ВТЯ, *78*).

Исследователи правомерно возводят тув.-тодж. *куудай* к сочетанию *куу дай* 'серый конь'. См., в частности: Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. — М., 1961. — С. 32 и др. работы. Это наименование представляет собой случай переноса скотоводческой терминологии на оленеводство.

дайгы 'окрик, которым останавливают или перегоняют стадо коз или овец'; **дайгыр-** 'останавливать окриком (коз или овец)'.

Ср. кбалк. *тай-тай* — возглас, которым отгоняют от коровы телят старшего возраста; последнее, возможно, восходит к повелительной форме (*тай!*) глаг. основы *тай-* 'уходить (откуда-л.), покидать кого-что-л.', которая также имеется в кбалк. языке. Значение 'уходить...' интерпретируется как переносное к *тай-* (*таярга*) 'скользить' (КБРС, *614*), что не выглядит достаточно убедительно; ср. также кум. *тай-* 'удаляться, отстать, отойти' (РСл. III, *766*), як. *тай-*

(*тэй-*) 'удаляться, отходить; отступать, уступать; отставать (от грехов)' (Пек. III, *2617*; ЯРС, *424*). Сюда же, видимо, следует отнести алт. диал. (туба) *тай-* 'бросить'.

Тув. *дайгы* могло быть производным от указ. глаг. основы *тай-*. См. также **тайыл-**. *Дайгыр-* (< *дайгы-р-*) — образование от *дайгы*.

С возгласом *тай-тай* и его вероятными соответствиями, возможно, связаны кирг. *чай* — окрик, понуждающий стадо овец повернуть назад или остановиться, каз. *шай* — возглас, которым погоняют овец. О возможном чередовании *т* ~ *ч* см. **дайна-**.

дайгы-кыйгы см. **дайгы, кыйгы**.

дайгына см. **даңгына**.

дайгыр- см. **дайгы**.

дайза 'патронташ'.

Монг. заимствование. Ср. п.-монг. *dajiza* (< кит. *дай-цзы*) 'патронташ, подсумок' (ЧР, *334*).

дайзын 'враг, противник, неприятель; безжалостный, жестокий; шустрый, бойкий'.

Монголизм. Ср. монгол. *dajisun/дайсан* 'враг, неприятель; мятежник'. Судя по развитию вторичных значений, тув. *дайзын* принадлежит, скорее всего, к старым заимствованиям.

дайлак, тайлак 'трехлетний верблюд'.

Соответствия тув. *дайлак* ~ *тайлак* имеются в ряде тюрк. языков, в основном в форме *тайлак* и близких к ней. А.М. Щербак отмечал их вместе с *дай* ~ *тай* 'жеребенок' (см. **дай**), но без указания их языковой принадлежности и значений. В части тюрк. языков словом *тайлак*... называют жеребенка (без конкретизации возраста), напр. в азерб. *дай, дайлаг* и *дайча* имеют значение 'жеребенок'; ср. также уйг. диал. *тай* = *тайлак* (Садвакасов 1970, *234*), узб. *той-тойлок* 'жеребенок' (см. также: Базарова, Шарипова, *51—52*).

В других тюрк. языках рассматриваемым словом называют верблюжонка, также не всегда с указанием возраста: тур. *taylak* 'верблюжонок' (по Радлову, 'двухлетний верблюд'), кирг. *тайлак* 'верблюжонок'; каз. *тайлак* 'годовалый верблюжонок'; тат. и общекыпч. *тайлак* 'двухлетний верблюжонок' (Ахметьянов. ОЛМК, *87*).

Тай... и *тайлак*... — бесспорно, родственные слова, но их структурные различия недостаточно ясны. Исследователи в последнем выделяют аф. *-лак*, не уточняя его смысловых характеристик (Владимирцов. Ср. грамматика, *291*; ср. также: EW, *455*) или произвольно приписывая ему конкретное значение, напр. трактуя *-лак* как уменьшительно-ласкательный аф. (Базарова, Шарипова, *52*), хотя использование такого форманта в данном качестве неизвестно.

Кроме того, в ряде случаев затруднительно говорить об аф. *-лак* вообще, поскольку соответствующие слова, в состав структуры которых входит компонент *-лак*, явно образованы с помощью двух

формантов: глаголообразующего *-ла-* и *-к*, образующего отглаг. имена (см.: АИ, *218* и след.).

По всей вероятности, подобная структура *-лак* характерна и для *тайлак*... Первоначально от *тай* 'жеребенок' была образована глаг. основа **тайла-*, о которой дают представление, в частности, тат. *тайла-* (РСл. III, *769*), узб. *тойла-* 'жеребиться', а затем от указ. основы — имя *тайла-к*.

Последнее, первоначально входило, вероятно, в коневодческую терминологию, а затем стало одним из терминов верблюдоводства. В этом качестве указ. слово используется в монгол. языках, где оно имеет непостоянную возрастную характеристику. Так, Б.Я. Владимирцов в указ. работе (с. 291, 293) приводит п.-монг. *tayilaγ* и его совр. монгол. соответствия в значениях 'двухлетний верблюд' и 'верблюд по второму году', тогда как в другом источнике у монг. *тайлаг* указана семантика 'самец верблюда до кастрации (т.е. от трех до четырех или пяти лет)' (МРС, *385*).

Скорее всего, слово монгол. языков должно быть отнесено к числу тюркизмов. В тув. языке *дайлак ~ тайлак*, судя по его семантике, представляет собой, по всей вероятности, вторичное монгол. заимствование, как и другие подобные наименования: см. **бодаган, дорум**.

дайлым 'причина; влияние'.

По-видимому, монголизм. Ср. монгол. *dalim/далим* 'подходящий, удобный случай'; монг. *далимда* 'по случаю, кстати' (Цэвэл, *185*). Появление *-й-* в тув. *дайлым* — довольно распространенное для монголизмов тув. языка отражение монгол. *-и-* в словах с заднерядным вокализмом. Семантика *дайлым* заметно изменена по сравнению с оригиналом, что отчасти, вероятно, связано с переходом слова в категорию служебных: ср. *дайлымы-биле*, *дайлымында* 'благодаря чему-л.; из-за, вследствие, по причине'.

дайна- 'жевать, разжевывать; есть что-л., принимать пищу; кусать, грызть'.

Ср. тоф. *дайна- ~ тайна-* 'жевать (о человеке)' (ТРС-РТС, *148*), а также *тайна-* 'жевать' в хак., шор. и чул.-тюрк. языках (РСл. III, *769*). В ряде тюрк. языков отмечен другой вариант, называющий это действие, типа *чайна-* (алт., кирг., чаг., узб.) и его явных (каз. *шайна-*), в т.ч. переднерядных (турк. *чейне-*, азерб. *чейнэ-*, тат. *чәйнә-*), модификаций с общим значением 'жевать' (ср. также тур. *çiğne-* то же).

Дайна- и другие основы удовлетворительной этимологии не имеют. Исследователи в лучшем случае только приводят сопоставительный материал. Одни из них склонны считать формы типа *тайна-* и *чайна-* гомогенными, в то время как другие авторы сопоставляют эти формы со знаком вопроса (напр., М. Рясянен в EW, *95*).

Попытки предложить этимологию предпринимались в основном по отношению к *чайна-* и его модификациям. Э.В. Севортян писал о *чайна-*... как об общетюрк. слове, признавая в то же время неясность его структуры и сомневаясь в его подражательной природе, а также в том, что оно является бесспорным образованием с аф. *-на-* (АГ, *336—337*).

Относительно структуры *чайна-* высказываются и суждения прямо противоположного характера: этому глаголу и его соответствиям почему-то приписывается значение 'чавкать' и сообщается, что они образованы от звукоподражания с помощью аф. *-на-*, возводимого к *-ла-* (СИГТЯ М, *429*) (последнее, однако, небесспорно).

Э.В. Севортян, анализируя глаг. основы, в состав которых входит аф. *-на-*, отмечал, что с его помощью могут образоваться вторичные производные основы от глаголов. При этом одним из несомненных значений данного форманта считается значение учащательности (АГ, *337*).

Со значительной долей достоверности глаг. типа *дайна-*, *чайна-* и под. также могут быть определены как отглаг. образования на *-на-*. Для установления их производящей основы и первоначальной семантики наиболее благоприятные возможности предоставляет форма *чайна-*, у которой обнаруживаются наиболее вероятные и довольно многочисленные гомогенные слова.

К их числу может быть отнесено сущ. *чайыр* (> каз. *шайыр*; тат. *чәер*), обозначающее смолу, камедь, канифоль и под., отмеченные в кирг. и кыпч. языках. Удовлетворительной этимологии слово, по-видимому, не имеет (EW, *95*).

Можно полагать, что первоначально *чайыр* обозначало то, что жуют, жвачку (типа серы, изготовленной из смолы). Поэтому не случайно то, что кбалк. *чайыр* имеет, кроме 'смола', также и значение 'жвачка'. Следовательно, есть основание выделить в составе *чайыр* глаг. основу **чай(ы)-* с той же семантикой, что и *чайна-*, и аф. *-(ы)р*, образующий отглаг. имена.

В каз. языке, кроме *шайыр* 'смола', есть и другие тождественные с ним по внешнему облику слова, в настоящее время омонимичные с последним, но, по всей вероятности, гомогенные с ним. Это *шайыр* 'мелкие дробленые камни, гравий', в одном из диалектов — 'пески, *вынесенные волнами моря на берег*' (Аманжолов, *416*). Рассматривая структуру каз. *шайыр*, А.Т. Кайдаров членит слово на элементы *шай* + *ыр*, сопоставляя его с другим каз. словом — *шагыр*, синонимичным с *шайыр* и производным от глаг. основы *шак-* 'дробить на куски, разбивать' (Кайдаров, *298*).

Из этого следует, что и в названии смолы, и в названии дробленых камней и песка (*шайыр* < *чайыр*) выделяется основа **чай-*, означающая не только 'жевать', но и 'дробить, разбивать на мелкие

части', а в более общем плане — 'бить, тереть, давить' и под. Ср. также ног. *шая* < **чай-а* 'б о й к и й, отчаянный' (см. рус. *бойкий*, в свою очередь связанное с основами *бить, бой*). В кирг. языке функционирует и сам глаг. *чай-* 'ударять, наносить сильный и резкий удар; дать подножку'. В некоторых случаях варианты глаг. *чайна-* могут обозначать не только жевание, но и битье. Так, по Радлову, *чайнӑ-* имеет значения 'жевать' и в тур. — 'сбить с ног' (напр., лошадью пешехода) (РСл. III, *1942—1943*). Подобное же наблюдается и в тур. *çiğne-*, означающем как 'жевать', так и 'топтать, мять (ногами)', 'давить, раздавливать'; ср. также тур. *çiğ* 'лавина, [снежный] обвал'.

Очевидно, в плане семантики развитие шло от наименования деструктивного действия, внешнего по отношению, в частности, к человеку и связанного с нанесением сильных ударов, к названию сходного действия, относящегося к физиологии. Подобные переносы наименований имеют довольно распространенный характер.

Структурно *чайна-*, скорее всего, представляло собой отглаг. основу. Правда, *чай* могло быть не только глаголом, но и соотносительным с последним именем, о чем, кажется, свидетельствует тур. *çaylak* 'коршун' (< **çay-la-k*) и сиб.-тат. *чайлан* то же (**чай-ла-н*). Однако аф. *-ла-* присоединялся и к глаг. основам, придавая им значение учащательности (АГ, *90*), что могло быть и в данных названиях птицы.

В тур. *çiğne-* с указ. семантикой как будто возможна отыменная производность, но структурно этот глагол выглядит недостаточно ясным. Не исключено, что и в этом случае компонент *-не-* также был присоединен к глаг. основе. Кроме того, тур. глагол, который в целом выглядит изолировано на фоне форм *тайна-* и *чайна-*, скорее всего, появился позже них и, возможно, был образован по образцу глаг. *чайна-*.

Неясным представляется характер отношений и между формами *чайна-* и *тайна-*. Последняя не может быть отнесена к фонетическим вариантам первой, так как переход *ч-* > *т-* нехарактерен для тюрк. языков и, по-видимому, маловероятен с типологической точки зрения. Более реален обратный переход (*т-* > *ч-*), но этот процесс, насколько позволяют судить имеющиеся данные, характерен в основном для слов с переднерядным вокализмом и в позиции перед гласным *-и-* (см.: СИГТЯ Ф, *209—210*). Спорадически соответствие *т-* ~ *ч-* встречается в тех словах, в составе которых отмечен *-й-* (см. **дайны**).

В случае с *тайна-*... переход *т-* > *ч-* труднодоказуем. Форма *тайна-* в отличие от *чайна-* ограничена по своей распространенности южносиб. тюрк. языками, и у нее оказалось весьма сложно обнару-

жить родственные слова. К ним можно отнести алт. диал. (тел.) *тайба-* 'попирать, топтать ногами' (РСл. III, *771*), которое М. Рясянен дает без этимологической версии и без указания соответствий в других тюрк. языках. (EW, *455*).

Можно предположить, что *тайба-* < **тай-ма-*, где **тай-* — глаг. основа, а *-ма-* — аф. с интенсивным значением, который назван Э.В. Севортяном древнейшим аффиксом учащательности (см.: АГ, *352*; ЭСТЯ IV, *95*). Основа **тай-* первоначально означала нечто вроде 'наступать на что-л., придавливать (ногой)' (см. также **даяк** I, II). Вероятно, от той же глаг. основы при помощи аф. *-на-*, имеющего сходную с *-ма-* семантику, было образовано слово **тайна-*, означавшее примерно то же, что и *тайба-*, а также имевшее значение 'жевать', которое и сохранилось в совр. языках.

Нельзя исключить возможности того, что глаг. основа *тайна-* (> тув. *дайна-*) была образована под влиянием *чайна-* и по образцу последней.

дайылдаа(н) *уст.* 'война'; **дайылдаш-** 'воевать, сражаться, схватываться, биться с кем-л'.

Глаг. *дайылдаш-* представляет собой монгол. заимствование (ср. монгол. *dajilda-/дайлдах* 'воевать, враждовать друг с другом'), оформленное тюрк. (и тув.) аф. совместно-взаимного залога *-ш-*. Монголизмом является, по всей вероятности, и сущ. *дайылдаа ~ дайылдаан*, непосредственные соответствия которого в имеющихся источниках по монгол. языкам не обнаружены, но оно явно могло быть производным от основы *dajilda-*... и образованным с помощью продуктивного аф. *-ган/-аан*, имеющего также вариант *-га/-аа* с утраченным конечным *-н/-н*. Структурно и фонетически **dajilda-ga(n)/дайылдаа(н)* очень близко к монг. *байлдаан*, бур. *байлдаа(н)* 'бой, битва, сражение' (см.: Бертагаев. Лексика, *113*). См. также **дайзын, дайын I, дайычыла-**.

дайылдаш- см. **дайылдаа(н)**.

дайын I 'война'.

Монголизм. Ср. (Поппе. Мук.) *dain* 'враг', монгол. *dajin/дайн* 'война, вражда, ссора; враг, неприятель'. См. также **чаа III, чаа-дайын**. Производным от основы типа *dajin* считается *daji-sun* 'враг' > тув. *дайзын* (EW, *130*). См. **дайзын** , а также **чаа II**.

дайын II 'молодецкий, молодцеватый'.

По-видимому, не имеет прямой связи с *дайын* 'война' (см. **дайын I**), а может быть отнесено к словам тюрк. происхождения.

Оно, возможно, родственно таким др.-тюрк. словам, отмеченным МК, как: *tajlaŋ* 'изящный, статный' (*tajlaŋ jigit* 'изящный юноша'), *tajtur* 'тонкий, изящный, изысканный', **tajuq* в *tajuqlan-* 'стать изящным' (оба последних слова сочетаются с *er* 'мужчина') (ДТС, *528*). В другом источнике (по МК) соответствие *tajtur* отсутствует,

но даются *майук эр* 'элегантный молодой человек' и *майлаң эр* 'красивый аккуратный человек' (МК И, *243*).

Дж. Клосон в своем труде представляет др.-тюрк. *tajuk* как окказиональное слово, синонимичное *tajlaŋ*, а также приводит выражение *tajuk er* 'молодой, элегантный, утонченный мужчина'. Он допускает этимологическую связь между *tajuk* и *tajlaŋ* и полагает, что оба могут быть заимствованиями, приводя предположение Б. Аталая о родстве этих слов с тур. *dayı* 'хороший, красивый, интересный' (ED, *568*). Последнее могло означать также 'храбрый, удалой' и под., о чем свидетельствует тур. слово *дайылык* (*dayılık*) 'мужество, храбрость', а по В.В. Радлову, — также 'фанфаронство, бахвальство' (РСл. III, *1621*).

В тур. языке указ. слово, по-видимому, контаминировалось с термином родства *dayı* 'дядя (по матери)', а также 'дядя (почтительное обращение к старшему по возрасту)' и под. (*day* + *-ı* — аф. принадлежности 3 л. ед.ч.) (см.: ЭСТЯ III, *127—128*; ср. также **даай**). Вместе с тем *dayı* могло обозначать и воинское звание, и в последнем случае оно, возможно, было связано и с **дайы* 'храбрый'/'храбрец, герой' (см. *оджак дайысы* 'офицер янычар'; РСл. III, *1620*).

Обращает на себя внимание тот факт, что по своей семантике тур. *дайы* 'хороший, красивый' и под. близко тув. *дайын* 'молодцеватый', а также то, что семантика тув., тур. и др.-тюрк. соответствий очень напоминает спектр значений одного из общетюрк. слов (*йигит* и его вариантов) в различных языках: 'юноша, молодой [человек]; молодец, удалец, джигит; герой, воин' и под. (см.: ЭСТЯ IV, *199*).

Вероятно, тув. *дайын* и его возможные родственные слова гомогенны с общетюрк. *дай* ~ *тай* 'жеребенок' и под. (в т.ч. др.-тюрк. *taj* 'жеребенок; молодой конь'); см. **дай**. Первоначальное значение последнего мы реконструировали как 'крупный, большой (подросший, выросший из младенческого возраста)', с чем связываются представления о молодости, красоте, удали и т.п.

Часть приведенных нами слов, возможно, связана с именной основой **тай*, имеющей подобную семантику, что можно сказать о др.-тюрк. *tajlaŋ* (< *taj-la-ŋ*, где *taj* — вышеуказ. основа, *-la-* — глаголообразующий аф., а *-ŋ* — формант, образующий имена от глаг. основ[1]).

Существовала и глаг. основа **тай(ы)-*, соотносительная с **тай* или производная от нее. О существовании **тай(ы)-* свидетельствует кирг. *тайыш-* 'меряться силами, состязаться', интерпретируемая К.К. Юдахиным как одно из производных значений глаг. *тай-*,

[1] Дж. Клосон вычленял в др.-тюрк. *tailaŋ* аф. *-laŋ*, констатируя в то же время, что такой тюрк. аффикс неизвестен (ED, *568*).

тайы- 'скользить' в форме совместно-взаимного залога (КРС, *691*), но с такой трактовкой трудно согласиться. *Тайыш-* 'меряться силами...' — основа, явно омонимичная *тайыш-* 'скользить, соскальзывать (вместе, одновременно)'. Очевидно, на основании *тайыш-* можно восстановить основу **тай(ы)* — 'иметь, проявлять силу (ловкость, смелость и т.п.)', производными от которой могли быть тур. *dayı* 'хороший, красивый...' и тув. *дайын*, образованные соответственно аф. *-ı* и *-(ы)н*. См. также **дайын III**.

дайын III: **дайын дээр** *уст.* 'отдаленная высокая часть неба, находившаяся на востоке и, по традиционным представлениям, являвшаяся родиной шаманов небесного происхождения'.

Подобная трактовка устойчивому словосочетанию *дайын дээр* (*дээр* 'небо') дается М.Б. Кенин-Лопсаном (см.: КЛА, *31, 91, 351*). При этом первый компонент словосочетания истолковывается им как имя собственное (*Дайын*), хотя, по-видимому, первоначально он таковым не являлся. *Дайын* по своей исходной функции могло быть образным определением, эпитетом по отношению к *дээр*, родственным тув. *дайын* 'молодецкий' (см. **дайын II**). Словосочетание *дайын дээр*, исходя из трактовки происхождения последнего, вероятно, означало 'большое (великое, могучее...) небо'.

дайын-дажаң см. **дажаң II**.

дайырган см. **дажырган**.

дайычыла- *фолькл.* 'сражаться, воевать, драться, бороться; отбирать насильно'.

Тув. *дайычыла-* родственно таким словам, как *дайзын* 'враг', *дайын* 'война' и др. (см. **дайзын, дайылдаа[н], дайын I**) и, подобно им, относится к числу монгол. заимствований. Ср., в частности, п.-монг. *dajičila-* 'беспрестанно враждовать; наталкивать, направлять на дурное' (Голст. III, *6*).

дакпыр [аъ] 1. *В сочетании с числительными выражает кратность чего-л.* (**ийи дакпыр** 'двойной, двукратный'); 2. 'беременная'; **дакпырлыг** 'беременная'.

Ср. тат. *тапкыр* 'раз', уйг. диал. *dapqur, tapkir* то же (Тенишев. УДС, *43, 161*). Как и тув. *дакпыр* (см.: Рассадин. МБЗ, *60*), приводимые соответствия относятся к числу монголизмов. Ср. монгол. *dabqur/давхар* 'двойной, многорядный, наслоенный; слой, ряд, этаж; беременность'. В тув. *дакпыр* отмечена метатеза срединных согласных.

дакпырлыг см. **дакпыр**.

дакпыш [аъ] 'малый (по площади), тесный, мало́й (об обуви); учащенный, частый (о дыхании)'.

По-видимому, гомогенно с **дагы- II** (см.), являющимся более «естественным» двухсложным соответствием глаг. основы, отмеченной в нескольких тюрк. языках: ср. кирг. *така-* 'придвинуть вплотную, приставить', каз. *така-* 'приближаться, придвинуться вплотную;

подпереть, приставить что-л.', где выделяется основа **так* 'близкое соприкосновение' (Кайдаров, *280*), уйг. диал. *така-* 'запереть дверь бревном...' (РСл. III, *780*), уйг. *таки-* 'сталкивать что-л. с чем-л.; приставлять, приближать, придвигать вплотную'. Отмечены также тур. *так* 'сдавленный, сложенный' (РСл. III, *778*), тув. *так* 'крепко, вплотную...' (см. **так I**).

Название подобного типа, по-видимому, послужило производящей основой для вышеприведенных двухсложных глаголов. Судя по тув. *дакпыш* (< *дак-пыш*), существовало и их односложное соответствие *так-* (~ **дак-*) 'приближать(ся), придвигаться вплотную'. Элемент *-пыш* в *дакпыш* восходит к аф. *-мыш*, образующему соответствующую причастную форму, а также являющемуся довольно распространенным имяобразующим аффиксом (см.: АИ, *348 и след.*). Таким образом, тув. *дакпыш*, по-видимому, <**так-мыш*. См. также **дыкпыш**.

дал- 'падать в обморок, терять сознание; цепенеть (напр., от неожиданности, испуга)'.

Общетюркское (за исключением основной части огузских языков); отмечено в вариантах *дал- ~ тал-* (в т.ч. с долготой в тур. диалектах и як. языке). В ряде тюрк. языков у данного глагола отмечены значения тех же двух типов, что и в тув., а у некоторых из соответствий — семантика только одного из них. Значение 'цепенеть' характерно в основном для як. языка: *таал-* 'остолбенеть, приостанавливаться, молча стоять (сидеть), стоять как вкопанный' или, по ЯРС, — 'замереть, обмереть (напр., от испуга, неожиданности)'.

Общепринятой этимологии глагол не имеет. Первоначальная семантика общетюрк. *дал- ~ тал-* может быть обобщенно определена как 'неожиданно попадать в трудное положение' или близкая к ней, в частности, 'неадекватно реагировать на резко изменившуюся ситуацию, теряться'. В круг первичных значений глагола входят такие, как 'оцепенеть (от неожиданности, испуга); быть застигнутым врасплох' и 'онеметь; остолбенеть' и под.

Значения вроде 'лишаться чувств, терять сознание' и т.п. связаны с указанными, но выглядят вторичными по отношению к ним и возникли, по всей вероятности, как эвфемистические для называния бессознательного состояния.

Предполагаемая первоначальная семантика нашла свое выражение в именном корреляте рассматриваемой глаг. основы, существование которого предполагал Э.В. Севортян, приводя в качестве материала кирг. *дал* 'растерянный, опешивший', но делая оговорку, что «пример единичен, и анлаут в нем имеет *д-*, тогда как глагол в кирг. имеет в начале *т-* (*тал-*)» (ЭСТЯ III, *134*).

В последующем Е.З. Кажибеков подтвердил наличие подобного именного соответствия у глаг. *дал- ~ тал-*, приводя, кроме указ. кирг. прилагательного, каз. *дал* 'растерянный, опешивший', а также выра-

жения *дал бол-* (*бол-* 'быть') и *дал кыл~* (*кыл-* 'делать, производить'), означающие соответственно 'растеряться, оказаться в отчаянном положении' и 'привести в растерянность, в затруднительное положение' (Кажибеков, *71*). В другом источнике каз. *дал* приводится со значением 'безвыходность положения' (Кайдаров, *200*). При этом глаг. основа в каз. языке также имеет глухую начальную согласную (*тал-*), но с учетом чередования *д- ~ т-* такого рода различия глаг. и именных коррелятивных основ, очевидно, не должны служить помехой для установления смысловых связей между ними.

Практически та же именная основа обнаруживается (в качестве корневого элемента) и в тур. *dalli* 'трудный, затруднительный', а также *dallan-* '*запутываться, осложняться*'.

В тур. отмечен и глаг. *dal-* 'неожиданно войти (без спроса)' или, по другому толкованию, '[быстро] входить; [быстро] погружаться; проникать, вторгаться'; (воен.) 'вклиниваться' (ТурРС 1977, *206*), который рассматривается (в частности, Э.В. Севортяном) как одно из соответствий основы *тал- ~ дал-*, хотя в данном случае возможна контаминация с омонимичной глаг. основой (см. также **далбый**)

дал 'как раз, точно; самый...' (**дал дүъш** 'самый полдень').

Соответствия типа *дал ~ тал* отмечены в тур. (диал.), каз., ккалп., а также в тюрк. языках Южной Сибири с семантикой 'как раз', 'точно', 'ровно...'. Считается монгол. заимствованием; ср. монгол. *tal* 'ровно, точно' (ЭСТЯ III, *132*), 'половина'; не вполне ясен начальный *j-* в шор. *јал түш* 'полдень' и под. (Вербицкий, *71*).

По мнению С.Н. Муратова, тюрк. *дал ~ тал* представляет собой *л*-вариант тюрк. *таш* 'друг, приятель; одинаковый' (> аф. *-таш*) (см.: ПОАЯ, *335*).

далай 'море; большое озеро или река; водное пространство'.

В близких значениях и в вариантах *далай ~ талай...* отмечено в ряде совр. тюрк. языков, где соответствующее слово истолковывается как монголизм (EW, *130*; ED, *502*; АЭ, *162*), что в целом оправдано. Ср. п.-монг. *dalai*: 1) 'море, океан; большое озеро'; 2) 'много, множество'; монг. *далай* 'океан, море' и др. К монголизмам должно быть отнесено и тув. *далай*.

В др.-тюрк. памятниках представлено слово *taluj* 'море, океан' (ДТС, *529*), относительно происхождения которого высказываются различные мнения. Так, широко распространено представление, согласно которому оно имеет монг. происхождение (Иллич-Свитыч 1971, *216*; EW, *130*; АЭ, *122*).

Согласно Дж. Клосону, правдоподобна версия о том, что это слово может быть отнесено к кит. заимствованиям, как и монг. *dalai* (< кит. *ta lei*) (ED, *502*). С ней соглашался А.Н. Кононов (ГЯТРП, *99*), хотя ранее он в том же труде отнес *taluj* к монголизмам.

В недавно опубликованной работе об этом слове уверенно говорится как о китайском по происхождению и восходящим к кит. *taluj*, где *ta* означает 'большой' (ср. **даа II**), а *luj* — 'волна, поток' (СИГТЯ Л, *89* — со ссылкой на Л. Базэна). В этом же труде (с. 725) формы *talaj*, *taluj* выводятся из монгол. языков, где слово, в свою очередь, трактуется как кит. заимствование.

Следует заметить, что представление о *dalai...* как о собственно монгол. слове, к которому восходит в числе прочих и др.-тюрк. *taluj*, не подтверждается сколько-нибудь серьезным этимологическим анализом и едва ли может быть принято. Сомнительной представляется и сама возможность монгол. происхождения указ. варианта слова, зафиксированного, в частности, в ранних памятниках (VIII—XI вв; см.: ДТС, *529*; Тугушева, *365*), в отличие от *talaj* (в памятнике XIII в.) правомерно сближаемого с п.-монг. *dalaj* (ДТС, *528*).

«Китайские» версии происхождения *taluj* (а также *dalai*) также небесспорны. Вызывает сомнение, напр., реальность заимствования из кит. в тюрк. языки географического термина. Для соответствующей тематической группы лексики китаизмы нехарактерны, об этом свидетельствует, в частности, список общетюрк. географических терминов, где *taluj* 'море' — единственное кит. заимствование (СИГТЯ Л, *87—88*).

Кроме того, есть возможность (до сих пор до конца не реализованная) истолкования *taluj* как исконно тюрк. слова. Этой точки зрения придерживался Г. Дёрфер, считавший также, что монгол. *dalai...* является др.-тюрк. заимствованием, с чем можно согласиться. К сожалению, ученый не дал этимологии тюрк. слова, а пратюрк. реконструкция его формы в виде **daloi* (со ссылкой на др.-тюрк. *taluj*) (Дёрфер II, *196*) выглядит неубедительно. Ср. также **dalui/daloi* в кн.: Иллич-Свитыч 1971, *217*.

В указ. труде высказана мысль о том, что значение 'море', представленное у производных в алт. языках, «развилось из формы с семантикой типа 'волнующееся'» (Там же). Это представляется близким к истине, как и сопоставление тюрк. и монг. названия моря с именем типа азерб. *далга*, тур. *dalğa* 'волна', которые (скорее всего, ошибочно) отнесены к монгол. заимствованиям (Иллич-Свитыч 1971, *216*). Ср. также чаг. *талга* 'движение моря; волнение моря' (РСл II, *891*).

Более приемлемо предположение Э.В. Севортяна о том, что, в частности, азерб. *далга* 'волна' может быть отнесено к числу отглаг. производных с аф. *-га* (АИ, *234*). Основа же *далга ~ талга* может быть сближена с чаг. *тал-* 'метаться, противиться, шататься, биться'. По-видимому, у указ. глагола существовала и форма **талык-*, где *-ы(к)-* — формант со значением учащения или усиления. Указ. форма реализуется в чаг. *талкум ~ талгум* 'морские волны; движение воз-

духа' (< ? *тал(ы)к~ + -(у)м*); ср. также чаг. *талкаса* 'движение туда и сюда; дрыганье' (РСл. III, *890—892*) со структурными неясностями.

Возможно, формой, семантически близкой к **талык-*, была **тал-га-* , о которой можно судить по чаг. *талган-* (< *тал-га-н*) 'волноваться, быть в движении' и *талгат-* (< *тал-га-т*) 'привести в движение, волновать' (РСл. III, *891, 892*), а также др.-тюрк. *talγaγ* (< *tal~γa~γ*) 'пурга' (ДТС, *528*). В тот же ряд слов могут быть включены алт. *талга-* 'страдать падучей', алт. *талгак* 'эпилепсия, падучая', хак. *талгах* 'эпилепсия, припадок', др.-тюрк. *talγan ig* 'эпилепсия, падучая' (ДТС, *528*).

О существовании именного соответствия основы *тал-* — **тал* с предположительной семантикой 'колебание, волнение; буйство/буйный' свидетельствует др.-тюрк. *talγīr-* 'бушевать (об урагане)' (ДТС, *528*). См. также **далаш-**, **далдаш**.

Многие из рассмотренных выше слов приводятся в словаре М. Рясянена, где они интерпретируются как монголизмы и возводятся к монгол. *dolgi-* 'волноваться' (EW, *458*), что неправомерно.

Можно предположить, что именно основа *тал-* 'метаться' и под. была производящей для **тал-(ы)-й* (> др.-тюрк. *taluj*) 'море', где *-(ы)й* — аф., образующий отглаг. имена со значением признака (ср. 'волнующееся' у В.М. Иллича-Свитыча).

далай-лама 'далай-лама'.

Ср. с.-югур. *talej lama* то же. Монголизмы. Ср. п.-монг. *dalai lama* 'далай-лама' (теократический глава Тибета, высший иерарх ламаистов) (ЧР, *349*).

далалга *диал., рел.* 'праздник'; 'посуда, в которую кладут пищу перед бурганом (изображением Будды)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *dalalγa* 'стрела, обвязанная пенькою, которую употребляют при жертвоприношении для испрошения милости, счастья' (Голст. III, *55*), монг. *далалга* 'призывный жест рукой'; уст. 'обряд призывания счастья' < *даллах* 'звать, махать рукой издалека'.

далаш- *'спешить, торопиться; суетиться'*; **далаш** 'спешный, торопливый; экстренный, срочный; несдержанный, вспыльчивый'.

Ср. тоф. *далаш-* 'спешить' и общетюрк. *далаш-~талаш-* 'кусать(ся), драться' и под. и *далаш~талаш* 'грызня; гам, суматоха, беспокойство; бой, сражение; спор, ссора' и др., а также некоторые другие глаголы и именные основы, связываемые с вышеприведенной глаг.-именной парой (ЭСТЯ III, *134—137*), где, однако, пропущены тув. *далаш-* (с его с тоф. соответствием) и *далаш* (отчасти, вероятно, из-за того, что по своей категориальной и лексической семантике последние заметно отличаются от их соответствий в других тюрк. языках).

В них эта пара (лексема *далаш- ~ далаш*) входит в группу лексем, связанных с обозначением общения (см. **алгыш-**, а также: Татаринцев 1987, *125—126*), тогда как в тув. языке она вместо совместного действия, совершаемого в состоянии возбуждения, его «опредмеченного» процесса или реже результата (значения типа 'гам, шум, суматоха, беспокойство, возбуждение' в некоторых языках), обозначает действие. совершаемое в беспокойном, возбужденном состоянии (или само это состояние), но не являющееся совместным или взаимным.

В качестве основ, связанных с общетюрк. *далаш-* и *далаш*, Э.В. Севортян приводит межтюрк. *да:ла- ~ дала- ~ тала-* 'грызть, кусать-(ся); рвать, разрывать...', *да:лан- ~ далан-* (турк., тур. диал.) — страдательная форма от *да:ла-* (+ 'приставать, искать ссоры' и под. — тур. диал.) и др.-тюрк. *talïm* 'хищный...'; 'борьба, бой, грабеж'. Как он полагает, одним из центральных и вместе с тем исходным значением почти для всех рубрик является 'грызть(ся)'.

Для последнего предположения, думается, нет достаточных оснований, тем более что этимологический анализ *далаш- ~ далаш* до конца не доведен. Сказано лишь, что глаг. формы *дала-*, *далы-* (*talï-*), а также *далла-* (тур. диал. *dalla-* 'сразу набрасываться (при ссоре)...') образовались от сущ. ***дал*** (при этом не ясно, что собой представляет значение последнего) с помощью глаголообразующих аф. *-а-*, *-ы* и *-ла-*. *Далаш-* — совместно-взаимная форма от *да:ла-* и проч.

Можно полагать, что выделенная Э.В. Севортяном производящая основа тождественна, с одной стороны, именной основе ***тал** (~ ***дал**?) 'буйный, буйство'(?) (с глаг. соответствием *тал-* 'метаться; противиться; биться'), о которой речь шла выше (см. **далай**). С другой стороны, искомое ***дал*** могло быть не только именной, но и, вероятно, образной основой, о чем свидетельствуют, напр., материалы каз. языка: *дал-дал кыл-* 'разорвать в клочья', *дал-дал бол-* 'разорваться в клочья', *дал-дал, дал-дул* 'в лоскутах; изорванный на куски', *дала-дала* 'разбитый вдребезги; разорванный в клочья'.

Е.З. Кажибеков, основываясь, по всей вероятности, на каз. языковых данных, реконструировал глаг.-именную пару *дал-* 'быть изодранным в клочья' — *дал* 'изодранный в клочья' (Кажибеков, *248*). Можно полагать что эта пара родственна вышеприведенной лексеме, связанной с обозначением буйного состояния, припадков и под.: разорвать (изорвать) в клочья, разбить что-л. вдребезги означает нарушить цельность предмета с и л ь н ы м и, р е з к и м и движениями.

В тув. лексеме более многозначным является ее именной компонент *далаш*, который, возможно, сохранил и более древнюю лексическую семантику ('несдержанный, вспыльчивый'), которая соотносима с такими значениями *далаш ~ талаш* в других тюрк. языках,

как 'суматоха, беспокойство, возбуждение'. И тув. *далаш-* первоначально могло означать нечто вроде 'вспылить, проявлять несдержанность'. Затем, однако, и в глаг. *далаш-*, и в прил. *далаш* возникла и выдвинулась на первый план семантика быстроты, поспешности, причем иногда излишней ('суетиться'). Подобные семантические изменения заметно обособили тув. лексему от ее соответствий в других тюрк. языках.

далаш см. **далаш-**

далбый [аъ] 'деревянный снегоочиститель клиновидной формы, клин'. Непосредственных соответствий в других тюрк. языках не обнаружено, однако тув. *далбый* может быть сопоставлено с др.-тюрк. (МК) *talγuq* 'клин, с помощью которого закрепляется лезвие топора на топорище' и *talγuč* 'палочки, используемые для укрепления поклажи на спине животного' (ДТС, *528*), а, согласно другому источнику, означавшими соответственно 'клин; гвоздь' и 'клинышек, используемый для прикрепления вьюка' (МК И, *244*).

В словаре Рясянена сопоставляются уйг. (= др.-уйг.) *talγuk* 'гвоздь', МК *talγuk* и шор. *talyk*, *tayyl* 'клин' (EW, *458*), но никакого анализа при этом не проводится, и остается, в частности, неясной природа различий между двумя шор. формами названия клина (вторая — результат метатезы). К тому же следует отметить, что шор. *talyk* (*малык*) означает также 'мялка для дубления кожи' (РСл. III, *886*) (см. **далгы-** I).

Э.В. Севортян в одной из своих монографий приводит др.-тюрк. (МК) *talguk* 'клин или гвоздь для укрепления топорища' как одно из производных имен, образованных при помощи аф. *-guk* (АИ, *253*), но не указывает, от какой (глаг.) основы произведено слово.

Очевидно, что применительно к др.-тюрк. материалам можно говорить о наличии глаг. основы *tal-* (от нее же с помощью аф. *-γuč* образовано *talγuč*). Можно предположить, что эта основа выражает идею разделения, нарушения цельности. Поэтому **tal* можно связать (и, по-видимому, отождествить) с тур. *dal-* '[быстро] погружаться; [быстро] входить, проникать; вторгаться'; воен. 'вклиниваться'; ср. также чаг. *талга-* 'разделять, отделять, разъединять' (РСл. III, *891*; толкование дано с учетом немецкого варианта трактовки значения слова), где *-га-* (< *-ка-?*) — аф. с семантикой многократности или интенсивности (которая, как и в ряде других подобных случаев, уже перестала ощущаться; см., напр.: ИМЧЯ, *171—172*); ср. также уйг. диал. (лоб.) *тала-* 'разрывать, отделять, расщеплять'.

С рассмотренными словами может быть гомогенно др.-тюрк. (МК) *talgīγ* 'седловина' или, по другому источнику, 'место стыка гор' (ср. ДТС, *529* и МК И, *244*), где *-g(ī)-* — аф. интенсива, а *-γ* — формант, образующий отглаг. имена.

Итак, глаг. основа **tal- ~ dal-* может быть родственна с *dal-* 'быть изодранным в клочья' (по Кажибекову) и связанными с последней основами, обозначающими нарушение цельности предмета и уже рассмотренными ранее (см. **далаш**).

Тув. *далбый*, очевидно, гомогенно с рассмотреиными выше глаг. и именными (в частности, др.-тюрк.) основами. Первоначальная ее форма (с учетом фарингализации) и структура могут быть представлены как **тал-пы-й*, где *тал-* — вышеуказанная глаг. основа, *-пы-* — аф. интенсива или многократности, а *-й* — имяобразующий формант.

Судя по характеру сближений, а также по содержанию слова (обозначающего традиционную реалию быта), *далбый* должно быть отнесено к архаичному слою лексики тув. языка.

далган [аъ] 'далган' (*мука из жареного ячменя или пшеницы*); 'мука'.

Ср. тоф. *таълhан* 'мука; мучное изделие, выпечка', др.-тюрк. *talqan* 'поджаренная мука, толокно'. Соответствия типа *талкан* (> *талган*) отмечены в ряде тюрк. языков, но в основном — в восточных со значениями типа 'толокно', '(поджаренная) ячменная мука' и под. (см., в частности. РСл. III, *889, 891—892*).

А.Т. Кайдаров связывает каз. *талкан* 'толокно, крупа' с основой **тал* 'нечто разбираемое, раздираемое на части', которую он видит и в некоторых других словах, однако структурно *талкан* в этой интерпретации выглядит не вполне ясным (Кайдаров, *281*), хотя в плане семантики подобная связь вполне допустима. Основа **тал* может рассматриваться как фонетический вариант каз. **дал*, реализуемого в сочетаниях типа *дал-дал кыл-* 'разорвать в клочья' и под. (Кайдаров, *200*). Существовала, вероятно, и глаг. основа **дал-* 'быть изодранным в клочья' (Кажибеков, *248*).

В тюрк. языках встречается основа типа *тала-* 'разрушать, разбивать, ломать', имеющаяся также и в тув., и в тур. диал. *тала-* 'сжигать, разрушать', происхождение которой считается неясным (ЭСТЯ III, *136*), но которая явно связана с приведенными выше основами. См. также **далбый**.

Очевидно, существовала и глаг. основа **талка-* с подобной же семантикой. Так, М. Рясянен, не давая этимологии *талкан...* в то же время сопоставлял это слово с чаг. *талка-* 'поджаривать' (EW, *458*) (возможно, речь идет о поджаривании зерен ячменя или пшеницы при изготовлении далгана). Ср. также чаг. *талга-* 'разделять, отделять, разъединять' (РСл. III, *891*). Возможно, к числу вторичных отглагольных образований от *талка-* относятся основы типа тел. *талкала-* 'толочь' (РСл. III, *890*), кирг. *талкала-* 'размельчить, растолочь, разбить вдребезги; разгромить'. Ср. также **далгы-** I, II.

От основы **талка-* при помощи форманта *-н* могло быть образовано *талкан...* с которым связано, в частности, тув. *даълган*, перво-

начально, скорее всего, означавшее муку из жареного ячменя или пшеницы.

Близкое соответствие тюрк. *талкан...* имеется в монгол. *talqan/ талх(ан)* 'жареная мука, толокно; хлеб (печеный); порошок'. М. Рясянен дает монгол. соответствие в качестве параллели к тюрк. словам, тогда как, скорее всего, мы имеем здесь дело с тюркизмом в лексике монгол. языков.

В случае с тув. *далган* и некоторыми другими соответствиями возможно вторичное заимствование из монгол. лексики. Ни семантика, ни внешний облик тув. слова не указывают определенно, является ли оно исконно тюрк. словом или монголизмом. В некоторых исследованиях тув. *далган* отнесено к числу общетюрк. слов, противопоставляемых (в диалектах) явным монголизмам (в данном случае — слову *кулур* 'мука'). См. Чадамба 1974, *83*; Рассадин. МБЗ, *59*.

далгы- I [аъ] 'мять кожу'.

Ср. др.-тюрк. *talqï-š-* 'валять войлок, кошму с кем-л.' (ДТС, *529*), тат., алт., тел., шор. *талкы-* 'мять, дубить кожу; ломать коноплю' (РСл. III, *890*), як. *талкый-* 'разминать что-л.', каз., тат. *талкы* 'приспособление для выделки кож, мялка', кирг. *талкуу* (< **талкыг*; ср. тув. *далгы-г*) 'мялка (для обминки кожи)', як. *талкы* 'мялка (для кож)', хак. *талгы* то же; сюда же, по-видимому, относится уйг. диал. *талкан* 'род кожи, стойкой против сырости'.

Часть данных и подобных им материалов содержится в работе М. Рясянена, где, однако, не дается этимология, а лишь приводится в качестве сравнения монгол. *talki-* ('мять кожу, шкуру кожемялкой') (EW, *459*).

Очевидно, указ. глаг. основы и названия соответствующих приспособлений связаны с обозначением сильных, энергичных движений типа *тал- ~ дал-* 'бить(ся)...' и под. (см., напр. **далай**). *Далгы- ~ талкы- ~ талка-* (см. уйг. *талкан*), вероятно, представляют собой форму интенсива на *-кы-* (*-ка-*) от указ. основы (частично мы имеем, вероятно, дело со вторичным заимствованием из монгол. языков, где *talki-* и под., в свою очередь, — тюркизмы). Монголизмом может быть и тув. *далгы-* (< **талкы-* или **талки-*).

Действие, связанное с обработкой кожи или, реже, войлока, могло, по-видимому, обозначаться и непосредственно указ. основой: ср. каз. *талдыр-* 'уплотнить кошму валянием', шор. *тал-(ы)к* 'мялка для кожи'. Возможно, часть других названий соответствующего приспособления (напр., як. *талкы*) также производна от **тал-*, как, возможно, и хак. диал. *далбы* 'приспособление для обработки кожи' (ДХЯ, *63*) (< *тал-бы*).

В тув. языке отмечена также глаг. основа *далгы-* [аъ] 'играть в «почекушку» (подбрасывая игрушку то одной, то другой ногой)', считающаяся омонимичной по отношению к *далгы-* 'мять кожу' (см.: ТРС 1968, *146*). Фактически же мы здесь имеем дело, скорее, с про-

явлением многозначности, но без четко выраженных связей производности значений. Вместе с тем в отличие от *далгы-* 'мять кожу' у основы *далгы-* 'играть в «почекушку»' непосредственных соответствий в других языках не обнаружено.

далгы- II [аъ] 'играть в «почекушку»'.

См. **далгы- I**.

далда- 'отбирать, выбирать (лучшее, подходящее); быть разборчивым, привередливым, прихотливым'.

Ср. азерб., шор., леб., хак., чул.-тюрк. *талла-* 'выбирать', алт., тел. *талга-* то же (РСл. III, *893*, *894*), кирг. *талда-* 'тщательно выбирать, отбирать; сортировать', каз. *талга-* 'выбирать, отбирать; быть разборчивым; отбирать лучшее'.

Вышеприведенные глаг. основы образованы от именной **тал* (~ *дал*) при помощи аф. *-ла*, *-да-*, *-га-* (средний в части случаев, напр. в тув *далда-*, может быть фонетическим вариантом *-ла-*). У именной основы **тал* реконструируется семантика 'нечто отборное, отобранное; выбираемое' (Кайдаров, *281*), что близко к реальности: ср. хак. диал. *тал* 'выбор' (ДХЯ, *38*).

Кроме указ. именной, существует и соотносительная с последней глаг. основа, сохранившаяся, в частности, в як. языке: ср. *тал-* 'выбирать, отбирать; избирать'. Отглаг. производным является, очевидно, и др.-тюрк. (др.-уйг.) *talu* 'отборный, избранный, особенный' (ДТС, *529*), а также отмеченное Н.Ф. Катановым тув. *тала* (*дала*?) 'лучший' (Опыт, *138*).

далдааш 'качели'.

Непосредственных соответствий не обнаружено. В структурно-фонетическом плане слово достаточно ясно. Оно может быть возведено к праформе **дал* (*тал*)*-да-кыч* или **дал* (*тал*)*-ла-кыч*, где **дал* (*тал*) — именная (или образная) основа, *-да-* (возможно, < *-ла-*) — глаголообразующий аф., *-кыч* (которому в совр. тув. соответствует *-гыыш*/*-гыш*) — распространенный имяобразующий формант.

Сонантизация начального гласного этого аффикса и его выпадение на стыке морфем — закономерное для тув. языка явление (см.: ИП, *163—164*). Однако в отличие от основной массы производных имен, образованных с помощью указ. форманта и структурно разъясняемых, исходя из материалов данного языка, в случае с *далдааш* возможность такого разъяснения отсутствует ввиду того, что нет в свободном употреблении соответствующей глаг. основы **далда-*, обозначающей колебательные движения.

Глаг. *далда-* 'отбирать, выбирать' и проч. (см. **далда-**) к рассматриваемому случаю, очевидно, отношения не имеет.

Думается, что интересующая нас основа *далда- ~ талда-* (вероятно, < **далла- ~ талла-*) гомогенна, в частности, со словами, обозначающими волны, волнения, различные бурные проявления при-

родной стихии и под. и связанными с глаг.-именным соответствием **тал- ~ тал* (см. **далай**).

Искомая основа может быть сопоставлена с отыменным производным типа **талга-*, реализуемым в составе залоговых форм чаг. языка *талган-* 'волноваться, быть в движении' и *талгат-* 'привести в движение, волновать' (РСл. III, *891*, *892*). Тув. **далда-*, как, вероятно, и *талга-*, могло означать нечто вроде 'колебать(ся), раскачивать(ся)' или под.

далчыр *презр.* 'косоглазый'

Ср. тоф. *дальчыр* 'левый'. По-видимому, в данных случаях мы имеем дело с монголизмом. Ср. монгол. *daljir* 'кривой, изогнутый; кривобокий; на один бок, на одну сторону'. См. также: Рассадин. Фонетика, *169*.

дам 'еще, еще более, еще больше'.

Ср. тоф. *дам*, которое В.И. Рассадиным истолковывается по-разному: как препозитивная частица, синонимичная *эң* 'самый, наи-' (*Рассадин. Морфология, 96*), наречие со значением 'самый; еще больше' (Там же, *246*). В последнем по времени источнике тоф. *дам* дается с переводом 'все более, еще более, совсем', а также как союз *дам... дам...* 'чем... тем...' (ТРС-РТС, *20*). Все это свидетельствует о функциональном многообразии слова в тоф. языке.

С тув. и тоф. *дам* должно быть сближено в первую очередь с алт., алт. диал. *там* 'еще более', истолковываемое также как усилительная частица (ОРС, *140*) и, возможно, тур. *tam* 'полный, целый'. В каз. отмечена глаг. основа *дамы-* 'развиваться, расти', происхождение которой связывается с некоей (именной?) основой **дам* (Кайдаров, *200*).

Ср. еще як. *тамты* разг. 'совершенно, полностью, окончательно', *?тымта* 'включая и...', 'вплоть до...', а также с.-югур. *t'amar* 'очень, много', кр.-тат. *тама* 'полностью, всецело', уйг. *tamamen ~ tämämän* 'полностью' (Тенишев. УДС, *60*).

По мнению М. Рясянена, тур. *tam*, кр.-тат. *тама*, а также алт. *там* восходят к араб. *tāmm* (без указания значения) (EW, *459*). Согласно В.И. Рассадину, алт. *там* является монголизмом (Рассадин. МБЗ, *21*). Вместе с тем тоф. *дам* (как частицу) он считает возможным сопоставить с тув. *тоң* 'очень, совсем, совершенно', алт., хак. *тың* 'очень', каз. *тым* 'совсем, чересчур' и под., а также с бур. усилителями при прилагательных и наречиях *дан* и *дам*. При этом отмечается, что «по своему облику тоф. *дам* стоит ближе к бур. *дам*, *дан*» (Рассадин. Морфология, *96*).

В подобных обстоятельствах этимология *дам ~ там* едва ли может быть установлена достаточно определенно. В части случаев это может быть действительно арабизм (напр., тур. *tam*), хотя однозначно об арабском заимствовании можно говорить, пожалуй, лишь

применительно к тур. *tamam* 'готовый, законченный; полный, целый, весь' и его соответствиям типа кирг. *тамам* 'все, всё; целиком, полностью; конец' и т.п. (см.: EW, *459*).

Однако об арабизме едва ли можно всерьез говорить в отношении каз. *дамы-*, а также вышеприведенных слов в сиб.-тюрк. языках и с.-югур. Здесь можно констатировать лишь связь этих слов с *дам* в монгол. (в частности, в калм. и бур.) языках, где оно также едва ли может быть связано с араб. *tāmm* или *tamam*.

Согласно словарным материалам указ. монгол. языков, *дам* истолковывается достаточно единообразно: и в калм., и в бур. языках оно употребимо при наречных словах, обозначающих направление, где оно означает 'еще, еще более'; при глаголах часто соответствует приставке *пере-*, обозначая, напр., повторяющееся действие. В форме двойной основы *дам дам* слово выражает повторяемость действия, а также переход предмета или действия от одного объекта к другому (ср.: БурРС, *185*; КалмРС, *180—181*).

Монгол. *дам* с указ. семантикой, по-видимому, сравнительно недавнего происхождения и, вероятно, сформировалось в определенной мере (там, где оно имеет усилительное значение) под тюрк. влиянием на основе слова, обозначающего переход от одного объекта к другому (а также, возможно, повтор действия): ср., напр., монгол. *дам/дам* 'посредством, через посредство'..., от которой образована также монгол. глаг. основа (см. **дамчы-**).

Дам ~ там в языках Сибири и другие, вероятно, родственные с ним (каз. *дамы-*, як. *тамты*, с.-югур. *t'amar*) могут принадлежать к исконно тюрк. словам. Первоначально *дам*... представляло собой, скорее всего, имя со значением признака. Наиболее древнее значение слова можно проследить по каз. *дамы-* 'развиваться, расти' < **дам* с предположительной семантикой 'рослый, значительный (по размерам)' и под. *Дам ~ там* структурно может быть представлено как имя, образованное при помощи аф. *-м* от глаг. основы **да- ~ та-* 'возвышаться' и проч., которую мы уже реконструировали для ряда других слов (см., в частности, **даг**). С *дам* может быть сопоставлено и *дап* 'чуть больше...' (см. **дап II**).

Як. *тамты* и с.-югур. *t'amar* — по-видимому, производные от **там*.

дамбыра 'литавры; ламский барабанчик (в форме двух полушарий, обтянутых кожей)'.

Очевидно, связано с тиб. *ta-ma-ru* (? < скр. *ramaru*) > п.-монг. *damaru*, монг. *дамар* 'маленький ламский барабан с бубенчиками' (Жамбалсурэн, *102*). Отличия тув. *дамбыра* от его тиб. и монг. соответствий не вполне ясны. В частности, *-б-* не принадлежит к числу характерных для тув. слов вставочных согласных.

Возможно, что этот согласный мог иметь звукоизобразительную природу, а также появился в рассматриваемом названии еще на

монгол. языковой почве, о чем свидетельствует, в частности, бур. диал. *дамбар* 'ламский колокольчик' (другие бур. варианты слова — *дамаару, дамаари*) (см.: Рассадин. Присаянская группа, *107*). Ср. также **дембээре-**.

В результате происшедших в звуковом облике *дамбыра* изменений последнее сблизилось с названием другого музыкального инструмента, отмеченного в части тюрк. языков типа тур. *tambur(a)* 'род гитары' и под., откуда рус. *домра* (EW, *59*; Фасмер I, *528*), однако указ. сближение носит, скорее всего, случайный характер.

дам-дум 'кое-где; чуть-чуть'.

Ср. тоф. *дум-дам* 'местами; кое-как', каз. *там-тум* 'в ничтожном количестве, кое-что; чуть-чуть', кирг. *там-тум* (~ *там-тун*) 'неуверенные шаги (ребенка, начинающего ходить); кое-как (делать что-л.)', уйг. *таптум* 'крашеная материя с редкими крапинками другого цвета'.

Ср. также монгол. *дам дум* 'каплями, понемногу; слегка, поверхностно'; 'нетвердо, ненадежно, шатко...' (Голст. III, *47, 50*), *там тум* 'капание какой-л. жидкости'; 'несвязанный, рассеянный'.

Тув. *дам-дум* и его соответствия — очевидно, основы образного происхождения, имеющие общность с тюрк. *дам ~ там* 'капля' и их соответствиями, среди которых отмечены варианты с узким гласным **дым ~ *тым* (ср. тур. диал. *dim dim* 'истечение жидкости каплями'); см. о них в кн.: ЭСТЯ III, *139—140*, а также **дамды**. Ср. также сопоставление як. *тамах ~ таммах* 'капля...' с монг. *tam tum* — междометием, обозначающим капание какой-н. жидкости (Пек. III, *2546*). См. также **дамды**.

В части тюрк. слов мы, возможно, имеем дело с монголизмами (вторичными).

В работе Ц. Дамдинсурэна монг. *там тум* 'несвязанный, рассеянный' отмечено в числе слов тиб. происхождения (Studia Mongolica. — Ulan Bator, 1961. — T. II, fasc. 1—16. — P. 80), что вызывает сомнение.

дамды 'капля; капель; капли, жидкое лекарство'.

Ср. тоф. *тамды* 'капля; брызги'. *Дамды ~ тамды* — производное от глаг. основы типа др.-тюрк. *tam-* 'капать' (имеющего соответствия в других тюрк. языках — *дам- ~ там-* 'капать, литься каплями; течь', у которого есть также именной коррелят); *дамды...* образовано при помощи аф. *-ты* (*-ды*) (Рассадин. Морфология, *78*).

Непосредственные структурные соответствия тув.-тоф. слову в других тюрк. языках не обнаружены. Для них в основном характерны производные на *-чы* (~ *-ча*) вроде *тамчы ~ тамча* 'капля' (см.: ЭСТЯ III, *140*). По-видимому, из-за подобных структурных отличий *дамды ~ тамды* от образований общетюрк. типа это слово оказалось пропущенным в ЭСТЯ.

дамдык [аъ]: **дамдык чок** 'негодный, бесполезный; истрепанный, изношенный'; **дамдыкта-** [аъ] 'выбирать, отбирать [лучшее]'; **дамдыктыг** [аъ] 'сносный, более или менее подходящий (напр., о старых вещах)'.

Ср. каз. *тамтык* 'жалкие остатки; лохмотья', диал. *тымтыгы* (< *тымтык* + *ы*) то же; кирг. *тамтык*: *тамтыгы чыккан* (*кеткен*) 'обветшало, износилось, истрепалось, изодралось', *тамтыксыз* 'изодранный, изорванный в клочья'.

В каз. *тамтык* выделяется основа **там*, не ясная по характеру, и слово членится на компоненты *там* + *тык* (Кайдаров, *281*), что также вызывает вопросы.

По-видимому, рассматриваемое слово в указ. языках является монголизмом. Ср. монгол. *тамтаг*, калм. *тамтг* 'что-л. искромсанное; лохмотья, обноски'; ср. также п.-монг. *tamtuγ ügei bolba* 'разбилось на мелкие части, вдребезги; изодралось на лохмотья' (Голст. III, *51*). По-видимому, монгол. слово < *tamtu-/тамтах* 'превращать в обрывки, кромсать, ломать, разламывать'. Отмечены также глаг. *tamtar*(*a*)- 'разбить, разломать', *tamtura-* 'ломаться, разрушаться, повреждаться', *tamtuči-* 'ломать, разламывать; разорять, уничтожать' (Голст. III, *50—51*). Глаголы на *-ra-* и *-či-* (ср. калм. *-р-* и *-ч-*) образуются от усилительных слов (Тодаева. Джангар, *146—148*). По-видимому, существовало слово **tamtu* 'вдребезги' и под.; ср. *tamta* 'небольшая ступка для растирания красок и лекарств' (Голст. III, *50*). Монгол. *tamtuγ/тамтаг* явно связано с другими (образными и именными) основами, обозначающими нечто отдельное, раздельное, характерными как и для тюрк., так и для монгол. языков: см. **дамдум**, **дамды**, а также турк. *дамдык* 'капелька, крупица', являющееся, вероятно, уменьшительной формой от *там* ~ *дам* 'капля' (о *-дык* как аф. диминутива см.: Дыбо, *157—158*).

В тув. *дамдык* оценочная семантика монгол. слова претерпела заметные изменения по сравнению с его оригиналом: стало означать нечто противоположное ('нечто хорошее, приличное, целое' и под.), что проявилось в значении глаг. *дамдыкта-*, по-видимому, самостоятельно образованного от *дамдык*: ср. монгол. *tamtuγla-* 'ломать, сокрушать; уничтожать, рассеивать' (Голст. III, *50*).

дамдыкта- см. **дамдык**.

дамдыктыг см. **дамдык**.

дамчы- 'передаваться; переходить, передвигаться'.

Монголизм. Ср. монгол. *damǰi-/дамжих* 'переходить от одного к другому через чье-л. посредство; переходить, перебираться', калм. *дамжх* то же < *dam/дам* 'посредством, через посредство...' (см. также **дам**).

дамыр 'жила, кровеносный сосуд'.

Общетюркское с монгол. параллелями; отмечено в вариантах *дамар* ~ *тамыр*... со значениями 'жила, жилка, сухожилие; кровенос-

ный сосуд; корень, разветвление корня' и под. (ЭСТЯ III, *143*; ОСЛАЯ, *99—100*).

Относительно этимологии слова высказано предположение, что тюрк. *дамар...* имеет отглаг. происхождение и представляет собой образование на *-р*. Сама глаг. основа реконструируется в виде **tam-* (*там-*). Она Дж. Клосоном и Э.В. Севортяном отождествляется с *там-* 'капать' (ЭСТЯ III, *144*), что выглядит неубедительно в логико-семантическом отношении[1].

Э.В. Севортян, принимая указ. этимологическую версию, исходит, по всей вероятности, из тех значений слова, которые он определяет как старейшие. К ним отнесены 'кровеносный сосуд; вены, артерии...', а также 'канал', т.е. значения, связанные с чем-то капающим (точнее, текущим). Не случайно исследователь привлекает к рассмотрению др.-тюрк. *tamγa* (< *tam-γa*) 'рукав, приток реки; небольшая речка, ручей' (ЭСТЯ III, *144*).

Между тем относительная древность фиксации тех или иных значений слова еще не есть доказательство их первичности. Так, в тюрк. языках у рассматриваемого слова широко распространено значение 'жила' и, очевидно, 'жилы' (т.е. не только 'кровеносные сосуды', но и 'сухожилия'). Пожалуй, не менее частой является у *дамар...* семантика типа 'корень' (и 'корни'), которую также нельзя не принимать во внимание при семантической реконструкции слова. Поэтому, думается, не случайно в лексикографических изданиях на материале ряда конкретных тюрк. языков (в статьях *дамар ~ тамар...*) именно значение 'корень, разветвления корня' дается первым, а за ним уже следует 'жила, артерия, вена' и под. То же значение прослеживается в основном и у глаголов, образованных от данного имени: ср. кирг. *тамырла-* 'пускать корни, укореняться', каз. *тамырлан-* 'пускать корни (о растении)' и т.п.[2] Интерпретация «корневой» семантики практически как вторичной (предполагается, напр., что значение 'корень растения' есть результат осмысления соответствующей реалии «как проводника жизненных соков», см.: ОСЛАЯ, *99*) не выглядит достаточно доказательной.

---

[1] В том же плане вызывает сомнение и попытка связать *тамыр...* с глаг. **tam-* 'гореть, пылать', у которого «аористические формы, субстантивируясь, принимали значение 'пламя, языки пламени'. Между языками пламени, которые, вырываясь из одного источника (? — *Б. Т.*), могли быть и короткими, и длинными, и корневой и кровеносной системой есть внешнее сходство» (СИГТЯ Л, *108*).

[2] Вместе с тем случаи иного характера представляют собой, скорее, исключения из общего правила. К их числу могут быть отнесены алт. и хак. *тамыр*, о которых в словарных статьях анатомическая семантика дается на первом месте, что, по-видимому, отражает реальную ситуацию. В этих языках также отмечен глаг. *тамырла-* 'биться, пульсировать (об артерии)' (ОРС, *141*; ХРС, *216*); ср. тув. *дамырлан-* 'вздуваться (о жиле, кровеносном сосуде)'.

Предполагаем, что 'корень' вполне могло быть более древним значением слова, нежели 'жила', и, вероятно, первое ближе к его первоначальной семантике. В ономасиологическом аспекте весьма существенным был, скорее всего, признак разветвленности, разделенности на ряд частей, ответвлений, что присуще как корневой системе растений, так и системе кровеносных сосудов (вообще жил) человека и животных. Поэтому более близкой к исходной мы считаем семантику типа 'разветвление корней (корня)' (см.: РСл. III, *999*; ЭСТЯ III, *143*). Она может выражаться как самим словом *дамар*... (в основном варианте *тамыр*), так и словами, образованными на его основе; ср., напр., тат. *тамырлык*, означающее, по совр. источнику, 'место разветвления корней', а по Радлову — 'место, где много корней' (РСл. III, *1000*).

Если принять за исходную ту семантику, что характеризует разделение, разветвление, то становится ясной природа того значения слова, отношение которого к остальным выглядело неясным, как, в частности, у чаг. *тамур* с точки зрения Э.В. Севортяна (ЭСТЯ III, *143—144*).

У этого слова (РСл. III, *1002—1003*) существуют два варианта перевода (рус. и немецк.), заметно отличающиеся друг от друга: 'пустота' и 'die Höhlung; ein hohler Baum', т.е. 'полость, дупло; дуплистое дерево'. Это может быть обусловлено тем, что чаг. *тамур* обозначало не только корни и жилы, но и, как результат метонимического переноса наименования на основе признака «смежность в пространстве», то, что отделяет соответствующие реалии друг от друга, т.е., условно говоря, пустоты или пустое пространство (каковое, к примеру, существует между корнями растения, вырванного из земли).

Что касается морфологической структуры *дамар*... то, думается, она была реконструирована Э.В. Севортяном достаточно точно, и это слово действительно является производным от глаг. основы **там-*. Однако последняя едва ли была прямо связана с чем-л. капающим, текущим и под., а, по всей вероятности, имела значение типа 'разделяться, разветвляться'. Такое значение др.-тюрк. (др.-уйг.) *tamïr*, как 'канал'[1], также согласуется с указ. семантикой глаг. основы, причем следует отметить, что от глаголов, которые в смысловом отношении близки к **там-*, образованы и другие названия подобных ирригационных сооружений: см. **арык I, бута II**.

Очевидно, и приводимое Э.В. Севортяном в обоснование своей версии происхождения *дамар*... др.-тюрк. *tamγa* 'рукав, приток реки...' этимологически связано не с течением воды, а с ее разделением (ср. также **дамырак**).

[1] Высказывается мнение, что др.-тюрк. *tamïr* значение 'канал' приписано ошибочно (Мусаев, *226*). Ср. СИГТЯ Л (с. 107—108), где оно у указ. слова фиксируется.

Идея разделения, естественно, лежит и в основе значения 'корень' (см. **дазыл**). Интересно, что К.М. Мусаев ранее также пришел к выводу о том, что рассматриваемое слово связано со значением 'разветвляться, расходиться лучами'; однако он предполагал, что *тамыр* образовано от глаг. *тара-* 'разветвляться...'. Таким образом, первоначальной формой слова, по данной версии, являлась *тара-м*, которая затем претерпела изменения (> *тамар* > *тамыр*) (Мусаев, *225*), что явно нереально.

Как уже отмечалось, тюрк. *дамар ~ дамыр...* имеет соответствия в монгол. языках, где выступает в форме *tamir/тамир* и означает как 'кровеносный сосуд' (это значение в совр. монгол. языках принадлежит к устаревшим; см.: ОСЛАЯ, *99*), так и 'физическая сила, здоровье, энергия, бодрость'. Таким образом, монгол. слово употребляется, как правило, во вторичных, переносных значениях, не характерных для тюрк. языков. Оно представляет собой явный тюркизм в монгол. языках, и неправомерно относить данное слово к числу общих тюрк.-монгол., а тем более реконструировать его исходную форму, исходя из монгол. данных, как **тамир* (ОСЛАЯ, *99*). Скорее, наоборот, монгол. **тамир* < тюрк. **тамыр* (с заменой отсутствующего в монгол. *ы* на *и*). См. также: Старостин, *285*.

Тув. *дамыр* имеет ту же анатомическую семантику, что и монгол. слово, и, возможно, является монголизмом, хотя и довольно старым. В то же время допустимо монгол. влияние на семантику тув. слова.

дамырак 'ключ, родник; ручей, ручеек'.

Бесспорных непосредственных соответствий в других тюрк. языках не обнаружено. Отмечена связь *дамырак* с общетюрк. *тамыр...* 'кровеносный сосуд' и др., что не вызывает возражений. При этом тув. слово истолковывается как производное от *тамар...* (*дамыр-ак*) и как результат «интересного семантического развития» (ОСЛАЯ, *99—100*).

Допустимо, что *дамырак* — производное от *дамыр* 'жила, кровеносный сосуд' (см. **дамыр**), образованное с помощью аф. *-ак* с семантикой уменьшительности (базирующейся на признаке сходства или подобия; см.: АИ, *166 и след.*).

Названия водных объектов естественного, а также искусственного происхождения в тюрк. языках могут быть связаны как непосредственно с соответствиями *дамыр* (др.-уйг. *tamïr* 'канал'), так и с их предполагаемой производящей основой **там-* 'разделяться, разветвляться' (др.-тюрк. *tam-γa* 'рукав, приток реки...'). Отмечено также образование, являющееся местным географическим термином, в т.ч. названием малого гидрографического объекта. Это название весьма сходно с тув. *дамырак*, но едва ли представляет по своей структуре уменьшительную форму. Мы имеем в виду як. диал.

тымыраат 'продолговатая возвышенность, разделяющая смежные ложбины; грива; ручеек' (ДСЯЯ, *254*); ср. як. *тымыр* 'жила, кровеносный сосуд'.

Интересно, что идея разделения, реализованная в як. *тымыраат*, находит свое отражение если не в самом тув. *дамырак*, то в производной от него глаг. основе *дамырактал-* 'разветвляясь, образовывать ручеек (о реке)'. Возможно, *дамырак* первоначально означало нечто вроде 'разделенный, разветвленный'.

В таком случае, это слово с учетом наличия родственных ему др.-тюрк. и як. местных географических терминов, возможно, является по своему происхождению не поздней уменьшительной формой от *дамыр*, а, напротив, достаточно древним отглаг. именем. *Дамырак*, как и *тымыраат*, могло быть образовано от **тамыр-*, которая, вероятно, представляла собой форму каузатива от **там-*, о которой речь шла выше.

Возможно, что с **тамыр*, а также с *дамырак* и *тымыраат* родственны куманд. *тамырыл-* 'извиваться, вертеться туда-сюда', *тамырылчак* 'извивающийся, вертлявый'.

дамырта- 'быть истощенным, слабеть (о больном)'.

Глаг. основа, не характерная для других тюрк. языков. В.Д. Колесникова (ОСЛАЯ, *100*) рассматривает *дамырта-* в ряду слов типа тув. *дамырак* 'ключ, родник, ручей...' и *дамырактал-* 'разветвляясь, образовывать ручеек (о реке)' (см. **дамырак**), что не вполне правомерно. Более обоснованным было бы сопоставить тув. *дамырта* непосредственно с монгол. *damirda-/тамирдах* 'ослабевать, терять силу, изнемогать', приведенными в той же работе и на той же странице.

Очевидно, тув. *дамырта-* следует считать монголизмом. Монгол. глаг. основа, к которой восходит тув. слово, этимологически не вполне ясна. Можно определенно сказать, что она имеет связь с монгол. *tamir/тамир* 'сила, крепость, здоровье, энергия'; 'кровеносный сосуд', в свою очередь, связанным с тюрк. *дамар ~ тамыр* (см. **дамыр**); ср. также монгол. *tamir ügei/тамиргүй* 'слабый'.

Остается не вполне ясным, почему глагол, образованный от *tamir...* обозначает не силу, а нечто противоположное, хотя соответствующей словообразовательной моделью (монгол. отыменные глаголы, образованные с помощью аф. *-да-*) такие изменения в семантике производящей основы, кажется, не предусмотрены.

В тув. *дамырта-* достаточно точно воспроизводится «нестандартная» семантика монгол. глагола.

дың I 'заря (утренняя), рассвет, первые лучи солнца; утро'.

Общетюркское; основные варианты — *дың ~ тың*, круг значений — тот же, что у тув. *дың* (ЭСТЯ III, *144*). Этимология неясна. Праформа реконструируется как **тың* (Щербак 1970, *170*) и **дың* (СИГТЯ Л,

80), где приводятся также «внешние алтайские соответствия» тюрк. слова. Последнее, скорее всего, является исконно тюркским.

Можно предположить, что *даң...* связано с той же глаг. основой **та- ~ *да-* 'подниматься, возвышаться,' которую мы выделяли в составе других слов (см., в частности, **даг**) и от которой при помощи аф. *-ң*, вероятно, образовалось *даң...* Фактически в этом случае наблюдается та же связь значений производящей глаг. и производной именной основ, что и, напр., в таком достаточно ясном с точки зрения структуры слова, как тоф. *тура* 'утро' (< *тур-* 'вставать') (см.: Рассадин. Морфология, *80*).

Интересно, что у *даң...* прослеживается глаг. соответствие **даң- ~ *таң-*, означавшее нечто вроде 'подниматься (на небольшую высоту)': см. алт., алт. диал., шор. *таң-* 'прыгать, скакать, идти галопом' (РСл. III, *805*), тоф. *даңган* и *таңган* 'низкорослый, карликовый' (образование на *-ган*), *даңгууш* 'козлы (для распиловки дров)' (Рассадин. Словарь; ТРС-РТС, *20*). (В последнем случае прослеживается редкий для тоф. языка «долготный» вариант аф. *-гыш* (о нем см.: Рассадин. Морфология, *74—75*). См. также нашу публикацию в СТ (1984. — № 1. — С. 84).

даң II '*сплошь, целиком; всё время, всегда*'.

Монголизм. Ср. монгол. *dang/дан(г)* 'исключительно, только, единственно; совсем, целиком, сплошь', калм. *даң* 'постоянно, всегда; слишком, чересчур; весьма, очень'. Монгол. слово сопоставляется с кит. *дань* (значение не указано) (ЧР, *336*). См. также **даады**.

Следует отметить, что в тюрк. языках есть слова, чья основа соотносительна с монгол. *dang/дан(г)*, но которые по своей структуре едва ли могут быть отнесены к монголизмам: ср., в частности, ног. диал. *даңгуш* 'постоянно' (Арсланов, *121*). См. **даңгаар II**.

даңга [аь] *тодж.* 'чайник'.

Ср. кирг. *даңга ~ даңган ~ даңкан* 'котелок на трех ножках', турк. *таңка* 'самодельный чугунный кумган или кувшин (для кипячения воды)', сиб.-тат. *таңган ~ таңкан* 'большой чугунный чайник', сал. *taŋgun* 'глиняный сосуд, кувшин'. Ср. также монгол. *dangqan/данха(н)* 'чайник'.

Слово истолковывается как кит. заимствование в одних тюрк. языках и диалектах (кирг., сал.) и как монголизм — в других (сиб.-тат. и тув.-тодж.) (Рассадин. МБЗ, *53—54*; Чадамба 1974, *72*). Монгол. слово, судя по всему, — также китаизм. Ср. **доңга I**.

даңгаар I: даңгаар эртен 'рано утром, спозаранку'.

Ср. тоф. *даңгаары* 'затемно, до зари, перед рассветом', *даңгаары дүннэ, даңгаары эрте* 'рано, ранним утром, спозаранку' (Рассадин. Словарь), с.-югур. *taŋqar ~ taŋγar* 'утром'.

Вышеприведенные формы представляют собой наречия, образованные с помощью вариантов реликтовой формы аф. дательно-направительного падежа (соответственно *-гаар*, *-гаары* и *-qar ~ -γar*;

ср., в частности, **бурунгаар**) от *даң...* 'утренняя заря, рассвет...' (см. **даң I**).

Как видно из приведенного материала, в тоф. и с.-югур. языках подобное наречие может употребляться самостоятельно. Кроме того, в тоф. языке оно используется также в сочетаниях с другими наречиями времени: *дуннэ* 'ночью' и *эрте* 'рано [утром]'; а в тув. же *даңгаар* выступает только как компонент словосочетания *даңгаар эртен*, где *эртен* означает 'утро' или 'утром'. См. также **даарта**.

даңгаар II см. **даады, даң II**.

Монголизм. Ср., напр., калм. *даңһар* [*даңһаар*] 'сразу, в один прием' < *даң* (см. **даң II**).

даңгына, дайгына *фольк.* 'царевна, дочь хана; красавица'.

Ср. тодж. *дайгына* 'красавица', а также др.-тюрк. *dākinī* [< скр. *dākinī* - жен. к *dāka*) 'демонические существа' (ДТС, *158*), с.-югур. *таңгана ~ таңгына* 'красивый; красавица; приятный, любезный; нежный, ласковый', *таŋgына* 'красивый, красивая'. Ср., кроме того, п.-монг. *dagini* 'богиня-волшебница; фея, небесная дева; барышня, красавица', монг. *дагина* 'волшебница, фея; шаманка — не противница буддизма; прекрасная дама' (Владимирцов. Ср. грамматика, *223*; МРС, *139*). Монгол. слово Б.Я. Владимирцовым возводится также к скр. *dākini*, значение которого определяется как 'богиня-волшебница'.

Возможно, *dagini/дагина* проникло в монгол. языки через др.-уйг. посредничество.

Тув. *даңгына, дайгына*, как и его с.-югур. соответствие, судя по их внешнему облику и значениям, — монгол. заимствования.

Даңгына, по-видимому, отчасти имело своим источником монгол. народный эпос, откуда слово вошло в произведения тув. фольклора (сказки, героические сказания), где приобрело особое, специализированное значение 'дочь хана'. Появление в тув. и с.-югур. словах вставочного *-ң-* (*-ŋ-*), возможно, явилось рефлексом переднерядного *-и-* монгол. слова, что уже более определенно можно сказать относительно *-й-* в тодж. *дайгына*.

даңгыраг, даңгырак 'клятва; присяга'; **даңгырагла-** 'давать клятву, клясться, присягать'; **даңгыракташ-** 'клясться друг другу'.

Ср. с.-югур. *таңгырак* 'обряд побратимства; названный брат'.

Существительные тув. и с.-югур. языков — монголизмы: см. монгол. *tangariγ/тангараг* 'клятва, обет; обещание; присяга', калм. *таңһрг* 'обет, торжественное обещание; клятва'.

Формальное различие слов в тув. языке, касающееся конечных согласных *-г* и *-к*, объясняется, скорее всего, тем, что *даңгырак*, как и с.-югур. *таңгырак*, воспроизводит произношение монгол. слова типа *таңгараг*, для окончания которого характерен согласный, близкий к *к*, но не к *г*, хотя он по традиции обозначается «звонкой» буквой. Соответственно вариант *дангыраг* (с конечным

сонантом) отражает чтение монгол. слова, воспроизводящее его графический облик (в отношении его конечного согласного).

Образованные от рассматриваемого существительного глаголы также двухвариантны, причем вариант *даңгырагла-* воспроизводит также чтение монгол. *tangγariγla- /тангарагла-* 'давать клятву, обет, присягу; клясться', тогда как основа *даңгыракта-ш-* (залоговая форма основы **даңгыракта-*) есть результат, скорее всего, приспособления звукового облика монгол. слова к произносительным нормам тув. языка. В последнем сочетания согласных типа *-кл-* (в **даңгыракла-*) невозможны, а в случае их возникновения происходит прогрессивная ассимиляция *-кл-* > *-кт-*. В итоге, напр., глаголообразующий аф. *-ла-*, присоединяясь к именам с конечным *-к*, выступает в варианте *-та-*, что и отмечено в *даңгыракта-ш-*.

даңгырагла- см. **даңгыраг**.

даңгырак см. **даңгыраг**.

даңгыракташ- см. **даңгыраг**.

даңдаан см. **даңды**.

даңды 'сплошь, целиком'.

См. **даады, дың II, даңгаар II**.

По-видимому, тув. *даңды* 'сплошь, целиком' является монголизмом, как и другие вышеназванные и родственные с ним наречия, но в имеющихся источниках не обнаружено монгол. слов, с которыми можно достаточно убедительно связать *даңды*. Ср. монгол. *dangda ~ dangdaγa/дандаа* 'все время, постоянно; сплошь, подряд', калм. (ойр.) *даңдан* [*даңдаан*] 'весь, вся', связанные с нар. основой *dang/дан* (см. **дың II**).

В свою очередь, с ойр. формой связано тув. *даңдаан* — один из вариантов рассматриваемой основы.

даңза '[курительная] трубка'.

Ср. тоф. *даңза* то же. В ряде тюрк. языков соответствия тув. и тоф. *даңза* имеют начальные заднеязычные согласные: ср. алт., чул.-тюрк., сиб.-тат., с.-югур. *каңза*, хак. *хаңза*, уйг. *ғаңза*, *ғаңза*, *қаңза* 'курительная трубка'.

Слово относится к числу монгол. заимствований: см. п.-монг. *γangsa*, ойр. *gaŋsa*, монг. *ганс ~ гаанс*, бур. *ганса*, калм. *һанз* (Опыт, *136*; Рассадин. Фонетика, *169*; Рассадин. МБЗ, *53*; EW, *232*). М. Рясянен считал, что монгол. слово, в свою очередь, восходит к тиб. *gan-zag* 'трубка', но думается, более обоснованным было бы считать это слово кит. заимствованием. В частности, уйг. названия трубки связываются с кит. *ганьцзы* (Рахимов, *224*).

В тув. и тоф. *даңза* наблюдается случай спорадического перехода заднеязычного согласного в слабый переднеязычный *д-*, что, возможно, обусловлено, диссимилирующим воздействием согласного *-ң-* (см. также **аңдар-**). В тув. языке существовал и вариант слова с на-

чальным *к-*. Во всяком случае, тув. (*Soj.*) *каңза* отмечено в труде В.В. Радлова (РСл. II, *87*).

даңзы 'список, опись; ведомость'.

Ср. кирг. *даңза ~ даңса* (в эпосе) 'родословная книга, в которую вписывались имена знаменитых людей', уйг. *даңза* 'список, реестр; счет', а также п.-монг. *dangsa* 'записная книжка, реестр, ведомость; бухгалтерская книга, журнал (в канцелярии)', монг. *данса* 'реестр, ведомость'.

Уйг. слово (как и монг.) заимствованы из кит. языка, где отмечено *даньцзы* 'список, опись, реестр, запись' (Рахимов, *151—152*; Бертагаев. Лексика, *368—369*). К числу китаизмов отнесено и кирг. *даңза ~ даңса* (КРС, *185*), хотя в этом случае не исключен и монгол. источник. Тув. *даңзы*, скорее всего, монгол. происхождения. См. также **даңзы-хара**.

даңзы-хара, даңзы-хараа *собир. уст.* 1. 'учет'; 2. см. **даңзы**.

Монголизм. Ср. п.-монг. *dangsa xar-a* 'книги (бухгалтерские), журналы (канцелярские); списки, дела; опись, инвентарь'. Происхождение долготы в *даңзы-хараа* недостаточно ясно.

даңзы-хараа см. **даңзы-хара**.

дап I: **дап бер-** 'замахиваться (для удара); рывком трогаться с места'.

Ср. кирг. *тап бер-* (*кой-*) 'замахиваться; набрасываться', каз. *тап бер-* 'наброситься, налететь; *тап бол-* 'случайно встретиться, неожиданно столкнуться', тат. *тап бул-* 'наткнуться, напороться, наскочить'.

Вышеприведенный материал отсутствует в ЭСТЯ, где рассматривается происхождение глаг. основы типа *да:быра- ~ дабра — tavra-*... 'скакать, мчаться (о лошадях), быстро двигаться, устремляться' и под., которую Э.В. Севортян считал производной от звукоподражательной основы **ma:n*, имитирующей шум шагов, топот и означающей поспешность, как о том можно заключить по *тар* 'вмиг, сразу' (?) (ДТС, *533*), алт. диал. *тап едип* 'быстро, опрометью...', турк. *дабырда-* 'скакать, мчаться (издавая топот)', *дабырды* 'топот' (ЭСТЯ III, *113*).

Э.В. Севортян полагал, что с указ. тюрк. подражательной основой гомогенно монгол. *dab/дав* — нар. частица, указывающая на неожиданное или резкое движение, от которой образуются глаг. вроде *dabi-/давих* 'пришпоривать коня' и др. (ЭСТЯ III, *113—114*). Эта частица употребляется вместе с глаг. типа бур. *гэхэ* 'говорить' и монг. *хийх* 'делать': бур. *даб гэхэ* 'рвануться вперед', монгол. *дав хийх* 'вздрогнуть' (Бертагаев. МС, *113*; см. также: Тодаева. Джангар, *248*).

В тюрк. языках компонент *тап ~ дап* сочетается чаще всего с глаг. основой *бер-* 'давать', а также с *кой-* 'класть, ставить', *бол-* 'быть' и, видимо, *ет-* (*эт-*) 'делать' (судя по алт. *тап едип*, где *едип-* —

деепричастие от *ет-*; см.: ГАЯ, *261*) и некот. др., что лишь отчасти совпадает с данными монгол. языков.

В этой ситуации реально говорить о наличии общности между ними и тюрк. языками, хотя едва ли ее следует интерпретировать как гомогенность. Это мог быть результат языковых контактов, имеющих значительную древность (судя по различиям в сочетаемости *дап... и моделях образования от нее глаголов), и заимствований из тюрк.* языков в монгол. и обратно.

Тап ~ дап (возможно, и **ma:n*) имеет варианты со срединным дополнительным *-р-*: ср. узб. *тап эт-* 'шлепнуться' и кирг. *тарп эт-* то же, а также тур. *darp et-* 'бить, наносить удары', турк. *тарп ур-* 'топнуть'; сюда же может быть отнесено ккалп. *тарпа бас-* 'внезапно напасть' при ккалп., каз. *тарпы-* 'бить передними ногами (о лошади, верблюде)' и каз. *тарпаң ~ тарпан* 'мустанг; дикая лошадь, лошадь, не терпящая на себе седока' (КазРС, *319*; РСл. III, *871*).

Исходя из вышеприведенных данных, можно также заключить, что первоначально *тап...* возможно, имитировало не столько шум шагов и под. (как полагал Э.В. Севортян), сколько звук резкого удара, производимого как руками, так и ногами.

В этом плане интересны др.-тюрк. (МК) *тап* — звукоподражательное слово (звук удара), связанное с ним *тап* 'шрам от удара или раны на теле' (МК И, *248*), др.-уйг. *tapï* 'стук' (Тугушева, *365*).

Тув. *дап* [*бер-*], судя по его кирг. и каз. соответствиям, принадлежит к достаточно древнему слою лексики тюрк. происхождения. В тув. языке имеется и связанная с *дап* глаг. основа *дапыла-* [*даппыла-*] 'замахиваться на кого-л.'. Ср. также **дывыла-**.

дап II 'чуть больше, чуть длиннее, чуть выше'.

Прямых бесспорных соответствий в других тюрк. языках не обнаружено.

Особенностью слова *дап* является то, что его семантика реализуется в составе определенных словосочетаний, которыми выражается форма сравнения. В составе подобных сочетаний употребляется основная (положительная) форма прилагательного, которая приобретает значение сравнительной степени только в соединении с предшествующим ему существительным, стоящим в исходном падеже. Ср., напр., тув. *аттан бедик, ыттан чавыс* 'выше лошади, ниже собаки' (при *бедик* 'высокий', *чавыс* 'низкий') (см.: ИП, *188—189*).

В составе подобных же словосочетаний реализуются и значения слова *дап*: *менден дап* 'чуть выше меня', *метрден дап* 'чуть длиннее метра'.

Но специфика *дап* заключается в том, что у него отсутствует семантика положительной степени, которая может быть реконструирована как 'относительно большой (высокий и т.п.)', исходя из

которой можно установить его генетические связи с другими словами тюрк. языков.

Тув. *дап* сопоставимо с тюрк. *дабан ~ табан*... 'горный перевал' и его производящей основой *даба-*... 'переходить (переваливать) через гору', которые считаются монголизмами в тюрк. языках. Это мотивируется тем, что *дабан*... «довольно узко распространено в тюрк. языках» (АЭ, *162*).

Но ситуация с происхождением указ. именной и глаг. основ, по-видимому, не столь проста, как это представляется ряду исследователей, и не случайно, что, в частности, Э.В. Севортян выражал сомнение в монгол. происхождении данных слов (ЭСТЯ III, *112*).

Во всяком случае, в тюрк. языках обнаруживается именная основа ***дап ~ *тап***, производной от которой можно было бы считать *даба-* 'переходить через гору'. Эта основа, вероятно, гомогенна с тув. *дап* 'относительно высокий' и представляла собой географический термин, по значению близкий *дабан*... типа с.-югур. *тап* 'равнина у небольшой горы; дол, удобный для пастбища; пологий скат горы'. Э.В. Севортян, рассматривая материал, связанный с глаг. основами *даб(ы)ра-*, *дабран-*... 'скакать, мчаться; торопиться' и под. (ЭСТЯ III, *112–113*), обратил внимание на тур. глаг. *tavra-*, *давран-* 'подниматься, возрастать; возвышаться, войти в силу...', общность значений которого с семантикой основы *даб(ы)ра-* не улавливается. Вследствие этого исследователем задается правомерный вопрос: «Не слились ли в данном случае омоформные глаголы?». Очевидно, перед нами действительно омонимы (ср. также **дан I**).

Э.В. Севортян полагал, что в отличие от *дабыра-* значения указ. тур. глагола могут иметь в «качестве источника перс. *tāb* 'сила, терпение, способность' и др.» (ЭСТЯ III, *113*). Подобное сближение не исключено, но вполне вероятно, что тур. *tavra-*... было производным на *-ra-*... от тюрк. именной основы типа тув. *дап*. В свою очередь, последнее, несмотря на наличие определенной смысловой общности с перс. *tāb*, по своему происхождению едва ли может быть с ним связано, тем более что перс. заимствования для тув. лексики малохарактерны.

Тув. *дап* — явно архаичное слово, возможно, образовано от той же глаг. основы ***да- ~ *та-*** 'поднимать(ся), возвышать(ся)', которую мы реконструировали для ряда других имен: см., в частности, **даг**, **дан I**. Имяобразующий формант *-п*, правда, не вполне ясен (см., напр., **ажам**) но, думается, реален.

Соответствием тув. *дап* (с возможным метафорическим переносом наименования) может служить и уйг. *дап* 'бахвальство, хвастовство', которое может быть истолковано в логико-семантическом плане как попытка **поднять** свой статус в глазах окружающих. Производным от уйг. *дап* являются в конечном счете уйг. *давранҷ* 'чрезмерное

восхваление, восторженная похвала; дифирамб' и *даврук* 'молва, слава'.

Родственным тув. и уйг. *дап*, а также другим указ. выше словам и (подобно *дап*) образованным от **да- ~ *та-* 'поднимать(ся)...', можно считать также *даң ~ дан ~ дам...* 'слава, известность; хвала, прославление...', не имеющее удовлетворительной этимологии (ЭСТЯ III, *145*).

дапыла- 'замахиваться на кого-л'.

См. **дап I**.

***дараа: дараазы-биле** 'как только...'; **дараазында 1.** 'следующий, другой (по счету)'; **2.** 'в следующий раз, в другой раз'; **дараалаш-** (следовать (идти) один за другим'.

Основа **дараа*, в совр. тув. языке употребляемая в связанном виде, восходит к монгол. слову: ср. п.-монг. *daraγa* 'одно за другим, последовательно; в порядке, по порядку', монг. *дараа* 'после, затем, потом', бур. *дараа* 'после, затем, вслед за тем; после того, как...'.

От указ. основы по одной из моделей словообразования наречий (ИП, *424*) образована форма *дараазы-биле*, представляющая собой подчинительный союз со значением 'как только...' (? < наречие, означавшее 'сразу, только...'). Форма типа *дараазында* в тув. языке характерна в основном для наречий и соотносительных с ними служебных слов (ИП, *439 и след.*), но, судя по рассматриваемому случаю, может функционировать и в качестве прилагательного ('следующий...'). В обеих указ. формах прослеживается семантика последовательности, характерная для монгольских слов.

Тув. *дараалаш-*, где *-ш-* — аф. совместного залога, очевидно прямо связана с монгол. *daraγala-* 'продолжать делать что-л. последовательно, по порядку; ставить что-л. одно за другим' / *дараалах* 'делать что-л. в определенной последовательности'.

Компонент **дараа* употребляется также в составе некоторых композит, имеющих монгол. происхождение. См. **дес-дараа, удаа-дараа**.

дараазында см. ***дараа**.

дараалаш- см. ***дараа**.

дарбыл см. **дырбыл**.

дарга 'председатель'; 'староста'; *разг.* 'начальник'; 'дарга' (*вежливое обращение к любому лицу*); *разг., шутл.* 'муж, супруг; жена, супруга (по отношению друг к другу)'.

Ср. тоф. уст. *darga* 'заместитель шуленги (главы пяти тофаларских родов)'. Соответствия слова отмечены в ряде совр. тюрк. языков: узб. *дарга* 'кормчий, главное лицо на лодке', азерб. *дарга* 'начальник ночной базарной охраны; управляющий, приказчик помещика', турк. *дарга* 'управляющий парусной лодкой', алт. (тел.) *тарга* 'сборщик налогов' (ГАЯ, *262*; РСл. III, *853*; Рассадин. Фонетика, *171—172*).

Слово практически всеми исследователями, начиная с В.В. Радлова (см.: РСл. III, *853*), относится к числу монгол. заимствований: ср. п.-монг. *daruγa, darγa* / монг. *дарга* 'глава, старшина рода, племени; правитель; начальник, наместник; председатель, командир'. Как полагают, слово восходит к общемонг. *daru-* 'давить, притеснять, подавлять; побеждать'.

Есть также мнение, согласно которому п.-монг. *daruγa* представляет собой заимствование из языка гуннов (сюнну) и является вариантом фактически другого слова — тюрк. *даркан ~ таркан ~ тархан*... и монгол. *dargan* (см. **дарган I, II**). Эта точка зрения представлена в работах Э.Дж. Пуллиблэнка и И.Н. Шервашидзе (см.: ЗТ I, *51—52*; ВЯ. — 1990. — № 3). Она едва ли может считаться обоснованной, тем более что при ее выдвижении монгол. этимология *daruγa* не рассматривалась и практически не была принята во внимание.

В большинстве тюрк. языков слово употребляется в его более поздней форме *дарга*, но в части из них сохраняется более древний — трехсложный вариант, который отмечен в поздних др.-тюрк. памятниках: *daruγa* 'название должности; управитель' (ДТС, *159*); ср. также чаг. *даруга* 'начальник области или города (у монголов); областной начальник', тур. *даруга* 'смотритель базара, полицейский чиновник (в Персии)' (РСл. III, *1629*) (последнее, возможно, через перс. *dārōγā*). Кроме персидского, сходный вариант заимствования отмечен в хинди и тиб. языках (Владимирцов. Ср. грамматика, *395*).

Тув. *дарга* (в форме *тарга*) приводится В.В. Радловым в значении 'князь, предводитель народа' (в немецк. варианте перевода — *Stammälteste* 'глава рода, племени') (РСл. III, *853*). Если исходить из этой семантики, то можно говорить, с одной стороны, об ее модернизации в тув. языке (появление вслед за монгол. значений 'председатель, начальник'), а с другой — о развитии у *дарга* значений, которые не отмечены для его монгол. прототипа (форма вежливого обращения, название супругов).

дарган I [аь]: **дарган кижи** 'лентяй; человек который может позволить себе жить беспечно, беззаботно'; **дарган мөге** 'профессиональный борец'[1], **дарган аът** 'лошадь, не используемая в хозяйстве' (*о лошади ценной, хорошей породы или, наоборот, о старой, отработавшей свое*); **дарган олур-** 'ничто не делать, бездельничать'.

дарган II [аь] 'кузнец; мастер своего дела'.

Соответствия тув. *дарган* I, II широко представлены в тюрк. языках (варианты — *даркан ~ таркан* и др.) со значениями 'кузнец; чело-

[1] Согласно толкованию, даваемому ТСТЯ, *дарган мөге* имело также значение 'борец, который в прошлом постоянно побеждал, прославился, а теперь не участвует в соревнованиях борцов, а только исполняет пляску победителя; почетный борец'.

век, свободный от податей и повинностей; свобода; любимый, награжденный; баловень, неженка; титул (правителя, вельможи)' и др. Обширный, хотя и не исчерпывающий, реестр форм и значений слова содержится, в частности, в ЭСТЯ (III, *151—152*). Слово имеет также монгол. соответствия типа *darχan/дархан* и под., для которых характерно значение 'кузнец' (ЭСТЯ III, *154*; Владимирцов. Ср. грамматика, *353*). Тюрк. слова с подобным же значением, в т.ч. тув. *дарган* II, считаются монголизмами (вторичными?) (см.: EW, *133*; ЭСТЯ III, *154*), с чем можно согласиться.

Возможно и то, что такое словосочетание, как *дарган мөге*, приводимое выше в статье **дарган I**, также является монголизмом с учетом того, что монгол. *darχan/дархан* может иметь семантику типа 'великий, прославленный'[1]; см. также **мөге**. В то же время *дарган*, реализуемое в составе других сочетаний слов, приводимых в указ. разделе, едва ли можно отнести к числу монгол. по происхождению элементов тув. лексики.

Относительно происхождения тюрк. *даркан ~ таркан...* (в ряде языков отмечен также вариант *тархан*) как такового было выдвинуто множество версий, согласно подавляющему большинству которых слово имеет иноязычный источник. В качестве последнего назывались монгол. (В.Г. Егоров), иранские, в частности скифский (В.И. Абаев), а также кит. и другие языки, но ни одна из указ. версий не получила широкого признания. В большинстве своем они подвергались и подвергаются серьезной критике. По фонетическим, семантическим и другим основаниям едва ли может быть принята и сравнительно недавняя этимология И.Н. Шервашидзе, согласно которой рассматриваемое тюрк. слово восходит к титулу китайского императора *thiēn-wang* (букв. 'небесный император') и проникло в тюрк. языки через посредство языка гуннов (сюнну) и затем, вероятно, монгольских[2]; см.: ВЯ. — 1990. — № 3. — С. 85—86.

Существует и точка зрения, согласно которой *даркан ~ таркан...* — исконно тюрк. слово, в связи с чем предпринимались попытки предложить соответствующую этимологию (А. фон Габэн, Д. Шинор), не носившие развернутого и законченного характера. Так, по мнению Д. Шинора, это слово связано с глаг. *tar-* 'рассеивать' и *tarχan* означает нечто вроде 'рассеиватель, победитель' (см.: ЭСТЯ III, *152—153*).

---

[1] Тув. *дарган* имеет также семантику 'священный, заповедный, неприкосновенный (о местности, животном)', которая, возможно, также обусловлена монгол. влиянием. Во всяком случае, у монгол. слова отмечены значения вроде 'площадь или место, выделенные по религиозным соображениям; священный' (см.: ЭСТЯ III, *51—52*).

[2] Данная этимология представляет собой модификацию этимологической версии Э.Дж. Пуллиблэнка, видевшего в *даркан ~ тархан* титул правителя сюнну *шан-юй*. См. об этом: ЭСТЯ III, *153*; ЗТ I, *51—52*.

По нашему мнению, слово действительно имеет тюрк. происхождение (подробное обоснование см. в сб.: Этимология. 1988—1990. — М., 1992. — С. 169—180).

Прежде всего обращает на себя внимание развитая многозначность *даркан ~ таркан...* в тюрк. языках: в ЭСТЯ у него отмечено 13 групп значений. Такая полисемия (хотя и носящая суммарный характер) может свидетельствовать о том, что перед нами, скорее, центр распространения слова, чем его периферия, а также исконное слово, нежели заимствование. Но определение Э.В. Севортяном исходной семантики и направления смыслового развития *даркан...* вызывает несогласие.

Градация значений слова дается исследователем в хронологическом порядке. При этом старейшей считается семантика, связанная с титулом. Однако фиксация слова в качестве титула в др.-тюрк. памятниках не является решающим доказательством абсолютной, наибольшей древности *таркан...* именно в этом качестве. Выдвижение же на первый план «титульной» семантики как старейшей (исходной) определенно связано с трактовкой др.-тюрк. титулатуры как сплошных заимствований из других (нетюрк.) языков: см., в частности: Кононов. ГЯТРП, *104—105*, а также указ. публикацию И.Н. Шервашидзе (с. 83).

Если исходить из подобных представлений о древнейшем значении слова, семантическое развитие титула *tarχan* представляется как своеобразная демократизация его значения: «...Титул *tarxan...* несколько "понизился" (произошел переход значения от верховного правителя к сановнику, и далее к привилегированному лицу вообще)» (ВЯ. — 1990. — № 3. — С. 86).

Вполне возможно, что семантика типа 'привилегированное лицо; привилегированный, находящийся на особом положении' была не вторичной и производной от «титульной», а, напротив, первичной по отношению к последней.

Кстати, точное значение *targan ~ tarχan* как титула неизвестно (см.: Менгес, *152*). К примеру, в ДТС (с. 538—539) это слово переведено как 'титул' и 'титул правителя'. Не случайно, что Г. Дёрфер, детально рассматривавший др.-тюрк. титулатуру, отнес *tarχan* к категории «чисто почетных званий», которые следует отличать от «собственно ранговых титулов, различающих социальные градации и приблизительно соответствующих нашим дворянским титулам» (наименования типа *χaγan, χan, tegin, bäg*). Характерно, что значение слова *tarχan* истолковано как 'привилегированное лицо, завоевавшее привилегию на основании особых заслуг' (по ВЯ. — 1990. — № 3. — С. 81).

Поэтому не случайно и то, что в реестре значений *даркан ~ таркан...* составленном Э.В. Севортяном, именно четвертая тематиче-

ская группа, которая связана с характеристикой тарханских льгот и привилегий, оказалась наиболее обширной по сравнению с др. (см.: ЭСТЯ III, *152*). О том, насколько велики были эти льготы, привилегии и права, можно судить по работе С.М. Шапшала «К вопросу о тарханных ярлыках» (в сб.: Академику В.А. Гордлевскому к его 75-летию. — М., 1953. — С. 302—316).

При рассмотрении указ. реестра значений возникает вопрос, почему от значений этой группы оторваны и отнесены к числу поздних значения 'любимый; награжденный' (шестая группа) (ср. семантику в четвертой группе 'любимец хана, награжденный, прощенный им'). Такое разъединение значений явно неправомерно.

В свою очередь, с семантикой 'любимый' (т.е. практически находящийся на особом положении) весьма тесно связан круг значений типа 'избалованный; баловень, неженка'. Кстати сказать, подобные значения распространены шире, чем это зафиксировано ЭСТЯ. Так, 'избалованный' отмечено не только у азерб. диал. *тәрхан*, но и у турк. *тархан*, которое имело или могло иметь также значения 'своевольный; тот, кому все дозволено' (судя по производному от *тархан* сущ. *тарханлык* 'своевольность'; ср. также *тарханлык эт-* 'делать, что хочется; поступать, как заблагорассудится'). К отмеченным значениям, естественно, близка семантика лени, безделья, праздности, реализуемая в составе указ. выше словосочетаний тув. языка: *дарган кижи*, *дарган олур-*, *дарган аът*, и, кроме того, в кар. парном слове *бош-тархан* 'болтун, бездельник' (Шапшал, *316*) и сиб.-тат. *тарханла-* 'чувствовать себя свободно, бездельничать' (Тумашева, *204*).

В одном из тюркоязычных источников, приводимых в указ. ранее статье С.М. Шапшала, говорится: «С человека, являющегося тарханом, ничего не взыскивается: добычу, которая ему досталась на войне, он присваивает себе... он свободен и волен от повинностей» (Шапшал, *316*). В связи с этим обращает на себя внимание выражение «свободен и волен», поскольку в тюрк. языках, в частности в каз. диал. *даркан* и *даркандык*, отмечено значение 'свобода' (РСл. III, *1629*; Аманжолов, *369*). Согласно существенному уточнению, *даркан* 'свобода' понимается как 'увольнение от обязанности' (Менгес, *154*). По всей вероятности, первоначально слово имело адъективную семантику ('свободный'), о чем свидетельствует также каз. диал. наречие *даркан* 'вольно, свободно, обильно' (Аманжолов, *369*). В каз. языке отмечено также прил. *даркан* 'просторный' (см.: Диалектная лексика тюркских языков Сибири. — Новосибирск, 1987. — С. 133), семантика которого имеет несомненную общность с каз. *даркан* в указ. выше значениях.

Можно прийти к заключению, что словом *tarqan ~ darqan* первоначально именовались те лица, которые находятся на особом по-

ложении, живут свободно, вольготно, праздно, ведут себя своевольно и под. Если исходить из подобной семантики, то слово может быть истолковано как тюркское по происхождению.

В структурном плане это слово, скорее всего, не является отыменным образованием, хотя оно не есть и непосредственное производное от глаг. основы *tar-*, как полагал Д. Шинор. Связь с указ. основой реальна, но нам она представляется иной, более сложной.

Основа *tar-* (а также и **dar-*) действительно означает 'распускать, рассеивать, распылять' (откуда *tarqan* 'рассеиватель', 'победитель', по Шинору), но у нее отмечается и иная семантика: 'расходиться, распространяться'. Кроме того, имеются и соотносительные с *tar-* «распространенные» глаг. основы типа *tara- ~ tarï-*, а также *tarqa-* (с более редкими вторичными вариантами *tarγa- ~ darγa-*), означающие, как 'расходиться, рассеивать(ся)' и т.п., так и 'распространять(ся), расстилать' (*tarqa-*), 'распространять(ся); расселяться, размножаться' (*tara-*) (ЭСТЯ III, *150*).

Значения типа 'распространяться', похоже, достаточно древние, о чем можно судить и по выделенной Э.В. Севортяном именной основе **map ~ *dap*, соотносительной с *tar-* (*map-*) и представленной в таких производных, как *tar-la-* 'увеличиваться, распространяться', *map-ай-* 'распространяться, расширяться' (ЭСТЯ III, *151*). Думается, что семантика имени **map* должна быть типа 'широкий, пространный, просторный; живущий широко, свободно' и под. Не исключено и существование образной основы со сходными значениями, о чем может свидетельствовать як. *map-ай-*, приводимое в словаре Севортяна.

Согласно Л.Н. Харитонову, этот глагол означает 'раскидываться, растопыриваться, лежа или откидываясь назад', но у него же отмечена и переносная семантика: по одним данным — 'важничать, ломаться, капризничать, корчить из себя', по другим — 'жить, воспитываться в неге и холе, не знать ни нужды, ни забот' (Харитонов, *298*; Пек. III, *2526*; ЯРС, *376*). Интересно, что у прил. *тараах*, считающегося производным от *тарай-*, фиксируется только значение 'избалованный, капризный, изнеженный'; ср. также як. диал. *тарат-* 'баловать, нежить, потворствовать' (ДСЯС, *183*).

Глаголы на *-(а)й- ~ -(ы)й-* широко распространены как в тюрк., так и в монгол. языках. Этот формант образует глаголы образного характера от подражательных слов, именных и глаг. основ (от последних — особенно в як. языке). С глаг. *тара-* явно гомогенны хак. *тарбай-*, *тардай(т)-* 'растопыриться, раскорячиться; надуваться', тат. *тарбай-* 'гордиться, чваниться' (РСл. III, *871*), каз. *дарди-* (< *дардый-*) 'возомнить о себе, держать себя высокомерно'; ср. также *дардаң* 'беспардонный; баловень судьбы' (Кайдаров, *201*).

Глаг. *тарбай-*, *тардай-* (*дардый-*) отличаются от *тарай-* наличием компонентов, которые могут быть отнесены к числу модификаторов, передающих интенсивность действия.

Нечто подобное могло иметь место и в структуре тюрк. *тарка-*, которое Э.В. Севортян в более раннем своем труде интерпретировал как одно из производных с учащательно-интенсивным значением, а аф. *-ка-* считал соответствующим модификатором (АГ, *245*). Правда, позднее основа *тарка-*... рассматривается ученым как отыменная с формантом *-ка-* (ЭСТЯ III, *151*), но в любом случае *тарка-* семантически достаточно близка указ. выше глаг. основам на *-(а)й-* ~ *-(ы)й-*, а в прошлом, возможно, имела и идентичные с ними значения.

Что же касается *таркан* ~ *даркан*, то оно могло быть образовано от основы *тарка-* при помощи аф. *-н* и, вероятно, имело адъективную семантику типа 'избалованный' и под.

Тув. *дарган* I, II представляют собой своего рода переплетение заимствованных монгол. (в основном, *дарган* II) и исконных тюрк. элементов (*дарган* I), и по своему фонетическому облику те и другие неотличимы друг от друга.

даргат I [аъ] 'дархат, дархаты' (*этнографическая группа монголов, происхождение которой в значительной мере связано с тувинцами*).

Монголизм. Ср. монг. *дархад* 'дархат(ы)'. Происхождение этнонима связано с монг. *дархан* в значении 'свободный от податей и повинностей'. *Дархад* представляет собой форму мн. ч. указ. слова. См. **дарган I, II**.

даргат II [аъ] *тодж.* 'утка-крохаль'.

В речи населения Тере-Холя слово отмечено в варианте *дархат*. Ср. также тоф. *таъргат* ~ *даъргат*, алт. *таркат* 'утка-крохаль'.

По-видимому, *даъргат*... как и ряд подобных названий птиц, связано со звукоподражательной основой. Д.Х. Базарова приводит в одной из своих работ алт. и тоф. варианты слова в качестве примеров названий птиц с затемненной корневой частью, имеющих в своем составе словообразовательный формант *-т* (см.: Исследования по лексике и грамматике тюркских языков. — Ташкент, 1980. — С. 83—84).

Структурно *даъргат*... возможно, < звукоподражание **тарк* + *(а)т*. С этим словом, возможно, родственно каз. *таргак* 'кречет'.

Ср. также **даргый**.

даргый [аъ] 'чирок-свистунок'.

В диалектах отмечено *даъргый* (тодж.), *таргый* 'бекас'. Ср. также тоф. *даргый*, хак. *тарагай* 'бекас'.

Даргый и его соответствия связаны с исходной звукоподражательной основой и, очевидно, гомогенны с *даргат* (см. **даргат II**).

даржа *уст.* 'узковатый, тесный'.

Слово встречается, в частности, в тексте одной из сказок, где отмечено сочетание *даржа хем* 'узкая река (речная долина)' (ТТ 1957, *27*). Обычно в указ. значении употребляется слово *тар* (см.). *Даржа* представляет собой по происхождению морфологический вариант последнего и, очевидно, восходит к **тар-ча*, где элемент *-ча* воспроизводит формант *-ча(джа)*, образующий в некоторых тюрк. языках (в частности, огузских) прилагательные со значением уменьшительности (АИ, *112–114*): ср. азерб. *дарча* 'узенький' < *дар* 'узкий'.

В тув. языке *-ча* — мертвый формант, прежняя семантика которого в настоящее время практически не воспринимается. Интересно, что в *даржа*, кроме наличия «пустого» дополнительного элемента, наблюдается также слабый начальный *д-*, чередующийся с сильным в *тар*. Ср. тоф. *тарча-* 'сужаться, стать тесным', где *-ча-* — по-видимому, омонимичный с *-ча* глаголообразующий аф.; см. также **даржык**.

даржык, даржылга [аъ] 'мука, мучение; изнурительность, трудность'; **даржыл-** [аъ] 'мучиться, страдать; сильно беспокоиться за кого-что-л'.

Происхождение данных слов не вполне ясно. Убедительных соответствий в других тюрк. языках не найдено. У глаг. основы *даржыл-* имеется соответствие в монгол. языках: ср. п.-монг. *tarčila-* / монг. *тарчлах* 'корчиться от боли; мучиться, страдать', бур. *таршалха* 'переваливаться с боку на бок; беспомощно барахтаться; возиться, копаться, ничего не делать; корчиться'; ср. также калм. *тарчих* 'съеживаться, коробиться (напр., о шкуре); быть безвольным'.

Однако заметное сходство существует только между тув. *даржыл-* и монгол. глаг. формами, тогда как у именных основ (*даржык, даржылга*) убедительных структурно-семантических соответствий среди слов монгол. языков не обнаруживается. Ср., в частности, тув. *даржык* с указ. значениями и монг. *тарчиг* 'скудный', между которыми существуют значительные смысловые расхождения.

Тув. *даржыл-* более короткое, чем соответствующая трехсложная монгол. глаг. основа, что может свидетельствовать о немонгол. происхождении тув. слова. Возможно, тув. *даржыл-*, а также *даржык, даржылга* гомогенны с *даржа* 'узкий, тесный' и тоф. *тарча-* 'сужаться, стать тесным' (см. **даржа**). Обращает на себя внимание сходство семантики тув. *даржыл-* и характерного для ряда тюрк. языков глаг. *дарыл-*... 'делаться узким, сужаться', означающего также 'быть в затруднении; нуждаться; страдать, мучиться' и под., восходящего к именной основе *дар ~ тар* 'узкий, тесный' (через глаг. *тары-* 'сделаться тесным, узким', залоговой формой которого является

дарыл-) (см.: ЭСТЯ, *160—161*). Подобно этому структура тув. *даржыл-* может быть представлена как **дар-* (*тар-*)-*чы-л-*, где **дар-* (*тар-*) — указ. выше именная основа, *-чы-* — глаголообразующий аф. (ср. *-ча-* в тоф. *тарча-* 'сужаться...'), а *-л-* — залоговый. В таком случае *даржык* — производное от **дар-чы-*, а *даржылга* — от *даржыл-*, хотя по структуре и семантике последнее ближе к производным на *-лга*, характерным для монгол. языков, но образуемым по соответствующей модели и в тувинском.

даржыл- см. **даржык**.

даржылга см. **даржык**.

дариги см. **дарийги**.

дарийги, дарвги, дарыйгы 'богиня'.

Монголизм. Его полная форма представлена в п.-монг. *Dara eke* 'Богиня, Богиня-мать, Матерь Божия', где *Dara* — имя богини Тары, одного из главных божеств в ламаистском пантеоне, происходящее из санскрита (см.: Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранняя форма религии. — М., 1977. — С. 26—27), а *eke* — монгол. слово, означающее 'мать'.

Однако в обиходной монгол. речи наблюдается слияние компонентов указ. сочетания и возникновение вариантов названия типа *Дарихе, Дареке* (см.: Потанин IV, *310 и след.*).

К тому же наименованию восходит и калм. *дәрж* [дәрке] *межд.* 'о боже!, господи!'. Ср. также калм. *Дар эк, Дәрк* — богиня ламаистского пантеона (Тодаева. Джангар, *253*).

Тув. *дариги, дарийги* воспроизводят монгол. вариант теонима. В тув. языке отмечена также сингармоничная форма *дарыйгы*.

дарла- 'угнетать, притеснять, эксплуатировать'; **дарлал** 'гнет, угнетение, эксплуатация; насилие, принуждение'.

Один из поздних монголизмов. Ср. п.-монг. *darula-* 'подавливать, пожимать; прижимать, притеснять; унижать, принижать', монг. *дарлах* 'угнетать, унижать, оскорблять', п.-монг. *darulal* / монг. *дарлал* 'гнет, угнетение'. См. также **дарга**. В свою очередь, монг. глагол, возможно, связан с тюрк. *дар ~ тар* 'узкий, тесный; трудный...' (см. **тар**); ср. тур. *дарла-* 'быть тесным', *дарлат-* 'сделать тесным, притеснить' (РСл. III, *1630*).

дарлал см. **дарла-**.

дарлан-шокар, дарлаң-шокар 'пестрый, разноцветный'.

Ср. хак. *тарлан* 'белолобый (о масти животных); пестрый, в мелких пятнах' (ХРИЭС, *137*); каз. *тарлан* 'сивый (масть лошади)' или 'масть лошадей: сивый с красными, желтыми или черными пятнами' (КазРС, *19*; РСл. III, *856*); кирг. *тарлан* 'сивый (о масти лошадей)', ккалп. *тарлан* 'светло-серый, чалый', турк. *тарлан*, узб. *тарлан* 'белый, с бурыми крапинками; канюк-курганник' (название птицы) (Базарова, Шарипова, *32*). Ср. также чаг. *тарлан* —

название хищных животных или птиц, азерб. *тәрлан* 'сокол' (АИ, *338*).

Соответствия тюрк. слов отмечены также в монгол. языках: п.-монг. *tarlan* 'пестрый, крапчатый'; монг. *тарлан*, калм. *тарлң* то же, бур. *тарлай* редк. то же; 'полоска'.

М. Рясянен в своем словаре из данных тюрк. языков приводит только каз. *тарлан* (*tarlan*) (по РСл.), которое возводится им к п.-монг. *tarlan* (EW, *465*), что допустимо и может быть отнесено к другим соответствиям каз. слова в тюрк. языках и в первую очередь в тув. *дарлаң*, которое наиболее близко к монг. материалу, особенно современному, по звуковому облику и семантике.

По-видимому, и *дарлаң-шокар* также является монголизмом (см. **шокар**).

Относительно монгол. происхождения слов каз. и среднеазиатских тюрк. языков нельзя быть вполне уверенным. *Тарлан...* вполне может иметь и тюрк. происхождение, на что указывают некоторые данные.

Так, в труде Э.В. Севортяна, по аффиксам именного словообразования (АИ, *338*) из тюрк. соответствий *тарлан...* даются только названия хищных животных и сокола, относительно которых сказано, что их «этимологию... еще необходимо выяснить», но некоторые включены в группу производных (в т.ч. отыменных), образованных с помощью аф. *-лан*.

В числе последних — тур. *aklan* 'беловатый, белый...', где *-lan* образует от *ak* 'белый' форму со значением неполноты признака (Там же). Может быть и в случае с *тарлан* имело место нечто подобное, и тогда *тарлан* < *тар-лан*.

В связи с этим привлекает внимание то, что М. Рясянен сопоставлял *тарлан* с др.-тюрк. *tarγïl* 'полосатый' и его совр. тюрк. соответствиями с семантикой 'пестрый' и под., этимология которых не дается (EW, *464*; см. также: Базарова, Шарипова, *32—33*). Структурно *tarγïl...* сопоставимо с др.-тюрк. *qïzgïl* 'красный' (ср. также тув. *кыскыл* 'рыжий — о масти лошади') или *qïrgïl* 'поседевший' (см.: АИ, *194*), но здесь необходимы дальнейшие поиски.

Вполне вероятна связь *тарлан...* и *targïl...* с основами, обозначающими смешанность, разнородность и под. В этом плане представляет интерес алт. *тарлак* (< *тар-ла-к*?) 'разный, различный' (напр., *тарлак үндү* 'разноголосый'). В подобном же выражении и с той же семантикой может употребляться и соответствие *tarγïl*: ср. каз. *таргыл үнди әндер* 'разноголосые мотивы' (Аманжолов, *409*).

дарлаң-шокар см. **дарлан-шокар**.

дары 'порох'.

Ср. тоф. *дары* 'порох', хак. *тар* то же, алт. *ок-таары* 'порох, охотничьи припасы' и др. Ср. также др.-тюрк. *daru* 'лекарство, средство'

(ДТС, *159*), кирг. *дары* 'лекарство; порох', турк. *дэри* 'порох'. Слово распространено в тюрк. языках довольно широко, имеет варианты *дары*, *дэри* (реже) и употребляется обычно в значениях 'порох; лекарство, снадобье' (в виде порошка?). Оно имеет соответствие в монгол. языках: п.-монг., ойр. *dari*, монг. *дарь*, бур. *дари*, калм. *дэр*.

В большинстве тюрк. языков (а также в памятниках) слово относится к числу персидских заимствований (< перс. *dārū* 'порошок, лекарство'), что, по-видимому, не совсем точно. Формы типа турк. *дэри* могут восходить, скорее, к п.-монг. *dari*. В свою очередь, монгол. название пороха также считается персидским по происхождению, что, в свою очередь, также вызывает сомнения.

В случае непосредственного заимствования из персидского в монгол. следовало бы ожидать, как и в др.-тюрк., появление формы типа *daru*, а не *dari*, как это имеет место[1]. У монгол. слова отсутствует также значение 'лекарство' (порошок)[2]. Вполне вероятно, что *dari* (и проч.) заимствовано через посредство тюрк. языков и прямо связано с тюрк. формами типа *дары* (с закономерной заменой *-ы* на *-i*).

В тув. и тоф. языках *дары*, скорее всего, монголизм (см.: Рассадин. Фонетика, *170*).

дарый, дарыы 'быстрее, скорее'.

Соответствия для других тюрк. языков нехарактерны. Тув. *дарый* представляет собой монгол. заимствование: ср. п.-монг. *darui* / монг. *дарий* 'тотчас, немедленно, вслед за тем', бур. *дары* 'вскоре, тотчас, немедленно; тут же, сразу же; срочно, живо'.

Тув. *дарый* имеет также менее употребительный вариант *дарыы*, происхождение которого может быть связано с формой типа калм. *дарүү* 'последующий, близстоящий; скоро'.

дарыйгы см. **дарийги**.

дарын- 'сердиться, злиться'; **дарын** 'вспыльчивость, раздражительность'.

Тув. *дарын-* принадлежит к числу глаголов, достаточно распространенных в тюрк. языках и употребляющихся, главным образом, в залоговых формах *дарыл-*, *тарын-* и под. со значениями '(рас)сердиться, (раз)гневаться; бранить(ся)' и под. Форма *тарын-* распространена в основном в сиб.-тюрк. языках, но среди ее соответствий в ЭСТЯ (III, *161*) оказалось пропущенным тув. *дарын-*.

---

[1] Ср. также уйг. *daru* 'лекарство, средство', тат. *дару* то же (при *дары* 'порох') < < перс. См.: Тенишев. УДС, *43*.

[2] Как считается, тат. *дары* 'порох' (и некоторые его соответствия) появилось в тюрк. языках путем сокращения перс.-тадж. выражения *daru-i tōfek* 'порох' (букв. 'лекарство для ружья'). В качестве семантической параллели приводится рус. *зелье* 'лекарство', ранее обозначавшее также порох (Ахметьянов. ОЛМК, *95—96*); ср. также рус. *порох* и *порошок*.

Все эти формы Э.В. Севортян связывал с глаг.-именной парой **тар-* ~ **тар*, о которой свидетельствует чаг. *тар* 'сердитый, рассерженный, раздраженный' и образованный на основе подобного имени др.-тюрк. глаг. *таru-* 'сердиться, испытывать раздражение', а также отглаг. прил. *даргын* (< *дар-гын*) 'сердитый, рассерженный, гневный' и под. в тур., гаг., кар. (ЭСТЯ III, *162*). По-видимому, сходную структуру (с формантом *-ын* вместо *-гын*) имеет и чул.-тюрк. *та:рын* 'злой' (Бирюкович, *61*).

Тув. *дарын-* и его соответствия представляют собой по происхождению форму возвратного залога от глаг. **тар-* или **тары-* (ср. др.-тюрк. *таru-* в указ. значении, а также *таrīn-* 'гневаться, сердиться' (?): ДТС, *537*, *539*). От того же глагола, вероятно, образовано и тув. *дарыш* 'вспыльчивость...'.

Э.В. Севортян аргументированно оспаривает мнение, согласно которому глаг. формы *дарыл-*, *тарын-* (+ тув. *дарын-*) и др. возводятся к имени *тар* 'узкий' (см. **тар**). Отмечая у части соответствий форм *дарын-* и *тарын-* значение 'обижаться', он выражает сомнение в том, принадлежит ли оно данным глаголам или относится к глаг. *тары-* ~ *тару-* 'сужаться' (< *тар* 'узкий') (ЭСТЯ III, *162*).

Это сомнение связано с тем, что в тюрк. языках имеются глаг. основы типа *дарык-* ~ *тарык-* и *дарыл-* ~ *тарыл-* 'сделаться узким, сужаться' с рядом переносных значений вроде 'стесняться, смущаться; робеть; быть обиженным' и т.п. Данные основы Э.В. Севортян считает целесообразным отграничить от глаг. форм с семантикой 'сердиться, гневаться', о которых речь шла выше (см. также: ЭСТЯ III, *159—160*).

Хотя семантически две вышеуказ. группы глаголов достаточно близки, они вполне могли быть гетерогенными, но затем подвергнуться контаминации. Возможно, следы их былого разграничения сохранились в тув. языке, где *дарын-* 'сердиться' и *тар* 'узкий' различаются по качеству начальных согласных. Кроме того, в тув. фольклоре встречается выражение *өкпе-тарыш чок*, означающее 'без (какой-либо) обиды' (речь идет, в частности, о том, как разделить охотничью добычу) (БТ, *115*), где компонент *тарыш*, очевидно, синонимичен с *өкпе* ('обида'). По структуре *тарыш*, вероятно, представляет производное от **тары-* 'сужать(ся); обижать(ся)' < *тар* 'узкий' или результат контаминации с ранее рассмотренным *дарыш*. Вероятно, *тарыш-* и *дарын-* гетерогенны подобно *дарын-* и *тар*.

дарыш см. **дарын-**.

дарыы см. **дарый**.

дас I [аъ]: **дас кара** 'черный-пречерный'.

Ср. хак. *тас-хара* 'очень темный; черный, жгучий'.

По-видимому, монголизм. В монгол. языках распространена усилительная частица *tas/mac*, употребляемая также и как наречие в значении 'совсем, совершенно'. Она же употребляется и в сочетании с названием черного цвета: *tas qara/mac хар* 'совершенно черный, черный-пречерный'. Следует полагать, что подобные сочетания были целиком заимствованы тув. и хак. языками. См. также **дас II**.

дас II [аъ] 'черный гриф' (*хищная птица*).

Ср. уйг. (Хами) *тас кара* 'стервятник с белой головой', кирг. *таз кара* (*тазкара, таскара*) 'черный гриф, бурый гриф', башк. *таз-гара, таз бөркөт* 'орел-могильник', каз. диал. *таскара* 'стервятник' (один из видов орла), восходящие к сочетанию двух общетюрк. прил. *таз ~ тас* 'лысый, плешивый' и *кара* 'черный' (Ишбердин, *151*). Оба эти признака применимы, в частности, к черному грифу (голова и шея которого не покрыты перьями).

Прямое соответствие тув. *дас* отмечено в монгол. языках: п.-монг. *tas* 'черный орел', монг. *тас* 'гриф; кондор', калм. *тас*, бур. *тас шубуун* 'орел-ягнятник'. Можно полагать, что монгол. слово заимствовано из тюрк. языков (с сокращением второго компонента тюрк. названия птицы).

В тув. языке *дас* 'черный гриф', в свою очередь, является монголизмом. Это слово отличается от тув. *тас* 'лысый', имеющего тюрк. происхождение, качеством начального согласного (слабого *д-* в *дас* и сильного *т-* в *тас*) и наличием фарингализованного гласного [даъс]. Соответствующее его качество возникло, возможно, в результате сближения с первым компонентом прил. *даъс кара* 'черный-пречерный' (см. **дас I**).

дас III [аъ] *тодж.* 'лось-самец'.

Ср. тоф. *даş* (*дас ~ тас*), которое, по одним данным, означает 'сохатый, крупный лось', а по другим — 'двухгодовалый лось' (ср.: Рассадин. Фонетика, *170*; ТРС-РТС, *176*) и которое В.И. Рассадин сопоставлял с др.-тюрк. *таδын* 'двухгодовалый бык', *tadun* 'одногодовалый бык', хак. *тазын* 'бык, вол', или, по другим источникам, 'вол, кастрированный бык' (ХРС, *213*; РСл. III, *928*).

В свою очередь, А.М. Щербак сопоставляет хак. *тазын* с гаг. *тосун* 'трехлетний бык', тур. *tosun* 'бычок', *тос* 'удар рогами; бодание'; он полагает также, что этимологически к рассматриваемым словам относятся и некот. др., напр. др.-тюрк. (МК) *тосун* 'упрямая, норовистая лошадь'; ср. также турк. *тосун* 'не приученный к работе' (*тосун мал* 'животное, не приученное к работе'). При этом *тазын* возводится к *тосун*, а присутствие *а* в *тазын* истолковывается «как результат утраты этимологическим *а* губного оттенка» (ИРЛТЯ, *99*).

Вышеприведенные сопоставления основаны, главным образом, на внешне сходных наименованиях животных, гомогенность которых слабо обоснована и труднодоказуема. В семантическом отношении

к *дас ~ тас*, возможно, наиболее близко др.-тюрк. *тосун* (по МК и другим источникам): ср. также *tosun* 'необузданный, необъезженный, норовистый' (ДТС, *578*)[1].

Возможно, происхождение тув. и тоф. слов связано с именной (или образной) основой, фиксируемой в настоящее время в качестве связанной: ср., напр., тур. *tasla-* 'хвастать, чваниться; выставлять напоказ; разыгрывать из себя, корчить...', кр.-тат. *масла-* 'стремиться' (РСл. III, *920*), а также турк. *ma:ca-* 'нестись, мчаться (о животных)', *да:зла-* 'нестись, мчаться', *да:з яса-* 'быстро идти; мчаться, лететь', где выделяется основа *tas* (*ma:c*, *да:з*), обозначающая энергию, стремительность и подобные качества, характеризующие самцов крупных животных (ср. **буга I**). Соответствие тув. фарингализации в *дас* [даъс] долготе гласного в турк. языке — не единичный случай (см., в частности, **дажы- II**). См. также **даспан**.

даспан 'годовалый олененок'.

Ср. также *даспан ~ таспан* (Тере-Холь) то же, тоф. *daspan* (*даспан*) 'двухгодовалый молодняк дикого оленя; двухгодовалый домашний северный олень'.

Первоначально это слово возводилось к бур. диал. *даспаан* 'оленья самка до двух лет' (см. нашу публикацию в: УЗ ТНИИЯЛИ. — Вып. XV. — С. 162), но впоследствии В.И. Рассадин выдвинул более обоснованную версию, согласно которой, напротив, *даспаан* — тюркизм в окинском диалекте бур. языка. (См.: Труды БИОН БФ СО АН СССР. — Улан-Удэ, 1969. — Вып. 6. — С. 130—131 (Серия языковедческая)). Рассадин предполагает, что *даспан* (*daspan*) происходит от (тоф.) *das* 'крупный лось, сохатый', а *-pan* представляет собой фонетический вариант аф. *-man*, имеющего уподобительное значение.

Это допустимо, хотя есть не вполне понятные расхождения между сопоставляемыми именными основами: неясно, к примеру, почему олененок сравнивается с лосем и по какой причине тув.-тодж. *дас* 'лось-самец' и *даспан* различаются качеством гласного их совпадающих компонентов: фарингализованного в первом случае [даъс] и краткого во втором.

Думается, что в ситуации с *даспан* имеется несколько больше оснований (в частности, в содержательном плане) для сопоставления с др.-тюрк. материалом, чем в случае с *дас*, где подобное сближение также производилось (см. **дас III**). Здесь имеются в виду

---

[1] В свою очередь, неприемлемо сопоставление *тосун* с монг. *догшин* и подобными ему (Базарова, Шарипова, *72*); см. **дошкун**. Уйг. диал. *tosun* 'необъезженный, не бывший в работе' также связывается с монгол. словом, но уже с другим: *toson/tosin* 'масло, масляный' (ср. также **дозу**). Здесь же приводится выражение *tosun taj* 'жеребенок с лоснящейся шерстью, не изнуренный, не объезженный' (Тенишев. УДС, *170*), что неубедительно в семантическом плане.

др.-тюрк. (МК) *tadun* 'годовалый теленок' и *tабин* 'двухгодовалый бычок' (ДТС, *526*),однако последние этимологически неясны (см.: ED, *457*).

даспы [аъ] 'мягкий сланец' (*материал для точильных брусков*).

Существует также диалектный вариант — *даъпсы*. Близких соответствий в других тюрк. языках не обнаружено, но генетические связи с тюрк. языковым материалом прослеживаются. В частности, реальна связь с глаг. типа *тапта-* (см. **талта-**), учитывая, что у его соответствий отмечена семантика 'гладить, поглаживать; похлопывать'; 'делать острым (закаливать, оттачивать, отбивать)'; ср., кроме того, чаг. *тапла-* 'утончать ударами, точить клинок', а также кирг. *тапак* 'альчик, у которого сглажены стороны'.

Здесь выделяется основа ***тап*, которая может быть подражательной: см. кирг. *тап* 'шлеп-шлеп', а также **дап** I.

Отмечена и глаг. основа типа тат. *тап-* 'отбивать (мясо); отбивать, заострять'.

Что касается тув. слова, то, исходя из приводимых данных, более близкой к первоначальному облику является, скорее всего, диал. форма *даъпсы* (с метатезой в литературной *даспы*), а *даъпсы* < **тапсы*, где **тап-* или *тап-ы-* — глаг. основа со значением 'точить', *-(ы)с-* ~ *-(ы)з-* — аф. каузатива (или интенсива), а *-ы* — аф. именного словообразования.

даспың I [аъ] 'кумирня, храм; церковь (здание)'.

Отмечены также фонетические варианты *дасың*, *дассың*.

Монголизм. Ср. п.-монг. *dacang*/монг. *дацан* 'дацан, храм, обитель, монастырь, отдел большого монастыря, монастырская школа' < < тиб. (Владимирцов. Ср. грамматика, *367*).

В тув. *даспың*, *дас(с)ың* срединное *-сп-*, *-с(с)-* отражают монгол. *-ц-*. Возможно, здесь имело место вторичное сближение по звуковому облику (см. **даспың II**).

даспың II [аъ] 'даспын' (*доска, на которую ламы ставят жертвенные фигурки во время совершения религиозного обряда*).

По-видимому, монгол. заимствование (со специализацией значения в тув. языке?): ср. п.-монг. *tabčang* 'трон, престол; уступ горы', *tabsang* 'трон, престол; пьедестал; выступ', монг. *давцан* 'помост; платформа (на железнодорожной станции)', *тавцан* 'место для сидения и лежания (скамейка, лавка, нары); сцена; платформа' (Цэвэл, *513*), калм. *давцң* 'платформа (в разных значениях)', *тавцң* I 'возвышенность; склон, верхний слой (основания, фундамента)' и *тавцң* II 'кушетка', бур. *табса(н)* 'низенький столик (перед божницей или для посуды); ступенька (у крыльца), порог; ступень'.

Из материалов, приведенных выше по монгол. лексикографическим изданиям, в плане содержания к тув. *даспың* ближе всего бур. *табса(н)* 'низенький столик (перед божницей...)', сохранившее сакраль-

ное значение, которое, вероятно, имелось и у соответствий этого слова в других монгол. языках, но теперь утрачено ими или не отражено в соответствующих источниках.

Монгол. слова, возможно, имеют тюрк. происхождение. Ср. др.-тюрк. (МК) *tapčan ~ tapčaŋ* 'подставка на трех ножках, используемая при сборе винограда с высоких кустов' и *tapčaŋ* 'подставка-треножник, стремянка' (ДТС, *594, 675*). Дж. Клосон считал это слово вероятным заимствованием из неизвестного источника (ED, *436*).

Между тем *tapčan ~ tapčaŋ* может быть связано происхождением с тюрк. основой типа тув. *dan* *'(относительно) большой, высокий' и под. (см. **дан II**). В таком случае др.-тюрк. слово в структурном плане, вероятно, является производным, образованным при помощи аф. *-чаӈ* (*чан*) от именных и глаг. основ: ср., напр., тур. *direcen* 'подпорка под веткой' от *dire-* 'упираться' (АИ, *188—191*). В указ. труде (с. 191) приводится также др.-тюрк. *tapčan/tapčaŋ* 'пинок' < *tep-* 'пинать, лягать' (?) (по Брокельману).

дат I 'ржавчина'.

Ср. алт., алт. диал., шор., хак., чул.-тюрк. *mat* 'ржавчина, налет, коррозия', кирг. *dat* 'ржавчина (на металле, растениях)', ног. *mat* 'пятно, клякса' и т.д. М. Рясянен приводит в своем словаре (EW, *466*) еще вост.-тюрк. (по Катанову) *dāt*, чаг., ног., ккалп. *tot*, чув. *tot ~ tut* 'ржавчина', не давая этимологии слова. Ср. также чув. *хура тут* 'веснушки (у брюнета)', *сарă тут* 'веснушки (у блондина)', башк. *тут* 'ржавчина; пятна на лице у женщины во время беременности' (ЭСЧЯ, *263*); ног. *тот* то же. См. также: СИГТЯ Л, *411—412*.

Этимология *дат...* неясна; не прояснен также первоначальный характер интервокального гласного. А.М. Щербак представляет праформу слова в виде **mat* (~ *mot*?) 'пятна, порча; ржавчина' (Щербак 1970, *197*).

По-видимому, с **mat* (через посредство глаг. основы?) связано як. *татаар* 'сыпь; короста; парша'.

Интересно, что в кирг. языке в значении 'ржавчина', кроме *дат*, употребляются также диал. *далк ~ далкы*, означающие также 'вываренный чай; чайные опивки' (КРС, *183*) и, возможно, гомогенные с *дат...* Ср. также сиб.-тат. *мат* и *тап* 'пятно' (Тумашева, *205*). В таком случае реально говорить о структурности этих основ и о возведении их к глаг. основе **да- ~ *та-*. Первоначально данная основа по значению могла быть близка славянскому корню *ръд-*, который выступает в *рьдеть* 'краснеть' и от которого образована *ръжа* и, далее, рус. *ржавый* (Шанский и др., *389*); ср. также тув. *дадык-* 'загореть' (см. **дадык-**).

Дат и проч. может быть также родственно **mar*, что выделяется в цветовых прил. *тарлан ~ тарлаӈ...* и *taryïl...* (см. **дарлан-шокар**).

Что касается вариантов слова типа *тот ~ тут* (с губным гласным), то они, возможно, были связаны по происхождению с подобными же основами, но имеющими губной гласный; см., в частности, **дода-**, **додук-**, **доруг**.

дат II: **дат кара** 'совсем черный'.

Происхождение тув. *дат* не вполне ясно. Возможно, оно представляет собой фонетический вариант *дас* в *дас кара* (см. **дас I**), являющемся монголизмом. Вариант с конечным *-т* (точнее, *-д*) также встречается в монгол. языковых материалах, но он характерен для бурятского, где отмечено *тад* 'совершенно, совсем' (напр., *тад улаан* 'совершенно красный') и где *тад*, скорее всего, < **тас*. Однако бур. заимствования для тув. лексики нехарактерны.

дачыы [аъ] 'горячий, страдный (о времени)'.

По-видимому, монголизм. Ср. п.-монг. *tačiγū* / монг. *тачуу* 'тесный, узкий; срочный, спешный; слишком короткий (о сроке)'(Цэвэл, *528*).

даш I 'камень'.

Общетюрк. слово; существует в вариантах *даш ~ да:ш ~ таш* со значениями 'камень, валун' и в некоторых языках — 'скала, утес' и под. См. также тув. *даг-даш* собир. 'горы' (при *даг* 'гора'). Архетип слова представляется в виде **тāш* (с первичной долготой) (ЭСТЯ III, *167—168*); оно не имеет убедительной этимологии, но часто используется в алтаистических штудиях, где сопоставляется с п.-монг. *čilaγun* 'камень' и другими данными и реконструируются его праалт. формы, причем результаты этих реконструкций не совпадают в деталях у разных исследователей (ср.: ЭСТЯ III, *168*; Старостин, *37—38*; Дыбо, *11*). Некоторые ученые возражают против подобных сближений (см.: АЭ, *156—157*), которые, к тому же, фактически не содержат этимологических решений, хотя зачастую праалт. реконструкции фонетического облика слова неправомерно отождествляются с его этимологией.

Насколько нам известно, исследователи пока не сопоставляли *даш...* с тюрк. *даг...*(**та:г*) 'гора', хотя препятствий для такого сопоставления не существует, тем более что семантическая общность слов бесспорна. Они вполне могут быть гомогенными.

Можно предположить, что тюрк. *даш...* образовано от той же предполагаемой глаг. основы **та-*, производным от которой является *даг...* и которая, как мы считаем, прослеживается и в других образованиях. См. **даг**.

даш II [аъ] *тодж.* 'крупный сиг' (рыба).

См. **дажы- I**.

дашка [аъ] 'чашка; чарка, бокал'.

Ср. каз. диал. *такша* 'деревянное блюдо', *таксы* 'тарелка, большая чашка', а также тоф. *taqša* (*такша*) 'чайная чашка, пиала', или, по первоначальному толкованию, 'любая чайная посуда (стакан,

чашка, кружка)'. Последнее относится к числу бур. заимствований: ср. бур. *тагша* 'чашка (чайная), чашечка' (Рассадин. Фонетика, *233*). В той же статье, где дается этимология тоф. *taqša*, приводится и тув. *дашка*, но без указания происхождения последнего, которое, как и его каз. диал. соответствия, может быть отнесено к числу монгольских по происхождению слов: ср. монгол. *taγša/тагш* 'чашка, пиала'. В *дашка* наблюдается типичная для тув. языка метатеза *кш* > *шк*.

дашкаар [аъ] 'наружу, на улицу, вне, в стороне, за пределами'; **дашты** [аъ] 'наружность, внешность, внешний вид (*кого-л.*); верхний слой, внешний покров; обложка, переплет (книги, тетради)'.

Ср. тоф. *таъшкаары* 'наружу, на улицу', *таъшты* 'внешняя, наружная часть', а также общетюрк. *даш ~ таш...* 'внешняя, наружная часть (сторона); внешний вид, наружность, внешний, наружный' и под. Имеется также тюрк. глаг. основа *да:ш- ~ даш-* 'литься (переливаться) через край; переваливать через край; выходить из границ' и проч., которую Э.В. Севортян и некоторые другие исследователи отделяют от указ. выше именной, сомневаясь в их гомогенности, поскольку в глагольной присутствует реконструируемая на основании турк. языка «первичная» долгота (см.: ЭСТЯ III, *164—166*, *169—170*; Дыбо, *12*, *13*, *46*).

Эта ситуация была рассмотрена выше (см. **дажы- II**), и мы пришли к выводу о том, что указ. фонетический признак в данном случае не играет существенной роли, тем более что в тув. и тоф. языках как в глаг., так и в соответствующей ей именной основах отмечена фарингализация. Помимо этого, есть основания полагать, что именно глаг. основа, которая, к тому же, возможно, морфологически членима (о чем мы также высказывали предположение в статье **дажы- II**), является первичной.

В тув. и тоф. языках отсутствует именная основа *даш ~ таш...* в чистом виде. Она существует в них только в составе производных, в частности в тув. *дашкаар* и тоф. *таъшкаары*, которые представляют собой варианты лексикализованной формы древнего направленного падежа на *-гару* (ср. также **бурунгаар**) и соответствия которых носят практически общетюрк. характер (ЭСТЯ III, *166—167*), чего нельзя сказать о форме *дашты ~ таъшты*. Последняя в отличие от *дашкаар ~ таъшкаар*, по-видимому, специфична для тув. и тоф. языков и не нашла отражения в материалах ЭСТЯ.

Дашты... по своему происхождению представляет посессивную форму 3 л. и употребляется в составе сочетаний изафетного характера: ср. тув. *дашты чараш* 'внешность [его] красива', *бажыңның дашты* 'внешний вид дома'. Предполагается, что *дашты* < **даш-ын-ы* (ИП, *433*).

Такое членение оправдано, но нуждается в обосновании, ибо структура **даш-ын-ы* остается неясной, за исключением конечного *-ы*

(аф. принадлежности). Очевидно, основа **даш-ын* 'внешность, внешний вид' одноструктурна с тув. *ижин* 'живот, желудок; внутренность, нутро' и под. По мнению Э.В. Севортяна, это слово возводится к глаг. **ичи-* *'быть, находиться внутри' (тюрк. *ич* 'внутренность, внутренняя часть'), от которого образовано с помощью форманта *-н* (ЭСТЯ I, *393*). В другой статье того же словаря (Там же, *393—394*) реконструируется и односложная глаг. основа **ич-* с той же семантикой, что и у **ичи-*.

Поэтому первоначальная структура тув. *ижин...* может быть представлена в вариантах **ичи-н* и **ич-(и)н* как отглаг. образование. Следует согласиться с тем, что «труднее его (*ижин. — Б. Т.*) объяснять как лексикализацию орудийного падежа» (Там же, *393*). Очевидно и то, что еще более трудно согласиться с представлением структуры данного слова как *иш* (< *ич*?) + древняя форма аф. принадлежности 3 л. *-ин* (ИП, *443*).

Соответственно **даш-ын* (< **таш-ын*) может быть представлено как производное от **таш-*, соответствующей вышеприведенной глаг. основе *да:ш- ~ даш- ~ таш-...* и имеющей семантику типа 'выходить наружу; находиться снаружи, извне'. Возможно, глаг. основа с подобными значениями была двухсложной, соответствующей, в частности, тув. *дажы-* 'прибывать (о воде)', и в таком случае **дажын* < *ташы-н*. Не исключено, впрочем, и отыменное образование **ташын* (см. **ижин**).

В тув. и тоф. языках на базе *даштъ ~ таъштъ* образовано нар. *даштыгаа ~ таъштыгаа* 'наружу; на улицу, на двор'. Тоф. *таъштыгаа* интерпретируется как адвербиализованная форма дательно-направительного падежа (Рассадин. Морфология, *249*), что вполне реально. Долгота в тув. *даштыгаа* вызвана, по-видимому, соседством с узким гласным *-ы*, а также уподоблением наречиям на *-гаар...* (см.: ИП, *421—422*, а также **дашкаар**). От той же основы образованы и тув. нар. и послелог *даштынга* и проч. (ИП, *433*); ср. также тоф. *таъштынга* 'вне, снаружи'.

даштъ см. **дашкаар**.

даштык- [аъ] 'выходить из берегов, из границ (о реке и т.п.); переходить через край'.

Тув. *даштык-* представляет собой по структуре пережиточную залоговую форму глаг. основы **даш-* 'литься, переливаться через край' и под. (ЭСТЯ III, *169*). Аф. *-тык-...* в др.-тюрк. памятниках относится к числу, по-видимому, редких — «второобразных аффиксов каузатива, имеющих, вместе с тем, медиопассивное значение» (Кононов. ГЯТРП, *181—182*). Интересно, что указ. глаг. основа в тув. языке как таковая не отмечена, а функционирует двухсложная основа *дажы-* 'прибывать (о воде)'... См. **дажы-** II. Ср. тоф. *таъш-* 'разливаться, выходить из берегов'.

дая 'жимолость'.

Ср. тоф. *daja* (*дайа ~ тайа*) 'жимолость', алт. *тая* 'кустарник' (ОРС, *145*) или по другому источнику 'кустарник красновато-бурого цвета, из которого делают рукоятку к плети' (ТСГА, *298*), алт., тел. *тайа* 'кустарник, кора которого употребляется для зажигания огня' (РСл. III, *815*).

Происхождение слова, возможно, связано с тем, что древесина определенных видов жимолости отличается прочностью; из ее стволов и прутьев тувинцы изготавливали палки (посохи), курительные трубки, иглы, а также стрелы для луков и самострелов. *Дайа* (*дая*) ~ *тайа* (*тая*) 'жимолость' может быть гомогенно с общетюрк. названием орудия *дайак ~ тайак* 'палка; дубинка', которое, в свою очередь, связано с глаг. основой *дайа- ~ тайа-* 'подпирать, ставить опору; опирать(ся)' и с другими словами, обозначающими средства вооружения (см. **даяк I, II, даяла-**).

Судя по транскрипции слов тоф. языка, в звуковом облике названия жимолости (*daja*) и соответствия *даяк* (*dajaq* 'палка, посох') наблюдается почти полное тождество, охватывающее интервокальный назализованный *j* (Рассадин. Фонетика, *168*) и, вероятно, обусловленное родством двух этих слов.

По-видимому, у глаг. основы *дайа-*... существовал и односложный вариант **дай- ~ *тай-* *'подкреплять, укреплять' (> 'подпирать'), имевший, в свою очередь, именное соответствие **дай ~ *тай* 'прочный, крепкий', которое послужило основой глаг. *дайа-*. См. также **даян-**.

Дайа ~ тайа... образовано от **дай- ~ тай-* с указ. семантикой при помощи аф. *-а* (< **тай-а*). Ср. также турк. *даяв* 'крепкий, здоровый' < **дайаг* < **дай-а-г*, где **дай*, возможно, соответствует ранее реконструированной именной основе *дай ~ *тай*.

даяк I 'конечность, нога (человека)'.

даяк II *уст., вост.-тув.* (Тоджа, Тере-Холь) 'шаманский жезл' (*использовался при камлании*).

В настоящее время *даяк* I употребляется в основном как компонент парного слова *даван-даяк* 'конечности' (см. **даван-даяк**).

По-видимому, *даяк* I было производным от глаг. основы со значением движения, перемещения в пространстве. Непосредственных соответствий в других тюрк. языках не обнаружено, но оно может быть родственно, напр., як. диал. *тайан-*: 1) *фолькл.* 'идти, отправляться'; 2) 'уходить, убегать (о звере)' и производным от этой основы именами *тайанар* 'нога' и *тайаныах* 'нога; конское копыто; весло' (ДСЯЯ, *233*).

В *тайан-* можно видеть залоговую по происхождению форму от основы **тайа-*, семантически близкую *тайан-*.

В части тюрк. языков фиксируется односложный глагол, который можно связать с як. диал. *тайан-*: ср. азерб. *taj-* 'убегать, бежать,

отделяться', азерб. диал. *maj-* 'отойти, отодвинуться, пройти; убраться, выйти вон' и т.п., кум. *тай-* 'удаляться, отходить; оставлять' (РСл. III, *766*), ног. *тай-* 'уходить, отходить, исчезать'. Ср. также тел. *тайба-* 'попирать, топтать' (РСл. III, *771*), которое можно рассматривать как форму интенсива с аф. *-ба-* от **тай-* *'ступать, идти' < *'наступать на что-л., придавливать (ногой)' (см. **дайна-**).

Тув. *даяк* I имеет связь и с общетюрк. *даяк ~ тайак*, имеющим такие значения, как 'палка, посох; дубинка; опора, основа' и под. Последнее является производным от глаг. *дайа- ~ тайа-* 'прислонять, подпирать; опираться...' и образовано с помощью аф. *-к* (ЭСТЯ III, *125—126*). Тюрк. *дайак ~ тайак...* имеет близкое соответствие в монгол. языках типа п.-монг. *tajaγ* 'посох, трость, костыль' и совр. форм (Рассадин. Фонетика, *168*; ЭСТЯ III, *126*), являющихся, скорее всего, тюркизмами (см.: ПМЯ, *38*).

В тув. лексике общетюрк. *дайак ~ тайак...* соответствует имя, образованное от залоговой формы указ. глагола — *дайан-...* (см. **даян-**) с помощью аф. *-гыыш*: *даянгыыш* 'палка, трость, костыль; опора' (ср. тат. *таянгыч* 'подпорка, подлокотник').

Соответствия *тайа- ~ дайа-* (а также *тайан- ~ дайан-*) имеют кроме указанных еще целый ряд значений, в т.ч. и такие, которые характеризуют перемещение в пространстве (первоначально — с использованием опоры): ср., в частности, лоб. *тайа-* 'опираться веслами или шестом о дно реки и ехать на лодке', уйг. диал. *tæjin-* 'идти при поддержке палки' (ЭСТЯ III, *125*).

Можно предположить, что те же глаг. основы или их соответствия приобрели в конечном счете семантику движения, перемещения в более широком плане. Поэтому вышеприведенное як. диал. *тайан-* и его корреляты типа *maj- ~ тай-* и *тайба-* гомогенны с общетюрк. *тайа-*, *тайан-...*

По характеру связи значений ситуация напоминает ту, которая характерна для глаг. *бас-*, означающего, с одной стороны, 'давить' (ср. як. *тайан-* 'упираться рукою, надавливать рукою'), а с другой — 'ступать, двигаться, идти' (см. **бас-**).

Ср. рус. *переть* 'идти' и *переть* 'нажимать, давить; опираться' и под., истолковываемые как омонимы (Фасмер III, *240*; Шанский и др., *334*), хотя это явление может быть интерпретировано и как многозначность.

Тув. *даяк* 'нога' — *явно вторичное наименование конечности*, возможно носившее характер эвфемизма.

Даяк II обозначало у восточных тувинцев орудие шаманского ритуала[1], функция которого в имеющихся описаниях не вполне про-

[1] См.: *Вайнштейн С.И.* Тувинцы-тоджинцы. — М., 1961. — С. 177—178; *Он же.* Мир кочевников Центра Азии. — М., 1991. — С. 248, 252, 255.

яснена. Возможно, оно, как и бубен, играло роль своего рода «транспортного средства» (= коня). Ср. в этом плане бур. *морин һорьбо* (букв. 'конская трость' — «пара посохов из ритуальных принадлежностей шамана... Трости символизировали коня, на котором душа шамана якобы поднималась на небо для общения с небожителями» (Манжигеев, *58*). Второй компонент бур. наименования связан с бур. *һорьбо* 'трость, посох'.

Возможно, и тув. *даяк* 'шаманский жезл', в свою очередь, связано производностью с общетюрк. *тайак ~ дайак* 'палка, трость, посох', хотя в этом случае не следует исключить и связи с тув. *даяк* 'нога, ноги'.

даяла- 'убивать (обычно о медведе)'.

Ср. тоф. *тайалат-* 'добыть медведя', трактуемое как эвфемизм (Рассадин. Словарь). Ш.Ч. Сат также относил тув. *даяла-* к числу эвфемизмов, связанных с медведем и охотой на него и заменяющих глаг. *өлүр-* 'убивать'. Исследователь переводил *даяла-* букв. как 'покончить жимолостью' (т.е. 'убить стрелой, сделанной из жимолости'), а форму *даялат-* — 'покончить с помощью жимолости' (СТ. — 1981. — № 5. — С. 43). С учетом особенностей реалии, обозначенной тув. *дая* 'жимолость' и его происхождения (см. **дая**), указ. версия имеет право на существование, хотя слово напрямую едва ли связано с названием этого растения.

По структуре тув. и тоф. глаголы — явные производные от именной основы *дайа ~ тайа*, которая, возможно, восходит к обозначению орудия охоты. Последнее может быть гомогенно с як. *тайыы* 'старинная якутская рогатина' (с ней, в частности, охотились на медведя) (ср. также як. *тајы* 'пика; копье; рогатина' (Пек. III, *2529*)) и як. глаг. *тайыылаа-* уст. 'колоть, бить зверя рогатиной'.

В диалектах як. языка отмечены также слова *дайбахы* 'копье', *тайанар* 'копье, пика', *тајах* то же (ДСЯЯ, *84, 233*). Вероятно, в тот же круг слов входит каз. фолькл. *тая* 'разновидность меча' (Мухатаева А. Этнолингвистическое изучение лексики казахского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1989. — С. 12), соответствия которого (слова вроде **дайа ~ *тайа*) могли обозначать и охотничье оружие в виде копья, т.е. рогатину. Использование рогатины в охоте на медведя в этнографических материалах по тувинцам не отмечено, но не исключено, что в прошлом ими применялось и подобное орудие. Его название, по-видимому, родственно общетюрк. слову *дайак ~ тайак* 'палка, посох, трость; дубинка', считающемуся производным от *дайа- ~ тайа-* 'подпирать, опираться' и под. (см. **даяк I, II, а также даян-**). Указанная глаг. основа могла существовать и в односложном варианте, напр. в виде **тай-* (ЭСТЯ III, *126*), производными от которого были, в частности, **дайа ~ *тайа* (а также каз. *тая* и як. *тайыы*), гомогенные с тув. *дая*

'жимолость'. Возможно, исходное значение *даяла- ~ тайалат-* было специализированным (типа 'убивать медведя определенным видом оружия').

Вероятно, **тай-* могло означать не только 'опираться', но и 'бить, колоть', что и объясняет появление на его основе названий орудий и оружия. Здесь также просматривается аналогия с глаг. *бас-*, о чем мы уже говорили выше по поводу основы *дая(н)-...* (см. **даяк** I, II). Этот глагол, кроме 'давить...', мог означать и 'колоть, резать' и под. (ЭСТЯ II, *75—76*).

даян- 'опираться'.

Общетюрк. глаг. основа, отмеченная в вариантах *даян- ~ тайан-* и под. со значением типа 'опираться'. Ближайшим образом *дайан-...* связано с широко распространенным глаг. *дайа- ~ тайа-* 'прислонять, подпирать; опираться' и др., являясь по происхождению формой залога (медиопассива) от последнего (ЭСТЯ III, *125—126*). См. также **дая, даяк** I, II; **даяла-**.

де-, ди- 'говорить; думать, собираться, предполагать, намереваться (сделать что-л.)'.

Общетюркское; представляет собой основной глагол речи в тюрк. языках; основные варианты: *ти- ~ ди-, те- ~ де-*. Архетип глагола Э.В. Севортян представлял в виде **те:-* (с закрытым гласным) (см.: ЭСТЯ III, *221—224*).

девн- 'исполнять ритуальную пляску во время национальной борьбы «хуреш»'.

Происхождение тув. *деви-*, по-видимому, связано с глаг. основой *типа п.-монг. debi-* 'махать, размахивать, взмахивать (крыльями, веером); расправлять крылья' (см. также: EW, *137*). Исполняя ритуальную пляску, именуемую также «танцем орла», борец размахивает руками, как крыльями. В свою очередь, монгол. глагол может быть сопоставлен с тюрк. *деп- ~ теп-* 'лягать(ся), брыкаться; топать' и под. (ЭСТЯ III, *195 и след.*), в т.ч. и тув. *теп-*, означающим и 'танцевать, плясать' (см. **теп-**).

Предшествующими исследователями тюрк. *деп- ~ теп-* уже сопоставлялось с материалом монгол. языков (ЭСТЯ III, *196—197*), однако глаг. основа *debi-* в подобные сопоставления не вводилась. Ср. также **давы-**.

девиде- 'волноваться, тревожиться; впадать в панику'; **девидел** 'волнение, беспокойство; паника'.

Монголизмы. См. п.-монг. *tebede-* 'торопиться, поступать небрежно; смущаться', монг. *тэвдэх* 'суетиться, торопиться; смущаться; растеряться, опешить', *тэвдэл* 'торопливость, суетливость; растерянность'. В тув. говорах отмечен также вариант глаг. основы *тевиде-*.

девидел см. **девиде-**.

девиржи- [еъ] 'рваться, не стоять на месте (о коне под всадником)'.

Ср. турк. *депирже-* 'брыкаться; дрыгать ногами (о детях); лягаться, взбрыкивать (напр., об осле)', тат. *тибӣрчён- ~ тыпырчын-* 'биться, дрыгать ногами, барахтаться'. Последнее связано с имитативом *тып* — звукоподражанием резкому звуку в его двухсложном, наращенном модификатором *-ыр* варианте **тыпыр*: ср. тат. *тыпырда-* 'стучать, топать ногами', кирг. *тыпыр-тыпыр* — подражание частому громкому топоту (главным образом, конскому), *тыпыра- ~ тыбыра-* 'трепыхаться, биться; топать, топотать', *тыбырчыла-* 'перебирать ногами, топать'. В тат. *тыпырчын-* можно выделить основу *тыпыр*, аф. глаголообразования *-чы-* и формант медиопассива *-н-*.

Очевидно, такова же структура тат. *тибӣр-чё-н-*, турк. *депир-же-* и тув. *девир-жи-*, отличающегося от первого отсутствием залогового аффикса, а от второго качеством гласного в нем. Производящая основа **тепир* (ср. турк. **депир*, тув. **девир*) того же типа, что и **тыпыр*: ср. тур. *тер* в *тер-тер оупа-* 'биться (о сердце)', *дер-лен-мек* 'сильно двигать, болтать ногами' и под.

Как считал Э.В. Севортян, «в тюрк. языках или их ареальных группах существует древняя и лексически синкретическая односложная основа *тен/ден*, имеющая субстантивное, глагольное и подражательное значение. Она гомогенна и семантически коррелятивна с глаголом *ден-/тен-* 'пинать, толкать'...» (ЭСТЯ III, *201*; см. также **деви-, теп-**). **Тепир* — двухсложный вариант данной основы. Производным от **тепир* мог быть общетюрк. глаг. *депре- ~ тепре-*... 'двигать(ся), шевелить(ся); колебаться, трястись; прыгать' и под., который считается образованным от *ден ~ тен* с помощью аф. *-ра-(-ре-)* (ЭСТЯ III, *200—201*).

Таким образом тув. *девиржи-* — < **тепир-чи-*.

девискээр [еъ] 'территория'.

Монголизм. Ср. ср.-монг. *debisker* 'подстилка' (Поппе. Мук., *139*), п.-монг. *debisger* 'подстилка, ковер, тюфяк; все, что подкладывается или подстилается; поле, фон (материи)', монг. *дэвсгэр* 'подстилка, матрац, тюфяк; фон, грунт; бумажный денежный знак; территория', бур. *дэбдихэр* 'подстилка, постель, тюфяк, матрас; пол; пространство, территория'.

Слова монг. языков образованы от глаг. основы типа п.-монг. *debis-*, монг. *дэвсэх*, бур. *дэбдихэ* 'постилать, расстилать; подкладывать; мостить'.

Тув. *девискээр*, судя по значению, принадлежит к числу поздних монг. заимствований, тем более что значение 'территория' возникло и у монгол. слова сравнительно недавно. Возможно, слово проникло в тув. язык через тексты на п.-монг. языке. Долгота широкого гласного слога появилась у *девискээр* в результате удлинения этого

гласного, находящегося в соседстве с узким гласным, что наблюдается и в других подобных случаях.

девээ [еъ] 'тенистое место, где скот в жару укрывается от солнца'. Ср. тоф. *dep'æ*: 'двор возле дома; улица, место возле чума, где привязывают оленей' (позже — *дээһээ ~ дээфээ* 'двор; улица'; ср.: Рассадин. Фонетика, *172*; ТРС-РТС, *23*).

В.И. Рассадин в своем этимологическом словаре приводил тув. *девээ* с указ. семантикой, а также алт. *тебээ* 'стоянка в тени (для скота)' (согласно другому источнику, алт *тебеге ~ тебее* означает 'зимнее пастбище; подножный корм', см.: ОРС, *145*). Указ. тюрк. слова возводятся к монгол.: ср. п.-монг. *debege* ('болотное место; сырая местность, займище'), монг. *дэвээ*, *дэвхээ*, *дэвэг* 'луг, альпийские луга' (Рассадин. Фонетика, *172*); ср. также калм. *девән* 'зеленый луг, поле'.

По значениям, однако, тув. и тоф. слова достаточно далеки от монгол., причем семантические различия между ними трудно представить как результат определенного смыслового развития. Таким образом, неясен характер смысловых связей указ. слов. О заимствовании более реально говорить применительно к алт. *тебеге ~ тебее*. (Таково же и происхождение тоф. *тебээ* 'корм, предназначенный для откорма животных'.)

Тув., тоф. слова, а также, возможно, и алт. *тебээ* могут быть не монголизмами, а, напротив, старыми тюрк. словами, сохранившимися в указ. языках. Здесь вероятна связь с общетюрк. глаг. основой *деп- ~ теп-* 'лягать, топать, толкать' и под. (см. **теп-**), означающей также 'утаптывать': ср., напр., чаг. *теперлик* (*теп + ер + лик*) 'место, утоптанное лошадьми; место, где стоит конница' (РСл. III, *1110*), а также кирг. *тебээле-* 'топтать, месить (ногами); топтать колос, выколачивая зерно'. Кроме того, указ. глаг. основа, согласно РСл., означает 'закрывать' (см.: ЭСТЯ III, *169*).

Может быть тув. *девээ*, тоф. *дээфээ*... первоначально имело значение 'закрытый (в т.ч. от солнца); затененный', что делает понятным возникновение значений 'двор' и 'тенистое место; навес'[1].

Структурно эти слова могли представлять собой производное от указ. глаг. основы имя, которое образовано при помощи аф. *-ага... ~ -агу...* (**теп-еге ~ теп-егу*) и имело, вероятно, признаковое значение (АИ, *232 и след.*).

Предложенная этимология объясняет и наличие в указ. словах фарингализации гласного, а в тоф. также глухого (ранее — сильного) интервокального согласного *-п-*, перешедшего в *-h-* и *-ф-*.

дег- 'трогать, прикасаться, задевать; восходить, появляться (о солнце); попадать (в цель), поражать (о пуле); быть метким (о ружье);

[1] Не исключена также исходная семантика типа 'утоптанный, вытоптанный'.

приставать (о болезни)', дегдир- 'воспаляться; болеть воспалением легких'.

Общетюрк. глаг. основа, существующая в вариантах *дег- ~ тег- ~ тек-* и т.п. и с семантикой, совпадающей с той, что зафиксирована для тув. *дег-* (ЭСТЯ III, *173—174*). В числе их совпадающих или сходных значений — 'приставать (о болезни), заражать кого-л.; скверно подействовать, вызвать болезнь; подвергаться (болезням, наказаниям)'. Подобная семантика проявляется также в тув. *дегдир-* 'воспаляться; болеть воспалением легких', представляющей форму каузатива от *дег-*.

По мнению Э.В. Севортяна, более древней формой (и «ближайшим архетипом») рассматриваемого глагола является **теӈ-* (ЭСТЯ III, *175*), но этот вывод основывается, кажется, только на показаниях лоб. языка (по Тенишеву, — лоб. диалекта уйг. языка) или хак. диалектов и не является достаточно убедительным. По крайней мере, в тув. конечный *-ӈ* глаг. основ сохраняется и едва ли перешел в *-г(γ)* и в данном случае.

Возникает также вопрос, не имеют ли различия конечных *тек- ~ тег- ~ теӈ-* морфологическую природу, однако для каких-либо выводов в этом случае пока нет достаточных оснований. Можно лишь отметить, что у *дег-...* имеется именной коррелят *дек ~ тек ~ дег...* означающий 'конец, внешняя сторона' и выступающий в основном как послелог ('до, вплоть до'). См.: ЭСТЯ III, *182—183*. В тув. языке такой послелог представляет собой производную от *дег-* форму *дээр*.

дег *послелог* 'как, подобно; вроде, будто'.

Общетюрк.; для тюрк. языков характерна в основном односложная форма послелога (*дек ~ тек ~ дег ~ тег ~ дей ~ тей...*); в некоторых языках и диалектах (турецких и туркменских) отмечены его двухсложные формы типа *дейин ~ тейин*, а также *теки*, которые считаются морфологически неясными (ЭСТЯ III, *184—185*).

Э.В. Севортян допускает генетическое единство указ. послелога с *теӈ...* 'равный, одинаковый, подобный' (ЭСТЯ III, *184*), что представляется достаточно вероятным. Послелог, возможно, был морфологически членим. В ряде исследований *дег* рассматривался как имя на *-г* от *те-* 'говорить' (ЭСТЯ III, *184—185*), но аргументация здесь неясна. Наличие у *дег...* двухсложных вариантов может свидетельствовать в пользу того, что существовала соотносительная с послелогом глаг. основа.

В целом ситуация со структурно-фонетическими характеристиками слова *дег...* весьма напоминает ту, которая отмечена для *дег-* 'трогать, касаться...' (см. **дег-**), что создает возможность для единого подхода к изучению этих слов в плане их происхождения. См. **деӈ I, дески**.

дегдир- см. **дег-**.

деге [еъ] 'козел-самец (домашний)'; *диал.* 'баран-производитель'; **те** 'дикий козел (самец)'.

Ср. тоф. *тэъhе* 'горный козел; сибирский козерог', др.-тюрк. *tekä* 'козел', соответствия (главным образом в варианте *теке*) отмечены в ряде тюрк. языков также со значением 'козел' (в части сиб.-тюрк. языков — 'горный козел'); в некоторых из тюрк. языков Средней Азии и в чув. соответствия *теке* обозначают барана (Базарова, Шарипова, *122—123*); ср. также тат. *тәкә* — названия самцов мелкого рогатого скота.

Тюрк. *теке...*— древнее слово, широко представленное как в памятниках, так и в совр. языках; его этимология в соответствующих исследованиях практически не дается (ср., напр.: EW, *470*; Дыбо, *7*)[1].

Можно полагать, что тюрк. название *теке...* связано своим происхождением с основой, обозначающей прыжки, скачки и под. Соответствия последней могут быть образными или именными: ср., напр., уйг. диал. *текир-текир* — образн. 'скачки зайца' или каз. **тек*, интерпретируемое как 'ходьба вприпрыжку' и выделяемое в составе таких производных, как *текеңде-* и *текіректе-* 'бежать галопом, вприпрыжку' (Кайдаров, *284*); ср. также кирг. *текирең* 'галоп; ход вприпрыжку (напр., о спутанной лошади)' и, вероятно, *текил-де-* 'быстро двигаться; быть расторопным'. В отдельных языках фиксируется также соответствующая глаг. основа, подобная, в частности, с.-югур. *тек-* (и *текіс-*) 'скакать (на лошади)' (Малов. ЯЖУ, *116*).

Тюрк. *теке* первоначально, по всей вероятности, обозначавшее самца дикого (горного) козла, могло быть производным от глаг. основы, подобной указ. выше (*тек-е*). Неясно, как с этим названием связано шор. *текке аң* 'мамонт'.

В монгол. языках представлены соответствия тюрк. *теке...*: ср. п.-монг. *teke*, бур. *тэхэ*, монг. *тэх* 'горный козел; козел-производитель', калм. *тек* 'козел (некастрированный)', которые частью исследователей считаются этимологически родственными с тюрк. *теке...* (ОСЛАЯ, *128*), хотя более точным следует считать отнесение монгол. слов к тюркизмам (см.: Дыбо, *7*, прим. 29).

В тув. языке представлены *деге* [*деъге*] и *те*, несколько различающиеся по своим значениям. *Те* < **теке* с выпадением интервокального (сильного) *-к-*, образованием на месте комплекса *-еке-* крат-

[1] Определенное исключение представляет совместный труд Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, где тюрк. (тюрк.-монгол.) слово сопоставлено с индоевропейским названием козы. Однако, как замечено по этому поводу, само контактирование с пратюрк. языком тех индоевропейских ареалов, где отмечено это название, является проблематичным (СИГТЯЛ, *428*).

кого гласного и сохранением начального сильного *т-*. Как мы уже отмечали, подобные звуковые преобразования происходили на раннем этапе развития тув. языка, когда в нем, по-видимому, еще отсутствовали вторичные долготы и не были широко представлены монгол. заимствования (СТ. — 1974. — № 6. — С. 18—27).

Изменения в звуковом облике тув. [*деьге*]: ослабление интервокального *-к-* с его последующей сонаризацией, появление фарингализации у гласного первого слога и, как следствие, ослабление начального *т-* более характерны для тув. языка и, возможно, относятся к более позднему периоду.

В случае с [*деьге*] не исключаем, что этот вариант является вторичным монгол. заимствованием. Ср. подобную трактовку тоф. соответствия указ. варианта слова в СИГТЯ Л, *428.*

дегет 'довольно, достаточно, заметно'.

См. **идегет II.**

дегийт [еъ] 'скорее, сейчас же, мигом'.

По-видимому, связано с *дек* 'быстро, скоро' (см. **дек**). *Дегийт* может представлять собой соединение *дек* с межд. типа *эйт* — возгласа, служащего для привлечения внимания.

дегээ 'крюк, багор; клеймо на лошади (в виде латинской буквы S); подсечка, крюк (прием в борьбе)'.

Ср. кирг. *дегээ* 'острога', алт. *тегээк* 'крюк для ловли рыбы; багор', *тегеле-* 'дать подножку'.

По всей вероятности, мы имеем дело с монголизмом. Ср. п.-монг. *degē* 'крюк, багор; крючок', *degēg* 'деревянный кляп; крючок у треноги', монг. *дэгээ* 'крюк, багор, крючок; прием в борьбе; хитрость, лукавство', бур. *дэгээ* 'крюк, багор; подножка', калм. *дегә* то же. Возможно, монг. слово связано с тюрк. основой типа *тег- ~ дег-* (см. **дег-**), соответствия которой могут означать 'брать, хватать; зацепить' (ЭСТЯ III, *174*).

дедин- [еъ], **деттик-** '*приходить в чувство, очнуться*'; *перен.* 'встать на ноги, поправить свое материальное положение (об обедневшем)'; **деткер-** [еъ] 'приводить в чувство (сознание)'; *перен.* 'помогать поддерживать обедневшего, чтобы тот встал на ноги, поправил свое материальное положение'.

Малоупотребительные глаг. основы. Ср. др.-тюрк. *tetig, tetik* 'сообразительный, понятливый'; чаг. *tetik* 'здоровый, бодрый' (Благова. БН, *171*), чаг., уйг. *тәтик* 'скорый, удалый; остроумный, умный', *тетик* 'остроумный, умный' (кирг.); 'ум, разум, понятие' (каз.) (РСл. III, *1092—1093*); алт. *тәдиг, тәду* 'умный, мудрый; бодрый, скорый' (РСл. III, *1095*), *теду* 'довольный, спокойный, не имеющий печали', тур. *tetik* 'расторопный, проворный, ловкий', узб. *тетик* 'бодрый, здоровый; здравомыслящий, смышленый', а также як. диал. *тэтин-* 'набирать силу после болезни; приходить в хоро-

шее настроение' (ДСЯС, *201*), як. *тэтиэнэх* 'физически крепкий, сильный', кирг. *тетил-* 'быть (стать) бодрым', алт. диал. *тӓдил-* 'поправиться, укрепиться, войти в силу' (РСл. III, *1095*).

Этимология приведенных выше именных и глаг. основ не выявлена. В частности, М. Рясянен ограничивается приведением части имен (в основном по РСл.) и установлением их архетипа в форме **tätüg* (EW, *476*). Очевидно, существовала и глаг. основа **тет-* с семантикой типа 'быть в сознании, приходить в сознание; быть в норме (физически, умственно)' и под., которая в настоящее время, по-видимому, не сохранилась, но с которой может быть связано алт. диал. *тӓт-* 'основывать' (РСл. III, *1091*).

Тув. *дедин-*, как, очевидно, и як. диал. *тэтин-*, представляет собой по происхождению форму возвратного залога от **тет-*. Форма *дет-тик-* — морфологический вариант *дедин-* (< **тет-ин-*), а *-тик-* в первой из них — редкий аф. медиопассива (ср. **даштык-**). *Деткер-* (< **тет-кер-*) представляет собой, по всей вероятности, форму каузатива от основы **тет-*.

дедир [еъ] 'обратный/обратно, в обратном направлении, назад, наоборот; упрямый'.

Ср. тоф. *тэъtірі* то же; др.-тюрк. *tetrü*, *tertrü* 'обратно, в обратную сторону; наоборот', кирг. *тетир ~ тетири* 'наоборот, наизнанку', як. *төттөрү* 'обратный; обратно, вспять', хак. *төдір* 'обратный; обратно, назад', уйг. *тәтүр* 'наизнанку, наоборот; изнанка, упрямец' (Рассадин. Фонетика, *234*), каз. диал. *тетір* 'неверный; неправдоподобный; упрямый'.

Очевидно, *дедир* и его соответствия гомогенны с глаг. основой типа *дидин- ~ титин-*, др.-тюрк. *tetin-* 'противиться, сопротивляться...' и под., которую Э.В. Севортян обоснованно истолковывал как возвратно-медиальную форму от *tit- ~ tet-* 'противиться, сопротивляться, перечить', причем по происхождению «корневой гласный в глаголе, вероятно, закрытое *-е-*» (ЭСТЯ III, *218*).

Для характеристики значений глаг. **тет- ~ *тит-* Э.В. Севортян привел производное от него имя, среди соответствий которого отмечено и тув. *дидим* 'смелый, отважный...' (Там же; см. **дидим**), в котором реализовался вариант указ. глагола с узким гласным. Предполагаем, что *дидим* гомогенно с *дедир...* у соответствий которых прослеживается, напротив, широкий гласный первого слога (формы с *-ө-* типа хак. и як., очевидно, вторичны).

Различия двухсложных (*дедир*) и трехсложных (*тэъtірі*) форм рассматриваемого слова, вероятно, носят морфологический характер: первые из них могли быть образованы непосредственно от глаг. основы **тет-* при помощи аф. *-(и)р*, а вторые — от каузативной формы этой основы (**тет-ир-*) с помощью форманта *-и-* (*-ү-*).

Подобную же структуру мог иметь и др.-тюрк. *tetrü* (*tetir-* + *-ü*); вариант последнего *tertrü*, возможно, является результатом контаминации с др.-тюрк. *ters* 'превратный, неправильный' (ДТС, *555*). Вероятно и родство *ters* и *tetrü* (см. **дерзиг**).

Предположение М. Рясянена о заимствовании *дедир* и его соответствий (приведенных частично) из монгол. *qeder-ge*, *qedergü* 'назад' (EW, *134*) явно лишено оснований.

дежик-делик [еъ-] *разг.* **1.** 'дырявый, весь в дырах'; **2.** 'дыры, отверстия'. Ср. тур. *delik deşik* то же. Первый компонент тув. слова (*дежик*) употребляется и как самостоятельное слово, являясь производным от глаг. основы *деш-* 'делать дыру, отверстие...' (см. **деш-**), в то время как *делик* в тув. существует только в качестве компонента парного слова *дежик-делик*.

В ряде тюрк. языков и памятников письменности фиксируется основа *дел- ~ тел-* 'продырявливать...', соотносительная с *деш-* и образующая с последним чередующиеся *л ~ ш*-формы, а также производное от *дел-* имя *делик* 'дырявый'; 'дыра' и под. (ЭСТЯ III, *185—186*). Вероятно, существовало и соотносительное с *дел-* имя **дел*, о чем свидетельствует тур. *del-ce* 'пора (на коже)'.

В тоф. языке в отличие от тув. сохраняется как основа *тэъш-* 'проколоть, продырявить' и производное от него *тэъһік*, так и *дэл-* 'продырявить, пробить отверстие', и *дэлік* 'отверстие, дыра' (ТРС-РТС, *23*, *75*, *76*).

дек [еъ] 'скоро, быстро' (при отрицательной форме глагола).

Ср. тоф. *дэък ~ тэък* то же, *тэъкті* 'быстро', тув. **дегийт** (см.), *дектей* 'скорее, быстрее'(? < *дек-те-й*). По-видимому, *дек* и под. гомогенны с др.-тюрк. *terk* 'быстро, скоро' и его совр. соответствиями типа кбалк. *терк* 'быстрый / быстро, скоро' (см. также: РСл. III, *1068*).

Соотношение вариантов с *-р-* и без него напоминает ситуацию с *берк ~ бек* в ряде тюрк. языков (ср. **бек**, а также: ЭСТЯ II, *116—120*). Различия между *терк* и *тек ~ дек* также носят, по всей вероятности, структурный характер.

Допустимо существование глаг. основы **те-* 'спешить', с которой соотносится, в частности, кбалк. *те* — призыв, побуждение к действию 'ну, скорей!, быстрей!' (см. также: Менгес, *142*; **дес-**, **дүрген**). С *дек...* может быть связаны также каз. **тек* 'ходьба вприпрыжку' и название горного козла (см. **деге**).

Что касается формы *терк*, то она в отличие от *дек* могла быть образована (при помощи того же форманта *-к*) от каузативной формы указ. глагола (**те-р-*); см. также **дүрген**.

делге- 'выставлять напоказ; накрывать на стол'.

Ср. як. *тэлгээ- ~ тэлгиэ-* 'стлать, постилать; расстилать' < монгол. (Рассадин. МБЗ, *74*).

Как и як. глагол, тув. *делге-* относится к монголизмам. Ср. п.-монг. *delge-* 'растягивать, развертывать что-л.; расстилать, раскладывать, расставлять; распускаться (о цветке); рапространяться', монг. *дэлгэх* 'раскладывать, развертывать, расстилать, расправлять', калм. *делгх* 'настилать; расстилать; раскрывать (ладонь)', бур. *дэлгэхэ* 'расстилать, раскладывать.

Ср. также ЯМВМ, *147*. См. **делгем, делгере-**.

делгелге 'выставка; витрина; полка с товарами (в магазине)'.

По-видимому, собственно тув.; образовано сравнительно недавно по образцу монгол. слов с помощью аф. *-лга* (*-лге*), заимствованного из монгол. языков от основы *делге-* 'выставлять напоказ...' (см. **делге-**), также имеющей монгол. происхождение. Однако непосредственных соответствий тув. *делгелге* в монгол. языках не обнаружено.

делгем [еъ] 'широкий, просторный, обширный'.

Ср. алт. диал. *телгем йер* 'пространное место' (РСл. III, *1086*), тоф. *дэълhем* 'равнинный; широкий и просторный (о местности)' (Рассадин. Словарь). Возможно, *делгем...* имеет монгол. происхождение. Во всяком случае, оно воспринимается как производное на *-м* от глаг. основы типа п.-монг. *delge-*, у которой в числе других отмечена семантика 'распускаться; распространяться' (см. **делге-**).

Ср. также п.-монг. *delger* 'пространный, обширный', *delgemel* 'распространенный; рассеянный', имеющие и совр. монгол. соответствия. Непосредственного соответствия *делгем...* в имеющихся источниках не обнаружено, хотя оно возможно.

Вместе с тем *делгем...* (судя по фарингализации, < **телкем*) могло быть и словом тюрк. происхождения. Следует отметить, в частности, наличие тюрк. образования типа др.-тюрк. *telim* 'много' и его соответствий в некоторых совр. языках (EW, *422*), в т.ч. хак. диал. *тилем* 'всегда, везде, всюду'. Подобные слова М. Рясянен небезосновательно сопоставлял, в частности, с монгол. *delge-* 'расстилать; распространять'. Вероятно, существовала тюрк. основа **тел(е)-* с подобной же семантикой (ср. як. *тэлэй-* 'широко раскрываться, распахиваться') и вариант последней **телк(е)-*, от которых при помощи аф. *-м* образованы *телим* и **телкем*. **Телк* в составе последнего мог быть вариантом образной основы **telp* 'широкий и плоский' (см.: СИГТЯЛ, *483—484*, а также статью **делегей**).

делгере- 'распространяться, расширяться; здравствовать'; **делгерезин** 'да здравствует!'.

Ср. тоф. *delgere-* 'быть в изобилии' (Рассадин. Фонетика, *171*). Монголизм: п.-монг. *delgere-* 'распространяться, развертываться; простираться; увеличиваться; распускаться, развертываться (о бутоне цветка); делаться известным', монг. *дэлгэрэх* 'расширяться, распространяться; развертываться'. См. также ЯМВМ, *146*.

В свою очередь, *delgere-* — производное от *delger* 'пространный, обширный' (см. **делгем**).

Значение 'здравствовать' возникло, возможно, уже в заимствующем (тув.) языке. Оно реализуется в основном в повелительной форме *делгерезин* 'да здравствует!'.

делгерезин см. **делгере-**.

делгереңгей 'распространенный, популярный, обычный; пространный, обширный; (из)обильный'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *delgerenggüi* 'распространение, развитие; распространенный, пространный, подробный', монг. *дэлгэрэнгуй* 1) 'пространный, развернутый, подробный'; 2) 'широко, развернуто, подробно'.

В «Грамматике тувинского языка» *делгереңгей* истолковывается как собственно тув. прил., образованное с помощью аф. *-ңгей*, про который сказано, что он имеет монгол. происхождения, от глаг. основы *делгере-* (ИП, *202*), но последняя имеет то же происхождение (см. **делгере-**). В целом само слово *делгереңгей* — также монгол. заимствование, однако монгол. аф. типа п.-монг. *-nggüi* / монг. *-нгуй* претерпел в тув. языке изменение вокализма, вероятно, под влиянием прил. на *-гай ~ -гей* типа *дымыргай*, *демгергей* и под.

делгиир уст. 'базар, рынок; выставка; витрина; полка с товарами (в магазине)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *delgegür* 'дорога, широкая улица, площадь; магазин, лавка; рынок' / монг. *дэлгүүр* 'магазин, лавка', являющиеся производными от *delge-/дэлгэх* 'раскладывать, развертывать, расстилать...' (см. **делге-**, **делгелге**). Мнение, согласно которому *делгиир* образовано в тув. языке от основы *делге-* (см.: АИ, *342*), явно ошибочно.

делегей 'мир, Вселенная, космос; Земля, земной шар; все страны, весь мир'.

Ср. тоф. *дэлеһей* 'мир, свет, вселенная'; алт. *телекей* 'мир, вселенная; природа', як. *дэлэгэй* 'обильный, достаточный', перен. 'держащийся свободно, непринужденно (напр., в обществе приятных ему людей); всегда спокойный, уравновешенный', каз. *телегей теңіз* 'необъятное пространство моря'; перен. 'обильный'.

В.В. Радлов давал каз., кирг. *телäкäі* 'окружающее; окрестность' (РСл. III, *1012*), что не подтверждается совр. данными, особенно кирг., где, по Юдахину, существуют два омонима: *телегей* I, реализуемое в сочетаниях типа *телегейи тегиз* (*теңиз*) и под.: 1) 'у него все ладно; у него никаких забот; ему во всем удача'; 2) 'стройный; симпатичный; милый (о лице)'; и *телегей* II — 'вид дорогой ткани; платье из ткани *телегей*' (КРС, *721*).

М. Рясянен в своем словаре приводит тув. *делегей* (*delegej*) и часть его непосредственных соответствий, а также некоторые другие слова (ср., напр., як. *дэлэй-* 'прославляться, оглашаться; распространяться' и *дэлэй* 'вдоволь, в изобилии; вольготный, привольный, свободный'). Все они возводятся к монгол. *dele-*, *deli-* 'простирать-

ся, шириться', *delbe-*, *delbü-* то же; *delge-r*, *delberi* 'широкий' (EW, *135*).

В.И. Рассадин также считает тув. *делегей* и его соответствия в сиб.-тюрк. языках монголизмами, но связывает их с другими монгол. словами типа п.-монг., ойр. *delekei*, монг. *дэлхий*, бур. *дэлхэй*, калм. *делкэ* 'мир, земля, свет' (Рассадин. Фонетика, *171*; Рассадин. МБЗ, *71*), что, несомненно, ближе к реальности.

Монгол. *delekei...* очевидно, родственно тем монгол. словам, которые приведены Рясяненом, и может являться производным от *dele-* 'простираться...' (см. также **делге-**, **делгем**). По-видимому, первоначально *delekei...* представляло собой качественное прил. со значениями типа 'широкий, просторный' и т.п., что отражено в семантике як. *дэлэгэй* 'обильный', каз. *телегей теңіз* и, вероятно, в претерпевших значительный семантический сдвиг кирг. *телегей* I, II (см. выше).

Ср. также кирг. *телпегей* 'род войлочной широкополой шляпы' и его соответствия типа *telpek*, являющиеся в ряде тюрк. языков названиями головных уборов. В них, как предполагается, представлена образная основа **telp* 'широкий и плоский' (СИГТЯ Л, *483—484*).

дем I 'работоспособные люди, рабочая сила; помощь, подмога'.

Соответствия отмечены в сиб.-тюрк. языках, реже в языках других регионов (в последних преобладают производные от *дем...* глаг. основы типа ног., ккалп. *дем-е-* 'поддерживать, помогать'). *Дем...* повсеместно истолковывается как монголизм (см.: Рассадин. Фонетика, *171*; ЭСТЯ III, *187—188*).

По мнению В.И. Рассадина, тоф. *дем* 'совместные усилия' — ойр. заимствование (по-видимому, с учетом смысловых различий, в данном случае между зап.- и вост.-монгол. языками, и реальной большей близости тоф. слова (и его тюрк. соответствий) к ойр. варианту его прототипа): ср. ойр. *дем*, калм. *дем* 'помощь, поддержка'. Ср., однако, и п.-монг. *дем* 'помощь, вспоможение; средство, опора' (Голст. III, *89*).

дем II, демин 'только что, недавно'.

Соответствия тув. нар. *дем(ин)* (~ *девин*) в других тюрк. языках имеют, по-видимому, только двухсложную форму (варианты *демин ~ димин ~ тимин*); по значениям эти соответствия, характерные в основном для письменных памятников и совр. огуз. языков, близки или тождественны *дем(ин)*.

Как считал Э.В. Севортян, «рассматриваемое слово принадлежит старейшему слою тюрк. лексики». Далее о структуре слова: «Морфологически *демин* и т.д., по-видимому, оруд. падеж от *тем ~ тим*, представление, о котором дает тув. *дем* 'только что, недавно', *дем ча*: (*дем чаа. — Б. Т.*) 'совсем недавно, вот только что'» (ЭСТЯ III, *187*).

В структурном отношении это соображение приемлемо, но не вполне логична его мотивировка тув. материалом, поскольку наречия с помощью аффикса, восходящего к форманту оруд. (творительного) п. -(*ы*)*н*, образуются от именных основ, обозначающих, в частности, определенный отрезок времени (см.: ИП, *423*; Щербак 1987, *24—25*), а не от наречий, к числу которых относятся тув. *дем* и *дем чаа*.

Затем Э.В. Севортян сблизил производящую основу нар. *демин*... «с перс. *дэм* 'дыхание, дуновение, мгновение', которое известно в целом ряде тюрк. языков». Ниже приводится ряд соответствий типа *дем ~ тем*, означающих, в частности, 'момент; время, срок; дыхание; отдых, передышка; место' и фактически истолковываемых как перс. заимствование, что едва ли приемлемо в целом. Не является ли, в частности, перс. *дэм* тюркизмом?

Не исключено, впрочем, что и среди приводимых в работе Севортяна соответствий присутствуют персизмы (вторичного характера?), но к ним едва ли следует безусловно относить слова южносибирских тюрк. языков и их диалектов, в которых корреляты *дем*... широко распространены (см.: ЭСТЯ III, *187*).

Думается, что в случае с *дем ~ тем* мы в основном имеем дело с исконно тюрк. словом, причем едва ли менее древним, нежели *демин*... и его соответствия. Последние определенно представляют собой образование на -(*и*)*н* от **тем*... со значением типа 'мгновение, момент, краткое время'.

Что касается тув. *дем*, употребляемого в качестве наречия, равнозначного *демин*, то, возможно, его семантика указывает, что **тем* первоначально представляло собой качественное прилагательное, означавшее нечто вроде 'ранний, недавний; прямо предшествующий, близкий (по времени)', от которого путем конверсии и образовалось нар. *дем*. Ср. хак. (саг.) *тип* 'тотчас' (РСл. III, *1405*). См. также **дем III, демги**.

дем III, демги *указ. мест.* 'тот самый, тот; давешний'.

Непосредственных соответствий в других тюрк. языках не обнаружено, однако тув. *дем*(*ги*) явно связано с предыдущим словом (см. **дем II**). Согласно «Грамматике тувинского языка», *демги*... < *дем* 'только что, недавно; давеча', с чем следует согласиться, тем более что такой способ образования вторичных указ. местоимений и близких им по характеру слов в тув. языке определенно продуктивен. Так, в названном источнике в качестве параллели к *дем ~ демги* приводится тув. *мындаа* 'тогда, тот раз' и *мындаагы* 'тогдашний; тот самый' (ИП, *239*). Ср. также *амдыгы* (*амдыкы*, *амдыы*) 'тот (который был); тот самый' < **амды* < **амты* (см. др.-тюрк. *amtï* 'настоящий, теперешний; теперь, сейчас').

Очевидно, *дем ~ демги* также связано с *дем* II с учетом того, что последнее, как мы предположили, могло иметь семантику типа

'ранний, недавний; близкий (по времени)' и что в результате смыслового перехода могло возникнуть указ. мест. *дем*. См. также **дем-бирек**.

дем-бирек *шутл.* 'тот самый, тот'.

Связано с предыдущим (см. **дем III, демги**): первый компонент вполне может быть приравнен к *дем* 'тот (самый)', второй — явно слово *бир* ('один'), являющееся многозначным и, в частности, в качестве второго компонента образующее неопределенные местоимения (правда, тогда первым выступают в основном вопросительные местоимения (см.: ИП, *250—251*)). В то же время *бир* может означать одинаковость, тождество, определенность и под. (ЭСТЯ II, *147*), что согласуется с семантикой первого компонента.

Не исключено, что элемент *-ек* в *-бирек* — это древняя частица *ок ~ өк*, использовавшаяся в качестве дополнительного средства усиления дейктичности указательных местоимений: др.-тюрк. *ошаөк* 'тот же самый', ст.-тур. *ол-өк* 'тот же' (Щербак 1977, *131*). В тодж. диалекте имеется усилительный аф. *-ык(-ик)*, присоединяемый к словам, которые относятся к различным частям речи, и, возможно, восходящий к указ. частице (Чадамба 1974, *107—108*).

На тув. почве ***тем пир ок(өк)* дало *дем-бирек*, где *-ек*, возможно, было осмыслено как омонимичный с ним уменьшительно-ласкательный аф., внеся тем самым дополнительную шутливую окраску местоимения.

дембээре-, демээре- 'бредить'; *перен.* 'говорить чепуху (вздор)'.

Ср. тоф. *demæ:re-* 'заговариваться'. Тув. и тоф. слова — монголизмы. Ср. п.-монг. *дэмийрэх* 'бредить, нести чепуху', бур. *дэмыр-* 'болтать бессвязно, говорить вздор', бур. диал. *дэмээр- ~ дэмеэр-* ' сходить с ума, дуреть' (< общемонгол. *demei* 'напрасно, зря, без толку; бестолковый') (Рассадин. Фонетика, *171*; Рассадин. Становление, *126*); см. также **демей**. Указ. слова тув. и тоф. языков, по всей вероятности, связаны с монгол. формами, характеризуемыми наличием долгого широкого гласного *э* во втором слоге типа бур. диал. *дэмээр-* и под.

Согласный *б* в тув. *дембээре-* — по-видимому, вставочный, хотя в таком качестве для этого языка он малохарактерен. Ср. **дамбыра**.

демги см. **дем III**.

демдегле- 'отмечать, замечать, констатировать; заявлять, сообщать; записывать, заносить во что-л.'; **демдекте-** 'отмечать, метить; делать метку, зарубку'.

Демдегле- — монголизм. Ср. п.-монг. *temdegle-* 'ставить знак, заметку, отмечать, означать; выставлять доказательство, давать похвальную отметку' /монг. *тэмдэглэх* 'отмечать, обозначать, ставить знак (или метку); примечать; отмечать, знаменовать (событие, праздник)' < *temdeg /тэмдэг* 'знак, значок...'. Последнее также заимствовано тув. языком в форме **демдек** (см.), конечный же *-g/-г* монгол.

слов передается в основном как *-к*, однако в производных от подобных монгол. основ, в частности, перед сонантом аффикса указ. согласный может воспроизводиться как сонорный *-г-*, что имеет место и в глаг. *демдегле-*. См. также **демдеглел**.

От *демдек* в тув. языке мог быть самостоятельно образован глаг. *демдекте-* с указ. семантикой.

демдеглел 'заметка, пометка; дневник; замечание'.

Монголизм, связанный с предыдущим словом (см. **демдегле-**). Ср. п.-монг. *temdeglel* 'замечание, заметка, означение; запись на память, записка о происшествиях, мемуар' / монг. *темдэглэл* 'заметка, запись'; *өдрийн тэмдэглэл* 'дневник'.

По-видимому, *демдеглел* — одно из довольно поздних заимствований из совр. монг. языка.

демдек 'знак, метка, помета; тавро; признак, примета; значок; эмблема, символ; отметка, балл'.

Ср. алт. *темдек* 'знак; признак, примета', хак. *темдек* 'клеймо', шор. *тämдäк* 'знак, подписываемый вместо печати', сиб.-тат. *тämдäк* то же. Как и тув. *демдек*, вышеприведенные его соответствия являются монголизмами (см.: Рассадин. МБЗ, *11*, *31*, *45*, *52*).

Ср. п.-монг. *temdeg* 'знак, значок; заметка; сигнал; знамение; метка на чем-л.; патент; доказательство, удостоверение', монг. *тэмдэг* 'примета, признак, знак; штамп, печать; жетон, значок; симптом'.

Тув. *демдек* (в варианте *тämдäк* 'клеймо; признак') как монголизм отмечал Н.Ф. Катанов (Опыт, *30*, *122*). О переходе конечного монгол. *-г* → тув. *-к* см. **демдегле-**. Появление значения 'тавро', возможно, является результатом самостоятельного семантического развития тув. *демдек*; значение 'отметка, балл' могло быть стимулировано монгол. воздействием: отметим наличие у п.-монг. *demdegle-* значения 'давать похвальную отметку'.

В свою очередь, у монгол. *demdeg/дэмдэг* существовали какие-то ранние связи с тюрк. языками, в некоторых из которых отмечаются имена, возможно имеющие общую производящую основу с *демдек*: ср. кирг. *темгек* 'зарубка на бирке', *темгил* 'крапинка; крапчатый', тат., башк. *тимгĕл* 'пятно', сыпь', ? др.-тюрк. *tegil* 'с полосатыми передними конечностями (об оленях)' (ДТС, *552*), кирг. диал. *теңгил* 'крапинка', каз. *теңбіл* 'пятнистый, зебристый; серый в яблоках (о масти лошадей)' (Кайдаров, *284*).

Формы типа *темгил*, по-видимому, одноструктурны с образованиями типа узб. *сепкул* 'веснушки' < *сеп-* 'высыпать' (АИ, *194*) и его соответствий (ср. **секшил**). Можно предположить, что существовала тюрк. глаг. основа **тем-...* 'метить, отмечать чем-л.'.

Реальностью являлась, по-видимому, соотносительная с данной основой именная **тем*, о которой можно судить на основании шор. *тämнä-* 'пятнать, наложить знак' (РСл. III, *1136*).

В связи со сказанным обращает на себя внимание общетюрк. имя, существующее в нескольких морфологических и ряде фонетических вариантов: *демирев... ~ демрегу... ~ демретги...* Оно имеет значения 'лишай (наиболее распространенное); лишайник; пятна на теле' и под.

Эти образования возводятся к тюрк. *темир ~ темур...* 'железо' (ЭСТЯ III, *190*; см. **демир**), но эта этимология явно неудовлетворительна. Скорее всего, их производящей основой является **темре-* 'пятнать' и под., производное от **тем* или, что не исключено, **тем-*, о которых говорилось выше. У *демирев* и под. есть также соответствия с иной структурой; ср. алт. *темиру* 'лишай; пятна на теле'.

Следует также отметить, что, по нашим наблюдениям, структура монгол. *temdeg/тэмдэг* выглядит труднообъяснимой на материале монгол. языков.

демдекте см. **демдегле-**.

демей (дөмей): **демей (дөмей) эт-** 'говорить бессмыслицу, бредить'.

Ср. п.-монг. *demei* 'напрасно, тщетно, попусту, так себе, необдуманно; своевольно, своенравно; наудачу, зря', монг. *дэмий* 'зря, попусту, напрасно, бестолку', *дэмий донгосох* 'пороть чушь; говорить (нести) чепуху'. См. также **дембээре-**.

По-видимому, тув. *демей эт-* представляет собой полукальку монгол. *demei donggos-.../дэмий донгосох*, где второй (глагольный) компонент примерно равнозначен тув. *эт-* 'издавать звуки (напр., о птицах); говорить, болтать'. Огубление гласного первого слога в *дөмей эт-*, возможно, возникло под влиянием последующего *-м-* или в результате контаминации с другим словом — *дөмей* ('как, как будто' и под.). *Дөмей эт-* в ТРС (с. 177) дается во фразеологическом разделе статьи **дөмей** (см.), что, однако, неправомерно.

В части тюрк. языков монгол. *demei* заимствовано в его основных значениях: см. алт., *темей* 'зря, напрасно', сиб.-тат. *тәмәй* 'пустой, бессодержательный, суетный, напрасный, ложный'. См.: Рассадин. МБЗ, *26*, *52*.

демин см. **дем II**.

демир 'железо; металл'.

Слово имеет соответствия общетюрк. характера (варианты *демир ~ темир ~ тимир* и др.). Во всех источниках отмечено значение 'железо', в нескольких — 'якорь', 'оковы, кандалы...' и в одном — 'сталь'.

Заметное распространение из имеющихся этимологий слова получила версия кит. заимствования, высказанная Г.И. Рамстедтом и поддержанная, хотя и не совсем последовательно, Э.В. Севортяном, согласно которой слово в его первоначальной форме **temür < *t'e-mur < t'ier-mur*. Последнее, как предполагается, «в древ-

ности было сино-корейским или корейским стяжением (сокращением)». Первый его компонент связан с названием железа, второй (*mur*) имеет значение 'вещь, добро...' (ЭСТЯ III, *188—189*).

В.И. Цинциус придерживается той же этимологии, интерпретируя тюрк. слово как заимствование из др.-кит. **t'emur < *t'i'er-mur*... «Таким образом, реконструированное сложное слово — бином **тэмўр* буквально означало когда-то 'железное вещество' или, скорее, 'железный предмет; железное изделие', 'изделие из железа'» (ИОЭАЯ, *37*; ср. также: Шервашидзе 1989, *62*; СИГТЯ Л, *409*).

Следует заметить, что элизия сонанта *-r* первого слога предполагаемого кит. прототипа в тюрк. *демир ~ темир* убедительно не разъяснена.

Интересно также замечание В.И. Цинциус о другом фонетическом несоответствии тюрк. слова с указ. реконструкцией: «Наличие гласного *д/d* в анлауте туркменского, азербайджанского и турецкого названий как будто бы свидетельствует в пользу непридыхательного характера этого переднеязычного в исходной праформе» (ИОЭАЯ, *38*), тогда как в кит. (реконструированной) форме, как видно, указ. согласный является именно придыхательным[1].

Фонетические различия того же плана существуют и между названными огуз. названиями (*демир...*) и их монгол. соответствиями (*темўр* и под.), являющимися, по Дёрферу, поздними заимствованиями из тюрк. языков (см.: ЭСТЯ III, *189*), а также монгол. названиями и тув. *демир*, тоф. *дэмир* 'железо'. Последнее В.И. Рассадин исключает (отчасти из-за подобных различий?) из числа монголизмов тоф. языка (Рассадин. МБЗ, *58*). Вероятно, монгол. заимствованием не является и тув. *демир*.

Кит. происхождение рассматриваемого тюрк. названия железа не является окончательно доказанным, о чем уже писалось (Шервашидзе 1989, *63*), и *демир ~ темир* практически не имеет этимологии. Отчасти по этой причине отсутствует определенная реконструкция исходной формы слова. Существуют ее разновидности, отличающиеся как по консонантизму (характер начального согласного), так и по вокализму.

В последнем случае речь идет в основном о характере гласного второго слога, реконструируемого то с огублением, то без него, а так-

[1] В СИГТЯ Л (с. 409) исходная форма, из которой, как считается, было заимствовано тюрк. название железа, представлена как позднее др.-кит. *dïĕr-mɨur*, причем «в тюркском исчезло первое *r* или из-за ассимиляции *rm* < *m* или, наоборот, из-за диссимиляции двух *r*». Подобное представление исходной кит. формы, кажется, рассеивает сомнения В.И. Цинциус относительно характера начального согласного, который в данной ситуации оказывается непридыхательным (*d*). Однако изменение сонанта *r* > нуль звука, вызванное не то ассимиляцией, не то диссимиляцией, выглядит неубедительно (как единичный, нетипичный случай, имеющий к тому же общетюркское распространение). См. также: Шервашидзе 1989, *62*.

же в альтернативных вариантах с его чередованием. Так, в одном и том же труде у слова отмечены праформы **demür* (следующая «китайской» этимологии), **temir ~ temür* (для личных имен и без указания на кит. происхождение) и, наконец, — **tämir* (также без подобного указания) (СИГТЯ Л, *408, 635, 728*). Ср. также реконструкцию в вариантах *dämir // dämür* (Шервашидзе 1989, *62*).

Как полагал Э.В. Севортян, огубленность гласного второго слога могла иметь вторичный характер (ЭСТЯ III, *188—189*; АИ, *251*). Возможно, что *демир ~ темир* — вообще не заимствование, а исконно тюрк. слово. Во всяком случае, оно имеет соответствие с другим формантом: алт. диал. *темит* 'чугун' (РСл. III, *1134*; ГАЯ, *265*), что напоминает ситуацию с рус. *железо* и польским образованием от общего с первым из них корня *żeliwo* 'чугун' (Шанский и др., *143—144*).

Следует отметить, что в як. языке, помимо сущ. *тимир* 'железо', отмечена глаг. основа *тимир-* 'погрязать в чем-л., грузнуть, загрузнуть; погружаться (в воду); тонуть, утопать в чем-л.; зарываться, проваливаться куда-л.' (Пек. III, *2673*), которая, как и *тимир*, может восходить к форме с широким гласным первого слога (**темир-*).

Сходство указ. основ, вероятно, не случайно. Глаг. *тимир-* (< **темир*?) мог быть образован от именной основы **тем* с семантикой типа 'тяжелый, грузный' и 'проникающий вглубь (твердой среды)', о чем свидетельствует производное от *тимир-* як. прил. *тимиркäi* (< *тимир-* + *-käi*) 'углубленный в землю или дерево и едва заметный' (Пек. III, *2674*).

В основе тюрк. названия железа также, по-видимому, лежат признаки тяжести и проникающей способности, характеризующие сам металл, а также орудия, оружие и под., изготовляемые из него. Соответствующая семантика характеризует часть соответствий *демир ~ темир* в тюрк. языках. Это слово может означать, в частности, 'железная часть каждого инструмента', 'якорь', 'оковы, кандалы' (ЭСТЯ III, *189*)[1]. *Демир...* скорее всего, восходит к **темир*, членимому как **тем-и-р*, где **тем* — вышеприведенная именная основа, *-и-* — глаголообразующий аф., а *-р-* — аф. причастия на *-(α)р*, образующий также различные отглаг. имена, в т.ч. со значением признака (см.: АИ, *340—341*; Хабичев, *112—113*). *Темир* первоначально могло означать 'тяжелый, массивный; проникающий, пробивающий'.

К числу слов, гомогенных с *демир ~ темир*, думается, можно отнести др.-тюрк. *temen ~ temän* 'большая игла', *temän jignä* 'игла (ро-

[1] Ср. также кирг. *темир* 'железо, железко копья, наконечник копья', др.-тюрк. *temürgän ~ temürkän* 'наконечник стрелы' и соответствия последнего, считающиеся производными от *демир ~ темир...* (EW, *473*; ED, *509*).

гожная, кулевая)', каз. *тебен ине* 'толстая длинная игла' (второй компонент связан со словом, означающим 'игла, иголка'), шор. *тебинге* 'большая игла'. Этимология *temen...* (> *тебен*) отсутствует (см.: EW, *472*; ED, *507*); оно членимо на морфемы *tem-e-n*, первая из которых соотносима с ранее указ. **тем*, а последующие являются, соответственно аффиксами глаголообразования и образования отглаг. имен[1].

демир-дес [-еъ] *разг., собир.* 'железо; металл; изделия из железа'.

См. **демир**. Ср. хак. *тимір-тис* 'железные изделия; металлолом', кирг. *темир-тесек* (*тезек*) 'всякого рода железо (полосовое, листовое, проволока и т.п.); железный товар'; узб. *темир-терсак* 'железо; железный (металлический) лом', уйг. *төмүр-терсек* (*тесек*) 'железный (металлический) лом'. Ср. также кирг. *терсек* в *тери-терсек* 'всякого рода кожа; всякого рода кожевенное сырье' (*тери* 'кожа, шкура'), *арсак-терсек* 'торчащий в разные стороны' (*арсак* 'торчащий').

Вероятно, *-р-* в кирг. *-терсек* и его узб. и кирг. коррелятах является исконным, а его выпадение (варианты типа *тесек* в кирг. и уйг.) обусловлено соседством с конечным *-р* компонента *темир-*, связанного с общетюрк. *демир ~ темир...* 'железо'. То же можно было бы предположить и относительно тув. *-дес* и хак. *-тис*, но похоже, что последний может употребляться и в качестве самостоятельного слова. Так, в словарных материалах В.Я. Бутанаева отмечено слово *тис* 'руда; рудник' (ХРИЭС, *144*), по своему внешнему облику и значению явно сопоставимое с *-дес*, *-тис*, а также с *терсек ~ тесек*: там и здесь прослеживается семантика собирательности и, отчасти, собирания (добывания); ср. также дес I.

Допустимо, что тув. *-дес* (как и дес I) восходит к **дерис* < **терис*, т.е. представляет собой случай выпадения слога типа «плавный согласный (*р, л*) + узкий гласный»: ср. варианты *олур- ~ ор-* 'сидеть', *куруяк ~ куяк* 'баба, старуха'; тодж. *хөврукүй ~* лит. *хөвкүй* 'бедный, бедняга', а также сиб.-тат. *йарыскы ~* тув. *часкы* 'летучая мышь' и под.

Конечный согласный в **терис...* был, по всей вероятности, сильным, что объясняет появление после выпадения второго слога фарингализации в тув. *-дес* [деъс]. Впрочем, у *демир-дес* отмечен и вариант с долготой гласного второго компонента: *демир-дээс*. С **терис*, по всей вероятности, гомогенны тат. *тирес*, башк. *тирес* 'навоз, назем', турк. *дерс* 'навоз, помет'.

Хак. же *тис* и *-тис* могло быть заимствовано из тув. языка (с характерным для хак. языка переходом *е* > *и*).

---

[1] Тюрк. *temen* (> *тебен*) было, очевидно, заимствовано монгол. языками: ср. п.-монг. *tebene*, монг. *тэвэнэ* 'большая и толстая игла' и их соответствия, среди которых — *темен* и *темене* (ЯМВМ, *210*). Монгол. слово, в свою очередь, было вторично заимствовано частью тюрк. языков. См. **тевене**.

Очевидно, **терис* — производное на *-(и)с* (возможен и звонкий вариант форманта — *-(и)з*) от общетюрк. глаг. основы *дер- ~ тер-* 'собирать' или ее менее распространенного двухсложного варианта *тери-*. См.: ЭСТЯ III, *204—205*, а также **дерги, дери-, дирге-**.

Что касается отмеченного в приводимом выше материале компонента *-терсек*, то наиболее вероятным является его происхождение от *терис-(териз-)* — каузативной или усилительной формы от *тер-* или *тери-* с указ. значением. К возможным производным от **терис-* мы относим также каз. *терiскен*, узб. *терскен* 'терескен' (кустарниковое и полукустарниковое растение зоны пустыни). См.: Жаримбетов, *165*.

демиртең 'без рукояти' (о ноже)'; *перен.* 'с пустыми руками, не вооруженный ничем'.

Ср. каз. *темиртäк* 'тупой, дурной ножик' (РСл. III, *1134*), кирг. *темиртен* 'простой нож киргизской кустарной выработки; износившийся и затупившийся нож, употребляемый для выскабливания котла; всякого рода железный лом', узб. *темиртак* 'кусок железа; тупой старый (негодный) нож'.

Приводимые слова относятся к числу отыменных существительных или прилагательных (тув. *демиртең*), образованных с помощью непродуктивных аф. *-täк*, *-тен*, *-теӈ*, по-видимому имеющих общее происхождение и характеризуемых семантикой ограничительного характера. С их помощью образуются наименования реалий, относящихся к числу неполноценных и/или вызывающих отрицательные эмоции (ср. **боттаӈ, бөөртең**).

В данном случае перед нами — производные от общетюрк. *демир ~ темир* 'железо' (см. **демир**). Первоначально они означали нечто вроде '(одно) лишь железо', 'всего-навсего железо (железка)', имея в виду, что пользоваться ножом либо вообще нельзя, либо это очень затруднительно, либо в лучшем случае нож представляет собой простое, кустарное изделие, не соответствующее эстетическим запросам (ср. кирг. *темиртен* в первом значении).

демисел *перен.* 'борьба (общественная и под.)'; **демисеш-** *перен.* 'бороться'.

Монголизмы. Ср. п.-монг. *tetečel* 'спор, состязания, прения, препирательство', монг. *тэмцэл* 'борьба', калм. *темцл* 'стремление вперед' < п.-монг. *tetče-* 'спорить, состязаться, препираться; спешить', монг. *тэмцэх* 'состязаться, просить; рваться, стремиться вперед; бороться за что-л.'. Тув. слова принадлежат к числу поздних заимствований, источником которых, скорее всего, был совр. монг. язык, о чем свидетельствует как их форма (отражение монг. аффрикаты *ц* в виде свистящего согласного *с*, в данном случае долгого *сс* [демиссел, демиссеш-]), так и семантика.

Тув. *демисеш-* — форма совместно-взаимного залога от неупотребляемой ныне основы **демисе-*.

демисеш- см. **демисел.**

демээре- см. **дембээре-.**

денде- 'усиливаться, становиться чрезмерным; превышать меру, не знать меры'; **дендек, дендии** 'чрезмерный, чрезвычайный; исключительный, необыкновенный'.

Тув. *денде-* и *дендии* определяются как монгол. заимствования (EW, *135*; Рассадин. МБЗ, *64*), что не вызывает возражений. М. Рясянен возводил указ. глаг. и именную основы к монгол. *deŋ* 'в высшей степени, очень, совершенно' и калм. *deŋ-dȫ̄* 'слишком большой, слишком сильный' (< *deŋ-de-gü*), что не вполне точно применительно к тув. материалу, хотя и оправдано по отношению к як. *дэҥ* 'весьма, очень' (EW, *135*).

Более правильным было бы сопоставление тув. *денде-* и *дендии* с п.-монг. *dende-*, монг. *дэндэх* 'переходить меру, выходить из границ' (ср. бур. *дэн* 'чрезмерно, слишком, чересчур') и соответственно с *dendegü* (монг. *дэндүү*) 'чрезмерно, чересчур, слишком', бур. диал. *дэндүү* то же.

Судя по характеру соответствий, тув. *денде-* и *дендии* восходят к вост.-монгол. словам, несколько отличающимся семантически и фонетически от тех, что приведены в словаре М. Рясянена. В частности, *дендии* обоснованно связывается с монг. *дэндүү* (Рассадин. МБЗ, *64*). Вероятно, монгол. происхождение имеет и тув. *дендек*, источник которого пока неясен.

Интересно сходство тув. и монгол. материала с данными каз. языка, где имеется глаг. *денде-* 'перевалить, преодолеть больше половины' (по другому источнику, *денде-* означает 'преодолеть, победить, осилить; сделать бóльшую часть какого-л. дела'; см.: КазРС, *112*), образованный от именной основы *ден* 'добрая половина, львиная доля чего-л.' (Кайдаров, *202*). Однако характер связи каз. и монгол. данных остается недостаточно определенным.

дендезе 'если усилится...; в случае усиления...; в крайнем случае'.

Тув. форма 3 л. условного наклонения от основы *денде-* 'усиливаться...' (см. **денде-**). Может быть, появление *дендезе* (как и *денде-*) тоже связано с монгол. источником?

дендек см. **денде-.**

дендии см. **денде-.**

деӈ I 'равный, одинаковый'.

Общетюркское; ср. *деӈ ~ теӈ* и ряд подобных им соответствий со значениями 'равный, одинаковый; ровный; подобный' и др. Э.В. Севортян включил в число таких соответствий и слова с другими конечными согласными типа *дек ~ тиг* (*тег*), считая их фонетическими вариантами *деӈ* и указывая по этому поводу: «Эволюция *деңг/деӈ ~ теңг/теӈ* > *дег ~ тег* > *дек ~ тек* закономерна в разных тюрк. языках, хотя и нерегулярна, но, каковы условия ее реализации, еще не выяснено» (ЭСТЯ III, *191–192*).

Это утверждение выглядит спорным и малоубедительным. Исследователи, напротив, относят конечный *-ң* к числу очень устойчивых согласных. Так, А.М. Щербак отнес его к тем конечным сонантам, которые почти во всех совр. тюрк. языках сохранились без изменений (Щербак 1970, *170*). Ср. также: СИГТЯ Ф, *344*. Возможно, поэтому подобные варианты не являются результатом звукоизменений, а представляют собой варианты словообразовательного характера, где разные конечные согласные являются близкими по семантике и форме словообразовательными аф. *-ң*, *-г* и *-к*.

Э.В. Севортян справедливо возражает против сближения М. Рясяненом тув. *деӊ* 'равный...' и *туӊ* 'сумма, итог' и интерпретации их как монголизмов, что оправдано только в отношении *туӊ* (ЭСТЯ III, *193*). См. также **түӊ**.

Что касается этимологии тюрк. *деӊ ~ теӊ*... то наибольшее распространение получила версия о его кит. происхождении: ср. кит. *têng*, *dêŋ*, а также *dàn*, у которого приводятся значения 'ноша, бремя, вязанка'; 'дань' (определенная мера веса) (ЭСТЯ III, *193*). Ср. также уйг. китаизм *dan*, также обозначающий меру веса (Рахимов, *156*).

М. Рясянен приводит в связи с тюрк. *деӊ ~ теӊ*, по-видимому, другое кит. слово, семантически более близкое тюрк.: *dəŋ* 'равный (в математике)' (EW, *473*), а И.Н. Шервашидзе — ср.-кит. *tɨŋ* / совр. *dĕng* 'ранг, степень, класс, сорт, группа, категория; равный, идентичный, тождественный' (Шервашидзе 1989, *63*).

Кроме того, отдельные исследователи считают источником рассматриваемого тюрк. слова перс. язык, который, как полагал Г. Дёрфер, являлся источником для форм со звонким анлаутным согласным.

Э.В. Севортян выразил сомнение в реальности «китайской» версии, отметив, что «большая разветвленность значений *деӊ ~ теӊ* и образование целого ряда производных слов еще в ранние периоды истории тюркских языков осложняют возможность однозначного решения этимологии слова», когда оно безоговорочно возводится к слову кит. языка (ЭСТЯ III, *193*).

Думается, что это мнение обосновано и скепсис исследователя оправдан[1], поскольку развитая полисемия и значительная словообразовательная активность слова малохарактерны для заимствований. Они, скорее, свидетельствуют в пользу исконности тюрк. *деӊ ~ теӊ*.., хотя его связи (их характер неясен) с кит. словом вероятны.

К сожалению, в статье ЭСТЯ не содержится никакой собственной альтернативной версии его происхождения. Но в другой статье данного словаря, посвященной послелогу сравнения *дек ~ дег ~*

[1] Г. Дёрфер (IV, *542*) также подвергает сомнению китайское происхождение тюрк. *täŋ* 'равновесие'.

тег... и его соответствиям (семантика 'наподобие, подобный; как, подобно' и т.д.), имеющим послеложные и адъективные значения, допускается его связь со словом *дең ~ тең* 'равный, одинаковый' (см. **дег**).

Э.В. Севортян вначале констатирует, что «некоторые из приведенных в перечне форм принадлежат, возможно, не *дек ~ тег*, а *тең ~ тенг* 'равный'...», но далее допускает, что «*дек ~ тег ~ тек* и т.д. генетически едино с *тең ~ тенг*, среди значений которого распространено 'подобный, похожий'» (ЭСТЯ III, *184*). Это — обоснованное предположение, но оно даже не упоминается в той статье ЭСТЯ, где рассматривается происхождение *дең ~ тең* 'равный...' и где без комментариев приводится мнение Г. Дёрфера, согласно которому «рассматриваемое *дең ~ тең* в старых тюрк. диалектах могло соединиться с *тег* 'подобный'» (ЭСТЯ III, *193*).

Таким образом, здесь говорится не о генетическом единстве, а фактически о контаминации гетерогенных слов, с чем трудно согласиться.

В статье о *дег ~ тег* Э.В. Севортян допускал членимость и отглаг. образование послелога, что вполне оправдано, но в качестве производящей основы последнего представлено *те-* 'говорить', что едва ли можно признать убедительным, учитывая значительную и необъясненную семантическую отдаленность глагола от послелога.

Скорее всего, следует говорить о существовании в прошлом иной, омонимичной *те-* 'говорить' и не сохранившейся в свободном употреблении основы **те-* 'равнять(ся), делать(ся) равным или ровным' (с учетом того, что соответствия *дең* означают как 'равный', так и 'ровный'; ср. также тоф. *дэң* 1. 'ровный'; 2. 'ровная поверхность, гладь' (Рассадин. Словарь), каз. диал. *деңел* 'ровный, удобный'.

От этой основы посредством аф. *-г* (реже *-к*) образовался послелог, а с помощью преобладающего аф. *-ң* имя *тең*... Как мы отмечали выше, оно могло образовываться и с использованием формантов *-г* и *-к*, что делает грань между послелогом, с одной стороны, и именем — с другой, в определенной мере размытой.

См. также **дескеш-**, **дески**, а также **дөмей**.

дең II 'конные носилки'.

По-видимому, монголизм. Ср. п.-монг. *teng* 'горные носилки из веревок; вьюк, поклажа'. Прослеживается связь и с тюрк. *дең ~ тең* 'равный, одинаковый' (см. **дең I**), поскольку оно имело также семантику типа 'равновесие; каждая из половины груза, навьюченного на животное; тюк, груз, поклажа', близкую значениям кит. слова, к которому возводили и тюрк. *дең* 'равный...'.

дең III 'светильник, фонарь'.

Монгольское заимствование: ср. п.-монг. *deng* 'фонарь, лампа, ночник'; калм. *deŋ* то же < кит. *deŋ* (EW, *135*).

деңгел [ъ] 'нагул, упитанность; поправка, улучшение'; *редк.* 'сила'; **деңги-** [еъ] 'становиться упитанным, нагуливать жир (о животных)'.

Ср. тоф. *деӈhi-* (*дэъһи-*) 'набрать скорость; усилиться; стать упитанным', истолковываемое как монголизм: ср. п.-монг. *теӈке-*, монг. *тэнхэ-*, бур. *тэнхэ-* 'поправляться, крепнуть, набраться сил, встать после болезни' (Рассадин. Фонетика, *172*). Судя по узкому качеству конечного гласного (*-и-*), глаг. основа была поздним заимствованием, где этот гласный мог отражать краткий редуцированный звук совр. монгол. языков.

Тув. *деңгел*, возможно, заимствовано раньше, чем указ. глаг. основа (ср. *tengkel/тэнхэл*), однако тув. слово отличается от монгол. соответствий по семантике: последние означают 'сила, мощь'. Вероятно, в *деңгел* под влиянием глаг. *деңги-* произошел семантический сдвиг, хотя значение 'сила' у данного имени в определенной мере сохранилось.

Следует также отметить, что в тув. языке наряду с *деңгел* 'упитанность, нагул' употребляются слова типа *деңгилге*, *деңгилде*, образованные сравнительно недавно уже в самом этом языке, хотя и с помощью аф. *-лге*, *-лде*, заимствованных из монгол. языков.

Сходными с монг. и тув. глаг. основами по семантике и, возможно, по структуре можно считать образные глаголы вроде кирг. *деңкей-* 'быть толстым и неуклюжим', *теңкей-* 'иметь вид толстопузого, при ходьбе вихляющего задом', каз. *теңкий-* 'лежать на поверхности чего-л. (о массивном, громоздком предмете)', *деңки-* 'взгромождаться; казаться большим'. Последний считается производным от основы **дең* — «...подражанию вздутию или округлости предмета» (Кайдаров, *202*).

деңгер [еъ] 'небо как божество'.

Данный вариант названия неба в отличие от основного (см. **дээр I**), по всей вероятности, является монголизмом, причем поздним: ср. п.-монг. *tenggeri*, *tngri* 'бог, гений', калм. *теңгр* [тэңгр] 'небо, небеса; погода'; см. также: ЯМВМ, *211*. В свою очередь, монгол. слово представляет собой заимствование из тюрк. лексики.

Варианты *деңгер* (с начальным сильным согласным *т-*) употребляются в составе аналитических наименований, целиком заимствованных из монгол. языков. Ср. диал. название созвездия *Тавың-Теңгир ~ Таваң-Теңгер* (которому соответствует диал. же *Беш-Дээр* 'созвездие (из пяти звезд)') и означают букв. 'пять небес' (Чадамба 1977, *74*), причем второе из них является точным переводом первого.

деңги- см. **деңгел**.

дең-дуң, тең-туң 'смутно; кое-как'.

Образная основа; возможно, монгольского происхождения: ср. монг. *дэн-дун* 'едва, еле, чуть, кое-как'. Подобные образования имеются

и в тюрк. языках. См. азерб. *дэнкил-дункул* 'редкий, разбросанный; редко, негусто, разбросанно, там и сям'.

деңзи 'весы; вес'.

Вероятно, монголизм. Ср. п.-монг. *dengse* 'весы, безмен', монг. *дэнс(эн)* 'весы', калм. *деңс* [дэңсе] уст. 'китайские весы' и др. < кит. (ЯМВМ, *147*).

деңзигүүр 'соотношение, расстановка'.

Ср. п.-монг. *tengsegüri* 'сравнение; приравнение; испытание, исследование', *tengčegüri* / монг. *тэнцээр ~ тэнцүүр* 'соотношение, пропорциональность, соразмерность; равновесие'.

Первая из приведенных п.-монг. форм — производное от глаг. основы *tengse-/тэнсэх* 'проверять, испытывать', а вторая с ее совр. соответствиями — от основы *tengče-/тэнцэх* 'уравновешиваться; соответствовать, подходить, годиться'.

Деңзигүүр — одно из поздних заимствований, попавших в тув. язык через посредство текстов на п.-монг. языке, и представляет собой результат отчасти архаичного прочтения слова *tengčegüri* с сохранением интервокального сонанта *-g-* (в совр. монг. отсутствующего) и долгого гласного после указ. согласного. При непосредственном заимствовании из монг. языка в тувинском мы имели бы **деңзиир* или **деңзээр*.

деңне- 'равнять, уравнивать; уравновешивать; сравнивать, сопоставлять'; **деңнел** 'уровень, равновесие'; **деңнелге** 'уровень; уравнение (*мат.*); сравнение'.

Скорее всего, тув. *деңне-* — тюрк. производное, образованное с помощью аф. *-ла- ~ -ле-* в закономерном после конечного *-ң* основы варианте *-не-* от *дең* 'равный...' (см. **дең I**). Соответствия *деңне-* в других тюрк. языках см. в кн.: ЭСТЯ III, *194*.

Вместе с тем ср. п.-монг. *teŋne-* 'приравниваться, соответствовать, быть равным чему-л.; быть поровну на обеих сторонах, балансировать', связанное с монгол. соответствием тюрк. *дең...* (заимствованием из тюрк. языков) *deng/тэн(г)* 'вьюк, поклажа (разделенные на две равные части); равный, одинаковый...' (см. ЯМВМ, *211*).

Семантически, в частности в плане грамматического (залогового) значения, тув. *деңне-* отличается от монгол. соответствия, но эта основа практически идентична по семантике тюрк. глаг. *деңле-* и под., означающему 'приравнивать, сравнивать; уравновешивать'. С монгол. же глаголом равнозначна тув. залоговая форма *деңнеш-*.

Монгол. по своей структуре выглядят тув. имена *деңнел* 'уровень; равновесие' и *деңнелге* 'уровень; уравнение (мат.); сравнение', у которых прямых соответствий в монгол. языках не обнаружено и которые, по всей вероятности, образованы с помощью заимствованных из указ. языков аф. *-л-* и *-лге* непосредственно от тув. *деңне-*.

деңнел см. **деңне-**.

деңнелге см. **деңне-**.

дептер [еъ] 'канцелярская книга; записная книжка; членский билет'; *уст.* 'книга'; **дептерле-** [еъ] *полигр.* 'брошюровать, сшивать листы в книгу'; **дептерлекчи** [еъ] *полигр.* 'брошюровщик'.

Ср. др.-тюрк. *däftär ~ däptär* 'тетрадь; книга; канцелярское дело' (ДТС, *159*), тур. *defter* 'тетрадь; канцелярская книга; книга для записей; лист, реестр', турк. *дептер* 'тетрадь; книга, книжка (для записей)', кирг. *дептер* 'тетрадь; книга (канцелярская)' и др. (см.: EW, *135*).

В тюрк. языках рассматриваемое слово является заимствованием, источником которого чаще всего считают перс. язык. Кроме тюркских, соответствия слова отмечены и в монгол. языках (ср. п.-монг. *debter* 'тетрадь, книжка', монг. *дэвтэр* 'тетрадь, блокнот; книга' и под.), где оно также считается перс. заимствованием (ЯМВМ, *146*).

Тув. *дептер* имеет своим непосредственным источником, скорее всего, монгол. языки. М. Рясянен представлял путь этого слова в тув. язык следующим образом: перс. *daftar* > др.-уйг. *täftär* 'книга' > > п.-монг. *defter* > тув. *дептер* (EW, *135*).

Глаг. *дептерле-* и сущ. *дептерлекчи* — также монголизмы, но недавние: ср. п.-монг. *debterle-* 'делать тетради, сшивать тетрадь', монг. *дэвтэрлэх* 'сшивать в тетрадь, брошюровать', *дэвтэрлэгч* 'брошюровщик'.

дептерле- см. **дептер**.

дептерлекчи см. **дептер**.

дешши- [еъ] 'возвышаться, подниматься над чем-л. (*уст.*); развиваться, прогрессировать; продвигаться по службе, делать карьеру'; **дешшилге** [еъ] 'прогресс, развитие'.

Глаг. *дешши-* — монголизм: ср. п.-монг. *debši-* 'подниматься, восходить; повышаться в чинах, должностях', монг. *дэвших* 'возвышаться, выдвигаться; прогрессировать, продвигаться вперед'. *Дешшилге* — возможно, тоже монгол. заимствование. Однако в имеющихся источниках монгол. соответствия этого имени отмечены с другими аффиксами, хотя и близкими *-лге* в тув. *дешшилге*: ср. нов. п.-монг. *debšilte* 'прогресс, поступательное движение; достижение', монг. *дэвшилт* 'возвышение, выдвижение; продвижение вперед, прогресс', *дэвшил* 'прогресс'.

Возможно, существовал и вариант слова типа п.-монг *debšilge*, или *дешшилге* было образовано в тув. языке из заимствованной основы *дешши-* и аф. *-лге*, также имеющего монгол. происхождение.

дешшилге см. **дешши-**.

дер 'пот'.

Общетюркское; наиболее распространенные варианты — *дер ~ тер ~ тир*; основные значения — 'пот; испарина'. Э.В. Севортян полагал,

что, «помимо существительного *дер ~ тер* 'пот', исторически реален... омоморфный глагол **тер-*», который он видел в качестве корневой части производных слов типа кум. *тер-мек* 'потник под седлом лошади' и некот. др. Возможно, к их числу следует отнести и единичный двухсложный вариант слова *дер ~ тер* тоф. *дэри ~ тэри* 'пот'.

Предположение о наличии у тюрк. имени *дер*... глаг. коррелята подтверждается также данными чул.-тюрк. языка, где наряду с *тӑрлӑ-* 'потеть' фиксируется и глаг. основа *тӑр-* с тем же значением (Бирюкович, *14*, *62*).

Далее Э.В. Севортян воспроизводит (по А.М. Щербаку) архетип слова в виде **тӑр* 'пот' и приводит ряд производных от *дер*... (ЭСТЯ III, *203–204*), но не выдвигает никаких версий относительно его происхождения, которые, кажется, отсутствуют и в других этимологических словарях.

Учитывая наличие у *дер ~ тер* глаг. соответствия **тер-*, которое, как часто бывает в подобных парах слов, может оказаться первичным, представляется интересным сопоставить **тер-* с глаг. основой, имеющей предполагаемое первоначальное значение *'течь слабо, медленно; сочиться'. В этом плане привлекает внимание кирг. диал. *суу тер-* 'поливать посевы, пуская воду медленной струей' (*суу* 'вода'). К.К. Юдахин поместил это словосочетание во фразеологический раздел статьи *тер-* 'собирать' (КРС, *727*), что выглядит недостаточно убедительно.

С **тер-*, вероятно, связаны уйг. диал. *терӓт* 'течение' (Тенишев. УДС, *165*), др.-тюрк. (МК) *терӈӓк* 'родник, ручей' и *терӈӱк* 'родник, источник, ручей' (ДТС, *555*) или, по другому источнику, *тэріңӑк* 'родниковая вода' и *тэріңүк* 'просачивающаяся вода' (МК И, *263*; см. там же *суw тэріңүкländі* 'вода просочилась'.

Эти имена, вероятно, были образованы при помощи аф. *-как* (*-кек*) от формы медиопассива указ. основы **тер-*: **тер-ин-*[1]. Не исключено, что этой форме соответствует сал. *teren- ~ terin-* 'шевелиться, двигаться' (медленно?), значение которой может рассматриваться как связанное с '(медленно) литься'.

Таким образом, **тер* 'пот' (форма **тер* выглядит более вероятной, нежели **тӑр*) — это, по первоначальной мотивации, 'то, что течет каплями, сочится'.

В памятниках и отдельных совр. тюрк. языках соответствия *дер*... имеют переносные значения 'служба, труд по найму; наем, арен-

[1] Это предположение относится в первую очередь к варианту др.-тюрк. слова с широким гласным последнего слога (*терӈӓк*...). Что касается варианта *терӈӱк*... то в нем может быть реконструирована разновидность указ. аффикса с узким гласным. В одной из работ Э.В. Севортяна этот вариант дается в форме *терӈӧук* ('источник') и трактуется как одно из образований с аф. *-уық*, но их производящие основы при этом не указываются (АИ, *253*).

да' и связанные с ними 'плата за работу (за пот), (заработная) плата' и под. (см.: ЭСТЯ III, *203*).

В тув. языке семантика типа 'плата' проявляется в составе фразеологизмов, подобных *аът-дери* 'плата за пользование лошадью' (*аът* 'лошадь'), *хол-дери* 'вознаграждение за труд' (*хол* 'рука; руки'), которые связываются с др.-уйг. влиянием (Доржу, *75*); ср. также тур. *ayak teri* 'гонорар, вознаграждение' (букв. 'ножной пот').

дерги [еъ] 'торока (у седла); ремешок (для привязывания огнива, ножа и т.п. к поясу)'; *перен.* 'гостинец'.

Ср. тоф. *тэърhи* 'торока (у верхового седла)', алт. диал. *терки* 'торока', тел. *терги* 'торока; кузовок, в который собирают кандык; берестяной короб', шор., хак. *териг* (Вербицкий, *350*), хак. *тиргі*, як. *төргүү ~ төргу*, *чаг. täркі* 'торока'; тур. *terki* 'задняя лука седла; торока у седла'. См. также: EW, *475—476*, где приводится сравнительный материал по совр. тюрк. языкам и по средневековым памятникам (типа *terkü*, *dergü* 'ремни у седла'), но где не дается этимология слова. Последнее лишь сопоставлено с рус. *торока* (со ссылкой на словарь М. Фасмера), но реальная связь между тюрк. и рус. словами отсутствует, и в указ. источнике о ней не говорится (см.: Фасмер IV, *85*).

Н.П. Дыренкова в свое время обоснованно истолковывала алт. *терги* 'кузов, в который собирают ягоды' как производное от глаг. основы *тер-* 'собирать' (Дыренкова, *32*, *54*). Эта версия может быть отнесена и к другим соответствиям указ. алт. слова, обозначающим в т.ч. торока, имея в виду и другие значения общетюрк. *дер- ~ тер-* (напр., 'складывать, укладывать', 'соединять'). См.: ЭСТЯ III, *204*, а также **дери-**.

дер-дериг см. **дери-**.

дерзиг, дерзии [еъ] 'жестокий, бесчеловечный, беспощадный, деспотичный, свирепый'.

Ср. др.-тюрк. *ters* 'превратный, неправильный; сложный, трудный' и его соответствия типа *терс ~ терис ~ тирс* и под. в памятниках и совр. тюрк. языках со значениями 'обратный, противоположный; обратная сторона, изнанка; кривой, идущий вкось; превратный; своенравный, неуживчивый, грубый; наоборот' и под. (см.: ЭСЧЯ, *253*; EW, *476*). В указ. источниках не дается этимология *ters* и связанных с ним (или относимых к таковым) слов.

По мнению Дж. Клосона, *ters*... имеющее ряд широких отрицательно-оценочных (пейоративных) значений, первоначально означало 'ложный, ошибочный'. Он принимает точку зрения Г. Дёрфера, согласно которой это слово восходит к перс. *tarsā* 'христианин' (букв. 'боящийся бога'), поскольку «конечное *-rs* очень необычно для тюрк. языков» (ED, *553*), что нельзя не считать преувеличением.

В то же время М. Рясянен приводит перс. заимствование типа вост.-тюрк. *tārsā* 'христианин; христианский' в словарной статье, не свя-

занной с тюрк. *ters*... Ср. не объединяемые друг с другом *märcā* (перс.) 'христианин' и *märslik* 'затруднение' (Боровков 1963, *300*).

Явные персизмы в тюрк. языках, с одной стороны, и *ters* с его соответствиями — с другой, настолько заметно отличаются друг от друга как фонетически, так и семантически, что едва ли речь может идти о заимствовании тюрк. *ters*... из указ. источника. Стоит отметить, что и в лексикографических изданиях, как правило, отсутствуют пометы о персидском происхождении этого слова.

М. Рясянен сопоставлял *ters*... с др.-уйг. *tärtrü*, ср.-тюрк. *tätrü*, 'обратный' (ср. др.-тюрк. *tertrü* 'обратно; превратно, неправильно', *tetrü* 'в обратную сторону; превратный, неправильный'; ДТС, *555—556*). Однако, *tärtrü, tertrü*, скорее, — результат контаминации *tätrü* (*tetrü*) и *ters*: см. **дедир**.

Что касается непосредственно *ters*... то оно может быть производным от глаг. основы **ter*(*i*)-, о которой можно судить по кирг. *терик*- 'обижаться', или (по РСл.) 'быть сердитым, злиться'. Ср. уйг. диал. *terik*- 'сердиться' и его именное соответствие **terik*, отраженное в *terikllik* 'гнев, горечь, зависть' (Тенишев. УДС, *165*), а также тат. *тиргә*- 'бранить, ругать кого-л.', чаг. *märkä*- 'отвергать, запрещать, препятствовать' (РСл. III, *1068*), др.-тюрк. *terkiš* 'ворчливый' (ДТС, *555*), др.-уйг. *t*(*ä*)*rtär* 'превратный, ложный' (Тугушева, *374*).

С учетом этих данных можно говорить о существовании глаг. основы **тер*- или **тери*- и соотносительной с ней именной **тер*. Последняя реконструирована А.Т. Кайдаровым со значением 'нечто обратное, превратное' на основе каз. *терiс* 'неправильно, наоборот; обратная сторона'. При этом в качестве сравнения приведено др.-тюрк. *terk* 'превратный, неправильный' (Кайдаров, *284*). Для такой реконструкции есть основания. Эта основа, очевидно, выражала и отрицательно-оценочные значения достаточно широкого диапазона, в т.ч. и те, что отражали ксенофобию и подобные чувства: ср. кирг. *терчи* диал. 'пришелец, пришлый' < **тер* 'чужая страна' (?), *буруу-терүү* 'чужой; чужак, не родня', где *буруу* означает 'не прямой' (ср. также *тили буруу* 'иноязычный'), а *терүү* восходит, по-видимому, к **тер-и-г*.

В свою очередь, *ters* служило производящей основой для глаг. типа **tersi*- (*терси*-), на что указывают др.-тюрк. залоговые формы *tersi-n*- I 'сердиться' и *tersi-n*- II 'ухудшаться, приходить в плохое состояние' (ДТС, *555*), фактически не являющиеся омонимичными, хотя и считающиеся таковыми.

Таким образом, у **tersi*- реальна семантика 'злить(ся); ухудшать, портить' и под., которая в основном согласуется со значениями тув. *дерзиг и дерзии*. Первое из них образовалось от **терси*- при помощи аф. *-г*, а второе, возможно, восходит к **терси-ги*, где *-ги* — аф., образовывавший отглаг. имена со значением признака (АИ, *232*).

Соответствия *ters*... имеются и в монгол. языках См. **дерзииле-**, **дерзиилел**.

дерзии см. **дерзиг**.

дерзииле- [**еъ**] 'совершать злодеяние; поступать бесчеловечно; свирепствовать'; **дерзиилел** [**еъ**] 'злодеяние; жестокое обращение'.

Связано с предыдущим: см. **дерзиг**, **дерзии**. Глаг. *дерзииле-* образован от *дерзии*, а существительное — от этого глагола посредством заимствованного из монгол. аф. *-л*. Вместе с тем *дерзииле-* внешне и структурно напоминает п.-монг. *tersele-* 'противиться, сопротивляться, делать что-л. наперекор...', хотя семантически существенно отличается от последнего и явно не сводим к нему. П.-монг. *tersele-*, в свою очередь, связано с *ters* 'противная сторона, противник; еретик, не буддист; непокорный...' (Голст. III, *109*), являющимся, очевидно, тюркизмом. В отличие от *дерзииле-* сущ. *дерзиилел*, по-видимому, не имеет структурного соответствия в монгол. языках.

дерзиилел см. **дерзииле-**.

дери- 'снаряжать (собирать) в путь; готовить сбрую, седло и т.п.; сооружать; оборудовать; наряжать, украшать (напр., девушку к свадьбе)'; **дер-дериг** *фольк.* 'снаряжение'; **дер-херексел** то же.

Для тюрк. языков характерна в основном односложная основа дер- ~ тер-... 'собирать, подбирать; складывать, укладывать; соединять' и под., имеющая именной коррелят **дер ~ *тер*, от которого, по-видимому, образованы двухсложные глаг. основы типа *дер-ле* и *тер-и-* (ЭСТЯ III, *204—205*). О реальности этого имени свидетельствуют тув. парные слова, отмеченные в фольклоре, вроде *дер-дериг* 'снаряжение' и *дер-херексел* то же. Основа *тер-и-* ЭСТЯ отмечена только в ног. и тур. диалектах с семантикой 'собирать; рвать, обирать'. Тув. *дери-*, явно имеющее ту же структуру, что и *тер-и-*, в указ. труде не отмечено. Ср. также уйг. *тери-* 'подбирать, собирать (напр., ягоды)' *и тәр-* то же.

Односложная глаг. основа *дер- ~ тер-* в тув. языке фигурирует лишь как компонент производных слов: ср. **дерги**, а также **дирге-**.

дерлик 'потник'; *диал.* 'летний тувинский халат'.

Ср. турк. *дерлик*, *терлик* (в ряде других тюрк. языков) 'потник' (в т.ч. др.-тюрк. *terlik* то же). Реже соответствия указ. слов употребляются применительно к одежде и обуви: см. тур. *terlik* '[комнатные] туфли; ермолка, тюбетейка (из тонкой белой материи)'; диал. 'вид легкой женской накидки'. *Дерлик ~ терлик* — производное от *дер ~ тер* 'пот', образованное с помощью аф. *-лык*... (см.: ЭСТЯ III, *204*, а также **дер**).

Соответствия тюрк. *дерлик ~ терлик*, называющего одежду, имеются в монгол. языках: ср. п.-монг. *terlig* / монг. *тэрлэг* 'терлик, летний халат', бур. *тэрлиг* 'терлик, летний халат (на подкладке)', калм. *терлг*

'женское платье (без рукавов)'. Монгол. слово, очевидно, — тюркизм. Но тув. *дерлик* (а также *терлик*) как название летнего халата, скорее всего, является вторичным монгол. заимствованием.

дер-херексел см. **дери-, херексел**.

дес- 'убегать, скрываться; сторониться, избегать; уходить от кого-л.; дезертировать'.

Ср. тоф. *des-* 'убегать, уходить, убираться прочь', *дэс-* 'убегать, спасаться бегством (о животном)' (Рассадин. Фонетика, *172*; ТРС-РТС, *23*) и ряд соответствий в совр. тюрк. языках типа *тез-* и под. (см.: Рассадин. Фонетика, *172*; EW, *477*). Широко распространено также прил. (и нар.) *тез...* 'скорый, проворный; живой; поспешный'; 'вдруг, неожиданно...' (см. также: Кажибеков, *236*), которое некоторые исследователи считают в отличие от глаг. *дес- ~ тез-* перс. заимствованием. Так, М. Рясянен в указ. источнике дает праформу имени с долготой (**tēz*) и возводит его к перс. *tīz ~ tēz*. См. также: Кайдаров, *283*; КРС, *718*.

А.М. Щербак приводит синкретичный корень *täс* 'быстрый, быстро' → 'убегать' (Щербак 1970, *197*); см. также: Кажибеков, *236—237*. Больше оснований для трактовки рассматриваемых глаг. и именной основ как гомогенных. В связи с этим представляет интерес турк. глаг.-именная пара *тез-* 'отпрянуть, убежать от испуга, испугаться (о животных)' и *тез* 'дикий; пугливый; не приученный (о животных)', семантика которых, возможно, близка к исконной (ср. также тоф. *дэс-*).

С.Е. Малов считал гомогенными *тез* и др.-тюрк. *tärk* 'быстро', что *возможно. Сходной точки зрения придерживается* К.Г. Менгес, считающий форму *täz-* образованием на *-z* от основы **tä-* (с неуказанным значением) (см.: Менгес, *142*; а также **дек**). Ср. **дүрген**.

дес I [еъ] **1.** 'запекшийся, густой (о крови)'; **2.** 'запекшаяся кровь'.

Ср. тоф. *дэъс* 'запекшаяся кровь'; хак. *тиріс хан* 'густая кровь', *тирс* 'колбаса из густой крови', *тиріспек ~ тиспек* 'сгустки крови' (ХРИЭС, *144*); сюда же, возможно, следует отнести и хак. *тис* 'накипь (напр., в чайнике)'.

По-видимому, *дес I* гомогенно с компонентом *-дес* в *демир-дес* 'железо, металл' (см. **демир-дес**), имеющим собирательную семантику и связанным с глаг. *дер- ~ тер-* 'собирать (в частности, по одному); копить; соединять' и под. (см.: ЭСТЯ III, *204*; а также **дерги, дери-**). Как и в случае с *-дес*, первоначальной формой *дес I* была, по-видимому, **тер-(и)с* (см. хак. *тиріс*, *тирс*).

Тиріспек, вероятнее всего, имеет производное **терис-мек*, где **терис-* — форма каузатива от *тер-*, а *-мак* (> *-пак*) — аф., образующий отглаг. имена. В хак. *тиспек* (как и в *тис* 'накипь') наблюдается, как и в тув. *дес*, выпадение слога, состоящего из сонанта *р* и узкого гласного (через стадию **терс*, **терспек*).

дес II [еъ] 'изгородь, загон'.

Ср. шор. *тäс* 'засека для ловли зверей (маралов, козлов, оленей)' (РСл. III, *1097*), хак. *тис* 'ловушка на зверя, загородка для кабарги', вост.-тюрк. *дäсäкчи* 'ночной сторож' (РСл. III, *1683*).

В основу вышеприведенных наименований положена общая идея *«упорядочения»*: *охраны, караула, подкарауливания, направления* в нужное место (в частности, загоняя туда).

Та же идея могла относиться и к неодушевленным предметам. Если это так, то в число сопоставляемых с вышеприведенными слов следует включить каз. *тез* 'правилка; примитивный станок, при помощи которого изготовляют каркас юрты или выпрямляют жерди', кирг. *тез* 'правилка, употребляемая при изготовлении кереге и унины' (частей юрты).

Возникает вопрос: не связаны ли *дес* и его соответствия с широко распространенным тюрк. словом *дизгин ~ тизгин ~ тäзгин*... означающим 'повод, поводья; вожжи; узда, удила; руль', а также (перен.) 'власть, управление' и под.? Э.В. Севортян видел в нем глаг. основу **диз- ~ *тиз- ~ *тис-*, имевшую, как полагал исследователь, параллельную форму **тез- ~ *тес-*, но «в привлеченных... материалах такой глагол не обнаруживается» (ЭСТЯ III, *220—221*).

Возможно, этот несохранившийся глагол был соотносителен с приведенными основами *дес ~ тис ~ тез* и означал нечто вроде 'погонять, направляя (в частности, лошадь)'; 'загонять куда-л.'; 'караулить, стеречь' (ср. вост.-тюрк. *дäсäкчи*).

дес-дараа 'порядковый; последовательный'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *des* 'следующий по порядку или по очереди, второй; порядок, последовательность одного за другим'; монг. *дэс* 'второй, следующий'; *дэс дараа* 'порядковое расположение'. См. также ***дараа**.

дескеш- [еъ] 'не уступать друг другу (о силе); выдержать, устоять'.

По всей вероятности, *дескеш-* < **дексеш-*, подобно *дески* < *декси* (см. **дески**). (Подобная метатеза распространена в тув. языке.) Указ. глаг. основа может быть интерпретирована как форма совместно-взаимного залога (*дексе-ш-* < глаг. основы **дексе-* (< **тексе-*), в свою очередь образованной, вероятно, от **текиз ~ тегиз ~ тегис*... (по М. Рясянену, < *täkiz*): ср. чаг. *тäгиз*, тур. *тäгуз*, вост.-тюрк. *текис* 'ровный; гладкий' (РСл. III, *1021, 1035—1036, 1038*), а также каз. *тегіс* 'ровный; равнина; все поголовно', кирг. *тегиз* 'ровный', тат. *тигёз* 'ровный, гладкий; равный, одинаковый; равномерный, ритмичный, плавный' и некот. др. (EW, *470*).

М. Рясянен не дает этимологии подобных слов, по мнению же А.Т. Кайдарова, каз. *тегіс* с указ. семантикой связано с основой **тек* 'нечто ровное, выровненное', что допустимо, однако слово

при этом членится на компоненты *тек* + *ıс* (Кайдаров, *284*), что представляется недостаточно ясным.

Очевидно, основа *тек* гомогенна *тег*, *тек*, *тең*, о структуре которой говорилось выше (см. **деңI**), следовательно, является отглаг. образованием (* < *те-к*). В таком случае структура *тегіс* и подобных ему слов может быть представлена в виде **тек-і-с*, где *-і-* — глаголообразующий аф., а — *с*(*-з*)- — аф. отглаг. имен.

**Тексе-* (основа тув. *дескеш-*), возможно, образована от *текиз* ~ *текис* посредством аф. *-е-* (и с закономерной для подобных случаев полной редукцией второго слога именной основы). Следует отметить, что, хотя подобные производные в имеющихся источниках нам не встретились (преобладают образования с аф. *-ла-*), однако среди них возможны и отыменные основы с другими словообразовательными формантами (в частности, с *-е-*).

дески [еъ] 'гладкий, ровный; гладь'.

В тодж. диалекте слово имеет вариант *деъкси* (Чадамба 1974, *53*), где в срединном сочетании согласных сохраняется их первоначальная последовательность, в то время как в литературной форме *дески* имеет место метатеза *кс* > *ск*. Это подтверждается данными других тюрк. языков: ср. алт. диал., чул.-тюрк., полов., уйг. *тäкши* 'ровный, равномерный', хак. диал. *тексі* 'все, все вместе', каз. *текси* 'ровный, гладкий' (РСл. III, *1025, 1026*), хак. *тиксі* 'весь, все; сплошь; всюду, везде', як. *дэхси* ~ *лэхси* 'гладкий, ровный'. Ср.: EW, *471*, куда включено и тув. *дески*. Весь этот материал возводится к монгол. *teg-si* (точнее, *tegši*) 'равный; ровный'; см. также кирг. *текши* 'равно, одинаково, сплошь, целиком'.

Сходных взглядов придерживается и В.И. Рассадин, относя к монголизмам шор. *текши* 'все; равный, ровный, одинаковый', чул.-тюрк. *тäкші* и як. *дэхси*, *лэхси* (Рассадин. МБЗ, *47, 49, 71*).

С этим трудно согласиться в полной мере особенно применительно к тув. *декси* > *дески*, где свистящий *с*, скорее всего, исконный, и *декси* едва ли может быть возведено к *tegši*. Более вероятно, что последнее заимствовано из тюрк. языков и восходит к праформе типа **текси*. Тув. *дески*... гомогенно с *тегиз* ~ *текис* 'ровный, гладкий' (см. **дескеш-**) и с *дең* ~ *тең* 'равный' (см. **деңI**) и родственной ему основой **тек* 'нечто ровное...'. Оно, как и *тегиз*... — производное от глаг. основы **тек-и-*, но в форме каузатива **тек-и-с-*. Возникает ситуация, сходная с той, которая наблюдалась у слова *дедир* 'обратный' и части его соответствий (см. **дедир**).

Сложнее обстоит дело с каз., хак. и як. соответствиями, где *с* — может быть как исконным, так и результатом изменения *ш* > *с*. Что касается форм с шипящим *ш*, то, возможно, не все из них — монголизмы. Вероятно, часть из них могла образоваться и в тюрк.

языках от основы **теки-* в форме совместного залога **тек-и-ш-*. Это касается, в частности, *текши* со значением тотальности ('сплошь, целиком', 'все') (ср. шор., кирг. *текши*).

Структурно-фонетически не вполне ясно каз. *текше* 'ниша, полки; пласты (Кайдаров); куб; ряд, слой'; *текшеле-* 'сложить рядами, слоями' (ср. Кайдаров, *284*; КазРС, *324*). *Текше* дается А.Т. Кайдаровым как слово, гомогенное с каз. *тегіс* 'ровный; равнина...', что вполне допустимо.

дескин- 'вращаться, кружиться; объезжать, делать обход; обходить вокруг'.

Ср. тоф. *дэскин-* 'вращаться, кружиться, вертеться'; др.-тюрк. *tegzin-* 'вращаться, кружиться; обходить кругом; проходить, проезжать (туда и обратно)' ~ *tezgin-* 'вращаться, кружиться (прям. и перен. знач.); обходить, бродить, странствовать' (ДТС, *549, 557—558*). См. также: EW, *477*; Рассадин. Фонетика, *172*.

К.Г. Менгес приводит кроме др.-тюрк. данных (в сокращенном виде) чаг. *täzgün-*, куман. (= полов.) *tärgän-*(?)[1] 'поворачиваться кругом', обоснованно полагая, что варианты с *-zg-* представляют собой форму с метатезой от *täg-z-in-*. Последняя является, в свою очередь, медиальной и каузативной (но порядок расположения залоговых аффиксов — обратный!) от глаг. *täg-* 'поворачиваться' (Менгес, *141*). См. также: ЭСТЯ III, *172, 179*, где приводится только др.-тюрк. (др.-уйг.) глаг. *tägzin-* (< *täg-z-in-*) 'кружиться, поворачиваться; окружать, бродить вокруг'.

Характерно, что М. Рясянен, К.Г. Менгес и Э.В. Севортян не приводят данных совр. тюрк. языков (тув. и тоф.). Очевидно, метатеза *-gz-* > *- zg-* была достаточно древним процессом, а тув. *дескин-* и тоф. *дэскин-* представляют собой реликты, связанные, возможно, с др.-уйг. языком.

деспек [еъ] 'возвышенность с ровной поверхностью'.

По-видимому, монголизм. Ср. п.-монг. *debseg* / монг. *дэвсэг* 'плато, терраса'. То же происхождение может иметь алт. *местек* 'холм'.

деспи [еъ] 'корыто'

Ср. тодж. *деъпси* 'корыто' (Чадамба 1974, *53*), тоф. *дэъпси* ~ *тэъпси* 'деревянное корытце для крошения мяса, чая' (ТРС-РТС, *169*). Указ. варианты — ближе к первоначальной форме слова (ср. **дески**). См. др.-тюрк. *tewsi* 'поднос, небольшой низкий стол' (?) (ДТС, *557*), тур., чаг., тат., полов. *täpsi* 'мелкое блюдо, тарелка, поднос', хак. диал. *täpsi* 'большая чашка', тел. *täpčı* 'деревянное блюдо', азерб. *täpši* 'тарелка', бараб. *täpši* 'корыто', алт. диал. *täpši* 'деревянное блюдо, на которое кладут мясо' (РСл. III, *1115—1117*), алт. *тепиш* ~ *тепши* 'выдолбленное деревянное корытце', уст. 'особая

[1] Последнее — явная опечатка: должно быть *täzgän-* 'вертеться' (см.: РСл. III, *1104*).

чашка, в которую кладутся куски жертвенного мяса во время жертвоприношения', хак. *tuncі* 'выдолбленное из дерева корытце (для рубки мяса)', кирг. *тепши* 'долбленое деревянное корыто'.

М. Рясянен, использовавший в основном материалы РСл., истолковывает тюрк. слово как кит. заимствование, приводя также монгол. соответствия типа калм. *tewši* 'корыто', п.-монг. *tebsi* (*tebši*) ('блюдо, поднос; небольшое корыто из цельного дерева'), которые считает тюркизмами (EW, *468*); ср. также монг. *тэвш* 'корыто; продолговатое блюдо'.

Подобная точка зрения высказана Дж. Клосоном: др.-тюрк. *tewsi* 'блюдо, тарелка' и под. < кит.; ср.-кит. *deptsi* то же. При этом оспаривается мнение Г. Бэйли, считающего прототипом тюркского иранское слово. По Клосону, формы с шипящим согласным (*täpču*, *täpši*) показывают, что они являются монгол. заимствованиями. Ученый полагает, что тур. *tebsi*, *tepsi* ('поднос, блюдо') сохраняет древнюю форму слова (ED, *445*). То же самое можно сказать, повидимому, и о тув. и тоф. данных, хотя семантика в них претерпела изменения (под монгол. влиянием?).

Н.Ф. Катанов отмечал в тув. языке как *täšpi*, так и *täspi* 'деревянное блюдо, корытце', относя оба варианта к монголизмам (Опыт, *118*, *131*).

деткер- см. **дедин-**.

детки- [еъ] 'поддерживать; оказывать помощь'; **деткимче** [еъ] 'поддержка, помощь'.

Монголизмы. Ср. п.-монг. *tedkü-* 'заботиться, опекать, покровительствовать; защищать, охранять'; *tedgümji* 'попечение, забота; покровительство, опека' (ЧР, *366*), монг. *тэтгэх* и *тэтгэмж* с подобными же значениями.

деткимче см. **детки-**.

деттик- см. **дедин-**.

деш- [еъ] 'прокалывать, делать дыру (отверстие), продырявливать; выкалывать (напр., глаз)'.

Общетюркское; ср. варианты *деш- ~ теш- ~ тиш-*... 'продырявливать; пробивать дыру, отверстие, протыкать, прорывать; долбить' и под. На основании уйг. и других данных в основе восстанавливается этимологическая долгота (ср. турк. *деш-* и як. *тес-* с кратким гласным). Основа *деш-*... истолковывается как «фонетический коррелят к глаголу *дел- ~ тел-*» (ЭСТЯ III, *210—211*; см. также **дежик-делик**), однако *деш-*... более широко представлена в тюрк. языках, нежели *дел-*...

В.И. Асланов высказал мнение, согласно которому корнем данных глаголов (в азерб. вариантах — *дәш-* и *дәл-*) является *дә-*, сохранившийся в азерб. имени *дәмек* 'дыра, пора' (Асланов В.И. Историческая лексикология азербайджанского языка: Автореф. дис....

д-ра филол. наук. — Баку, 1973. — С. 11). В таком случае конечные *-л* и *-ш* данных основ имеют не фонетическую, а морфологическую природу, являясь аффиксами, возможно обозначающими залоговые формы.

Не родственны ли рассматриваемые глаг. основы с общетюрк. *дерин ~ терең* 'глубокий', этимология которого, очевидно, отсутствует (см.: ЭСТЯ III, *208—209*; а также **терең**)? Последнее, возможно, < **дер-* ~ **тер-* 'делать глубокую дыру, углублять', служившего (подобно *деш-* и *дел-*) залоговой формой указ. выше глаг. основы типа *дә-* и под.

дешкиле- [еъ] 'резвиться (о молодых животных); прыгать от радости (о человеке)'.

Ср. тоф. *дэшкі* 'прыжки животного при беге галопом, наметом' (Рассадин. Словарь). Не вполне ясные по происхождению слова, но, очевидно, что *дэшкі* по структуре — отглаг. имя, образованное с помощью аф. *-кі*. Глаг. основа **деш-* (*дэш-*) ~ **теш-*, возможно, сопоставима с чаг. глаг. *täш-* 'развязать, распутать, отпустить' (РСл. III, *1105*). Ср. немецк. перевод глагола в указ. источнике — loslassen: 'освобождать; выпускать (из тюрьмы); спускать (собак)'. В таком случае *дэшкі* (*дешки*) по возможной первоначальной семантике — 'свободное, раскованное, несдержанное поведение'.

дешпий: **дешпий дег-** [еъ-] 'попадать рикошетом (в цель)'; **дешпик-** [еъ], **дешпик I**: **дешпик дег-** [еъ-] то же.

Второй компонент сочетания — глаг. основа *дег-* 'трогать, касаться; попадать в цель...' (см. **дег-**). Компонент *дешпий*, характеризующий *рикошетный полет (в частности, пули)*, самостоятельно не употребляется; он имеет вариант *дешпик* [деъшпик], который также употребителен только в сочетании *дешпик дег-*, семантически тождественном *дешпий дег-*. Кроме того, в этом же значении используется и глаг. основа *дешпик-* [деъшпик].

Соответствия в других тюрк. языках неясны. Возможно, тув. *дешпий*, *дешпик*, а также *дешпик-* имеют связь с глаг. основами типа кирг. *тепчи-* 'переправляться через речку вброд зигзагами; переправляться несколько раз через одну и ту же извилистую речку'. Кроме того, у той же глаг. основы указана семантика 'шить на живую нитку иглой вперед; пришпиливать' (КРС, *727*). Соответствия *тепчи-* с подобными значениями встречаются и в других языках: ср. др.-тюрк. (МК) *tewči-* 'шить крупными стежками, наметывать' (ДТС, *557*), алт. диал. и др. *тäпчи-* 'прикреплять булавками', каз. *тепшä-* 'шить редко' (РСл. III, *1114*, *1117*), хак. диал. *типсі-* 'скалывать булавкой', тат. *типчё-* портновское 'метать, наметывать', башк. *типсё-* то же.

Кирг. *тепчи-* в его первом значении связывает с тув. словами семантический признак 'непрямое, зигзагообразное движение (к це-

ли)', а с семантикой его соответствий — возможный признак 'движение, производимое наскоро, наспех' (в частности, это могла быть стрельба без тщательного прицеливания, когда цель достигается практически случайно и не прямо, рикошетом).

Этимология указ. соответствий неясна. Возможна связь с глаг. *девир-* 'вращать, крутить; поворачивать' и под., представляющим залоговую форму от **дев-*... у которой также имеется именной коррелят (ЭСТЯ III, *172—173*) типа **дев ~ *тев*, значение которого связано с идеей вращения или непрямого движения. От последнего при помощи аф. *-чи-*... и могли образоваться глаг. основы, подобные вышеприведенным.

Что касается тув. данных, то *дешпий* (< **тевчий* > **тепший* > *дешпий* — с метатезой) представляло собой первоначально форму слитного деепричастия, образовавшегося от **тевчи-* при помощи аф. *-й* и в сочетании *дешпий дег-* практически выступившего затем в качестве наречия. Компонент *дешпик* в варианте сочетания *дешпик дег-*, очевидно, по своей структуре восходит к **тевчи-к*. Последнее представляло собой отглаг. имя со значением признака (*'рикошетный; рикошетом').

Наконец, глаг. основа *дешпик-* (< **тевчи-к-*) представляет собой, по всей вероятности, залоговую форму на *-к-* от **тевчи-* (медиопассив с возможным дополнительным значением интенсивности).

дешпик- см. **дешпий**.

дешпик I [еъ]: **дешпик дег-** см. **дешпий**.

дешпик II [еъ] *диал.* 'дырявый, продырявленный; проколотый; насквозь'. Производное от глаг. основы *деш-* 'прокалывать, делать дыру...' (см. **деш-, дежик-делик**), восходящее, вероятно, к **теш-мик*, где второй компонент — вариант малоупотребительного в тув. языке аф. *-мык*.

дешпик III [еъ] 'тяжелый, требующий больших усилий'; **дешпик кижи** [еъ-иъ] 'человек, который занимается физическим трудом'.

Недостаточно ясно. Думается, что допустима связь с каз. *тепші-* 'потеть, испариться', которое связано с основой **теп* (семантика не указана), а в *тепші-* выделяется также формант *-ши-* (Кайдаров, *284*), который определенно является глаголообразующим аф. в исходной форме *-чи-*.

Каз. глаг. основа *тепші-* < **тепчи-*. Именная основа **теп*, по-видимому, означала 'пот, испарина', однако, в отличие от общетюрк. *дер ~ тер* 'пот...' (см. **дер**) выглядит изолированной. Тув. *дешпик* < < **теп-чи-к*.

дешпилдир- [еъ] 'ринуться вперед (верхом на лошади)'.

Ср. кбалк. *тебчилде-* 'переминаться, переступать с ноги на ногу'; *атны дебчилдет-* 'гарцевать', а также лоб. *тепшин-* 'трепыхаться; привставать (для полета)', *депшин-* 'хлопать крыльями, трепыхать-

ся'. Возможно, подобные основы могут быть производными от основ типа чаг. *täp* 'оклики, поощряющие собак к охоте', или *täp* 'звуки, сопровождающие движение', от которых с помощью различных аффиксов образуются глаг. основы с семантикой движения (в частности, быстрого, энергичного). См., напр.: ЭСТЯ III, *200—201*. Структуру *дешпилдир-* можно представить в виде < **теп-чи-л-дир-* (ср. кбалк. *тебчилде-* < *тебчил-де-*), где **теп-* — указ. основа, *-чи-* — глаголообразующий аф., *-л* — аф. отглаг. имен, а *-дир-* — также формант глаголообразования (из числа малоупотребительных) (см., напр.: АГ, *338—339*).

Возможно, что указ. структура может выглядеть в деталях несколько иначе, но нехватка сопоставительных данных не позволяет внести ясность в этот вопрос.

ди- см. **де-**.

дидим [иъ] 'смелый, отважный, храбрый'; **дидин-** [иъ], **диттик-** [иъ] 'осмелиться, отважиться'.

Ср. тоф. *dídim* (*mimím*) 'смелый, отважный', сопоставлявшееся с алт. *тидим* 'смелость, отвага', хак. *тідім* 'решительность' (Рассадин. Фонетика, *173*).

В части совр. тюрк. языков (кроме тув., в огуз. и других сиб.), а также в памятниках распространена глаг. основа *дидин- ~ тидин- ~* (др.-тюрк.) *tetin-*, *titin-* со значениями 'напрягать свои силы (усилия); напрягаться; стараться', характерными в большей мере для огуз. языков, а также с семантикой 'противиться, сопротивляться; осмелиться, отважиться, решаться' и под., присущей совр. сибирским языкам и др.-тюрк. памятникам. Различия указ. значений не прокомментированы в ЭСТЯ, и их природа остается не вполне ясной.

Э.В. Севортян интерпретирует *дидин...* как возвратно-медиальную форму от др.-тюрк. *tit- ~ tet-* 'противиться, сопротивляться, перечить' (ЭСТЯ III, *218*), семантика которых «стыкуется» с др.-тюрк. *tetin- ~ titin-* и их близкими соответствиями, тогда как «огузская» *дидин-* семантически столь же далека от указ. производящей основы, как и от ее залоговой формы.

Возможно, подобное смысловое разграничение сигнализирует о том, что мы имеем дело с глаголами определенной содержательной общности, но разного происхождения. В тув., кроме *дидин-* 'осмелиться', имеется, напр., основа *дедин-* 'прийти в себя (очнуться)', которую мы сближали с др.-тюрк. *tetig ~ tetik* 'сообразительный, понятливый' и их соответствиями со значениями, близкими к данному прилагательному, а также 'бодрый, ловкий; сильный' и под. Анализ указ. данных см. **дедин-**.

Э.В. Севортян отмечал, что «для характеристики основных значений глагола *тет- ~ тит-* (точнее *tet- ~ tit-*. — *Б. Т.*) важно его производное, образовавшееся аф. *-м*». Далее он приводил тув. *дидим* и

его соответствия, в т.ч. и часть тех, что приводились выше по совр. языкам, а также др.-тюрк. данные, в т.ч. *tetim*, *titim bol-* 'противостоять, выдерживать', а также *tetim-lig* 'упрямый, упорный, стойкий, решительный' (ЭСТЯ III, *218*).

Вышеприведенные языковые факты обнаруживают бесспорную общность тув. и сходного с ним материала (*дидим* и его соответствий) с др.-тюрк. данными, но едва ли проливают свет на происхождение, в частности, огуз. *дидин-*. Но, как мы отмечали ранее (см. **дедир**), *дидим* явно гомогенно с *дедир* 'обратный; упрямый...' (с чередованием гласных *и ~ е* в первых слогах, что для тув. языка в определенной степени закономерно: ср. **дери-** и **дирге-**).

Вероятно, с др.-тюрк. *tet- ~ tit-*, тув. *дидин-*, *дидим и дедир* могут быть сближены также слова иного круга, нежели огуз. *дидин-*, в частности тур. *titiz* 'капризный, раздражительный, вспыльчивый, нервный, придирчивый; требовательный, упрямый' и под., и, возможно, др.-тюрк. *titiz* 'терпкий, кислый на вкус' (по др. источнику — 'горько-вяжущий', при *титизлик* 'горечь') (ср.: ДТС, *564*; МК И, *271*), при объединении их М. Рясяненом в общей статье, но при отсутствии в ней этимологии (EW, *482*); ср. также **деттик-**.

С тув. *дидин-*, по-видимому, одноструктурна основа *дит-тик-*, где *-тик-* — формант довольно редкий, семантически близкий к *-(и)н-* (см.: Кононов. ГЯТРП, *182*); ср. также **деттик-**.

дидин- см. **дидим**.

диже- 'терять молочные зубы (о детях)'; **дижең**: **дижең аът** 'дряхлая лошадь'.

Слово **аът** имеет общетюрк. соответствия со значениями 'конь'; 'лошадь...' (см. **аът**). Ср. также алт. *тижең* 'тощий'; кирг. *тише-* 'терять молочные зубы', *ат тишеди* '(молодая) лошадь сбросила зубы'; каз. *тисе-* 'выпадать (о молочных зубах)' и т.п. Соответствия указ. глаг. основы распространены в тюрк. языках весьма широко, причем с противоположными значениями: 'точить, нарезать, насекать зубья' и 'терять молочные зубы'. *Тише- ~ дише-...* — основа, производная от общетюрк. *тиш ~ диш...* 'зуб' (см. **диш**) (ЭСТЯ III, *244*). Судя по тув. *дижең аът* и алт. *тижең*, «деструктивная» семантика *дише ~ тише-* была более общей — 'терять зубы', '(о)тощать' (из-за невозможности нормально питаться ввиду отсутствия зубов). Обращает на себя внимание каз. диал. *тисең* 'зубастый' (Аманжолов, *413*) с противоположным значением.

дижең см. **диже-**.

дижи I [иъ] *диал.* 'самка' (реализуется в основном как компонент наименований типа **дижи бөрү** 'волчица', **дижи адыг**, **дижи хайыракан** 'медведица', **дижи ыт** 'сука'); **дижилик** [иъ] *диал.* 'самка глухаря, глухарка'; **дишилик** 'птенец глухаря' (Тере-Холь).

Ср. общетюрк. *диши ~ тиши ~ тыжы...* 'самка' (о животных); 'женщина'; 'жена...' (ЭСТЯ III, *244–245*). Этимология отсутствует. Иссле-

дователи высказывали свои соображения лишь относительно большей древности переднерядных или заднерядных вариантов слова. Существует, в частности, точка зрения, согласно которой его архетип содержал гласный *ы*: ср. *tïšï* (по Г. Дёрферу) и которая не имеет реального подтверждения.

Исходное значение слова определяется как 'особь женского пола (людей, животных)', а 'женщина' считается вторичным (СИГТЯ Л, *315*). Но семантика 'самка', по всей вероятности, моложе, нежели 'женщина': судя по материалам ЭСТЯ, последнее знач. в большей мере характерно для др.-тюрк. и более поздних письменных памятников, тогда как первое — для совр. тюрк. языков. Интересно также, что семантика типа 'самка; особь женского пола' в древности реализовалась как часть сочетаний с названиями животных и мифических существ (ЭСТЯ III, *244—245*), что в значительной мере аналогично тув. *дижи*.

Наряду с отмеченными значениями, у некоторых соответствий слова существует также семантика качественного прил. типа 'тонкий' (як. *тыһы*), 'тонкий; мягкий, податливый' (тур. *diş*i), которая, возможно, является первоначальной и связана с обозначением признака, легшего затем в основу названия женщины, женской особи. Возможно, *диши ~ тиши...* гомогенно, напр., с шор. *тиш-ке* 'тонкий, узкий' (при шор. *тижи кижи* 'женщина'; ср. др.-тюрк. *tïši kïši* то же).

В тюрк. языках содержится и другой лексический материал, связанный с признаком 'мягкий, пухлый' и под. Ср., напр., бараб. *тыш* 'мякоть (чего-л.)' (судя по контексту, речь идет о ягодах, см.: Дмитриева, *192*). Интересно также соответствие с.-югур. *тесе* 'самка' и *тесе* 'обивка (м я г к а я) на седле' (Малов. ЯЖУ, *114, 118*), которое может быть не случайным. Ср. алт. *тиш-* и *тижи-* 'пухнуть, опухать', *тижик* 'пухлый, опухший', бараб., тел. *тиш-* 'пухнуть', алт. диал. *тижи-* 'пухнуть, распухать; толстеть' (РСл. III, *1401, 1405*). Слово *тиши...* (< **тиши*) первоначально представляло собой отглаг. качественное прил. со значениями 'мягкий, пухлый, податливый' и под., которое в результате субстантивации приобрело семантику типа 'женщина'. Возможно, производящая глаг. основа могла иметь и вариант с заднерядным вокализмом, откуда и соответствующий вариант рассматриваемого слова (*тышы* < **тыш-ы*).

Тув. диал. *дижилик* 'самка глухаря' и *дишилик* 'птенец глухаря' представляют собой образования с ныне практически мертвым в тув. языке аф. *-лык...* Этот формант в основном образует отыменные имена, характеризуемые широким спектром значений, в числе которых абстрактные: ср. кбалк. *тишилик* 'принадлежность к женскому полу'. Кроме того, от названий живых существ при помощи *-лык* образованы слова со значением совокупности (др.-тюрк. *adγïr-*

lïq 'стадо жеребцов') или назначения, как, напр., азерб. *бугалыг* 'бык, выделенный как производитель' (ср.: АИ, *38, 51*). Последний случай можно интерпретировать и как конкретизацию или специализацию значения производящей основы. Ср. тув. *дижилик* с тат. диал. *тиши* 'самка птиц'.

В тув. *дишилик* произошло изменение лексического значения в результате метонимического переноса 'самка глухаря' → 'птенец глухаря'. В то же время звуковой облик *дишилик*, напротив, отчасти сохранил черты более древнего состояния, нежели *дижи* и *дижилик*: отсутствие озвончения (ослабления) *-ш-* и фарингализации гласного первого слога.

дижи II [иъ] 'петля для пуговицы; палочка, чека для укрепления вьюка'.

Ср. хак. *misi* 'петля, ушко (для пуговицы)', тур. *dişi* 'петля; ушко; проушина, колечко', алт. диал. *топчының тыжызы* 'петля для пуговицы' (*топчы* 'пуговица') (РСл. III, *1340*); як. *чопчу тысыта* 'петля для застегивания пуговицы' (по Бётлингку), *тимэх тыһыта* (*тыскыта*) 'прорезь для петли' (при *чопчу* и *тимэх* — 'пуговица').

Судя по источникам, часть лексикографов связывает название петли для пуговицы и под. со словом, обозначающим женщину — *диши* (*~ тиши ~ тышы*) (см. **дижи I**), которое оказывается первичным по отношению к указ. названию. См., в частности: РСл. III, *1340*; Пек. III, *2981*; ТурРС 1977, *235*; ХРИЭС, *144*.

О.Н. Бётлингк, отметив связь между як. *тысы* 'самка (о четвероногих животных и птицах)' и *чопчу тысыта* 'петля для застегивания пуговицы', подтверждал ее материалами других языков, в том числе тур. *dişi burma* 'гайка' (букв. 'винт-самка'), монгол. *em-e tobči* 'петлица' (букв. 'пуговица-самка'), а также нем. *Schraubenmutter* 'гайка' (букв. 'винт-мать') (Бётлингк, *556*).

Реальность такой связи подтверждает и тоф. *эъпши* 'женщина, самка; петля пуговицы' (ТРС-РТС, *106*), у соответствий которого последнее, связанное с одеждой значение не фиксируется (ЭСТЯ I, *287—288*). Впрочем, подобную семантику Э.В. Севортян не отмечал и у ранее приведенного тюрк. *диши ~ тиши...* (ЭСТЯ III, *244—245*), а это может быть уже свидетельством того, что исследователь считал последнее и рассматриваемое название части одежды различными словами.

В данной ситуации различное происхождение слов не исключено, и тув. *дижи* 'петля для пуговицы' с его соответствиями, вероятно, могло быть образовано от иной основы, нежели название женщины. В одном из источников для тув. *дижи* с указ. значением такой основой назван глаг. типа тат., башк. *тиш-*, хак. *тис-* 'продырявливать' (СИГТЯ Ф, *130*), что не может быть принято, в частности, по фонетическим основаниям. См. **деш-**.

Возможно, о производящей основе *дижи...* дает представление алт. диал. *тиш-* 'изгибать' (РСл. III, *1401*) (подразумевая при этом семантику 'изгибать что-л., делая петлю').

С рассматриваемым названием части одежды, по-видимому, гомогенны чаг., узб. *тишау* 'петля для поимки животных (РСл. III, *1402*), тат. *тышау* 'путы'.

Тув. *дижи* обозначает и петлю, и нечто противоположное ей: палочку, чеку для укрепления вьюка. Это, предполагаем, указывает на то, что слово раньше обозначало не только петлю для одежды, но и ту, в которую вставлялась чека. Появление значения 'чека' может быть истолковано как результат метонимичного переноса наименования по признаку смежности в пространстве соответствующих реалий.

дижик *частица* 'правда?' (в *вопрос. предложениях*); ведь [говорят же] (*в утв. предложениях*); 'положим, допустим; пусть, если бы...'; **дийик** 'допустим, положим'.

Соответствия неизвестны. *Дижик* и *дийик* по своему происхождению — варианты одного слова, которое, как предполагается, восходит к древней форме прошедшего времени от глаг. говорения *дина -йук ~ -йык* (Монгуш 1998, *141*). См. **де-**, **ди-**.

В таком случае *дийик* может считаться более древним вариантом слова, сохранившим первоначальный *-й-*, который в варианте *дижик* перешел в *-ж-*.

В тув. языке встречаются и другие частицы, восходящие к указ. глаг. форме: см. **ийик**.

дижилик см. **дижи I**.

диззэле- 'наступать, давить коленями'.

Очевидно, гомогенно с *дис*, *дискек* 'колено' (см. **дис**). В ряде тюрк. языков и диалектов название колена отмечено в формах *тизе ~ дизе...* (а также *дизге*) и др. Этимологии слово не имеет, а формы, подобные указанным, Э.В. Севортян считал возможным трактовать как образования от производящей основы **тиз* <'колено'?> (семантика основы не указывается) с помощью аф. *-а-*, *-ка* и под., семантические характеристики которых также не приводятся. Подобная неясная трактовка структуры таких слов оправдывается, вероятно, тем, что «прямых или косвенных указаний на реальность глагола **тиз-* в привлеченных материалах не имеется» (ЭСТЯ III, *337*).

Несмотря на отсутствие упомянутых «указаний», в данном случае более реально говорить о существовании, скорее, глаг., нежели именной, производящей основы.

Распространенным образованием от *тиз* 'колено' является глаг. на *-ле-*: *тиз-ле...* со значениями 'подминать', 'давить коленом', 'толкать коленями' (ЭСТЯ III, *337*), что в смысловом отношении близко тув. *диззэле*. Однако *тизле-...* в тув. языке отразилось бы, скорее,

как **дисте-*. По-видимому, *дизээле-* восходит к производному от *дизе ~ тизе-*, образованному с тем же аф. *-ле-* и имеющему ту же семантику, что и *тизле-*. Долгота гласного второго слога в *дизээле-*, возможно, эмфатическая или компенсирующая, возникшая в позиции после узкого краткого *и* первого слога.

диизе I 'пломба' (на товаре и т.п.).

Монголизм. Принадлежит, по-видимому, к числу поздних заимствований: ср. п.-монг. *tejije* 'печать', монг. *тийз* 'печать, штемпель', калм. *тииз* [тиизе] 'печать; штемпель'; уст. 'пломба'. Китаизм? Ср. **диизе II**.

диизе II 'блюдце'.

Один из поздних монголизмов. Ср. п.-монг. *dejije*, монг. *дийз* и др. 'блюдце' (< кит.) (ЯМВМ, *142*).

дииҥ 'белка'.

Общетюркское; ср. *tegiŋ ~ degin ~ тейиҥ ~ дииҥ ~ тииҥ*, означающие в основном 'белка', за исключением др.-тюрк. (МК) *tegiŋ* 'соболь'; в совр. источнике также отмечено подобное единичное значение. Фонетически *tegiŋ* должно рассматриваться как более ранняя стадия *tejiŋ* (ЭСТЯ III, *180*).

Высказанное М. Рясяненом мнение о заимствовании общетюрк. названия белки из языков хантов или манси неоднократно служило объектом обоснованной критики (ср., в частности, ЭСТЯ III, *181*; Дыбо, *7—8, прим. 31*), главным образом по причинам фонетического характера. По структурно-фонетическим основаниям явно неприемлема недавняя алтаистическая версия этимологии рассматриваемого слова, сводящаяся к реконструкции праалтайской формы **čeGun* 'пушной зверь' на основе соответственно тунг.-маньчж. (**ǯukun* 'выдра'), монгол. (**ǯeүeken* 'росомаха') и тюрк. (**degiŋ* 'белка') праформ (Дыбо, *7*; СИГТЯ Л, *165*). Неясен здесь и мотивирующий семантический признак. См. также: Старостин, *14, 121*.

Мы считаем, что ранее нами предложенная тюрк. этимология названия белки сохраняет свое значение. Согласно этой версии, более древняя форма слова — *tegiŋ* — сопоставима с глаг. основой типа др.-уйг. *tegir-* 'кружить вращать, вертеть', где *-(i)r-* считается формой каузатива от **teg-* (см.: ЭСТЯ III, *172, 176*), очевидно, означавшей 'кружиться, вертеться' и под. От последней при помощи аф. *-ŋ* и могло быть образовано название верткого, быстрого существа (зверек типа белки, соболя или ящерицы). Типологическое обоснование, а также проблема связи названия белки и денежной единицы ('копейка' и др.) см. в нашей публикации (Татаринцев 1988, *24—25*).

дииреҥ '*злой дух*'; *перен.* '*человек, страдающий бессонницей*'.

Монголизм. Ср. монгол. *tiireng, tireng/тирең* 'род демонов, приводящих в исступление' (Владимирцов. Ср. грамматика, *116, 273*), монг. *тийрэн* 'демон, злой дух' (< тиб.).

диис 'кошка'.

Вероятнее всего, тув. *диис* восходит к межд.-звательному рус. *кис*[*-кис*] > тув. *киис*, которое могло измениться в *диис* (не исключено, что в результате сближения с названием другого зверька — белки) (см. **диин**). Названия кошки, связанные с их призыванием человеком, отразились и в некоторых других тюрк. языках: ср. башк. *бәс-бәс* 'кис-кис' и *бәсәй* 'кошка', вероятно, алт. *кизек* 'котенок'.

Интересно и осет. *tikis* 'кот, кошка', которое, по предположению В.И. Абаева, состоит из двух призывных кличек «*tik-kis*», соответствия которым он находит в рус. языке, далее предполагая, что те же элементы в обратном порядке содержатся в кбалк. *kiš-tik* 'кошка' (Абаев III, *293*).

дийик см. **дижик**.

дикпе [иъ] *диал.* 'рыболовная сеть'.

Ср. хак. диал. *тикпе* 'поплавок сетей' (ВТЯ, *36*). Вероятна связь с тюрк. глаг. основой *дик-* ~ *тик-* 'шить; соединять, скреплять; вязать' и под. (см.: ЭСТЯ III, *227—228*).

От последней при помощи аф. *-ма...* образованы имена типа др.-тюрк. *тікте* 'сшитый', азерб. *тикмә* 'шитый; вышивание; шитье, вышивка' (АИ, *138*, *139*). Вероятно, тув. *дикпе* < **тик-ме* с возможной первоначальной семантикой 'соединенный; (с)вязанный' > > 'рыболовная сеть'. Хак. *тикпе* — название детали рыболовной сети.

дил- 'пилить, распиливать (бревно на доски); резать, разрезать (напр. кожу на ремни)'.

Общетюрк.; ср. *дил-* ~ *тил-* с преобладающей семантикой типа 'разделять, разрезать (в длину)', а также 'разрезать на куски, кусочки, ломтики' и под., имеющую в некоторых языках именные соответствия (ср. кирг. *тил* 'ломтик' и др.) (ЭСТЯ III, *230—231*), к числу которых можно отнести, по-видимому, и ног. *тил* 'зазубрина, засечка (на удочке для использования лески)'. Архетип глаг. основы восстанавливается, в частности, в форме **til-* (Щербак 1970, *197*).

См. **дилбер**, а также **дыл**.

дилбер *тодж.* 'узкая горная речка'.

Согласно нашим данным, *дилбер* — тодж. слово, означающее 'длинный лоскут', 'что-то, имеющее вид висящих лохмотьев', а также употребляющееся, хотя и редко, в качестве местного географического термина с указ. значением.

Информаторы связывают *дилбер* с глаг. *дил-* 'резать, разрезать, распиливать (вдоль)', имеющим общетюрк. соответствия (см. **дил-**). Таким образом, рассматриваемое слово можно представить в виде отглаг. существительного, образованного при помощи аф. *-мар* ~ *-мер*. См.: АИ, *196*.

Не исключено, что с географическим термином *дилбер* или топонимом, образованным на его основе (типа *Дилбер-Хем* на террито-

рии Тоджи), как-то связано др.-тюрк. *tülber*, встречающееся в одном из памятников енисейской руники, найденных в Туве; семантика его интерпретируется по-разному (в частности, это слово считают этнонимом). См.: Татаринцев 1977, *21*.

дилги 'лиса'; *перен.* 'хитрый, льстивый человек'.

Ср. тоф. *ділги*, др.-тюрк. *tülki*, *tilki*, *tilkü* то же, а также другие соответствия общетюрк. характера в вариантах *тулку*, *тилги*, *тилӗ* и под. См.: Рассадин. Фонетика, *173*; ИРЛТЯ, *135*; ЭСЧЯ, *251* и др. Распространенная этимология (принадлежащая В. Бангу) истолковывает *дилги...* как результат метатезы и других изменений первоначального **tükli* ~ **tüklü* < *tük* 'шерсть' + *-li* — аф. относительных прилагательных, однако эта версия не убедительна.

Вызывает сомнения, во-первых, всеобщность распространения метатезы, тем более что переход *kl* > *lk* не характерен для тюрк. языков; неизвестно и употребление прил. *tüklü...* в значении 'лиса'. Наоборот, название лисы и данное прилагательное могут четко разграничиваться: ср., напр., азерб. *туклу* 'волосатый, косматый, длинношерстный; ворсистый, мохнатый, пушистый; перистый' и *тулку* 'лиса'.

Во-вторых, если следовать версии Банга, то название лисы имеет довольно позднее происхождение, поскольку элемент слова, считающийся аффиксом прилагательных, фигурирует здесь не в древней (*-lig*), а в более поздней форме (*-li*). Однако столь позднее появление слова выглядит совершенно невероятным. В др.-тюрк. памятниках соответствующий аффикс отмечен в форме *-lig*, а название лисицы — в виде *tilkü* и под.; ср. также прил. *tülig* 'волосатый' (< *tü* 'волос(ок); шерсть') (ДТС, *594*, *596*).

Каз. *тулкі* 'лиса' сопоставляется с др.-тюрк. *tü* (в указ. выше значении), *tülä-* 'линять' и *tüläk* 'линька' (Кайдаров, *290*), что выглядит неубедительно и не вполне ясно в структурно-семантическом плане.

В части тюрк. языков название лисы имеет также значения, истолковываемые как переносные: 'хитрый, коварный'; 'хитрец, плут' и т.д. Сходная картина наблюдается и в языках других семей, в частности в индоевропейских: ср., к примеру, рус. *лиса*, *лисица*. Здесь налицо ярко выраженный классический метафорический перенос наименования.

Можно допустить (по крайней мере, применительно к тюрк. языкам), что название лисы первоначально означало именно 'хитрый; хитрость' или 'хитрое, плутоватое существо' и относилось как к определенным представителям животного мира, так и к человеку.

В пользу этого предположения свидетельствуют в числе прочего и производные от *дилги...* слова. Доказано, что в большинстве случаев «метафорические, переносные значения основы не переходят в

семантику производного слова» (АИ, *10*), однако в данном случае проявляются преимущественно как раз подобные значения. Таковы глаг. типа др.-тюрк. *tilkü-län-* 'льстить, раболепствовать', каз. *тұлкілен-* 'льстить, хитрить', тур. *tilkileş-* 'становиться хитрым', а также распространенное существительное на *-лык* (*-лик*): кирг. *тұлкұлук* 'лисьи повадки; хитрость, пронырливость', уйг. *тулкілік* 'хитрости', тат. *төлкелек* 'хитрость, плутовство, лукавство', узб. *тулкилик* то же; тур. *tilkilik* 'местность, где в изобилии водятся лисицы', а также 'хитрость, лукавство, коварство'. Характерно в указ. плане также отмеченное средневековым письменным источником прил. *tilkülüg* 'лисий, хитрый' (АИ, *65*).

Можно предположить, что в плане диахронии первичным у *дилги* было значение качественного прил. типа 'хитрый, плутоватый' и под., тогда как семантика 'лиса, лисица' являлась вторичной.

В еще большей степени подтверждает нашу версию наличие слов, которые можно считать гомогенными с *дилги...* и которые обозначают хитрость и лукавство. Так, в тур. языке, помимо приведенного *tilkileş-*, имеется глаг. *tülekleş-* 'стать хитрым, лукавым' (ТурРС 1977, *875*), связанный с именем типа азерб. *тұлек* 'пройдоха, хитрец' (АГ, *145*). В азерб. языке отмечены также *тұлу, тұлункұ* 'плут, шельма, пройдоха, стреляный воробей' и *тұлу-башы* 'заядлый жулик, хитрец', в которых, как и в *тұлкұ* 'лиса; притворщик, хитрец, хитрый', четко выделяется глаг. основа **тұл-* 'хитрить, плутовать' и под. Судя по имеющимся данным, она могла иметь и вариант **тил-* (не исключено, что **тил-* < **тұл-* или варьировалось с ним). От указ. основы при помощи аф. *-ки* и могло быть образовано **тұл-ки* (ср. азерб. *тұлункұ*) с первоначальным значением типа 'хитрый', а затем — 'хитрый зверь; лиса, лисица'. См. также: Татаринцев 1988, *21—22*.

В совр. алтаистических исследованиях праформа тюрк. слова дается в вариантах **tülki ~ *tilkü*, что не вызывает возражений, однако этимология подменена подбором алтайских «параллелей» (в частности, тунг.-маньчж. и япон.), оцениваемых как «довольно надежные». *Ср.: Старостин, 70 и СИГТЯЛ, 161.*

дилe- 'искать; просить, умолять'.

Общетюркская основа, употребляемая в основных вариантах *тиле- ~ дилe-*, реже — *тыла-* и других со значениями 'просить, обращаться с просьбой, молить(ся)'; 'желать, хотеть'; 'искать, добиваться, ждать'...

Согласно общему мнению, отраженному и в ЭСТЯ, рассматриваемый глагол образован с помощью аф. *-e-*... от *дил ~ тил* 'язык' (ЭСТЯ III, *231—232*), что не выглядит убедительным. Слова, образованные от такой именной основы, в первую очередь должны были бы служить глаголами речи, типа 'говорить': ср. др.-тюрк. *tildä- ~*

tīlda- 'говорить, доносить', а также *millä-* (в некот. др. языках) 'браниться, ссориться, делать упреки' (РСл. III, *1386—1387*). В ситуации с *тиле- ~ диле-* подобная семантика ('ругать, порицать') отмечена Э.В. Севортяном только у уйг. диал. слова, причем указано, что связь его с другими значениями фактически неясна (ЭСТЯ III, *232*). Пожалуй, только в этом случае и можно проследить прямую связь соответствующей глаг. основы с именной, обозначающей язык.

Из значений, наиболее характерных для *тиле- ~ диле-*, к семантике глагола речи более или менее близки значения типа 'просить', 'умолять', но они достаточно специфичны, и остается непроясненным то, как они могли возникнуть, если исходить из производящей основы *тил...* 'язык'. К тому же, не доказано, что именно подобные значения первичны для рассматриваемого глагола. В ЭСТЯ (III, *232*) дается критическое замечание в адрес Дж. Клосона, который в качестве исходного для *тиле- ~ диле-...* принимает значение 'искать'. Это замечание обосновано, однако Э.В. Севортян, к *сожалению, ограничился утверждением, что связь значений глагола* «в общем ясна», хотя она таковой в реальности не является.

Думается, что исходной является, скорее всего, семантика 'желать, хотеть', тогда как значения 'просить' и 'искать' следует считать производными от нее, исходя из такого общего для этих значений смыслового компонента, как 'действовать, стремясь получить желаемое' (ср.: Татаринцев 1987, *14*).

Кстати, наиболее распространенное производное от *тиле- ~ диле-* — существительное со значением названия действия, образованное с помощью аф. *-к/-г* (точнее, *-к*, *-г*), имеет первичное значение '(по)желание', зафиксированное в большом количестве совр. языков и, что весьма существенно, памятников письменности. В то же время значение 'просьба' фиксируется в основном в совр. тюрк. языках (ср. тув. *дилег* 'просьба; прошение'), но гораздо менее характерно для памятников (ЭСТЯ III, *232*).

Связь производности между именем со значением 'язык' и глаг. основой, означающей 'хотеть', явно не прослеживается.

Можно полагать, что основой, от которой был образован глаг. *диле-...* послужила именная основа **тил*, омонимичная с *тил ~ дил* 'язык' и означавшая *'(сильное) желание'. Эта основа, судя по всему, не сохранилась в самостоятельном употреблении, но можно, кажется, говорить о существовании (в прошлом) соотносительного с ней глаг. **тил-*. О последнем можно судить по алт. *тил-би* 'страсть, увлечение', *тил-би-рке-* 'увлекаться, пристраститься; восторгаться, интересоваться', где *тил-би* — производное от **тил-* 'сильно хотеть (желать)' (ср. *тиле- ~ диле-*), образованное при помощи непродуктивного аф. *-би* (см. **айбы**). См. **диленчи**.

диленчи 1. 'нищий, попрошайка'; 2. 'выпрошенный, поданный (о подаянии)'.

Ср. чаг., вост.-тюрк., хак. диал. *тілäнчі* 'нищий, попрошайка' (РСл. III, *1383*), каз. *тіленши* 'нищий', алт. *тиленчи* 'нищий, попрошайка', тат. *тĕлəнчĕ*, тур. *dilenci* то же. (Ср.: СИГТЯ Л, *354*).

Э.В. Севортян приводил сущ. *диленчи ~ тиленчи...* в качестве примера того, что аф. *-чы* исторически мог создавать производные слова не только от именных, но и от глаг. основ и связывал его с глаг. *дилəн-...* 'просить' (АИ, *83*; ЭСТЯ III, *232–233*). В свою очередь, этот глагол и его соответствия в других тюрк. языках представляют форму возвратного залога от *диле- ~ тиле-* (см. **диле-**), как и тув. *дилен-* 'просить, выпрашивать (для себя); попрошайничать, просить подаяния, нищенствовать; искать у себя, рыться в своих вещах'.

димзен-, чимзен- 'рыскать; шарить; рыться (напр., в земле)'.

Ср. тоф. *дімзен-* 'подбирать остатки пищи на стоянке (о собаке)' (Рассадин. Словарь), хак. *тімзін-* 'бродяжить, скитаться', лоб. *тімсі-* 'нюхать, чуять (о лисице)', каз. *тіміскі* 'проныра; узнающий все, держащий нос по ветру', *тіміскіле-* 'шарить, разыскивать; обнюхивать (о собаке)', ? сиб.-тат. *чимсин-* 'брезговать' (РСл. III, *2161*).

А.Т. Кайдаров в каз. *тіміскі* вычленяет основу **тім* 'нечто, связанное с нюхом, обонянием', что допустимо с точки зрения семантики, но делит указ. слово на элементы *тім* + *іскі*, что представляется неясным. Не оправдано также сопоставление **тім* с **тум* в *тумсык* 'морда, рыло...', поскольку в основе последнего лежит иной семантический признак. Ср.: Кайдаров, *288, 292* и **думчук**.

Думается, исходная основа могла быть связана со звукоподражанием. Ее вариант с заднерядным вокализмом (**тым*) можно видеть в хак. диал. *тым-* 'сопеть, фыркать' (РСл. III, *1342*), як. *тымыр- ~ тыбыыр-* 'фыркать', что соотносится с действием 'принюхиваться, нюхать' и в целом с обонянием, чутьем.

Формы типа **тимси-* (ср. лоб. *тімсі-* 'нюхать; чуять...'), возможно, образованы от именной основы **тим* с помощью аф. *-сы-* (*-си-*). Обычно образования с этим формантом имеют уподобительную семантику. Тув. *димзен-* и его тоф. соответствие могут структурно отличаться от форм с узким гласным второго слога, но не исключено, что в *димзен-* (< **тим-се-н*) компонент *-зе-* (< *-се-*) является фонетическим вариантом *-си-*.

Рассматриваемая глаг. основа сохранилась в основном в форме возвратного залога (с аф. *-н-*).

Каз. *тіміскі* — вероятное производное от **тимис-*, представлявшего собой форму каузатива, а в данном случае, возможно, выражающего значение интенсивности действия ('обнюхать'?).

Вариант тув. *димзен-* в виде *чимзен-*, возможно, — результат перехода **ти- > чи-* в начале слова.

диңзе, чиңзе *уст.* 'шарик' (*знак ранга у чиновников; прикреплялся к головному убору*).

Ср. кирг. *тиңсе* (в эпосе) 'шишечка, шарик на шапке' (у кит. чиновников как знак различия), а также п.-монг. *jingse* 'шарик на шапке, означающий чин и достоинство', монг. *жинс* ист. 'шарик, узел на головном уборе', бур. *дэнзэ* (диал. *дэнсэ*) 'украшение на головном уборе' (см. также: ЯМВМ, *151*). Слово кит. происхождения (< кит. *динь-цзы*), хотя источником (или, возможно, одним из них) его в тувинском был монг. язык: «Монгольские чиновники в зависимости от чина носили на своих шапках различные шарики (*цзинсе*)» (Гребнев, *54*). Наличие тув. вариантов *диңзе и чиңзе*, по-видимому, связано с различными источниками слова.

диңми 'гром, шум'; **диңмире-** 'греметь, грохотать — о громе'; 'гудеть'; **диңмит** 'гул, грохот, сильный шум'.

Основы, связанные со звукоподражанием: ср. кирг. *дүмп* — подражание глухому отрывистому звуку, *дүмп дей түштү* 'бухнуло', *дүмпүлдө-* 'издавать глухие, отрывистые звуки', каз. *дүмпу* 'взрыв', *дүмпілде-* 'производить глухой стук', *дүм* — подражание звуку ударных инструментов, пустотелых предметов, *дүмбір* — звук низкого тембра, издаваемый домброй (Кайдаров, *204*), *діңгір* — низкий звук домбры (Кайдаров, *205*), тоф. *дінгіре-* 'греметь, грохотать (напр., о громе, канонаде)'.

Тув. *диңми*, вероятно, — из звукоподражания ***түмги* или ***тимги* (с переходом *мг* > *мң* и последующей метатезой); глаг. *диңмире-* < ***тиңмир*, подобно тому, как тоф. *діңгіре-*, очевидно, < ***діңгір* (ср. выше каз. *дүмбір и діңгір*). Сущ. *диңмит*, по-видимому, < *диңмире-* (с выпадением конечного гласного и сонанта *р* перед аф. *-т*); ср. алт. *күзүре-* 'греметь, стучать' и *күзүрт* 'гром, стук', *күкүре-* 'греметь (о громе)' и *күкүрт* 'гром' — с сохранением *-р-*, который в тув. в подобных условиях выпадает (ИП, *176*).

диңмире- см. **диңми**.

диңмит см. **диңми**.

дип 'материк, континент'.

Позднее заимствование из монг. языка. Ср. п.-монг. *tib* 'остров, полуостров; часть земли, часть света', монг. *тив* 'континент, материк'. Монгол. слово (через др.-уйг.?) связано своим происхождением с санскритом.

М. Рясянен со ссылкой на К.Г. Менгеса приводит уйг. (др.-уйг?) *dip*, *dib* 'континент' наряду с тув. *дип* как непосредственно восходящие к скр. *dvipa* (EW, *138*), что неправомерно по отношению к тув. слову. См. также **чамбы-дип**.

дирге- [иъ] 'собирать, объединять в очень большом количестве, в грозную силу (напр., войско)'; **даргел-** [иъ] 'заволакиваться (о небе); прибывать, приливать в большом количестве (о воде); нависать, собираться (о чем-л. грозном — о туче, опасности и др.)'.

Э.В. Севортян в своем труде приводит производный глаг. с аф. *-га-*, возможный как от имени *дер ~ тер* ('сбор, собирание'?), так и от глаг. *дер- ~ тер-* 'собирать...' в качестве его интенсивной формы, приводя такие примеры, как средневековое тюрк. *дер-ге-*, алт. диал. *терге-*, тат. диал. *тиргэ-*... 'собирать' (ЭСТЯ III, *205*; см. также **дерги, дери-**). Тув. данные в этом ряду отсутствуют, хотя они явно должны быть в него введены.

Судя по семантике *дирге-* и его залоговой формы *диргел-*, это производное от глаг. *дер- ~ тер-* в значении интенсива, а исходя из фарингализованного качества гласного *и*, можно прийти к заключению о том, что начальный согласный аффикса в прошлом должен быть сильным. Таким образом, *дирге-* < **тир-ке-*.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в отличие, напр., от тув. *дери-* 'снаряжать (собирать) в путь...', в *дирге-* налицо узкий гласный первого слога. Возможно, это связано с варьированием *-е- ~ -и-* в глаг. основе *дер- ~ тер-* и с широким распространением варианта с узким гласным в совр. тюрк. языках и в письменных памятниках (см. ЭСТЯ III, *204*), а также с тем, что *дери-*... и *дирге-* имели, возможно, разные источники в тув. языке.

диргел- см. **дирге-**.

диргис- 'оживлять; воскрешать'; **дириг** 'живой'; **дирил-** 'оживляться, воскресать'.

Как общетюрк. явление, распространена именная основа типа *дири ~ тири ~ дирик ~ дириг*... 'живой' и под., которую Э.В. Севортян возводил к глаг. *тир-*... Историческая реальность последнего подтверждается др.-тюрк. *tir-* 'проживать, жить' и некот. др. (ЭСТЯ III, *240—241*). Реальна, по-видимому, и соотносительная с *тир-*... именная основа, см.: кирг. *тир, тир-байлооч* 'приманка, привязанная к сети при ловле ловчих птиц' (при *байлооч* с той же семантикой).

Тув. *диргис-* и *дирил-* — залоговые формы основы *тир-*...: первая — каузатив (ср. тат. *тир-гис-* 'оживлять, воскрешать; исцелять...'); вторая — форма медиопассива (*дир-ил-*).

дирен- 'эректировать (о мужском половом органе)'.

Ср. общетюрк. *ди:ре- ~ дире- ~ тире- ~ тирке*... 'подпирать, опираться; ставить (стоймя)' и под., у которого отмечены и односложные варианты типа тур. *tir-* 'подпирать'. В свою очередь, *ди:ре-*... истолковывается как производное от заимствованного из перс. *tīr* 'стрела, бревно, балка', 'жердь' и т.д. (ЭСТЯ III, *237—239*), хотя эта версия, на наш взгляд, небезупречна.

Вызывает сомнение, в частности, сам факт древнего заимствования указ. слова из персидского: оно как явное иноязычное (и, очевидно, позднее) отмечено, по-видимому, только в азерб., узб. и тур. (ЭСТЯ III, *238*) и отсутствует в памятниках, где зафиксированы глаг. основы, считающиеся производными от указ. заимство-

вания, а также имена, производные от данных основ (см.: ДТС, *561—562*; ЭСТЯ III, *239*). Фактически, как свидетельствуют др.-тюрк. данные, мы имеем дело с основами, в плане словообразовательной активности не уступающими исконным.

Совр. тюрк. основа *du:pe-* и ее соответствия характеризуются развитой многозначностью, как и производное от них имя, что также более характерно для лексики исконной, чем для той, которая связана с иноязычным проникновением.

Наконец, как отмечалось выше, у предполагаемой производящей именной основы (< перс. *tīr*?) имеется глаг. коррелят *тыр-* (тур. *tır-*) ~ *тир-* (последнее предполагается для сал. *tir-i* 'столб; косяк, колонна'. «Этот пример позволяет думать, что глаг. *тир-* ~ *тыр-* был распространен шире, чем в одних лишь турецких диалектах» (ЭСТЯ III, *238*) и что, возможно, он отмечается не только на совр. материале: ср. др.-тюрк. *tir-gük* 'опора' (ДТС, *562*), которое, по Габэн, существует в двух вариантах: *tirä-gük* ~ *tir-gük* 'опорная балка, столб' (ЭСТЯ III, *239*).

Вероятно, с *тир-*... связаны и образования типа тур. *diren* ~ *dirgen* 'большие деревянные вилы', чаг., тур. *дирим* 'деревянная решетка юрты (кереге)' (РСл. III, *1763*), кбалк. *ёре тирик* 'сухостой' (дерево, высохшее на корню) (при *ёре* 'высокий').

По мнению Э.В. Севортяна, глаг. *тир-* ~ *тыр-* вторичен по отношению к своему именному корреляту — заимствованию (ЭСТЯ III, *238*), что нами ощущается как недоказанное положение. Возможно, ранее существовала тюрк. глаг.-именная пара **тир-* 'подпирать' и **тир* 'опора' (?), именной компонент которой в чистом виде по имеющимся материалам не прослеживается, но, возможно, подобно **тир-* (*и тире-*...) имеет тюрк. происхождение.

Перс. *tīr* в качестве исходной основы рассматриваемых слов едва ли может быть принято и по семантическим основаниям. Судя по версии его происхождения, приводимой в ЭСТЯ (III, *239*), наиболее древним значением слова является 'стрела', а восходит оно, вероятно, к прилагательному со значением 'с острым концом, острый'[1]. Э.В. Севортян отмечал, что «в среднеперсидском (из которого, как он полагал, и было заимствовано слово. — *Б. Т.*) перечисленные выше значения современного персидского *tīr*, кажется, не отмечены» (ЭСТЯ III, *239*).

Речь определенно идет о значениях типа 'бревно, балка', 'мачта', 'ствол' и под., т.е. об «опорной» семантике, которая, вероятно, возникла у перс. *tīr* как вторичная и сравнительно поздно под тюрк. влиянием, в результате контаминации с тюрк. *дирек* ~ *тирек*... 'подпор(к)а, опора, столб, колонна, мачта'. Это тем более вероятно,

[1] Ср. уйг. диал. *диз* 'острый' (заимствование из иранских языков) в кн.: Садвакасов 1970, *238*.

что «*дирек* вошло в перс. язык в значении 'мачта'» и под. (ЭСТЯ III, *239—240*).

Тув. *дирен-* — медиальная форма указ. основы, имеющая в тюрк. языках значения 'противиться, сопротивляться', 'упираться, упрямиться'; 'стоять' (ср. азерб. *дыра-н-*) и под. (см.: ЭСТЯ III, *240*). Тув. *дирен-* не имеет основной формы, специфично по семантике и, возможно, заимствовано в указ. форме и значении из какого-л. тюркоязычного источника.

дириг см. **диргис-**.

дирил- см. **диргис-**.

дис- 'нанизывать'.

Общетюрк. глаг. основа; наиболее распространены варианты с конечным *-з* (*тиз- ~ диз-*). Для глагола характерна семантика двух основных типов: 'нанизывать...' и 'выстраивать в ряд(ы), ставить в ряд' (ЭСТЯ III, *218—219*). По мнению Э.В. Севортяна, «вопрос об исторической последовательности значений 'нанизывать...' и 'ставить в ряд...' остается пока открытым, так как оба они прямо или через производные формы глагола *тиз-* документируются в ранних текстах» (ЭСТЯ III, *219*). Возможно, что такой последовательности не существует вообще, а оба типа значений могли возникнуть более или менее одновременно из общего мотивирующего признака 'размещать что-л. в определенном порядке (друг за другом)'.

Считается, что «глагол *диз* 'нанизывать' частично смешался или сросся с глаголом *дуз-* 'приводить в порядок'...» (ЭСТЯ III, *219, 311—312*), но не следует исключать существования вариантов общей глаг. основы.

дис 'колено' (реализуется в составе сочетаний типа *дис кырынга олур-* 'опускаться на колени; сидеть, опустившись на колени'); *тодж.* 'невысокая гора с пологими склонами, сплошь покрытая лесом'. Общетюрк.; наиболее распространенные варианты — *диз ~ тиз...*; ср. также турк. *ды:з, дыйз*, где заднерядный гласный «не имеет параллелей в других языках, и заключения на этот счет затруднительны» (ЭСТЯ III, *336—337*). Слово употребляется в основном как название колен(а); другие значения редки. У др.-тюрк. *tiz* зафиксирована (правда, со знаком вопроса) семантика 'возвышение, гора' (ДТС, *564*). Тув.-тодж. *дис* в качестве местного географического термина может служить подтверждением реальности такого толкования слова (см.: Татаринцев 1977, *22*).

Следует также отметить, что в ряде тюрк. языков название колена имеет двухсложную (изредка трехсложную) форму, существующую в ряде словообразовательных и фонетических вариантов, среди которых наиболее частотным является *тизе ~ дизе*, отразившийся в тув. **дизээле-** (см.).

Другие варианты — *дизге*, *тизек*, *тизенек* и под. К ним же принадлежит и обычное название колена в тув. языке — *дискек*, имеющее соответствие в тоф. (*тіскек* 'колено').

Этимология *диз ~ тиз...* неясна. Связи односложных и двухсложных форм также нуждаются в разъяснении. По Э.В. Севортяну, они «могут разъясняться как образования от производящей основы **тиз* (очевидно, именной. — *Б. Т.*) с помощью аф. *-а, -ак, -ка, -как...*», видимо, потому что «прямых или косвенных указаний на реальность глагола **тиз-* в привлеченных материалах не имеется» (ЭСТЯ III, *337*). Но ни семантика указ. именной и глаг. основ, ни значения аффиксов не приводятся. По мнению А.В. Дыбо, тув. *дискек* 'колено' < **tuiz-* 'колено' + *-gak* — аф. диминутива (Дыбо, *167*), что не выглядит достаточно убедительно.

Высказывается и иное мнение о структуре «распространенных» тюрк. форм названия колена, истолковывающее их как отглаг. образования. В частности, говорится о формах типа *тизе ~ дизе* и тув. *дискек* (см.: Кажибеков, *238*; Кайдаров, *292*), хотя при этом исходный глагол остается непроясненным и описывается как **tiz-* — глаг. корень в составе *тізе*, *tiskek* (*diskek. — Б. Т.*) (Кажибеков, *256*).

Не вносят ясности в исходную семантику и структуру одно- и двухсложных форм тюрк. названия колена и алтаистические сближения. Так, согласно одному из них, пратюрк. слово представлено в виде **Tujz-ke* (Дыбо, *6*), причем не ясно, как последнее связано с вышеприведенным **tuiz*, к которому возведено тув. *дискек*[1].

С помощью всех названных Э.В. Севортяном аффиксов могут быть образованы отглаг. имена, в т.ч. и с помощью *-как* (*-кек*), а в рассматриваемой ситуации отглаг. образования более вероятны, нежели отыменные. Последние в таком случае могут быть в основном только аффиксами диминутива, но, судя по имеющимся языковым данным, это обстоятельство никак не отразилось на семантике форм *дизе*, *дискек* и под., и они в данном случае практически не отличимы от *диз ~ тиз...*

Первоначальная семантика тюрк. названия колена, возможно, отражена в производных от него глаголах, напр. *тиз-ле- ~ диз-ле-...*

---

[1] Следует отметить, что и среди алтаистов нет единства в представлениях о праформе тюрк. *тиз ~ диз...* и в подходах к ее реконструкции. Большинство из них, основываясь на сближении тюрк. слова с материалом монгол. и тунг.-маньчж. языков (в основном одним и тем же), восстанавливает эту праформу тем не менее по-разному: кроме указ. **Tuiz-ke*, ср. также **tīr* (EW, *482*) и **d(ī)z* (О.А. Мудрак; см.: Вопросы чувашской фонетики и морфологии. — Чебоксары, 1986. — С. 20).

Есть и мнение, согласно которому сближение тюрк. *диз ~ тиз* с указ. материалом не оправдано, в частности, его «сравнение с монг. *türei* 'голенище' неприемлемо фонетически». В этом случае тюрк. слово сближается с кор. **tàri* 'нога', а его исходная форма реконструируется как *dīr* (Старостин, *282*). В связи с этим см. **дирен-**.

'подминать, давить коленом, упасть на колени, толкать коленями' (ЭСТЯ III, *337*); а также тув. *дискектен-* 'сидеть, опустившись на колено (колени)', кирг. *тизеле-* 'стоять на коленях; давить, придавливать коленом что-л.', каз. *тізер-ле-* (где **тизер*, по-видимому, еще один морфологический вариант тюрк. названия колена) 'стоять на коленях; давить коленом' (ср.: Кайдаров, *292*; КазРС, *347*); ср. турк. *ды:зарла-* 'спутывать, связывать (согнутые ноги сидящего верблюда, чтобы он не мог встать)'.

В этих производных, в сущности, реализуется семантика типа 'опираться (коленями, на колени); упираться коленями, придавливая ими кого-л. (что-л.)'. Возможно, *тиз ~ диз...* и соотносительная с ним глаг. основа **тиз- ~ *диз-* гомогенны с тюрк. **тир* 'опора' (?) ~ *тир-* 'подпирать', где глаг. основы семантически идентичны друг другу и представляют собой формы каузатива (интенсива) от глаг. основы **ти-*. Именные компоненты приведенных глаг.-именных пар (*тиз...* и **тир*) были результатом конверсии глаг. основ в именные или образования последних от **ти-* 'подпираться, упираться, опираться' с помощью имяобразующих аф. *-з* и *-р*.

Возможно, именем, производным от **ти-*, является чаг. *тиг* 'основание, почва' (РСл. III, *1352*), а формой интенсива или побудительного залога — глаг. основа типа тат. *тёк-* 'упирать что-л. во что-л.; устремлять взор'.

Допустимо также существование в прошлом формы каузатива на *-из-* (*-ис-*) и от *тир-* 'подпирать', которая, по всей вероятности, реализуется в другом тюрк. названии части тела, структурно и семантически близком, в частности тув. *дискек* : ср. др.-уйг. *tirsäk* 'локоть', ср.-уйг. *tirsgek* 'какая-л. из костей предплечья' (по другим данным, 'локтевой сгиб'), соответствия которых означают в большинстве своем 'локоть', иногда — 'колено', 'коленная кость задней ноги скота' (бараб. *тёрёскэк*) и под. (см. Дыбо, *165*).

В большинстве случаев слово отмечено в форме типа **тирсек* (без *-к-* после *-с-*). Соотношение *tirsgek* и **тирсек* напоминает случай с *дискек* (тоф. *тіскек*) и **тизек* (ср. хак. *тізек*), где также имеются глаголообразующие аф. *-как* и *-ак*.

А.В. Дыбо в *tirsgek* первоначально была склонна выделить уменьшительный аф. *-gek* и некую основу **tirs*, но отказывается от этого варианта, предполагая в дальнейшем сближение тюрк. *tirs(γ)äk* 'локоть животного' (?) с тунг. **t'iža-ki* 'мышцы предплечья, голени' и реконструируя праалт. форму **t'irsaki* 'локоть, голень' (Там же, *169, 311, 337*). Но подобное сближение и реконструирование не являются адекватной заменой этимологии тюрк. слова.

По мнению О.А. Мудрака, тув. *дискек* возникло в результате контаминации тюрк. названий колена (очевидно, *тиз ~ диз* и др.) и локтя (**tirs(γ)ek*) (Вопросы чувашской фонетики и морфологии. —

Чебоксары, 1986. — С. 20), с чем, учитывая ранее сказанное, едва ли можно согласиться.

См. **дискек I, II.**

дискек I 'колено'.

См. **дис.**

дискек II 'ячмень' (*болезнь глаз*).

Ср. тоф. *тіскек* I, II то же, др.-тюрк. (МК) *tersgäk* 'ячмень, прыщ на веке', а также каз., ног., ккалп. *тепіскен*, бараб. *тіріскек* то же. Этот и подобный материал приводится М. Рясяненом в одной статье с *tärs* 'обратный, противный', что имеет под собой основание (EW, *476*). А.В. Дыбо считает, что «название ячменя на глазу в тюрк. языках образуется от основы *ters* 'дурной, неправильный, вредный' с помощью аф. *-kan*, *-kak*, *-ik*» (Дыбо, *166*), семантика которых не указывается (см. также **дерзиг**).

В других тюрк. языках болезнь (ячмень) обозначается так же, как и локоть или близкие к нему по характеру части тела. Ср. др.-тюрк. (МК) *tirsgek* 'локоть' и *tirsgek* 'ячмень на глазу' (ED, *553*; см. также МК И, *271*), хак. *тірсек* I 'ячмень' и *тирсек* II 'колено задней ноги животного', кирг. *тирсек* 'адамово сухожилие; ячмень'.

Нечто подобное наблюдается и в монгол. языках, где одинаковыми словами обозначаются колено и ячмень, названия которых (по Дыбо) имеют разную этимологию (Дыбо, *166*). Кроме того, она считает, что «под влиянием монгольской омонимии в ряде тюрк. языков возникает контаминация рефлексов форм **ters-ken*, **ters-ik* 'ячмень на глазу' с созвучными формами со значением 'колено'», куда относятся тув. *дискек* 'колено' = *дискек* 'ячмень' и случаи, подобные приводимым выше (Дыбо, *167*).

Монгол. влияние в подобных случаях не исключено, хотя допустимо и обратное воздействие тюрк. языков на монгол., но здесь, скорее, воспроизводится не омонимия, а многозначность: ячмень (болезнь) мог быть уподоблен колену или локтю (как нечто выступающее, выпирающее над поверхностью).

То, что на ячмень реально перенесено наименование локтя или подобной части тела, показывают тюрк. наименования указ. болезни типа тур. *itdirsegi*, туркм. *ittирсек* и под., переводимые букв. как 'собачий локоть' (более точно — 'колено задней ноги собаки'). Такие наименования А.В. Дыбо объясняет тем, что «отсутствие непосредственного воздействия монг. омонимии приводит носителей языка к потребности в увеличении "объяснительной силы" наименования ячменя на глазу: оно превращается в **it + *tirsek*, т.е. "собачий локоть"...» (Дыбо, *167*).

Вероятно, отсутствие монгол. влияния в данных случаях не имеет большого значения: в тюрк. языках многое неприятное, дурное ассоциируется с собакой.

Тув. *дискек* 'ячмень' (как и тоф. *тіскек*) определенно связано с *дискек* 'колено', но наличие здесь семантического монгол. влияния трудно однозначно доказать. Не исключено, что *дискек* как название болезни могло быть связано с формой типа др.-тюрк. *tirsgek* 'ячмень' (*с закономерным выпадением сонанта в сочетании -rsg-*).

диттик- см. **дидим**.

диш 'зуб; зубец'.

Общетюркское; варианты — *ди:ш ~ диш ~ тиш...*; отмечен (в частности, в памятниках) и заднерядный вариант *тыш*. Кроме 'зуб(ы)', фиксируются значения 'зубец, зубчик; крючок, лемех, вилка; резкие, острые выступы в горах'.

Удовлетворительной тюрк. этимологии слово не имеет. Отмечено также, что оно не имеет и надежной алтайской этимологии (О.А. Мудрак). Архетип *диш...* восстанавливается по-разному, хотя во всех его формах имеется «первичная» долгота: ср. **ти:ш* (М. Рясянен), **тīш* (Щербак). Э.В. Севортян считал, что «можно говорить об архетипе **ти:ш* и его древнедиалектной параллели **ты:ш*» (ЭСТЯ III, *243*). Ср. также **d(ī)š* (по Мудраку, см.: Вопросы чувашской фонетики и морфологии. — Чебоксары, 1986. — С. 22), **dīl'* (Старостин, *175*), **di:š* (СИГТЯ Л, *228*).

Думается, что в этимологизации *диш...* возможно с большей долей уверенности исходить из переднерядного варианта этого слова, которое целесообразно сопоставить с глаг. основой *дик- ~ тик-* 'втыкать, вбивать, вкапывать, ставить прямо', а также 'прокалывать, колоть, вонзать' и под. (встречается и заднерядный вариант этой основы) (ЭСТЯ III, *226—227*; см. также **тык-**).

Конечный *-к-*, вероятно, являлся аффиксом интенсива или каузатива основы **ти-* 'втыкать(ся), 'колоть(ся)'. У глаг. *дик- ~ тик-* есть и именной коррелят *дик ~ тик* 'прямой; отвесный; вертикальный; бугор, возвышенность' с вариантом (морфологическим?) **тиң* 'прямой' и т.д. (ЭСТЯ III, *224—225*).

Название зуба образовалось от основы **ти-* с помощью аф. *-ш*. «Первичная» долгота в названии зуба, возможно, носит позиционно-комбинаторный характер. В плане смысловой мотивации *диш...* — это наименование материального объекта, который как бы установлен, закреплен (в десне) и прокалывает что-л., вонзается во что-л.

Мотивация рассматриваемого слова близка той, которая была уже отмечена для тюрк. названия клыка (см. **азыг I**).

дишилик см. **дижи I**.

довук *[оъ]* 'коленная чашечка'.

Ср. тоф. *тобъук* то же, а также др.-тюрк. *tobīq ~ topīq* 'лодыжка', тур. *topuk* 'пятка, лодыжка', турк. *топук* 'лодыжка, щиколотка', тат. *тубык*, каз. *тобык*, кирг. *томук* 'коленная чашечка; бабка (кость)',

алт. *томук*, хак. *томых* то же и под. См.: Рассадин. Фонетика, *234*; EW, *489*; ED, *437—438*.

М. Рясянен и Дж. Клосон производят это слово от тюрк. **top* 'шарик, мяч; нечто круглое', у которого отмечен ряд соответствий в тюрк. языках. Ср. также точку зрения А.Т. Кайдарова, выделяющего в каз. *тобык* и некоторых других словах корневой элемент **топ*, по значению тождественный **том* 'нечто округлое, тупое, выступающее овальным концом', который содержится в каз. *томар* 'чурбан, толстое полено' (Кайдаров, *286*).

Эта версия представляется нам достаточно обоснованной, тем более что встречаются примеры слов, обозначающих как признак округлости, так и соответствующую часть тела: ср., в частности, тур. *topak* 'круглый, округлый, округленный; лодыжка; кругляш теста'.

Тув. *довук* [доъвук], как и тоф. *тоъпук*, закономерно возводимо к **топук* или **топык*. В части их соответствий представлен интервокальный *м*, который в ряде случаев есть результат закономерного перехода *п* > *б* > *м*. Но наряду с основой *топ* существует и *том*, имеющая, по-видимому, вполне самостоятельный статус и не являющаяся вторичным вариантом первой: см. уйг. диал. *tom* 'круглый' (Тенишев. УДС, *168*; а также см.: ЭСТЯ III, *262*). В тюрк. языках соседствуют образования от **топ* и **том*.

Возможно, некоторые соответствия *довук*... имеют исконный *-м-*, что допустимо в случаях с кирг. *томук* при наличии глаг. *томуй-* 'вздуться (напр., о шишке на лбу, на голове от удара)' или хак. *томых* 'коленная чашечка' с учетом *том* 'металлический шар на конце боевой нагайки' и под. (см.: ХРИЭС, *148*).

Структурно *довук* и его соответствия не вполне прояснены. Факт связи с *топ* или иногда с *том* едва ли может быть убедительно оспорен (несмотря на отдельные попытки в этом направлении, о которых см. ниже), но едва ли эта связь является прямой, непосредственной. Во всяком случае, *довук*... определенно не относится к отыменным и, в частности, диминутивным образованиям. Уменьшительной семантики в подобных словах не прослеживается: ср., напр., др.-тюрк. *top* 'мяч, шар' и *topïq* то же (ДТС, *575*). Кроме того, для уменьшительного аффикса характерна в основном широкая огласовка (*-ак*), (см.: АИ, *166—168*), а в нашем случае, напротив, употребительна только (если не считать отдельных исключений) узкая: *-ык*(*-ук*).

Можно полагать, что наряду с именными *топ*, *том* существовали и соотносительные с ними глаг. основы **топ-* и **том-*, о чем может свидетельствовать структура трехсложных имен и глаголов типа тур. *topalak* 'круглый, шарообразный; клубок ниток' (< *top-ala-k*), турк. *топалак* бот. 'сыть круглая' (< *топ-ала-к*), кирг. *томоло-* 'катиться' (< *том-оло-*), каз. *домала-* то же и др.

По мнению Э.В. Севортяна, глаголы, подобные *домала-*, образовались от именной основы **дом ~ том* с помощью аф. учащательности *-ала-* (ЭСТЯ III, *262*), что не вполне логично, поскольку этот формант должен присоединяться к глаг. основам (см.: АГ, *346—348*). Севортян приводит к **дом ~ том* «коррелятивный глагол» в виде тур. *tüm-* 'пухнуть, надуваться, принимать выпуклый вид'.

Скорее всего, имелись и основы **том-*, а также **топ-* с подобной же семантикой, от которых (чаще от последней), возможно, и было образовано рассматриваемое название части тела, первоначально обозначавшее, скорее всего, признак ('круглый' и под.).

О существовании таких глаг. основ могут свидетельствовать турк. *томмак* 'округлый конец палки', *томмык* 'кочка, бугор', кирг. *томо* 'комель рога'; ср. также турк. *топаз* 'альчик крупного рогатого скота', каз. *топай* 'бабка (лошади)'.

Указ. глаг. и соотносительная с ней именная основы по своему происхождению могут быть образными, о чем свидетельствует приводимая выше кирг. основа *томуй-*, производным от которой, возможно, является кирг. *томук* 'коленная чашечка...'. Вероятно также существование варианта данной основы — **топуй-* и производного от нее типа **топук*. Ср. также каз. *томпай-* 'выступать (об опухоли); вздуваться, выпирать (напр., о животе)' и *томпак* 'выпуклый'.

В настоящее время сложно дать однозначный ответ на вопрос, от какой глаг. основы (одно- или двухсложной) образовано рассматриваемое слово.

С.А. Старостин считает маловероятной связь тюрк. *топук...* с **top* 'шарик, нечто круглое' «ввиду внешних данных», под которыми подразумеваются данные алт. языков, включающие, в частности, тюрк. **topīk* 'коленная чашечка', монгол. **tuγal-čik*, тунг. **top(V)g*, япон. **tu(m)pusi* с подобной же семантикой (Старостин, *192, 279*).

Алт. сближение подобного же типа, но с иным материалом фигурирует и в работах А.В. Дыбо, где тюрк. **topu-k* рассматривается в одном ряду с монгол. **tojig* (< **toβig*) и тунг. **tof-gi-* 'коленная чашечка' (Дыбо, *6*; СИГТЯ Л, *286*), что именуется «традиционным алтайским сопоставлением» (ср.: Владимирцов. Ср. грамматика, *271*).

Природа подобных сходств может быть различной. Отчасти они могут являться результатом заимствования, напр., монгол. **toβig* или (по Владимирцову) **towīγ* из тюрк. языков (в форме **топык* или под.). Тунг. (пратунг.-маньчж.) **tof-gi* реально связано главным образом с маньчж. *тоб'га* 'колено; коленная чашечка', которое занимает обособленное положение среди других тунг.-маньчж. языков, где соответствующие реалии имеют иное наименование (см.: ОСЛАЯ, *331*; Дыбо, *292—293, 295*). Не является ли и *тоб'га* заимствованием (в этом случае — из монгол. языков)?

Кроме того, по своей природе исходные основы вышеприведенных названий частей тела могли иметь образный характер не только в тюрк., но и в других алт. языках, вследствие чего реально самостоятельное возникновение в языковых семьях или отдельных языках, относимых к алт., сходных производных от подобных основ.

В целом же подобные «внешние данные» разнородны, малодоказательны и не являются основой для альтернативной этимологии рассмотренного выше тюрк. слова.

См. **довурзак, доцуржак**.

довура- [оъ] 'становиться мутным, мутнеть, загрязняться (о воде); пачкаться землей; пылиться, запыляться'; **довурак** [оъ] 'земля (поверхностный слой); пыль, грязь; пыльца'.

Ср. тоф. *тоъпрак* 'почва, земля; пыль, прах; муть, глина; зола на пепелище', др.-тюрк. *topra-* 'сохнуть, высыхать (о траве)'; *toprаš-* 'покрываться пылью; превращаться в пыль', *topraq* 'земля; пыль, прах', *topuryan* 'бесплодная глинистая местность, покрытая пылью' (ДТС, *575—576*), а также соответствия типа *топрак ~ топырак...* 'земля; прах' и под. в ряде тюрк. языков и близких к ним по форме и семантике — в монгол. (Рассадин. Фонетика, *234*; Ахметьянов. ОЛМК, *40—41*), которые, очевидно, тюркизмы.

По мнению М. Рясянена, тув. *довурак* — слово, монгол. по происхождению и восходящее к форме **towuray* 'пыль' (EW, *489*), что не может быть принято по фонетическим основаниям (фарингализация гласного, указывающая на исходную форму типа **топрак*), а также вследствие наличия в тув. языке производящей глаг. основы слова (*довура-*), отсутствующей в монгол. Ср. также як. диал. *тобурат-* 'сушить до предела' (ДСЯС, *187*), башк. диал. *тупран-* 'загрязняться, запылиться'.

Этимология тюрк. *топрак...* не вполне ясна и в части источников практически отсутствует (EW, *489*; АЭ, *157—158*) или выглядит неубедительной (Ахметьянов. ОЛМК, *41*).

Правильно отмечено, что тюрк. **topra-k* — производное от **topra-* 'превращаться в пыль, высыхать' (см.: Старостин, *177*), но это только начальный пункт анализа структуры слова.

А.Т. Кайдаров закономерно сблизил каз. *топырак* 'земля, почва; пыль (от почвы)' и *топан* 'мякина', которые он связал с основой **топ* 'нечто мелкое, измельченное', но оставил открытым вопрос о структуре этих слов (Кайдаров, *286*).

Каз. *топан* имеет соответствия в памятниках и совр. тюрк. языках: ср. др.-тюрк. *topun*, уйг. *топан*, кирг. *топон* 'мякина, полова', шор. *тобан* 'пыль; хлебная труха', хак. *тобаң ~ тобың* 'сенная труха, отруби, мякина, шелуха'. Практически в тех же значениях, что и *довурак*, отмечены и его редкие соответствия типа уйг. *топа* 'зем-

ля, прах, пыль', кирг. *топо* 'почва, пыль; земля из могилы' и *топур* 'глина, земля; почва'.

Судя по наличию производных основ типа *топа*, существовала глаг. основа **топ-* 'засыхать, мертветь; превращаться в пыль, прах'; имелась и соответствующая ей именная **топ* 'сухой; пыль, земля' (возможно, ее отражением является кирг. *топ* 'выжимки, оставшиеся в цедилке при процеживании бузы'), от которой образовался глаг. **топ-ра-* (*тор-ра-*) с указ. семантикой (откуда, в частности, **топ-(у)ра-* > тув. *довура-*), а от него — *топра-к* и его соответствия.

Глаг.-именная пара **топ-* и **топ* напоминает зафиксированные в памятниках лексемы *тоγ-* 'подниматься (о пыли)'и *тоγ* 'пыль', *тоz-* 'подниматься (о пыли, запахе и т.п.)' и *тоz* 'пыль, прах' (ДТС, *570, 578, 579*).

Может быть, основы, входящие в эти пары, гомогенны? Ср.: Ахметьянов. ОЛМК, *41*; а также **дой II, доозун, тогла-**.

довурак см. **довура-**.

довуржак [бөрт] см. **довурзак**.

довурзак, догурзак 'круглая маленькая шапочка; тюбетейка'.

Раньше тувинцы использовали «тюбетейкообразный головной убор *товурзак* (*довурзак...*)», изготавливаемый из шкур (Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. — М., 1991. — С. 168, 171).

Его название имеет монгол. происхождение. Ср. п.-монг. *тоγурčаγ* 'волосы, собранные чубом; цветочная чашечка, шишка елового дерева; шапка конусообразной формы', монг. *тӧрцог* 'шапка-торцык, конусообразной формы и с шишечкой наверху' (ср. совр. монг. *тоорцог* 'ермолка; цветочная чашечка'). Праформой монгол. слова считается **тоwурčаγ* (Владимирцов. Ср. грамматика, *210—211*).

Тув. *довурзак* ближе к ойр. форме, представление о которой дает калм. *товрцг* 'желудь; шишка'. Возможно, в ойр. говорах Западной Монголии встречалось ее соответствие, обозначающее, в частности, головной убор.

В тув. территориальных говорах встречаются и такие варианты его названия, как *довуржак* [*бөрт*], *догурзак* и *доорзак*. Последний из них может восходить как к монг. *тоорцог*, так и к тув. *довурзак* или *догурзак*. Вариант *догурзак* связан с монгол. формой слова, промежуточной между п.-монг. *тоγурčаγ* и монг. *тоорцог*, сохраняющей звуковой комплекс с интервокальным *-г-* (*-γ-*), но претерпевшей переход *ч* > *ц*. Тув. *довуржак* [*бөрт*] (*бөрт* 'шапка') — по-видимому, самый старый из вариантов слова (ср. монгол. **тоwурčаγ*, приводимый выше).

В свою очередь, монгол. слово (или слова) имеют тюрк. параллели, из числа которых Б.Я. Владимирцов приводил тур. *tomrujag* 'бутончик на дереве; глазок на виноградной лозе', куман. (полов.) *topurčaq*

'круглый', бараб. *тобуржук* 'еловая шишка'. Ср. также тур. *tomurcuk* 'почка, глазок; бугорок'. Эти образования, очевидно, представляют собой форму диминутива на *-чак ~ -чык* от имен, связанных с основами **топ* и *том*, обозначающими нечто круглое, либо с глаголами, соотносительными с последними (см. **довук**).

По-видимому, монгол. слова имеют тюрк. происхождение. См. также **допуржак**.

догаара- [оъ] 'отлынивать; терять желание что-л. делать'.

Близких соответствий не выявлено. Тув. *догаара-*, по-видимому, связано (как с производящей основой) с **догаа*, компонентом прил. *тодуг-догаа* 'зажиточный, богатый, обеспеченный' (при *тодуг* 'сытый'; см. **тодут-догаа**). Первоначальным значением *догаара-* в таком случае было 'быть довольным; быть обеспеченным'. Ср. также **догунна-**.

Возможен и другой вариант этимологии слова; ср., напр., каз. *токыра-* 'находиться в состоянии регресса, застоя'. См. **доктаа-**.

догааш- 'быть подходящим, подходить, соответствовать'; **догааш** 'ничья, ничейный результат (в национальной борьбе)'; **догаашкак** 1. 'тождественный, равноценный'; 2. 'вничью'; **догааштыр-** 'говорить наугад, высказывать предположение; загадывать загадку взамен той, что не сумел разгадать; задавать встречный вопрос взамен того, на который не сумел ответить; говорить не прямо, а обиняками, намеками'.

Непосредственные соответствия неизвестны. Возможна связь *догааш-...* со словами, обозначающими сближение, столкновение, соединение друг с другом материальных объектов и т.п. (откуда в дальнейшем — близость, одинаковость результата, равенство, тождество и под.). Ср. кирг. *тогол ~ тогоол* 'сближение, столкновение', образованные от глаг. **того-* (~ **тогоо-*?) в таком примере, как кирг. *ай тогоду* 'луна сблизилась с Плеядами' (одна из фаз луны) (КРС, *740*), а также хак., шор. *тога-* 'натолкнуться на кого-л.; встретиться' (РСл. III, *1158*). Семантика 'встретиться' в основном передается формой совместного залога от указ. глагола, см.: шор., чул.-тюрк. *тогаш-*, хак. *тогас-* с данным значением, а также каз. *тогыс-* 'сходиться в одном месте, встречаться; скрещиваться'.

Очевидно, с этой формой связаны и имена типа шор. *тогаш* 'случай', як. *тогоос* 'подходящий, удобный случай'; ср. также диал. шор. и хак. *тугааш-* 'случаться' и *тугааш* 'случай' (Вербицкий, *371*) и подобную же алт. диал. глаг.-именную пару (РСл. III, *1431*).

Тога- может быть производным от именной основы **ток*, по своей семантике сходной с общетюрк. *деӈ ~ теӈ* 'равный, равно; ничья; пара; удобное время' и др. (ЭСТЯ III, *192*; см. также **деӈ** I). Возможно, *ток* гомогенно с с.-югур. *ток* (*тук*) в составе *ток* (*тук*) *пол-*

'встретиться, случиться', чаг. *ток* 'место; части целого' и *ток-* 'составлять, соединять', (РСл. III, *1144*, *1145*); ср. также каз. диал. *токанак* 'связка табака'.

Тув. *догааш* 'ничья' по структуре напоминает тоф. *дэңнэш* 'ничья', соотносительное с *дэңнэш-* 'сравнивать, меряться силами', которое связано с *дэң* 'равный, одинаковый' (ТРС-РТС, *23*, *191*), являющимся одним из соответствий указ. общетюрк. *деӊ ~ теӊ*. *Догааш* имеет свое глаг. соответствие *догааш-*. Лексическое значение этих основ близко, но не тождественно. Смысловые различия здесь могли возникнуть как следствие специализации значения имени, ставшего одним из терминов тув. национальной борьбы, но по своему происхождению являвшегося результатом конверсии глаг. основы в именную.

Догаашкак — образование с помощью аф. *-как* от указ. глаг. основы. Судя по некоторым производным от глаг. основы *догааш-*, последняя обозначала не только соответствие, близость, баланс, но и замену, подмену, суррогат. Об этом свидетельствуют образованное от *догааш-* нар. *догааштыр* 'навстречу; в ответ', а также 'вместо ответа' и в особенности каузативная форма от этой основы, которая обозначает то, что говорится наугад, ответ вопросом на вопрос и под. (см. вышеприведенную семантику формы *догааштыр-*). Ср. также кирг. *тогонок* 'кое-какая замена; хотя и не настоящий, но все же удовлетворить может', *тогор-* 'перевести на кого-л. другого (напр., свой долг); засчитать за что-л. (в уплату)'.

Следует отметить, что структурно *догааш-* не вполне ясно, и поэтому определенную проблему представляет долгота гласного в тув. *догааш-*, *догааш*, *догаашкак* и в части их соответствий, приводимых выше. Возможно, указ. качество гласного отражает форму интенсива от **ток-а > тога-* с аф. *-га-*... типа **тога-га-* или подобную ей.

догааш см. **догааш-**.

догаашкак см. **догааш-**.

догааштыр- см. **догааш-**.

догжуур 'догжур' (*фигурка в виде трехгранной пирамиды, вылепленная из теста и употребляемая ламами как предмет жертвоприношения*).

Монголизм. Ср. п.-монг. *doγǰiγūr* 'трехгранная пирамида из теста, приносимая в жертву', монг. *догжир* то же (< тиб.?)

догунна- [оъ] 'успокаиваться, умиротворяться; устанавливаться (о власти), наступать; существовать, бытовать'.

Ср. алт. *токуна-* 'успокаивать, усмирять', алт. диал. *токына- ~ токкына-* 'усмиряться, успокаиваться после волнения', уйг. *токуна-* 'довольствоваться, достичь желаемого, успокоиться' (РСл. III, *1149*, *1150*), воспроизведением большинства из которых в соответствующей статье своего труда ограничился М. Рясянен (EW, *486*), а также др.-уйг. *тогун* 'сытый' ('satt'). Последнее В.В. Радлов считал произ-

водным от основы *ток* (< *ток* + *н*) (РСл. III, *1163*), сравнивая его, скорее всего, с общетюрк. *док* ~ *ток* 'сытый; довольный; зажиточный' и под., непосредственные соответствия которого в тув. лексике отсутствуют (см. ЭСТЯ III, *252—253*, а также **дой** I, **тот-**).

Кроме указ. именной (*док* ~ *ток*), отмечена (в памятнике) и соответствующая ей глаг. основа *to-q-* 'наедаться, насыщаться' (ЭСТЯ III, *253*), от которой, скорее всего, и могли образоваться др.-уйг. *тогун* (< **ток-(у)н*) и ее совр. соответствия в виде именных основ **догун* (< **ток-(у)н*), **токун* в составе глагольных типа *токуна-*, образовавшихся от имен в основном с помощью аф. *-а-*. Тув. *догунна-*, в отличие от *токуна-*.., образовано, по всей вероятности, с помощью аф. *-ла-* (< **ток-(у)н-ла-*).

Судя по имеющимся сравнительным данным, *догунна-* первоначально имело значение вроде 'успокаиваться (достигнув желаемого)', а затем приобрело семантику 'существовать; устанавливаться' и т.п., характеризуемую наличием компонента стабильности.

По мнению В.И. Рассадина, алт. *токуна-* 'успокаивать' < монгол. *toqini-* 'успокаиваться' (Рассадин. МБЗ, *25*).

Монгол. языковые данные имеют точки соприкосновения с приведенным в данной статье тюрк. материалом, ср.: п.-монг. *toqini-*, монг. *тохних* 'стихать, успокаиваться; устраиваться, быть мирным, спокойным' (вероятно, < *toqi/тохь* 'удобство, уют, благоустройство'). Характер этой связи не совсем ясен, хотя можно предположить, что общность возникла как результат тюрк. языкового влияния.

Тув. *догунна-*, во всяком случае, едва ли может быть истолковано как монгол. заимствованное слово: этому препятствуют структурно-фонетические различия между ним и монгол. глаголом. В данном случае допустимо влияние последнего на семантику (в частности, категориальную, залоговую) слова *догунна-*.

догурзак см. **довурзак**.

догуур [оъ] 'барабанная палочка'.

Монгол. заимствование. Ср. п.-монг. *dokiγur* 'палочки, которыми ударяют в барабан и бубен', монг. *дохиур* 'барабанная палочка', калм. *докур* то же; они могут быть связаны с глаг. основой *doki-*, *дохих*, *докх* 'подавать сигнал, знак'; ср. также *dokija/дохио* 'сигнал; знак' и под. (ЯМВМ, *143*).

дода-, **додук-** [оъ] 'темнеть, грубеть под действием ветра и солнца (о коже лица); высыхать, затвердевать (о коже, шкуре животного)'; **додук** [оъ] *редк.* 'обветренный, потемневший (о коже лица)'; **дот** [оъ] *редк.* 'сухой ветер' (ср. выражение **дотка додук-** 'грубеть на ветру (о коже)'); 'ветерок на открытом месте'.

Ср. каз. *тотык-* 'ржаветь, покрываться ржавчиной; загорать (на солнце)', *тотык* 'окись; загар', тат. *тутык-* 'ржаветь', *тутык* 'ржавчина, коррозия', кирг. *тотук-* 'потемнеть, загореть (о лице)', азерб.

тотык- 'ржаветь', др.-тюрк. *tutīq- ~ tutuq-* то же. С указ. основами определенно гомогенно, хотя и не вполне ясно по структуре, хак. *тодыртхай* 'затвердевшая шкура, не поддающаяся обработке' (ХРИЭС, *146*).

Вышеприведенные глаг. и соотносительные с ними именные (тув. *додук*, каз. *тотык*, тат. *тутык*), возможно образованные путем конверсии от первых, связаны происхождением с распространенным в ряде тюрк. языков словом *тот* (др.-тюрк. *tut*) 'ржавчина' (см. **дат I**).

Это значение, похоже, не является для *тот...* первичным, о чем могут свидетельствовать алт. *тот...* 'загар', як. диал. *тот* 'солнечная активность весной; весенний сухой воздух' (ДСЯЯ, *244*; Коркина, *66*), тув. *дот* 'сухой ветер', которые в семантическом плане старше, чем *тот* 'ржавчина'. Появление у слова подобного значения, вероятно, обусловлено воздействием *дат ~ тат* 'ржавчина', или же подобная семантика в том и другом случае возникла как результат эвфемизма.

Тув. *дода-* образовано от *дот* посредством аф. *-а-*, а *додук-* и его соответствия в других тюрк. языках — при помощи форманта *-(у)к-* от подобной же именной основы. *Додук* 'обветренный...' могло быть, как и, напр., каз. *тотык*, результатом конверсии глаг. основы *додук-* (и соответственно — *тотык-*) — в именную.

Основа *дот ~ тот*, как и *дат ~ тат*, может быть морфологически членима. С *тот...* возможно, гомогенны азерб. *тох* 'темный, густой (о красках); смуглый' и близкое ему по значению узб. *ток*, связь которых с тюрк. *док ~ ток* 'сытый; полный; довольный', устанавливаемая Э.В. Севортяном (см.: ЭСТЯ III, *253*, а также **догунна-**), не выглядит бесспорной.

Возможно, существовала и глаг. основа **то-* 'темнеть, грубеть (напр., на солнце, на ветру' (?)). См. также **доруг**.

додар [оъ] 'сторона одежды (верх или подкладка)'.

Ср. тоф. *дотар* 'подкладка (одежды)'. Монголизм. Ср. *dotar* 'нутро', *totar* 'подкладка' (Поппе. Мук., *143*, *180*), монг. *дотор* 'внутренность, нутро; внутренняя часть (сторона) чего-л.; подкладка; внутренний мир человека, душа, сердце'.

додук- см. **дода-**.

додук см. **дода-**.

дожа- I [оъ] 'сильно мерзнуть, замерзать'; **дожаң** [оъ] 'гололедица'.

Ср. хак. *тоза-* 'образовываться (о наледи)', алт. *тожоң* 'гололедица; ледник на горе'. *Дожа-... —* производное от *дош* 'лед', а *дожаң —* от *дожа-...* или от близкой ему по семантике глаг. основы **дош- ~ тош-*, соотносительной с *дош* (*тош*) (см. **дош**) с помощью аф. *-(а)ң* (ср. **дажаң I** 'каменистый'). Тув. *дожаң* считается также производным от *дош* 'лед' (ИП, *173*), с чем нельзя согласиться.

дожа- II [оъ] 'осенью отделяться от стада и бродить в одиночку (о быке)'.

Ср. хак. *тозаан пуга* 'бык, отделившийся осенью от стада и пасущийся отдельно', каз. *тозырка-* 'чуждаться, держать себя в стороне; стесняться'. А.Т. Кайдаров дает последнее со значениями 'чуждаться; чувствовать боль от непривычки...' (Кайдаров, *287*), скорее всего, объединив две гетерогенные глаг. основы (см. также **дозуннуктур-**).

В указанных данных определенно выделима исходная именная, по-видимому, архаичная именная основа **тош* 'обособленный, отдельный', о которой пока трудно сказать что-л. дополнительно.

дожаң см. **дожа- I**.

дозу [оъ] 'краска (малярная); лак'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *tosun* 'масло, сало', монг. *тос(он)* 'масло, топленый жир; масляный', *тосон будаг* 'масляная краска', бур. *тоһо(н)* 'масло, топленый жир; масляный', калм. *тосн* 'масло, жир; керосин'.

дозуннуктур- [оъ] 'доводить до такого состояния, что копыта лошади становятся стертыми, а подошвы ног человека — намятыми, причиняющими боль'; **дозуңгу-** [оъ] 'стирать копыта (о коне); наминать ноги (при ходьбе пешком (о человеке))'.

Ср. каз. *тосырка-* 'чувствовать боль с непривычки (о ногах лошади после езды по каменистой местности)', связываемое с основой **тос* 'нечто неожиданное, непривычное, новое', которая отмечается также в каз. *тосын* 'внезапно, неожиданно, первый раз', а также 'случайно' (см.: Кайдаров, *287*; КазРС, *332*).

Тув. *дозуннуктур-*, возможно, образовано от соответствия каз. *тосын*, и структура этого слова может быть представлена в виде **тосун-лук-тур-*, где **тосун* — указ. именная основа, аф. *-лук-(-лык-)* — составной показатель, включающий компоненты *-лы-* (редк. вариант глаголообразующего аф. *-ла-*) и *-к-* — «приглагольный аффикс с медиопассивным значением» (см.: АГ, *35, 36*); *-тур-* — показатель каузатива.

Тув. *дозуңгу-* явно родственна предыдущей глаг. основе, но структурно она неясна. По своей форме *дозуңгу-*, скорее, напоминает именные основы типа *караңгы, түреңги* (являющиеся отглаг.; см. **караңгы, түреңги**), чем собственно глаг. Может быть, *дозуңгу-* — результат конверсии именной основы **тосуңгу* в глаг. По своей семантике **тосуңгу* и **тосуңгу-* (> *дозуңгу-*), вероятнее всего, были очень близки.

дозуңгу- см. **дозуннуктур-**.

дой I 'пир, пиршество; праздник, празднество'; **той** *тодж.* то же.

Общетюркское; отмечено в основном в форме *той*, означающей 'пир' и очень часто 'свадьба'. Другие значения встречаются реже. См.: Девяносто лет, *84*; СИГТЯ Л, *309*.

В первом из указ. источников исходным значением считается 'пир', а во втором — 'свадьба', тогда как 'пир, пиршество' отнесено к вторичным значениям слова **той*, но причины этого неясны, так же, как и распределение значений у пратюрк. основы слова в виде 'свадьба; пир'. (Щербак 1970, *197*).

Той... очевидно, гомогенно с глаг. основой *дой-* (*той-*) ~ *дот-* (*тот-*) ~ *тоз-* 'наедаться насыщаться, есть досыта; удовлетворяться' и под. (ЭСТЯ III, *251—252*). Связь *той* с «омоморфным глаголом» *toj-* 'насыщаться, наедаться' считается возможной в СИГТЯ Л (с. 310), но характер этой связи не конкретизируется.

Э.В. Севортян в раннем труде включал *той-* 'насыщаться' и *той* 'пир' в число «первичных глагольно-именных основ» (АГ, *371—372*). Однако позднее в ЭСТЯ, указ. именная основа практически не упомянута в статье, где рассматриваются *той-* и ее соответствия. Сказано лишь, что, «по-видимому, на основе *дой-* 'насыщаться' в турецком сформировался его именной коррелят *doy*, который заключен в производном глаголе *doy-la-* 'насыщать...'» (ЭСТЯ III, *252*). По всей вероятности, исследователь изменил прежнюю точку зрения на характер отношений между соответствующими глаг. и именной основами, для чего явно имеются причины. Глаг. основа в форме *дой-* (*той-*) — один из фонетических (или морфологических?; см.: ЭСТЯ III, *252*) вариантов этой основы, первичный из которых восстанавливается в виде **тоδ-* (по А.М. Щербаку).

В именной основе *той...* 'пир...' нет чередования конечных согласных типа *д(т) ~ з(δ) ~ й*, прослеживающегося в глаг. основе. В части языков (напр., огузских) различаются и начальные согласные глаг. (*дой-*) и именной (*той*) основ. Ср. также тув. *дой* 'пир...' и *тот-* 'наедаться, насыщаться' или их соответствия в тодж. диалекте *той* и *дот-* (Чадамба 1974, *49*). Это различие указывает на далеко зашедшее расхождение указ. основ друг с другом.

Можно полагать, что конечный *-й* в рассматриваемых основах имеет разную природу: скорее, фонетическую — в глаг. и определенно морфологическую — в именной, где *-й*, по-видимому, являлся формантом, образующим имя от глаг. основы **то-*, которая выделена Э.В. Севортяном из состава тюрк. *док ~ ток* 'сытый...' и которая усматривается им также в як. *тот* 'сытый; сытость'. Он полагал также, что от той же основы образовался медиальный глагол с показателем *-к-*: *то-к-* 'наедаться, насыщаться', от которого образовано чаг. *ток-а* 'насыщенный; полный, сытый' (ЭСТЯ III, *253*; Кажибеков, *74*). Семантика основы **то-* при этом не формулируется, но она, по-видимому, близка значениям *дой-...* и *ток-*; та же основа, возможно, и в тюрк. *дол- ~ тол-* 'наполняться' (см. **дол-**).

Тюрк. *той* могло быть образовано от **то-* 'есть (досыта)' подобно тому, как рус. *пир* — от *пити* 'пить' (Шанский и др., *339*).

В разрешение проблемы происхождения тюрк. *той* мало что вносит сопоставление с данными монгол. (**тоγа-* 'почитать') и тунг.-маньчж. (**тоје-* 'угощать') языков, а также реконструкция праалт. формы в виде **тојγз-* 'угощать' (Дыбо, *14*) или другой вариант подобного сопоставления у того же автора (более поздний?), где данные монгол. языков отсутствуют, исходная тунг.-маньчж. основа восстанавливается в форме **туји-* 'угощать', а праалт. — как **тојз-* с не указ. значением (Девяносто лет, *84*, *88*). Возникает, однако, вопрос: не имеем ли мы в тунг.-маньчж. языках дело с тюрк. заимствованием?

дой II 'глина'.

Ср. др.-уйг. *тој* 'глина', др.-тюрк. (МК) *тој* 'глина, из которой изготовляют посуду', алт. диал., шор., хак. диал., чул.-тюрк. *той* 'глина' (РСл. III, *1141—1142*), хак. *той*, алт. *той балкаш* 'глина' (ср. *балкаш* 'грязь'), як. *туой* 'глина, горшечная глина'. В некоторых совр. тюрк. языках и их диалектах отмечен двухсложный вариант названия глины типа турк. *тојун* и его соответствий (СИГТЯ Л, *375*).

Этимология в имеющихся публикациях отсутствует, делаются только попытки реконструировать пратюрк. форму: **то:n'* ~ **тоn'* (ср.: EW, *488*; СИГТЯ Л, *375*, *485*), причем реконструкция конечного согласного, в основу которой положены чув. материалы, не выглядит достаточно убедительной. Скорее, праформа выглядела как **той* (~ **тооЙ?*)

Об этимологии скажем, что не исключена связь рассматриваемого слова с др.-тюрк. *тоγ* и *тоz* 'пыль' (последнее имеет соответствия и в совр. тюрк. языках с другими значениями: см.: Кажибеков, *120*; ср. каз. диал. *тоз* 'грязь'), с основой типа тув. *довура-*, *довурак* и их соответствиями (см. **довура-**), а также с глаг. коррелятами указ. именных основ.

У данных соответствий и родственных с ними слов среди других значений отмечается и 'глина': ср., напр., уйг. *топа* 'пыль, прах, земля, глина'. Можно полагать, что *дой...* также первоначально обозначало верхний слой земли, пыль, грязь, а затем произошла своеобразная специализация семантики слова.

Характер связи *дой* ~ *той* с указ. основами не вполне ясен. Допустимо существование (в прошлом) единой для них всех общей глаг. основы **то-* 'пылить(ся); пачкать' (?). Для *дой* ~ *той* можно предположить наличие соотносительной с ним глаг. основы **той-*, от которой могло образоваться турк. *тојун* и его соответствия.

дойду [оъ] 'попугай'.

Ср. алт. диал. *тотты* ~ *тооды*, уйг. *тоті* 'попугай' (РСл. III, *1205*, *1206*), кирг. *тоту* то же и др.; считается иранским (перс.) заимствованием в тюрк. языках (см., напр.: КРС, *755*; EW, *491*). Соответствия этого слова (тоже в качестве персизма) отмечены также

в монгол. языках: п.-монг. *toti*, бур. *тоти*, монг., калм. *тоть* 'попугай'. Считается, что перс. *toti* проникло в монгол. языки через тур. (Бертагаев. Лексика, *370*).

В тув. язык слово *дойду* вошло, скорее всего, через монгол. посредство. Как и в ряде подобных случаев, *-й-* является отражением *-и-* монгол. слова. В словаре М. Рясянена тув. *дойду* явно ошибочно представлено как прототип п.-монг. *toti* (EW, *491*).

докпак [оъ] 'колотушка'.

Слово имеет соответствия общетюрк. характера, распространенные главным образом в вариантах *токмак* (ср. также др.-тюрк. *toqïmaq*) и *токпак* со значениями 'деревянная колотушка, деревянный молоток; дубина; ступа, цеп' и под.

Очевидно, *докпак* и другие связаны с распространенной в тюрк. языках глаг. основой *токы-* ~ *току-* 'бить, колотить', но производным от нее можно определенно считать только др.-тюрк. *toqï-maq*. Э.В. Севортян лишь сопоставлял азерб. *тохмаг* 'колотушка' и его соответствия, в т.ч. и тув. *докпак*, с др.-тюрк. (МК) *toki-* и *ur-toki-* 'бить, колотить' (АИ, *304*). Впоследствии он реконструировал односложный вариант указ. основы (**ток-*), причем исходил из имени *ток-мак* 'пест, колотушка' (ЭСТЯ III, *254*). По-видимому, нечто подобное осуществил и М. Рясянен, хотя морфологическая характеристика восстановленной им основы **tok* неясна (см.: EW, *484*).

Указ. односложная разновидность глаг. основы допустима[1], и членение *токмак*... (> *токпак* > *докпак*) на глаг. основу *ток-* и имяобразующий аф. *-мак* также вероятно. Однако не исключено, что структура *токмак* могла выглядеть и иначе: **токма-к*. В тат. и башк. языках имеется глаг. основа *тукма-* (< **ток-ма-*) 'бить, колотить, лупить', где компонент *-ма-* мог быть формантом, считающимся «древнейшим аффиксом учащательности», сохраняющимся в отдельных глаголах (АГ, *352 и след.*), к числу которых мог относиться и **токма-*, от которого с помощью аф. *-к* могло быть образовано *токмак*.

доктаа- [оъ] 'останавливаться, переставать двигаться'.

Ср. тоф. *тоъкта-* то же, а также *токта-* и его соответствия практически общетюрк. характера со значениями типа 'останавливаться; прекращаться, переставать' (АГ, *476*), однако подобные соответствия как будто не зафиксированы в ранних тюрк. памятниках, отмечены лишь в полов. и чаг. (см.: РСл. III, *1153*); см. также имя собственное *toqtamïš* в др.-уйг. документах XII—XIV вв. (ДТС, *577*).

[1] В таком случае **ток-* 'бить' может быть непосредственно образовано от звукоподражания типа тув. *ток*, кирг. *ток*, др.-тюрк. *toq toq*. Переход подобных слов в имена и глаголы реален (см.: Щербак 1987, *132*). В то же время основа *токы-* ~ *току-* 'бить' образована от подражательной основы с помощью аф. *-ы-(-у-)*.

Н.Ф. Катанов сопоставлял рассматриваемую тув. глаг. основу с монгол. *тоγта-* ('останавливаться, стоять, не двигаться' и под.) (Опыт, *423*). М. Рясянен также приводил в качестве параллели к тюрк. *токта-*... монгол. глаг. основу (даваемую почему-то только в форме каузатива: *тоγта-γа-* 'останавливать') (EW, *485*); ср. также монг. *тогтоо-* 'преграждать путь, останавливать...'.

В связи с этим обращает на себя внимание наличие в тув. глаг. основе долготы гласного второго слога, что может свидетельствовать о заимствовании *доктаа-* из монгол. языков, но с сохранением ее исходной семантики, не имеющей элемента каузативности. Последняя передается особой залоговой формой *доктаат-* 'останавливать' (см. **доктаат-**).

Вполне возможно, что и в части других тюрк. языков это монголизм, но, скорее всего, заимствование вторичное, поскольку есть основания считать *токта-* тюркским по происхождению.

В тюрк. языках прослеживается основа, именная или изобразительная, **ток*, которую (к сожалению, без указания ее значения) А.Т. Кайдаров вычленял в каз. глаг. *токта-* 'остановиться' и *токыра-* 'пребывать в состоянии регресса' (Кайдаров, *285*). Ср. также каз. *токра-* 'остановиться, подождать; пастись на одном месте' (РСл. III, *1152*), с.-югур. *ток(ы)ра-* 'падать', *токура-* 'разваливаться (о доме из глины); рассыпаться, разрушаться', каз. *догар- ~ тогар-* 'приостановить, прекратить', азерб. *тохан* 'стоячее положение альчика', як. *тогоо-* 'остановиться, задержаться' (Пек. III, *2697*).

По-видимому, искомая основа **ток* (в **ток-та-* и под.) соотносительна с *ток* как компонентом таких словосочетаний, как: каз. диал. *ток ет-* 'отдохнуть, чуть-чуть вздремнуть' (при *ет-* 'делать, совершать') (Аманжолов, *412*), кирг. *ток этер жери* 'заключительная часть (главным образом, в речи); окончательная цена'. Основа **ток*, очевидно, обозначала остановку, перерыв, завершение, прекращение продвижения.

См. также **доктаал, доктаамал**.

доктаал [оъ] 'постановление'.

Позднее монгол. заимствование. Ср. п.-монг. *тоγтаγал* 'удерживание, установление, постановление'; (нов.) 'постановление, резолюция, решение, протокол', *тоγтаγул/тогтоол* 'запоминание наизусть, усвоение; постановление, решение, резолюция' < *тоγта-/тогтох* 'устанавливаться, образовываться, утверждаться; переставать, прекращаться' (см. **доктаа-**) и (в случае с *тоγтаγал*) — от формы каузатива указ. основы (п.-монг. *тоγтаγа-* 'устанавливать, учреждать; утверждать, постановлять'); см. также **доктаат-**.

доктаамал [оъ] 'постоянный, регулярный'.

Принадлежит к числу поздних монголизмов. Ср. п.-монг. *тоγтамал* 'стоячий (о воде); установленный, постоянный, устойчивый, опре-

деленный, регулярный', монг. *тогтмол* 'установленный, постоянный' < *тогта-/тогтох* 'устанавливаться...' и под. (см. **доктаал**, а также **доктаа-**).

Возможно, существовал и вариант монгол. слова, образованный от каузативной формы указ. основы (*тогтага-/тогтоох*), и именно к нему восходит тув. *доктаамал* (с долгим гласным второго слога), или же долгота этого гласного объясняется сближением **доктамал* со словом **доктаал** (см.).

доктаат- [оъ] 'останавливать, прерывать; постановлять, решать; устанавливать, назначать; направлять, сосредоточивать; заучивать, запоминать, зазубривать'.

Форма каузатива с аф. *-т-* от основы *доктаа-* 'останавливаться', которая по внешнему облику связана с монгол. каузативной основой *тогтага-/тогтоох* 'останавливать, задерживать; устанавливать, образовывать; утверждать, постановлять; выучивать, запоминать наизусть'. Последняя в тув. языке была осмыслена как исходная, нулевая форма (см. **доктаа-**).

доктар [оъ] 'препятствие, помеха'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *тотуог ~ тотуаг*, монг. *тотгор* 'помеха, препятствие', которое, в свою очередь, считается тиб. заимствованием (Ц. Дамдинсурэн, см.: Studia Mongolica. — Ulan-Bator, 1961. — T. II, fasc. 1—16. — С. 63).

Метатеза в тув. *доктар* — возможно, следствие сближения с глаг. *доктаа-* 'останавливаться' (см. **доктаа-**).

докулчак 'круглый' (обычно в сочетаниях типа **докулчак ак өг** 'круглая белая юрта'); 'комолый, короткий'.

Тув. *докулчак* обнаруживает связь с рядом слов тюрк. языков. Ср. алт. *тоголо-* 'катить, скатывать', кирг. *тоголо-* 'катить; придавать округлую форму', а также распространенные в указ. и других языках отглаг. имена вроде *тоголок*, *тогалак* 'круглый, шарообразный; шар; бревно'; каз. *тогалак* 'округленный, круглый; колесо (телеги)', ккалп. *тогалак* 'обрубленный'.

А.Т. Кайдаров на материале каз. *догалак* с указ. значениями, а также *догар-* 'согнуть, свернуть что-л.', *докал* 'комолый; с тупым концом' считал возможным реконструировать основу **док* 'нечто округленное, выпуклое; комолый', что выглядит убедительно в лексико-семантическом, но не в структурно-морфологическом аспекте. Скорее всего, исходя из *догалак* и, возможно, *догар-*, а также из приведенных выше данных, следует реконструировать соотносительную с **док* глаг. основу **ток-* и, возможно, **тог-*, с которой связана приводимая С.Е. Маловым др.-уйг. *тог-* 'вращаться' (Малов. ЯЖУ, *121*).

Реальна и именная основа, семантически близкая к **док*: ср. азерб. *тов* (< **тог*) 'крутка; закручивание (нити, пряжи)', турк. *тов* (< **тог*) с подобной же семантикой, а также 'завод (часов)' и *товла-*

'крутить; вращать, вертеть'. Ср. также хак. *тоглах* (< *тог-ла-х*) 'шар', *тохчах* (< *тох-чах*) 'колобок (из талкана и масла)'.

К этому же кругу слов могут быть отнесены тоф. *тоьк* 'крупный (о круглом предмете)', с.-югур. *ток-ы-* 'мешать (напр., чай в чашке ложкой)', *ток-ы-л-* 'поворачиваться'.

В рассматриваемых и подобных им словах тюрк. языков семантика, связанная с круглой формой или с вращением, может иметь общность со значениями типа 'комолый; короткий, обрубленный' (по-видимому, речь идет о предметах, круглых в поперечнике или получивших округлую форму в результате обрубания, отрезания и под.). Поэтому правомерно включение в круг анализируемых слов каз. *докал* 'комолый, с тупым концом', *догал* 'тупой' (*догал бурыш* 'тупой угол'), *догалда-* 'сделаться дугообразным; отупеть'. Подобные слова варьируют по характеру как консонантизма, так и вокализма, в частности, в том же каз. языке: *токал* 'комолый, безрогий' и *тукул ~ тукыл* 'отросток (на месте рога), окурок; корень волоса; пень' (Кайдаров, *285, 288*; КазРС, *336*). См. также **дугурук, тугул**.

Сказанное выше относится и к семантике тув. *докулчак*. В плане структуры последнее представляет собой, скорее всего, отглаг. имя с аф. *-чак*, посредством которого (в т.ч. и от залоговых форм) образуются прилагательные (см.: АИ, *189—190*). Производящая глаг. основа слова *докулчак* (< **токул-чак*) может быть сопоставлена с приводимым выше с.-югур. *ток-ы-л-* 'поворачиваться' и, возможно, означавшим также нечто вроде 'приобретать округлую форму, округляться'. См. также **тогелчик**.

дол- 'наполняться'.

Общетюрк. глаг. основа; наиболее распространенные варианты — *дол- ~ тол-* со значениями 'наполняться, быть полным' и др. Как отмечал Э.В. Севортян, «глагол *дол- ~ тол-* и т.д. принадлежит древнейшему пласту тюрк. лексики» (ЭСТЯ III, *257—258*).

Исследователь в целом убедительно обосновал членимость этой глаг. основы, считая ее медиальной формой на *-л-* от **то-* ('наполнять'?), считая последнюю производящей для *док ~ ток* 'сытый, полный', *tod* 'полный; полностью', *tol* 'полный'.

В др.-уйг. памятниках и совр. уйг. диалектах имеется форма *тош-* 'наполнять', считающаяся морфологически однородной с *тол-*, поскольку «также образована с помощью другого показателя медиальности *-ш-*».

Здесь же Э.В. Севортян замечает, что, если принять вышеприведенную этимологию, остается открытым вопрос о квантитете гласного в **то:л-* где он, вероятно, «первичный», а в предполагаемых гомогенных с этим глаголом словах — краткий (ЭСТЯ III, *258*). Однако, как показывает этот и подобные случаи, различие тюрк. слов по долготе гласных (в частности, «первичных») совместимо с родством этих слов между собой. См. также **дой I**.

долаа, долуг 'залог, заклад' (*вещь, остающаяся у лица, выдавшего под нее ссуду*).

Ср. алт. *толу-* 'откупаться, давать выкуп; менять, обменивать', *толуу* 'выкуп, дар; обмен, размен' (ОРС, *152*), алт. диал. *толы-* 'выкупить, искупить'; шор. *тола-* 'выкупить, покупать', *толуг* 'выкуп' (РСл. III, *1192, 1196, 1197*), як. *толуй-* 'выручать заклад, выкупать залог; искупать, выручать; возмещать (уплачивать)', *толук* 'выкуп, выручка; возмещение, восполнение' (Пек. III, *2720*), хак. *толыг, толыс* 'выкуп; жертва, приносимая духам' (ХРИЭС, *147*).

Подобные случаи (среди которых, впрочем, отсутствуют тув. *долаа, долуг* и др.) рассматриваются М. Рясяненом как монгол. заимствования и возводятся им к п.-монг. *doli-* 'обменивать; выкупать' и *doli-g* 'выкуп' (EW, *486—487*). Ср. также бур. *доли-* 'давать что-л. в обмен, обмениваться; выкупать, выкупаться', *долиг* 'замена, откуп; возврат калыма в случае несостоявшегося брака', калм. *дольх* 'менять, обменивать', *дольг* 'замена; откуп'.

Б.Я. Владимирцов, отмечая в п.-монг. языке чередование согласных *d* и *ǰ*, в качестве примера приводил *doliγ ~ ǰoliγ* 'выкуп, откуп, откуп от наказания' и как одно из его совр. соответствий, — бур. *долік* 'выкуп' (Владимирцов. Ср. грамматика, *398*).

В свою очередь, монгол. глаголы и производные от них имена неоднократно сопоставлялись с др.-тюрк. данными. К последним могут быть отнесены *jul-* 'выкупать, вызволять; спасать', *jula-* 'помогать', *jol-* 'отпускать, освобождать', *juluγ* 'выкуп' (ДТС, *271, 278*); ср. также тат. *йол-* 'спасать, выручать; ручаться, брать на поруки', *йолым* 'выкуп, откуп', *йолучы* 'избавитель' (РСл. III, *555*).

Характер связи рассматриваемых здесь тюрк. и монгол. слов недостаточно ясен. Можно предполагать, что их варианты с начальным *ǰ-* (*ǰoliγ* и его производящая основа *ǰoli-* 'выкупать' и под.) связаны с тюрк. **йол-* (в варианте с начальным шипящим типа **жол-*).

Сложнее объяснить появление в монгол. языках вариантов указ. глаг. и именной основ с начальным *д-*, хотя не исключено, что и их источником могли быть тюрк. языки. Монгол. глаг. типа *doli-*, похоже, относится к числу тех слов с начальным *d-*, которые монгол. языки заимствовали из тюрк. языков типа алтайского, где начальный *j-* превращался в *d'-* (согласно точке зрения Б.А. Серебренникова, см.: ПМЯ, *37*). В то же время, весьма вероятно, что двухсложная глаг. основа типа *толу-* и под., отмеченные выше, относятся к числу монголизмов (вторичного характера), хотя это едва ли можно сказать об именах типа тув. *долуг*, хак. *толыг* (и тем более *толыс*!) и некот. др., образованных от указ. основы с помощью аф. *-г*.

В монгол. языках практически отсутствует (и, по-видимому, отсутствовал) конечный сонант *-г*, которому в этой позиции соответствует заднеязычный согласный, близкий *-к*). Поэтому при усло-

вии заимствования монгол. *doliγ* (*долиг*) в тув. языке следовало бы ожидать **долук* (ср. як. *толук*, которое, возможно, и является монголизмом).

Но такой вариант *долуг* как *долаа*, возможно, имел непосредственное монгол. соответствие, о чем может свидетельствовать монг. *золио* (*зол'оо*) 'выкуп' (ср. п.-монг. *ǰolij-a*), у которого мог существовать вариант с начальным *д-* типа **долио* (*дол'оо*), откуда тув. *долаа*.

Можно также констатировать, что глаг. основа типа *толу-* была заимствована явно не из халха-монгол. языка, где бытует ее вариант с начальным *з-* (*дз-*), а представляет собой либо старый монголизм, восходящий к форме типа п.-монг. *doli-*, либо заимствование из диалекта ойр. типа (ср. калм. *дольх*).

См. также **толу-**, **сойлук**, **чолук**.

долаана, долагана 'боярышник'.

Ср. тоф. *долагана* 'боярышник', як. *дологон(о)*, *долохоно*, *долокуна*, *долукуна* 'боярышник; шиповник', алт. *толана*, шор. *толан(а)* 'боярышник' и др. (см.: ЭСТЯ III, *269—270*; ОСЛАЯ, *180*; СИГТЯ Л, *124*). Слово истолковывается исследователями в основном как монголизм, что вызвало сомнения, кажется, только у Э.В. Севортяна (ЭСТЯ III, *270*).

В монгол., как и в тюрк. языках, название боярышника отмечено в следующих вариантах: п.-монг. *dolaγuna*, *dolono*, ойр. *dolaγana*, монг. *долоогоно*, *долоно* и под., которые по-разному отражены в тюрк. языках. Тув. *долагана* ближе к ойр. (зап.-монгол.) форме слова, тогда как вариант *долаана*, вероятно, восходит к *долагана* и возник в результате выпадения интервокального *-г-* и образования долгого гласного.

долагана см. **долаана**.

долбан 'румянец'.

Ср. як. *толбон* 'пятно', или, по другому источнику, 'пятно (белое или черное); крапинка, веснушка' (см. EW, *486*; Бётлингк, *550*), хак. *толба* 'в яблоках (о масти животного), в пятнах; пигментные пятна на лице', *толбалыг сур* 'коралл с алыми пятнами (настоящий)' (ХРИЭС, *147*).

Вероятно, монголизм. Монгол. слово представлено п.-монг. *tolbu* (*tolbo*? — *Б. Т.*) 'маленькие пестринки (пестрые пятнышки); пятно на белой шерсти; пестрина, крапинка, пятно' и его соответствиями типа монг. *толбо* 'пятно', калм. *толв* 'пятно, родимое пятно', *толвң* 'пятнистый'.

Тув. *долбан*, как и як. *толбон*, по всей вероятности, относится к старым заимствованиям, о чем свидетельствует наличие конечного *-н*, сохранившего соответствующий согласный их монгол. прототипа, который впоследствии оказался утраченным.

Тув. *долбан*, кроме того, семантически отличается от указ. тюрк. и монгол. слов. Изменение его значения ('пятно' → 'румянец'), возможно, обусловлено сближением с глаг. основой *дол-* 'наполняться' (ср. также семантику его соответствий в других тюрк. языках типа 'полнеть; разливаться; насыщаться, наедаться; быть вне себя от гнева; созревать; поправляться' и под. в кн.: ЭСТЯ III, *257–258*).

долга- 'крутить, вертеть; выкручивать, выжимать (белье); скручивать, выкручивать, выворачивать (руки, ухо); мотать, наматывать; звонить по телефону'.

Тув. *долга-* имеет соответствия общетюрк. характера в вариантах *дола- ~ тола- ~ толга-* 'обертывать, завертывать; крутить, вертеть; кружить' и под. (ЭСТЯ III, *259–260*, где отсутствует тув. *долга-*); ср. также тоф. *долга-* 'крутить, вертеть, вращать; наматывать, обматывать'.

Э.В. Севортян предполагал, что наряду с глаг. *дола- ~ тола-*... существовала и односложная глаг. форма, о которой можно судить на основании тур. диал. *dol-* 'обходить что-л., ходить вокруг чего-л.' и других данных. Исследователь допускал также существование у этой формы именного соответствия **тол*, семантика которого не указывается и от которого, вероятно, и был образован (с помощью аф. *-а-*, *-ка-*) глаг. *тола- ~ толга-* (ЭСТЯ III, *260*).

Соответствия последнего могли иметь в числе других и значения 'поворачивать, повертывать' (ЭСТЯ III, *259*), т.е. 'образовывать угол'. Поэтому, думается, с рассматриваемым глаголом гомогенны шор. *толук* 'угол', алт. *толык* 'угол (дома)', хак. диал. *толых* 'угол', образованные, вероятно, от **тол-* или **тол*. Допустимо и то, что семантика поворота могла быть исходной для этих основ.

Существование в прошлом реконструированных Э.В. Севортяном односложных глаг. и именной основ можно подтвердить и другими данными (см. **долу**).

Обращает на себя внимание и наличие в тюрк. языках целого ряда весьма сходных (реконструируемых и ныне существующих) и, что весьма возможно, родственных между собой односложных имен, куда, кроме **тол*, входят *том*, *топ*, *ток*, каждому из которых соответствует коррелятивная глаг. основа (о них см: **довук, докулчак**).

долу 'град'.

Общетюрк.; наиболее распространенные варианты — *долы ~ толы ~ толу ~ долу*; основное значение — 'град' (ЭСТЯ III, *260–261*). Как отмечал Э.В. Севортян, «**долы ~ толы** принадлежит старейшей части тюрк. лексики и встречается в др.-уйг. текстах». Он склонялся к этимологии, предложенной в свое время Л. Будаговым и Ю.Т. Ценкером, которые связывали название града с существительным, означающим 'лед; мороз, стужа', т.е. считали его гомогенным с *доң ~ тоң* (*см.* **доң-, доң**). Э.В. Севортян указывал, что «некоторые

моменты при этом объяснении остаются открытыми» (ЭСТЯ III, *261*). В более позднем источнике высказано (хотя и с оговоркой) мнение, согласно которому «генетическая связь *toly* ('град') с *toŋ* 'лед, мороз, стужа...' возможна» (СИГТЯ Л, *32*), но характер этой связи не конкретизируется и структура *долу ~ толу* не выявлена.

Существует и другая, пока не реализованная возможность этимологизации данного слова. *Долу...* может быть интерпретировано как производные с аф. *-у...* от глаг. основы *дол-* (*~ тол-*), означающей 'ходить вокруг чего-л.; кружить, крутить' и являющейся односложным вариантом общетюрк. основы *дола- ~ тола-* и под. (см.: ЭСТЯ III, *260*, а также **долга-**).

Можно, таким образом, предположить, что град, градины могли получить название по округлой форме. По мотивирующему признаку *долу...* реально соотносится с тув.-тодж. *достаанак* 'град', обоснованно сопоставляемым с основой *достай-* 'быть выпуклым' (Чадамба 1974, *75*); ср. также др.-тюрк. *тоста-* 'выступать, выдаваться' (РСл. III, *1211*) и тоф. *тосканак* 'мелкий град; снежная крупа', хак. *тоспанах* 'мелкий град'.

Тот же мотивирующий признак лежит в основе таких названий града, как як. *тобурах*, кирг. диал. *тобурчах* 'град', а также тур. *doburcuk* 'дождь крупными каплями', которые в СИГТЯ Л (с. 26, 33) даются без этимологии. См. также **довурзак**. Ср., кроме того, *burčaq* 'град; снежные «горошины»' и под. в ряде тюрк. языков, которое определяется как «семантическое производное» от *burčaq* 'горох, горошина' (СИГТЯ Л, *32*).

По всей вероятности, не случайно и сосуществование в монгол. языках имени *möndür/мөндөр* 'град' и глаг. *möndei-/мөндийх* 'придать круглую форму какому-л. предмету'. В ряде тюрк. языков и их диалектов отмечено название града, восходящее к монгол. слову (в т.ч. и тодж. *мөндур*). См.: Рассадин. Фонетика, *207*; Чадамба 1974, *75, 83*; СИГТЯ Л, *32*).

В связи с предлагаемой выше этимологией представляется ошибочной реконструкция «первичной» долготы гласного первого слога в праформе указ. слова (ЭСТЯ III, *261*; СИГТЯ Л, *31—32*). Долгий гласный не фиксируется в глаг. основе *тол- ~ дол-* и соотносимых с ней. Не случайно и наличие краткого гласного в турк. (*долы*) и як. (*толон*) названиях града.

долуг см. **долаа**.

дом I *обращение старшего по возрасту к младшим*; соответствует слову **дуңма** (см.).

Тув. *дом* не только соответствует *дуңма*, первоначально — термину родства, обозначающему младших братьев и сестер, но и, по-видимому, гомогенно с последним. По своему происхождению *дом* представляет собой, скорее всего, стяженную форму от *дуңмам*,

где конечный *-м* — аф. принадлежности 1 л. ед. ч., употребляемый при обращении. Переход *у > о*, возможно, вызван стремлением избежать сближения с определенными словами (см., напр., **думаа**). Соответствий тув. *дом* I в других тюрк. языках не найдено.

дом II *уст., фолькл.* 'заговор от болезни; снадобье'.

Ср. алт. *том*, хак. *том* 'лекарство, снадобье; эликсир; магическое заклинание (при болезни)', с.-югур. *том* 'лекарство', тат., башк. *имтум* 'заговор, заклинание болезни'.

Монголизм. Ср. монгол. *dom/дом* 'магия, магическое средство; знахарство, колдовство', а также *ет dom/эм дом* 'целебное средство'. См.: Рассадин. МБЗ, *30*; ЭСТЯ IV, *221*.

В свою очередь, монгол. *dom/дом* в отдельных тюрк. языках и памятниках соответствует слово *йом* (*уом*) 'доброе предзнаменование; предсказание; подражание' и под.; ср. также турк. *ем йом* 'лекарство, снадобье'.

Связь между тюрк. *йом* и монгол. *dom* рассматривается как генетическая (ЭСТЯ IV, *220—221*), однако здесь более реально монгол. заимствование из тюрк. языка, характеризуемого наличием согласного *дь-* на месте *й-* (см. **долаа, долуг**).

Ср. также **домак, эм, эм-дом**.

домак 'речь'; *разг.* 'язык'; *грам.* 'предложение'.

Ср. як. *домох* 'речь' (Пек. I, *736*); 'притча, присказка; легенда' (ЯРС, *116*), кирг. *домок* 'скандал; наскок, угроза'. В большинстве тюрк. языков отмечено слово *йомак* и его закономерные фонетические соответствия со значениями 'сказка; рассказ; повествование' и т.п.

Йомак... считается производным от имени *йом* 'доброе предсказание; подражание; сказка, миф, легенда...' (см.: ЭСТЯ IV, *220—221*, а также **дом II**). В отличие от *йомак*, тув. *домак* и як. *домох* правомерно относятся к числу монголизмов (ЭСТЯ IV, *221*); сюда же может быть отнесено и кирг. *домок*. Ср. п.-монг. *domoγ* 'легенда, быль; сказка, исторический рассказ', монг. *домог* 'легенда, сказание', бур. *домог* 'предание, историческое повествование; рассказ', калм. *домг* 'легенда, сказание; предание'.

Как и монгол. *dom/дом* 'магия, магическое средство...', слово *domoγ/домог* должно быть отнесено к тюркизмам в монгол. лексике. Характерно, что в заимствующих тюрк. языках (тув., кирг., и в определенной мере як.) слово претерпело значительные смысловые сдвиги, хотя семантика заимствований и их монгол. прототипов сохраняет связь с речью.

домбу *уст.* 'чайник (в виде медного кувшина)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *dombu* 'деревянная или металлическая посудина для кирпичного чая', монг. *домбо(н)* 'кувшин; чайник (продолговатой формы)'; калм. *домб* [домбъ] 'кувшин; высокий чайник

(продолговатой формы)'. Монгол. слово считается заимствованием из тиб. (ЯМВМ, *142*).

домур-, дөмүр- 'отламывать (отгрызать) небольшими кусочками'. Ср. тоф. *домыр-* 'отламывать, выламывать'(Рассадин. Словарь), др.-тюрк. *tomur-* 'делать чурбан, колодку', *tomrum jïγač* 'деревянная колодка', алт. *томур-* 'колоть (дрова), рубить (дерево); выкорчевывать, выворачивать', кбалк. *томур-* 'рубить что-л. топором', *томраў* 'чурка, чурбан, колода, обрубок бревна', башк. *тумрау* 'обрубок', тат. *тумыр-* 'отрубить, отпилить часть бревна', *тум(ы)ран* 'колода, обрубок', кирг. *томур-* 'выкорчевывать, выворачивать глыбой, большим пластом, большим куском (напр., дерн, большие камни из земли)', тур. *tomruk* 'колода, чурбан, бревно; кусок необработанного камня, блок, заготовка'; уст. 'деревянные колодки (для узников)' (см. также: EW, *487*).

Указ. глаг. и производные от них именные основы связаны либо с *том* 'круглый' и под., либо с глаг. *том-*, соотносительным с этим именем (см. **довук**). Здесь следует также учесть реальность сочетания в подобных словах значений типа 'круглый' и 'короткий' (ср. **дугурук**) и, по-видимому, 'иметь округлую форму' и 'укорачивать (обламывая, обрубая, обрезая)' (см. **докулчак**). Ср. также уйг. диал. *tom* 'круглый', *tom jaγ* 'жир в комках' (Тенишев. УДС, *168*) и *домчак* 'кусок, глыба; клубок' (РСл. III, *1727*), а также хак. *том* 'обряд разрезания одежды умершего' (ХРИЭС, *149*), каз. *томар* 'чурбан, толстое полено', *томарша*, диал. *томаша* 'маленький чурбан; небольшая кочка' (Аманжолов, *411*). В труде В.В. Радлова *томар* дано со значениями 'пень дерева' и 'кочки в болоте' (РСл. III, *1235—1236*). По-видимому, *томар* — производное от глаг. основы ***том-**. Следует отметить, что др.-тюрк. (МК) *tomur-* переводится и как 'rund behauen', т.е. 'округло обрубать (обтесывать)' (см.: EW, *487*).

Тув. глаг. *домур-* по своему значению в определенной мере противопоставлен соответствиям в других тюрк. языках, обозначающим действия, результатом которых является отделение от целого крупных частей (ср. семантику 'отламывать небольшими кусочками' у *домур-*, с которым можно сопоставить отличное от него по структуре алт. диал. (туба) *томура-* 'грызть'). Таким образом, наблюдается своего рода антонимия, которая, возможно, обусловлена характером семантики производящей основы, допускающей появление у производных глаголов различных значений. В этом аспекте представляет интерес як. *туом* 'часть, деталь обряда; ничтожная малость', которое, в свою очередь, может быть связано с *том* и под.

Домур- (< ***том-(у)р-**) имеет переднерядный вариант *дөмур-*, очевидно сходный по происхождению с первым, о чем свидетельствуют

такие данные, как: уйг. *төм* 'круглый', тат. *түмгәк* 'кочка', *түмәр* 'обрубок, чурбан', а также каз. *төмпө* 'кочки на болоте', *төмпөшүк* 'маленькие кочки' (РСл. III, *1274*), тур. *tüm* 'круглый, округленный', *tüm-* 'пухнуть, вздуваться; принимать округлую форму'.

донай, донуй, дорай *тодж.* 'медвежонок'.

Ср. тоф. *торай* 'медвежонок', каз., ног. *торай* 'поросенок', которые, как и *дорай*, относятся к монгол. заимствованиям: см. п.-монг. *toroi*, ойр. *toroi* 'поросенок'[1], монг. *торой* 'детеныш домашних животных (свиньи, яка)' и под. (Рассадин. Фонетика, *235*; см. также: EW, *490*). В тодж. *дорай*, как и в тоф. *торай*, наблюдается характерное переосмысление: название детенышей домашних животных → название детенышей диких животных. Следует также отметить, что, согласно другому источнику, указ. слово (в форме *торай*) служило у тоджинцев почтительным иносказательным названием медведя (Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. — М., 1961. — С. 173).

Монгол. *toroi*... и его тюрк. соответствие (каз. *торай*) сблизались с тюрк. *торпак ~ торбак* 'теленок' (кирг. *торпок* 'теленок в возрасте от шести месяцев до одного года; медвежонок в возрасте до одного года') ~ кирг. *торопой* 'поросенок' (сюда же можно отнести куманд. *торбач* 'нетель', як. *торбос, торбуйах* 'теленок'), а также с монгол. *doruγun*... 'барсук', с которым, как полагают, связано як. *тороку ~ тороху* 'дикая свинья, кабан'[2] и некоторыми другими словами (см.: ОСЛАЯ, *130–131*), хотя их этимология при этом не раскрывается.

Думается, что часть названий детенышей, а также свиньи и барсука были связаны с представлениями о чем-л. круглом, полном, толстом и т.п., выражаемым, в частности, основой **тор*: ср. тур. *тор топалак, тор топ* 'совсем круглый' (РСл. III, *1179*), уйг. *тор-ла-к* 'клубок' (< *тор-ла-* 'мотать'), каз. *тор-ла-н* 'жеребенок [в то время], когда он подрастает и поправляется' (РСл. III, *1186*), а также кирг. *торой-* 'лежать, вздувшись, вспучившись', *дордой-* 'иметь вид вздувшегося, пухлого, толстого', *торсой-* 'вспучиваться, вздуваться шишкой, вздыматься бугорком' (ср. каз. *торси-* < *торсый-* то же), *торсогой* 'толстячок', турк. *торсук* 'барсук' (ср. также **дорзук, морзук**).

По-видимому, существовала и глаг.-образная основа **торпай-*, с которой связаны наименования типа *торпак* и под. К.А. Новикова, анализируя якутское название теленка — *торбос*, высказала предположение о том, что оно по происхождению является образ-

[1] По другим данным, п.-монг. слово имело форму *torai* и значения 'поросенок-сосунок; теленок яка и некоторых домашних животных' (Пек. III, *2741*).

[2] Ср., однако, п.-монг. *toroγu* 'годовалая дикая свинья' в отличие от *doroγu* 'барсук' (Голст. III, *161*).

ным прил. с аф. *-(a)c* от глаг. **торбай-*, семантика которого считается неясной, но сравнивается с як. *торолуй-* 'расти, подрастать, мужать' (ИОЭАЯ, *132—133*).

Основа *торолуй-* определенно связана с глаг. типа каз. *торал-*, кирг. *торол-* 'возмужать, вырасти, окрепнуть, набраться сил', ног. *торал-* 'подрастать', который может быть интерпретирован как залоговая форма основы **тор-а-* 'растить, выращивать' и под., а последняя — как образование от упоминавшейся основы **тор*. Ср. также монг. *torni-/торних* 'расти, мужать, становиться на ноги, поправляться; набираться сил, крепнуть (о животных в период роста)'.

Не случайно представление о круглом, толстом (толстеньком), связанное с этой основой, далее, ассоциируется с ростом, притоком сил, мужанием (см. также **дорук-**). Интересно, что и як. *торолуй-*, согласно совр. источнику, означает как 'расти, мужать', так и 'полнеть, толстеть' (ЯРС, *391*).

С той же основой **тор* связываются названия детенышей, молодых животных и вообще представление о неопытности, необученности и т.п., ср.: ст.-узб. *тор* 'теленок', тур. *tor* 'дикий, неприрученный; нетронутый; неопытный', чаг. *тор* 'необъезженный (о коне)', тур. *tor-la-k* 'молодой, неопытный; безрассудный, легкомысленный; необъезженный',? ккалп. *торта* 'молодой сом, соменок' (ср. также: Менгес, *207*; **дорум**).

С основами типа **тор* или вероятной глаг. **тор-*, соотносительной с первой (и производной от нее?), могут быть связаны и названия молодых растений типа тур. диал. *tor-u* 'молодые побеги сосны, молодой можжевельник...', которые истолковываются в этимологическом аспекте иначе (ЭСТЯ III, *284*).

По-видимому, основа типа тюрк. **тор* бытовала и в монгол. языках, и с ней могут быть связаны слова типа *торай...* и другие основы, если только мы не имеем в данных случаях дело также и с тюрк. заимствованиями (иначе — в ИОЭАЯ, *133*).

Среди тодж. вариантов названия медвежонка (*дорай, донай, донуй*) не вполне ясны в фонетическом отношении два последних, скорее всего, вторичных по отношению к *дорай*. В этих случаях допустима контаминация со сходным словом, напр. *доңай* 'дикий олененок на втором году' (см. **доңай**), что, возможно, объяснило бы появление у *дорай* варианта *донай*. Вариант *донуй* мог быть обусловлен незафиксированным **доруй* — возможной (более поздней?) формой *дорай*.

донуй см. **донай**.

доң- 'замерзать; промерзать, мерзнуть, зябнуть'; **доң** 1. 'мерзлый; замерзший; незрелый, неспелый (о ягодах); крепкий (об араке и других спиртных напитках)'; 2. 'мертвый (крепкий) узел'; 'первая, наиболее крепкая часть араки, первач'.

Как глаг., так и именная основы имеют общетюрк. распространение; основные формы — *доң- ~ тоң-*, *доң ~ тоң*, означающие соответственно 'мерзнуть, замерзать...', 'замерзший' и под. По характеру переносных значений, свойственных именам, тув. *доң* в основном соответствует другим тюрк. языкам. Исключение составляет, пожалуй, только производный от *доң* 'мерзлый...' субстантив, означающий 'первач' и 'мертвый узел' (ср.: ЭСТЯ III, *265—266*), с которым, впрочем, сопоставимо хак. *тоң* 'хакасский узел' (ХРИЭС, *148*).

Э.В. Севортян, учитывая наличие у *доң...* некоторых возможных однокоренных слов (напр., *дош ~ тош* 'лед'), полагал допустимым выделить в нем и других словах производящую глаг. основу **то-* с необозначенной семантикой (ЭСТЯ III, *267*) (возможно, 'мерзнуть'?), что представляется обоснованным (см. также **дош**). В таком случае первичной в рассматриваемой глаг.-именной паре должна быть именная основа **тоң* < **то-* + *-ң*.

доң см. **доң-**.

доңай 'дикий олененок на втором году'.

Непосредственных соответствий не обнаружено. Возможно, что в основе наименования *доңай* лежит мотивирующий признак округлости, толщины и под. (ср. также **донай**). Подобная семантика в тюрк. языках прослеживается у основ типа **тоң* (именной и, возможно, глагольной), см.: алт. диал. *тоң* 'жирный, толстый' (РСл. III, *1170*), а также **тоң* 'крупный, сильный', которая, начиная с А. Вамбери, считается основой тюрк. *доңуз ~ тоңуз...* 'свинья' (см.: ЭСТЯ III, *268*). Ср. также кбалк. *тоң-ку* 'горб'.

С подобной же основой связаны названия определенных поз, телодвижений, каковы, напр., хак. *тоңарчах* 'взбрыкивающий конь (опустив голову и высоко поднимая зад, взбрыкивает ногами и таким образом сбрасывает седока)' (ХРИЭС, *149*), а также алт., кирг. *тоңкой-* 'стать на карачки', тув. *доңгай-* 'наклоняться, нагибаться, прогибаться; склонять голову' и под., у которых имеется и соответствие в монгол. языках *tongγoi-/тонгойх* 'наклоняться, нагибаться; наклонять голову' и которые, возможно, относятся к числу монголизмов.

Следует отметить, что в тюрк. языках основа, подобная **тоң*, может обозначать не только округлость, но и такой признак, как 'короткий' (возможно, 'комолый'), о чем могут свидетельствовать такие производные, как хак. *тоңалчых* 'чурка для сидения', алт. *тоңкой-* 'быть обрубленным (о сучьях); быть обрезанным (о рогах); быть укороченным (о хвосте)'.

Возможно, признак отсутствия рогов и был положен в основу рассматриваемого наименования (см. также **доңгүр**), хотя это трудно утверждать однозначно.

Структурно тув. *доңай* может представлять собой производное от глаг. основы ***тоң-* или ***тоң-а-* + аф. *-(а)й*; ср. кирг. *доңдолой* 'козленок-самец' (< *доң-до-ло-й*?).

доңга I [оъ] 'глиняный кувшин'.

Ср. также тодж. *доңха* 'кувшин' (Чадамба 1974, *47*), хак. *тоңхо(н)* 'чайник'. По-видимому, монголизм. М. Рясянен рассматривал тув. *доңга* наряду с другими названиями посуды — *домбу* 'чайник' (см. **домбу**) и **доңгуу** то же (см.) как монгол. заимствования, связанные с калм. *dombo* (EW, *139*), что явно ошибочно относительно *доңга* и **доңгуу** (см.) в плане конкретной интерпретации их этимологии.

В связи с *доңга* ср. п.-монг. *longqu* 'глиняный кувшин; флакон, пузырь, корчага', монг. *лонх(он)* 'бутылка', а также калм. *тоңх* [*тоңхъ*] 'небольшой бурдюк для кумыса', возможно получившие наименования по форме. Тув. слово, как и хак. *тоңхо(н)*, вероятно, имеет ойр. (зап.-монгол.) происхождение.

доңга II [оъ]: **доңга баш** 'неразумный, тупой; несообразительный; глупец'.

Ср. кирг. *тоңко баш* (*тоңкобаш*) и выражения типа *оңко-чоңко ат-* или *тоңко* [*баш*] *ат-* 'кувыркаться'. *Оңко-чоңко*, как и, по-видимому, *тоңко баш*, употребляется в составе таких предложений, как *ужул оңко-чоңко эси бар* 'умишко у него неустоявшийся' (напр., о подростке); ср. также кирг. *тоңкой-* 'стать на карачки (коснувшись головой земли...)', *тоңкочук* 'кувырканье', тув. *доңгай-* 'наклоняться, нагибаться...'. См. также **доңай**.

По-видимому, кирг. *тоңко баш*, а особенно тув. *доңга баш* (при *баш* 'голова') связаны с представлением о голове, точнее, об уме, который как бы перевернут, находится не на своем месте, ненормален.

доңгулда 'выговор, взыскание'.

Вероятно, собственно тув. слово, которое образовано при помощи заимствованного из монгол. языков аф. *-лда* от основы ***доңгу-*, также имеющей монгол. происхождение. Последняя отмечена в варианте *доңгуд-* (см. **доңгут-**), который, по-видимому, был осмыслен как форма каузатива на *-т-* от некой основы ***доңгу-**.

В бур. языке есть сходное с тув. *доңгулда* сущ. *донгодолго* 'порицание, выговор, укор', образованное от основы *донгодо-* 'порицать, журить' посредством аф. *-лго*.

доңгун 'грубый, невежливый, неделикатный'.

Возможно, монголизм, претерпевший определенные изменения, в частности переосмысление: ср., напр., калм. *тоңкун* [тоңкуун] 'неразвитый, несообразительный', с которым сопоставимы п.-монг. *dongγiγun* 'непонятливый' / монг. *донгио* 'тупой, несообразительный'.

Остается также неясным различие в долготе гласного тув. *доңгун* и монгол. слов.

доңгур 'годовалый олененок (самец и самка)'.

По другим данным (Чадамба 1974, *63*), *доңгур* означает 'олененок [в возрасте] до двух лет'. Думается, слово связано своим происхождением с прил. типа алт. *тоңкур* 'безрогий, бесхвостый, куцый, обрезанный'. См. **доңай, доңгур**.

Ср.: Ахметьянов. ОЛМК (с. 68), где приводятся подобные соображения, а также мнение о связи *доңгур* с названием свиньи в тюрк. языках (*тоңгуз* и под.), которое затем практически отвергается автором.

доңгурак I 'складной нож'.

Ср. тув.-тодж. *доңдарак*, хак. *тоңарак*, *тоңгарах*, *тоңмарах* 'складной нож', алт. *тоңурак пычак* 'бритва, карманный нож' (ГАЯ, *270*), алт. диал. (туба) *томурак* 'нож'.

Тув. *доңгурак* и его соответствия — монголизмы (см., в частности, Рассадин. МБЗ, *37*). Ср. п.-монг. *tongγorογ* 'перочинный, складной нож; бритва', монг. *тонгорог* то же.

В семантике этих названий следует обратить внимание на компонент 'складной'. Очевидно, складной нож назван по форме (согнутой, округлой); ср., в частности, монгол. глаг. основу *tongγura-/тонгорох* 'опрокидываться, перекувыркиваться', бур. *тонгор-тонгор харайлдаха* 'скакать, приподнимая зад (напр., о косулях)', *тонгод гэхэ* 'наклонить голову; немного наклониться'.

Ср. **доңай, доңгурак II**.

доңгурак II 'бутон, почка цветка'.

Ср. тур. *tomurcuk* 'почка, бутон; бугорок' при *tomur* 'пузырь; волдырь, небольшой нарыв'. В основе семантики подобных наименований, как и предыдущего (см. **доңгурак I**), лежит округлая форма обозначаемых объектов. *Доңгурак* II связано с **тоң* (или **тоң-*) (см. **доңай**). Тув. *доңгурак*, как и тур. *tomurcuk*, может представлять уменьшительную форму от **доңур* (ср. тур. *tomur*). **Доңгур* — вероятно, производное от **тоң*. См. также Владимирцов. Ср.: грамматика, *211*; **доорзак, допуржак**.

доңгут- 'делать выговор, накладывать взыскание'.

Позднее монгол. заимствование. Ср. п.-монг. *dongγud-* 'издавать голос, звук; петь, чирикать (о птицах); делать выговор, журить, укорять' (Голст. III, *120*), нов. п.-монг. *dongγud-* 'делать выговор, упрекать, укорять, журить'; монг. *донгодох* I 'куковать, петь, чирикать, ворковать (о птицах)' и *донгодох* II 'делать выговор'. См. также **доңгулда**.

доңгуу [оъ] чайник'.

Монголизм. Ср. монг. *тунхуу* 'чайник'. Контаминация с основами типа **доңга I, доңгурак I, II** (см.).

доңгуу чечээ 'медоносный цветок'.

Изафетное сочетание со вторым компонентом *чечек* 'цветок'. По-видимому, монголизм. Ср. п.-монг. *tungxu* — название растения с круглым и пустым стволом и желтыми цветами' / монг. *тунхуу* 'хрен'.

доо см. **дөө**.

дооза *мест.* 'все'.

Ср. хак. *тооза* 'весь, вся, всё, все; целый', шор. *тооза* 'всё, полностью'; В.В. Радлов указывал шор., саг. *тоза* 'все, все вместе' (РСл. III, *1213*).

По мнению авторов «Грамматики тувинского языка», тув. *дооза* «очевидно, является деепричастной формой от глаг. *доос-* 'оканчивать, заканчивать; завершать', исторически ставшей определительным местоимением. Глаг. *доос-*, возможно, имеет общую этимологию с монгол. глаг. *төгсөх* 'кончаться, завершаться' и *төгсгөх* 'кончать, завершать'» (ИП, *240*).

Очевидно, указ. монгол. глаголы не имеют прямого отношения к тув. *доос-*: последний восходит к монг. *дуус-* 'кончать, завершать' (см. **доос-**). Кроме того, хотя связь *дооза* и *доос-* семантически допустима, но глаг. основа *доос-* представляет собой сравнительно недавнее заимствование. Образование же от нее деепричастия, а от него — местоимения является, скорее всего, довольно длительным процессом. Поэтому указ. способ образования *дооза* не представляется нам очевидным.

У данного местоимения имеются такие соответствия, как саг., шор. *тоза* 'все, все вместе' (где, впрочем, долгота могла быть не отражена по ошибке, а также не исключена позднейшая замена долгого гласного кратким) и, что более важно, др.-уйг. *toza* 'все' (ДТС, *579*). Кроме *toza*, указ. источник дает переднерядные варианты *tözä*, *tözü*, *tözi*, *tözügü* 'все' (ДТС, *583*); ср. также др.-уйг. *tözin* 'весь, полностью' (Тугушева, *374*).

М. Рясянен рассматривал в одном ряду др.-уйг. *tosï* 'все' (отсутствующее в ДТС), *tözü* то же; шор., саг. *тоза*, тув. *дооза*, хак. *тооза* 'все' и *тооз-ыл-* 'кончаться (< *тоос-* 'кончать'), которые сопоставляются с монгол. *too* 'многие' (?) (в реальности — 'количество, число'); а в числе тюрк. слов приводятся др.-тюрк. *toš-* 'наполнять', уйг. *тош-* (по РСл.) 'быть полным' (EW, *491*). Все это не создает цельной картины происхождения тув. *дооза* и его соответствий.

Остается также неясным то, какие из вариантов местоимения (передне- или заднерядные) являются исходными. Кроме того, эти варианты, возможно, не являются гомогенными, а лишь образованы от близких по звучанию, но совершенно различных по своей семантике основ (главным образом, очевидно, глагольных) отчасти с помощью идентичных или сходных формантов: ср. *toz-a-* и *töz-ä* (*töz-ü*, *töz-i*).

Что касается переднерядных форм местоимений, то они, вероятно, имеют общее происхождение с отмеченным в памятниках именем *туз* 'полный, совершенный, цельный, целиком', характеризуемым семантикой тотальности и цельности. *Туз* с указ. значениями относится к имени *дуз ~ туз* 'прямой, ровный, гладкий; правильный, верный' и под. (ЭСТЯ III, *309—310*); имеет также глаг. соответствие *дуз- ~ туз-* 'приводить в порядок; приводить в нужное состояние, устраивать, снаряжать; делать что-л., устраняя недостатки; комбинировать, составлять, сочинять' и т.п.

По всей вероятности, др.-тюрк. *tözä*, *tözü*, *tözi* и *tözin* 'все' образованы от глаг. основы *туз-* и гомогенны с такими отмеченными в памятниках образованиями, как *дуз-и* 'полностью', *diz-gi* 'соразмерный, полный, совершенный' (ЭСТЯ III, *313*). Др.-тюрк. *tözü-gü* — возможно, связано с именной основой *туз* (**töz-u-gü*).

Расхождение в степени широты гласного между *tözä...* и *туз ~ туз-* может быть мнимым, поскольку у др.-тюрк. местоимения (или местоимений) с переднерядным вокализмом отсутствуют соответствия в совр. тюрк. языках. В то же время в др.-тюрк. памятниках гласные *ө и ү* по написанию не различаются, и обозначение в *tözä* и его фонетических и морфологических вариантах широкого гласного в первых слогах имеет условный характер и связано с традицией, восходящей, по-видимому, к В.В. Радлову (см.: РСл. III, *1267*). Не случайно *tözä* в ДТС дается с вариантом *tüzä*, а *tözü* — с *tüzü* (ДТС, *602—603*). Указ. местоимения могут иметь и иную этимологию (см. **дөс**).

Др.-тюрк. *toza* 'все' (ср. др.-уйг. *tosï*, по Рясянену), по-видимому, производное от тюрк. глаг. основы, бытующей в вариантах *дос- ~ тос- ~ тоз-* 'кончать(ся), заканчивать(ся)' (см.: ЭСТЯ III, *272—273*, а также **дос-**); ср. также сал. *tos-* 'оканчиваться, завершаться; прекращать (течение крови)'; которое в служебной функции указывает на полное окончание действия (Тенишев. Сал., *515*).

Таким образом, в семантическом аспекте происхождение *toza* также связывается с глаг. основой, обозначающей завершение действия, хотя ее связь с монгольской, имеющей подобную семантику, остается неясной. Долгота гласного в тув. *дооза*, хак., шор. *тооза* может быть обусловлена контаминацией с монгол. заимствованием *доос- ~ тоос-* 'кончать', которое имеется в указ. языках.

доозун 'пыль, клубы пыли'.

Ср. алт. *тозын ~ тоозын* 'пыль', кирг. *тозын* 'мелкая пыль в воздухе', хак. *тозын* 'пыль', алт., хак. диал., шор. *тозын ~ тозун* то же (РСл. III, *1215*, *1216*), чаг. *тозаң*, вост.-тюрк. и др. *тозан* 'пыль, пыль в воздухе' (РСл. III, *1214*).

В сиб.-тюрк. языках рассматриваемое слово в основном является вторичным монгол. заимствованием: п.-монг. *toγusun* 'пыль, прах', монг. *тоос(он)* 'пыль, цветочная пыльца', калм. *тоосн* то же, бур.

тоохо(н) 'пыль', которые, в свою очередь, связаны с тюрк. основами *тог* 'пыль' и под. (см. **довурак, дой II**).

Наиболее определенно можно говорить о монгол. происхождении тех слов и их вариантов, где сохраняется долгий гласный первого слога (тув. *доозун*, алт. *тоозын*). Формы *тозын* (в т.ч. и кирг.) ~ *тозун* относятся к монголизмам с определенной долей вероятности: здесь можно предположить утрату долготы указ. гласного, хотя не исключено их образование от глаг. основы типа *тоз-* 'обратиться в пыль' (см.: РСл. III, *1213*).

Еще более вероятно тюрк. происхождение вариантов *тозаң*, *тозан*, образованных от основы типа тур. *тоза-* 'подниматься (о пыли)' (РСл. III, *1214*).

доон, тоон: ээги доону (тоону) *фолькл.* 'сустав ребра, место его соединения с позвоночником (у животных, в частности у лошадей)'.

Семантика тув. *доон*, *тоон* реализуется в указ. сочетании со словом *ээги* 'ребро'. Ср. кирг. *тоом* (диал. *тогом*) 'место соединения позвонков; место соединения (разделения) дорог; [железнодорожный] узел' (ср.: КРС, *749* — с иным порядком и отчасти определением значений), сопоставимое с *тогоо* 'кольцо (напр., для связки ключей); звено (цепи)' (КРС, *740*). Ср. также чаг. *тоган* 'деревянное кольцо на конце веревки, служащее подвижной петлей' (РСл. III, *1159*).

Можно полагать, что данные слова образованы от глаг. основы с семантикой типа 'соединять(ся), сгибая, скручивая что-л.', которая гомогенна с др.-уйг. *тог-* 'вращаться' (Малов. ЯЖУ, *121*), соотносительной с турк. *тов* 'скручивание веревки (в определенных словосочетаниях); завод (часов)' и под. (см. **докулчак, доора- II**).

Тув. *доон*, кирг. *тоом*, чаг. *тоган* — производные от глаг. основы типа *тог-* или **тог(а)-*, образованные соответственно с помощью аф. *-н*, *-м* и *-ң*. *Доон* < **тогын* (*тогун*) и, возможно, представляет собой вариант тюрк. слова типа каз. *тогын* 'обод (колеса)' и его соответствий (см. также **тогана**).

К числу образований от указ. основы могут быть отнесены азерб. *доганаг* 'рогатка или кольцо для подпруги', считавшееся производным на *-анаг* от неясной основы (АИ, *226*), и як. *тогонох* 'локоть', имеющее, по всей вероятности, ту же структуру, что и *доганаг*. Интерпретация як. слова как бур. заимствования (Дыбо, *194*, *229*) едва ли оправдана.

доора- I 'распиливать (раскалывать) поперек; резать на куски, крошить, ломать на куски (напр., мерзлую лепешку)'.

Ср. тоф. *доора-* 'рубить или резать поперек', а также общетюрк. глаг. основу *догра- ~ тогра- ~ тогыра-* 'резать на мелкие части; дробить, крошить; рубить на мелкие куски...'. Как полагал Э.В. Севортян, она образована от глаг. **тог-* (который он видел в составе *доган...* 'сокол' и др.) или от его именного коррелята **тог*, кото-

рый вычленялся исследователем в составе тув. *тог-ла-* 'крошиться, сыпаться...' (ЭСТЯ III, *248–249*); но тув. *доора-* в соответствующей статье не приводится.

Версия Э.В. Севортяна (в особенности ее последний вариант) в целом приемлем, в т.ч. и относительно тув. *доора-*, но она удовлетворительно объясняет появление лишь семантики, характеризующей нарушение цельности материального объекта путем его разделения на мелкие части ('резать на куски, крошить...'), а не по поперечному сечению (в т.ч. и на крупные части) ('распиливать, раскалывать поперек'; ср. также тоф. *доора-*). Появление подобного, по-видимому, специфичного для тув. и тоф. слов, значения может быть следствием вторичного сближения *доора-* с именной основой *доора* 'поперечный; поперек...' и влияния этого имени на семантику глаг. основы. В результате, последнее стало обозначать действие, направленное поперек материального объекта. И глаг. основа, в свою очередь, повлияла на данное значение, придав ему деструктивный характер, связанный с нарушением цельности соответствующего объекта.

С точки зрения звукового облика тув. *доора-* следует отметить появление у него вторичного долгого гласного, восходящего к комплексу из двух гласных с интервокальным *-г-*, причем второй гласный был, скорее всего, вставочным: *доора-* < **тог(ы)ра-* или под.

доора- II *фолькл.* 'объезжать вокруг'.

Ср. кирг. *тоору-* 'подкарауливать; выслеживать разведывая, ходить вокруг', *тоорункай* 'вертячка' (болезнь скота), *туурда-* 'бродить вблизи чего-л., вокруг чего-л. (напр., вокруг аула)'. Возможно, вышеприведенные глаг. основы образованы (с помощью аф. *-а-*, *-у-*, *-да-*) от именной основы, подобной **тогур* *'кружащий(ся)' (< *тог-* 'вращаться, кружиться'; *см.* **доон**).

В случае с *доора-* допустима также праформа **тог(ы)-ра-*, где **тог* — именное соответствие *тог-*, (*ы*) — вставочный гласный и *-ра-* — глаголообразующий аф. В отношении структурного соответствия ср. **доора- I**.

доора 1. 'поперечный; поперек; косвенный; посторонний, другой'; **2.** 'ширина; основание (юрты)'.

Ср. тоф. *доора* 'поперечный; поперек'. В ЭСТЯ (III, *250–251*) тув. *доора* включено в статью, где рассматривается происхождение тюрк. *догры ~ тогры*... 'прямо(й); верный, истинный, правдивый' и т.д. (обычно оканчивающихся на узкий гласный). В той же статье, кроме *доора*, рассматриваются и другие имена, в основном с конечным *-а* и семантикой, подобной *доора*: шор. *тогыра*, хак. диал., чаг., уйг. *тогра* 'поперечный, поперек; (по)сторонний, чужой', алт. диал. *тӯра* 'ширина; сторона, на стороне; поперечный, поперек' и под. (см.: ЭСТЯ III, *249–250*).

Весь этот материал, как полагал Э.В. Севортян, связан с др.-тюрк. *toγ-* 'подниматься, вздыматься' в залоговой форме *toγur-* (ЭСТЯ III, *251*). А.М. Щербак *тогры...* считает производным от др.-тюрк. *тогур-* 'идти напрямик', что более реально, но к числу подобных образований также относит тув. *доора* и сходные с ним слова (Щербак 1987, *88*).

Э.В. Севортян в определенной мере сомневался в принадлежности подобных слов к числу расматриваемых им, указывая, что их значения предстают оторванными от основной группы, и «путь их выработки... остается неясным» (ЭСТЯ III, *251*).

Вполне очевидно, что имена типа тув. *доора* гетерогенны по отношению к *догры ~ тогры...* 'прямой'. Так, хак. *тогыра* 'напротив' интерпретируется как деепричастная форма от основы *тогыр-*, семантика которой не указана (ХРС, *229*), однако в другом источнике приводится хак. диал. (саг.) *тогур-* 'отстраняться, отходить в сторону' (РСл. III, *1164*). Основа *тогур-* связана с глаг. типа *toγ-* 'переходить, переступать' (ЭСТЯ III, *251*) или с его возможным именным соответствием **тог*: ср. уйг. диал. *тог-ра-* 'ехать на животном, свесив ноги на одну сторону' (Малов. УНС, *159*).

От *тог-* (*toγ-*) или **тог*, по всей вероятности, образованы также хак. *тогыр* 'поперек; против, напротив', с.-югур. *тогур ~ тогыр* 'другой, иной', а также каз. *тогут-* 'перегонять через реку баранов'.

Тув. *доора*, как и хак. *тогыра*, образовано от глаг. основы типа *тогыр- ~ тогур-* 'отстраняться, отходить в сторону'; ту же структуру, по-видимому, имеют и их близкие соответствия с конечным *-а* — словообразовательным аф. (первоначально — формант, образующий деепричастие?).

Есть слова, которые могут быть результатом контаминации основ *тогры...* и **тог(ы)ра*: ср. уйг. диал. *тогру* 'прямой; противоположный, противостоящий', чаг., вост.-тюрк. *тогру* 'напротив, противостоящий; прямой, верный' (Малов. УНС, *159*; РСл. III, *1167*).

доорамчы 'мороженая мякоть мяса или внутренности, которые режут на мелкие куски и из которых варят суп'.

Ср. хак. *тогырамчы* 'блюдо из накрошенного мяса барана (желудок, рубец, сычуг, тонкие кишки, ливер, ребра)', хак. диал. (саг.) *тограмчы* 'мясо, разрубленное на мелкие куски' (РСл. III, *1167*); В.В. Радлов вполне оправданно связывал последнее с *тогра-* 'крошить' (см. также **доора- I**), однако аф. часть представлена им в виде *-м + чы* (Там же), что не вполне ясно. То же следует сказать и о родственном с указ. словами турк. *доградмча* 'кусочек мяса без костей'.

По-видимому, *доорамчы* образовано от указ. глаг. основы посредством аф. *-мчы*, который, очевидно, следует отличать от форманта *-мча* (реже его варианта *-мчы*), образующего существительные с

абстрактной семантикой и заимствованного из монгол. языков (см.: ИП, *169—170*).

Доорамчы определенно не монголизм, и по значению оно далеко от образований на *-мчы*. Можно полагать, что производные с конкретной семантикой, означавшие результат действия, были характерны для части тюрк. языков еще в домонгольский период. Ср., напр., тоф. *немчжі* 'части туши зверя... которые съедали по обычаю коллективно', связанное с др.-тюрк. *je-* 'есть', и некоторые другие одноструктурные с ним слова, где аф. *-мчы*... считается заимствованным из монгол. языка (Рассадин. Морфология, *80*), но, скорее всего, таковым не является.

доорбаш 'бревно; обрубок бревна, чурбак'.

Ср. тоф. *тоорбаш* 'бревешко для костра', алт. *тоормош* 'бревно', алт. диал. *тӧрмош* 'бревно; чурбан, полено', которое В.В. Радлов сопоставлял с кр.-тат. *тӧрок* 'бревно, брус; чурка' (РСл. III, *1190—1191*); ср. также шор. *тоорум* 'зарубка', алт. диал. *тоорым агаш* 'обтесанное бревно; сутунок, брус' (ГАЯ, *270*), хак. *тоортпах* 'чурка для рубки дров'.

Доорбаш и под. кажутся родственными с *доора-* 'распиливать, раскалывать поперек' (см. **доора- I**). На подобные сопоставления ориентирует и анализ алт. *тоормош*, которое, по Н.П. Дыренковой, членимо на глаг. основу *тоор-* 'резать поперек, срезать вершину дерева' и *-мош* (< *-мыш* — аф. причастия прошедшего времени в огуз. языках) (Дыренкова, *45*).

Вышеприведенная семантика, скорее всего, вторична для тув. *доора-*, а указанное значение алт. *тоор-* в других источниках отсутствует.

В диалектах алт., шор. и хак. языков отмечена глаг. основа *тоор-* 'колоть дрова; обтесать (дерево); обстричь волосы, обрезать полы одежды; сделать зарубку' (ГАЯ, *270*; РСл. III, *1180*), которая едва ли имеет этимологическую связь с тув. *доора-*, алт. *тоор-* (по Дыренковой). *Тоор-* 'колоть дрова', по-видимому, < **тогур-*, которая, вероятно, образована от основы **тог-* или **тог*, они связаны с представлением о коротком или круглом (см. **докулчак**).

Аф. элемент *-баш* в *доор-баш* или *-мош* в алт. *тоор-мош* по фонетическим основаниям едва ли может быть сближен с *-мыш*. Он может быть сопоставим с аф. *-мач*: ср. азерб. *дограмач* 'окрошка' < *дограр* 'резать на мелкие куски, части; колоть на куски; рубить, крошить' (АИ, *360*).

***доору** 'основание, низ; корень, нижняя часть (дерева, травы, волос)'.

Слово отмечено только в качестве второго компонента изафетных сочетаний и в форме *доорзу*, ср.: *даг доорзу* 'основание (низ) горы' (*даг* 'гора'), *ыяш доорзу* 'нижняя часть, комель дерева' (*ыяш* 'дерево'), *дүк доорзу* 'корень волоса' (*дүк* 'волос') и под.

Ср. тоф. *доору ~ доорыы ~ тоору* 'корень (центральный); черешок, плодоножка' (Рассадин. Словарь; ТРС-РТС, *70*). Можно думать, что, поскольку *-зу* — вариант аф. принадлежности 3-го л. (присоединяется к основам на конечный гласный), тув. слово, очевидно, имело исходную форму **доору*: *доорзу* < **доору-зу* в результате утраты внутренней формы слова и редукции гласного второго слога.

Можно предположить, что тоф. *доору...* и тув. **доору* (*доорзу*) восходят к общетюрк. глаг. основе *дог- ~ тог-* 'рождаться; возникать, получать начало', но непосредственно связаны с ее каузативной формой на *-(ы)р-* — *догур- ~ тогур-* 'рождать, рожать, производить на свет' (см.: ЭСТЯ III, *245, 247*), у которой вероятна также семантика 'давать начало'. Таким образом, *доору ~ тоору* < **тогур-у*, где **тогур-* — соответствие указ. формы, а *-у* — имяобразующий аф.

доос- 'оканчивать, заканчивать, завершать'.

Ср. хак. *тоос-* 'кончать, заканчивать', шор. *тоос-* то же; каз. *тауыс-* 'кончать, исчерпывать, израсходовать', ккалп. *тувус-* 'израсходоваться, кончиться'.

Монголизмы. Ср. п.-монг. *dayūs-*/монг. *дуус-* 'кончать, завершать'. Тув. *доос-*, а также его хак. и шор. соответствия связаны по происхождению, видимо, с монг. языком, а каз. *тауыс-* — с формой, близкой п.-монг. *dayūs-*. Точка зрения, согласно которой каз. слово — производное от некоей основы **тау* [taw] 'нечто малочисленное, малое, иссякающее, исчерпывающееся' (Кайдаров, *283*), является, определенно, ошибочной. К форме, подобной *dayūs-*, восходит, вероятно, и ккалп. *тувус-*.

доос: алдын-доос (тогус) 'павлин', **доос, тоос** *редк.* то же.

Компоненту *доос* (*тогус*) и слову *доос, тоос* в ряде тюрк. языков соответствуют формы *тавус, тауыс, товус ~ товуз* и под. М. Рясянен дает тюрк. **tawus* как заимствование из перс.-араб. *tā'us*, а последнее возводится к греческому. Он же приводит монгол. параллели (EW, *467*).

Б.Я. Владимирцов дает монгол. название павлина как пример появления гласного *о* на месте *а*: п.-монг. *tayus* 'павлин' (< тюрк. *tawus ~ tawыs* < перс. *taus* < арамейск. *tawus*) > нов. п.-монг. *toyus*, монг. *тогос*, зап.-монгол. *тогос* (Владимирцов. Ср. грамматика, *147*).

Тув. *доос ~ тогус* явно заимствовано из монгол. языков. Украшающее определение *алдын* 'золотой' добавлено к этому слову, вероятно, уже в тув. языке, хотя не исключено и то, что название павлина как композиты типа *алдын-тогус* могло бытовать в каком-либо из монголоязычных источников.

доос-кара 'жук'.

Ср. диал. *томус-кара ~ тоос-кара, доос-курт* 'жук', *томускаяк* 'черный жук с рогами', а также уйг. *томуз*, чаг. *томузган, томузлан* 'жук' (РСл. III, *1238, 1172*), турк. *томузган, томзак* 'жук-навозник'.

В тув. языке и его тодж. диалекте название жука двухкомпонентно, причем вторым компонентом является *кара* 'черный'. У тувинцев Кобдоского аймака Монголии им оказывается слово *курт* 'червь'. И наконец, в речи населения на юго-востоке Тувы (район оз. Тере-Холь) **томус* является частью производной основы *томус-каяк*, где *-каяк* < *-ка-йак* — составной аф. элемент, по-видимому, с уменьшительно-уподобительной семантикой, характерной и для других названий насекомых (ср., в частности, **кымыскаяк**).

По-видимому, то же значение имеют соответствующие аффиксы в чаг. и турк. *томуз-ган* и *томзак* < **томуз-ак*.

В чистом виде основа *томуз*, как явствует из вышеприведенных материалов, сохраняется в уйг. языке со значением 'жук' (по РСл.). Вероятно, в основу названия жука типа *томуз* (*томус*) положен признак '(о)круглый (обычно, о небольших предметах)', выражаемый именной основой **том* (ср. уйг. диал. *том* 'круглый (выпуклый)') или соответствующей ей глаг.: ср. турк. *том-мак* 'округлый конец палки, набалдашник', *том-мук* 'кочка, бугор'. См. также **домур-**, **довук**.

В части тюрк. языков название жука бытует в вариантах *коңыс ~ комыс ~ комуз...* (см.: РСл. III, *522, 670, 671*), что можно интерпретировать как пример чередования *т ~ к* (см., в частности: ЭСТЯ I, *256*), и в основе наименования с начальным *к-* может быть тот же мотивирующий признак, что и в случае с *томуз*. Ср. тув. *доңгурак ~ коңгурак* 'бутон' (см. **доңгурак II**, **коңгурак**).

С наименованием *коңыс* сопоставлено як. *хомурдуос ~ хоңурдуос* 'жук' (Пек. III, *3476*). В EW (с. 281) такое сопоставление дается с вопросом, что более правомерно. Не исключено и то, что второй компонент як. слова (*-дуос*) сопоставим с тув. *доос...* и его соответствиями в других тюрк. языках.

Тув. *доос-* ко времени его появления в данном языке могло еще сохранять первоначальную семантику 'круглый' и соответственно *доос-кара*, возможно, некогда означало 'круглый-черный', а *доос-курт* — 'круглый червь' или 'круглое насекомое' и под. Характер изменений *томуз* (< **том-у-з* или **том-(у)з*) > *доос* (*тоос*) понятен; ср. варианты *хомус* и *хоос* 'хомус' (музыкальный инструмент) и под.

допар: **допар балды** 'колун'.

Сочетание тув. (тюрк. по происхождению) слова *балды* 'топор' и рус. заимствования *допар* < *топор* со специализированной в тув. языке семантикой.

допуржак: **допуржак кымчы** *фолькл.* 'большая, богатырская плеть' (по ТРС 1968, 'маленький кнут, маленькая плеть').

Ср. хак. *тобырчых, томырчых* 'нагайка, короткая плетка' (ХРИЭС, *145*), алт. *тобурчук* 'нагайка с завитым концом' (ГАЯ, *267*), чул.-тюрк. *то:бырчак* 'плетка', шор., алт. диал. *тобырчык* 'узел на

конце плетки; нагайка с завитым концом' (РСл. III, *1233*), а также сиб.-тат. *тобурзук* 'еловая шишка', *тубырцык* 'коленная чашечка', каз. *тобыршак* 'задняя нога у скота' (РСл. III, *1233, 1515*), каз. диал. *тобыршак* 'надколенная чашечка' (Аманжолов, *411*), кирг. *тобурчак* 'хорошая большая лошадь, боевой конь'; 'град', диал. *карагайдын тобурчагы* 'еловые шишки', тат. *тубырчык* 'шишка (напр., сосновая)'; диал. 'пробка, затычка; втулка', полов. *топурчак* 'круглый' (РСл. III, *1224*).

Материалы словаря В.В. Радлова использованы в труде Б.Я. Владимирцова как часть параллелей к п.-монг. *тоγиrčaγ* 'волосы, собранные чубом; цветочная чашечка, шишка хвойного дерева; шапка конусообразной формы', монг. *тōрцōг* 'шапка-тоорцык конусообразной формы с шишечкой наверху' (Владимирцов. Ср. грамматика, *210–211*), что достаточно правомерно с точки зрения семантики, поскольку в обоих случаях говорится о предметах округлой формы. Помимо этого и в целом можно констатировать родство указ. наименований.

В случае *тоγиrčaγ/тōрцōг* как названия головного убора применительно к тув. языку можно говорить о заимствовании из монгол. языков (см. **довурзак**). Относительно *допуржак кымчы* (где *кымчы* восходит к наименованию кнута, плети: см. **кымчы**) следует констатировать, скорее, тюрк. происхождение компонента *допуржак*. На материале монгол. языков Б.Я. Владимирцов отмечает только одно семантически близкое к *допуржак кымчы* наименование — ойр. (захачинский говор) *товрцог* 'шишка; нагайка с завитым концом, узел на конце плети', к которому едва ли может быть возведено *допуржак* [доппуржак]. Думается, что указ. монгол. слово восходит к тюрк., имевшему форму **топуржак* < **топур-чак*. Фольклорное название богатырской плети в тув. языке фиксируется и в вариантах *довурзак* и *допурзак* (ТГС, *560*), первый из которых, возможно, является вторичным монголизмом, а второй — своего рода контаминацией *допуржак* и монгол. заимствования.

Топур-чак* (ср. полов. *топурчак* 'круглый', вероятно, с семантикой, близкой к исходной) ~ **топур-чык* (ср. *тобырчык* и другие варианты с узким гласным в аф. компоненте) могут быть по структуре бывшей формой диминутива от основы **топур* ~ *топыр*, связанной с **топ* или **топ-*, которые рассматривались здесь в статье **довук (см.): ср. шор. саг. *тобыр* 'тупой, короткий' (РСл. III, *1515*) (с учетом того, что в тюрк. языках подобные слова имеют значения типа 'короткий', сочетающиеся с семантикой 'круглый' и под.: см., в частности, **докулчак**). Ср. также азерб. *тупурча* 'карапуз', где *-ча* — аф., вносящий значение ослабления признака, выраженного основой, или уменьшительно-ласкательное (см.: АИ, *112 и след.*).

Однако с помощью аф. *-чак*, омонимичного уменьшительному, могут образовываться отглаг. имена. Не исключено, что ***топур-чак* относится к их числу, и лишь в части случаев могло быть вторично осмыслено как уменьшительная форма (ср. перевод *допуржак кымчы* как 'маленькая плеть' в ТРС 1968).

допчу I [оъ] 'краткий, сокращенный, сжатый (о тексте, изложении)'. Монголизм. Ср. п.-монг. *tobči* 'сокращенное, сжатое изложение', монг. *товч* 1. 'краткий, сокращенный'; 2. 'резюме'.

допчу II [оъ] *уст. фолькл.* 'пуговица; застежка'; **допшу** [оъ] 'пуговица, завязка (у национального халата); сосок'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *tobči* 'пуговица; сосок; пуля', монг. *товч(ин)* то же. О других значениях монгол. слова, в т.ч. 'застежка' и под. см.: Алтан тобчи, *39—42*.

В тув. языке отмечены два варианта заимствования: *допчу*, более близкий к монгол. оригиналу фонетически, и *допшу* — с закономерным изменением *ч* > *ш*. Кроме того, эти варианты различаются и семантически.

Подобный же монголизм (в значении 'пуговица') отмечен в кирг. (*топчу*), алт. (*топчы*) и некоторых других тюрк. языках. Монгол. слово обнаруживает связь по происхождению с тюрк. языками, в частности с именной основой *топ* 'всякая круглая вещь; мяч(ик), ядро' и под. См., в частности: РСл. III, *1220*, а также **довук**.

Обращает на себя внимание уйг. *топча* 'пуговица; сосок', которое также могло быть монголизмом, хотя это, скорее всего, уменьшительная форма от *топ*, образованная с помощью аф. *-ча*. Вероятно, именно такая тюрк. форма была исходной для монгол. слова. Ср. по структуре азерб. *дуймәчә* 'пуговка' < *дуймә* 'пуговица, кнопка; завязь, бутон' (АИ, *115*).

В ТРС (1968, *173*) *допшу* 'завязка' и *допшу* 'сосок' даются как омонимы, но думается, что это явление можно интерпретировать в качестве переноса наименования по сходству обозначаемых предметов (метафора), как это имеет место в монгол. материалах.

допчулал [оъ] 'обзор, обозрение; краткое изложение'.

Возможно, *допчулал* представляет собой собственно тув. образование от глаг. *допчула-* 'излагать вкратце, сокращенно; говорить коротко, сжато' < монгол.; ср. *tobčila-/товчлох* 'сокращать, изложить сокращенно; резюмировать' < *tobči/товч* (см. **допчу I**). Непосредственного соответствия в монгол. языках не обнаружено.

допшу см. **допчу II**.

дора I 'хуже'.

Тув. *дора* — монголизм (см.: Рассадин. МБЗ, *60*). Ср. ср.-монг. *doro* 'слабый, слабосильный; без способностей, посредственный; низкий, ничтожный' (Поппе. Мук.), п.-монг. *dora* 'под, внизу; низ', монг. *дор* 'внизу, вниз, низко, ниже; хуже'. *Дора* I, скорее всего, имеет сво-

им источником совр. монг. язык. В свою очередь, монгол. слово может иметь тюрк. происхождение (см., напр., **дора-өлчүк**).

См. также **дора II**.

дора II 'нижний круг (основание) юрты; завалинка'.

Очевидно, как и предыдущее слово (см. **дора I**), *дора* является монгол. заимствованием, причем связано с тем же прототипом, но представляет результат развития других его значений. Ср. п.-монг. *doro...* 'низкий', (Поппе. Мук.) *dora* 'низ'; однако у монгол. соответствий отсутствует та конкретная субстантивная семантика, что присуща тув. *дора*. Подобная семантика отмечена у слова, родственного *doro...* каковым является, напр., монг. *дорд* 'нижняя часть, нижняя сторона юрты (со стороны двери)'.

дораа, дораан 'сразу (же), немедленно, тут же, моментально, вмиг'.

Относится к числу монгол. заимствований в тув. лексике (см.: Рассадин. МБЗ, *60*), где, однако, не указан прототип тув. слова.

дораан см. **дораа**.

дорада-, дорайта- 'становиться плохим, ухудшаться; приходить в упадок, деградировать'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *doroda-* 'ослабевать, приходить в упадок; находиться в стесненном положении' < *doro* 'слабый' и под. (см. **дора I, II**), п.-монг. *doroita-* 'ослабевать, опускаться, беднеть, уменьшаться' и пр. / монг. *доройтох* 'ослабевать, ухудшаться' < *doroi / дорой* 'слабый; низкий, ничтожный'; ср. **дора I**.

дорай см. **донай**.

дорайта- см. **дорада-**.

дорала 'гнедо-пегий, гнедой с белыми пятнами (о масти лошади)'.

Тув. *дорала* — результат слияния двух основ: *доруг* 'гнедой' и *ала* 'пестрый; черно-белый'. См. **доруг, ала I**, а также **сарала**.

доралчык см. **дора-өлчүк**.

дорамча 'оскорбление, унижение'; **дорамчыла-** 'оскорблять, унижать; глумиться, кощунствовать'; **дорамчылал** 'оскорбление, унижение; глумление, кощунство'.

Монголизмы. Ср. п.-монг. *doromji* 'низкий, низкого звания; унижение, презрение', *doromjila-* 'унижать, относиться с пренебрежением, порицать, поносить' (монг. *доромжлох* то же), *doromjilal* 'унижение, презрение; порицание, поношение', монг. *доромжлол* то же.

дорамчыла- см. **дорамча**.

дорамчылал см. **дорамча**.

дора-өлчүк *презр.* 'голодный, нищий; голодранец'; **доралчык** *редк.* то же.

Образовано от словосочетания *дора өл-* 'умирать с голоду', где первый компонент — деепричастие на *-а* < **дор-* 'голодать' (см. **ардор-**, ср. также *арган-дорган* 'худой, тощий, хилый', як. *туор-* 'тощать' и под.; EW, *489*), второй — глаг. основа *өл-* 'умирать'. Аф. *-чүк* в *өл-чүк* — очевидно, формант, образующий имена от глаго-

лов. Отглаг. производные с аф. *-чик ~ -чук* сохранились в ряде тюрк. языков, в частности огузских (АИ, *188*). Глаг. сочетание, соответствующее тув. *дора өл-*, отмечено также в алт. языке; ср. *торо өлду* 'умер с голоду', а также *торо* 'голодный, скудный; недостаток' (ГАЯ, *270*).

Иногда в тув. речи встречается вариант выражения *дора-өлчүк* со слиянием компонентов и их сингармонизацией: *дора-өлчүк > доралчык.*

дорда *диал.* (Бай-Тайга) 'лакомство из гущи, оставшейся после топления масла и смешанной с мукой'.

Обычно этот вид еды именуется **чөкпек** (см.). Тув. диал. *дорда* имеет соответствия в ряде тюрк. языков, хотя и с несколько иной семантикой: ср. алт. *дордо* '(п)одонки', шор. *тордай* 'осадок (масла)', каз. *торта* 'вытоп; осадок растопленного сливочного масла'; хак. диал. *торда* то же; ног. *торта* то же; тат. *турта* 'отстой, вытопки (после вытапливания масла)', башк. *турта* 'накипь, образующаяся при варке мяса', тур. *tortu* 'осадок, отстой; гуща, выжимки; осадочные отложения; налет, нагар (в канале ствола после выстрела)'; азерб. *торта* 'осадок, отстой; гуща'. Можно полагать, что с указ. словами родственны чаг. *торак* 'сыр' (см.: EW, *490*), тат. *тура* 'сорт домашнего сыра', узб. *турп* 'выжимки; шелуха, скорлупа', хак. диал. *торап* 'непрозрачность, мутность' (последнее — в кн.: РСл. III, *1181*), хак. *торап ~ торып* 'остатки; осадок'.

Вероятно, вышеприводимые слова являются производными от глаг. основы **тор-*: ср. каз. **тор- ~ торы-* 'перегораживать, устраивать засаду' (Кайдаров, *288*), алт. диал. *торо-* 'задержать, остановить' (РСл. III, *1181*), тоф. *тор-* 'задерживаться, застревать' (см. также **торул-**), у которых имеются соответствия и в монгол. языках типа п.-монг. *tor-* 'быть задержанным, остановленным; запутаться в чем-л.; задеть, зацепить за что-л.; наткнуться на что-л.' / монг. *торох* 'натыкаться на что-л., задевать; быть пойманным на слове' и под.

С точки зрения структуры, интересно уйг. диал. *dor* 'остаток после отстаивания масла' (Тенишев. УДС, *48*), которое, возможно, свидетельствует о наличии у основы **тор-* именного соответствия. Но не исключено, что форма слова *dor* — результат народной этимологии и осмысления **дор-та* как формы местного падежа от **дор.*

Торта и родственные с ним слова можно интерпретировать как названия объектов или явлений, которые задерживаются, остаются на месте, выпадают в осадок и проч.

В тюрк. языках отмечена также и близкая по семантике к **тор-* основа *тоз- ~ тос-*, означающая 'преграждать путь; подставлять руку под что-л.; останавливать, подкарауливать' (см.: ЭСТЯ III, *272–273*; **дос-**), от которой, очевидно, образовано имя вроде каз. *тос-ап* 'нанос из остатков растений на поверхности озера; накипь

на стенках металлической посуды', ног. *тос-ап* 'накипь; осадок, пена' (ср. *тор-ап*, *тур-п*).

По всей вероятности, тув. *дорда* < **тор-та*, где **тор* — вышеуказ. глаг. основа, а *-та* — аф., образующий имена от глаголов.

дордум I 'выделанная верблюжья кожа' (из нее, в частности, изготавливаются чепраки).

Непосредственных соответствий в других тюрк. языках не обнаружено. Ср. як. *тордох уст.* 'копоть, сажа'; 'продымленный' (*тордох сарыы* 'продымленная ровдуга, оленья замша'); 'выделанная, пропитанная дымом кожа'.

Структурно *тордох* — производное от як. *тордоо-* 'коптить' < *тор* 'копоть, сажа, сера' (см.: Пек. III, *2736*, *2738*). Як. *тор* в словаре Э.К. Пекарского сопоставлено с п.-монг. *toruγ* 'копоть, сажа', ср. также п.-монг. *tortuγ* 'копоть, пыль на стенах, сажа' / монг. *тортог* 'копоть, гарь'. Однако характер отличий *тор* и монгол. слов не свидетельствует о его заимствовании. Скорее, возможными тюркизмами выглядят последние. Як. *тор*, думается, родственно тюрк. *дор* ~ *тор* 'бурый' и под. (см. **доруг**).

Тув. *дордум*, вероятно, является однокорневым с як. *тордох*, хотя структурно отлично от него: в *дордум* основа **дор* соотносительна с як. *тор*. Далее, можно предполагать существование глаг. **тор-(ы)т-*, образованного с помощью редк. глаголообразующего аф. *-(ы)т-* (ср. як. *тор-доо-*; по Пекарскому, < *тор-лаа-*).

От указ. глагола с помощью аф. *-(у)м* и образовано *дордум*, являющееся, по-видимому, достаточно древним и специфичным элементом тув. лексики.

дордум II 'простой шелк, креп'.

По-видимому, монголизм. Ср. п.-монг. *turtum* 'род шелковой ткани'; превращение последнего в *дордум*, возможно, обусловлено контаминацией с *дордум* 'выделанная верблюжья кожа' (см. **дордум I**). Допустимо, что на семантику *дордум* II повлияли также п.-монг. *durdung* 'креп, ткань из крученого шелка' / монг. *дурдан(г)* то же, считающиеся заимствованием из маньчж. языка (Бертагаев. Лексика, *303*).

Ср. также уйг. *дурдун* 'лучший сорт китайского шелка', *дудун* 'хорошая шелковая материя' < кит. (Рахимов, *161*).

дорзук [оъ] **1.** 'нижняя часть бедра, подбедерок; бурдюк, турсук (*сосуд, сделанный из кожи задней ноги животного*)'; *разг.* 'кобура; наган, револьвер и т.п.'; *диал.* 'деревянный плуг'; **2.** 'спущенный, низко висящий (напр., о штанах)'.

Ср. тоф. *дорзук* ~ *торсук* 'колено (у животного)', хак. *торсых* 'кожаный бурдюк для кумыса; четверть, стеклянная бутылка для водки; воздушный пузырь рыбы' (ХРИЭС, *150*), хак. диал. *торсук* 'кожаный мех для молока' (РСл. III, *1189*), як. *турсук* 'небольшое ведро

(подойник) из продымленной кобыльей кожи, употребляющееся при производстве кумыса' (Пек. III, *2844*), тат. *турсык*, башк. *турһык* 'бурдюк', каз. *торсык* 'бурдюк для хранения и перевоза жидкостей', кирг. *торсук* то же, ккалп. *торсык* 'пузырь; бурдюк'.

М. Рясянен (EW, *410*) ограничился приведением части указ. выше соответствий, притом с неполными семантическими данными, но без тув. *дорзук*, хотя последнее наряду с тоф. *дорзук ~ торсук* здесь очень важно, поскольку сохраняет более старое значение (название части тела животного, из шкуры которого изготовлялся сосуд, обозначением какового в основном исчерпывается содержательная сторона соответствий *дорзук* в тюрк. языках). Ср. также алт. *торсук* 'место повыше пятки', *торсок* 'мозоль'.

А.Т. Кайдаров правомерно сопоставляет каз. название бурдюка (*торсык*) с образной глаг. основой *торси-* (< **торсый-*) 'вздуваться, вспучиваться шишкой, вздуваться бугорком' (Кайдаров, *286*). Очевидно, *торсук ~ торсык...* является непосредственным производным с аф. *-к* от подобной глаг. основы аналогично тому, как алт. *торсок* 'мозоль' — от *торсой-* 'пучиться, вспучиваться; вздуваться (о мозолях)'.

В свою очередь, **торсый- ~ *торсай-* (ср. алт. *торсой-*) образованы от образной основы **торс*, связанной с представлением о чем-то округлом, вздувшемся и являющейся модификацией подобной же основы **тор* (см. **донай**); ср. также кирг. *торсогой* 'толстячок'.

Помимо глаг. основ с аф. *-ый-* (*-ай-*) от **торс* могли образовываться и глаголы с другими формантами, в частности *-ла-*, о чем свидетельствует, напр., хак. *торслах* (< **торс-ла-к*) 'воздушный пузырь рыбы'.

Тув. сущ. *дорзук* отличается от своих соответствий в основном более развитой многозначностью. Особо следует сказать об адъективном лексико-грамматическом варианте этого слова, означающим 'спущенный, низко висящий...' и образованным, по всей вероятности, от основы типа тув. *дорзуй-* [оъ] 'быть с полуспущенными, плохо подтянутыми (о штанах, брюках)' (< **торсуй-*). Характер отношений ее с **торсый- ~ *торсай-* недостаточно ясен, но эти основы явно имеют общий смысловой компонент, связанный с представлением о чем-л. нижнем, низком.

дорт [оъ] 'прямой; прямо, напрямик'.

Недостаточно ясно по своим соответствиям в тюрк. языках. В этих языках со значениями 'прямо(й)' и под. употребляется прил. *догры ~ тогры ~ тогру...* этимология которого в ЭСТЯ (III, *249—251*) выглядит не вполне определенной, в то время как А.М. Щербак связывает последнее с др.-тюрк. *тогур-* 'идти напрямик' (Щербак 1987, *88*), которое может быть образовано от именной основы типа **тог* 'прямой'.

О реальности последней можно судить на основании каз. **ту* (*tuw*) 'прямо, ровно, точно' при каз. *ту сыртынан* 'прямо (точно) в затылок' и *тураш* 'прямо(й); в самый раз, точно' (Кайдаров, *288*). С **тог*, вероятно, гомогенно *доң* 'прямо, напрямик' в языке тувинцев Кобдоского аймака Монголии (материалы П.С. Серен).

Существовала, вероятно, и соответствующая **тог* (и **ток*?) глаг. основа **ток*-... *'делать прямым; упорядочивать', реализовавшаяся в составе таких образований, как чаг. *тока* 'правило', др.-уйг. *тога* то же, *тогу* 'нрав, обычай' (РСл. III, *1146*, *1158*, *1162*); ср. также др.-тюрк. *törä toga* 'правило, закон' (ДТС, *580*), *törü togu* 'законы, обычаи' (Тугушева, *373*). Реальность связи указ. материала и слова *догры ~ тогры*... подтверждается тем, что для последнего весьма типична семантика типа 'правильный', 'справедливый, правый' и под.; отмечены также значения 'истина, правда; правосудие' (ЭСТЯ III, *250*).

Интересно, что в памятниках, а также в тур. диалектах у *догры ~ тогры*... отмечены варианты с метатезой срединных согласных вроде *доргу*, *torgy*, а также *torgu* (см.: ЭСТЯ III, *250*; ДТС, *578*).

Возможно, тув. *дорт* связано происхождением с вариантом, подобным *torgu*, который мог быть осмыслен как форма принадлежности 3 л. от некой основы **торк*. Последняя, в свою очередь, претерпела типичное для тув. языка изменение конечного сочетания *-рк* в *-рт* (ср., напр., **бөрт**). В рассматриваемом случае возможно также изменение по аналогии с *дургу* 'весь, целый; продолжительный' и *дурт* 'рост'. См. **дургу**, **дурт**.

Очевидно, ошибочным является сближение тюрк. *догры ~ тогры*... с тув. *доора* 'поперечный; поперек...' (см. **доора**).

С тув. *дорт*, может быть, родственно алт. диал. (туба) *торт* 'удобно'.

доруг 'гнедой; буро-коричневый'.

Соответствия имеются в основной части тюрк. языков, в некоторых из которых отмечен односложный вариант *до:р ~ дор ~ тор*... но для большинства из них характерны двухсложные — типа *до:ры ~ торы*... или *доруг ~ торуг* (последний зафиксирован в др.-тюрк. памятниках, а также в тоф. и хак. языках). В семантическом плане варианты достаточно единообразны. В частности, у всех отмечены значения 'гнедой; бурый', а у некоторых — 'рыжий; коричневый'.

Этимология неясна. Э.В. Севортян в дополнение к отмеченным приводит (ЭСТЯ III, *269*) также варианты *toγruq* и *togru* 'гнедой; коричневый', встречающиеся в отдельных источниках. Исследователь предполагает их гомогенность с *до:р*, *до:ры* и др. и считает, что они позволяют *до:р* реконструировать в виде **догур / догыр*, и «долгий гласный в таком случае оказывается вторичным».

Э.В. Севортян далее высказывает предположение, что наряду с именем *то:р* (*до:р*? — *Б. Т.*) или **тогур* существовал омонимичный с

ними глагол, от которого образовались формы *до:р-ы...* и *доруг ~ торуг* (ЭСТЯ III, *269*).

Сомнительно наличие вторичной долготы в турк. *до:р* и *до:ры* и ее отсутствие, к примеру, в тув. (и тоф.) *доруг*. Кроме того, остается неясной величиной структура реконструированной Севортяном именной основы **тогур*, не говоря уже о том, что сама ее реальность вызывает сомнение. Мысль о гомогенности *toγruq ~ togru* с *до:р* и под. верна, но их различия едва ли могут быть связаны с фонетикой, тем более применительно к турк. языку, более реально говорить о «первичных», нежели о вторичных долготах.

Различия указ. форм носят, скорее всего, чисто структурный характер. В одной из предшествующих статей (см. **додук-**) мы приводили, в частности, азерб. *тох* 'темный, густой (о красках); смуглый'. Можно предположить, что с этой именной основой или ее вероятным вариантом **дог ~ *тог* и могли быть связаны *toγruq* и *togru* (через посредство глаг. основы типа **тог-ур-* 'темнеть (напр., от загара), становиться смуглым, красновато-коричневым' и под., от которой и образованы при помощи аф. *-(у)к* и *-у* эти два слова).

Основу *тох* мы сближали с алт. *тот* 'загар', як. диал. *тот* 'солнечная активность весной...' (в ряде тюрк. языков соответствия этого слова имеют значение 'ржавчина', по-видимому, вторичное), выделив в них общую глаг. основу **то-* 'темнеть, грубеть (напр., о коже на солнце, на ветру и т.п.)' (?).

Возможно, производным, образованным с помощью аф. *-р* от той же основы, было и **тор* со значением определенного темного цвета, которое могло быть связано с дымлением, копчением (см. **дордум** I).

У этого прилагательного со значением цвета, масти, по всей вероятности, существовало глаг. соответствие **тор-*, семантически близкое **то-*. Эта основа явно выделяется в составе таких производных, как каз. *торгын* 'красноватый цвет (материи, платка)', в качестве структурного соответствия которому можно привести узб. *ёркин* 'светлый, ясный', ср. *ёруг* 'свет'; 'светлый' от **ёр-...* (АИ, *330*) и сал. *tor-ma* 'гнедой'.

Производными от этой же основы **тор-* могли быть варианты типа *до:ры...* (аф. *-ы*) и тув. *доруг* (аф. *-(у)г*).

дорук- 'расти; мужать, крепнуть'.

Непосредственных соответствий в других тюрк. языках не обнаружено, однако тув. *дорук-* определенно имеет связь с такими основами, как каз., ног. *торал-* 'подрастать', як. *торолуй-* 'расти, подрастать; мужать' и под., которые детально рассматривались нами в статье **донай** (*см.*).

Очевидно, существовала глаг. основа **тор- ~ *тора-* 'расти; выращивать'. Тув. *дорук-*, скорее всего, представляет собой форму пас-

сива с аф. *-(у)к* от ***тор-**, хотя здесь возможны и другие варианты интерпретации структуры данного глагола, поскольку существует и (ныне устаревший) словообразовательный формант *-(у)к-*, образующий отыменные глаг. основы и сохраняющийся в составе *некоторых из таких основ* тув. *языка* (*ИП*, *270*). При таком варианте объяснения тув. *дорук-* может быть истолковано как производное от ***тор**: ср. ст.-узб. (чаг.) ***тор*** 'теленок', тур. *tor* 'дикий, неприрученный, неопытный' и под. (см. **донай**). Ср. также **дорум**.

дорум 'верблюжонок (на втором году)'.

Ср. др.-тюрк. *torum* 'верблюжонок', турк. *to:рум* 'верблюжонок в возрасте от шести месяцев до года', тур. *torun* 'внук, внучка; двухгодовалый верблюд'. См. также: Щербак (ИРЛТЯ, *106—107*). По мнению **М. Рясянена, подобные формы относятся к числу монголизмов** (EW, *491*; ИОЭАЯ, *133*), хотя мотивировка этой версии отсутствует. В монгол. языках соответствия тюрк. слова действительно имеются: п.-монг. *torum*, бур., монг. *тором*, калм. *торм* 'двухгодовалый верблюд', но реальных доказательств в пользу исконно монгол. происхождения данного слова не приводится.

Едва ли др.-тюрк. (МК) ***torum*, а также, по-видимому, и его тур. и** турк. соответствия могут быть определены как монголизмы. Терминология, связанная с верблюдоводством, была заимствована монгол. языками из тюрк., в т.ч. и рассматриваемое название верблюжонка; см. также **бодаган**.

Тюрк. *torum...* — производное от глаг. основы ***тор-** или ***тор-у-** 'расти' **и под. (см. донай, дорук-), образованное при помощи аф.** *-(у)м* **(в случае с тур.** *torun* **— *при помощи аф.* *-(и)п*[1]).

Тув. ***дорум*** вполне может быть вторичным монгол. заимствованием, подобно *бодаган* 'верблюжонок до года'.

доруун 'довольно хороший, приличный'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *dorïγun* / монг. *дориун* 'хороший, положительный', бур. ***дорюун*** **'бодрый, сильный, крепкий, смелый, уверенный (в себе)'.**

дос- [оъ] 'выходить навстречу; перерезать дорогу; останавливать; поджидать, подкарауливать; останавливать на месте (скот при пастьбе); подставлять что-л. (напр., под струю воды)'.

Ср. тоф. *тоъс-* 'встречать, выходить навстречу', а также кирг. *тоз-* 'преграждать путь; ждать, ожидать', каз. *тос-* 'ждать; преградить, подставить', кар. *тоз-* 'ждать, ожидать' и некот. др., приводимые Э.В. Севортяном в ЭСТЯ (III, *272—273*) в качестве примеров глагола, с которым, по мнению исследователя, частично смешалась

[1] Э.В. Севортян отмечал: «тур. *torun* имеет в основе, по-видимому, заимствование», сравнивая его с армянск. словом, означающим 'внук' (АИ, *172*). Едва ли это верно, хотя в данном случае не исключена контаминация тур. и иноязычного слов.

глаг. основа *дөс- ~ төз-* 'терпеть, переносить' и под. См. также др.-уйг. *тос-* 'ожидать, выдержать, терпеть', алт. диал. *тос-* 'ожидать' (РСл. III, *1208, 1213*).

М. Рясянен, ограничившийся использованием только материала из словаря Радлова, возводит основу *тос-* к монгол. *tosu-*, *tos-* 'ожидать или встречать на дороге' (EW, *491*).

Существенно дополняют представление о семантике и степени распространения соответствий *дос-...* материалы, приводимые Тенишевым в труде по сал. языку, где, в частности, даются сал. *tos-* 'оканчиваться, завершаться; прекращать (течение крови)', *tus-* 'удерживать', а также узб. *tŭs-* 'заграждать, преграждать', уйг. *tos-* 'закрывать путь, препятствовать, задерживать', алт. *тос-* 'подкарауливать, перехватывать; преграждать путь; перехватывать по пути; задерживать', др.-уйг. *tosqu* 'препона, преграда' (Тенишев. Сал., *515, 525*).

Едва ли тув. *дос-* и его соответствия, отмеченные в различных источниках, гомогенны с монг. *dūs-* < *daγus-* 'кончить', как это указывается в работе Тенишева, который приводит, кроме того, в ряду тюрк. слов монг. *tos-* 'подставлять руку, подхватывать, ловить; встречать, подстерегать'. Не могут не быть гетерогенными монг. *dūs-* и *tos-*. Тенишев фиксирует также с.-югур. *t'oz-* 'встречать', которое сравнивается с монг. *toso-* 'подставлять (напр., руку); подхватывать, ловить...' (Тенишев. С.-югур., *216*).

К этому же ряду слов следует отнести як. *тоһуй-* (< *?тос- + -уй-*) 'выходить встречать кого-что-л., идти навстречу кому-чему-л.; ставить, подставлять (подо что-л.)'. Интересно, что уже О.Н. Бётлингк сопоставлял як. глагол (в форме *тосуі-*) с п.-монг. *tos-* 'встречать, натыкаться, случайно находить', а также с его именным (наречным?) соответствием *tos* 'против, напротив; лицом к лицу, впереди' (Бётлингк, *550*).

Фактически, таким образом, речь идет об общетюрк. глаг. основе, которая, правда, слабо представлена в др.-тюрк. памятниках (отчасти — в составе производных типа др.-уйг. *tosqu*) и не имеет, по-видимому, надежных соответствий в огуз. языках.

Соответствия тюрк. глаг. основы широко представлены и в монгол. языках, а также (по-видимому, в качестве монголизма) в маньчжурском (см.: Рассадин. Очерки *81, 84*; ССТМЯ II, *200*).

Однако едва ли вопрос о происхождении тюрк. *тос- ~ дос- ~ тоз-* может быть решен так однозначно, как это представлял себе М. Рясянен. Практически отсутствуют данные, которые позволили бы говорить о первичности монгол. слова по отношению к тюркскому. Скорее всего, наоборот, первичным было последнее, а в монгол. языках мы имеем дело с тюрк. заимствованием, хотя в некоторых случаях не исключено вторичное заимствование из

монгол. лексики. Но четко выделить подобные случаи из общей массы в настоящее время едва ли возможно.

В пользу исконно тюрк. происхождения рассматриваемого глагола свидетельствуют его широкая распространенность, а также словообразовательная активность в тюрк. языках.

О последнем свидетельствует наличие таких производных, как вышеприведенное др.-уйг. *tosqu*, а также уйг. диал. *тоскунлук* 'препятствие, преграда, помеха', лоб. *тосма* 'грудобрюшная преграда', *тосу* 'запруда (на мельнице)', уйг. *тоспа* 'заградительная канава на полях', уйг. диал. *тосуп* 'перекладина, балка', а также ног. диал. *тоскын* 'поскребки (напр., каши); накипь, нагар; корка, корочка, пенка', каз. *тосап* 'накипь на стенках металлической посуды', ног. *тосап* 'накипь, осадок, пена' и под.

Производные от *дос-* ~ *тос-* имена обозначают как то, что удерживает что-л., препятствует чему-л. (*tosqu* и др.; ср. также тув. *дозуг* 'засада у звериной тропы'), так и то, что удерживается, остается (ср. *тоскын*, *тосап*).

Часть соответствий *дос-* ~ *тос-* именует окончание, завершение действия: см. сал. *tos-*, а также материалы ЭСТЯ (III, *273*) и статью **дооза**. По-видимому, окончание при этом мыслится как своего рода задержка, препятствие.

Помимо словообразовательной активности рассматриваемая глаг. основа характеризуется наличием варианта с конечным *-р-*, что свидетельствует, по-видимому, об известном чередовании *-з-* ~ *-р-* (если принять, что исконным для данной основы был конечный *-з-*: **тоз-*). Ротацирующий вариант указ. основы рассматривался нами ранее. У **тор-* 'задерживать(ся)' и под. также отмечен ряд производных, часть из которых по своим лексическим значениям близка или идентична таким словам, как *тосап* и *тоскын* (см. **дорда**). Интересны также такие предполагаемые нами производные от **тор-*, как с.-югур. *torqa* 'пуговица', каз. диал. *торка* 'решето', др.-уйг. *torqī* 'паутина; сеть, тенета' (иначе — Тугушева, *306*). Ср. также распространенную тюрк. именную основу *тор* 'сети, сетка, силок для птиц' (РСл. III, *1179*).

И у варианта **тор-*, как уже отмечалось, есть близкое монгол. соответствие.

Возможно, *-р-* и *-з-* в глаг. **тор-* и *тоз-* имеют морфологическую природу (напр., восходят к аф. каузатива). В связи с этим обращает на себя внимание выделенная Дж. Клосоном глаг. основа **то:-* 'запруживать, перегораживать' (или 'быть запруженным (перегороженным)'?) (см.: ED, *434*, а также ЭСТЯ III, *253*); см. также **дут**.

Тув. *дос-* и тоф. *тоъс-*, вероятно, являются монголизмами или испытали влияние семантики соответствующего монгол. глагола.

доскаар [оъ] 'бочка'; *перен.* 'толстяк, тучный (жирный) человек'.

Ср. хак. *тосхор, тосхаар* 'кадка, корыто; угловой шкафчик для посуды; полка-тайник, расположенная под крышей юрты (делалась из бересты)' (ХРИЭС, *151*), алт. *тоскуур* 'корыто, колода (для кормления лошадей)'. В.В. Радлов приводил алт. слово со значением 'корыто (из бересты)' и полагал, что оно образовано от *тос* 'береста' (РСл. III, *1211*; см. также **тос II**). При таком истолковании происхождения слова остается непроясненной структура алт. *тоскуур* и его вышеуказ. соответствий.

Рассматриваемые слова, как показывает материал, могут обозначать изделия из бересты и часть названий подобных изделий (емкостей), вероятно, связана со словом *тос* 'береста': см. хак. *тозыйах* 'берестяной кузовок для насыпания крупы', *тоспайах* 'берестяная коробочка', *тосто, тостаа* 'берестяная посуда', *тосха, тосханах* 'берестяная табакерка' (см.: ХРИЭС, *146, 151*), но в основу тув. *доскаар* и его соответствий, по-видимому, положен иной семантический признак. Они могли получить это наименование по внешнему виду (нечто округлое, выпуклое), что характерно для обозначений подобных объектов (сосудов) в тюрк. языках (см. **аяк**, а также нашу публикацию в: ВЯ. — 1993. — № 1. — С. 127).

Итак, происхождение *доскаар...* вероятно, связано с образной основой **тос*, родственной **тор* и **торс* (см. **донай, дорзук**) и обозначающей что-л. округлое, выпуклое и т.п. Эта основа, возможно, прослеживается в кирг. *тосурай-* 'вздуваться, вспухать, набухать; быть полненьким, кругленьким', алт. *тозыр* 'выпученный (о глазах)', тур. *тосалак* '(о)круглый' (РСл. III, *1208*).

Доскаар... вероятно, родственно таким словам, как тат. диал. *тустак* 'чайная чашка', башк. *тустак* 'деревянная чашка (для питья кумыса)', алт. диал. *тосток* 'короб' (РСл. III, *1211*), чаг. *тостакан*, каз. *тостаган* 'небольшая деревянная чашка', тат. диал., чаг. *тостуган* 'блюдо' (РСл. III, *1211—1212*), кирг. *тостукан* редк. 'небольшая деревянная чашка'. Эти слова связаны с глаг. основой типа др.-тюрк. *тоста-* 'выступать', алт. диал. *тостой-* 'выступать, распухать' (РСл. III, *1211*), алт. *тостой-* 'быть выпуклым, выпученным (о глазах)', тув. *достай-* [оъ] 'образоваться, появиться — о шишке на лбу, о выпуклости; выпучиться — о глазах' и непосредственно с производным от нее именем: алт. *тосток* 'выпуклый, выпученный', тув. *достак* [оъ] 1. 'выпуклый, выпученный'; 2. 'выпуклость, шишка', тоф. *достак* 'лоб'. См. также: EW, *491.*

Двухсложные наименования сосудов типа *тустак, тосток* представляют собой результат субстантивации прил. типа *достак, тосток* 'выпуклый', а трехсложные (*тостакан...*), возможно, содержат еще редкий формант *-ан* с уменьшительной семантикой (о нем см.: АИ, *172*).

Тув. *доскаар*, как и хак. *тосхаар*, алт. *тоскуур* — возможно, образование на *-гыр* — аф., образующий прилагательные от образных глаголов; подобно *-к* в *достак*: *доскаар...* < **тоска(й)гыр* (ср. шор. *тоска-й* 'гордый, надменный': РСл. III, *1310*). Алт. *тоскуур* отличается характером долгого гласного: долгота в нем образовалась с ориентацией на второй узкий гласный звукового комплекса *-агы-*.

Рассматриваемое слово имеет соответствия в монгол. языках, в т.ч. монг. *тосгуур* 'нижний жернов' и *тосгуур* 'поднос; воронка', бур. *тодхуур ~ тудхуур* 'небольшая бадья, деревянное ведро (суживающееся кверху); деревянная бадейка', которые, вероятно, принадлежат к числу заимствований из юж.-сиб. тюрк. языков.

доскут [оъ] 'неглубокий (о норе)'; *перен.* 'неглубокий, поверхностный (об уме, знаниях)'.

Близких структурно-семантических соответствий в других языках не обнаружено. Происхождение *доскут* разрешить сложно.

Нет ли у него связи с таким названием небольшого углубления, как тур. *тоз*, реализуемого в сочетании *кулак тозы* 'впадины за ушами' (при *кулак* 'ухо') (РСл. III, *1213*)? Допустимо и существование у *тоз* глаг. соответствия **тоз-* 'неглубоко погружаться'.

В таком случае структура тув. *доскут* может быть представлена в виде **тоз-гыт*, где *-гыт* — одна из первоначальных форм аф. *-ыт*, который образовывает отглаг. имена с различными значениями, в т.ч. и со значением признака; ср., напр.: кирг. *чөгөт* 'погружение; погруженный' < *чөк-* 'опускаться на колени (о верблюде); погружаться', а также др.-тюрк. (МК) *čökü̈t* 'короткий' (см.: АИ, *281—283*).

Судя, в частности, по характеру структуры, *доскут* может быть отнесено к числу архаизмов в лексике тув. языка.

доскуул [оъ] 'дозор; разведка'.

Ср. узб. *тоскал* 'пост, караул' < *тос-/тоска-* 'заграждать, препятствовать' (АИ, *193*), следовательно, является производным либо от соответствия широко распространенной в тюрк. языках основы *тоз- ~ тос-* (см. **дос-**), либо от производной глаг. формы данной основы (*тос-ка-*) (возможно, это форма интенсива?). Ср. также алт. *тозу* 'караул, охрана'.

В этой работе Э.В. Севортян рассматривает также кирг. *тоз-* (~ *тос-*) 'преграждать путь, ждать, держать' (АИ, *239*); ср. также каз. *тоскауыл* 'препятствие, преграда; засада'. В данных случаях более вероятной представляется производящая основа типа *тоска- ~ *тозга-*, а структурно-фонетический исходный вариант слова мог выглядеть как **тоска-гыл* или **тозга-гыл*, где *-гыл* — словообразовательный аф.

Подобная структура характерна в большей степени для монгол. языков: ср. монг. *харуул* 'караул, дозор; стража, охрана' (п.-монг. *gara-*

γul), а также тюрк. соответствия данного слова типа азерб. *гаровул* 'стража, караул' и т.п. в АИ (*238*, *239*), монг. *хайгуул* 'разведка' (см. **хараал I, хайгыыл**).

В структурно-фонетическом плане не вполне ясно тув. *доскуул* (в частности, речь идет о природе долгого узкого гласного во втором слоге). У этого образования, как и у *хараал* 'караул' и *хайгыыл* 'разведка' мог быть монгол. прототип. Соответствия глаг. основы *дос-* ~ *тос-* имеются в монгол. языках, см., напр.: п.-монг. *tos-*, означавшее, в числе прочего, 'становиться поперек дороги, поджидать на дороге (о ворах)' и под. (Голст. III, *137*).

Однако непосредственного соответствия вышеприведенным тюрк. словам, в т.ч. и тув. *доскуул*, в монгол. языках по имеющимся источникам не обнаружено.

дот [оъ] см. **дода-**.

дочуула 'точило'.

Одно из сравнительно старых заимствований из рус. языка. Ср. рус. *точило*.

дош [оъ] 'лед; льдина'.

В.И. Рассадин сопоставлял тоф. *doъš* (*доъш*) 'лед' с др.-тюрк. *toš* 'ледник в горах; наледь', хак. *тос* 'наледь', як. *тоhоо-* 'ломать лед для прохода по воде' (согласно ЯРС, 'обламывать ледяную корку'), алт. *тош* 'лед', тат. *туш* 'наледь', приводя и монгол. «параллели» типа п.-монг. *toši* 'льдины, выбрасываемые из полыньи', монг. *тоши(н)*, бур. *тошон* 'наледь' (Рассадин. Фонетика, *174*), определенно являющиеся тюркизмами.

Некоторые из приводимых выше и подобных им соответствий (тув. *дош* и некот. др.) приведены в ЭСТЯ в статье, где анализируются общетюрк. *доң-* ~ *тоң-* 'мерзнуть...' и его именной коррелят (см. **доң-**).

Севортян предполагал, что во всех этих формах можно выделить глаг. **то-* ('мерзнуть, замерзать'?) (ЭСТЯ III, *267*), что имеет под собой основания. В другом томе указ. издания (ЭСТЯ IV, *232*) в качестве сравнительного материала к другим тюрк. словам приводятся башк. *туш*, *тыв°ыш*, *душ* 'наледь', а также *тушкын* то же. Применительно к последнему допустимо говорить о вычленении из него глаг. основы, соотносительной с *туш* ~ *душ* (и далее с *дош* ~ *тош*), что напоминает ситуацию с *доң-* ~ *доң*. См. также **дожаң**. В то же время вызывает сомнение включение в этот ряд башк. *тыв°ыш*.

Ареал распространения *дош* ~ *тош* и других их соответствий, а также производных от них глаг. типа як. *тоhоо-* свидетельствует об архаичности рассматриваемого слова.

дошка [оъ] *уст.* 'пуговица (связанная из ниток или лент)'; 'помпон (на головном уборе); кнопка'.

Соответствий не обнаружено. Представляется возможным связать это слово с тюрк. глаг. *токы-* ~ *току-* (имеющим также односложный

вариант *ток-*) в значениях 'ткать, вязать, плести; сучить (о нитках)' и под. (см.: ЭСТЯ III, *254*). В тув. языке подобная основа не зафиксирована.

В таком случае, тув. *дошка*, возможно, из *токша* (с метатезой *кш* > *шк*, достаточно распространенной в тув. языке). Структурно *токша* может восходить к форме совместного залога от указ. глаг. основ (**токы-ш-* или **ток-ыш-*), выражающей (в частности в данной ситуации) семантику интенсивности или повторяемости. От этой формы с помощью аф. *-а* и было образовано слово **токша* (с закономерным для данной ситуации выпадением узкого гласного второго слога глаг. основы, а также с указ. метатезой).

дошкун [оъ] 'свирепый, суровый, жестокий, грубый; дикий, строптивый, норовистый необузданный'.

Ср. алт. *токшын* 'дикий, свирепый', шор. *токшын* 'дикий, лютый, необузданный', як. *дохсун* 'наглый, дерзкий, буйный, пылкий, горячий', которые отнесены к числу монгол. заимствований в соответствующих языках (Рассадин. МБЗ, *20*, *46*, *72*). Таково же происхождение и тув. *дошкун* < **догшин* (с метатезой); ср. п.-монг. *doγšin* 'свирепый, жестокий, лютый; буйный, необузданный; грозный, строгий; бешеный (о скоте)'.

дошкут [оъ] *уст. редк.* 'божество'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *doγšid* 'докшиты' (название грозных божеств ламаистского пантеона), калм. *догшд* 'свирепые гении, докшиты'. Монгол. слово представляет собой форму мн. ч. на *-d...* от *doγšin* 'свирепый, жестокий' и под. См. **дошкун**. В *дошкут* отмечена та же метатеза, что и в *дошкун*.

дошкуура- [оъ] 'становиться свирепым (лютым, суровым); свирепеть, ожесточаться, дичать; свирепствовать (о ветре); становиться напряженным (напр., о международном положении)'; **дошкуурга-** [оъ] 'гневаться, сердиться; свирепствовать'.

Ср. як. *дохсургаа-* 'вести себя резко, грубо'; як. диал. *дохсуруй-* 'задираться, быть забиякой' (ЯРС, *117*; ДСЯЯ, *88*).

Монголизмы. См. п.-монг. *doγšira-* 'ожесточаться, свирепеть, беситься', *doγširka-* 'неистовствовать, приходить в ярость; ожесточаться, поступать жестоко; тиранствовать' < *doγšin* 'свирепый, жестокий' и под. (см. **дошкун, дошкут**). В тув. *дошкуура-* и *дошкуурга-* отмечена метатеза интервокального *-гш-* (*-кш-*) > *-шк-*. Долгота узкого гласного в этих глаг. основах объясняется влиянием модели тув. глаголов с аф. *-ыырга* и его фонетических вариантов, употребляемых после согласных производящей основы (см.: ИП, *269—270*).

дошкуурал [оъ] 'ожесточение, ожесточенность'.

По-видимому, как и производящая глаг. основа *дошкуура-* 'становиться свирепым...' (см. **дошкуура-**), имя *дошкуурал* является монголизмом. Однако в имеющихся источниках прямого соответствия данному имени не обнаружено, хотя есть производное на *-л* от

близкого п.-монг. *doγšira-* 'беситься...' глаг. *doγširka-* 'приходить в ярость' (> тув. *дошкуурга-* 'гневаться, сердиться...'): ср. п.-монг. *doγširqal* 'неистовство, бешенство, ожесточение'. Не исключено, что *дошкуурал* могло быть образовано в тув. языке из заимствованных основы и аффикса по модели монгол. образований на *-л*.

дошкуурга- см. **дошкуура-**.

дошпулуур [оъ] 'дошпулур' (*двухструнный щипковый музыкальный инструмент*).

В.В. Радлов поместил в свой словарь алт. диал. *топшугур ~ топшуур* 'двухструнная гитара' (РСл. III, *1231*), которое М. Рясянен правомерно истолковал как монголизм, возводя его к п.-монг. *tobšiγur* 'трехструнная мандолина' (EW, *489*). В совр. алт. языке отмечено *топшуур* 'двухструнный музыкальный инструмент', возводимое В.И. Рассадиным к п.-монг. *tobšiγur* то же < *tobši-* 'играть на музыкальном инструменте' (Рассадин. МБЗ, *23*, *30*). Ср. также монг. *товшуур* 'товшур, балалайка, домра; щипковый инструмент', калм. *товшур* [товшуур] 'тобшуур' (калмыцкий национальный 3—4-струнный щипковый музыкальный инструмент).

В куманд. диалекте алт. языка заимствованное из монгол. название музыкального инструмента зафиксировано в варианте *топшубар*, свидетельствующее о том, что данное слово вошло в указ. диалект в его старой форме с сохранением интервокального *-γ-* (*tobšiγur*), к которому и восходит *-б-* в *топшубар*; ср. также куманд. *шыбырган* 'метель' < *šiγurγan* (Рассадин. МБЗ, *30—31*).

Очевидно, алт. диал. *топшугур*, отмеченное В.В. Радловым, также восходит к п.-монг. варианту рассматриваемого слова, а алт. *топшуур* (*топшур*) в таком случае может восходить к указ. алт. диал. его варианту.

Тув. *дошпулуур* — также монгол. заимствование. В его звуковом облике прослеживается метатеза *пш* > *шп* (в разговорной речи встречается и более близкий к первоначальному вариант *допшулуур*). Как и алт. диал. формы *топшугур* и *топшубар*, тув. слово явно восходит к относительно древнему монгол. варианту названия инструмента, хотя замена монгол. *-г-*(*-γ-*) на тув. *-л-* отнюдь не носит регулярного характера и является, скорее, исключением.

Согласно закономерным тув.-монгол. звуковым соответствиям, на месте *дошпулуур* или *допшулуур* следовало бы ожидать, в частности, **допшугуур* или **дошпугуур*.

Замена древнемонгол. *-γ-* на *-л-*, возможно, представляет результат народной этимологии: переосмысление монгол. слова как причастия на *-р-* от глаг. основ в форме страдательного залога, ср., напр.: *орлур* 'рваться', *көдурлур* 'подниматься', *ойлур* 'становиться дырявым', *шөйлур* 'вытягиваться' и под. При этом узкий гласный конечных слогов указ. глаг. форм в тув. диалектах может произ-

носиться с долготой, чем можно объяснить появление долготы и в *дошпулуур*. Последняя, впрочем, может иметь и другое объяснение.

В п.-монг. формах слов гласный после интервокального сонанта (в частности, *-γ-*) также мог произноситься с долготой (ср., в частности, **адыгуузун**). В таком случае долгота в тув. *дошпулуур* отражает соответствующее качество гласного монгол. прототипа (предположительно **тобшигуур*).

В хак. языке отмечено слово *топчыл* 'топшур (название музыкального инструмента)' (ХРИЭС, *150*), представляющее собой, по-видимому, также монголизм, но в преображенной (в частности, усеченной) форме.

доюл- 'волноваться, не знать покоя; суетиться, суетливо бегать, сновать'.

Очевидно, форма пассива от глаг. основы **той-* (с близкой *доюл-* < **той-ул-* семантикой), которая в чистом виде нами не обнаружена, но о реальности которой свидетельствуют некоторые данные других тюрк. языков. Ср., в частности, сиб.-тат. *тойбал-* (< *той-ба-л-*) 'двигаться, суетиться' (РСл. III, *1143*), представляющее собой, по-видимому, ту же залоговую форму, но от основы **той-ба-* (интенсив от **той-*?), як. диал. *тойбох* 'ящерица', *тойуксут* 'одержимая психозом женщина, кликуша' (ДСЯЯ, *241*). Сюда же может быть отнесен компонент *-туйгу* кирг. *уйгу-туйгу* 'сумятица, переполох'.

Возможно, у глаг. основы **той-* наличествовало и именное соответствие: ср. др.-тюрк. (МК) *toj* 'народ, толпа' (ДТС, *572*), с.-югур. *той-ла-л-* 'собираться тучей (напр., о жуках, мошках)'.

дөвү [өъ] *тодж.* 'заклепка' (*металлический стержень*).

Ср. тоф. *төълө ~ төөлү* 'заклепка; перемычка между лезвием и рукоятью ножа' (Рассадин. Словарь).

По-видимому, указ. тув.-тодж. и тоф. слова гомогенны с общетюрк. *депе ~ тепе ~ төпе ~ төбе ~ төпү...* 'вершина, макушка, темя; верх(няя часть); холм, возвышенность, гор(к)а, бугор' и под. (см.: ЭСТЯ III, *197–198*). Этимология слова не ясна, но если в этом случае исходить из первичности форм с корневым *-е-* (к чему, по-видимому, склонялся и Э.В. Севортян, см.: ЭСТЯ III, *198–199*), то, думается, *тепе ~ депе...* можно связать с общетюрк. глаг. основой *теп- ~ деп-* 'бить ногами, лягаться' и под., учитывая то, что последняя означает также 'выбиваться, пробиваться на поверхность'; 'вздуваться, нарывать'; 'подниматься, подпирать (о воде)'. Кроме того, у указ. глагола отмечено именное соответствие *теп* 'подпор воды' (ЭСТЯ III, *196*; см. также **теп-**).

Формы с корневым *-ө-* носят, по-видимому, вторичный характер. Появление огубленного гласного могло быть обусловлено влияни-

ем интервокального *-п- > -б- > -в-*, а также в случаях, подобных др.-тюрк. *төрй* 'темя, макушка; голова; вершина', регрессивной ассимиляции конечного *-й*. Интересно, что по характеру вокализма тув. диал. *дөвү* и тоф. *төълү* ближе всего именно к последнему и его соответствиям в ряде памятников, в т.ч. и др.-уйг. (см.: ЭСТЯ III, *198*). Возможно, указ. тув. и тоф. слова связаны именно с ними.

Семантически связь *дөъвү* и *төълү* с другими тюрк. словами достаточно ясна: те и другие обозначают предметы выпуклой, округлой формы: ср. также такие значения тюрк. слов, как 'голова, головка', 'копна, стог', 'шапка (меховая)' и под.

Некоторые топонимы Тоджи, где нами было зафиксировано слово *дөвү*, содержат в своем составе компонент *Дөвү*: ср. *Дөвүлер*, *Дөвүлер-Хөл* и под. Информаторы на вопрос о значении этого компонента, отождествляли его с *дөвү* 'заклепка', что представляется маловероятным. В случаях с топонимами, скорее, прослеживается родственный последнему географический термин с семантикой типа 'холм, гор(к)а, возвышенность'.

Очевидно, ошибочно включение в число соответствий тюрк. *депе ~ тепе...* тув. *тей* 'холм, сопка; макушка (головы)' и его возведение к **de'pej* (СИГТЯ Л, *201*). См. **тей**.

См. также **дөвүн**.

дөвүн [өъ] 'внизу, ниже'; **дөвүнчүк** [өъ] 'спуск'.

Э.В. Севортян при рассмотрении происхождения тюрк. *дүп ~ түп* 'дно; низ' и др. в качестве производных от последнего привлекает «имя в форме на *-ен* (оруд. п(ад.)?, отглагольное имя на *-н*?)», приводя в качестве примеров кр.-тат., кум. *төбен*, сал. *töwen*, с.-югур. *товын* со значениями 'вниз(у)'; 'низкий, ниже'; 'низкий, плохой по качеству, неудовлетворительный'; 'дно; низ' (ЭСТЯ III, *319*). При этом остается непрокомментированным различие между *дүп...* и *төбен* по качеству корневого гласного. Следует также отметить, что соответствия последнего приведены далеко не полностью, а это, в свою очередь, не способствует воссозданию реальной этимологии «имени в форме на *-ен*».

А.М. Щербак рассматривает ряд соответствий и вариантов *төбен...* хотя и без использования материала ЭСТЯ: др.-тюрк. *төбүн* 'вниз' (ДТС приводит это слово в разновидностях *töbün ~ törün*), алт., кирг. *төмөн* 'низ; вниз(у)', башк., тат. *түбән* 'нижний...', шор. *төберe* 'вниз, внизу', кар. *төбен* 'опрокинутый', ног. *төмен*, уйг. *төвен* 'низкий...'. Ср. также: каз. *төмен* 'низ, вниз; низкий, гадкий', чул.-тюрк. *тө:бүн* 'вниз'; Тенишев. УДС, *171*.

Подобные слова отнесены А.М. Щербаком к числу наречий, грамматическая природа которых неясна. Применительно к данной ситуации исследователь полагает, что «остающийся после выделения основы морфологический элемент может быть сопоставлен с аф-

фиксом творительного (орудного) падежа» (*-н*). Однако наличие у вышеприводимых слов адъективной ('нижний; низкий...') и субстантивной ('низ') семантики свидетельствует, скорее всего о том, что именно она была первичной по сравнению с наречной, и поэтому указ. трактовка *төбүн* как образования с аффиксом творительного падежа, видимо, ошибочна. Кроме того, при таком истолковании остается неясным и то, какова структура шор. *төберe* (она осталась неразъясненной).

А.М. Щербак исходной основой *төбүн...* считает *төбе ~ төбү*, но «ее первоначальное значение установить не удается», и автор ограничивается «указанием на существование омонимичного ряда с прямо противоположным значением: др.-тюрк. *төбү*, кар., ног. *төбе* 'макушка, темя; вершина'» (Щербак 1987, *41*).

Думается, что в рассматриваемой ситуации определенно заблуждался Э.В. Севортян, считавший *төбе ~ төбүн* производным от *дүп ~ түп* 'дно'. По всей вероятности, сближаемые им именные основы гетерогенны, хотя и не исключена их контаминация друг с другом. А.М. Щербак оказался сравнительно ближе к истине, когда привлек для сопоставления основы *төбү, төбе*.

Следует сказать, что в данном случае едва ли правильно говорить об «омонимичном ряде с противоположным значением». Здесь налицо, скорее, гомогенные основы с внутрисловной антонимией (энантиосемией).

Этимология слов, обозначающих возвышения, вроде *төбү* и под. нами рассматривалась выше (см. **дөвү**). Стоит отметить, что у его соответствий иногда отмечаются и значения противоположного характера. Так, як. *төбө* означает 'голова; верхушка, макушка', но также и 'конец, кончик' (в частности, нижний): ср. *кымньыы төбөтө* 'конец плетки', *мурун төбөтө* 'кончик носа', а также производную от *төбө* глаг. основу *төбөлөө-* 'заострять конец чего-л.' (*моһогону төбөлөө-* 'заострять кол'). Як. диал. *төбө* в сочетании *урэх төбөтө* (при *урэх* 'речка') означает 'устье речки' (ср.: ЯРС, *393* и ДСЯЯ, *244*).

По-видимому, от основы *төбе ~ төбү* с семантикой низа образовано и шор. *төберe* (< *төбе-р-е*, где, в частности, *-р-* — глаголообразующий аф.). Ср. также алт. *төмөртинең* 'снизу, с нижней стороны' (< **төмө-р-ти-нең*). Иная структура у чул.-тюрк. *тө:бертен* 'снизу': < **төбер-тен*, где **төбер* — возможно, морфологический вариант *төбү*, а *-тен* — формант исходного падежа.

Подобное сочетание противоположных значений (семантика верха и низа) характерно и для других слов тюрк. языков, напр., для *баш ~ паш* 'голова' (см.: ЭСТЯ II, *86—87*, а также **арт**).

В случае с *төбүн ~ дөвүн...* и *төбү ~ дөвү...* наличие у последнего антонимичных значений как бы продолжает антонимию производя-

щей основы и, вероятно, обусловлено ею. Так, у глаг. основы *деп- ~ теп-*... (к которой мы возводим *төбү*...) отмечены как значения повышения, подъема ('выбиваться на поверхность; подниматься, подпирать (о воде)'), так и семантика углубления и понижения (унижения): 'копать, рыть; вскапывать; ногами доставать пищу из-под снега (о скоте); утаптывать; попирать...'.

От указ. глаг. основы с помощью аф. *-н* (с соединительным широким или узким гласным) и могло образоваться имя с семантикой низкого, низа в первоначальных формах **теп-ин ~ теп-ен*, огубленные варианты которых возникли позже по тому же образцу, что и у слова **төбү*... Не исключено, что др.-тюрк. *төрӓн* < **терӓн*. Огубление могло быть вызвано допускаемой нами контаминацией рассматриваемого слова с *түп*... 'дно...'.

Тув. *дөвүн* [дөъвүн], очевидно < **төпүн*. Кроме значений 'внизу, находящийся далеко внизу', это слово означало также 'низ', т.е. выступало и в качестве существительного, о чем свидетельствуют производные *дөвүн-гү* (ср. также алт. *төмөнги* 'нижний, находящийся внизу', каз. *төменги* 'нижний') и *дөвүн-чүк* (где *-чүк* — аф. диминутива) с указ. выше значениями.

В значении тув. *дөвүнгү* 'находящийся внизу по течению реки (по ущелью) в направлении к югу' обращает на себя внимание ориентирующий компонент ('в направлении к югу'). В связи с этим отметим, что одна из позиций, используемых некогда древними тюрками для определения стран света, была позиция по вертикальной линии: верх — низ. При этом верх связывался с югом, а низ — с севером. Такой способ ориентации характерен для носителей с.-югур., сал. и хак. языков. См.: Кононов А.Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // ТС. 1974. — М., 1978. — С. 73, 83—84.

Может быть, южная ориентировка в значении *дөвүнгү* — пережиточное отражение указ. способа определения стран света, и *дөвүнгү* могло ранее означать 'находящийся вверху...'?

дөвүнчүк см. **дөвүн**.

дөге- I 'сушить, греть (у огня или на солнцепеке); поджаривать что-л. (держа пищу вблизи огня)'.

Ср. тоф. *дөге-* 'сушить какую-л. вещь возле огня или на солнцепеке'. Происхождение неясно. Возможно, данный глагол представляет один из вариантов производящей основы имен типа др.-тюрк. *togün* 'пятно, клеймо', *tügnā-* 'прижигать (напр., рану)', алт. *төөн* 'трут (из сердцевины бузины)' и под. См. **дөгелен-**, а также **дөөн** II.

дөге- II 'упорно предлагать, навязывать что-л.'; **күш дөге-, хөрээн дөге-** 'приставать, показывая свою силу'.

Ср. тоф. *дөге-* 'выпячивать грудь' (Рассадин. Словарь). Тув. глаг. основа реализуется, в частности, в сочетаниях со словами *күш* 'сила' и *хөрек* 'грудь' (последнее — в форме вин. п. притяжательного скло-

нения). *Хөрээн дөге-* буквально переводится 'грудь свою (его) выставлять' (ТРФС, *178*); ср. тоф. *дөге-* в указ. значении.

Можно полагать, что это была первоначальная семантика, а затем стало возможным сочетание тув. *дөге-* с именем *күш*, обозначающим агрессивное поведение с демонстрацией собственного превосходства. Ср. также *дөге-* 'навязывать что-л.'.

Ср. кирг. *дөгүрсү-* 'воображать себя силачом, богатырем; чваниться, важничать, зазнаваться, бахвалиться'. Эта основа отмечена также в вариантах *дөкүрсү-* и *дөөкүрсү-*. Существует и именная основа типа *дөөкөр* 'смелый, решительный' (КРС, *198, 199*). Появление вариантов с долгим гласным, возможно, объясняется контаминацией с кирг. *дөө* 'див, сказочный исполин, великан' (слово иранского происхождения) (см.: КРС, *199*).

Основа **дөгүр ~ *дөкүр ~ *дөкөр* (см. выше *дөөкөр*) производна от глаг. типа тув.-тоф. *дөге-* 'выпячивать грудь', а последний имеет образную природу. Основа образного характера, с которой связаны рассматриваемые глаг. и именные основы, прослеживается в кирг. *дөгдөр* 'холмик' и *дүкүй-* 'вздуваться, пухнуть; выступать (о выпуклости)' (КРС, *198, 202*). Ср., кроме того, тув. *догдай- ~ дөгдей-* 'подниматься, вздыматься (о груди и боках животного)'. См. также **дөктүр**.

С *дөге-* и другими словами этого круга, возможно, связаны як. диал. *дөөгүүнүтүй-* 'хвастать, хвастаться; бахвалиться' (ДСЯЯ, *88*), каз. диал. *дөк-* 'нападать, бросаться' (Аманжолов, *372*). Последнее свидетельствует о наличии у *дөге-* односложного варианта.

С *дөге-* (*дөгээр*), вероятно, родственно диал. (Тере-Холь) *дөгээр* 'способ приближения охотника к зверям' (ВТЯ, *83*).

дөгей *прям.* и *перен.* 'тупой'.

Ср. каз. *дөкір* 'тупое, неотесанное; грубый, невоспитанный'; *дөкір балта* 'тупой, зазубренный топор'. Каз. *дөкір* А.Т. Кайдаров членит на *дөк* + *ір*, выделяя в нем основу **дөк* 'нечто тупое, грубое, неуклюжее' (Кайдаров, *203*), что, по-видимому, имеет свои основания, хотя в целом структура *дөкір* остается не вполне ясной.

В кирг. языке отмечены глаг. основа *төкө-* 'грубо обработать; предварительно обработать, выковав вчерне, придав форму болванки' и производная от нее именная *төкө-к* 'грубо сделанный, топорный'; 'тупой (напр., о ноже)'; перен. 'неискусный, неумелый'.

Можно полагать, что структурно каз. *дөкір* подобно кирг. *төкөк*, т.е. образовано от глаг. основы **дөк-і-* (ср. кирг. *төкө-*). В образовании этих имен участвовали словообразовательные форманты *-р* и *-к* соответственно. Глаголообразующие аф. *-і-* и *-ө-* (< *-е-*) здесь также варьируются.

Следовательно, структура тув. *дөгей* 'тупой' может быть представлена в виде **төк-е-й*, где **төк* — именная основа, соответствующая каз. **дөк*, а *-е-* и *-й* — глаголообразующий и имяобразующий аф.

С тув. *дөгей*, возможно, одноструктурно и гомогенно каз. *дөкей* 'огромный' (с учетом возможности семантического развития 'грубый, топорный, неуклюжий' → 'больших размеров, огромный'). Ср. также каз. *дөкет*, означающее 'большой нож в кухне', а также нечто противоположное: 'маленькие ножницы для обрезания усов' (Аманжолов, *377* — по РСл.), возможно связанное с предыдущими словами.

дөгелен- 'греться, согреваться (у огня или на солнце)'.

ТРС (1968, *176*) истолковывает *дөгелен-* как форму возвратного залога от *дөге-* 'сушить, греть...' (см. **дөге- I**), что не совсем точно, поскольку залоговая форма *дөгелен-* относится не к *дөге-*, а к **дөгеле-*, основе, не зафиксированной в совр. тув. языке. Последняя может быть производной от именной основы **дөге*, соотносительной с *дөге-*, но допустимо и присоединение аф. *-ла-* также к глаг. основам с образованием их учащательных форм, причем в ряде случаев учащательное значение последних исчезло, «и вторичная глагольная форма вернулась к первоначальному значению» (АГ, *92*). Это также могло иметь место в случае с *дөге-ле-н-*.

дөгер- [өъ] 'заканчивать, завершать; готовить, приготовлять; резать, свежевать (мелкий скот)'; **дөгере** [өъ] 'весь, всё, без остатка, целиком, полностью'.

Авторы «Грамматики тувинского языка», рассматривая происхождение *дөгере* в качестве определительного мест., относят данное слово к числу тех, которые «этимологически близки к соответствующим монгол. словам». Оправданно истолковывая *дөгере* по происхождению как деепричастную форму от *дөгер-*, авторы не приводят никаких материалов по монгол. языкам (ИП, *239—240*).

Сходной точки зрения на происхождение тув. *дөгере* придерживался М. Рясянен, который также сделал попытку истолковать глаг. основу *дөгер-* как монголизм. Он возводил *дөгер-* к калм. *tökēr-* 'готовиться, все укладывать (упаковывать); заканчивать приготовления' < *tokija-ra-* (EW, *140*), что вызывает сомнения с фонетической точки зрения (отсутствие долготы в тув. *дөгер-*).

Кроме того, ойр. заимствования в тув. лексике вообще довольно немногочисленны, и среди них почти нет слов, претерпевших опереднение вокализма, отмеченное в калм. *tökēr-*.

Следует отметить, что Рясянен в качестве параллелей указ. слова приводит др.-тюрк. *tük* 'полный, совершенный' и *tükā-* 'оканчиваться'. Думается, со словами этого круга и могло быть связано тув. *дөгер-*. К этим словам относятся др.-тюрк. *tökä-* ~ *tükä-* 'завершаться, кончаться, истощаться, иссякать' (ДТС, *579, 595*), с.-югур. *түке-*, узб. *туга-* 'кончаться', уйг. *тугă-* то же (РСл. III, *1534*). В совр. тюрк. языках отмечены в основном залоговые формы указ. глагола, в частности каузатив с аф. *-т- тугет-* ~ *түкет-* 'завершать, за-

канчивать, исчерпать' и под. См.: РСл. III, *1531*, *1537*; АГ, *473*; а также **төдү**, **төн-**.

Нельзя исключить то, что существовала и форма каузатива от *төке- ~ түке-* с аф. *-р-*. Хотя последний образует понудительный залог от односложных основ, оканчивающихся на согласный (Кононов. ГЯТРП, *180*; ИП, *277*), можно предположить, что указ. формант мог иногда присоединяться и к двухсложным основам с конечными гласными и что тув. *дөгере* < **төке-р-* относится именно к подобным случаям. Судя по структуре тув. *дөгер-* и *дөгере*, а также по их фонетическим особенностям (наличие широкого и притом фарингализованного *ө* в первом слоге), эти слова принадлежат к числу архаизмов в тюрк. лексике.

Возможно, с тюрк. основой типа **төке-р-* связаны монгол. глаг. типа п.-монг. *degüre-* / монг. *дүүрэх* 'наполняться, заполняться, скапливаться; кончаться, оканчиваться, завершаться', а также бур. *дүүрэхэ* то же, калм. *дүүрх* 'наполняться', претерпевшие вполне вероятные изменения звукового облика и семантики (как категориальной, так и лексической).

От указ. глаголов образована именная основа, представленная п.-монг. *degüreng ~ dügüreng* 'полный, наполненный; сполна, совсем, вполне', монг. *дүүрэнг*, бур. *дүүрэн*, калм. *дүүрң* 'полный, наполненный' и близкая по значениям к тув. *дөгере*, которая, по всей вероятности, восходит к форме соединительного деепричастия глаг. основы *дөгер-* (ИП, *240*).

По-видимому, в тюрк. языках существовала и каузативная форма глаг. *төке- ~ түке-*, образованная при помощи аф. *-з- ~ -с-*: ср. каз. *түгес-* 'израсходовать, издержать, исчерпать', шор. *түгезе* (< *түке-с-е*?) 'весь, всё; окончательно'. В монгол. языках имеется соответствие этой формы: ср. п.-монг. *tegüs-* / монг. *төгсөх* 'кончаться, завершаться', калм. *төгсх* 'завершать, заканчивать; исполнять'.

Интересно отметить, что семантические различия между п.-монг. *tegüs-* / монг. *төгсөх*[1] и тюрк. глаг. типа каз. *түгес-* такие же, как и те, которые отмечались между п.-монг. *degüre-* / монг. *дүүрэх* и др., с одной стороны, и тув. *дөгер-* — с другой.

Вероятно, в последнем случае, как и в случае *tegüs-*... мы также имеем дело с тюркизмом в монгол. языках (обращает на себя внимание также тождество тюрк. глагола и калм. *төгсх* в аспекте залогового значения), хотя источник и время заимствования здесь могут быть иные, чем у *degüre-*...

В некоторых ситуациях перед нами, возможно, обратное, монгол. заимствование в тюрк. языках, как, напр., алт. *төгүс-* 'кончаться' (Рассадин. МБЗ, *28*), тув. *төгүссен* редк. 'совершенный'.

[1] С монг. *төгсөх* связывается, хотя и неправомерно, происхождение тув. *дооза* 'все' (см. **дооза**).

В монгол. языках отмечено также именное соответствие *tegüs-* типа п.-монг. *tegüs*, монг. *төгс* 'совершенный, полный, цельный; одаренный, исполненный', калм. *төгс* 'совершенный, преисполненный', образованное от глаг. основы путем конверсии. Ср. также чаг. *төкүз* 'полный, совершенный' (РСл. III, *1243*), являющееся, по-видимому, монголизмом, от которого по своему происхождению может отличаться уйг. *төкүс-түгәл* и *тәл-төгүс* 'целиком, полностью, сполна'.

См. также **дөгү-**.

дөгере см. **дөгер-**.

дөгү- [өъ] 'немного продвинуться вперед, пройти некоторое расстояние; прибавляться (о годах, возрасте); иметь успех, прогрессировать'.

По-видимому, монголизм. Ср. монг. *дөхөх* 'приближаться, близиться; завершаться, заканчиваться', бур. *духэ-* 'близиться, приближаться, подходить вплотную; завершаться, подходить к развязке'. Монгол. слово, вероятно, связано с др.-тюрк. *tökä-* ~ *tüka-* 'оканчиваться'.

См. **дөгер-**.

дөгүм [өъ] 'подмога, помощь (в работе)'.

Ср. хак. *төгем* то же (ВТЯ, *36*)[1]. Соответствия в других языках, а также исходная основа неясны. Судя по внешнему облику, указ. слова представляют собой образования с аф. *-м*, распространенные в тюрк. языках.

Хотя у *дөгүм...* существует определенная смысловая общность с глаг. основой **дөгү-** (см.), но производность от нее все-таки труднодоказуема. Ср. также монг. *дөхөм* 'близость; удобство; выгода', семантически тоже достаточно удаленное от указ. тув. и хак. слов.

дөже- [өъ] 'стлать, расстилать; настилать, подкладывать подо что-л.'; **дөжек** [өъ] 'постель, подстилка, тюфяк; подставка, фундамент; подножие, основание'.

Дөже- имеет соответствия общетюрк. характера, распространенные, главным образом, в вариантах с широким гласным (*дөше-* ~ *төше-...*). Довольно редок узкорядный вариант (*дүше-...*). Глагол употребляется в значениях 'стелить, стлать, настилать, подстилать; выстилать; покрывать (напр., пол ковром); мостить, раскладывать...'. Общетюрк. характер имеют и соответствия тув. *дөжек*.

По Э.В. Севортяну, «основную форму лексемы образует глагол с открытым гласным (*-ө-*), однако модификация с закрытым гласным может быть старой, хотя прямых доказательств в пользу этого в привлеченных материалах не имеется...» (ЭСТЯ III, *333—334*).

[1] Ср. также фиксацию хак. слова в различных вариантах (*төгем, төкем, төмек*) и со значениями 'опора, подмога, поддержка; обычай взаимопомощи среди родственников; опекун' (ХРИЭС, *152*). См. **дөмек**.

Вполне обосновано мнение, что «морфологически *душе- ~ дөше-* должно быть отыменным глаголом, образованным с помощью аф. *-а-*». Далее начинаются неясности: «...Производящая основа ***төш*** со значением *'то, что стелют, расстилают' в привлеченных материалах не представлена» (ЭСТЯ III, *334*).

Э.В. Севортян, таким образом, исходил из семантики 'стелить (постель)' как первоначальной, хотя она, возможно, таковой не являлась. Исходным значением глагола вполне могло быть 'накладывать что-л. слоем на что-то' или 'наращивать (новый) слой, служащий основанием, возвышением'.

О реальности подобной семантики как первоначальной свидетельствуют, думается, значения тув. *дөжек* типа 'подножие, фундамент, основание'. Если допустить подобную возможность, то производящая основа ***төш*** могла быть гомогенной с широко распространенным тюрк. словом *төш*... 'склон горы; нижняя часть склона, подножье; возвышение...' (см., в частности: ЭСТЯ III, *287*; а также **дөш II**). В таком случае значения глаг. основы *дөше- ~ төше-*... 'стелить' и производного от нее имени *дөшек ~ төшек* 'постель...' носят вторичный характер, хотя в настоящее время являются наиболее распространенными. См. также **дөжем**.

Что касается узкого *-у-* в первом слоге соответствий указ. глагола и имени в части языков (напр., огузских), то не является ли его появление результатом контаминации с глагольной основой типа *душ-* 'падать'?

дөжек см. **дөже-**.

дөжем [өъ] **1.** 'поднимающийся, возвышающийся (о местности)'; **2.** 'небольшой подъем (о местности)'; **дөжемик** [өъ] 'небольшой подъем (о местности)', **дөжемир** то же.

Непосредственных соответствий в других тюрк. языках не найдено, однако налицо связь с именем *төш* 'склон горы' и др. (см. **дөш I**). Тув. *дөжем*, *дөжемик* и *дөжемир* непосредственно представляют собой отглаг. имена, образованные соответственно при помощи формантов *-м*, *-мик* и *-мир* от основы *дөже-* < ***төш-е-***, производной от указ. имени и, вероятно, означающей нечто вроде 'наращивать слой, служащий основанием, возвышением'. Данная глаг. основа, по-видимому, гомогенна с тув. *дөже-* 'стлать; настилать' и ее соответствиями в других тюрк. языках. Ср. также одноструктурные с тув. *дөжем* каз. *төсем* 'предназначенный для подстилки (ковер, кошма, палас и др.)' и каз. диал. *төсем* 'перекладина' (Аманжолов, *414*), тат. *түшәм* 'потолок'.

Следует таже отметить наличие в каз. диалектах слов *төс* 'склон горы' и *төс* 'так называемая «подушка» телеги, помещаемая над осью' (Там же), думается, гомогенных и связанных с указ. именем *төш*.

дөжемик см. **дөжем**.

дөжемир см. **дөжем**.

дөжү [өъ] 'наковальня'.

Ср. тоф. *төьһү* 'наковальня', а также кирг. *дөшү*, алт. *төжи ~ төжө*, башк. *түшки* с тем же значением, которые Э.В. Севортян связывал с общетюрк. *дө:ш ~ дөш ~ төш* с основным значением 'грудь' (см. **төш**), отмечая при этом наличие у названия наковальни односложных вариантов *төш ~ түш*... еще в нескольких тюрк. языках и их диалектах (см. также Дыбо, *309*) и, напротив, двухсложный вариант названия груди в некоторых из них. Исследователь предполагал, что в основе этих производных форм лежит... глаг. **дөш-* ~ **төш-* ~ **түш-* (ЭСТЯ III, *287*). Значение этого глагола не указано.

Однако к соответствующему месту труда Э.В. Севортяна дается примечание Л.С. Левитской, констатирующей, что тюрк. *дөшү*... 'наковальня' Г. Рамстедтом и М. Рясяненом относится к числу монгол. заимствований. Эта версия представляется наиболее вероятной для тув. и других тюрк. языков Сибири. Ср.: (Поппе. Мук.) *döši*, п.-монг. *düši*, монг., калм. *дөш* 'наковальня'. См. также: Рассадин. МБЗ, *29*, *63*; СИГТЯ Л, *415—416*.

А.В. Дыбо отмечает, что монгол. слово практически не участвует в словообразовании и «само кажется заимствованным», причем высказывается предположение о его тюрк. происхождении. Тюрк. **töše* сопоставляется с тунг.-маньчж. **tulpa-* 'клепать', что не выглядит достаточно убедительным.

Кроме того, монгол. слово, как предполагается, восходит к кит. *tiědzhen* 'молот, наковальня', но из кит. в монгол. языки оно опять-таки должно было попасть через посредство тюркских. При этом признаётся, что «при предположении китаизма остается ряд фонетических трудностей» (Дыбо 1996, *309*).

Итак, ситуация оказывается крайне запутанной, но можно согласиться с тем, что монгол. слово — действительно тюркизм. Рассматриваемое же название наковальни является, скорее всего, исконно тюрк. словом, которое естественно было бы связать не с названием груди, а с тождественным или близким последнему по внешнему облику и, вероятно, родственным ему словом типа тув. *дөш* [дөъш] 'подъем, возвышенность' и его соответствиями типа *төш*... со значениями 'бугор, возвышение' и под. (см. **дөш II**). Наковальня могла получить название по признаку возвышения, поднятия, так как является подставкой, опорой (для ковки металла).

Существовала, по-видимому, и глаг. основа **төш-* 'подниматься, возвышаться' (< **тө-*; см. **дөлем, дөр** и др.), к которой восходит часть двухсложных вариантов наименований наковальни и родственных с ними слов. Ср., напр., хак. *төске* (наряду с *төс*), башк. *түш-кә* (< **төш-ке*) 'наковальня', а также правомерно сближаемые с рас-

сматриваемым названием уйг. диал. *душа* 'дощечка для крошения мяса' и *дөшә* 'деревянное блюдо с возвышением-столбиком посередине, на котором крошится мясо' (по материалам С.Е. Малова) (см.: Дыбо, *309*; СИГТЯ Л, *415*).

С мотивирующим признаком возвышения, возможно, связаны и другие наименования наковальни в тюрк. языках. Таковым может быть слово *örs* в нескольких из них, для которого предполагается генетическая связь с глаг. **ör-* в составе слова *өrt* 'пожар' (ср. тат. диал. *ör-* 'зажигать' и под.) (СИГТЯ Л, *357—358*, *416*). В данном случае более реальной и логичной представляется связь *örs* с другой глаг. основой, **ör-*, означающей 'подниматься' (ЭСТЯ I, *158*).

Интересно, что в том же разделе работы по сравнительно-исторической лексике тюрк. языков, на который мы ранее ссылались и который посвящен рассмотрению этимологии наковальни, приводятся и другие примеры связи этих названий со словами, обозначающими возвышения. В их числе — як. *кыстык* 'наковальня; сопка, пологая с одной стороны и круто спускающаяся с противоположной' (по Пек.). Далее отмечается «любопытная семантическая параллель; кирг. южн. *döš* 'наковальня' и 'склон горы'» (СИГТЯ Л, *416*).

Думается, что направление смысловых связей в данных случаях противоположное: от названий форм рельефа местности к искусственному возвышению (наковальне).

дөзе- 'наследовать (характер, внешность); пойти в кого-л. (характером, внешностью)'.

Ср. тоф. *дөзе- ~ төзе-* 'походить, быть похожим'. Ср. также п.-монг. *tösö-* (?) 'иметь сходство, походить'. Словарь Голстунского, где дается указ. глаг. основа, объединяет ее в одной статье с *tüsü-* (?) 'предварительно соображать; знать в общих чертах, примерно' (Голст. III, *172*), хотя мы в данной ситуации, скорее всего, имеем дело с гетерогенными основами, вторая из которых явно имела в первом слоге широкий гласный (см. **дөзевиле-**, **дөзээле-**) и выглядела примерно как **tösö-*. Такой же облик могла иметь глаг. основа с семантикой 'иметь сходство...' соответствий к которой нам в источниках по совр. монгол. языкам обнаружить не удалось.

Структура указ. основы неясна, как и характер ее связи с тув. и тоф. *дөзе-*... Последняя, возможно, в данных тюрк. языках является монголизмом. Семантика тув. *дөзе-* носит специализированный характер: 'походить на кого-л. из своих родителей, унаследовав его характер и/или внешний облик'.

Эта основа, видимо, имеет связь (вторичную?) с именем *дөс* 'основание; корень' (см. **дөс**).

дөзевиле- [өъ] 'проектировать, составить проект; делать набросок'; **дөзевилел** [өъ] 'проект; набросок'.

Монголизмы. Ср. п.-монг. *tösüble-* 'предварительно соображать; делать наметку, проектировать, намечать' (ЧР, *409*), монг. *төсөвлөх*

'предполагать, предусматривать, намечать; составлять смету' (< *tösüb/төсөв* 'предположение, наметка; смета, бюджет'), *tösüblel/төсөвлөл* 'план, предположение, проект; наметка'. Тув. *дөзевиле-*, *дөзевилел*, очевидно, принадлежат к числу поздних заимствований. Гласный *-и-* в третьем слоге данных слов — протетический.

дөзевилел см. **дөзевиле-**.

дөзээле- 'предполагать, угадывать; догадываться, определять примерно'.

Монгол. заимствование. Ср. п.-монг. *tösügēle-* 'делать что-л. предположительно, примерно, начерно' / монг. *төсөөлөх* 'понимать, разбираться, иметь представление о чем-л., представлять, предполагать'. В тув. *дөзээле-* отмечен определенный семантический сдвиг в сторону неадекватности представлений о чем-л. Ср. **дөзевиле-**.

дөктүр [өъ] 'бугор(ок)' (*нечто среднее между кочкой и холмом*).

Ср. як. *тэхтир ~ тэхтүр ~ төхтөр ~ тухтүр* 'неровность, бугорок', кирг. *дөгдүр* 'холмик', *тектир* 'небольшое ровное место в высоких горах'. Ср. также кирг. *текир* 'великий, могучий', *тектир* 'широкий, большой' (РСл. III, *1020, 1024*), приведением которых ограничился М. Рясянен (EW, *471*).

С.А. Иванов, анализируя, в частности, вышеприведенные варианты як. слова, пришел к выводу о том, что они могли возникнуть из более древней формы ***тэхтүр* (а последняя, очевидно, < ***тектүр*) (см.: Исследования по якутской грамматике и диалектологии. — Якутск, 1979. — С. 122). Иными словами, формы с огубленными гласными первого слога явились результатом регрессивной ассимиляции гласных, с чем следует согласиться. О том же свидетельствуют различия в вокализме между кирг. *дөгдүр* и *тектир*. Для тув. языка характерен огубленный вариант слова.

По-видимому, ***тектүр* связано с глаг. основой ***тек-* со значением ***'подниматься, возвышаться'*, которая может быть гомогенной с с.-югур. *тек-* 'скакать на лошади' и под. (см. **деге**). Непосредственно же ***тектүр* — из ***тек-ит-ур*, где ***тек-ит-* — форма каузатива от ***тек-*, а *-ур* — имяобразующий формант, восходящий к аф. причастия (см.: АИ, *340 и след.*).

Вполне возможно и то, что ***тек* была именной или образной основой, соотносительной с ***тек-* (ср. ***тек* 'ходьба вскачь, вприпрыжку' в статье **деге**); в таком случае *-(и)т-* мог быть глаголообразующим аф.

Допустима также гомогенность *дөктүр* с тув. *тей* 'макушка головы; холм, сопка' (см. **тей**).

Появление *-ө-* в *дөктүр* помимо указ. причины могло быть обусловлено и сближением его с такими словами, как *дөжемик*, *дөлем*, *дөң*, *дөңгелик*, обозначающими (небольшие) возвышения. См. соответствующие статьи данного словаря.

дөлем 1. 'возвышенный, высокий (о местности)'; 2. 'возвышенность, гора среди равнины (с хорошим обзором)'.

Ср. тоф. *дөлем* 'место в лесу, где всегда бывает солнцепек; место, которое хорошо прогревает солнце' (Рассадин. Словарь).

В тув. языке имеется также семантически сходные с *дөлем* имена *дөжем*, а также *дөжемик* (< **төше-м*, **төже-мик*), сопоставлявшиеся нами с *дөш* 'подъем', а более непосредственно с глаг. основой **төше-* 'наращивать слой, служащий основанием, возвышением', вероятно, гомогенной с *дөже-* 'стлать, стелить' и под. См. **дөже-**, **дөжем**.

Может быть подобным образом выглядела и производящая основа тув. и тоф. *дөлем*? Во всяком случае, в др.-уйг. памятнике зафиксировано парное слово *tölit tošak* 'постель, постельные принадлежности' (ДТС, *579*), второй компонент которого соотносителен с общетюрк. *төшек* и под. в значениях 'постель' и под.; ср. также тув. **дөжек** 'постель, подстилка; подставка; фундамент' и др.

Можно полагать, что и компонент *tölit* указ. др.-уйг. слова связан с **töli-* (возможен и вариант **tölä-* 'стелить, расстилать') < **töl*, которое семантически близко к *дөш* и его соответствиям. Иной взгляд на структуру *tölit* см. в: ЭСТЯ III, *324*.

В ситуации *дөш* ~ **төл* перед нами соответствие *-ш* ~ *-л* (сигматизм ~ ламбдаизм), причем в достаточно редком проявлении. Скорее всего, конечные согласные в данном случае — имяобразующие аф. *-ш* и *-л* при предполагаемой глаг. основе **тө-* 'подниматься', которая, возможно, прослеживается и в других именных основах: см., напр., **дөр**.

дөмбүң [өъ] 'бидон; деревянный сосуд с узким горлом'; *диал.* 'эмалированный таз'.

Ср. др.-уйг. *tämbin* ~ *tämpin* ~ *tänpin* 'мера емкости' (?) (ДТС, *544*) или, по другим данным, — 'мера емкости, таз', которому в сал. соответствует *t'empin* (~ *t'empiŋ*, *tempin* то же), возводимое Э.Р. Тенишевым к кит. *тун пэнь* 'медный таз'. В качестве параллели к указ. тюрк. словам приводится также монг. *tömpön* 'таз' (Тенишев. Сал., *529*). Ср. его п.-монг. соответствия *töngpöng* ~ *töngpön* (Цэвэл, *551*). Монгол. слово — также китаизм.

Тув. *дөмбүң* — очевидно, монголизм, восходящий к монгол. форме с конечным заднеязычным *н*. Отмечено также башк. диал. *төмбэй* 'кожаный сосуд для кумыса; трехлитровая стеклянная посуда', которое имеет сходное происхождение, но связано с прототипом, имеющим конечный согласный типа *нь*.

дөмей 1. 'подобный, похожий; одинаковый, аналогичный'; 2. 'как бы то ни было, на всякий случай'; ***дөмей-ле*** 'все равно, одинаково'.

В речи тувинцев Северо-Западной Монголии отмечено *дүңей* 'похожий', которое правомерно сопоставлено с тув. *дөмей* (Монгуш

1983, *136*). Вместе с тем у *дүңей* зафиксированы близкие соответствия в сиб.-тюрк. языках типа алт. *түңей* 'одинаковый; все равно' (ср. также *түңей-ле-* 'сравнивать; составлять пару'), алт. диал. *түңей* 'пара', *түңей* 'одинаковый, равный; одинаково, все равно', *түңөй*, *түгей* то же, бараб. *түйі* 'парный, образующий пару' и с другими аффиксами — алт. диал. *түң-дäш* и *түң-ду* 'сходный, парный' (РСл. III, *1546*).

В.В. Радлов членил *түңей* (*түңäі*) на элементы *түң* и *äі*, первый из которых сопоставлялся им с алт. диал. *түң* 'пара; соответствующий, образующий пару, похожий; сравнение, подобие...' (РСл. III, *1541*). Элемент *äі* можно отождествить с аф. *-ай ~ -ей...* присоединяемым к прилагательным, практически не меняющим их семантики и вносящим лишь элемент некоторого усиления качества. Этот аффикс относительно активен в тоф. языке (Рассадин. Морфология, *101*; см. также **багай, бак**).

Судя по форме *түгей*, у основы *түң* существовали варианты **түг* или **түк*, которые могли быть как фонетическими, так и морфологическими. Согласный основы, носящий не вполне ясный характер (возможно, *-г-*?), отразился в бараб. *түйі* (по Радлову).

Следует отметить, что в части юж.-сиб. тюрк. языков и диалектов отмечены такие своеобразные варианты рассматриваемого слова, как алт. *төй ~ төөй* 'равный, одинаковый' (ГАЯ, *271*), куманд. *төй* 'равный, одинаковый, парный; пара' (по Вербицкому), *тӧі* (алт. и хак. диалекты, шор.) 'парный, образующий пару соответствующих друг другу предметов' (РСл. III, *1241*), хак. *төөй* 'похожий, подобный', шор. *төөй* 'пара'. Интересно, что и в языке тувинцев Северо-Западной Монголии наряду с *дүңей* отмечен и вариант *дөөй* 'похожий, одинаковый' (Монгуш 1983, *135*).

Вторичный *-өө-*, в части диалектов ставший кратким, определенно указывает на существование у *түңей...* варианта с широким гласным *-ө-*. В данной ситуации сложно определить, какой интервокальный согласный находился в том комплексе ГСГ, из которого развился долгий *-өө-*. Не исключено, что им мог быть и *-м-*, сохраняющийся в тув. *дөмей* (с указ. выше значениями), каковой, по-видимому, < **төм-ей*, где **төм* — один из вариантов *түң* и других, вероятно, родственных с ним форм, реконструированных выше.

М. Рясянен, рассматривая алт. *түңей* и другие данные, приведенные в РСл., в т.ч. алт. диал. *түң*, сопоставлял их, хотя и с сомнением (со знаком вопроса) с общетюрк. *теӊ*, чув. *тан* 'подобный, одинаковый' (EW, *505*). Такое сопоставление в значительной степени правомерно, и, хотя применительно к данной ситуации у нас нет достаточных оснований говорить о гомогенности *теӊ и түң*, ее нельзя и исключать.

Рассматривая выше происхождение *теӈ* и его соответствий, а также родственных с ним слов (см. **деӈ I**), мы пришли к выводу о существовании в прошлом производящей, глаг. основы **mө-* 'равняться; делаться равным или ровным', от которой с помощью соответствующих аффиксов были образованы *теӈ* и его возможные однокорневые слова.

Можно полагать, что аналогичное положение сложилось и в случае с *түӈ...* которое образовано от **mү-* 'быть сходным (одинаковым, парным и под.)', а последняя, учитывая наличие форм типа *төөй* (> *төй*) и тув. *дөмей*, могла иметь и вариант **mө-*, с которым связано **mө-м.*

С именем *түӈ*, возможно, однокоренным является один из терминов родства, характерный для памятников и некоторых совр. тюрк. языков и, по-видимому, не имеющий удовлетворительной этимологии. Это др.-тюрк. *tüŋür* 'свойственник по браку, родственник'; ср. также *tüŋür bošük* парн. 'жених и невеста' (ДТС, *597*), як. *түӈүр* (а также *түгүр*, *түмүр*) 'родственник через женитьбу детей, братьев и сестер; сват', тур. *dönür* 'родственный по браку' (EW, *505*), *dünür* 'сват; свойственник'.

Можно предполагать, что *tüŋür* и под. < **tüŋ-ü-r* *'составляющий с кем-л. пару' или, в более широком смысле, 'сближающийся'. Обращает на себя внимание также наличие у основы **tüŋ* вариантов с широким гласным (в тур. языке) и с согласными *-г-* и *-м-* (в як.).

Допустимо также родство *түӈ* с общетюрк. именем *дүз ~ түз...* 'прямой, ровный, гладкий; равный, похожий, одинаковый...' и его глаг. соответствием *дүз- ~ түз-...* 'приводить в порядок; выравнивать, устраивать...', имеющие также варианты с широкими (огубленными и неогубленными) гласными (см.: ЭСТЯ III, *309 и след.*), которые могли быть связаны с вышеприведенной основой **mү-* (**mө-*).

дөмей-ле см. **дөмей**.

дөмек 'поддержка, помощь; опора'.

Ср. хак. *төмек* 'опора, подмога, поддержка...' ХРИЭС, *151*; см. также **дөгүм**), *төмег* 'база, основа' (ХРИЭС, *153*). В отношении генетических связей указ. тув. и хак. слов ясности нет, но отмечен монгол. «след»: ср. бур. *думэ-* 'относиться осторожно; заботиться'. Соответствий указ. имен в монгол. языках не обнаружено. См. также **өмек**, **өмек-дөмек**.

Может быть, *дөмек ~ төмек...* связано с *дем* 'помощь' и под. (см. **дем I**). В плане происхождения рассматриваемого слова привлекает также внимание широко распространенное тюрк. слово *көмек ~ көмег...* 'помощь, подмога; содействие...' (о нем см.: ЭСТЯ V-1, *98—99*). В нашем случае не исключена контаминация *дем* с *көмек...*

Кроме того, реален спорадический переход начального *к* > *д*(*т*) (см., напр., **даңза**), что могло иметь место и в ситуации с *дөмек*, *төмек*, *төмег*.

дөмүр- см. **домур-**.

дөнен 'четырехлетний, четырехгодовалый (о крупном рогатом скоте и лошадях)'.

Соответствия типа *dönen* 'лошадь на четвертом году' и под. (каз. *дөнен* самец-четырехлеток (о скоте)', алт. *төнөн* 'бык четырех лет' и под.) относятся к числу монголизмов. Ср. (Поппе. Мук.) *dönen üker* 'четырехлетний бык', п.-монг. *dönen* то же; 'четырехлетний (о скоте)'. См.: EW, *140*; Рассадин. МБЗ, *21*. На более значительном материале этимология *дөнен...* рассматривается в ЭСТЯ (III, *278–279*).

дөң 'бугорок, маленький холмик'.

Ср. тоф. *дөң* 'болотная кочка; небольшой бугорок, холмик', а также общетюрк. соответствия типа *дөң ~ төң* и под. со значениями 'холм(ик); возвышенность; возвышение; насыпь...'.

Этимология слова практически отсутствует. М. Рясянен, а также Э.В. Севортян ограничиваются указанием глаг. основ, представляющих собой, по их мнению, корреляты к *дөң ~ төң* типа тат. *түң-* 'опрокидываться, перевертываться', др.-уйг. *töŋit-* 'склонять(ся)' и под., а также иных сравнительных материалов (см.: EW, *494*; ЭСТЯ III, *279–281*, а также **дүңдер-**).

Скорее всего, *дөң...* связано с основой образного характера, обозначающей нечто округлое выпуклое и представляющей собой переднерядный вариант основы **дөң ~ *тоң* (см. **доңай**, **доңгурак I, II**). Реально и существование соотносительной с *дөң ~ төң* (и производной от последней) глаг. основы **дөң-* ~ *төң-* с вероятной семантикой 'принимать округлую, выпуклую форму'. Эта основа может быть реконструирована, исходя из некоторых производных имен типа **төң-е* (> чув. *тĕме*) и под. со значениями 'пень, чурбан; выпуклый' и т.п. (ЭСТЯ III, *280*) или хак. *төң-мел* наряду с *төң* 'бугор, возвышенное место...' (ХРИЭС, *153*). Ср. также **дөңгелик**.

дөңгелик 'кочка'.

Ср. тоф. *дөңгелік* то же. В ряде других тюрк. языков отмечено имя *дөңгелек ~ төнгелек...* означающее 'колесо, кольцо, круг; круглый' (в нескольких тюрк. языках); а также 'бугорок, кочка' (ЭСТЯ III, *281*), которое, бесспорно, гомогенно с *дөң ~ төң* 'холм(ик), возвышенность...' (см. **дөң**). На это указывал и Э.В. Севортян, хотя его представления о происхождении как последнего, так и *дөнгелек* и его соответствий (в числе которых тув. и тоф. слова не зафиксированы) вызывают возражения. В плане реконструкции структуры *дөңгелек...* предлагаются два решения (ЭСТЯ III, *282*), ни одно из которых не выглядит бесспорным. Непосредственной основой, от которой произведено *дөңгелек...* может быть каз. *дөнгеле-* 'крутиться,

катиться, вертеться', кирг. *дөңгөлө-* 'катиться колесом', а исходное значение *дөңгелек*... — 'круглый'.

Глаг. *дөңгеле-* ~ **төңгеле-*, в свою очередь, образован от имени типа **дөңгел* ~ **төңгел*, о котором дают представления каз. *дөңгүл* 'маленькая возвышенность', кирг. *дөңгүл* 'бугорок', каз. *доңгал* 'холм, горка'. Последнее А.Т. Кайдаров связывает с основой **доң* 'нечто округлое, полукруглое, кольцеобразное'. Производным от *доңгал* является каз. *доңгала-* 'катиться, кувыркаться, крутиться' (Кайдаров, *203*).

Для *дөңгеле-*... вероятна и другая производящая основа типа **дөң(г)е* ~ **төң(г)е*; ср., в частности, турк. *төңце* (< *төң-ге*) 'пень', *түңди* (< *түң-ги*) 'выпуклый; горбатый' и под. (ЭСТЯ III, *280*), где **төң-* — глаг. основа с семантикой 'принимать (иметь) округлую форму'. От такой же основы или от соотносительной с ней именной, вероятно, при помощи редкоупотребляемого аф. *-кал* ~ *-кыл* (о нем см.: АИ, *194*) были образованы наименования типа **дөңгел*, с которым сопоставимо тур. *döngel* 'мушмула (плоды)', приводимое в качестве одного из этимологически неясных имен (Там же).

Тув. *дөңгелик*, тоф. *дөңгелік*, возможно, являются формой диминутива (с аф. *-ик*) от имен типа **дөңгел* со значениями 'холм, бугор(ок)', обозначая еще меньший по сравнению с этими именами объект (кочку).

дөңгү- 'делать что-л. еле-еле, кое-как, с трудом'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *döngge-* (~ *düngge-*) 'перебиваться; делать что-л. с трудом, еле существовать', монг. *дөнгөх* 'справляться кое-как, с трудом; делать что-л. на скорую руку, кое-как, небрежно', бур. *дүнгэ-* то же. См. также: Владимирцов. Ср. грамматика, *251*.

дөңгү *уст.* 'дёньгу' (*тяжелая деревянная доска с отверстием в середине, надеваемая на шею наказуемого*); *перен.* 'ярмо, гнет'.

Ср. алт. *төңө* 'ярмо' (ОРС, *156*), алт. диал. *төңө* 'ярмо, колодка' (РСл. III, *1247*). Последнее приводится также в труде М. Рясянена (EW, *494*), где интерпретируется как монголизм. См. п.-монг. *düngge* 'шейная колодка', монг. *дөнгө* то же, бур. *дүнгэ* редк. 'оковы, колодки, кандалы'. Тув. *дөңгү*, скорее всего, заимствовано из совр. монг. языка, как, вероятно, и алт. *төңө*.

дөңгүр [өъ] **1.** 'безрогий, комолый'; *перен.* 'бритый, лысый, безволосый'; **2.** *тодж.* 'домашний олень-самец в возрасте свыше четырех лет; одно из названий оленя-производителя'.

Ср. тоф. *төънһүр* ~ *төънкүр* 'бык дикого северного оленя' (ТРС-РТС, *71*, *197*). Последнее (в варианте с начальным *д и* без фарингализации) сопоставлено с тув. *доңгур* 'годовалый олень' (см. **доңгур**) и тодж. *дөңгур*, а также с алт. *тоңкур* ~ *төңкүр* 'комолый; с тупым концом' (Рассадин. Фонетика, *175*).

Происхождение указ. названия оленя-самца в тодж. диалекте связывается с *дөңгүр* 'комолый' по той причине, что этому животному (в определенном возрасте) спиливают рога (Чадамба 1974, *64*; Чадамба 1977, *62*).

Интересно, что в тоф. языке подобное же название носит самец дикого оленя. В данном случае, возможно, имеет место довольно редкое явление: перенос названия домашнего животного на дикое (результат влияния тодж. диалекта?). В то же время у тоф. названия не фиксируется значение 'комолый', обычно передаваемое в тофаларском словом *доңгур*, переднерядным вариантом которого является *дөңгүр* (см. также **доңгур**).

Оба эти варианта связаны происхождением с двухвариантной образной основой. С ее переднерядным вариантом гомогенны *дөң...* 'бугорок' и **дөң-* 'принимать округлую, выпуклую форму', о которых было сказано выше (см. **дөң**, а также: ЭСТЯ III, *280*), а также кирг. *дөңгүр* 'бугорок'.

Подобные основы обозначают как нечто округлое, так и короткое, обрубленное, обрезанное (см. также **дугурук** и под.).

дөңмек 'бедро'.

Ср. тоф. *дөңмек* 'бедро, ляжка', сопоставляемое с тув. *дөңмек* то же и алт. *төңмөк* 'берцовая кость' и относимое к числу слов неизвестного происхождения (Рассадин. Фонетика, *90*, *175*), а также алт. диал. *төңтөк* 'бедро' и *төңнөк* 'верхняя часть ноги от бедра до колена' (РСл. III, *1248*). М. Рясянен приводит в своем труде только указ. алт. формы и ограничивается этим, не производя их этимологического анализа (EW, *494*).

В связи с приведенными выше словами находятся, по всей вероятности, ккалп. *дөңбек* 'опухоль, водянка', азерб. *думбэк* 'задок, гузка (у птиц)', перен. 'барабан; брюхо', турк. *туммек* 'бугор(ок), холмик, кочка; бугорчатый, холмообразный', где выделяется глаг. основа *түң- ~ дөң-* 'переворачиваться, опрокидываться', соотносительная с именной типа *дөң ~ төң* 'холм' и под., и аф. *-мак* (*-мек*). (Мы считаем, что в данном случае семантика глаг. основы иная: см. **дөң**, а также **дөңгүр**.)

При этом формы с *-м-* (*думбэк* и др.) — вторичные: в них *-м-* преобразовано из *-ң-* (ЭСТЯ III, *279—280*).

Возможно, тот же аффикс и в алт. диал. *төңнөк* (< *? төң-мек*), в то время как в *төңтөк* можно вычленить имяобразующий аф. *-төк* (< *-тек*).

Структура тув. *дөңмек* и его ближайших соответствий, думается, та же, что и у имен, анализ которых дан в труде Э.В. Севортяна. Анатомические значения у этих слов, как и у азерб. *думбэк*, возможно, вторичны. Первичной является, скорее всего, адъективная семантика 'округлый' и под., отмеченная, в частности, у турк. *туммек*.

дөө *мест.* 'то[т], вон то[т] (об отдаленных объектах)'.

В тув. языке у данного местоимения отмечены варианты *доо*, *дуу* и *дүү*, которые, по мнению некоторых исследователей, обозначают еще более отдаленные объекты, чем *дөө* (Сат, Салзыңмаа, *226*). В тодж. диалекте отмечены такие варианты, как *дээ* и *дии*; ср. также тоф. *тээ* 'то[т]'.

В «Грамматике тувинского языка» *дөө...* истолковывается как слово, имеющее общую этимологию с указ. мест. *тиги...* в некоторых других тюрк. языках. Помимо этого предполагается, что все эти варианты имеют общее происхождение с монг. *түүн-*, п.-монг. *tegün*, являющимися основой косвенных падежей указ. мест. *тэр/tere* 'тот'. Подобное сопоставление делалось и ранее, см.: Владимирцов. Ср. грамматика, *196*. Характер связи тюрк. местоимения с этой монгол. основой неясен.

Фактически ориентируясь на последнюю, авторы «Грамматики...» представляют характер изменений звукового облика тув. *дөө* < *дөгү* < *дөгүн* (ИП, *231–232*), что выглядит недостаточно обоснованным.

А.М. Щербак подразделяет указ. местоимения на обобщенно-указ., обнаруживаемые почти во всех тюрк. языках и унаследованные от эпохи праязыкового состояния (в частности, к ним принадлежат **ну* и **ōл*; см. **бо, ол**) и конкретно-указ., имеющие более позднее происхождение и заметно варьирующие по языкам (Щербак 1977, *127–128*).

Так, варианты конкретно-указ. мест. типа *теги* распространены, по Щербаку, в алт., шор. диалектах, хак. и башк., а также в кирг. и тат. языках, для которых характерен в основном узкорядный неогубленный гласный *и* (*тиги* и под.); в эту же группу обоснованно включается и тув. *дөө* с вариантами *доо* ~ *дуу* ~ *дүү*. Все они возводятся под вопросом к праформе **төгү*. В основном тюрк. соответствия тув. *дөө...* указывают на отдаленные объекты ('вон тот'), но некоторые могут относиться и к близким предметам (Щербак 1977, *130–131*).

Этимология данного местоимения в указ. работе не дается. В ней отмечено, что в большинстве своем конкретно-указ. местоимения по происхождению представляют собой сложные слова, которые образовались из сочетаний обобщенно-указ. местоимений с различными указ. словами. Иногда в качестве дополнительного средства усиления дейктичности могут быть определенные частицы (Щербак 1977, *128, 131*), стоящие как перед местоимением, так и после него, нередко сливаясь с последним.

Возможно, подобную структуру имел и исходный вариант или варианты рассматриваемого местоимения. В более поздней работе А.М. Щербака говорится о том, что одним из компонентов конк-

ретно-указ. мест. *теги* и его вариантов является указ. частица *те ~ ти...* употребляемая с указ. местоимениями в препозиции к последним. Отмечена также частица *ту ~ тү ~ тө...* которая, как предполагается, гомогенна с *те ~ ти...* (Щербак 1987, *103—104*; ср. также: Щербак 1977, *129—130*).

Если первый слог слова *теги...* связан с вышеприведенной частицей (или частицами), то второй должен восходить к указ. местоимению, которое может быть сопоставлено с чув. *ку...* 'этот'. Единого мнения о происхождении последнего и его месте в системе указ. местоимений других тюрк. языков нет. Согласно одной из точек зрения, чув. обобщенно-указ. мест. ближнего плана *ку* не выводится из общетюрк. прототипов (Щербак 1977, *128*). Существует и другое мнение, согласно которому данное слово принадлежит древнейшему пласту чув. лексики, являясь наследием периода «тюркско-чувашской» общности, и тесно связано с соответствующими местоимениями алтайских языков (см.: ИМЧЯ, *33*; Федотов II, *65—66*).

А. Рона-Таш писал о «старом тюрк. ...местоимении» **кӣ*, указывающем на близость, в противоположность его заднерядной форме **qu*, указывающей на отдаленность. Оно сопоставляется, с одной стороны, с чув. *ку*, а с другой — с с.-югур. (по С.Е. Малову) *γи* 'этот дальний' (где Малов предполагал кит. заимствование), *qu* 'вон тот' (?), *quγa* 'куда', *qo* 'этот...' (см.: Acta Orientalia. — T. 30, fasc. 2. — P. 161). С.Е. Малов считал, что *γи* в языке желтых уйгуров имеет лишь чисто внешнее сходство с вышеприведенным чув. местоимением, что вызывает сомнение (см.: ИМЧЯ, *33*). Тенишев в работе по данному языку приводит из перечисленных выше только форму *γи* (*gu*), варьирующую по характеру гласного и конечному согласному — *go(l)/gu(l)*, *ko(l)/ku(l)* — и обозначающую отдаленный, но находящийся в поле зрения предмет (Тенишев. С.-югур., *77—78*). Конечный *-(l)*, по всей вероятности, имеет морфологическую природу.

В связи с указ. вариантами с.-югур. местоимения по конечному сонанту обращает на себя внимание наличие у кирг. *тиги* 'тот, вон тот...' варианта *тигил* с той же семантикой (КРС, *731*). Возможно, *тиги* < **ти-гу* < **ти-ку*, а *тигил* < **ти-гул* < **ти-кул*.

Сходно с *тиги* образовались и другие варианты рассматриваемого местоимения. Почти во всех случаях второй компонент *ку* > *гу* подчинился сингармонизирующему влиянию первого (*ти-* и под.).

Тув. язык характеризуется разнообразием вариантов данного местоимения в отношении вокализма, причем в литературном языке отмечаются огубленные гласные (*дөө* < **төгу*, *доо* < **тогу*, *дуу* < **тугу*, *дүү* < **түгу*), а в тодж. диалекте — неогубленные *дии* < **тигу*, *дээ* < **тегу*; ср. тоф. *тээ*. Различия в вокализме связаны, по-видимому, с различным характером гласных первого компонента, восхо-

дящего к вариантам указ. частицы (частиц), о которых выше уже шла речь.

Интервокальный согласный *-г-* (< *-к-*), подвергшийся элизии в основной форме слова и в большинстве падежных форм тув. местоимения, прослеживается в некоторых из последних (в формах дат. и местн. п.) с узким гласным *ү* в первом слоге: см. *дүгээ* < *дүгүге* и *дүгде* < *дүгү-де* (ИП, *234*). Ср. хак. *тігде* 'там'. Кроме того, этот согласный сохранился в диал. форме *дөөгусүнде* 'вон там' (БТ, *13*).

В отдельных языках встречаются дейктические формы с долготами, напоминающие тув. *дөө* и под., но, вероятно, в отличие от последних являющиеся результатом эмфатического удлинения долгих гласных указ. частиц *те...* и *ту...* Таково, думается, каз. *тӯ* — восклицание при указании на дальний предмет: 'вот там!' (РСл. III, *1421*); ср. также кирг. *те* и *тээ* 'вон, вон тот' при *ти*, *тиги*, *тигил* (семантика последних указана выше).

дөөн I, дөөртен, дүүртен 'оттуда'.

Доон I — форма исходного падежа от мест. *дөө* 'вон то...' (см. **дөө**), возводимая к *дөө-ден* (см.: ИП, *234*; Сат, Салзыңмаа, *226*) и претерпевшая выпадение компонента *-де-* во втором слоге.

Ср. *дөөртен* [дөөрттен] и *дүүртен* [дүүрттен], подобные же формы от *дөө* и ее узкорядного варианта *дүү*, в которых возник протетический *р* и в сочетании с ним полностью сохранился (с удвоением начального *т*) аф. исходного падежа в варианте *-тен*.

дөөн II 'фитиль, запальный шнур (у кремневого ружья)'.

Тув. *дөөн* может быть сопоставлено с алт. и хак. диал. *төːн* 'нарост на бересте, трут, ядно' (в немецк. переводе — 'губка, грибок; маленькая губка для прижигания раны') (РСл. III, *1249*), алт. *төөн* 'зажженный трут, ядно' (ГАЯ, *272*); 'трут из сердцевины бузины; березовая губа, нарост на березе' (ОРС, *156*), хак. *түүн* 'прижигание березовым трутом (способ лечения)' (Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов. — Абакан, 1998. — С. 253), як. *түөн* 'ядно, мокса (сжигают конусообразный кусочек трута на больном месте тела...)' (Пек. III, *2902*; см. также: ЯРС, *413*); ср. также др.-тюрк. (МК) *tögün* 'пятно (от ожога); клеймо' (ДТС, *579*); 'клеймо, печать, тавро' (МК И, *278*), *tügnä-* 'прижигать, выжигать' (ДТС, *595*); 'прижигать (рану, язву)' (МК И, *292*), чаг., азерб. *түгән* 'ожог' (РСл. III, *1534*).

Судя по ареалу, мы имеем дело с древним словом тюрк. происхождения. Як. *түөн* 'прижигательный трут' приведено даже в качестве примера отражения первичной долготы гласного (Щербак 1970, *57*), с чем, учитывая приведенные выше соответствия, трудно согласиться: в данном случае як. дифтонг *үө* явно связан с долготой вторичного характера.

Дж. Клосон относительно др.-тюрк. *tögün* (у него — *tögü:n* 'клеймо') предполагал, что оно образовано от глаг. основы *tö:ğ-* (*tög-*) 'толочь, дробить, молоть', однако семантическая связь указ. слов ему представлялась неясной. Далее, по Клосону, современное соответствие *tögü:n* обнаружено только (?) в тур. *dögün* 'знак татуировки' (ED, *484*); ср. тур. *dөгун* 'рисунок, вытатуированный на коже' (РСл. III, *1791*). Это утверждение Дж. Клосона, как видим, неточно. Не вполне оправдано и недоверие, выраженное исследователем по отношению к собственной этимологической версии. Др.-тюрк. слово и его совр. тюрк. соответствия, приводимые выше, вполне могли быть производными от указанной Клосоном глаг. основы, но следует учитывать ее многозначность: она имеет не только значение измельчения и под., но и означает (и это явно первоначальная его семантика!) 'бить, ударять' и др. (см.: ЭСТЯ III, *270–271*). Не исключено, что реальностью могли быть значения вроде 'высекать огонь' или 'жечь, обжигать'.

Об этом, возможно, свидетельствует тур. *dövme ~ döğme*, являющееся глаг. именем от *dövmek* (*döğmek*) 'бить, колотить; ковать' и др. и имеющее также значения 'татуировка' и 'тавро, клеймо' (ТурРС 1977, *244, 248*), из которых обращает на себя особое внимание последнее.

Возможно, первоначально тув. *дөөн* и его соответствия обозначали трут, т.е. фитиль, высушенный гриб-трутник или нечто подобное, что зажигается от искры при высекании огня. Семантика типа 'прижигание', 'клеймо' и т.п., очевидно, вторична.

Вполне вероятно, что этимология рассматриваемого слова подобна той, что предполагается для рус. *трут*, праформу которого связывают со словами, характеризуемыми значениями 'портиться, гнить'; 'раскалывать, продырявливать', а также со словом *тереть* (Фасмер IV, *110*).

Соответствия глаг. *tög-*, о котором шла речь выше, кстати говоря, также имеют близкие указанным значения вроде 'приводить в негодность, портить' и 'молоть; растирать'.

Тюрк. слово имеет соответствия в монгол. языках типа п.-монг. *tügene* 'прижигательное железо, мокса, тягучий пластырь' (Бётлингк, *566*), монг. *төөнө* 'прижигание (в народной медицине)', калм. *төөн* [төөне] 'прижигание; клеймо, знак (на коже животного)'. В источнике по средневековому монгол. языку монгол. название прижигания (моксы) дается в форме *tö'en[e]*, а тюрк. — в форме *tügen* (Поппе. Мук., *352*). Монгол. слово, вероятно, тюркизм.

В тув. *дөөн* произошло небольшое по сравнению с 'трут' изменение семантики, порожденное, вероятно, внешними обстоятельствами, но это слово, судя по форме и значению, не является монгол. заимствованием.

См. также **дөөней**.

дөөней 'белая отметина, белое пятно на лбу лошади'.

Ср. п.-монг. *tüpü* то же (Голст. III, *168*), бур. ***төөн*** 'белое пятно; тавро, клеймо (на коже животного)', а также п.-монг. *tögeli* 'звездочка, белое пятно (на лбу лошади)' > монг. *töölī* то же, бур. ***төөлей*** 'звездочка, белое пятно на лбу животных'. Монгол. слово, в свою очередь, сопоставляется с кирг. ***төбөл*** (с той же семантикой) (Владимирцов. Ср. грамматика, *326*), имеющим закономерные соответствия в других тюрк. языках (см., в частности: Базарова, Шарипова, *39*, где, однако, приведен неполный перечень таких соответствий).

По-видимому, тюрк. *төбел ~ төбөл ~ депел...* связано с основой *төбе ~ дебе* 'макушка головы' (← *'верхняя передняя часть головы'), подобно тому, как др.-тюрк. *bašïl*, *bašγïl*, обозначающие животных с белой головой или с белым пятном на лбу (ДТС, *87*), очевидно, связаны с *baš* (*баш*) 'голова' (см.: АИ, *193—194*). Монгол. слово типа п.-монг. *tögeli* — по всей вероятности, тюркизм. То же можно сказать и о *tüpü* (с неуказанной долготой гласного в первом слоге) ~ ***төөн***.

Последнее, как это видно из бур. ***төөн***, может сочетать значение 'тавро, клеймо' со значением 'белое пятно'. Первое из них связано с тюрк. словом типа др.-тюрк. *tögün* 'пятно (от ожога); клеймо' и под. (см. **дөөн II**), а второе значение могло явиться результатом контаминации с названием «звездочки» (*tögeli* и др.).

Тув. ***дөөней*** — скорее всего, монголизм, хотя в настоящее время довольно сложно истолковать характер его отличий от монгол. слов, являющихся его предполагаемыми соответствиями.

дөөскүн 'глупый, слабоумный; крайне рассеянный'.

Ср. як. ***туөс*** 'дряхлый' (***туөс болбут*** 'он выжил из ума (от старости)') (Пек. III, *2908*), ***туөсäі-*** 'дряхлеть, выживать из ума; глупить, слабоумничать по старости; лишаться памяти (напр., перед смертью)' (Пек. III, *2909*); ***туөһэй-*** 'дряхлеть, впадать в старческое слабоумие; делать или говорить глупости' (ЯРС, *414*), ***туөсмаас*** 'сумбурно, бессвязно' (Харитонов, *299*).

Э.К. Пекарский сопоставлял як. ***туөс*** с рус. *туяс*, *туюс* 'глупый, бестолковый человек', но последнее, по-видимому, относится к диалектизмам як. происхождения. В то же время гомогенность тув. ***дөөскүн*** и як. ***туөс***, ***туөсäі-*** (***туөһэй-***) едва ли может быть подвергнута сомнению. Следует также отметить соответствие тув. долгого гласного ***өө*** як. дифтонгу ***уө***. В этом случае тот и другой гласный, скорее всего, восходят к комплексу гласных с интервокальным согласным *-г-* (типа *-өги-* > *-өгү-*).

Таким образом, первоначальная форма як. ***туөс*** и основы ****дөөс*** (именной?) в тув. ***дөөс-күн*** — ****төгис*** (или ****төгиз***). Может быть, последняя, в свою очередь, гомогенна со вторым компонентом пар-

ных слов типа тув. *аскак-дускек* 'хромой' и кирг. *аскак-төксөк* 'хромые и отставшие (главным образом, об овцах)', тур. *тӱксӓ- ~ тӱкзӓ-* 'оступаться, запинаться' (см. **аскак-дускек**).

Общетюрк. *аксак* (> тув. *аскак* — с метатезой, как и *дускек*) — производное от глаг. *агса-* 'хромать', родственного *аңдар-*... 'переворачивать' (см.: ЭСТЯ I, *76*, а также **аңдар-**, **аска-**); подобно этому **төксек ~ *тӱксек* (> тув. *—дускек*) — от **төксе- ~ *тӱске-* 'хромать; отставать', родственного *дүңдер- ~ төңкер-* 'переворачивать...' (об этой основе см.: ЭСТЯ III, *326—327* и **дүңдер-**). В свою очередь, *аңдар-* и *дүңдер-* представляют собой побудительные формы глаг. основ *аң-* и *дүң- ~ дөң-*, имеющих также варианты *аг-* и *дүг- ~ дөг-*.

Семантика этих основ и производных от них слов связана с понятиями шаткости, нетвердости, нарушения равновесия, опрокидывания, падения и т.п. (см., в частности: ЭСТЯ I, *69—76*; ЭСТЯ III, *280*, *326—327*). Логично предположить, что у таких производных существовала и семантика, характеризующая нетвердость в уме, слабоумие и первоначально, вероятно, являющаяся эвфемистической. В связи с этим можно отметить, что среди предполагаемых образований от основы *дүң-* Э.В. Севортян отмечал, напр., ног. *дүң-ей* 'ротозей, разиня' (ЭСТЯ III, *280*).

По своей структуре реконструированная нами ранее праформа **төгис ~ *төгиз* являлась именем, образованным от *төг-* (варианта *дүг- ~ дөг-*...) при помощи аф. *-(и)з ~ -(и)с*. В тув. *дөөскүн* можно выделить основу *дөөс* (< **төгиз*...) и аф. *-күн*. Этот формант обычно образует отглаг. имена, но в отдельных случаях он обнаруживается и в составе отыменных образований, большая часть которых означает признак (АИ, *332*). Вероятно, *дөөскүн* принадлежит к числу последних.

Судя по ареалу распространения рассматриваемых слов (ограниченному тув. и як. языками) и по другим параметрам, мы в данном случае и имеем дело с явными архаизмами.

дөр 'почетное место в юрте (напротив входа); сторона дома, противоположная фасаду, задняя сторона'.

Слово имеет соответствия общетюрк. характера типа *төр ~ дөр ~ тө:р* (турк.) со значением 'почетное место в юрте, доме, комнате [напротив входа], передний угол, красный угол', которое характерно практически для всех источников, и другими, распространенными гораздо меньше. Исходной формой слова считается **тӧ:р* (СИГТЯ Л, *514*).

Слово имеет также двухсложную форму типа *төре*, по-видимому, вторичную по отношению к *дөр*... В число соответствий этого слова включено ср.-кыпч. *tüwür*, что едва ли обосновано, поскольку оно явно имеет иное происхождение, будучи, скорее всего, связа-

но с гетерогенным *дөр...* наименованием почетного места, праформа которого в указ. труде реконструируется в виде **dü:p* (Там же).
Рассматриваемое слово не имеет удовлетворительной этимологии. Согласно одной из версий, оно является заимствованием и возводится к тох. *twere* 'дверь', но, как мы уже отмечали, это сопоставление выглядит произвольным как с фонетической, так и со смысловой стороны (см.: ВЯ. — 1993. — № 2. — С. 92).
Существует также предположение, что **tö:r* — семантическое производное от **tö:r* *'род жены' (СИГТЯ Л, *514*). Здесь возникают вопросы о том, насколько обоснована и реальна последняя реконструкция (см. **дөргүл-төрел**) и какова смысловая связь между наименованиями почетного места в юрте и рода жены (отзвук матриархата?).
Мы, полагаем, что **tö:r* (или **tör*) как название почетного места первоначально было словом, обозначающим возвышения (возвышенные места), о чем свидетельствуют некоторые единичные значения слова в отдельных тюрк. языках, напр.: кирг. *төр*, которое, кроме 'почетное место', означает также 'высокогорное пастбище', а согласно иллюстративному материалу, также и 'горы' (КРС, *759*). Интересно, что в кирг. языке существует и глаг. основа *төрдө-*, образованная от *төр* именно как от географического термина и имеющая семантику 'пасти скот на **төр**'е, пребывать на нем или двигаться по нему' (Там же).
Ср. с тюрк. *дөр ~ төр* в семантическом плане рус. *горница*, первоначально означавшее 'комната, расположенная в верхней части дома' и связанное со словами *горний* 'верхний' и, по некоторым данным, *гора* (ср.: Фасмер I, *442* и ЭС МГУ I-4, *138*). С рус. *горница* сопоставимо и кирг. *төркү үй* '(в квартире из двух и более комнат) чистая комната, комната, в которой принимают гостей, не первая от входа комната' (КРС, *759*), где *үй* — 'юрта, дом, жилище', а *төркү* (< *төр-кү*), где *төр* 'почетное место, передний угол'.
К сожалению, вышеприведенный материал кирг. языка оказался пропущен в СИГТЯ Л, но первоначальная семантика возвышения реализуется, хотя и не столь явно, как в предыдущем случае, в ног. *төр* 'убранная (постланная) постель', которое в указ. источнике отмечено.
Исходя из реконструированного нами исходного значения *төр*, последнее может быть интерпретировано как слово, родственное таким названиям возвышенных мест, как **төш* и **төл* (см. **дөше-, дөш II, дөлем**) и подобно им представлено как производное от глаг. основы *тө-* 'возвышаться', и, таким образом, *төр* < **тө-р*, где *-р* — словообразовательный (первоначально — причастный) аф.
Могла существовать и глаг. основа **тө-р-*, соотносительная с *төр* и восходящая к форме каузатива от основы **тө-*. Она прослежива-

ется в шор. *түр-ге* 'почетное место', а также в других двухсложных вариантах (*төре* и под.) рассматриваемого слова.

дөрбелчин *уст.* 'квадрат'; 'бубны' (*масть в картах*).

Монголизм. Уже Н.Ф. Катанов сопоставлял это слово с п.-монг. *dörbeljin* (Опыт, *31*, *124*); ср. также монг. *дөрвөлжин* 'квадрат, четырехугольник; бубны', калм. *дөрвлжн*, бур. *дурбэлжэн* 'квадрат[ный]'. Монгол. слово — производное от числительного со значением 'четыре': ср., в частности, п.-монг. *dörben*.

Тув. *дөрбелчин*, судя по семантике, заимствовано, скорее всего, из совр. монг. языка.

дөрбет 'дербет; дербетский'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *dörbed*, монг. *дөрвөд* 'дербет(ский)', калм. *дөрвд* [дөрвед] 'дербеты' (одно из старинных племен в составе калмыцкого народа).

дөргү [өъ] *редк. разг.* '(общий) вид чего-л.; род, сорт; тип'; **дөргүлүг** [өъ] 'имеющий какой-л. вид; типа...'; **бо (ындыг) дөргүлүг** [өъ] 'такой, такого рода'.

Ср. *түр* 'вид, род; наружность, облик; орнамент, рисунок на материи' и под. в ряде тюрк. языков, а также производные от указ. основы имена *дүрли ~ түрлүг*... 'имеющий (такой-то, определенный) вид, образ; такого-то рода' (РСл. III, *1564*; ЭСТЯ III, *327–328*).

Основа *түр* имеет также близкие соответствия в монгол. языках, которые считаются родственными тюрк. слову (ЭСТЯ III, *328*), но которые могут быть отнесены к тюркизмам. См. также **түр, түрү**.

Тув. *дөргү* по структуре и характеру гласного первого слога выделяется среди указ. слов других тюрк. языков. У него есть близкое соответствие в виде монгол. *törkü/төрх* 'фигура, форма; вид, тип; экстерьер; характер, поведение', связь которого с тюрк. *түр*... неясна, но, вероятно, *дөргү* является монголизмом.

Семантика производных от указ. основы прилагательных в тув. и монгол. языках различна, ср.: *дөргүлүг* 'имеющий какой-л. вид...' и п.-монг. *törkütei* 'выдержанный, воспитанный'. По-видимому, *дөргүлүг* образовано от *дөргү* независимо от монг. влияния.

дөргүл-төрел [өъ-] *собир.* 'родственники, родня'.

Это наименование имеет вариант с обратным расположением компонентов (*төрел-дөргүл*). В отличие от *дөргүл*, употребляемого только в сочетании *төрел*, последнее используется и как самостоятельное слово; оно является монгол. заимствованием (см. **төрел**).

Компонент *дөргүл* может быть сопоставлен с др.-тюрк. *törkün* 'род, племя; дом кровных родственников'(ДТС, *581*), кирг. *төркүн* 'родители и родня жены', каз. *төркін* 'родня замужней женщины', ног. *төркин* 'отчий дом (женщины)', ккалп. *төркін* 'родители и родня жены', башк. *түркен* 'родительский дом, деревня, родина женщины, вышедшей замуж', як. *төркүт* уст. 'приезд новобрачной к род-

ственникам и друзьям; поездка молодых к отцу жены и другим родственникам'; фолькл. 'род, племя' и под. (см.: ЯРС, *396*; ДСЯЯ, *245*; Пек. III, *2778*).

У этих слов есть близкие соответствия в монгол. языках: ср. п.-монг. *törküm* / монг. *төрхөм* 'родство, родственники, родня со стороны отца жены', калм. *төркн* 'родители, родня (замужней женщины)', бур. *төрхөм* то же. Последние, по мнению М. Рясянена, заимствованы из тюрк. языков (EW, *494*).

Дж. Клосон приводит др.-тюрк. *törkün* в виде *türgün* и истолковывает его и другие тюрк. соответствия как производные от глаг. основы *tür-* букв. 'свертывать(ся)' (см. также **дүр-**), но с обобщенной семантикой (ED, *545*), что не вполне согласуется с наличием широкого гласного *-ө-* первого слога у основной части соответствий слова *törkün*.

В части тюрк. языков наблюдаются близкие по семантике, структуре и фонетическому облику к *törkün*... слова, для которых характерен узкий гласный *-ү-* в первых слогах: кирг. *дүркүн* 'группа, толпа, отряд', *түркүм ~ түркүн* 'группа', ккалп. *дүркін ~ түргүн ~ түркүн* 'группа; стая, стадо', уйг. *түркүм* 'группа, кучка; род, вид', тат. *төркем* 'группа, толпа, скопление, гурьба, класс (мат.)', сиб.-тат. *төркем* 'куча', *төрген* 'группа, куча' (в тат. материалах гласной *-ө-* обозначается узкий гласный типа *ү*).

В подобных образованиях можно видеть производные от глаг. основы типа вышеприведенной *tür-* с семантикой собирательности, соединения и под.; см. также кирг. *түрө*, *түрүн* 'все, всё; сплошь, массой'. У данных слов обнаруживается смысловая общность с тюрк. *түр* 'вид, род' и т.п. (см. **дөргү**), что может свидетельствовать о родстве между *түр* и двухсложными словами *түркүн*, *түркүм*... Однако последние, скорее всего, образуют самостоятельную группу производных, не связанную непосредственно с названиями родов и родственников типа *törkün* и его соответствий, хотя мнение о подобной связи высказывалось, см.: Ахметьянов. ОЛДК, *99*.

Следует отметить, что существовала, вероятно, и еще одна группа производных слов, сходных с рассмотренными ранее по структуре, семантике и внешнему облику. Эти слова представлены др.-тюрк. *terkin* (по Клосону, *tergin*) 'соединенный, объединенный; собрание, скопление' от *ter-* 'собирать, копить' (ДТС, *555*; ED, *544*), т.е. от основы, имеющей соответствия общетюрк. характера (ЭСТЯ III, *204—205*; а также **дерги**, **дери-** и **дирге-**). Но (по причинам, связанным с характером звуковых соответствий и переходов) с *terkin* едва ли можно связать образования, подобные *törkün*, с одной стороны, и *түркүн* — с другой.

По мнению Р.Г. Ахметьянова, слово *törkün* первоначально означало 'род, племя' и, по всей вероятности, происходит от общетюрк.

төрү- 'родить; быть рожденным', что вполне возможно для слов с подобной семантикой. От монгол. соответствия указ. глагола (очевидно, тюркизма в монгол. языках) образовано монг. *төрөл* 'рождение; род, поколение, родство; родня, родственники...' (Голст. III, *188*). Однако в случае образования *törkün* и под. от *төрү-*... следовало бы ожидать, скорее всего, не двух-, а трехсложного производного на *-кын* (или *-кан*), каковым является, в частности алт. *төрөгөн* (с диал. вариантом *төрө:н*) 'родственник' (< *төрө-көн*, по Радлову) (РСл. III, *1253*; ОРС, *156*).

Правда, у тюрк. глаг. основы *төре- ~ төрү-*... отмечается наличие односложного варианта. Так, в тур. диалектах употребляется глаг. *tür-* 'появляться вновь, увеличиваться' (см.: ЭСТЯ III, *284*). В связи с этим представляется достаточно вероятным, что *törkün* и под. образованы именно от односложной глаг. основы **төр-*, соответствующей *төре- ~ төрү-* и реконструированной Э.В. Севортяном (ЭСТЯ III, *394*).

Тув. *дөргүл*, очевидно, родственно др.-тюрк. *törkün* и его совр. соответствиям, но семантически оно ближе к первому. Вероятно, оно было синонимично со вторым компонентом парного слова *дөргүл-төрел* или, точнее, того слова, с которым он связан: ср. *төрел* 'родственник; род'. Монгол. происхождение *дөргүл* менее вероятно; в то же время не обнаруживается и полного соответствия *дөргүл-төрел* в монгол. языках.

Дөргүл в данной ситуации может восходить к **төркүн*, а изменение конечного согласного (замена *-н* на *-л*) могло быть результатом сближения с *төрел* в составе парного слова и частичного уподобления этому компоненту по характеру указ. согласного.

См. также **дөргүн**.

дөргүлүг см. **дөргү**.

дөргүн [өъ] 'речка или ручей в сухой степи, окруженные зеленью, в том числе деревьями (своего рода оазис)'.

По имеющейся информации, словом *дөргүн* может именоваться также широкая речная долина с пастбищами в горно-таежных районах Тувы, а в ее центральной и западной частях этим словом называют группу деревьев, растущих в отдалении от леса, перелесок.

Слово имеет соответствие в виде алт. *төргүн* 'перелесок, редкий лесок, заросли', отмеченного, в частности, в работах О.Т. Молчановой, предложившей также этимологию тув. *дөргүн* и алт. *төргүн*, которые она сопоставляет с як. *доргоон* 'громкое звучание, громкие звуки', имеющим также диал. значение 'ручей' и связываемым с монгол. словами со значением грохот, гул, громкие звуки, а затем и с данными тунг.-маньчж. языков (см.: Теоретические аспекты лингвистических исследований. — Ярославль, 1979. — С. 124—126), но эта версия представляется далекой от реальности.

Думается, *дөргүн* и *төргүн* — тюрк. по происхождению слова, имеющие узкий ареал распространения и, судя по их структуре, относящиеся к числу архаичных элементов лексики тув. и алт. языков.

Не исключено, что в основе этих наименований лежит признак собирательности и что они могут быть сравнены со словами *түркүн*, *түркүм* и под., означающими 'группа, кучка' и т.п. (см. **дөргүл-төрел**). В случае с *дөргүн*... речь могла идти о группе деревьев, небольшом лесе; но в таком случае в тув. языке следовало бы ожидать, скорее, **дүргүн*, нежели *дөргүн*.

Более вероятным выглядит сопоставление с *törkün* и его соответствиями, которые связаны с обозначением родни и истолковываются как производные от **төр-*, односложного варианта основы *төрү-* 'рождаться, родить' и под., имея в виду такие значения, как 'появляться, возникать, начать расти', которые могли подразумевать растительность. Э.В. Севортян фиксировал также предположительный твердорядный вариант основы **тор-* (**тор-*), которая реализовалась в тур. диал. сущ. *tor-u* 'молодые побеги сосны; молодой можжевельник; молодые сосны; побег молодого дерева'.

Фонетически *дөргүн* [дөьргүн] явно предшествовала форма **төр-күн*.

дөрт 'четыре; четверка'.

Общетюркское; варианты — *дө:рт ~ тө:рт ~ төрт* и под.; общее значение — 'четыре'. Архетип представляется с первичной долготой в виде **тө:рт*. Этимология неясна. Обычно *дөрт*... сопоставляют с монгол. *dörben* 'четыре' (ИМЧЯ, *39*), а также с данными тунг.-маньчж. языков, по-видимому, пытаясь истолковать данное числительное как общеалт. слово, восходящее к некоему праязыковому корню **dō* (см., в частности: ЭСТЯ III, *284–285*; Федотов II, *77*), однако ни значение этого корня, ни структура возводимых к нему слов не прояснены. Неясен и характер частичной общности тюрк. и монгол. слов, их родство не доказано.

Предпринимались также попытки этимологизации указ. числительного как собственно тюрк. слова, что обосновано. Однако конкретные версии подобного характера трудно оценить как удачные. Так, по мнению Т.М. Гарипова и Я.А. Чанышева, числительное, возможно, восходит к *төр-* (башк. форма) 'свернуть' (т.е. 'загнуть четыре пальца при счете') + «конечный элемент основы *-т*, усматриваемый также в составе *алты* 'шесть', *йәте* 'семь' и представляющий эвентуальный рефлекс значения 'палец...'» (ЛМТЯ, *30*).

Соответствия приводимой выше глаг. основы в тюрк. языках характеризуются наличием узкого гласного *-ү-* (*дүйр- ~ дур- ~ тур-*... см.: ЭСТЯ III, *319–320*; а также **дүр-**), вследствие чего ожидалась бы форма **турт* или подобная ей по характеру вокализма. Не очень ясна и малоубедительна также трактовка конечного элемента *-т*.

Нельзя ли связать *дөрт...* с другой тюрк. глаг. основой *дөре- ~ дөру-* 'рождать(ся)', имея в виду такие ее значения, как 'создавать(ся); быть сотворенным, творить; увеличиваться, размножаться, быстро распространяться' (см.: ЭСТЯ III, *283*) или, в общем, 'приобретать необходимые вид, форму и количество'? Все эти параметры нередко связываются в тюрк. языках с количественным показателем *дөрт* 'четыре'. Ср. др.-уйг. *tört bulung* 'четыре страны света' ('четыре угла'). «Якутский эпос строится как передвижение героя на север, юг, запад и восток, по четырем великим дорогам земли...». «Четырехчастность горизонтального пространства, по представлениям древнего якута, имеет изначальную и божественную установленность»[1]. Не только у земного мира, но и у небес существуют четыре угла, а землю окружают четыре великих моря (Габышева, *78—79*; ср. также: СИГТЯ Л, *582*).

Как уже отмечалось, число «четыре» входит в обозначения религиозных представлений тюрков, в наименования определенных совокупностей, групп предметов или существ, а также обозначает достаточную полноту, постоянство (СИГТЯ Л, *582—583*) и, естественно, упорядоченность; ср. также тув. *дөрт-даван, дөрт-даяк, дөрт-мөчү* 'конечности'.

Указ. семантические характеристики, истолковываемые как символические для числительного *дөрт*, по-видимому, не являются случайными и входят в исходную семантику данного слова, обозначающего изначально сакральное для тюрков число. Это обозначение логично связывается с вышеприведенной глаг. основой, которая, как известно, фигурировала и в односложном варианте **төр-* (см. ЭСТЯ III, *284*, а также дөргүл-төрел, дөргүн); а *-т* — вероятно, аф., образующий имена (в частности, со значением признака, результата и др.) от глаг. основ (АИ, *279—284*). Первоначальная семантика **төр-т* — 'сотворенный, законченный, полный' или 'то, что сотворено, закончено, приобрело полный, упорядоченный вид'.

Возможно, *дөрт...* родственно др.-уйг. *törü...* 'порядок, закон, обычай' и под., имеющее соответствие в ряде тюрк., а также монгол. языков (см.: ДТС, *581*; ЭСТЯ III, *265—266*; EW, *495*).

«Первичная» долгота, констатируемая у архетипа числительного, возможно, отражает соответствующее качество производящей основы: так, допускается долгий корневой гласный в праформе тюрк. *төре- ~ төру-* (ЭСТЯ III, *283*); возможно, он существовал и в односложном варианте данной основы. Однако допустимо, что

[1] «...Именно *четырехгранник* (квадрат, прямоугольник, ромб) был *архетипичным знаком* Земли для Восточной Азии...» (и не только для нее. — *Б. Т.*). (См.: Скрынникова Т.Д. Числовая символика Земли у народов Южной Сибири, Центральной и Восточной Азии // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. — Улан-Удэ, 2000. — Т. 2. — С. 287—288).

долгота возникла по каким-то причинам уже непосредственно в самом числительном.

дөс- [өъ] 'терпеть, выдерживать; сдерживать себя'; **дөскел** [өъ] 'спокойствие, успокоение'; **дөскелчок** [өъ] 'непоседливый, беспокойный, неугомонный, невыдержанный, безудержный; шальной, шаловливый'.

Ср. тоф. *төөс-* 'терпеть, выдерживать; задерживаться', турк. *дөз-* 'не щадить, не жалеть; терпеть, выносить, переносить', *дөзгел-* 'терпеть, выносить, переносить, переживать', каз. *төз-* 'терпеть, переносить, выносить; оказаться прочным, практичным (об одежде)', а также другие соответствия со значениями 'терпеть, переносить; выдерживать' и под. в ряде тюрк. языков. У *дөс-*... имеется также именное соответствие *дөз* и под. 'терпение...' (ЭСЧЯ, *267*; ЭСТЯ III, *272–273*). Тув. и тоф. глаг. основы в ЭСТЯ не представлены, отсутствует также этимологическая версия и отмечается только то, что реконструкция лексемы в виде **тӧс-* А.М. Щербаком не вполне правомочна: «Основания для реконструкции долготы не вполне ясны» (ЭСТЯ III, *273*). Тув. и тоф. формы с фарингализацией определенно указывают на краткость гласного.

Параллель с ротацизмом тюрк. *дөз- ~ төз-* отмечена в виде монгол. *türe-* 'быть истощенным, терпеть нужду' (Там же; ср. **түре-**).

В тув. языке основная форма *дөс-* встречается нечасто, обычно в производных причастных формах, причем отрицательных, производных как непосредственно от *дөс-*, так и от его залоговой формы **дөстүн-*, и практически перешедших в прилагательные: ср. *дөспес, дөстүнмес* [өъ] 'неспокойный; горячий, кипучий; резвый (о лошади)'.

Среди тув. производных слов, образованных от *дөс-*, обращает на себя внимание сущ. *дөскел* (< *дөс-кел*) 'спокойствие; успокоение', где отмечен аф. *-кал* (*-кыл*), редк. вариант малопродуктивного форманта *-ал ~ -ыл* (АИ, *194*). От *дөскел* с помощью отрицания *чок* образовано прил. *дөскелчок* (знач. указ. выше). См. также **дөспер, дөшпер**.

дөс 'подземная часть, корень растения; основание, низ дерева, растения; подножье (горы); начало, источник, опора чего-л.; источник, исток (оросительного канала, реки); происхождение, родословная'.

Ср. тоф. *дөс ~ төс* 'центральный, основной корень; место в чуме у основания жердей' (Рассадин. Словарь), др.-уйг. *töz* 'корень, основа; сущность', хак. *төс* 'основа, корень; устои общества; основное мероприятие, связанное с традициями народа' (словом *төс* обозначают также шаманских духов и идолов) (ХРИЭС, *154*), алт. *төөс ~ төс* 'основание, опора; начало' (ГАЯ, *272*); *төс* 'основание, опора, начало; ставка, резиденция; первоначальные духи, которые по представлениям шаманистов искони существовали в

трех сферах вселенной: на земле, на небе и под землей' (ОРС, *156*), шор. *төс* 'основание; горизонт', чул.-тюрк. *төс* 'толстый конец бревна', тур. *toz ~ töz* 'корень, основа, основание'.

М. Рясянен приводит рассматриваемый здесь материал (в неполном объеме) в двух статьях своего словаря. В первой из них дается *төс*... с шаманистской семантикой (РСл. III, *1264—1265*), а во второй — др.-тюрк. *töz* 'основа...' и некоторые его соответствия с подобной же семантикой (EW, *495*).

Для первой статьи реконструируется архетип **töz* < **tör* с ориентацией на чув. *türe*, обозначающее некоего злого духа; для второй архетип не указан. Тув. *дөс* не приведено ни в одной статье.

Такое разделение слов (практически их трактовка как омонимов) не оправдано, поскольку *төс*... в обеих статьях является одним и тем же словом: шаманистская семантика явно обусловлена связью с *дөс ~ төс* 'корень, основа' и под., о чем свидетельствует, напр., значение алт. *төс* 'первоначальные духи...', т.е. 'основные, исконные, коренные духи'. Чув. *türe* выглядит по своей форме и значению явно вторичным по отношению к *дөс ~ төс*.

В словаре Э.В. Севортяна даются др.-уйг. *töz*, тув. *дөс* и некоторые их соответствия с семантикой 'основание, корень, происхождение' и с констатацией того, что они относятся к древним пластам тюрк. лексики (что представляется бесспорным) и со ссылкой на другие источники (в т.ч. и на EW).

Указ. слова в ЭСТЯ включены, но лишь в качестве производящих основ глаголов, подобных алт. *төзө-* и ее диалектных вариантов со значениями 'создавать, организовывать; основывать, утверждать' (ср. дөзе-). Эти глаголы рассматриваются в той статье ЭСТЯ, где анализируется происхождение глаг. основ типа *дөре- ~ төре-* 'рождаться...' и *төрчи-* 'возникать...' (ЭСТЯ III, *283—284*), хотя при этом их родство с *төзө-* никак не обосновывается и оно едва ли является реальностью.

К сказанному следует добавить, что наряду с именной основой *дөс*... существует и соотносительная с ней глаг., отмеченная в як. языке: ср. *түөс-* 'вырывать, выворачивать, корчевать, выкапывать'. А.М. Щербак привел ее со значением 'выкапывать корень' и, по-видимому, основываясь на наличии в этой основе дифтонга, реконструировал «первичную» долготу и в имени: **тө:с* 'корень; основа' (Щербак 1970, *57, 197*).

Очевидно, 'корень' или, что более вероятно, 'центральный, основной корень' (см. выше тоф. *дөс*) было исходным или близким к нему значением рассматриваемой именной основы, которая уже в древности приобрела переносные значения типа 'основа, основание' и под., реализовавшиеся и в производных типа др.-уйг. *tözkär-* 'исчерпать; постичь до основания' (Тугушева, *373*), *tözkär-tüpkär-* 'постигать, доходить до основания и сущности (ДТС, *583*). Та же се-

мантика, что и у указ. глагола, существовала и у глаг. соответствия имени *дөс ~ дөз*...; она проявилась в местоимениях, образованных, по всей вероятности, от *төс-* (**төз-*). Речь идет об обобщающих местоимениях, характерных для др.-уйг. памятников: *tözi ~ tözü* 'все', *tözin* 'весь, полностью' и, вероятно, *tözügü* 'все' (ДТС, *583*; Тугушева, *374*).

У основы **төз-* (як. *төс-*) имеется вариант с конечным *-р-*, отмеченный в турк. (*дө:р-* 'взрыхлять; ковырять, потрошить') и як. языках: *төр-* 'вырывать, выковыривать, выворачивать; корчевать, выкалывать (острым орудием)' (в словарях семантика глаг. *төс-* истолковывается через отсылку к *төр-*, см.: Пек. III, *2908*; ЯРС, *414*). Ср. также як. *төрэ* 'все, все до одного' и *tözi*...

Архетип *дө:р-* и *төр-* дается в виде **тө:р-* 'взрыхлять, ковырять, рыть' (Щербак 1970, *52*; ср. также: EW, *494*), т.е. с «первичной» долготой, как и в *тӧс* (**тӧ:з*?), а также, очевидно, и в **тө:з-*. Конечные *-р-* и *-з-* в глаг. основах, возможно, представляют собой варианты аффиксов каузатива, а эти основы — формы соответствующего залога от **тө:-* (*тө-*?) 'быть выкопанным' или под.

Тув. и тоф. *дөс*.., судя по их семантике, могли иметь связь с др.-уйг. *töz*.

дөскел см. **дөс-**.

дөскелчок см. **дөс-**.

дөспер, дөшпер [өъ] 'сильный; крупный, массивный'.

Непосредственных соответствий не обнаружено, но, вероятно, что *дөспер* является производным от глаг. основы *дөс-* 'терпеть, выдерживать' и под. (см. **дөс-**), образованным при помощи аф. *-мар ~ -мур*, малопродуктивного в других тюрк. языках (см.: АИ, *196—197*) и мертвого в тув. Таким образом, *дөспер* < **төс-мер*.

Дөшпер — по-видимому, вторичный вариант слова *дөспер*, который мог возникнуть в результате контаминации последнего с другим словом, напр. с *дөш* [дөъш] 'подъем; возвышенность' (что объясняет появление у *дөспер ~ дөшпер* значения 'крупный, массивный'). С тув. словом, вероятно, связано тоф. *төъшпер* 'тупой, с тупым концом (острием)' (т.е. 'требующий затраты силы, усилий при пользовании'?).

дөтпе [өъ] 'подросший ягненок до года' (так его называют осенью).

Непосредственных соответствий в других тюрк. языках не обнаружено. В структурно-семантическом плане тув. *дөтпе* напоминает производные имена прилагательные или существительные, образующиеся в этих языках при помощи аф. *-ма* от основ глаголов и служащие названиями субъекта действия (см.: АИ, *135 и след.*; а также **дуңма**). В тув. языке *-ма* — мертвый формант.

Возможно, *дөтпе* < **төт-ме* исходя из специфики обозначаемой реалии: дөтпе — это уже не маленький, а заметно подросший ягненок. Не исключено, что **төт-* — глагол, родственный основе **тө-* 'возвышаться' (может быть, и 'вырастать, подрастить'?), выделен-

ной нами в составе других имен (см., напр., **дөр**). Поэтому **төт-* может включать в свой состав *-т-*, являвшийся аф. каузатива или имевший семантику интенсива. В таком случае *дөтпе* первоначально могло означать 'тот, кого подрастили' или 'тот, кто (заметно) подрос'.

К сожалению, в настоящее время имеющихся данных недостаточно, чтобы уверенно говорить о реальности глаг. основы **төт-* с указ. выше предполагаемой семантикой.

Не исключено, что к той же основе восходит и тат., башк. *тутэл* 'грядка' < ? **төт-ел* (в последнем случае *-ел* — мог быть аф. с уменьшительным значением. Иначе у Р.Г. Ахметьянова, который *тутэл* сопоставил с достаточно далекими от него в фонетическом плане словами монгол. и тюрк. языков (Ахметьянов. ОЛМК, *64*).

дөш I *тодж.* 'грудь'.

См. **дөш II, төш II.**

дөш II [өъ] 'возвышенность'.

Соответствия типа *дөш ~ төш...* со значениями 'склон горы; бугор; подъем; возвышение' и под. довольно широко представлены в совр. тюрк. языках и их диалектах. Наряду с семантикой подъема, возвышения у данных соответствий фиксируются и значения противоположного характера: кроме 'склон горы', это также и 'нижняя часть склона; подножие' и даже 'низина, низменное место' (ЭСТЯ III, *286—287*), что, впрочем, в достаточной мере характерно для тюрк. языков. Очевидно, что семантика понижения является в данном случае вторичной.

В словаре Э.В. Севортяна и в некоторых других трудах указ. названия форм рельефа даются как гомогенные с общетюрк. анатомическим термином *дө:ш ~ дөш ~ төш...* 'грудь, верхняя часть груди; грудинка...' Это вызывает возражения, основывающиеся на различиях во внешнем облике слов, поскольку у **төш* 'склон горы...' восстанавливается первичный краткий гласный, а у **тө̄:ш* 'грудь' он оказывается долгим. Поэтому высказывается мнение, что последнее не связано с первым (Дыбо, *309*; СИГТЯ Л, *272*).

Отражением указ. фонетических различий считается наличие в тув. *дөш* 'подъем, возвышенность' фарингализации (это качество гласного отсутствует в тув. *төш ~ дөш* 'грудь').

Подобная абсолютизация фонетического признака долготы гласного при разрешении проблемы гомогенности слов едва ли оправдана, о чем нам уже приходилось писать (см., в частности, **дажы- I, II**). Реальностью является варьирование как кратких и долгих, так и фарингализованных и кратких гласных. Качество гласного в тув. и тоф. языках по признаку «фарингализации» обусловлено характером последующего согласного, сильного или слабого. В случае с **төш* (тув. *дөъш*) конечный *-ш* явно был сильным (и, вероятно, ас-

пирированным), а в случае **тӧш* (тув. *дөш ~ төш* 'грудь') — слабым согласным, о чем свидетельствует тоф. *dӧš* 'грудь' (Рассадин. Фонетика, *73*).

Возможно, первоначально **төш* и **тӧш* восходили к одному слову с варьирующимся по признаку «сила — слабость» конечным *-ш*. Что же касается «первичной» долготы, то не является ли она в нашем случае отражением слабого качества данного согласного?

В дальнейшем пространственная семантика закрепилась за первым вариантом, а анатомическая — за вторым. Слово первоначально было связано с обозначением чего-то высокого, возвышенного, а также выдвинутого наружу, выступающего: ср. в связи с этим такие анатомические значения слова, как 'бок; загривок; грубое мясо, ляжка; голень' в различных тюрк. языках (ЭСТЯ III, *286–287*).

Төш* как общая основа рассматриваемых слов, вероятно, родственна ряду других слов тюрк. языков, которые мы считаем производными от глаг. основы **тө-* 'подниматься' (см., напр., **дөжү, дөжем, дөр). В данном случае мы имеем дело с отглаг. именем, образованным с помощью аф. *-ш*.

Реально говорить и о глаг. основе **төш-*, соотносительной с **төш* и представляющей собой залоговую форму от **тө-* (ср. **дөжү**). Возможно, имя образовалось от **төш-* путем конверсии, хотя не исключена и обратная направленность этого преобразования. В связи с данным предположением следует отметить, что встречаются и двухсложные анатомические названия типа вост.-тюрк. *tüše* 'грудь', чаг. *töše* (*төшӣ*) 'верхняя сторона груди' (ЭСТЯ III, *287*), в основе которых, как полагал Э.В. Севортян, лежит глаг. **дөш- ~ *төш-*, семантика которого не указывается и который явно был тождествен приводимой выше основе **төш-*.

Первоначально семантика слова **төш*, возможно, была связана с реалиями пространственного, ландшафтного характера (значения 'подъем, возвышенность; возвышение'), а значения анатомические (в первую очередь 'грудь') могли быть вторичными, производными от указанных. Во всяком случае ландшафтная семантика ближе к значению предполагаемой исходной глаг. основы **тө-*, а 'грудь' и под. могли быть осмыслены как частное проявление данной семантики (грудь — верхняя передняя часть туловища).

Казалось бы, значение 'грудь' древнее, нежели 'возвышение' и под., поскольку первое распространено в письменных памятниках, начиная с др.-тюрк., а второе для этих источников нехарактерно, но представление о большей древности анатомической семантики может оказаться обманчивым.

Область распространения значений, связанных с рельефом местности, также указывает на их значительную архаичность. В этот ареал входят такие языки, как азерб., тур. (диал.), узб., уйг., кирг., ног.,

а также тюрк. языки Южной Сибири (тув., хак., алт.). Вполне возможно, что в данном случае имеет место сохранение пережиточных значений, не менее древних, чем те, которые отражены в памятниках.

В ситуации со структурной и первоначальной семантикой слова **төш* наблюдается много общего с тем, что ранее нами отмечено в отношении *баш* 'голова' (см. **баш**). Эта общность едва ли случайна.

В подтверждение изложенной выше этимологической версии можно привести соображения о происхождении рус. *грудь*, соответствия которого в славянских и других индоевропейских языках означают не только 'грудь', но и 'возвышенность посреди болота; возвышение, холмик; большой, значительный'. Слово восходит к индоевропейскому **gurendh-* 'набухать; возвышение'. Значение «часть тела» ('грудь') возникло у данного слова позднее. См.: ЭС МГУ I/4, *182.*

дөшпер см. **дөспер**.

дуг, туг *диал.* 'закрытый, заваленный вход в нору; крышка'; **дугла-** 'закрывать, прикрывать, заслонять; перегораживать; забивать, затыкать, заделывать'.

Ср. тоф. *duγ* 'изгородь; запруда, плотина' (по другому источнику, 'затычка, пробка; плотина; изгородь'; см.: ТРС-РТС, *22, 161*). Это слово сопоставляется с др.-тюрк. *tuγ* 'преграда, завал; запруда', хак. *туг* 'затор для ловли рыбы', як. *туу* 'верша, морда' (ср.: ЭСТЯ III, *293*), первое из которых считается производным от др.-тюрк. *tu-* 'запруживать, закрывать' (Рассадин. Фонетика, *175*). Очевидно, и другие соответствия *дуг* образованы (аф. *-г...*) от подобной основы (об этом см.: СИГТЯ Л, *420*).

То же слово наряду с другими производными от *tu-* (*ту-*) анализируется и в словаре Э.В. Севортяна, но почти без привлечения совр. тюрк. соответствий. Судя по материалам, приведенным в данном источнике, указ. глаг. основа могла иметь вариант с широким гласным *о-*. Так, подобный вариант (под вопросом) отмечен у др.-тюрк. *tu-* (ЭСТЯ III, *294*). Дж. Клосон приводил эту основу в варианте *to:-* (ED, *434*).

Реальность варианта с широким гласным подтверждается и другими данными, ср., в частности: каз. *тоган* 'пруд, запруда', кирг. диал. *тогон ~ тогоон* 'плотина'; уйг. *тоган*, узб. *туган*, тат. диал. *туан* 'запруда, плотина', из которых Э.В. Севортян привел только последнее слово. Оно считается производным от *туг...* (< **туг-а-н*) (ЭСТЯ III, *293*), но здесь более вероятно образование от *ту-* в варианте **то-* (< **то-ган*).

Родственными и в основном одноструктурными с *дуг ~ туг...* в указ. значениях являются, очевидно, и тюрк. имена с семантикой 'яло-

вая': ср. хак. *туг*, алт., кирг., каз. *туу*, хак. (саг.) *тог*, шор. *тог ~ тōң* (см.: РСл. III, *1157*, *1170*, *1430* и др. издания). Едва ли подобные имена родственны с общетюрк. *тог-*... 'родить(ся)', как это предполагается (Кажибеков, *237*). См. **дун**.

Тув. *дугла-* как производное от именной основы *туг ~ дуг* в ряду других его соответствий со значениями 'запруживать; перегораживать; закрывать' и под. приведено в работе Э.В. Севортяна (ЭСТЯ III, *293*).

См. также **дуй**.

дуга [уъ] 'часть кривой линии; дуга (часть упряжи)'.

Рус. заимствование. Рус. *дуга* носит общеславянский характер и имеет соответствия в балтийских языках. Ср. **дугай**.

дугаар 1. 'номер; размер'; **2.** ***в сочетаниях с количественными числительными образует от них порядковые.***

Монголизм. Ср. п.-монг. *duγār* / монг. *дугаар* 'номер', а также аффикс, образующий порядковые числительные, бур. *дугаар* уст. 'номер'; редко образует порядковые числительные, калм. *дуһар* уст. 'номер'. М. Рясянен возводит тув. *дугаар* к бур. слову (EW, *141*), хотя наиболее вероятным является заимствование из монг. языка.

дугай [уъ] 'изгиб, лука (реки)'; *уст.* 'локоть' (*мера длины*).

Монголизм. Ср. монгол. **tokai*, фигурирующее в средневековых источниках в вариантах *toxai* 'локоть', *tokai* [*tukay*] 'локтевой сгиб', *togai* [*tu"qay*] 'локоть' (Дыбо, *229*), а также монг. *тохой* 'локоть, локтевой сустав; тохой (мера длины); излучина, изгиб, лука (реки)' и т.п. (Дыбо, *229—230*).

А.В. Дыбо предполагает также, что монгол. название локтя «может быть производным от глагольного корня со значением 'сгибаться', входящего в группу синонимичных корней дескриптивного характера: *tok-*, *dok-*, *tök-*, *dök-*».

Тув. *дугай*, является, скорее всего, сравнительно поздним заимствованием, причем в данном случае можно говорить о двух омонимичных словах: *дугай I* 'изгиб, лука (реки)' и *дугай II* 'локоть (мера длины)', поскольку исходное значение монгол. слова 'локоть' у тув. *дугай* отсутствует, а между *дугай I* и *дугай II* не прослеживается явно выраженных смысловых связей и отношений. Наличие в первом слоге *-у-* вместо ожидаемого *-о-*, возможно, объясняется сближением *дугай* с другими словами (см., в частности, **дугайты**, **дугайы**, **дугуй**, **дугураан** и под.).

Монгол. слово заимствовано и рядом других тюрк. языков, где оно обозначает изгиб, излучину реки, но чаще — лес или кустарник, растущие по берегам рек и других водных объектов, а также вообще лес, лесные заросли. См.: Молчанова. ТСГА, *96—97*; СИГТЯ Л, *95*, *110—111*; EW, *485*.

дугайты [уъ] 'относительно...; сам лично, что касается...'; **дугайы[нда]** [уъ] 'о, об, про, насчет, относительно, по поводу...'.

Заимствования из монг. языка. См.: ИП, *445*; Рассадин. МБЗ, *60*. Ср. п.-монг. *tugai* 'о, об, по случаю, по поводу, относительно, касательно, насчет...', *tugai du* то же и под. (Санжеев. Ср. грамматика, *216*).

дугайы, дугайында см. **дугайты**.

дуган 'храм, собор, церковь (здание)'.

Монголизм? Ср. п.-монг. *duγang* / монг. *дуган* 'храм, кумирня, церковь'. Монгол. слово также является заимствованием, восходящим к тиб. *hdu-khan* 'храм' (Владимирцов. Ср. грамматика, *260*). Тув. *дуган* также могло быть заимствовано из тиб. языка.

М. Рясянен приравнивает тув. *дуган* к калм. *duγ^{u}n, duγŋ, duγ^{u}ŋ* 'храм, церковь', возводя последнее к тиб. *du-kaŋ* (EW, *141*).

дугла- см. **дуг**.

дугуй 'колесо'.

Монгол. заимствование. Ср. монг. *дугуй* 'круг; колесо; велосипед'. См. также: ОСЛАЯ, *349*; EW, *141*.

дугур- [уъ] 'клепать, заклепывать; соединять клепкой'.

Прямые структурно-семантические соответствия не обнаружены. Но представляется возможным сопоставить тув. *дугур-* с именными и глаг. основами, передающими семантику искривления, деформации, сплющивания и под. Ср., напр., кирг. *тугуруктa-* 'свертывать валиком, складывать в несколько рядов' (при именной основе **тугурук*), каз. *тукыр-* 'опустить голову', *тукырт-* 'заставить склонить голову вниз; слишком ограничивать, убавлять, уменьшать'.

А.Т. Кайдаров приводит каз. *тукыр-* в значении 'привязать коня, согнув ему шею вниз', восстанавливая для него производящую глаг. основу **тук-* 'сгибать' (Кайдаров, *288*). Ср. также каз. *догар-* (< *докар-*) 'согнуть, свернуть что-л.' (Кайдаров, *203*), як. *токуй-* 'сгибаться, скрючиваться', уйг. (Хами) *токур* 'человек с приплюснутым носом'.

Подобная семантика более заметна в тув. сочетаниях типа *ужун дугур-* 'заклепать' (т.е. 'согнуть, сплющить конец чего-л.'; напр., *кадагның ужун дугур-* 'заклепать гвоздь'). В тув. *дугур-* (< **тукур-*) имела место специализация значения.

Морфологическая структура *дугур-* не вполне ясна. Это может быть как форма каузатива от основы **тук(у)-*, так и глагол, образованный от именной основы. См. также **дугур, дугурук**.

дугур [уъ] 'короткий и тупой (о рогах)'; **дугурук** [уъ] 'короткий и тупой (обычно о рогах домашних животных); круглый'.

Ср. алт. диал. *тукур* 'обрубленный', хак. *тухур* 'тупой, неострый', др.-тюрк. (МК) *toq* 'лысый; безрогий' (ДТС, *576*), уйг. *тока(р)* 'безрогий; хромой', уйг. диал. *тока* 'хромой', *тука* 'человек без ног(и)',

төкур киши 'человек без кисти руки'. Возможно, *дугур* и указ. слова связаны с соответствиями слова, рассматриваемого в предыдущей статье (см. **дугур-**).

К др.-тюрк. *toq* в ДТС приводится кит. соответствие *thog* (без указания значения, но, по-видимому, семантически близкое *toq*), хотя едва ли в данном случае мы имеем дело с реальным китаизмом. Можно думать, что наряду с *toq ~ tuq* существовала и соотносительная с ней глаг. основа **ток- ~ *тук-* 'быть коротким (обломанным, обрубленным и под.)', откуда алт. *тукур*, тув. *дугур* (< **тук-(у)р*), уйг. *тока(р)*... Сюда же, возможно, относится уйг. *токус кол* 'человек с четырьмя пальцами на руке'. *Дугурук* — вероятно, производное от каузативной формы указ. основы: **тук-(у)р-ук*. Производящие основы (в частности, глагольная), скорее всего, по своему происхождению — образного характера (см. **дугай**).

Значение 'круглый' у *дугурук* может быть результатом сближения с монгол. *дуγуриγ/дугариг* 'круглый; круг, окружность, колесо' (см. **дугуй, дугураан**).

дугураан 'черед, заход, круг (при питье араки из общей чаши компанией)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *duγurija(n)* / монг. *дугураа* 'круг; круговая чаша, братина', бур. *духаряан* 'чарка', а также калм. *духр-х* 'вертеться, крутиться; образовывать круг; виться'.

дугурук см. **дугур**.

дугуруш- [уь] 'договариваться, уславливаться; составить единое мнение, добиваться согласия о чем-л. между собой; решать что-л. согласованно'.

Непосредственных соответствий в других тюрк. языках не прослеживается. Возможно, существует связь с именной основой вроде с.-югур. *тук/(т'uq)*, которую С.Е. Малов указывал лишь как компонент словосочетания *тук пол-* 'встретиться, сойтись в одном месте' или как корневую часть глаг. *туктас-* с тем же значением (Малов. ЯЖУ, *124*), а Э.Р. Тенишев дает *т'uq* с семантикой 'случай, возможность' и словосочетание *т'uq pol-* переводит как «встречаться» (Тенишев. С.-югур., *196, 217*).

По-видимому, вариант той же основы (с широким гласным) прослеживается в кирг. *того-* (реализуемом в таких выражениях, как *ай тогоду* 'луна сблизилась с Плеядами'), *тогол ~ тогоол* 'сближение; столкновение', *тогош-* 'стать друг против друга; столкнуться, сблизиться; противостоять (о планетах)', каз. *тоғыс-* 'сходиться в одном месте, встречаться; скрещиваться'. Ср. также чаг. *ток* 'место' (РСл. III, *1145*). Может быть, имеется в виду 'место встречи'?

Тув. *дугуруш-* первоначально могло означать 'встречаться, сходиться' в прямом смысле, но эта семантика утрачена, а слово употребляется в переносном значении 'сходиться (в своих интересах),

сближаться, согласовывать точки зрения' и под. В то же время встреча могла означать и нечто противоположное: столкновение, конфликт. Об этом свидетельствует вышеприведенный материал по кирг. языку.

Исходя из наличия подобной «конфликтной» семантики, с тув. *дугуруш-* может быть сопоставлено др.-тюрк. (МК) *toγruš-* (или *tuγruš-?*) 'спорить, тягаться' (ДТС, *531*) < * *токуруш-* (**тукуруш-*)?

По структуре тув. (и, вероятно, др.-тюрк.) слово близко кирг. *тогош-*, каз. *тогыс-*, представляя, как и последние, форму совместно-взаимного залога; различие касается строения глаг. основ. В каз. и кирг. языках она образована при помощи аф. *-о- ~ -ы-*, а в тув. — при помощи форманта *-(у)р-*, который мог быть и аф. каузатива. Предположительно, *дугуруш-* первоначально выглядело как **тукуруш-* (< **тук-ур-уш* или **тук-у-р-уш-*).

дуда- [уъ] 'недоставать, не хватать; запаздывать, опаздывать, отставать'; **дудагда-** [уъ] 'недоставать, не хватать'.

Ср. алт. *тута-* 'терпеть нужду, иметь недостаток; заикаться, запинаться'.

Монгол. заимствования. Ср., в частности, п.-монг. *duta-* / монг. *дутах* 'недоставать, не хватать'. Тув. *дудагда-* восходит к форме страдательного залога от указ. глаг. основы: ср., напр., монг. *дутагдах* 'не хватать, недоставать'. См. также **дудагдал**, **дудак**, **дудуу**.

дудагда- см. **дуда-**.

дудагдал [уъ] 'недостача; запаздывание, опаздывание'.

Монголизм. Ср. монг. *дутагдал* 'недостаток, дефект; изъян'. См. также **дуда-**, **дудагда-**.

дудак [уъ]: **дудак чок** 'не уступающий в чем-л. кому-чему-л.'.

Возможно, *дудак* имеет монгол. происхождение: ср. калм. *дутг* [дутъг] 'недостаток, нехватка' и бур. *дутаг*, употребляемое для выражения недостаточного действия или состояния. Можно предполагать, что существовала и отрицательная форма **дутаггүй* 'не имеющий недостатков; не уступающий кому-л.', к которой и восходит тув. *дудак чок*.

Ср. в связи с этим бур. *дутуугүй* 'не имеющий недостатка (недостатков); не хуже, чем кто-л.' и тув. **дудуу** (см.).

дудуу [уъ] 'дефективный, ненормальный, недоразвитый, уродливый; недоношенный (о людях и животных)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *dutaγū* 'недостаточно, неполно, не вполне; нецельный, не весь, неполный, увечный; недостаток, увечье', (Поппе. Мук.) *duta'ū ~ dutū* 'недостаточный', монг. *дудуу* 'недостающий; недостача, недостаток', бур. *дутуу* 'недостаток, дефект, изъян', калм. *дуту* 'недостаток, нехватка'. Образовано от глаг. основы типа п.-монг. *duta-* 'недоставать, не хватать' с фонетическим преоб-

разованием комплекса *-ағы* в долгий гласный в совр. монг. *дутуу*. Тув. *дудуу* заимствовано, скорее всего, из данного источника.

дужа- [уъ] 'надевать путы, спутывать (напр., лошадь, корову)'; **дужак, дужамык** [уъ] 'путы (конские); препятствие, помеха'.

Соответствия в близких формах (*душа- ~ туша-* и под.) широко представлены в тюрк. языках. Как отмечается, «семантика *душа- ~ туша-* в общем однозначна: 'связывать/налагать путы' (главным образом о передних ногах коня)» (ЭСТЯ III, *306*).

Указ. глаг. основа истолковывается как производная, образованная с помощью аф. *-а-* от существительного, соответствия которого сохранились в некоторых памятниках тур. языка: ср., в частности, *tuş* в *tuş-lu* 'стреноженный'. Следовательно, тур. *tuş* семантически близко к *дужак* 'путы...' Э.В. Севортян предполагал, что сюда же относится др.-тюрк. *tuš* 'золотая пряжка на поясе; золотое украшение, бляха' (ср.: у Клосона *tu:š* 'пряжка'). Эти сопоставления представляются вполне обоснованными.

Но *tuş* и *tuš*, в свою очередь, могут быть производными. Вероятно, они образованы от глаг. основ **ту-* 'закрывать, препятствовать' (см. **дуг**) или **ту-* 'держаться; задерживаться' (см. **тут-**). Возможно, это — общая основа. Ср. также: СИГТЯ Л, *293*.

У тув. *дужак*, производного от *дужа-*, также имеются соответствия в ряде источников, тогда как у другого производного от той же основы, сущ. *дужа-мык*, такие соответствия, судя по ЭСТЯ, не обнаружены (см.: ЭСТЯ III, *306*).

дужаа- I 'предполагать, догадываться; определять примерно, наугад'. Ср. тоф. *тушта-* 'делать наугад; определять местонахождение; назначать, определять (на должность и т.п.)' (ТРС-РТС, *72*), где, возможно, объединены производные от гетерогенных основ. Поэтому при сопоставлении тув. и тоф. слов целесообразно ограничиться тоф. *тушта-* в первом значении ('делать наугад'). Эти два слова связаны с именной основой типа турк. *ду:ш* 'около, примерно, приблизительно', которое включено Э.В. Севортяном в рубрику значений тюрк. имен *душ ~ туш...* с семантикой 'бок, сторона, край, местность, окрестность, место' (ЭСТЯ III, *303—304*) и которое, возможно, действительно связано с указ. именами. См. также **душ**.

Тоф. *туш-та-* образовано от основы, подобной приводимой выше туркменской, с помощью аф. *-та-* или *-ла-* (**туш-ла-* > *туш-та-*?), а тув. *дужаа-* — от той же основы, но, по-видимому, посредством аф. *-а-*. Происхождение долготы гласного во втором слоге при этом тоже не вполне ясно. Следовало бы, скорее всего, ожидать в данном случае форму **дужа-*. Появление долгого звука могло быть результатом переразложения причастной формы основы **дужа-* (*дужаар* < **дужаа-р*?) или влияния омонимичных основ (см. **дужаа- II, III**).

дужаа- II [уъ] 'приказывать, повелевать, давать распоряжение'; **дужаал** [уъ] 'приказ, повеление; чин, должность, звание (воинское)'.

Монголизмы. Ср. п.-монг. *tušija-* / монг. *тушаах* 'приказывать, распоряжаться, повелевать' и соответственно *tušijal/тушаал* 'должность, служба; обязанность, долг; приказ'.

дужаа- III [уъ] 'сдавать, отдавать'; **дужаалга, дужаалда** [уъ] 'сдача (действие)'.

Дужаа- — монголизм. Ср. п.-монг. *tušija-* / монг. *тушаах* 'сдавать, вручать, доставлять'. Существительное в вариантах *дужаалга* и *дужаалда* — возможно, тув. образование от *дужаа-* (калька рус. *сдача*?).

дужаал см. **дужаа- II**.

дужаалга см. **дужаа- III**.

дужаалда см. **дужаа- III**.

дужааш- (оказаться рядом, поравняться'.

Вероятно, форма совместно-взаимного залога глагола, образованного от имени *душ ~ туш* с семантикой 'равный, одинаковый' и под. с помощью аф. *-а-* (**туш-а-ш-*). Долгота в *дужааш-* вторичная, не вполне ясного происхождения. См. также **дужа-**, **дужаа- I—III**, **дужааш[как]**.

дужааш[как] 'расположенный напротив (чего-л.); расположенные друг против друга'.

По-видимому, это производные от имени *душ ~ туш*, широко распространенного в тюрк. языках со значениями 'противоположная сторона; противоположный; напротив' и т.п. См.: ЭСТЯ III, *304*; а также **душ-** и **душ**.

Дужааш, вероятно, < **туш-а-ш*, где *-а-* — глаголообразующий, а *-ш-* — имяобразующий аф., восходящий к показателю совместно-взаимного залога. Во всяком случае, *дужаашкак* < **туша-ш-как*, где *туша-ш-* — соответствующая залоговая форма. Долгота гласного в *дужааш[как]* — вторичная, хотя ее происхождение не вполне понятно. Ср. **дужа-**, **дужаа- I—III**.

дужак см. **дужа-**.

дужамык см. **дужа-**.

дужунга см. **душ**.

дужунда см. **душ**.

дуза [уъ] 'польза, выгода; помощь, поддержка'.

Соответствия отмечены в др.-тюрк. памятниках (варианты *tusu ~ tusuγ*, на основании которых реконструируется архетип **tus-(u)γ*) и в сиб.-тюрк. языках (с *-а* в ауслауте типа *туза ~ дуза*...); значения — 'польза; выгода' и под. По др.-тюрк. материалам реконструируется глаг. основа **tus-* 'приносить пользу', от которой и образованы формы *tusu* и *tusuγ*. К тюрк. *tusu* восходят п.-монг. *tusa* 'польза' и его варианты. Тюрк. формы с конечным *-а* закономерно счита-

ются обратными заимствованиями из монгол. языков (СИГТЯ Л, *345*).

дузак I 'петля, силок'.

Ср. тоф. *тузак* 'ловчая петля, силок; паутина' и другие соответствия типа *тузак ~ дузак* общетюрк. характера со значениями 'силки; петля; сеть; капкан' и под. (ЭСТЯ III, *289–290*; СИГТЯ Л, *420–421*).

М. Рясянен сопоставлял часть этих форм с др.-уйг. *tuz* 'сеть', основываясь на работе Габэн (EW, *502*). Э.В. Севортян отмечал, правда, что это слово несколько сомнительно, так как зафиксировано во втором издании «Древнетюркской грамматики» А. фон Габэн, но отсутствует в третьем издании этого труда. Указ. значение *tuz* отсутствует и в других источниках по др.-тюрк. лексике (что отмечается и в СИГТЯ Л).

Э.В. Севортян полагал, что «теоретически подобную возможность нельзя исключить, т.к. **tuz* может быть фонетическим коррелятом к слову *tor* 'тенета, сеть'». Такое же сопоставление проводил и М. Рясянен, считавший последнее заимствованием из монгол. языков, что вызвало возражение Севортяна (ЭСТЯ III, *290*).

Существует и сближение тюрк. *тузак...* с данными тунг.-маньчж. языков, а также попытка на его основании воссоздать праалт. форму слова. Это сопоставление обоснованно оценивается как проблематичное, «поскольку нуждаются в уточнении признаки называния реалий» (СИГТЯ Л, *421*).

Думается, что соображения М. Рясянена и Э.В. Севортяна также не находят достаточного подтверждения. В частности, едва ли можно в настоящее время согласиться с тем, что **tuz* — фонетическое соответствие к *tor*, тем более, что этимология последнего неясна. Его продолжают (хотя и под вопросом) относить к монголизмам (СИГТЯ Л, *419*), что с учетом широты ареала распространения слова в тюрк. языках и употребительности его в памятниках выглядит очень сомнительно.

Тюрк. *tor...* (по имеющимся данным, < **to:r*), возможно, имеет связь с глаг. основой **mop-* 'перегораживать, задерживать' и под. (см. **дорда**), причем и имя, и глагол могут быть производными от *му- ~ *мо-* 'закрывать' (см. **дуг**), а точнее — от варианта этой основы с широким гласным.

О *дузак* и его соответствиях скажем, что было бы рациональным их сближение с тюрк. *тушак ~ дужак...* 'путы' и его вариантами. Это отчасти пытался сделать, напр., А.Т. Кайдаров в своем труде путем отсылки от статьи, где указываются структуры каз. *тусак* 'путы' (< *тушак*) и его морфологических вариантов к статье, где рассматривается слово *тузак* 'силки', и обратно (Кайдаров *288, 289*), хотя характер связей между словами не раскрыт.

Можно предположить, что между *тушак...* и *тузак* кроме определенной смысловой общности существует и структурный параллелизм. О первом нам известно, что оно образовано от глаг. основы *туша-* 'надевать путы; стреножить' и т.п., а последняя — от имени *туш*, сохранившегося довольно слабо и обозначающего, по-видимому, путы, треногу, а также некоторые другие реалии (см.: ЭСТЯ III, *306*; а также дужа-).

Мы предположили, что членима и основа *туш* и образована от *ту-* 'закрывать...'.

Нечто подобное могло иметь место и в случае с *тузак...* Вероятно, существовали именная основа **туз* (< **ту-з*; от той же глаг. основы, что и *туш* < **ту-ш*, обозначавшей сеть или петлю) и производный от *туз* глаг. **туза-* 'ловить сетью или петлей', которые в отличие от *тушак* практически не сохранились, но могут быть реконструированы по аналогии.

дузак II [уъ] 'коза на втором году; двухлетняя коза'; **чузак** [уъ] *диал.* то же, **чусах** *диал.* 'горная коза на втором году жизни' (см.: Чадамба 1977, *64*).

Ср. каз. *тусак* 'овца старше одного года', кирг. диал. *тусак* 'ярка, молодая овечка', *жусак* диал. 'молодая коза, окотившаяся раньше обычного срока; годовалая или яловая горная коза', алт. *дьузак* женск. 'коза; козленок до одного года', узб. диал. *тусак ~ тусаг, дусак* 'двухгодовалая овца', *тусак ~ тусаг* 'яловая овца' (см.: Базарова, Шарипова, *128*), як. *тыһагас* 'годовалый двухтравный бычок или телка'; диал. 'двухгодовалый лось', ног. диал. *тосак* 'овца-двухлетка'.

Б.Я. Владимирцов (Ср. грамматика, *174*) сопоставлял як. *тыһагас* и некоторые другие тюрк. формы с п.-монг. *јusaγ* 'двухлетний баран', которое, в свою очередь, связывается с п.-монг. *јun* 'лето', *јusa-* 'проводить лето, летовать'. С подобными же основами родственны и совр. монгол. соответствия *јusaγ*, которые могут, как и последнее, означать 'двухлетний (о козах, овцах)'; ср. также монг. *зусаг* 'суягная (об овце)'.

Тюрк. слова, подобные вышеприведенным, иногда истолковываются как монголизмы (Базарова, Шарипова, *128*), что обоснованно по отношению к таким случаям, как тув. диал. *чузак, чусах*, кирг. *жусак*, алт. *дьузак*, но едва ли применимо к вариантам с начальными *д-* и *т-* (*дусак ~ дузак, тусак ~ тусаг*) из-за трудности перехода монгол. *ј-* или *з-* в тюрк. *т- ~ д-*.

Судя по ареалу распространения (некоторые тюрк. языки Сибири, Средней Азии и каз.), *тусак...* явно принадлежит к древним тюрк. словам. Первоначальное значение слова, по всей вероятности, — 'неполовозрелая или яловая (об овце, козе)', т.е. такая, что по возрасту или по иным причинам не имеет детенышей.

Однако, как мы отмечали ранее, в значении 'яловая' употребляются образования типа хак. *туг* и его соответствий или однокоренных слов, образованных от *ту- ~ то-* 'закрывать' (см. **дут**). Возможно, с той же глаг. основой связано и *тусак...* < **ту-с-а-к-*, где *ту-с* 'закрытый' (?) (ср. также **туз* в слове *тузак* 'силок, петля'; см. **дузак** I), *-а-* — глаголообразующий аф., а *-к* — формант, образующий имя от глагола. Допустима и структура **ту-са-к*, где **ту-* — глаг. основа, *-са-* — формант, образующий глаголы со значением желания, и *-к* — указ. аф.

Возможно, *тусак...* гомогенно с *туснак*, употребляемым в некоторых тюрк. языках со значениями 'пленение; человек, попавший в долговую кабалу; пленник; раб' и под. В *туснак* можно видеть первоначальное **тусунак* < **тус-у-н-(а)к*, где **тус-у-н-* содержит указ. именную основу, глаголообразующий аф. *-у-* и аф. пассива *-н-*; *-(а)к* — имяобразующий аф. См.: Ахметьянов. ОЛМК, *169—170*, где дается *туснак* с его соответствиями и содержится иная версия происхождения слова.

Монгол. *ǰusaγ ~ зусаг*, возможно, возникло в определенной мере с ориентацией на структуру и семантику тюрк. *тусак*, но с ее переосмыслением и наполнением собственно монгол. языковым материалом.

См. также **дун, дунгуш**.

дузала- [уъ] 'помогать, оказывать помощь'; **дузалакчы** [уъ] **1.** *уст.* 'тусалакчи' (*заместитель правителя хошуна*); **2.** 'помощник'; **дузалал** [уъ] 'вспомогательный, служебный; помощь'; **дузаламчы** [уъ] 'помощь; пособие'.

В основном, очевидно, монголизмы. Ср. п.-монг. *tusala-* / монг. *туслах* 'помогать', *tusalaγči/туслагч* ист. 'помощник управляющего хошуном; помощник', *tusalamǰi/тусламж* 'помощь; содействие'. *Дузала-л*, возможно, образовалось уже в тув. языке: его монгол. соответствия не найдены.

дузалакчы см. **дузала-**.

дузалал см. **дузала-**.

дузаламчы см. **дузала-**

дуй- 'узнавать (о чем-л.), заметить, услышать, учуять'.

Глагол имеет общетюрк. соответствия *дуй- ~ туй-...* широко представлен в памятниках; основные значения — 'чувствовать, ощущать; замечать; наблюдать, отмечать; обнаруживать; узнавать, проведывать; догадываться'. Семантика, близкая той, что характеризует тув. *дуй-*, отмечена для древнейших текстов. Архетип глагола восстанавливается в виде **туй-*; этимология неясна. См.: ЭСТЯ III, *290—291*, где отсутствует *дуй-*. По другим источникам, пратюрк. форма — **duj-* 'чуять', к ней приводятся алт. параллели (Дыбо, *14*), характер которых неясен.

дуй *употребляется как первый компонент глагольных сочетаний вроде* **дуй шып-** 'накрывать, покрывать', **дуй хак-** 'забивать, заделывать', **дуй тут-** 'зажимать, затыкать (рот, уши)' и др.

Ныне *дуй* представляет нечто среднее между деепричастием и наречием, имея значение, подобное 'сплошь, полностью'; ср. также алт. *туй* 'сплошной'.

По своему происхождению *дуй ~ туй* является, скорее всего, слитным деепричастием от глаг. *ту-* 'закрывать', в настоящее время практически не сохранившегося в чистом виде, но прослеживающегося в ряде производных (см., в частности, **дуг**, **дужа-** и др.).

дукпу *побуждение собаки к преследованию, нападению*; **дукпур-** 'натравливать собаку на кого-л.'.

Ср. тоф. *туккур-* 'науськивать (собаку)'. *Дукпу* — основа звукоподражат. характера с первоначальной формой *туку, тукку*. По-видимому, *дукпу* < *тукку* (с диссимиляцией *кк* > *кп*), а *дукпу-р-* < *тукку-р-*. Ср. также кирг. *тукур-* 'науськивать, натравливать; подзадоривать, подзуживать, провоцировать' и монгол. параллели: п.-монг. *tukira-*, монг. *тухирах*, бур. *тухирха*, калм. *тукрх* 'натравливать, науськивать собаку'.

дукпур- см. **дукпу**.

дукпурту 'игрушечный круг, который катают по земле; колесо (обод, обруч), которым играют, катая по земле'.

Непосредственных соответствий не отмечено; слово, возможно, гомогенно с *дугурук* 'круглый' (см. **дугур-**, **дугурук**). Его вероятная первоначальная структура — **тук-пур-ту*, где **тук-* 'сгибать' (по Кайдарову), *-кур-* — вариант аф. каузатива (интенсива), а *-ту* — формант, образующий имена от глаг. основ. Сочетание *-кп-* — результат диссимиляции согласных (ср. **дукпу**).

дулгу [уъ] 'как будто сплошной, очень толстый (о частях тела)'.

Ср. алт. диал. *тулку* 'круглый, цилиндрический' (РСл. III, *1472*), шор. диал. *тулгак ~ тулгу* 'круглый, неколотый (о лесе)', хак. *тулгу* 'цельный, сплошной', як. диал. *дулга* 'корпус человека', ккалп. *тула* 'весь, целиком', каз. *тула бойы(м)* 'все тело', *тул бойы ~ тула бойы* 'целый, целиком', *тулга* 'туловище; опора, защита', кирг. *тула, тулку* 'всё, весь, целиком', алт. *тулгурт* 'совершенно, вовсе, вполне'.

Вероятно, эти образования связаны с глаг. основой типа алт. *тул-* 'быть огороженным (в немецк. переводе 'быть закрытым, запертым'), а судя по иллюстративному материалу, — 'быть отрезанным, окруженным (в частности, водой на острове)'; 'быть в безвыходном положении, нуждаться, бедствовать' (РСл. III, *1465*).

В.В. Радлов членил *тул-* на компоненты *ту+л*, из которых первый, очевидно, представляет собой глаг. основу *ту-* в значении 'запрудить', а второй — аф. страдательного залога (РСл. III, *1421*;

см. также **дуг**). Соответствия *тул-* — як. *тул-* 'ходить вокруг, обходить кругом, окружать; обрезать кругом' (Пек. III, *2798*), с.-югур. *тул-* 'быть со всех сторон окруженным (напр., врагами, водой, стеной); быть в безвыходном положении', тув. *тул-* 'затрудняться с ответом на вопрос' (см. **тул-**, а также: ЭСТЯ III, *294*).

Дулгу и его соответствия первоначально, по-видимому, означали нечто вроде 'закрытый, труднодоступный для использования', откуда по ассоциации возникла семантика 'цельный, неразрезанный; неколотый' и под., а затем — 'целый, целиком, весь'. *Дулгу...* вероятно, могло означать также 'окруженный со всех сторон', откуда логично ожидать появления семантики 'круглый', которая реализуется в алт., кирг. *тулку* 'круглый, цилиндрический', уйг. *тулук* 'каменный валик (напр., для обмолота снопов)', лоб. *тулук* 'град'; як. *тула* 'окружность, окрестность, круг, округ; кругом, вокруг, около' (Пек. III, *2799*), возможно, турк. *дулук* 'щека'. Со значением 'круглый', вероятно, связано тув. выражение *дулгу моюн* 'толстая, короткая и мощная шея' (напр., у борцов).

дулгуяк 'вдова, вдовец'.

Ср. тоф. *дулгуяк ~ тулгуняк* 'вдова' (ТРС-РТС, *71*, *123*), *дулгуняк* 'вдовец, вдова; мужчина, никогда не бывший женатым; женщина, никогда не выходившая замуж' (Рассадин. Словарь).

Общетюрк. форма — *дул ~ тул* (архетип **tul*) 'вдова, вдовец; вдовый, вдовая'; ср. также кирг. *тул* уст. 'изображение умершего мужа, которое ставилось над местом супружеского ложа; траур по мужу'. Кроме этой формы, в части источников отмечаются другие, производные по характеру; сюда входят, напр., як. *тулаайах* 'сирый; сирота; вдова; одиноко стоящий', тув. *дулгуяк*, хак. *тулбан* 'вдовец', этимология формы *дул ~ тул* в ЭСТЯ не дается (ЭСТЯ III, *292–293*).

В СИГТЯ Л (с. 293) высказано предположение, что **tul* образовано от *ту-* 'закрывать, прекращать, заваливать' и, по-видимому, исходное значение для **tul* представляется как 'закрытый, запрещенный для посторонних'. Эта версия в целом приемлема, но оставляет открытым вопрос о структуре **tul*. Оно могло быть образовано непосредственно от *ту-* с помощью аф. *-л* (**ту-л*). Не исключено, что **tul* связано (по конверсии) с *ту-л* — формой пассива от *ту-* (*ту-*) и означающей 'быть отрезанным (от других); быть окруженным со всех сторон; быть в безвыходном положении' и под. (см. **дулгу**).

Вариант той же формы представляет собой алт. *тул-* 'нуждаться, бедствовать, прийти в безвыходное положение; не иметь' (по Вербицкому), от которой *тул* и под. производил уже Г. Вамбери (см.: ЭСЧЯ, *235*). В таком случае, *тул* обозначает того, кто оказался в одиночестве, без семьи и без потомства, без опоры и поддержки.

Не случайно кирг. *тул* с вышеприведенными значениями, характеризующими траур по умершему или погибшему мужу. Ср. также каз. *тул* в сочетаниях *тул әйел* 'бесплодная женщина', *тул кал-* 'остаться одиноким', а также тув. *дулгуяк кадай* 'старая дева'. Возможно, первоначальное значение *тул* — 'одинокий' (ср. як. 'одиноко стоящий'), а затем это слово стало названием конкретных форм человеческого одиночества (чаще всего вдовства, а также холостячества и сиротства).

Тув. *дулгуяк* считается единым по форме с як. *тулаайах*, что не представляется очевидным. Можно согласиться с Э.В. Севортяном в том, что тув. *дулгуяк* (как и тоф. *дулгуняк ~ тулгуняк*) происходит от основы *тулгу*, которая сопоставляется с хак. диал. (кызыл.) *тулгу* 'совсем один' (по РСл.). Считается также, что *дулгуяк* имеет связь с монгол. языками, в частности с калм. *tulγй* 'одинокий, осиротевший' (ЭСТЯ III, *293—294*; ср. также: Дёрфер III, *349*), но подобная связь в данном случае труднодоказуема, тем более что монгол. слова считаются производными от тюрк. *tul* 'одинокий; вдова'.

**Тулгу* же как основа *дулгуяк* — очевидно, имя, образованное с помощью аф. *-гу* от упоминавшейся выше глаг. основы *тул-*. В свою очередь, *-йак* в *дулгуяк*, *-няк* в тоф. *дулгуняк ~ тулгуняк* — по-видимому, вариант аф. диминутива *-ак*, омонимичный, в частности, с формантом типа тоф. *-няк*, образующим единичные отглаг. имена. См.: Рассадин. Морфология, *80.*

думаа 'сопли, насморк; грипп; эпидемическое заболевание, поветрие'.

Соответствия в различных фонетических и морфологических вариантах отмечены практически во всех тюрк. языках со значениями 'насморк' (чаще всего); 'простуда, грипп, болезнь' и под.

По мнению Э.В. Севортяна, эти слова образованы от глаг. **тума-*, который он считает производным от древнего имени *tom/tum* 'холод' (в первоначальном варианте, часть из них возводилась непосредственно к этому имени). Ср.: ЭСТЯ III, *325—326* и АИ, *236.* Однако у соответствий *думаа* в тюрк. языках имеются такие варианты, которые оканчиваются на гласные, вроде чаг. *дума*, уйг. *туму*, тур. диал. *tümü* и под. и которые отнесены Э.В. Севортяном к «стянутым формам» основ типа *тума-к ~ тума-г*, что едва ли может быть отнесено ко всем подобным случаям. Среди них, очевидно, имеются явные образования на *-а ~ -у* от глаг. основы типа **тум- ~ *тум-*, но у имени *tom/tum* глаг. соответствий не отмечено.

Возможно, существовала какая-то иная односложная глаг. основа, не связанная с *tom/tum* 'холод', но являющаяся производящей для рассматриваемых слов. Их можно было бы связать с глаг. **тум-* *'закрывать, закладывать (о носе)', каковой можно видеть в кирг. *тум-ук-* 'испытывать духоту, задыхаться', *тум-чу-ла-* 'зажимать,

закрывать (напр., нос, рот ладонью)', як. *тумнар-* 'душить, удушать', алт. *тум-а-ла-* 'душить, давить', возможно, алт. диал. *тум-* 'щуриться, мигать, смыкать (веки)', *тум-* 'мигать' (РСл. III, *1517*, *1602*).

Вероятно, **тум-* связано с соотносительной именной основой **тум* 'закрытый' (?) < *ту-* 'закрывать' и под. (см., напр., **дуг**, а также **думаалай**, **думчук-**).

Тув. *думаа* помещено Э.В. Севортяном в тот же разряд «стянутых» форм от *тумак ~ думаг*, о которых уже упоминалось. Это представляется ошибочным. Очевидно, тув. *думаа*, как и кирг. *тумоо*, являет собой стяженную форму от первоначальных вариантов типа *думагу ~ тумагу ~ думагы*, которые Севортяном даются уже в следующем разряде морфологических вариантов рассматриваемого названия. Как указано, они образованы от глаг. **тума-* посредством аф. *-кы* (точнее *-гы*), однако, исходя из наших представлений о производящей основе, указ. варианты могут быть членимы как **тум-агы*, где **тум-* вышеуказ. глаг. основа, *-агы* — вариант указ. аф. *Думаа* < **тумагы*; ср. также тоф. *тумаа* 'насморк'.

Ошибочно мнение, согласно которому, с учетом наличия близких соответствий тюрк. **тумагы* в монгол. языках (п.-монг. *тотиγи* и под.), тюрк. **тоти-γи* 'простуда' считается заимствованным в тюрк. языках (см. Дыбо, *5*). Скорее всего, направление заимствования было обратным, хотя в отдельных случаях вероятно повторное появление тюрк. слова из монгол. языков. Таково, вероятно, як. *тумуу* 'насморк', судя по характеру долгого гласного; ср. як. диал. *тума* 'насморк' (ДСЯЯ, *247*), которое едва ли может быть отнесено к монголизмам.

думаалай *уст.* 'свадебное головное покрывало у невесты'.

По имеющимся данным, *думаалай* «состоял как бы из шапочки, покрывавшей голову, и широкого платка, опускавшегося на спину и плечи» (Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии... — С. 170 (рис.), 171).

Ср. тоф. *тумалай* 'старинный женский головной убор' (Рассадин. Словарь). В ряде тюрк. языков имеется слово *тумаг ~ тумак* 'меховая шапка, малахай; ушанка из меха, прикрывающая до плеч' и под. Встречается также трехсложная форма вроде ср.-уйг. *томага* 'вид шапки', башк. диал. *томага* 'шапка-ушанка с меховым верхом' (СИГТЯ Л, *483*); ср. также чаг. *тумага*, каз., ккалп. *томага*, кирг. *томого* 'кожаный колпачок, надеваемый на голову охотничьей птицы', тур. *tomağa* 'соколиные путцы', хак. *томага ~ тумага* 'забрало, шлем; колпачок, надеваемый на голову ловчей птицы' (ХРИЭС, *157*).

Предполагается, что *тумак* восходит к глаг. основе **tuma-* 'закрывать', представленной в бараб. *tumala-* 'окутать, закрыть' (по РСл.),

башк. диал. *tŏmala-*, *tuma-* 'закрыть [наглухо]' (СИГТЯ Л, *483*). Ср. также статью **думаа**, где выделен корень ***тум-*** 'закрывать'. Сходную структуру имеют, по-видимому, образования *тумага ~ томага...*

Тув. *думаалай*, тоф. *тумалай*, очевидно, гомогенны с рассмотренными наименованиями, тем более что у некоторых их соответствий отмечена семантика, близкая той, что характеризует тув. и тоф. слова. Ср., в частности, хак. *тумах* — название женской шапки, типа капора; способ закрывания лица невесты платком или тканью на свадьбе (ХРИЭС, *157*).

Тоф. *тумала-й*, очевидно, образовано непосредственно от основы, соотносительной с вышеприведенной *тумала-* 'закрывать' (ср. также чаг. *тумала-* 'окутать'). Ту же структуру, что не исключено, имеет и тув. *думаалай*, где долгота гласного второго слога, возможно, возникла из краткого *а* в соседстве с узким гласным предшествующего слога, хотя не следует полностью исключать наличие структурных различий между *тумалай* и *думаалай*: последнее, может быть, < ***тумага-ла-*** 'закрывать голову и лицо' (?); ср. алт. *томоголо-* 'завязать или закрыть рот и голову так, чтобы нельзя было смотреть или кусать' (ГАЯ, *269*).

думаа-ханаа *собир. разг.* 'болезнь'.

Первый компонент — *думаа* употребляется в качестве общего названия эпидемического заболевания (в т.ч. гриппа): ср. также *бижар думаа* 'оспа', *сарыг думаа* 'чума' и под. О происхождении слова см. **думаа**.

В отличие от *думаа*, *ханаа* не зафиксировано в самостоятельном употреблении и его прямые соответствия неизвестны.

Возможно, основой парного тув. *думаа-ханаа* является монг. *ханиад томуу* парн. 'грипп', при *ханиад* 'грипп; кашель' < *ханиах* 'кашлять'. При этом *томуу* воспроизведено в виде *думаа* — варианта слова, имеющего, скорее всего, тюрк. происхождение; изменился также порядок расположения компонентов.

При таком объяснении остается неясным характер изменения монг. *ханиад* (*хан'аад*) и появления *ханаа* без конечного согласного или даже целого слога: ср. п.-монг. *qanijadun* 'кашель; грипп'.

думчук-, дунчук- 'задыхаться (при рождении — о ребенке или детеныше животного); захлебываться'.

Ср. тоф. *туньчук-* 'задыхаться; захлебываться', др.-тюрк. *tunčuq-* 'задыхаться, с трудом переводить дыхание' (ДТС, *586*), а также тат. *тончык-*, каз. *туншык-*, кбалк. *тунчук-*, ккалп., ног. *туншык-* 'захлебнуться, задохнуться', башк. *тонсок-* 'задохнуться в дыму', уйг. *тунҗук-* 'задохнуться' (Рассадин. Фонетика, *176*), сиб.-тат. *тунзук-* 'задыхаться', *тунчук* 'затхлый' (РСл. III, *1141, 1142*).

По-видимому, указ. формы связаны с именной основой **тун* 'закрытый, не имеющий прохода' (< *ту-* 'закрывать'; см. **дуг**, а также тур. диал. *tun* 'угол, уединенное место'), от которой при помощи аф. *-чы-*... образовалась глаг. основа **тун-чы-* 'не иметь прохода (для воздуха)'. Аф. *-к-* в глаг. основе **тун-чы-к-*, скорее всего, показатель пассива, а в прил. *тун-чу-к* 'затхлый' — имяобразующий формант.

Форма *думчук-* характерна, кажется, только для тув. языка. Она могла возникнуть в результате контаминации с *думчук* 'нос' (см. **думчук**), но эту форму можно истолковать и как одноструктурную с **дунчук-**, но образованную от основы **тум* (см. **думаа, думаалай**), которая родственна **тун* и произведена теми же аффиксами (*-чы-* и *-к-*). С *думчук-* сопоставима также кирг. *тумук-* 'испытывать духоту, задыхаться' (< **тум-у-к-*).

думчук 'нос; клюв; хобот; уступ (горы)'; 'загнутый кверху носок традиционной тувинской обуви — идиков'.

Общетюркское. Ср. др.-уйг. *tumšuq* 'клюв; хобот', *tumšyk* 'клюв', тур. *tomşuk* 'загнутый [крючком] клюв', *tumşuk* 'изогнутый клюв (у орлов, попугаев и т.п.)' и т.п. Близкие соответствия в других тюрк. языках, кроме указ. (типа 'клюв'), означают также 'подбородок, морда; мыс; выступ' и под.

К числу слов, родственных *думчук ~ тумшук*... правомерно отнесены як. *tumus* 'клюв; рыло; бугорок верхней губы; мыс, островок густого леса', *tumul* 'мыс, густой лес' (СИГТЯЛ, *216—217*). К ним может быть отнесено и як. *tumuq* 'сосок женской груди'; диал. 'головка курительной трубки'.

С як. *тумул* сопоставимо каз. *тумыл-дырык* 'намордник', а с последним — як. *том-торук* то же (ср.: Дыбо, *155*). Если каз. и як. слова одноструктурны и образованы при помощи аф. *-дырык ~ -дурук*, то правомерна реконструкция односложной основы **том ~ *тум* 'морда животного'. Ср. также каз. **том* 'нечто выступающее, ведущее, главенствующее', реализующееся, в частности, в сочетании *колдың томы* 'авангард, ведущий отряд' (Кайдаров, *285*).

Очевидно, *думчук*, его соответствия и родственные с ними слова возникли на основе мотивирующего признака формы: округлой, изогнутой и выдающейся вперед, а **том ~ тум* первоначально как раз и имело соответствующую «формальную» семантику. Последняя фактически реконструируется у **тум* как 'нечто округлое, выступающее овальным, тупым концом' (Кайдаров, *288*).

Не исключено, что существовала и соотносительная с указанной именной глаг. основа, которую сложнее выявить. Неясно, в частности, от одно- или двухсложных глаголов образованы такие слова, как як. *tumul*, *tumus* и *tumuq* или *тумун-* 'обходить, объезжать

(какое-л. препятствие); вспучиться, опухнуть; вскочить (о чирьях)', а также чаг. (?) *туман-* 'выдаваться вперед', *туман* 'всякий выступающий предмет; куча, холм' (РСл. III, *1518*).

Допустима также гомогенность ***том ~ тум* с уйг. диал. *tom* 'круглый' и связанными с ним основами (см. **домур-**), а в таком случае не лишено основания сближение др.-тюрк. *tumšuq* с **tomur-* 'вырезать криво' или, может быть, 'резать, придавая округлую форму' (ED, *509*; ср.: ДТС, *574*, где *tomur-* 'делать чурбан, колодку'), забракованное в СИГТЯ, где праформа *думчук...* реконструируется как **tum-š-uk* и интерпретируется предположительно как «отглагольное имя на *-l/-š* (и уменьшительное от этого имени) по общеалтайскому глаголу: праалт. **t'umi-* 'сопли, сморкаться, сопеть'; тунг.-маньчж. **tumi-n* 'плевок...'; монгол. **tomu-γu* 'простуда...'». Монгол. слово, кроме того, считается заимствованным тюрк. языками, что в целом не соответствует действительности (см. **думаа**).

Приводимые выше алтаистические сближения, учитывая все ранее сказанное, следует оценить как весьма сомнительные, тем более что мотивировка рассматриваемого тюрк. названия четко не формулируется. Можно лишь предположить, что последнее связано с такими физиологическими проявлениями, как сморкание, сопение и под., и, таким образом, оказывается, что исходное значение слова — 'нос'.

Но в цитированном выше труде правильно указано, что только в тув. языке оно является наименованием носа (СИГТЯ Л, *217*), причем соответствующая семантика не является первичной. Таковой следует считать, скорее всего, 'клюв'.

В указ. этимологической версии верно, пожалуй, только соображение о том, что *tumšuk* представляет собой уменьшительную форму, основа которой может быть представлена в виде **tum-u-š*, где **tum* — именная основа, о которой речь шла ранее, *-u-* — глаголообразующий аф., а *-š* — аф. имяобразования. Соответствием **tumuš* можно считать, в частности, як. *tumus* 'клюв, рыло' и под. Ср. также як. *тумуһах* 'небольшой лесной мыс', сопоставляемое с *тумус* в значении 'лесистый выступ' (ЯРС, *401*), где *-ах* (< *-ак*) — диминутивный аф.

Ту же структуру имело и *тумшук* (< **тум-у-ш-ук*), где соответствующий формант содержал начальный узкий гласный, а гласный второго слога в **тумушук* подвергся редукции и выпадению.

дун- 'засоряться, забиваться (мусором); закладывать (о носе, горле, ушах); становиться слабо слышимым (о звуке)'.

Ср. тоф. *тун-* 'засоряться, закупориваться', др.-тюрк. *tun-* — возвратная форма от *tu-* 'закрывать, преграждать' (напр., *tun-* означает 'быть занесенным снегом; покрыться тучами; заложить (о носе, ухе)') (ДТС, *586*). См., в частности, **дуг** и др.

Форма *тун-* с семантикой 'быть закрытым, запертым; не иметь, свободного прохода' характерна для юж.-сиб. тюрк. языков и с.-югур. (см.: РСл. III, *1439*; ЭСТЯ III, *294*). Ср. также як. диал. *тун-тук* 'глухая доха из оленьей шкуры, надеваемая через голову; кухлянка' (ДСЯЯ, *247–248*).

Тун- ~ дун- имеет также именное соответствие. См. **дун**.

дун 'первородящая (о женщине); первый (о ребенке)'.

Ср. др.-тюрк. (МК) *tun oγul* 'первый ребенок (~ мальчик)', *tun qïz* 'первая дочь', *tun beg* 'первый муж', кирг. *тун* 'первенец; настоящий, истинный, искренний', каз. *тун* 'первенец', уйг. *тун, тунжа* то же, хак. *тун* 'первый' (*тун пала* 'первый ребенок', *тун ипчі* 'женщина, еще не рожавшая'), алт. *тун* 'женщина, еще не рожавшая; первенец', алт. диал., шор. *тун* 'не имеющая детей; яловая' (РСл. III, *1439*), як. *тун* (*тун дjахтар* 'впервые рожающая женщина'), *туӈуй* 'первородящая; чистый, невинный', хак. *тог інек* 'первотелка' (ХРИЭС, *146* и под.; см. **дут**).

Часть из указ. соответствий со значениями 'первенец; первый (ребенок, муж)' приведена в СИГТЯ Л (с. 318), где высказано и предположение о связи с **туӈ* (*тыӈ*) 'свежий, новый; используемый впервые', но последнее дается без ссылок на конкретный материал и выглядит неясным по происхождению и употреблению; не объяснены и фонетические различия *тун* и **туӈ*. Праформа слова в СИГТЯ Л реконструируется в виде **тин*; ср. **тун* 'первенец' (Щербак 1970, *57*).

Дун... по семантике близко словам типа *туг* 'яловая' и под. (ср. каз. *ту* [tuw] 'яловая; нетронутый, девственный'), которые, по всей вероятности, имели первоначальное значение 'закрытый' и представляли собой производные от *ту-* 'закрывать, преграждать'. В случае *дун ~ тун* мы имеем дело со словом, родственным *туг...* и образовавшимся от той же глаг. основы, хотя здесь возможна связь и с залоговой формой указ. основы — *тун-* 'не иметь свободного выхода, быть закрытым, запертым' и т.п. См. **дун-**.

К числу наиболее древних значений *дун ~ тун* относятся, вероятно, 'еще не рожавшая (в частности, о женщине)', а также 'первородящая, родившая впервые' (что для носителей тюрк. языков, по-видимому, не имело большого различия), а затем возникла семантика 'первый' (в основном — о ребенке, хотя мог быть первым и муж); 'первенец'. См. также **дунгуш**.

дунааргай 'душный, удушливый; туманный, мглистый (напр., от дыма)'. Слово, по всей вероятности, гомогенно с *дун- ~ тун-* 'засоряться; закладывать (о носе, горле, ушах)' и под., а также с **тун...* 'закрытый' (ср. тур. диал. *tun* 'угол, уединенное место'). См. **дун-**, **дун**.

Соответствия *тун-* имеют также значения 'помутнеть, покрыться пеленой' (каз.); 'глохнуть, меркнуть, темнеть (в глазах)' (кирг.),

'тухнуть, гаснуть' (кар.). С *тун-* и **тук* гомогенны и основы типа як. диал. *тунах былыт* 'тумановидное облако, наблюдающееся в летнее сухое время' (ДСЯЯ, *247*), кирг. *тунар-* 'меркнуть, темнеть', *тунарык* 'туманная даль; пелена (напр., тумана), дымка'.

Тув. *дунаргай* — по всей вероятности, производное на *-гай* от *тунар-* или близкой к ней глаг. основы. Долгота гласного второго слога, возможно, носит позиционный характер и обусловлена соседством с узким гласным. Ср. также як. *тунаархай* 'бледно-серый; туманный, неясный', *тунаар-* 'неясно белеть', *тунаарый-* 'неясно белеть, стлаться белесой далью' (ЯРС, *401*; Харитонов, *238*).

дунгуш 'первородящая (о домашних животных)'.

Ср. кирг. *туңгуч* 'первенец', каз. *туңғыш*, уйг. *тунгуч* 'первенец', чаг., кар. *тунгуч* 'первый сын', кар. *тунгуч ~ тунгуц* 'первородный, первичный', ккалп. *туңғыш* 'первоначальный; первенец', башк. диал. *тоңкос ~ туңкыс* [*бала*] 'ребенок-первенец', *туңкыс ~ тоңкус* то же, кбалк. *тугуч* 'первенец (о ребенке)'; хак. *тунгус* 'рожающая впервые; впервые несущая яйца'.

Э.В. Севортян в одной из статей словаря использует только кар. варианты слова, пытаясь доказать положение о том, что в них проявляется более древняя форма глаг. основы *тог- ~ туг-* 'рожать, рождать' (ЭСТЯ III, *247*), что совершенно неправомерно, поскольку не учитывается наличие основ типа *дун ~ тун* 'первородящая женщина' и под. (см. **дун**).

В то же время уже В.В. Радлов связывал *тунгуч* с *тун* (РСл. III, *1441*), а в совр. исследовании *туңғыш* возводится к сочетанию *тун + кыз* (ср.: МК, где *tun qyz* 'первая дочь') (СИГТЯ Л, *318*).

Однако представление *тун...* как производящей основы для *тунгуч...* скорее всего, ошибочно, так как, судя по структуре, последнее является не отыменным, а отглаг. производным, образованным при помощи аф. *-гыч > -гыш*. Производящей же основой следует считать соотносительную с *тун...* глаг. основу *тун-* 'не иметь свободного выхода'... т.е. и здесь, как в случае с *тун*, просматривается древняя семантика 'закрытая; (еще) не рожавшая' (о женской особи).

В структурном плане несколько особняком стоит кбалк. *тугуч*, образованное указ. формантом от *ту-* 'закрывать', являющейся исходной формой для *тун-* (см. **дуг**).

дунда-кара 'милая, черноглазая' (*обращение к любимой*).

Ср. турк. *тум* 'мрак, тьма, мгла, темнота', азерб. *думгара* 'чернехонький', кбалк. *дум кара* 'черная-пречерная (о масти)' (в прим. отмечено, что *дум* 'черный' потеряло свое основное значение и служит усилительной частицей, см.: Вопросы лексики и семантики карачаево-балкарского языка. — Нальчик, 1984. — С. 34), уйг. *том кара*

'насыщенно-черный, темный', уйг. диал. *тум кара* 'пречерный', *тум ак* 'совершенно белый'. Ср. также каз. **том* 'насыщенно-черный, темный цвет' (*Томның таңы да жау...* 'Для темноты утро опасно...'), **дум* (нечто насыщенное, доведенное до кондиции): *дум караңгы* 'чрезмерно темный, густой; тьма-тьмущая', *дум тогай* 'дремучая тайга' (Кайдаров, *204, 285*); ср. также шор. *тум* 'дремучий' (*тум чыш* 'дремучий лес').

В работе Л.С. Левитской отмечена чув. усилительная частица *тӗт* 'весь, очень, совершенно черный (?)', соответствиями которой считаются *тум, том* и т.п., отмеченные выше (ИМЧЯ, *187*).

Первоначальная семантика частицы — очевидно, 'темный; темнота', о которой можно судить по др.-уйг. *tum-lïγ* 'темный, хмурый' и подобным ему образованиям (ЭСТЯ III, *295*), которая отчасти была утрачена и вытеснена обобщенной семантикой интенсивности качества. Возможно, происхождение имени **тум* связано с неоднократно ранее упоминаемой глаг. основой *ту-* 'закрывать (напр., от света)' и под.

Элемент *дунда-* в тув. *дунда-кара*, по-видимому, родственен рассмотренному **тум...* и очевидно, представляет собой отглаг. образование (< **тун-да*), связанное с основой *тун-* 'быть закрытым, запертым, не иметь свободного прохода'; (кар.) 'гаснуть, тухнуть'. Вероятно, от основы с подобной же семантикой образовано кирг. *тун-* 'глохнуть, меркнуть, темнеть (в глазах)' (см. также **дунааргай**).

С тув. *дунда-*, возможно, гомогенно азерб. *тунд* 'крепкий (о чае), острый (об уксусе); темный (о цвете); быстрый (о лошади)'. См. также **дунма**.

дунма 'темный, непроглядный; дремучий, глухой (о лесе)'.

Непосредственных соответствий не обнаружено, но тув. *дунма*, вероятно, родственно, с одной стороны, прил. *тум ~ дум* 'дремучий', а с другой — компоненту *дун-да* в *дунда-кара*; образовано с помощью аф. *-ма* от глаг. *тун-* 'гаснуть; темнеть (в глазах)' и под. См. **дунда-кара**, а также **думбей**.

дунчу 'змеиное гнездо'; *перен.* 'логово'; **балык дунчузу** 'косяк рыбы (скопившийся для зимовки)'.

Ср. тоф. *дуньчжу* 'змеиное гнездо; логово, где зимуют змеи' (Рассадин. Словарь), а также др.-тюрк. *tunčuq-* 'погружаться в зимнюю спячку' (ДТС, *586*). Очевидно, тув. и тоф. слова — производные от основы типа др.-тюрк. *tun-* 'успокаиваться, затихать' (ДТС, *586*), образованные с помощью аф. *-чы*. В свою очередь, *tun-* 'успокаиваться...' — один из лексико-семантических вариантов рассматривавшегося выше глагола *тун-* 'быть закрытым; глохнуть' и под. (см. **дунааргай, дунда-кара, дунма**); ср. также хак. *тун-* 'глохнуть, терять

слух; глохнуть, зарастать сорняком; закладывать (нос, уши), впадать в зимнюю спячку (о медведе)'.

Др.-тюрк. *tunčuq-* < **tunču*, по-видимому, соответствующего тув. *дунчу*, тоф. *дуньчжу*, где *-q-* — глаголообразующий аф.

дунчук- см. **думчук-**.

дуңзаа 'припой' (*паяльный порошок*); 'пломба (в зубе)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *dungs-ā* / монг. *тунсаа* 'бура' (минерал, используемый для сварки металлов).

дуңма 'младший брат; младшая сестра'.

Термин родства, гомогенный тюрк. **toγγan*, обозначающему братьев по мужской линии, и **toγmuš* 'родственник, родной; брат', которые образованы от глаг. *toγ-* 'родить(ся)'. Соответствия тув. *дуңма* и достаточно убедительная этимология слова даны Л.А. Покровской (ИРЛТЯ, *43—46*). Согласно этой версии, *дуңма* (< *туг-ма ~ дог-ма*) представляет собой отглаг. имя на *-ма* с производящей глаг. основой *дог- ~ туг-* с указ. семантикой. Из этого также следует, что в тув. (а также в хак., шор. и др.) указ. термин родства имеет значение, близкое 'младший кровный родственник по линии отца'. См. также: Рамазанова, *148—149*.

По мнению Э.В. Севортяна, форма указ. основы *тог- ~ туг-* не является древнейшей. Таковой он склонен считать **туң-* (~ **тоң-*), которая вычленяется из производного *туңг-ма* в алт., а также из кар. *туң-гуч* 'первородный, первичный' и под. (ЭСТЯ III, *247*). Однако последняя не имеет отношения к указ. основе *тог- ~ туг-* (см. **дунгуш**), а в первом случае Севортян не учел характера происшедших в сиб.-тюрк. словах фонетических изменений, которые отмечены, в частности, В.И. Рассадиным.

Он сравнивает тоф. *дуңма* 'младший брат, сестра' с др.-тюрк. *toγ-* 'рождаться', турк. *догма* 'сын, мальчик', башк. *тыума* 'внебрачный ребенок', отмечая, что в тоф. языке (как, впрочем, и в тув., и в др.) действует фонетическая закономерность перехода *-г* > *-ң* перед *м* (Рассадин. Морфология, *75*), что и имело место в рассматриваемом случае.

дуран 'бинокль; подзорная труба'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *duran* / монг. *дуранг* то же, а также монг. *дурайх* 'виднеться отчетливо, ясно; представляться образно'.

дургаар [уъ] *послелог* 'вдоль..; по...'; **дургаары** [уъ] *тодж.* то же.

Близких соответствий послелога *дургаар(ы)* не обнаружено, но он, скорее всего, представляет собой образование, первоначально являвшееся наречием, образованным с помощью архаичного аф. направительного падежа типа др.-тюрк. *-гару*, превратившегося в тув. языке в мертвый формант, бытующий в основном в варианте *-гаар* (ср. тув.-тодж. и тоф. *-гаары*) (см.: СИГТЯ М, *264—265*; Щербак 1987, *16—17*).

Производящей основой *дургаары* послужило имя ***дурк ~ *турк* (ср. др.-тюрк. *turq* 'длина, размер', а также **дургу** и **дурт**). В др.-тюрк. памятниках фиксируется нар. *turγaru ~ turqaru* 'постоянно, всегда, постоянно, долго' (ДТС, *587, 588*; Тугушева, *374*), которому соответствует также алт. *туркары* 'постоянно'.

Эта форма, характеризующая протяженность, длительность во времени, семантически ближе к *дургу*, чем к **дурт** (см.), но последние два явно родственны друг с другом.

По мнению Э.В. Севортяна, *tur-qaru* — производное от *тур-...* 'стоять', что выглядит не вполне логично в структурном отношении, однако основа этого наречия определенно связана с указ. глаг. основой.

дургаары см. **дургаар**.

дургу [уъ] 'протяжение, расстояние; длительность, продолжительность'; **дургузунда** [уъ] *служ.* 'в течение, за... (о каком-л. периоде времени)'; **дургун** [уъ] 'тонкий, длинный и прямой (о дереве)'.

Ср. тоф. *туърһу* 'длина; рост; расстояние; протяженность'; *туърһусунда* 'в течение...', а также др.-тюрк *turq* 'длина, размер', кирг. *турк*, *туркy* (в сочетании *буттун туркy* или *буттун туркусу* 'длина ступни, подошвы'), каз. *туркы* 'длина корпуса лошади', *аяктың туркы* 'длина стопы, ступни', ног. *туркы* 'ствол (дерева); стан, фигура', турк. *дурк* 'форма, конфигурация, очертание', с.-югур. *турк сымык* 'полный скелет человека', *улуг турк* 'человек большого роста, великан' (Малов. ЯЖУ, *125*), чаг. *турук* 'жердь', тат. *торык* 'звено забора от столба до следующего столба; пролет (моста); корпус лошади, экстерьер', чув. *тăрăх* 'цельная холстина во всю длину; пролет забора; окрестность; вдоль'.

Сюда же относятся слова иной структуры, но явно гомогенные с вышеприведенными: др.-тюрк. *turut* 'мера длины в чей-то рост', алт. диал. *турум* 'вышина человека или животного, когда они стоят', *туркун* 'вышина стоящего человека' (РСл. III, *1456*), последнее из которых сопоставимо с тув. *дургун.*

Указ. слова связаны, по-видимому, с общетюрк. глаг. *тур-* 'стоять' (см. также: ЭСТЯ III, *300*). Они образованы от указ. основы с помощью аф. *-(у)к*, *-(у)м*), *-кун*...

В тув. *дургу*, тоф. *туърһу* и в ряде других случаев конечный гласный — вторичный, вероятно, восходящий к аф. принадлежности 3 л. В тув. и, отчасти, в тоф. языках слово ***тур(у)к*, к тому же, изменило лексическое значение: семантика меры длины, размера → временна́я протяженность, что проявилось особенно в служебном слове *дургузунда*.... Ср. в этом плане **дургаар**. Длина выражается в тув. языке другим вариантом рассматриваемого слова — **дурт** (см).

дургузунда см. **дургу**.

дургун I [уъ] см. **дургу**.

дургун II 'беглец, беглый (о людях, совершивших побег из-под стражи, от наказания и под.)'.

Ср. тоф. *тургун* 'разбойник, беглый каторжник', алт. *тургун* уст. 'шайка людей, содержавшихся зайсанами и баями и угонявших чужой скот'.

В.Г. Егоров (ЭСЧЯ, *232*) сопоставлял тув. *дургун* с чув. *таркăн* 'беглый, беглец; дезертир', что неправомерно, поскольку чув. *тар-* 'убегать' соответствует тув. *дес-* и его общетюрк. вариантам (см. **дес-**), что отмечал и В.Г. Егоров. Закономерным соответствием чув. *таркăн* было бы тув. **дескен*: ср. хак. *тискен* 'беглец, бродяга'.

Заметное внешнее и смысловое сходство чув. и тув. слов носит характер случайного совпадения гетерогенных основ.

Есть достаточные основания для того, чтобы не связывать *дургун ~ тургун* с процессом убегания, а исходить из того, что *дургун* — это тот, кто самовольно покидает свое место и кого там не оказывается при проверке. *Дургун...* сопоставимо с п.-монг. *durγun* / монг. *дурган*, означающими 'недостающий, нехватающий; неполный по положению или по штату'.

Тув. *дургун* — скорее всего, монголизм. То же можно сказать и об алт., тоф. *тургун*, где не исключено заимствование слов одних тюрк. языков из других (напр., из тув.).

дуржулга [уъ] в *разн. знач.* 'опыт'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *turšilγa* / монг. *туршлага* 'опыт, испытание, проба' (ср. п.-монг. *turši-* 'пробовать, испытывать' > тоф. *туршу-* то же).

дурт [уъ] 'рост, длина, продолжительность' (чаще в сочетаниях **узун дурту** 'длина', **доора дурту** 'ширина', **хүн дурту** 'долгота дня'); **дурт-сын** [уъ] 'туловище, торс, стан; рост'.

Сын близко по семантике, а отчасти тождественно *дурт* (ср. значение 'рост'). См. **сын**.

Дурт гомогенно с **дургу** (см.) и в отличие от последнего восходит непосредственно к форме **тур-к* 'длина, рост, протяженность' и под., сохраняя также бóльшую общность значения с его соответствиями (см. **дургу**). Преобразование *турк* > *дуърт* аналогично некоторым подобным случаям (см. **берт, бөрт**).

дуруяа [дуруйаа] 'журавль'.

В близких вариантах (др.-уйг. *turńja*, в других языках — *turna* и под.) отмечено в ряде тюрк. языков; имеются и алтаистические сопоставления (ЭСТЯ III, *301—302*; Старостин, *71*; СИГТЯ Л, *173*). По мнению Э.В. Севортяна, в этом названии отмечен элемент *тур-* 'стоять', «имея в виду характерную для журавля позу» (ЭСТЯ III, *302*). Л.П. Петров полагает, что более достоверна производящая основа *тура* 'тощий (см.: Петров Л.П. Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка. — Чебоксары, 1982. —

С. 68—70), но распространена версия звукоподражательного происхождения названия птицы (см. точки зрения по этому вопросу в указ. работе Петрова), которая представляется наиболее вероятной. Ср. башк. *тӧрйӧк* — крик журавля.

Высказанные мнения об этимологии названия журавля оставляют пока открытым вопрос о морфологической структуре слова.

дус 'соль'.

Общетюркское; отмечено в вариантах *ду:з ~ дуз ~ дус ~ туз ~ тус* (ср. также чув. *тӑвар*) и со значением 'соль' (другие значения — 'хлеб-соль; вкус, пища'). Архетип восстанавливается в формах **тӯс*, **тӯз*, **дӯз*, **тӯр*', **дӯр*' и под. (см.: ЭСТЯ III, *288*; EW, *502*; Старостин, *13*, *99*; Дыбо, *11*). Этимологии слово не имеет; есть лишь сближения по внешней форме с материалом других «алтайских» языков (монгол. и тунг.-маньчж., иногда также кор. и япон.). Так, в качестве одной из параллелей приводится монгол. *dabusun* 'соль' и под., но эти сопоставления, отчасти имеющие своей целью перебросить мост между тюрк. и монг. формами с использованием чув. *тӑвар*, «фонетически весьма уязвимы». Кроме того, «без попыток морфемного анализа монгол. *dabusun* сближение его с тюрк. *ду:з ~ ту:с ~ туз* беспочвенно» (ЭСТЯ III, *289*)[1].

Эти критические замечания вполне справедливы, но они практически не учитываются в трудах алтаистов и, добавляя к своим материалам все новые языковые данные, являющиеся праформами слов соответствующих алтайских языков, они тем самым только усугубляют ошибочность реконструкции праалтайской формы названия соли, которая выглядит как **čawV́rV* 'соль; горький, кислый' (Старостин, *285*) или как **čawīŕ* 'соль' (Дыбо, *11*).

Анализ семантики тюрк. *дуз...* реализующейся в составе различного рода устойчивых сочетаний, производных и сложных слов, свидетельствует о том, что с ним часто связаны понятия 'кормление; пища, еда', ср.: уйг. *тузумни йединъ* 'ты кормился у меня' (букв. 'ты ел мою соль'), турк. *дуз бер-* 'накормить' (букв. 'дать соли'), *дуз ийиш-* 'делить хлеб-соль с кем-л.' (букв. 'вместе есть соль'), *дуз-тагам* 'пища, еда; хлеб-соль' (при *тагам* 'еда'), ног. *туздам*, *тузлам* 'пища, еда, хлеб-соль'.

Со словом *дуз...* связаны также значения 'добро, доброе дело' (кирг.), 'благодеяние' (уйг.). Ср. уйг. *тузуңызны тола йедим...* 'я много облагодетельствован вами' (букв. 'я много ел вашей соли') (Малов. УНС, *161*).

С солью явно соединяется представление как о виде пищи, продукте, которым сдабривают еду, чтобы придать ей необходи-

[1] Отметим, что попытка морфемного анализа монгол. слова (см.: Бертагаев. Лексика, *170*) не свидетельствует в пользу его общности с тюрк. названием соли.

мый вкус, а с соответствующим словом — положительные ассоциации, примером чего может служить азерб. *дузлу* 'соленый; приятный, симпатичный'. Соль может быть также мерилом чистоты: ср. як. *туус көлүйэ* 'чистое, как соль, озерко' (Пек. III, *2855*).

Таким образом, соль — благо; она чиста, приносит добро, пользу, услаждает жизнь, делая ее приятной. Ср. кбалк. *бал туз* редк. 'сахар' (букв. 'медовая соль'), а также родство рус. слов *соль* и *сладкий*. Нет ли связи между тюрк. названием соли и др.-тюрк. *tusu ~ tusuγ* 'польза, выгода' (< **tus-* 'приносить пользу') (СИГТЯ Л, *345*)? Правда, в этих случаях не прослеживается долготы гласного, но это может быть связано со сферой распространения слова: тюрк. памятники, монгол. и часть тюрк. языков, где оно является вторичным заимствованием (см. **дуза**).

Глаг. основа **tus-* 'приносить пользу', возможно, соотносительна с *дуз ~ дус* 'соль', а ее вариант реализуется также в составе других образований, в числе которых др.-тюрк. (МК) *tuz-γu* 'подношение еды, припасов в дорогу близким или родственникам' (ДТС, *594*; в более поздних памятниках *tuzγu* означало 'подарок'); *tuzγulan-* 'преподносить припасы в дорогу', як. *туску ~ тускул* уст. 'благо, благодеяние, добро', *тускулаа-* 'желать кому-л. благополучия, добра, счастья', ? чаг. *тусун* 'жир, толщина' (РСл. III, *1500*).

Согласно Г. Дёрферу, *tuzγu* образовано от *туз...* 'соль' с помощью аф *-гу*, и эта этимологическая версия оценивается как вполне убедительная (Девяносто лет, *77*), но, хотя родство указ. слов едва ли может быть подвергнуто сомнению, указ. формант в *tuzγu*, скорее, *является аф. отглагольного, чем отыменного словообразования*, а основа **туз-* — глагольной. Последняя могла быть вариантом *tus-*, приведенной выше.

Возможно, рассматриваемая именная или соотносительная с ней глаг. основа могла иметь *р*-вариант: ср. др.-тюрк. *turul-* 'пресыщаться пищей' (ДТС, *588*); 'обрести покой, спокойствие' (Тугушева, *323*), алт. диал. *туралгыш* 'толстый' (РСл. III, *1450*).

Интересно также допущение С.А. Старостина о том, что эвенк. *turukä* 'соль', *turu-* 'солить' могут быть старыми тюркизмами (Старостин, *119*). Впрочем, в последних случаях ротацизм мог быть связан с монгол. языковым посредничеством: ср. монг. *turukai* 'соль' (ЭСТЯ III, *288*).

дуу см. **дөө**.

душ- 'видеться; встречаться'.

Ср. тоф. *душ-* 'попадаться (навстречу), встретиться (на пути), повстречаться' и ряд соответствий типа *туш-* со значениями 'встречаться, попадаться навстречу; сталкиваться; выходить напротив' и под., практически не зафиксированных в совр. тюрк. языках и характерных в основном для различных письменных памятников

(ЭСТЯ III, *303—304*) в отличие от именного соответствия указ. глаг. основы: см. **душ**.

душ 'случай, случайность; какое-л. время, место (в частности, расположенное напротив чего-л.)'; **дужунга, дужунда** *служ.* 'напротив, против чего-л.; в то время, при'.

Ср. тоф. *душ I ~ туш I* 'противолежащее место, место напротив', *душ II ~ туш II* 'случай; время'.

Соответствия широко представлены в совр. тюрк. языках и памятниках в различных значениях (ЭСТЯ III, *303—304*), которые, как считал Э.В. Севортян, не всегда связаны друг с другом. Так, он полагал коррелятивными друг другу семантические группы 1 и 2 ('встреча; навстречу...' и 'противоположный; противоположная сторона...') и, возможно, 3 и 7 ('бок, сторона; место' и 'чужой, незнакомый, неизвестный...'). Значения же 'равный, товарищ' (группа 4) и 'случай, время' (группа 5) представлены гетерогенными как между собой, так и в отношении групп 1, 2, 3, 7.

Однако с этими утверждениями трудно согласиться. Думается, что основная часть значений, которые Э.В. Севортян разделил на 7 групп, друг с другом определенным образом связана. Здесь речь идет об обстоятельствах места (группа 3) и времени (группа 5), в которых осуществляется встреча (группа 1) или происходит какой-либо случай (группа 5).

Встреча также бывает случайной; встречаясь, люди идут часто друг другу навстречу с разных, в т.ч. противоположных сторон (группа 2). Люди встречаются как равные, близкие, подходящие друг другу (группа 4) или остаются чужими, незнакомыми (группа 7). Естественно, что обстоятельства, случаи могут складываться благоприятно или неблагоприятно (ср. соответственно *счастливый случай* или *несчастный случай*).

В данной ситуации сложно определить исходную семантику слова *душ ~ туш*, тем более что первоначальным значением едва ли может быть 'встреча' (в этом был прав Э.В. Севортян, см.: ЭСТЯ III, *305*), хотя соотносительный с этим словом глаг. *душ- ~ туш-* характеризуется в основном семантикой 'встречаться; встретиться' (в т.ч. случайно) (ЭСТЯ III, *304*; см. также **душ-**).

По-видимому, в данной ситуации глаг. основа не является первичной по отношению к именной, а они обе являются производными. Во всяком случае, вероятна гомогенность *душ ~ туш* с *тук* (и, вероятно, *ток*), которая в с.-югур. означает 'случай, возможность', а в чаг. *ток* — 'место' (от которых образуются и глаг. основы со значением сближения, встречи (см., в частности, **дугуруш-**).

Интересно, что *тук* и *туш* употребляются в сходных конструкциях; ср., с одной стороны, др.-тюрк. *tuš bol-* 'встречаться' и его близкие соответствия (ЭСТЯ III, *305*), к числу которых может быть

отнесено и тув. *душ бол-* 'иметь место случайно', а с другой — с.-югур. *тук пол-* 'встречаться'. Может быть, существовала глаг. основа ***ту-*, общая для *туш* и *тук*.**

душкан-на 'любой, всякий, какой попало'.

Ср. тоф. *тушкан* 'любой, всякий, каждый'; *тушканнэй* 'всякий, любой; как попало; всегда, в любом случае'.

Производные от *душ-* (тув.), *туш-* (тоф.) 'встречаться', (см. **душ-**), образованные при помощи аф. причастия прош. времени *-кан*; *душкан ~ тушкан* букв. означает 'встреченный на дороге, (первый) встречный' и под. В *душкан-на* и *тушканнэй* отмечены также усилительные частицы: соответственно *-на* и *-нэй*.

душтук 'жених, ухажер; невеста; возлюбленный, любимый, любимая; любовник, любовница'.

Непосредственных соответствий не обнаружено, однако очевидно, что *душтук* < **туш-лук*: аф. *-лук ~ -лык* образует в основном отыменные существительные. В данном случае исходной основой могла быть **туш* 'встреча; встречающий(ся); товарищ; друг; спутник' и под. (см.: ЭСТЯ III, *304*; а также **душ-** и **душ**). Среди образований на *-лык* изредка встречаются и отглагольные. Поэтому не исключено, что **тушлук* < *туш-* 'встречаться'.

дуюг [дуйуг] 'копыто'.

Ср. тоф. *туйуг*, др.-тюрк. (МК) *tujaγ*, др.-уйг. **tujuγ* (исходя из *tujuγ-luγ* 'имеющий копыта') (ДТС, *585*), ср.-уйг. *tujnaq*, ср.-кыпч. *tujaγ*, *tujnaq*, хорезм.-тюрк. (Наджип. ХШ) *tujnaq*, чаг. *tuwaγ*, тур. *dujnak*, турк. *tojnak*, кыпч. *tujaq*, алт. *tujγaq* 'копыто'; в отдельных языках также 'коготь, ноготь'. Архетип восстанавливается в виде **tuńa-k* (EW, *499*), **tuña:q* (ED, *519*), **tujŋak* (см., в частности: СИГТЯ Л, *147*), однако этимология в указ. источниках не приводится.

Скорее всего, названия копыта — образования от глаг. основ со значением 'лягаться' и под., которые связаны с различными подражательными основами и разнятся по языкам, а также не всегда соотносимы с названиями копыт в определенных языках: ср., в частности, *туйла-* (алт. и хак. диал.) 'встать на дыбы', чаг. *туйна-* 'лягаться' (РСл. III, *1424*, *1425*), хак. (саг.) *тугула-* 'лягаться' (РСл. III, *1432*), тув. *дывыла-* 'брыкаться', тоф. *туъпула-* 'брыкаться; подниматься на дыбы (о коне, олене)'.

Возможно, подобные глаголы содержат учащательный элемент, а названия копыт часто восходят к первообразным основам типа **туй-* (образования типа *туй-уг*, *туй-аг*, *туй-гак*), **тув-* (ср. *tuwaq*), но иногда они образованы от основ с учащательным формантом (*tujna-q*). Едва ли в подобной ситуации реальна реконструкция единого для всех основ архетипа.

Указ. выше основа типа **туй-*, думается, означала нечто вроде 'бить' и реализовалась также в кирг. *уйгу-туйгу*, характеризующем биение сердца, и, кроме того, означающем 'сумятица, переполох' (КРС,

763, 799). Производным от **туй-* могли быть и орнитонимы типа кирг. *туйгун* 'белый ястреб-тетеревятник', каз. *туйгын* 'ястреб', чаг. *туйкар* 'белый сокол'.

дуюк [дуйук] 'наглухо закрытый', **дуюка** [дуйукка] *тодж.*, **дуюкаа** [дуйуккаа] 'украдкой, тайком, втихомолку, скрытно'.

Ср. алт. диал., шор., хак. диал., чул.-тюрк., каз., чаг. *туйук* 'запертый со всех сторон, огражденный; тайный' (РСл. III, *2436*), алт. *туюк* то же, тоф. *туйук* 'закупоренный, наглухо закрытый; засоренный', *туйана* 'втихомолку, исподтишка, тихонько, тайком' и под.

В труде Э.В. Севортяна приводится только хак. диал. *туй-ук* (ср. хак. *туюх* 'замкнутый, не имеющий выхода, закрытый со всех сторон; глухой') и ккалп. *туйык* (без указания значения), которые истолкованы как прилагательные с аф. *-йук*, образованные от основы *ту-* 'закрывать' (ЭСТЯ III, *293*; см. также дуг).

А.Т. Кайдаров в каз. *туйык* 'замкнутый, молчаливый; тупик' выделяет производящую именную основу **туй* 'нечто тупое, загнутое, закрытое, замкнутое', что представляется более обоснованным. С **туй* может быть сопоставлено алт. *туй* 'сплошной'. Возможно, эти формы связаны с формой слитного деепричастия от глаг. *ту-* (см. **дуй**) *или образованы от последнего самостоятельно.*

В таком случае структура *дуюк* (*дуйук*) ~ *туйук...* может быть представлена в виде *дуй-у-к* ~ *туй-у-к..*, где *дуй* — именная основа, *-у-* — глаголообразующий аф., а *-к* — формант, образующий отглаг. имена. В структурном плане своеобразно тоф. *туй-а-н-а*, где *туй* — та же именная основа, *-а-* — глаголообразующий аф., *-н-* — залоговый аф., *-а* — формант, образующий отглаг. наречие, а первоначально, возможно, — деепричастную форму. *Дуюка* ~ *дуюкаа* имеют соответствия в соседних тюрк. языках: ср. хак. *туюхха* 'скрытно, тайно, втихомолку'; шор. и др. *туюкка* 'незаметно для других; тайно; наедине, внутри, про себя'. В.В. Радлов связывает это наречие со словом *туjук* в качестве существительного ('закрытое место, запруда; внутренность человека') (РСл. III, *1437*), соответствующего ранее рассмотренному прилагательному. Очевидно, исследователь прав, поскольку наречия довольно часто образуются от основ имен (в основном существительных) присоединением к ним аф. *-ка*, восходящего к форманту дат. падежа (см.: Щербак 1987, *17*). Долгота конечного гласного в тув. *дуюкаа* (ср. тодж. *дуюка*) — вторичная и, как это нередко бывает, возникшая на фоне предшествующего узкого гласного.

дуюка см. **дуюк**.

дуюкаа см. **дуюк**.

дувек *тодж.* 'корни сараны'.

Ср. тоф. *dübek* то же, относимое к словам неизвестного происхождения (Рассадин. Фонетика, *89*). Однако это слово, несомненно,

связано с общетюрк. *дүп ~ түп* 'дно; низ' и под. В ряде языков оно означает также 'корень' (см.: ЭСТЯ III, *318—319*; а также **дүп**).

Дувек... по-видимому, < **түп-ек*, где *-ек* — уменьшительный аф.

дувү [уъ] 'снежная пыль, поднимаемая ветром'; **дувү-далаш** [уъ-] 'торопливый, суетливый; очень быстрый'.

Ср. тоф. *төъпө ~ төъфө* 'пурга, метель, снежный буран', др.-тюрк. (МК) *tüpi* 'ветер, вьюга' (ДТС, *598*), а также его соответствия в некоторых более поздних памятниках и в части совр. тюрк. языков, в основном огуз., в формах *tipi ~ dipi*, *tüpü* и под. со значениями 'метель, пурга, буран; дождь со снегом...' (см.: СИГТЯ Л, *47—48*).

Исходная форма указ. слов (по СИГТЯ Л) — **tipi*. Считается, что она образована от глаг. *tip-* 'мести, заметать', сохранившегося в як. языке. Можно допустить для последнего вариант **tüp-*, а для праформы имени — **tüpi*. Ср. также як. диал. *түбүк*, означающее наряду с *тибиргэл* 'снежные заносы' (ДСЯС, *185*).

По Дж. Клосону, первичным значением слова является 'сильный ветер', но, думается, что в этом случае первична, скорее, семантика качественного прил. типа 'торопливый, очень быстрый' и под., которая зафиксирована, в частности, у тув. *дувү-далаш*. Последнее, по всей вероятности, по происхождению представляет собой парное слово, компоненты которого были синонимичны друг с другом. Второй из них связан со словом *далаш* 'спешный, торопливый' (см. **далаш**).

Первоначальная семантика *дувү*, по-видимому, нашла свое отражение также в производной глаг. основе (см. **дувүре-**).

дувү-далаш см. **дувү**.

дувүре-, дүүре- 'беспокоиться, тревожиться, волноваться; сновать, суетиться; заканчивать жизнь, умирать'; **дувүрел, дувүрээзин** 'тревога, беспокойство, волнение'.

Непосредственных соответствий не найдено. Можно предположить производность *дувүре-* от **дувү* 'торопливый' и под. (см. **дувү-далаш**). В таком случае *дувүре-* < **түпи-ре-*, где *-ре-* — глаголообразующий аф. На связь рассматриваемого глагола с именной основой *дувү* [дъувү] может указывать наличие у *дувүре-* варианта с фарингализацией (*дувъвүре-*), отмеченного К.А. Бичелдеем (см.: ФТЯ, *128*), но в данном случае в основном отмечено произношение в первом слоге краткого, т.е. нефарингализованного, гласного. К варианту *дувүре-* без фарингализации, естественно, восходит и двухсложная форма этой основы с вторичным долгим гласным на месте звукового комплекса *-үвү-*.

С *дувүре-* 'беспокоиться; суетиться...', по-видимому, родственны як. *түбүй-* 'тревожиться, быть беспокойным; бедствовать', *түбүк* 'забота, попечение; хлопоты, суета', хак. *тумуг* (а также *тум, төбен*

'суета, суматоха; хлопоты, заботы; сутолока, беспокойство; мятеж' (ХРИЭС, *160*), кирг. *дүбөк ~ дүмөк* 'устрашение, угроза; беда; тревожное состояние' (ср. *дүм* 'грозный, величавый вид'). Ср. такие п.-монг. *tübeg* 'беспокойство, хлопоты, заботы, труды' (см. **түвек**).

Дүвүре- (особенно в значении 'заканчивать жизнь') может быть связано с алт. *түбе-* 'бедствовать' и *түбек* 'беда, несчастье', первое из которых В.В. Радлов считал производным от *түп* 'дно' (РСл. III, *1597*), что имеет под собой основания, в особенности, если принять во внимание наличие у соответствий последнего семантики 'конец, окончание' (ЭСТЯ III, *318*; см. также **дүп**). Может быть, *дүвүре-* в указ. значении < **түп-ре-*?

В ситуации с основой *дүвүре-*, а в особенности с образованными от нее именами переплелось исконно тюрк. начало с элементами монгол. языкового влияния. Соответствия указ. основы и производных от нее имен в имеющихся источниках не прослеживаются. В тув. языке имеется сущ. *дүвүрээзин ~ дүүрээзин* 'тревога, беспокойство, волнение', где компонент *-зин* определенно указывает на наличие форманта типа *-сун...* характерного для монгол. слов. Монгольским по структуре (образование на *-л*) является морфологический вариант предыдущего слова *дүвүрел ~ дүүрел*, хотя в последнем случае вероятно также собственно тув. производное от *дүвүре-* с аф. *-л*.

дүвүрел см. **дүвүре-**.

дүвүрээзин см. **дүвүре-**.

дүг-, дүй- 'завязывать (узлом); морщить (лоб)'; **дүүш-** 'завязываться узлом; соответствовать, совпадать'; **дүүшкек** 'соответствующий чему-л.'; **дүүшкүн** 'узел'.

Общетюрк. глаг. основа; существует в вариантах *дүг- ~ дөг-*, *дүй- ~ түй-* и под. в значениях 'завязывать, связывать узлом; вязать; гнуть, вить; морщить(ся), хмуриться' и др. (ср., напр., др.-уйг. *tüg-* 'связывать, затягивать (узел); сдвигать, хмурить (брови)') (Тугушева, *377*).

Праформа рассматриваемого глагола реконструируется в виде **түг-* 'завязывать, стягивать, застегивать' (Щербак 1970, *198*). Соответствие *-г ~ -й* в глаг. основах нехарактерно для тув. языка; возможно, эти конечные согласные имеют морфологическую природу и восходят к аффиксам (именного словообразования?), а глаг. основы образованы по конверсии от несохранившихся именных: см. **дүгде-**. Ср. также як. *түм-* 'завязывать узлом, завязывать узел'. Для тув. языка, по-видимому, в большей мере характерен вариант *дүг-*: ср. явно образованные от него залоговые формы: *дүүш-* (< **дүг-үш*), *дүүшкек* и *дүүшкүн* (<*дүг-(ү)шкүн*) (значения см. выше); см. также **дүгдүн-**.

дүгде- 'по старому обычаю — договариваться о том, что мальчик и девочка, по достижению ими совершеннолетия, поженятся; свататься'; **дүгдег, дүгдээшкин** *уст.* 'договоренность о браке по достижению совершеннолетия; сватовство'.

Данные определения значений вышеприведенных слов даются в ТСТЯ. Следует отметить, что в различных источниках эти значения определяются по-разному. Так, в ТРС (1968, *185*) *дүгде-* и *дүгдег* (*дүгдээшкин*) переведены соответственно 'идти на смотрины' и 'смотрины'. Ср. *дүгде-* 'обручить' и *дүгдээшкин* 'обручение' (Гребнев, *137*; РТС, *322*). В этнографической литературе эти действия характеризуются также и как второй (после сватовства) этап свадебного цикла, когда было получено окончательное согласие девушки на брак и достигнута договоренность о сроке свадьбы (см.: Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. — М., 1969. — С. 236).

Дүгде- и *дүгдээшкин* описываются, кроме того, и как один из свадебных обрядов (согласно работе: Биче-оол С.М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев: Дис.... канд. ист. наук. — Л., 1974. — С. 74 и след.). Возможно, различия в определении содержательной стороны глаг. основы *дүгде-* и производных от нее имен отражают этнографические и диалектные различия бывших родоплеменных групп тувинцев.

Прямые соответствия рассматриваемых слов в тюрк. языках не обнаружены. Может быть, *дүгде-* и др. гомогенны с тур. *düğün* 'свадьба'; разг. 'празднество, семейное торжество по случаю обрезания', *дүйүн ~ дүн* 'праздник по случаю свадьбы или обрезания', кр.-тат. *дүгүн* 'пиршество, свадьба' (РСл. III *1802*, *1804*), чаг. *дүүн* 'свадьба'.

М. Рясянен (EW, *142*) возводил это слово к словосочетаниям *doj-gün* и *toj-kün* ('день пира'? 'день свадьбы'?), что не выглядит убедительно ни со структурно-семантической, ни с фонетической точек зрения.

Может быть, *düğün* и под. гомогенны с «древнейшим существительным, образованным аф. *-(ы)н»* от *дуг- ~ туг-* 'завязывать; связывать' и под. и означающим 'узел' (ЭСТЯ III, *308*) (см. также дүг-). Эта глаг. основа, характеризуя конкретные действия типа указ. выше, употребляется спорадически также в переносном значении 'заключать союз' (ЭСТЯ III, *307*), что можно видеть на примере тур. *düğün* и его ближайших соответствий.

Кроме вышеприведенной глаг. основы, могла существовать и соотносительная с ней именная **туг...* 'узел', существование которой допускал Э.В. Севортян (ЭСТЯ III, *307*) и от которой с помощью аф. *-де-* предположительно был образован глаг. *дуг-де-* со значением, близким тому, что отмечено для тур. *düğün*.

дүгде см. **дөө**.

дүгдег см. дүгде-.

дүгдүн- 'свертываться, съеживаться (напр., от холода); морщиться; сердиться'.

Возвратно-страдательная форма от глаг. *дүг-* 'завязывать узлом...', среди значений которого отмечено 'гнуть' (см. дүг-). Ср. также **дыгдын-**.

дүгдээшкин см. **дүгде-**.

дүгээ см. **дөө**.

дүдү- [уъ] 'плесневеть; гнить, преть'.

Ср. тоф. *дүдү-* ~ *түтү-* то же, которое отнесено к словам неизвестного происхождения. Возможно, данные глаг. основы связаны с широко распространенными глаголами, отмеченными в односложной форме (*tüt-*), но более широко — в двухсложной форме (*tüte-* ~ *titi-* и под.) со значениями 'дымить(ся); тлеть'. Наряду с глаг., встречается именная основа *tüt* 'дым' (СИГТЯ Л, *364—365*). В указ. работе для сравнения с указ. материалом привлечены единичные производные формы от *tüt* ~ *tüt-*, в числе которых тув. *düdüskek* (см. **дүдүскек**), в свою очередь сопоставляемое с *дүдү-*. Последнее, по-видимому, как и вышеприведенные двухсложные глаголы, может быть производным от *түт* 'дым'; то же следует сказать и о тоф. глаголе.

дүдүскек [уъ] синева; дымка, марево'.

Ср. тоф. *түдүскек* 'синяя дымка на горах (обычно весной в теплый день)', алт. *түгүскек* 'мгла, дымка'.

СИГТЯ Л (с. 365) включает тув. *дүдүскек* в ряд производных форм от слов *tüt* 'дым' и *tüt-* 'дымить(ся); тлеть'; ср. также др.-тюрк. каузативную форму от *tüt-* — *tütüz-* 'окуривать; воскурять, сжигать благовония' (ДТС, *602*), имеющую именной коррелят *tütüz* (ср. гаг. *tütüzlü* 'окуренный, копченый'). Тув., тоф. и алт. (в последнем, вероятно — результат регрессивной ассимиляции, судя по *түгүскек*) слово — производное, скорее, от глаг. типа *түтүз-* (< **түтүз-кек*). Возможно, в тот же ряд может быть включено уйг. *түтәк* 'туман, мгла' < *түтә-*, сравниваемые с тур. *tüt-* 'покрываться туманом' (см.: СИГТЯ Л, *35*).

дүжүк [уъ]: **дүжүк чок** 'бесполезно, не имеет смысла'.

По-видимому, монголизм, подвергшийся определенному переосмыслению. Ср. п.-монг. *tüšiγ* 'подпора, подставка, опора' / монг. *түшиг* 'опора' (< *tüši-/түших* 'опираться на что-л.; полагаться на кого-л., надеяться'), а также монг. *түшиггүй* 'не имеющий опоры'.

дүжүлге [уъ] 'престол, трон; верховная власть'.

Ср. як. *түсүлгә* 'становище, стойбище; место (обширное поле) для сбора на кумысный праздник...' (Пек. III, *2924*), *түһүлгэ* 'место для проведения ысыаха (кумысного праздника); место для спортив-

ных соревнований; пир, угощение' (ЯРС, *415*), ? диал. *түһүлгэ* 'набрюшный жировой слой у медведя' (ДСЯЯ, *253*).

Скорее всего, монголизм, претерпевший смысловые изменения, причем разного характера, в як. и тув. языках. Э.К. Пекарский сопоставлял як. *түсүлгä* с бур. *түшүлге* 'табурет для сидения лам при богослужении'. Ср. также п.-монг. *tüšilge* 'подпорка, опора; защита, прибежище; спинка (кресла), сиденье, подпорка', монг. *түшлэг* 'спинка (мебели)', калм. *түшлһн* 'опора, помощь', по-видимому, производимые от основы типа монг. *туших* 'опираться на что-л.; полагаться'. См. также **дүжүк, дүжүмет**.

дүжүлгек [үъ] 'впадина'.

Вероятно, *дүжулгек* образовано посредством аф. *-гак* от глаг. основы *дүш-* 'спускаться...' в форме медиопассива ***түш-ул-** (см. **дүш-**). Соответствий в других тюрк. языках не обнаружено. Ср. **дүжүм**.

дүжүм [үъ] 'топь, болотистое место'.

Вполне определенно можно говорить о производном, образованном от глаг. *дүш-* 'спускаться; тонуть, вязнуть' с помощью аф. *-(ү)м*. Образования с этим формантом встречаются и в других тюрк. языках, но имеют в них совершенно иные значения (см.: ЭСТЯ III, *333*). Исключение составляет тоф. *түъһүм* 'каменная осыпь, обвал с крупными камнями'. См. также **дүжүлгек**.

дүжүмет [үъ] 'чиновник; бюрократ'.

Ср. як. *түсүмäт* 'почетный, именитый', *Түсүмäл* — прозвище знаменитого шамана (Пек. III, *2925*), алт. диал. *түжүмет* 'веселый, честный, верный' (РСл. III, *1595*), др.-уйг. *түшүмäл* 'министр' (РСл. III, *1591*), алт. диал. *төжүмөт* 'умный, простого звания человек' (РСл. III, *1269*), др.-тюрк. *tüšitäl* 'прорицатель, толкователь снов' (ДТС, *600*). Соответствия последнего отмечены и в более поздних памятниках, где имеют разную трактовку как семантики, так и этимологии. Так, последнее отмечено в «Легенде об Огуз-кагане», где оно истолковано как 'кудесник, предсказатель' и считается образованием на *-мал...* от *туши- ~ тушä-* 'видеть сны' (Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. — М.; Л., 1961. — С. 108). Однако у Брокельмана и Севортяна фигурирует *tüš(i)mäl* 'доверенное лицо' < *tüš-* 'склоняться; совпадать в чем-л., с кем-л.' (АИ, *196*).

В других источниках уйг. (др.-уйг., по РСл.) *tüšimäl* 'министр' возводится к п.-монг. *tüšimel* (EW, *507*); як. *түсүмäт* (*түһүмэт*) 'почетный, именитый' также сравнивается с п.-монг. *tüšimel*, монг. *түшмэл* 'чиновник', калм. *түшмл* 'сановник' (Рассадин. МБЗ, *88*).

Н.Ф. Катанов представлял тув. слово в двух вариантах: *түжүмäт* и *түжүмäл* 'чиновник', которые сопоставлял с п.-монг. *tüšimel* (Опыт, *32*).

Бесспорно, в тюрк. языках налицо монголизм, иногда претерпевший смысловые изменения. Его основная форма близка к п.-монг. *tüšimel* и может быть осмыслена как образование на *-mel* от глаг. основы типа п.-монг. *tüši-* 'опираться на что-л., полагаться на кого-л.' (см. **дүжүк**), что однако, скорее всего, является результатом переосмысления структуры др.-тюрк. слова. Форма, подобная п.-монг. *tüšimed*, есть форма мн. ч. и означает, в частности, 'чиновники' (Санжеев. Ср. грамматика, *130*).

дүжүт [үъ] 'хлеба, урожай'.

Видимо, гомогенно со словами, представляющими собой образования от общетюрк. *түш-*...'падать, опадать; приносить пользу' и под. (см. **дүш-**) с помощью аф. *-(α)м*: *түшүм ~ түжүм*... 'сбор, урожай; доход, выручка'. Авторами «Грамматики тувинского языка» *дүжүт* истолковывается как производное от *дүш-*, являющегося соответствием указ. *түш-* (ИП, *176*).

Едва ли случайным является общность данных образований и односложной именной основы типа *tüš*, характерной в основном для памятников (в частности, др.-уйг.) и означающей 'плод, фрукт; вознаграждение, доход, процент' (см.: СИГТЯ Л, *114*). Эта основа может являться соотносительной с глаг. *түш-*, для которого именных коррелятов, кажется, не установлено.

дүй- см. **дүг-**.

дүйме- 'тревожиться, беспокоиться, волноваться'; **дүймээзин, дүймээн** 'тревога, беспокойство, волнение'.

Ср. алт. *түйме-* 'тревожиться, прийти в смятение', относимое к монголизмам и сопоставляемое, в частности, с п.-монг. *tüjibe-* то же (Рассадин. МБЗ, *28*). Таково же, очевидно, происхождение тув. *дүйме-*. Монгол. происхождение имеют и приведенные отглаг. имена. Ср. тув. *дүймээн* с алт. *түймеен* 'волнение, переполох' < п.-монг. *tüjibegen* 'волнение, беспокойство' (Там же, *24*). Сложнее обстоит дело с тув. *дүймээзин*, прямых соответствий которому в монгол. языковых материалах не обнаружено, но, судя по финали *-зин*, должно было существовать монгол. слово вроде **tüjibegesün*, отражением которого и явилось *дүймээзин*. Ср. также *дүвүрээзин* (см. **дүвүре-**).

дүймээзин см. **дүйме-**.

дүймээн см. **дүйме-**.

дүк 'волос(ы), шерсть, мех; шелуха, наружный покров зерна'.

Ср. тоф. *түк* 'волосы на теле, шерсть; перья', а также соответствия, имеющие фактически общетюрк. характер, в т.ч. др.-уйг. *tü* 'перья, волосы на теле; (ослиная) шерсть', *tük* 'волосы на теле', (МК) *tü* 'волосы на теле; масть, цвет'; ср.-уйг. *tüg* 'волосы на теле', а также другие корреляты в формах *tük ~ tüg ~ tüj* и под. со значениями 'волосы на теле, шерсть, перья пух, ворс' (СИГТЯ Л, *197—198*); ср. также каз. *түк* 'шерсть, волосяной покров; оболочка'.

Этимология отсутствует. Имеется лишь «алтайская параллель» **tujkikta* 'шкура, кожа с волосами', на основании фонетического сближения с которой реконструируется праалт. **t'ūjki-* 'шкура' (СИГТЯ Л, *198*; Дыбо, *10* (сноска 43), *337*) с неясной структурой. Ср. также: Старостин, *177*, *222*, *282*.

Едва ли можно согласиться с мнением о том, что формы с конечными *-j*, *-k* (а также *-g*) «не отражают суффиксальные образования, и все варианты объясняются фонетически» (СИГТЯ Л, *198*). Скорее всего, указ. финали восходят к аффиксам, причем ими не исчерпывается число последних. Можно привести и образования с конечным *-s*: ср. тур. *tüs* 'пушок', турк. *түйс* 'цвет', каз. *түс* 'масть, цвет, окраска, оттенок, цвет лица', ног. *түс* 'цвет, оттенок; масть', башк. *төс* 'цвет, окраска; вид (внешний)'[1]. Реальна, по всей вероятности, основа **түл* (или **түл-*?): ср. чаг. *түлә* 'птичьи перья, пух' (РСл. III, *1567*), др.-тюрк. **tülük* 'волосы, шерсть' (на основании *tülüklüg* 'покрытый волосами, шерстью'. См.: ДТС, *596*; ср. также *түлүк* 'волосы на теле' в: РСл. III, *1570*).

Можно предполагать, что исходной для указ. имен была глаг. основа **тү-* 'образовывать массу (нечто плотное, одноцветное, слабо проницаемое)': не случайны значения типа 'масть, оболочка, ворс', а также (в массе) 'волосы, шерсть, перья' и под.

О семантике данной основы в определенной мере свидетельствуют башк. *төкәп* 'впритык, вплотную', *төкә-* 'ставить, строить впритык, вплотную'.

По-видимому, др.-тюрк. варианты вроде *tü* образовались от указ. основы путем конверсии, а остальные — при помощи соответствующих аффиксов. Ср. также статьи **түмен, түзүш, түр(ү)**.

дүкпү [үъ] 'плевок; мокрота; мазок (*для микроскопического исследования*)'; **дүкпүр-** [үъ] 'плевать, выплевывать'.

Ср. тоф. *түккү* 'слюна; плевок', *түккүр-* 'плевать'. Для ряда тюрк. языков в основном характерен глаг. *түкүр- ~ түгүр-* 'плевать' и производное от него имя *түкүрүк ~ түкрүк ~ түгрүк* 'слюна' (см.: РСл. III, *1531–1532*, *1540*). Основа *дүкпү ~ түккү*, очевидно, звукоподражательного характера. Тув. *дүкпү*, вероятно, восходит к **түкү > түкку* (с последующей регрессивной диссимиляцией *кк > кп*) или представляет один из звукоподражательных вариантов указ. основы, каковые можно проследить, исходя из таких форм глаг.

[1] Возможно, реальностью были и образования на *-p*, ср.: алт. диал. *түр* 'наружность, цвет', а также (алт. диал., каз., чаг.) 'рисунок на материях, вышитое украшение, пестрые рисунки на кошме' (РСл. III, *1555*), кирг. *түр* 'вид, форма; орнамент'. В труде Кайдарова каз. *түр* 'вид, облик, форма, внешность; орнамент; цвет' сопоставлено с *түс* 'цвет, масть' и под. (Кайдаров, *290*). См. также сопоставление тюрк. форм типа *түз ~ түс*, а также *түр* с монгол. формами: п.-монг. *düri* 'вид, наружность; образ' и под. (Владимирцов. Ср. грамматика, *165*). См. также **дүржөк**.

түкүр-, как полов. *түпкүр-*, чаг. *түфкүр-*, вост.-тюрк. *түпүр-* (см.: EW, *504*).

дүкпүр- см. **дүкпү**.

дүкчү- 'запирать (закрывать) изнутри'; **дүкчүг** 'засов, крючок'.

Ср. тув.-тодж. *түкчү-* 'запирать'. Непосредственных соответствий в других тюрк. языках не обнаружено. Возможна связь с образованием типа *түгме* и его соответствий со значениями 'пуговица, застежка; женский серебряный нагрудник; дверная петля для крючка' и под. *Түгме...* производно от глаг. основы *түг-...* 'завязывать, делать петлю; застегивать; гнуть' и др. (см.: ЭСТЯ III, *307, 308*; а также **дүг-, дүй-**). Вероятно и значение 'закрывать'. Однако тув. *дүкчү- ~ түкчү-* явно интерпретируется как глаг. основа, образованная от именной ***түк* или, скорее, ***түг* с помощью аф. *-чы-*. Э.В. Севортян допускал существование именного соответствия глаг. *түг-* (в форме ***түг* *'узел') (ЭСТЯ III, *307*), что подтверждают и данные тув. языка (см. **дүгде-**).

Имя ***түг*, вероятно, обозначало не только узел, но и реалии, предназначенные для закрывания (запирания) и в нашем случае было близко по семантике тув. *дүкчүг*. Таким образом, тув.-тоф. *дүкчү- ~ түкчү- < *түг-чы-*?

дүкчүг см. **дүкчү-**.

дүл- 'опускать в котел (мясо); варить (мясо)'.

Ср. тоф. *дүл-* 'опускать мясо в котел', а также алт. *түл-* 'варить (мясо)', с.-югур. *t'ol-, tul-* 'варить, печь, жарить', ?як. ***түл-* (в составе ***түлэһэ* 'вареное мясо на поминках' (характеризуется как «старинное забытое слово». Пек. III, *2888*) (СИГТЯ Л, *364*).

По мнению М. Рясянена, тув. *дүл-* восходит к монгол. *tüli-, tüle-* 'зажигать огонь, ставить на огонь, топить печь' (EW, *142*), а в другой статье того же труда приводятся соответствия *дүл-* (но без него самого!), которые лишь сопоставляются с указ. монгол. материалом (EW, *504*; см. также: СИГТЯ Л, *364*).

Думается, что к большинству соответствий тув. *дүл-* этот материал прямого отношения не имеет: по формальным (ср. односложность глаг. основы в тюрк. языках и ее двухсложность в монгол.), а также по семантическим основаниям монгол. глаг. основа едва ли может быть прототипом того же тув. *дүл-* и, наоборот, к тюрк. глаголам не может быть, скорее всего, возведено монгол. *tüli- ~ tüle-*.

По логике вещей, исходной должна быть семантика погружения, отраженная в тув. и тоф. *дүл-* 'опускать в котел (для варки) мясо', в то время как значение варки мяса вторично. В тув. и тоф. языках сохранилась и форма возвратного залога от основы *дүл-* ***'погружать' (в воду): ср. тув. *дүлүн-* 'увязать, утопать' и тоф. *дүлүн-* 'утонуть' (Рассадин. Словарь; ТРС-РТС, *271*). С той же основой

связано, по всей вероятности, тур. *dülük* уст. 'заход солнца, закат', истолковываемое как арабизм (?) (ТурРС 1977, *253*).

В *түл-* ~ *дүл-* можно видеть архаичную тюрк. основу. Не исключено, что последняя гомогенна общетюрк. *туш-* ~ *дүш-* 'падать, тонуть' (см. **дүш-**).

В отличие от указ. глаг. основ як. *түлэһэ* (~ *түлэһи*), вероятно, действительно имеет монгол. происхождение. Судя по источнику, где зафиксировано это слово, последнее означало не только 'вареное мясо на поминках', но также и 'предмет шаманской жертвы' (Пек. III, *2888*). Возможно, это мясо сжигалось при жертвоприношении.

Если это так, то логична связь як. слова с монгол. *tüle-* 'зажигать огонь, ставить на огонь', а точнее с производным от последнего монгол. *tülesi* 'горючий материал...', что, по-видимому, допускается и в уже цитировавшейся статье СИГТЯ Л (с. 364).

дүлгүүр [уъ] 'ключ (от замка)'.

Ср. алт. *түлгүүр* 'ключ; отмычка'. Как и тув. *дүлгүүр*, оно является монгол. заимствованием. См.: Рассадин. МБЗ, *7, 23, 65.* Ср. п.-монг. *tülki-gür*, монг. *түлхүүр* 'ключ (от замка), отмычка' (считается производным от глаг. основы типа п.-монг. *tülki-* 'толкать').

дүлгээзин [уъ] 'нечистая сила; очарование, привлекательность; сильное влияние (в т.ч. дурное)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *tülkijesü(n)*, монг. *түлхээс* перен. 'толчок; подзадоривание, подстрекательство', связанные с глаг. основой типа п.-монг. *tülki-*, монг. *түлхэх* 'толкать, подталкивать'. См. **дүлгүүр**. Нет ли также связи монгол. и в особенности тув. слова с именами типа хак. *түл* 'инициатива; интерес', *төс-түлүк* 'шаманские духи' (ХРИЭС, *159—160*)?

дүлей 'глухой, тугоухий; глухой, невнятный (звук)'.

Соответствия в формах *дулек* ~ *түлей* и близких к ним отмечены в ряде тюрк. языков со значениями 'глухой; глупый' и некот. др. Квалифицируется как монголизм (EW, *503*; Рассадин. Фонетика, *177*), что вполне обосновано и с чем в целом согласен также Э.В. Севортян (ЭСТЯ III, *324—325*).

Последний склоняется к мнению о том, что решение этимологической проблемы в данном случае не столь однозначно. Он обращает внимание на то, что М. Рясянен включает в общий ряд форм, заимствованных из монг. языков, также як. *төй-* ~ *дөй-* 'глохнуть', что, как отмечал Э.В. Севортян, «фонетически весьма проблематично». Не выводится из монгол. *dülei* также ср.-кыпч. *tülāk* 'слепой' (по Абу-Хаййану), которое включено Севортяном в ряд соответствий тюрк. *дулей*... Он полагает, что як. и ср.-кыпч. слова — «производные, сложившиеся на тюрк. почве от именной основы **dü*, **dö* — возможно, монгольской» (со ссылкой на данные Рамстедта,

который, в частности, рассматривал як. и монгол. формы как гомогенные). Э.В. Севортян затем членит як. *дөй-* на компоненты **дө + й-*, а ср. -кыпч. *tülāk* — на **tü + lä + k*, что выглядит не вполне ясно (с учетом того, что семантика именных элементов не указана) и создает впечатление произвольности такого членения. Возможно, анализ вышеприведенных данных должен выглядеть иначе: см., в частности, **дүш**, **дүш-дүл**.

дүлээре- 'оглохнуть; лишиться способности соображать; очуметь, одуреть'.

По-видимому, как и предыдущее слово (см. **дүлей**), с прототипом которого связан данный глагол, последний также относится к числу монголизмов. Ср. монг. *дүлийрэх* 'глохнуть, стать глухим; быть безучастным, не реагировать'. Как и в ряде других подобных случаев, *в тув. дүлээре- по сравнению с иноязычным прототипом заметно* усилена оценочная, характеризующая семантика.

дүмбей 'темный; полный, абсолютный (о темноте); густой, мрачный, непроходимый (о лесе); отдаленный, глухой (о месте)'; *перен.* 'темный, отсталый'.

Прямых соответствий в тюрк. языках не обнаружено. По всей вероятности, тув. *дүмбей* связано с *дүм ~ түм...* рассматривающейся как усилительная частица и употребляющейся в составе сочетаний типа башк. *дөм караңғы* 'совершенно темно'(ср. тув. *дүмбей караңгы* 'полная темнота'), чув. *тӗт хура* 'черный-пречерный' и под. (см.: ИМЧЯ, *187*; а также **дунда-кара**) и имеющей, очевидно, отыменное происхождение: ср. турк. *tüm* 'темный, мрачный; мгла, мрак; тьма, темнота'. Судя по производным, подобные слова существуют в вариантах с переднерядным и заднерядным вокализмом (см., в частности: СИГТЯ Л, *33—34*) и имеют глаг. соответствия: см. сал. *tüm-* 'темнеть (о небе), окутываться мглой'.

Можно полагать, что и последние имели варианты с переднерядным вокализмом типа **түм-*. *Дүмбей* — скорее отглаг., нежели отыменное образование: *дүм-бей*; аф. *-бей* (*-бай...*) употребляется и в отглаг. именах: см., напр., *аазатпай* 'разиня' < *аазат-* 'открывать, раскрывать рот, пасть' (см. **аазат-**).

дүн 'ночь'.

Ср. тоф. *түн* 'ночь', *түннэ* 'ночью; ночь' (ТРС-РТС, *73*) и их общетюрк. соответствия типа *дүн ~ түн* (с преобладанием последнего). Это существительное — «самое основное слово для обозначения ночи в тюрк. языках», однако для огуз. языков характерен вариант типа *дүн* со значением 'вчера', что считается изменением первоначального значения наименования ночи (СИГТЯ Л, *81*).

В словаре Севортяна представлены формы со значением 'вчера', в первую очередь огузские (с начальным *д-*), причем думается, что не все эти формы гомогенны (см. **дүүн**). В этой работе предпринята

также попытка рассмотреть процесс развития значения 'вчера' из 'ночь' и, в частности, отмечено, что «в турк. [языке] обособление значения 'вчера' от 'ночь' выразилось... в том, что для 'ночь' закрепилась форма *түн* (с потерей долгого корневого гласного), для 'вчера' — форма *дүйн*» (ЭСТЯ III, *316*). Ср. также тур. *dün* 'вчера' и *tün* 'вечер, ночь'.

С.А. Старостин восстанавливает общую праформу **tün* для 'ночи' и 'вчера', указывая, что «нужно, вероятно, различать два корня: **tün* и **dün* (очевидно, соответственно со значениями 'ночь' и 'вчера'), подвергшиеся контаминации в большинстве современных языков» (Старостин, *187*). Думается, однако, что предположение о проявлении в данном случае контаминации не имеет под собой достаточных оснований.

Указ. наименования для 'ночи' и 'вчера' могут быть гомогенны и связаны друг с другом по той же логике, которой мотивируется связь в тюрк. языках между значениями 'утро' и 'завтра' (см. **даарта, эртен**).

Этимологии слово не имеет. К *түн...* 'ночь' приводятся лишь монгол. и предположительно тунг.-маньчж. параллели, а также восстанавливается исходная форма типа праалтайской (СИГТЯ Л, *81*), что не проясняет происхождения тюрк. названия ночи.

Стоит отметить, что у *түн...* 'ночь' отмечены глаг. соответствия: *түн-* 'омрачаться' (Боровков 1963, *318*), тур. *tün-* 'наступать (о вечере), вечереть; темнеть, смеркаться' (см.: Кажибеков, *195*), которые, видимо, образованы путем конверсии от имени, хотя здесь возможен и иной характер связи между глаг. и именной основами.

Отметим, что основы *түн-* и *түн* имеют близкие соответствия среди слов с твердорядным вокализмом, в числе которых *tun-* 'покрываться тучами' (СИГТЯ Л, *34*), кирг. *тун-* 'глохнуть, меркнуть; темнеть в глазах', *тунар-* 'меркнуть, темнеть', имеющие, по-видимому, и именное соответствие **тун* (см. **дунааргай**, а также **дунда-кара, дунма**).

Среди связанных, вероятно, с *түн...* мягкорядных основ можно отметить **tüt-* 'дымить(ся); покрываться туманом' (тур.) (см. **дүдүскек**). Ср. также турк. *тум* 'темный, мрачный...' и его возможное глаг. соответствие (см. **думбей**). Возможно, существовала и глаг. основа **тү-* 'покрываться тьмой, мраком; мрачнеть' и под., от которой могли быть образованы **тү-н* 'ночь' и **тү-н-* 'темнеть' (последняя из которых была залоговой формой от **тү-*), а также другие приводимые выше слова с переднерядным вокализмом.

К их числу относится и, вероятно, як. *түң* 'темный, непроглядный'. Правда, в самом названии ночи в як. языке отмечена долгота (*түүн*), но ей соответствует краткость гласного в турк. соответствии этого слова (*түн*).

Не исключено, что основа **тү-* могла быть вариантом глаг. *ту-* 'закрывать (в частности, от света)'. См. **дуг** и др.

С точки зрения структуры интересно тоф. *түннэ* 'ночью; ночь', скорее всего, связанное с формой типа др.-тюрк. *tünlε* 'ночью' (ДТС, *597*), которое в указ. плане не вполне ясно, но может быть отглагольным образованием, как, возможно, и др.-уйг. *tünčülä* 'ночью' (ДТС, *597*). См. **дүне**.

дүндүк 'дымовое отверстие в юрте'; *астрон.* 'зенит'; **дүндүүште-** 'бросать прямо вверх; пускать прямо вверх (напр., стрелу)'.

Соответствия отмечены практически во всех тюрк. языках, но в различных фонетических и, вероятно, морфологических вариантах, в числе которых *түңлүк*, *түн(н)үк* и др. Варианты, близкие тув. *дундук*, представлены в ряде языков и диалектов; основные значения — 'дымовое отверстие; отверстие в крыше (для освещения, дыма); окно; дымоход' и под.; значение 'зенит' бытует, кажется, только в тув. языке (см.: СИГТЯ Л, *506—597*).

Распространена этимология, согласно которой *түнлүк* и другие варианты возникли как результат гаплологии из *түтүнлүк* 'труба; вентиляционное отверстие' < *түтүн* 'дым', причем В.В. Радлов к той же исходной форме возводил и вариант *түндүк* (РСл. III, *1555*).

Г. Дёрфер отвергает эту этимологию, исходя из того, что старейшей (и первоначальной, как он полагает) формой является *түңлүк*, которую сложно связать с *түнлүк*, считающейся, скорее, вторичной, в чем исследователь едва ли прав.

Формы, близкие к *түтүнлүк*, существуют, но, как справедливо замечено, они не подтверждают этимологии *түтүнлүк* > *түнлүк* (СИГТЯ Л, *508*), очевидно, еще и потому, что едва ли реально представима подобная гаплология и притом в общетюрк. масштабе, хотя связь некоторых подобных форм с названием дыма, по-видимому, реальна. Это отмечено в указ. источнике применительно к сал. *tütlüx* 'дымовая труба' (при *tüt* 'дым'), где, впрочем, скорее всего, нет гаплологии.

Л.С. Левитская предполагает, что *түңлүк* восходит к *түң* (*tüŋ*) 'окно; свет', отмеченному в некоторых источниках Г. Вамбери (СИГТЯ Л, *507*), что приемлемо, хотя едва ли можно согласиться с тем, что **tüŋlik* является общей исходной формой для всех основных двухсложных наименований дымовых отверстий и подобных реалий, как это представлено в СИГТЯ (с. 506).

К этой праформе, скорее всего, несводимы варианты типа *түндүк*, которые могут быть сближены с чаг. *түн-* 'быть светлым, светить', *түнүк* 'ясный, прозрачный', *түнен* 'факел из прутьев' (РСл. III, *1548*, *1550*, *1553*). Происхождение *түн-*... неясно (как, впрочем, и *түң* 'окно; свет'). Может быть, *түн-* 'быть светлым...' — свидетельство наличия энантиосемии глаг. основы *түн-* 'темнеть'? (Ср.

также *түң* с указ. семантикой и як. *түң* 'темный, непроглядный'.) См. **дүн, дүне, дүнен.**

Исходя из сказанного, *түндүк* и его варианты, в т.ч. тув. *дүндүк*, в структурном плане могут быть истолкованы как производное от глаг. основы *түн-* 'быть светлым, светить', образованное с помощью аф. *-дүк*. Не исключено существование у данной основы именного соответствия ***түн***, семантически близкого *түң* 'окно; свет' и также могущего служить производящей основой для *түндүк*...

Тув. *дүндүк* 'зенит' получило свое значение по признаку света: когда солнце в зените, оно светит прямо в дымовое отверстие юрты.

Дүндүк входит также в состав выражения *дүндүк шаар* 'прямо вверх' и является основой глаг. *дүндүк-те-л* 'подниматься (взвиваться, взлетать) прямо вверх' и *дүндүүште-* 'бросать прямо вверх; пускать прямо вверх (напр., стрелу)'. Последний восходит, по-видимому, к ***дүндүкүште-* > ***дүндүгүште* > ***дүндүүште-**, где *дүндүк* — рассматриваемая именная основа, *-ү-* — глаголообразующий аф. На основе ***дүндүкү-**, по значению, вероятно, близкого к *дүндүүште-*, образована с помощью форманта *-ш* именная основа ***дүндүкүш***, а от нее — вторичная глаг. ***дүндүк-ү-ш-те-**.

дүндүүште- см. **дүндүк.**

дүне 'ночью; ночь'; **дүнеки** 'ночной'.

Ср. тоф. *түннэ* 'ночью; ночь' (о его возможных связях см. в статье **дүн**), а также чул.-тюрк. *түнне* 'ночью'; не исключено, что тув. *дүне* < *түннэ* (с сокращением *нн* > *н*?). Из близких соответствий можно отметить с.-югур *түн ~ түне* 'ночь' (по Малову), *t'ипе* 'ночь' (по Тенишеву). Структура *дүне* в целом неясна (см.: ИП, *418—419*).

В определенной мере это слово может быть сопоставлено с нар. *түне* 'вчера' и под., которое, как полагал Э.В. Севортян, могло быть образовано по аналогии с *ерте* 'рано' или же с помощью показателя дат. п. (ЭСТЯ III, *316*), что представляется недостаточно убедительным. Возможно, тув. *дүне*, как и с.-югур. *t'ипе*, — отглаг. производное, связанное с основой типа *түн-* 'омрачаться' или 'темнеть; вечереть' и образованное с помощью аф. *-е*. В принципе *-е* мог быть аф., образующим имя от глагола (в случае с с.-югур. *t'ипе*). Менее вероятно, что это был формант, образующий слитное деепричастие, которое первоначально означало нечто вроде 'темнея' или 'стемнев', а затем, как это бывает в подобных случаях, перешло в наречие. Ср. кирг. *түндөп* (< *түндө-*) 'ночью', восходящее к форме соединительного деепричастия.

Наличие прил. *дүнеки* 'ночной', структурно аналогичного тув. *эртенги* 'утренний' (< *эртен* 'утро'), *кежээки* 'вечерний (< *кежээ* 'вечер') свидетельствует о традиционности для *дүне* значения 'ночь'. В других тюрк. языках прилагательное, соответствующее тув. *дүне-*

ки, образуется чаще всего от *түн* 'ночь': ср. др.-тюрк. *tünki* 'ночной' и под.

дүнеки см. **дүне**.

дүнен 'ранним утром, на рассвете'.

Близких соответствий не обнаружено. Слово, возможно, связано с глаг. основой типа чаг. *түн-* 'быть светлым, светить' (см. **дүндүк**). Не исключено, что существовало и имя **түн-е*, означавшее 'раннее утро; рассвет', от которого с помощью аф. *-н* образовалось нар. *дүнен* с указ. семантикой.

дүңгү 'подвязка (для национальной мягкой обуви)'.

Ср. тоф. *düŋgü* 'ремешки у наколенников'. В.И. Рассадин справедливо считает тув. и тоф. слова монголизмами: ср. п.-монг. *tüŋge*, монг. *түнгэ*, бур. *түнгэ* 'ремешки для подвязывания ремешков сапог' (Рассадин. Фонетика, *178*).

Э.В. Севортян включает «сойотское» (по материалам М.А. Кастрена) *tüŋü* 'тесьма для обуви, чулок' в число производных от тюрк. **түү-* 'завязывать, стягивать, затягивать' (см. **дүг-**, **дүй-**), в число которых входит алт. диал. *түңме* 'пуговица' (ЭСТЯ III, *307*). На неправомерность включения *tüŋü* в этот ряд указала Л.С. Левитская, считающая также возможным отнести это слово и его тув. и тоф. соответствия к монголизмам (ЭСТЯ III, *307* — подстрочное прим.).

дүңгүр 'шаманский бубен'.

Ср. тоф. *düŋgür* 'бубен шамана', которое сопоставляется с др.-тюрк. *tüŋür* 'барабан шамана' (по данным Габэн), тув. *дүңгур* 'шаманский бубен', хак. *түүр*, алт., як. *түңүр* то же. В качестве параллелей приведены соответствия монгол. языков: п.-монг. *düŋgür* 'шаманский бубен (односторонний)', монг. *дүңгүр* 'шаманский бубен' (Рассадин. Фонетика, *178*). По мнению Н.Ф. Катанова, тув. название этого инструмента — монгол. заимствование (Опыт, *153*). М. Рясянен (EW, *505*) ограничивается тем, что приводит часть вариантов тюрк. названия шаманского бубна, среди которых отсутствует, в частности, тув. *дүңгур*.

В основе рассматриваемого слова лежит звукоподражание: ср. кирг. *дүң* — гул, сильный глухой отрывистый звук, *дүңгүр-дүңгүр* — подражание однообразным отрывистым звукам (напр., бою узбекского барабана, топоту множества конских копыт), *дүңк* — подражание резкому однократному звуку, турк. *дүңк* 'колокольчик'; подражание глухому стуку, удару, топоту, хак. диал. *түңүлä-* 'звучать, бренчать' (РСл. III, *1544*) и под.

Возможно, на основе звукоподражания *түң ~ дүң* или непосредственно от него могла образоваться глаг. основа типа **түң-ү-* или **түң-* 'издавать звук «дүң» и под.'. Возможны и варианты с начальным *д-*. Вероятно, турк. диал. *дүң-ме* 'бубенчик' и образовано от подобной глаг. основы. Иначе в ЭСТЯ III, *307*.

В др.-тюрк. *tüŋur* можно видеть глаг. (причастную) форму на *-r* от **tüŋ(ü)-* с вероятным первоначальным значением 'издающий прерывистый, глухой звук' → 'бубен'. Но возможен также непосредственный переход двухсложного варианта звукоподражания вроде кирг. *дүңгүр* в название инструмента, издающего подобный звук.

В монгол. языках мы имеем дело с вероятным тюрк. заимствованием. В то же время допустимо, что в тюрк. языках Сибири название шаманского бубна было возвратным монголизмом. Окончательное решение этого вопроса встречает затруднения.

дүңдер- 'переворачивать что-л. вверх дном; опрокидывать (напр., лодку)'.

Соответствия — *түңдер- ~ төңдер-...* 'переворачивать; опрокидывать' и под. — отмечены в ряде совр. тюрк. языков и диалектов, а также в памятниках.

Согласно ЭСТЯ, это древняя побудительная форма, образуемая с помощью аф. *-тар-* (вместо совр. *-тыр-*) от древнего глаг. *тоң ~ дөң- ~ дүң-* 'опрокидываться, перевертываться' (ЭСТЯ III, *326—327*).

дүңзе 'дунза' (*сорт табака*).

Ср. тоф. *düŋse* 'сорт трубочного табака', рассматриваемое как монголизм: ср. п.-монг. *düŋse* 'сорт табака (китайский табак для курения)', монг. *дүнс(э)н* 'трубочный табак' (Рассадин. Фонетика, *178*). Того же происхождения, очевидно, и тув. *дүңзе*, которое М. Рясянен приравнивает к калм. *duŋsə* 'сорт китайского табака', что едва ли правомерно. Отметим, что М. Рясянен указывает кит. происхождение монгол. слова (< кит. *duŋ-ze*) (EW, *142*).

дүп 'дно'.

Слово имеет общетюрк. распространенность. Ср. тоф. *дүп* 'дно, донце'; наиболее частотный вариант — *түп*; отмечены также *дуп ~ дип ~ тип* и под.). Для большинства источников характерно значение 'дно'; распространена и семантика 'низ; основание, основа; корень; происхождение...' (ЭСТЯ III, *317—318*).

Праформа слова реконструируется исследователями по-разному, хотя во всех случаях с долгим гласным, ср.: **tȳn* (~ **tīn*) (А.М. Щербак), **tü:p* (М. Рясянен), **tü:b* (Дж. Клосон), **ti:p* (для раннего периода пратюрк. языка) и **di:p* (для позднего периода, см.: СИГТЯ Л, *108—109*). Э.В. Севортян полагал, что долгота корневого гласного (восстанавливаемая исходя из турк. *дүйп*) требует обоснования (ЭСТЯ III, *318*).

Дж. Клосон (ED, *434—435*) за начальное значение слова принимает 'корень дерева или растения', на основе которого путем метафорического переноса возникают значения 'основание (сооружения), дно (напр., моря)'. Такая последовательность семантического развития выглядит несколько искусственной. Более логично ис-

ходить из семантики 'дно, низ (нижняя часть)', производными от которой являются 'корень' (нижняя часть растений), а также 'основание' (нижняя, опорная часть чего-л.). См. также **дүвек**.

Этимологии слово не имеет. Возможно, *түп ~ дүп...* гомогенно с як. *түгэх* 'дно, днище; основание чего-л.' (что допускал, в частности, М. Рясянен, см.: EW, *505*): и то и другое восходит к глаг. основе **тү-*... 'опускаться; углубляться'. **Ту-п* образовано от данной основы с помощью редкого имяобразующего аф. *-п*, а *түгэх* — с помощью варианта морфемы *-как ~ -кек*. Возможно и то, что *түгэх* < **тү-к-ек*, где *-к-* — залоговый аф. или показатель интенсива, а *-ек* — формант, образующий отглаг. имена. **Ту-п*, вероятно, родственно также глаг. основе *түш- ~ дүш-* 'падать' и под. (см. **дүш-**).

В плане сопоставления с рассматриваемым словом представляет интерес и др.-уйг. *tütrüm* 'глубокий' (Тугушева, *357*), *tütrüm terij* 'глубокий (об учении, толковании и т.п.)' (ДТС, *601*). Возможно, *tütrüm* < **tü-tür-(ü)m*, где *-tür-* — показатель каузатива.

Исходя из вышеприведенных сопоставлений праформу этимологизируемого слова следует реконструировать с огубленным гласным (**түп*), к чему, кажется, склонялся Э.В. Севортян, возражая Г. Дёрферу, реконструировавшему эту основу в виде **tīp* (ЭСТЯ III, *318*; ср.: СИГТЯ Л, *108*). Едва ли также можно уверенно говорить о наличии в данной ситуации «первичной» долготы.

дүр- 'свертывать, скатывать (напр., бумагу)'; 'сматывать (напр., нитки, веревку)'; **дүргек** [уъ] 'моток, клубок; прядь волос; сверток, пакет, рулон; клубы дыма'.

Ср. тоф. *дүр-* 'сворачивать, скручивать в рулон, в трубочку', а также другие соответствия, носящие общетюрк. характер: *дүйр- ~ дүр- ~ түр-* (преобладающая форма) со значениями 'свертывать, скатывать в трубочку; сматывать; складывать, сгибать; вертеться' и под. (ЭСТЯ III, *319—320*). В отдельных источниках отмечено также именное соответствие: ср. уйг. *түр* 'моток ниток', азерб. *дүр-дүjүн* 'спутанные узелки'.

Этимология отсутствует. Архетип глаг. основы реконструируется в форме **тӯр-* (по данным турк. и як. языков).

Э.В. Севортян обращал внимание на то, что глаг. *дүр-* не единственный, обозначающий круговое движение, а из других тюрк. глаголов к нему наиболее близок *дола-* 'обертывать; крутить, поворачивать' (ЭСТЯ III, *320*). См. также **долга-**.

Действительно, семантика кругового движения характерна для рассматриваемого глагола. Такое движение направлено на то, чтобы придать материальному объекту форму трубочки, рулона (круглых в сечении). Может быть, семантика, связанная с указ. действием, и является первоначальной для рассматриваемого глагола.

В таком случае, глаг. *түр- ~ дүр-* может быть сопоставлен с чаг. *түт-ä* 'катушка, на которую наматывают нитки' (РСл. III, *1571*) и далее с кирг. *түт-үк* 'трубка, трубочка, труба; шланг, кишка', каз. *түт-ік* 'трубка, колба' (Кайдаров, *290*) ~ *түт-үк* 'камыш, тростник; труба (вообще)' (РСл. III, *1572*).

В них явно вычленяема глаг. основа ***түт-***, семантически близкая к *түр- ~ дүр-*.

Представляется реальным, что компоненты *-т-* в ***түт-** и *-р-* в *түр- ~ дүр...* являются аффиксами побудительного залога от основы ***тү-** 'свертываться, скручиваться' или под.

Тув. *дүргек* (< *дүр-гек*) имеет соответствия в памятниках: см. др.-тюрк. (МК) *türkäk* 'сверток, узел' (ДТС, *599*), а также в нескольких совр. тюрк. языках *түргек* и под. со значениями 'сверток, клубок' и др. (ЭСТЯ III, *320*), в т.ч. и 'катушка' (алт. *түргек*) (ОРС, *163*).

дүрбү- [ұъ] 'тереть, натирать, потирать; обрабатывать рашпилем'; **дүрбүү** [ұ] 'рашпиль' (*напильник с крупной насечкой*).

Ср. др.-тюрк. *törpi- ~ törpü-* 'обтачивать', *törpig* 'терпýг, напильник', *törpigü* то же (ДТС, *581*), тур. *төрпү* 'терпуг' (die Raspel), *түрпү* 'терка, терпуг', *дөрпү* 'пила, терпуг' (РСл. III, *1259*, *1565*, *1738*), *törpü* 'напилок, напильник; терпуг', азерб. *төрпү* 'напильник', турк. *төрпи* 'рашпиль', чаг. *төрпү* 'напильник; терка', ср.-кыпч. *törpi*, башк. *төрпә* (см., в частности: EW, *495*), кирг. *түрпү* 'плоский напильник; терпуг, рашпиль; чебак (рыба); чешуя (у растений)'; каз. *түрпі* 'рашпиль; грубый; неприятный'. Рус. *терпуг* 'напильник, рашпиль'; диал. 'морской окунь' — тюркизм, возводимый к формам ***törpüγ**, ***türpüγ** (Фасмер IV, *49*).

Интересно, что глаг. основа обнаруживается лишь в тув. языке и др.-тюрк. памятниках, что указывает на ее архаичность в тув. То же можно сказать, кажется, и о тув. *дүрбүү* (ср. др.-тюрк. *törpigü*: к форме подобного типа и восходит тув. слово).

Возможно, *дүрбү- ~ törpi- ~ törpü-* родственны общетюрк. *дүрт- ~ түрт-*, у которого отмечен целый комплекс значений, из числа которых особое внимание Э.В. Севортяна привлекли 'мазать; натирать, втирать', отмеченные в др.-уйг. языке и, по-видимому, не встречающиеся после XIV в. Исследователь склонен также думать, что «указ. значение остаточное, не сохранившееся в современных языках, не считая единичных форм...» (ЭСТЯ III, *329*).

Обращает на себя внимание факт семантической общности *түрт-* и тув. *дүрбү-* 'тереть, натирать...' что едва ли случайно. Возможно, *дүрт- ~ түрт-* и *дүрбү-*... — родственные глаг. основы.

Э.В. Севортян считал, что «морфологически *дүр-т- ~ түр-т-* — побудительная форма глаг. ***дүр- ~ *түр-**» (представление о котором, как считал исследователь, можно получить по некоторым тур. диал. формам, вроде *dür-ü* 'заступ, мотыга с раздвоенным концом')

(ЭСТЯ III, *329*). Тот же глагол, возможно, входит и в состав алт. диал. *түр-муш* 'борона' (РСл. III, *1567*).

Исходная форма *дурбу-* и его др.-тюрк. соответствий — **тур-пи- ~ *тур-пу-*, где **тур-* — та же глаг. основа, что и в *дурт- ~ түрт-*, а *-п(α)-* — аф. с учащательно-усилительной семантикой.

При этом исходная глаг. основа может иметь звукоподражательную природу и общность с **тур ~ *тур* в составе як. *турулаа-* 'издавать глухой дребезжащий звук при трении или волочении...' и сходного с последним по семантике *түрүлээ-* (Харитонов, *278*).

Определенную проблему составляют различия в вокализме начальных слогов глаг. основ: для *дурт- ~ түрт-* характерен, за одним только исключением, узкий *-у-* (ЭСТЯ III, *328—329*), тогда как для соответствий тув. *дурбу-* и названий соответствующих инструментов в других тюрк. языках в большей мере характерен широкий *-ө-*. Впрочем, у форм, фиксируемых в памятниках, соответствующие буквы могли быть прочитаны и как *у*, и как *ө*, а их принятое ныне прочтение ориентировано, по-видимому, на данные огуз. языков, для которых в основном характерно *-ө-*, что пока сложно однозначно объяснить. Возможно, что этот гласный в указ. языках носит вторичный характер, тем более что, судя по приведенным выше материалам В.В. Радлова, в тур., к примеру, отмечено чередование *-ө- ~ -у-*.

Подобные колебания гласных могут быть обусловлены также предполагаемым звукоподражательным характером первичной основы рассматриваемых слов. См. также **дырба-**.

дүрбүү см. **дүрбү-**.

дүргеде- 'ускоряться; торопиться, спешить; сильно и быстро биться (о сердце и пульсе); горячиться, вспылить'.

Ср. тоф. *түргедэ-* 'делать что-л. торопливо', алт. диал. *түргеде-* 'быстро бегать' (РСл. III, *1562*).

Монголизмы. Ср. п.-монг. *türgede-* 'спешить, торопиться; быть скорым, быстрым', монг. *түргэдэх* 'быть слишком быстрым; быть чрезмерно вспыльчивым', калм. *түргдх* 'ускоряться; торопиться, спешить', бур. *түргэдэхэ* 'ускоряться, усиливаться; торопиться, спешить; вспылить, разгневаться, не выдержать (о нервах)'. См. также **дүрген**.

дүргек см. **дүр-**.

дүрген 'быстрый, скорый; вспыльчивый, горячий'.

Ср. тоф. *дурген ~ түрген* 'быстрый, скорый', як. *түргэн* 'быстрый, скорый; поспешный', алт. диал. *түргён* 'спешный, торопливый; быстро бегающий, быстрый' (РСл. III, *1562*). Монголизмы. Ср., в частности, п.-монг. *türgen* 'быстрый, торопливый; нетерпеливый; вспыльчивый...'. См.: Рассадин. Фонетика, *178*, где приводятся, кроме того, др.-тюрк. *terk*, *terkin* 'быстро, скоро; поспешно'. См. так-

же: Менгес *142*; EW, *475, 506*. Характер связи монгол. слова с этими тюрк. остается неясным. Ср., кроме того, алт. *түр* 'быстро' (ГАЯ, *279*), а также *түрчӓ* 'тотчас; скоро, почти, чуть' и их соответствия *түрчө, түрцө*, отмеченные в основном в юж.-сиб. тюрк. языках (РСл. III, *1595*), хак. *түрче* 'недолго, скоро; тотчас, немедленно; немного, чуть'. Формы типа *турчӓ* также относятся к монгол. заимствованиям (EW, *506*), что сомнительно. См. также **түр I**.

дүржок [ұъ] 'нахальный, наглый; грубый; жестокий'.

Тув. *дүржок* является формой отрицания с компонентом *-жок* (< *чок* 'нет, отсутствует'). Первоначально оно представляло собой словосочетание *дүр чок*. Первый компонент связан этимологически либо с тюрк. *түр* 'вид; форма; облик, наружность', либо с монгол. *düri/дүр* 'форма, облик, вид, очертание, фигура, цвет лица, выражение лица; взгляд, признак' (см.: ЭСТЯ III, *328*; а также **дүк**). См. также **түр II, түрү**.

Первоначально *дүржок* означало, вероятно, нечто вроде 'не имеющий (нормального) вида'. Ср. монг. *хүний дүртэй байх* 'вести себя как порядочный человек' (букв. 'быть с видом, образом человека') (МРС, *163*).

Прямого соответствия тув. *дүржок* в форме монгол. **düri üqei/*дүргүй* нами не обнаружено, хотя по своей структуре оно напоминает другие случаи освоения монгол. слов с частицей отрицания *üqei/-гүй*, заменяемой тув. *чок* 'не(т)'. См. **аргажок, амыр-соксаал чок**, а также: Рассадин. МБЗ, *61*.

дүрзү [ұъ] 'вид, внешность, образ, облик; силуэт, контур, очертания; изображение, рисунок; маска'.

Ср. алт. *түрсүн* 'наружность, вид', хак. *түрсүн* 'фигура, персона; внешний вид, физический тип, раса; облик, физиономия; телосложение; нрав, характер'. *Дүрзү, түрсүн* — монголизмы. Ср. п.-монг. *dürsün ~ dürisün* 'внешний вид, видимый образ; форма, фигура', монг. *дүрс(эн)*, калм. *дүрсн*, бур. *дүрсэ, дүрһэн* (диал.) то же. См. также **дүржок, түр I**.

дүрзүле- [ұъ] 'изображать вчерне, набрасывать, делать эскиз; иметь смутное представление, смутно представлять'; **дүрзүлел** [ұъ] 'черновое изображение, набросок, эскиз'.

Монголизмы (с определенным развитием и специализацией значений в тув. языке): п.-монг. *dürsüle-* / монг. *дүрслэх* 'изображать, уподоблять, придавать определенную форму, облик, вид; делать что-л. по образцу'; *dürsülel/дүрслэл* 'изображение'.

дүрзүлел см. **дүрзүле-**.

дүрзүнчүг [ұъ] 'грозный, страшный, ужасный'; **дүрзүнчүт-** [ұъ] 'устрашать, запугивать'.

Непосредственных соответствий в других тюрк. языках не обнаружено. В *дүрзүнчүг* можно видеть образование с редким аф. *-нчүг* от

основы, подобной *дүрзү-* (< **түрсү-*). См.: ИП, *242*, а также статью **коргунчуг**. В тоф. языке отмечен аф. *-ньчжы-*, образующий от глаг. основ глаголы со значением 'чувствовать, ощущать, испытывать какое-либо чувство' и возникший за счет слияния показателя возвратного залога *-н-* с аф. *-чжы-* (см.: Рассадин. Морфология, *242*). Соответствие аф. *-ньчжы-* можно видеть в тув. *дүрзү-н-чү-т-* — форме каузатива от **дүрзү-н-чү* - 'страшиться'. В свою очередь, **дүрзү-* < **түр-сү-*, где **түр* — именная основа, гомогенная с тюрк. *түр* 'вид, форма; облик, наружность', о которой уже шла речь (см. **дөргү, дүк, дүржок**) и которая могла приобретать оценочную, в частности пейоративную, семантику, реализуемую в составе устойчивых сочетаний вроде кирг. *түр сал-* 'принимать грозный вид', *түр көрсөт-* 'устрашать'.

Түр в значении 'грозный, страшный [вид]' реализовалось, по всей вероятности, и в основе **түр-сү* , где *-сү-* — вариант аф. *-сы-*, образующий глаголы со значением уподобления, а также с семантикой типа 'считать себя за...' (см.: Рассадин. Морфология, *239*).

Таким образом, **түр-сү-* могло первоначально означать 'уподобляться тому, кто имеет грозный вид' или 'считать себя грозным, страшным', 'становиться грозным, страшным'.

дүрзүнчүт- см. **дүрзүнчүг**.

дүрзү-хевир [үь] 'внешность; образ'.

См. **дүрзү**, **хевир**. Ср. монг. *хэлбэр дүрс* 'форма; вид'.

дүрүм 'правило, положение; закон; кодекс'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *dürim* 'форма, образец, модель; установленные правила, принятый обычай', монг. *дүрэм* 'устав; положение, правило, порядок; регламент'. Не связано ли монгол. слово с тюрк. типа башк. *йүрүм*, кирг. *жүрүм*, алт. *д'үрүм*... со значениями 'ходьба, движение; жизнь, образ жизни, биография' и под.? См.: ЭСТЯ IV, *231*.

дүрүмчү- 'узакониваться'.

Дүрүмчү- прямо связано с *дүрүм*, являющимся монгол. заимствованием и, возможно, образовано непосредственно от этого имени в тув. языке, поскольку непосредственных соответствий указ. глагола в монгол. языках не найдено. Калька рус. слова *узакониваться*?

***дүс: дүзү чок** *диал.* 'не соблюдающий порядка; недисциплинированный' (материалы П.С. Серен).

Компонент *дүзү*, очевидно, гомогенен с общетюрк. именем *дүз ~ түз*... 'прямой, ровный, гладкий; правильный, верный, истинный; правда, истина, правильность' и под. (ЭСТЯ III, *309—310*). *Дүзү* — форма принадлежности 3 л. указ. имени, соединенная с отрицанием *чок*.

дүү см. **дөө**.

дүүн 'вчера'.

Ср. тоф. *дүүн* 'вчера' и соответствия в других тюрк. языках, означающие в основном 'вчера', а в части из них — также 'ночь'. По мнению Э.В. Севортяна, слова со значением 'вчера' «происходят от *дү:н*, *dün* 'вчера', *тү:н* 'вчера; ночь' с долгим этимологическим гласным в генезисе» (далее представлены фазы развития 'вчера' ← 'ночь') (ЭСТЯ III, *316*).

Данная версия не носит всеобщего характера. Так, для тув. и тоф. языков этимологические или «первичные» долготы не характерны, и слова, означающие 'ночь' (тув. *дүн*, *дүне* и тоф. *түн ~ түннэ*), в этих языках отличаются от *дүүн* 'вчера', хотя и считается, что последнее < **дүүн* 'ночь' (ср. як. *түүн* то же) (ИП, *418*), но это не выдерживает серьезной критики.

Там же приводится и другое толкование первоначального облика рассматриваемого слова: *дүү хүн* 'тот день' > *дүүн* 'вчера', подобно тому как *бо хүн* 'этот день' > *бөгүн...* 'сегодня'.

З.Б. Чадамба также высказала мнение о том, что тув. *дүүн* восходит к сочетанию *дүү хүн* и образовано путем выпадения интервокального согласного: *дүү хүн* > *дүүгүн* > *дүүн* (Чадамба 1974, *24*). Эта версия приводится без каких-либо комментариев, в ЭСТЯ, но она верна, хотя и нуждается в определенных уточнениях.

В связи с этим следует отметить, что в ряду соответствий слова со значением 'вчера' Э.В. Севортян в указ. труде приводил такие формы, как с.-югур. *тугын* (*t'oγun*), тур. диал. *dühün*, которые, скорее всего, не родственны формам с «первичной» долготой, но включение первых в этот ряд также никак не прокомментировано.

В СИГТЯ Л (ср. с. 79 и 81) подобные двухсложные формы уже не связываются со словом, имеющим значение 'ночь', и отмечено, что «от основы **gün* 'день' с помощью указательных местоимений образуются термины 'сегодня' и 'вчера'». В первом случае это сочетание с местоимением **bu* 'этот'. «Второй случай отмечен в тув. *dü:n* (< **digün*) 'вчера', с.-югур. *tuγən* 'вчера'» (СИГТЯ Л, *79*). Однако не уточнено, какое указ. местоимение имеется в виду.

А.М. Щербак писал об указ. частицах *те ~ ти ~ де ~ ти* ... и *ту ~ тү ~ ду ~ дү ~ тө*, которые, как он предполагал, являются одним из компонентов указ. мест. *теги* (см. **дөө**; ср. также *дүү*). Видимо, одна из этих указ. частиц (или местоимений?) и составила первый компонент исходной формы тув. *дүүн* и близких ему слов других тюрк. языков, хотя едва ли этот архетип может быть реконструирован столь определенно в отношении его первого компонента, как это сделано в СИГТЯ Л.

дүүрге 'дробовик'.

Ср. тоф. *дүүрһэ ~ түүрһэ* 'дробовое ружье, дробовик' (ТРС-РТС, *22, 146*). В.И. Рассадин возводит тоф. слово, как и як. *туурка* 'короткий дробовик', к рус. *турка* 'короткий широкодульный дробовик'

(Рассадин. Фонетика, *178*). К тому же прототипу восходит и тув. *дүүрге*.

В свою очередь, рус. *турка* В.И. Даль связывал со словом *турок* и под. (Даль 4, *874*). По-видимому, здесь имелась в виду просторечная и устаревшая форма этого слова (*турка*). Интересно отметить, что в хак. языке бытуют как *түрке* 'турок', так и *түрке мылтых* 'турка, пистонное ружье, дробовик' (ХРИЭС, *160*). Первое наименование и соответствующий компонент второго (при *мылтых* 'ружье') — рус. заимствования.

дүүре- см. **дувүре-**.

дүүртен см. **дөөн** I.

дүүш- см. **дүг-**.

дүүшкек см. **дүг-**.

дүүшкүн см. **дүг-**.

дүш- [ъ] 'спускаться, слезать; сходить; падать; тонуть; утопать, вязнуть; опадать; наступать, начинаться'.

Слово имеет соответствия общетюрк. характера (см.: ЭСТЯ III, *330—332*) в формах *түш-* (наиболее распространенная), *дүш-* и др. Наиболее распространенные значения — 'падать, валиться, обрушиваться; впадать (во что-л.); тонуть, утопать' и т.п., характеризующие действия, зачастую быстрые, внезапные, тотальные, необратимые; ср. также семантику типа 'бросать, нападать; ударять'. Этимология отсутствует.

Исходя из подобных значений можно реально истолковать рассматриваемую глаг. основу как членимую на **ту-* 'опускаться; углубляться' (см. **дүп**) + *-ш-* — аф., имевший учащательную и/или интенсифицирующую семантику (о нем см.: АГ, *355—356*), которая явно ощущается в указ. выше значениях. У глаг. *түш-...* как видно, сохраняются и первоначальные значения (неинтенсивного характера) типа 'опускаться, спускаться; слезать, сходить' и под.

дүш 'сновидение, сон'; **дүш-дүл** *собир.* 'сновидения, сны'.

Соответствия тув. *дүш* отмечены в основной части тюрк. языков (*дүш ~ түш...*); в некоторых из них фигурирует форма типа *түл* (более характерная для памятников). Значения *түш...* и *түл...*— 'сон; сновидение', иногда 'грезы, мечта' и под. Тув. *дүш-түл* в ЭСТЯ отсутствует.

Следует отметить, что этому слову в хак. языке соответствует *тус-тул*, означающее 'фантазия, мечта, утопия; сновидение; предзнаменование'. При этом *тул* в качестве самостоятельного слова имеет значения 'явь' (противоположное 'сну'!) и 'подсознательное восприятие' (в определенной мере близкое значению 'сон') (ХРИЭС, *159*).

Как отмечал Э.В. Севортян, «форма *тул* вновь подтверждает ... чередование *ш ~ л* в качестве явления межтюрк. порядка, выходящего за рамки чувашского языка» (ЭСТЯ III, *323*). Корневой гласный

считается этимологически долгим как в *туш..*, так и в *тул*. Реальным был, по-видимому, соотносительный с *туш...* глагол (см.: ЭСТЯ III, *323—324*; Кажибеков, *196*).

Э.В. Севортян склонялся к принятию версии В. Банга, рассматривавшего *туш...* и *тул* как образования соответственно с аф. *-ш* (**ту-ш*) и *-л* (**ту-л*), связанные с производящей основой **ту-* (вероятно, глагольной), семантика которой при этом остается нераскрытой.

Существуют и алтаистические сближения *туш...* (см.: ЭСТЯ III, *324*), совр. модификацией которых является версия о праалт. **t'ŏlki* 'вещий сон' при тунг.-маньчж. **tolkin* 'сновидение', монгол. **tölgü* 'предсказание' и тюрк. **Tüš* 'сновидение', причем конечный *-š* в тюрк. слове рассматривается как результат изменения праалт. **lki* (см.: Дыбо, *15, 46*). При этом сближении, как и в ряде других, подобных ему, реальная этимология остается непроясненной, и соответствующая версия подвергается критике.

Отмечается, что тюрк. название сна не имеет отношения к монгол. *tölgü* и под., а тунг.-маньчж. **tolki-* 'видеть во сне', **tolki-n* 'сон' считаются заимствованными из тюрк. языка (Старостин, *145*). В то же время едва ли приемлемо сближение указ. названия со словами, обозначающими ночь в японском и тунг.-маньчж. языках (Там же, *97, 276*).

Может быть, рассматриваемые наименования сна и сновидений гомогенны с ранее рассмотренным глаг. *туш- ~ дүш-* (< **ту-* 'опускаться...') (см. **дүш-**) и образованы от той же реконструированной основы при помощи аф. *-ш* (*ту-ш*) и *-л* (*ту-л*). Во всяком случае, стоит отметить, что у соответствий указ. глагола зафиксированы значения, связанные с покоем и отдыхом, типа 'стихать, ослабевать, успокаиваться; останавливаться на ночлег; отдыхать' (ЭСТЯ III, *331—332*).

Вполне допустимо, что подобная семантика была присуща и основе **ту-*. Этимологическая долгота, устанавливаемая для **туш* и *тул*, могла быть вторичной и возникнуть перед слабым *-ш* и сверхслабым (сонантом) *-л*. Слабый конечный отмечен, напр., в тоф. *dùš* 'сон, сновидение' (Рассадин. Фонетика, *178*).

Дул как компонент тув. *дүш-дүл* может иметь др.-уйг. происхождение с учетом того, что *tül* характерно именно для соответствующих письменных памятников (см., в частности: ДТС, *596*; Тугушева, *376*) и что влияние др.-уйг. языка отразилось в тув.

дүш-дүл см. **дүш**.

дүшкүүре- [үъ] 'становиться тревожным, напряженным', **дүшкүүрел** [үъ] 'напряженность, напряжение'; **дүшкүүрлен-** [үъ] 'становиться напряженным (напр., о международном положении)'; **дүшкүүрлүг** [үъ] 'напряженный'.

Монголизмы и образования на их основе. Ср. п.-монг. *tügšigür* /монг. *түгшүүр* 'тревога, беспокойство'(< *tügši- /түгших* 'беспокоиться, тревожиться'), а также монг. *түгшүүрт ~ түгшүүртэй* 'тревожный, беспокойный; напряженный'. В *дүшкүүре-* и под. отмечена метатеза согласных.

Тув. *дүшкүүрлүг* представляет собой переоформленное монг. прилагательное, приводимое выше. Непосредственного монг. соответствия тув. *дүшкүүрел* не обнаружено, но оно имеется в бур. (ср. *түгшүүрил* 'напряженность, натянутость') и, возможно, бытовало и в монг. языке. *Дүшкүүр-ле-н-* не имеет монгол. соответствий и могло быть образовано непосредственно в тув. языке.

Тув. *дүшкүүре-* 'становиться тревожным, напряженным' выглядит как образование от основы **дүшкүүр*. Его прямых соответствий в монгол. языках также не обнаружено, хотя к этому слову довольно близко п.-монг. *tügšire-* 'трепетать, дрожать, биться' (Голст. III, *184*).

дүшкүүрел см. **дүшкүүре-**.

дүшкүүрлен- см. **дүшкүүре-**.

дүшкүүрлүг см. **дүшкүүре-**.

дүш 'полдень; обеденное время'.

Ср. др.-тюрк. (МК) *tüš* 'полдень; место остановки, отдыха в полуденную жару' (ДТС, *600*), чаг. *tüš* 'полдень, когда солнце больше всего припекает'. Соответствия в форме *tüš* отмечены еще в некоторых памятниках. Из числа совр. тюрк. языков слово в большей степени сохранилось в северо-западных (кыпчакских); оно фиксируется также в кирг., алт., уйг., узб., тув. (и тоф. — *дүш*), в основном в форме *tüš* и близких к ней. Отмечается также, что оно «утеряно в современном чувашском, но заимствовано из булгарской подгруппы в венгер. *dél* 'юг'» (СИГТЯ Л, *78—79*).

Н.К. Дмитриев связывал происхождение тюрк. названия полудня с глаг. основой *түш-* 'падать' и под. (см. **дүш-**). Согласно его версии, «глагольный корень *туш-* означает не только 'слезать, падать', но и 'попадать (так сказать) в точку', что связано, между прочим, с обозначением солнцестояния или положения солнца в полдень» (Дмитриев. СТЯ, *76—77*).

Таким образом, *түш* 'полдень' рассматривается как именное соответствие указ. глаг. *туш-* (см. также: Кажибеков, *76—77*). Однако семантика типа 'попадать в точку' у последнего, насколько позволяют судить имеющиеся материалы, не зафиксирована (ЭСТЯ III, *331*).

Другой вариант этимологизации слова *түш* 'полдень', также связывающий его с глаг. *түш-* (> 'остановка' > 'время остановки') и предложенный Дж. Клосоном под влиянием народной этимологии М. Кашгарского, оценивается как «совершенно

неприемлемая этимология» (СИГТЯ Л, *79*), с чем можно согласиться.

Далее в той же работе сказано, что «для этой пратюркской основы есть внешние алтайские параллели», в числе которых приводятся монгол. **düli* 'середина (дня, ночи)', т.-ма. **dōlō* 'ясный (о небе)'. На основе этих данных реконструируется праалт. *dūl'i* 'жара, жаркий день' (по-видимому, с учетом тюрк. *түш* 'полдень', которое возводится к **dül'*) (СИГТЯ Л, *78—79*).

Эти параллели представляют собой вариацию сближений тунг.-маньчж. *dolin*, **dol-ka-* 'середина', монгол. *duli* то же, тюрк. **Tuš* 'полдень' при праалт. форме **tūl'i* 'середина' (Дыбо, *12*).

Последний ряд сближений выглядит более логичным, нежели первый, где параллель названий середины (дня или ночи) и ясного неба воспринимается как произвольная. В этом ряду неясно появление долготы в пратюрк. и праалт. формах. Ср. **түш* (**tȳш*?) 'полдень' (Щербак 1970, *198*).

Особый интерес вызывает монгол. **düli* (в первом случае) и *duli* (во втором) (ср. п.-монг. *duli ~ düli* 'половина, середина; половина дня или ночи'. Голст. III, *144*, *175*), сопоставление которого с тюрк. названием полудня, по-видимому, не лишено оснований.

С алтаистической точки зрения (наличие ламбдаизма, бóльшая длительность) к праформе ближе монгол. слово, тогда как с позиции антиалтаистики наличие тех же характеристик свидетельствует, напротив, в пользу большей древности тюрк. соответствия этого слова, которое может быть интерпретировано как тюрк. лексическое заимствование в монгол. языках.

В плане развития семантики в первом случае мы имеем дело со специализацией значения ('полдень' — частное проявление 'середины'), а во втором — наоборот, с его обобщением.

Не исключено, что прямой связи между тюрк. и монгол. словами нет. Последнее связано, скорее, с тунг.-маньчж. формами: ср. маньчж. *дулин* 'половина; середина' (*добори дулин* 'полночь', *инэңги дулин* 'полдень') и его близкие соответствия в других тунг.-маньчж. языках (ССТМЯ I, *222—223*).

Судя по указ. источнику, подобные соответствия и родственные с ними слова получили в этих языках широкое распространение, в то время как монгол. «параллели» этих слов представлены отдельными, изолированными формами, являясь, судя по этому признаку, возможными тунг.-маньчж. заимствованиями в монгол. языках. Неясно и то, как связаны друг с другом тюрк. *түш...* и тунг.-маньчж. *дулин* (и соответствия последнего) и связаны ли они вообще.

Подбор «внешних алтайских параллелей» не только не приводит к раскрытию этимологии, но и запутывает решение вопроса о происхождении слова, как это наблюдается в рассматриваемой ситуации.

Материалы тюрк. языков дают основание думать, что в основе тюрк. *түш*... 'полдень' лежит иной мотивирующий признак, нежели 'середина' или 'половина' (чего-л.). Этот признак может быть связан, в частности, с соответствующим положением солнца над землей, которое В.И. Даль определял как «высшее стояние солнца».

Возможно, с *түш* 'полдень' гомогенно як. *тус* (< **түш?*) 'самая верхушка, конусообразный верх (навершие) стога; верх счастья' (Пек. III, *2917*), а в итоге — все-таки с глаг. основой *дүш-* ~ *түш-*, о которой уже упоминалось выше и у которой в основном отмечена семантика падения, снижения.

У нее в определенной мере выражены и противоположные значения, главным образом изолированные, типа 'строиться, быть построенным' (узб.) (ЭСТЯ III, *330*). Наряду с распространенной у *дүш-*... семантикой 'слезать, соскакивать, спешиваться' встречается и 'садиться верхом' (Аманжолов, *413*), а наряду с переносными значениями 'убывать, стихать, уменьшаться, ослабевать, успокаиваться' — значения 'впадать (в страстное желание); находить на кого-л. (о шаманском наитии, вдохновении)' (ЭСТЯ III, *331*).

Возможно, указ. основа могла выражать антонимические значения (явление энантиосемии), связанные с перемещением по вертикали и нахождением на разных ее сторонах.

В *дүш- ~ түш-* 'падать...' мы выделяли исходную основу **тү-* (см. **дүш-**), которая, возможно, означала также 'подниматься прямо вверх'. В связи с этим привлекает внимание также общетюрк. именная основа *дүз ~ түз* 'ровный, гладкий, горизонтальный; равнина' и под. (см. **дүс*), означающая, кроме того, 'вертикальный; прямой, прямостоящий, стройный; лес', а также 'низменность, долина' (см.: ЭСТЯ III, *310*).

Может быть, в данном случае имела место контаминация разных основ, одна из которых обозначала выравнивание, наведение порядка (ср. также *дүз-*... 'упорядочить' и др. в ЭСТЯ III, *310—311*), а другая — с подъемом или, наоборот, понижением. Последняя, вероятно, представляла собой образование от глаг. **тү-*.

У этой основы, обозначающей подъем, поднятие, по-видимому, существовала залоговая форма *тү-р-*, где *-р-* — аф. «интенсива-каузатива» (А.Н. Кононов). С этой формой могут быть этимологически связаны алт. диал. (куманд.) *түрбе* (< **түр-ме?*) 'поднятый', шор. *түрге* 'почетное место', кирг. *түр-күк* 'средняя подпорка в юрте, подпорка, шест; опора', уйг. диал. *түркүк* 'главный столб (жилища)', а также слово *түрк* (< **түр-(ү)к*): ср. др.-тюрк. *türk* 'сильный, могучий; предельный' (в труде М. Кашгарского отмечено выражение *türk qujaš ödi* 'время самого солнцепека' или, по Кононову, 'солнце в зените', сравнимое с др.-тюрк. *tüš ödi* 'полуденное время'. См.: ДТС, *600*; Кононов. ГЯТРП, *48*).

Тюрк. *түрк* в большей степени известно как (этно)политический термин, причем считается, что «значение 'сильный, могучий' возникло как вторичное производное от первичного значения *türk* — политического термина, обозначавшего первоначально принадлежность к господствующему роду-племени» (Кононов. ГЯТРП, *48*). Скорее всего, развитие значения слова шло в обратном порядке, хотя лексическая семантика части его соответствий типа 'простой человек; неграмотный; народ, простонародье' (см.: Тенишев. Сал., *524*), по-видимому, действительно вторична по отношению к этнониму или политониму *түрк*. Ср. тур. *türk* 'тюрки из Азии, население Туркестана и Сибири, кочевники; воины, телохранители; необразованный, простой человек; поэт; красивый парень, возлюбленный' (Там же) (по последним значениям тур. *türk* сопоставимо с (МК) *türk jigit* 'молодой человек, находящийся в расцвете сил'). В тур. слове довольно причудливо соединяются явно разновременные значения.

дываажаң *рел.* 'рай'.

Монгол. или тиб. заимствование. М. Рясянен сопоставлял тув. слово с бур. *diwājaŋ*, монг. *diwājiŋ* 'рай' < тиб. *bde-ba-čan* то же (EW, *137*). Н.Н. Поппе приводил монг. слово в форме *dewājiŋ* и трактовал его как тиб. эквивалент скр. наименования рая *Sukhāwati* (Поппе Н.Н. Халха-монгольский героический эпос. — М.; Л., 1937. — С. 98—99). См. также Владимирцов. Ср. грамматика, *118, 137*; Жамбал-сурэн, *37*.

В тув. язык слово могло попасть как через монгол. посредничество, так и непосредственно из тиб. языка.

дывыла- [ыъ] 'брыкаться, становиться на дыбы, стараться сбросить седока (о необъезженной лошади); трепетать, биться (о большой рыбе); бурлить, разливаться (о воде); суетиться (о человеке)'.

Ср. тоф. *туъпула- ~ тыъпыла-* 'брыкаться, подниматься на дыбы; сбрасывать седока, вьюк (о коне, олене)', кирг. *тыпыра- ~ тыбыра-* 'трепыхаться, биться; сучить ножками (о плачущем ребенке); топать, топотать', *тыпыр-тыпыр* — звукоподражание частому и громкому топоту (главным образом конскому), ккалп. *тыпыр-тыпыр ет-* 'вырываться', каз. *тып* — подражание топоту, шевелению, дрыганию ногами, всем телом; *тыпыр* 'дрыгание, беготня, шевеление' (Кайдаров, *291*), *тыпырла-* 'дрыгать ногами, бить ногами о землю'.

Тув. *дывыла-*, тоф. *тыъпыла-* (> *туъпула-*) — по-видимому, образование от *тып* с указ. подражательной семантикой с помощью аф. *-ла-* < *тып-(ы)ла-*, где узкий гласный второго слога, по-видимому, носит протетический характер. См. также **дап I**.

дыгдын- 'подгибать ноги, подтягивать колени; становиться согнутым, неразгибающимся (о коленном суставе ног в результате болезни)'.

Непосредственного соответствия в других тюрк. языках не обнаружено. Тув. *дыгдын-* явно представляет собой форму возвратного

залога (с аф. *-дын-*) от глаг. основы **дыг-* *'сгибать(ся)' (< **тыг-*). Последняя, возможно, реализуется в кр.-тат. *тыг-ы* 'выгнутый лук, дуга' (РСл. III, *1305*). Ср. также ног. *тыгыр-* 'катить (мяч, шар)', ног. диал. *тыгыр-* 'кататься, катиться', *тыгыршык* 'диск, ободок', каз. *тыгыршык* 'колечки из кожи, надеваемые на концы палочки, которая проходит через нос верблюда и к которой привязывают поводок', а также, вероятно, кирг. *тыгырчык* 'низкого роста и плотный, коренастый, как сбитый (о человеке и животном)'. В этом материале фигурирует указ. глаг. основа, но уже в форме каузатива. Ср. также **дүгдүн-**.

дыгы- [ыъ] 'плотно (туго) набивать; проталкивать, просовывать; глотать, есть жадно'; **дыгый** 'плотный; туго набитый'.

В тюрк. языках распространен главным образом односложный вариант указ. основы (*дык- ~ тык-*...) со значениями 'совать, засовывать, вталкивать, втискивать; заполнять' и под. Тув. *дыгы-* имеет двухсложные соответствия (с конечным гласным *а*) типа *дыка- ~ тыка-* 'засовывать, запихивать, втискивать; плотно набивать' и др., характерные в основном для огуз. языков и их диалектов (ЭСТЯ III, *337—338*).

Двухсложные формы представляют собой, по Севортяну, «распространенную» основу, возводимую к *тык- ~ дык-*, но более вероятно отыменное происхождение данной основы, образованной от **тык*... с помощью аф. *-а-* и *-ы-*. Э.В. Севортян фактически приходит к тому же выводу. Об основе **тык* дают представление кбалк. *тык* 'туго набитый, тугой; плотный; тесный', алт. диал. *тык* 'полно', а также основа алт. диал. глаг. *тык-та-* 'набивать (мешок, брюхо...); затыкать...'. У **тык* имеются варианты **тый* (ср. як. *тый-ыс* 'жесткий, плотный') и, как полагал Севортян, **тыг* (ЭСТЯ III, *339*).

Предполагается, что *тык-* морфологически членимо и представляет собой глаг. *ту-* 'закрывать'... + показатель *-к-* в медиальном или усилительном значении, и «...правомерно заключить, что древнейшим корневым гласным в рассматриваемом глаголе наряду с *-ы-* является также *-у-*, не сохранившийся, однако, в старых памятниках и современных языках» (Там же).

Думается, однако, что этимологическая связь *тык-* с основой *ту-* (см. также **дут, дугла-**) не доказана, хотя она и не исключена. Членимость основы *тык-* (а также *тык*) также вполне вероятна. См. **дыка**. В тув. языке также прослеживается данная односложная основа, но в связанном виде: см. **дыкпыш**.

Производным на *-й* от *дыгы-* является прил. *дыгый* 'плотный; туго набитый'; ср. хак. *тыгый* 'плотный, тугой, густой'.

дыгый см. **дыгы-**.

дыдык см. **дыт-**.

дыдык-таар см. **дыт-**.

дыдырар- [ыъ] 'становиться кудрявым; начинать виться (о волосах)'; **дыдыраш** [ыъ] 'кудрявый, курчавый, вьющийся'.

Ср. кирг. *тытма* в словосочетании *тытма сакал* 'пышная кудрявая борода', где явно вычленяется основа **тыт-* 'виться (о волосах)'. Можно полагать, что от нее могла быть образована основа **тытыр* (> *тытыр ~ дыдыр*) 'кудрявый', а от нее — глаг. основы (*дыдыр-ар-* и *дыдыр-а-*), а от последней — прил. *дыдыр-а-ш*.

дыдыраш см. **дыдырар-**.

дыйба [ыъ] *тодж.* 'клин'.

Ср. тоф. *дыйба* 'длинная, искривленная и уплощенная на конце палка, при помощи которой отдирают надрезанную кору березы и лиственницы' (Рассадин. Словарь).

Слово, по-видимому, связано с основой образного характера. Последняя прослеживается в каз. *тыйпыл* 'ровный, гладкий', *тыйпи-* 'становиться гладеньким, плоским' < **тый* 'нечто гладкое, ровное' (Кайдаров, *291*), у которых имеются варианты с широким гласным типа **тай* 'нечто плоское' > *тайпи-* 'становиться плоским', *тайпак* 'плоский' (Кайдаров, *280*).

Вероятно и существование глаг. основы **тый-*, соотносительной с **тый ~ *тай*. В таком случае *дыйба* < *тый-п-а*, где *-п-* — усилительный аф., а *-а* — формант, образующий отглаг. имена.

дыка 'очень, весьма, сильно'; **дыкадыр** 'громко, четко'.

Ср. тоф. *дыкка ~ тыкка* 'сильно, изо всех сил; громко, вслух; очень', *тык* 'сильный, громкий; сильно, громко', *тыктан-* (< *тык-та-н-*) 'напрягаться, напрягать усилия; стараться' (Рассадин. Словарь), кирг. *тык* 'резко, сразу, вдруг; твердо, крепко', а также др.-тюрк. *tï* 'постоянно, всегда', *tï ornaγlïγ* 'прочно, крепко, устойчиво', *tïlïγ jarplïγ ornaγlïγ* 'постоянный, устойчивый' (при *ornaγlïγ* 'прочный крепкий', *jarplïγ* то же) (ДТС, *243, 371, 565, 566*), ? турк. *тыгыдан* [ты:] 'чересчур, слишком, чрезмерно; очень'.

Дыка и другие приведенные выше слова, вероятно, гомогенны с *дыгы-* 'плотно (туго) набивать' и под. (см. **дыгы-**), но характеризуются более абстрактной семантикой высокой степени проявления качества или действия.

Др.-тюрк. *tï ~ tï* могло иметь глаг. соответствие **ты-*, от которого образовано прил. (> наречие) *тык* и, возможно, гомогенные с ним слова, напр. ккалп. *дым ~ тым* 'совсем, совершенно; очень', каз. *тым* 'совсем; чересчур'; см. также **дың**.

Тоф. *тыкка...* считается одним из производных, образуемых от прилагательных с помощью аф. *-ка* (Рассадин. Морфология, *248*). Этим прилагательным, очевидно, было *тык*. Та же структура у тув. *дыка* [дыкка]. С наличием у последнего двойного (долгого) согласного *-кк-* может быть связано его отличие от *дыгы-* по характеру гласного первого слога, который является кратким (нефарингализованным).

Тув. *дыкадыр* 'громко; четко' принадлежит, очевидно, к числу наречий на *-дыр*, которые образуются в основном от глаг. основ (ИП, *426—427*). Аф. *-дыр* может присоединяться и к основам некоторых прилагательных (и наречий), что, возможно, имело место и в случае с *дыкадыр*.

дыкадыр см. **дыка**.

дыкпыш [ыъ] 'тесный'.

По-видимому, гомогенно с *дыгы-* 'плотно (туго) набивать...' (см. **дыгы-**) и *дыгы-ш* 'плотный, туго набитый; сплошной', но *дыкпыш* образовано от односложного варианта указ. глаг. основы, имеющего общетюрк. распространение (см.: ЭСТЯ III, *337—338*). Тув. *дыкпыш* восходит, думается, к **тык-мыш*. Производные на *-мыш* в тув. языке редки, и *дыкпыш* принадлежит в нем к числу архаизмов, хотя и имеет структурную параллель: см. **дакпыш**.

дыл *анат.* 'язык'; 'язык, речь'.

Слово имеет соответствия общетюрк. характера (*дил ~ тил ~ тыл...*) 'язык (орган); язык, речь' и т.п. В ЭСТЯ представлена этимология К. Брокельмана, разделяемая и другими исследователями, согласно которой тюрк. название языка < *ti-* 'говорить' + (велярное) *-l*, под влиянием которого *ti-l* > *til* (ЭСТЯ III, *229*; см. также: АИ, *193*). Интерпретация *тил...* как производного от глагола говорения в варианте с узким гласным (см. де-) представляется допустимой, но едва ли можно согласиться с предложенной интерпретацией возникновения вариантов слова с заднерядным вокализмом (*дыл ~ тыл...*).

Архетип слова в плане вокализма и консонантизма исследователями представляется по-разному: **тыл* (А.М. Щербак; у Г. Дёрфера тот же гласный, но с долготой), **тыл* // **тил* (Э.В. Севортян), **дыл ~ *дил* (Старостин, *183, 284*) и др., хотя из изложенной выше этимологической версии вытекает первичная праформа с переднерядным гласным.

Думается, реальна еще одна версия, исходящая из исходной формы **тил*, но не связанная подобно предыдущей с функцией говорения. Первичной у этого слова могла быть анатомическая семантика. Язык же как часть тела, в свою очередь, мог получить свое название по форме последней.

В таком случае **тил* допустимо связать с глаг. основой *тил- ~ дил-* 'разрезать что-л. на длинные узкие полосы, полоски; разрезать в длину (напр., кожу на ремни)' и под. (см. также: ЭСТЯ III, *230—231* и **дил-**), у которой есть и именные соответствия типа кирг. *тил* 'ломоть, ломтик'. Не исключено, что к их числу принадлежит и *тил ~ дил* 'язык (как часть тела)'.

Для указ. именной основы характерно наличие достаточно широкого круга соответствий с заднерядным вокализмом (*тыл ~ дыл*), свойственного некоторым совр. тюрк. языкам (ср. тув. и тоф. *дыл*, як.

тыл), но в большей степени — для памятников (ЭСТЯ III, *228*; СИГТЯ Л, *227–228*).

Переход *и* > *ы* в рассматриваемом слове является достаточно древним, но причины его пока не вполне ясны. Возможно, одна из них — частое употребление *тил* в качестве компонента парных слов типа др.-тюрк. *til aγïz* 'уста, язык' (*til aγïz qïl-* 'сплетничать'), *aγïz til* 'речь' (ср. тув. *аас-дыл* 'спор, ругань, перебранка; скандал, сплетни') (ДТС, *21*, *193*) и постепенное уподобление *til* по рядности компоненту *aγïz* с первоначальным значением 'рот'. Ср. также хак. диал. *тылаас* (< *тілаас*) 'новость, весть; слух, молва' (ХРС, *244*).

Указ. звуковое изменение могло быть вызвано также возможным сближением тюрк. названия языка со словами, имеющими звукоподражательную природу и характеризуемыми заднерядным вокализмом при наличии в них начального компонента **тыл* или под. Ср. як. *тылыбыра-* 'говорить безостановочно; сыпать скороговоркой (о женщинах)' ~ *тылыбыраа-* 'сыпать скороговоркой, повышая голос (о сварливой, «языкастой» женщине)' (ср.: ЯРС, *420*; Харитонов, *278*), хак. *тылбыра-* 'говорить непонятно, бормотать; говорить на чужом, непонятном языке', алт. диал. *тылбырак* 'скороговорка; [настолько быстрая речь], что ничего нельзя разобрать' (РСл. III, *1334*), кбалк. *тылбарак* 'доносчик, ябедник, сплетник', башк. диал. *тылпылда-* 'болтать', а также ? каз. *дыбырла-* 'говорить быстро, невнятно' при *дыбыр* 'быстрая, невнятная речь'.

Некоторые из подобных слов, как предполагается, являются производными от названия языка. Такое мнение высказано, напр., относительно як. *тылкыі-* 'жрать, трескать, лопать, наскоро глотать с голоду или по жадности; лакать, пить (презрительно о людях)' (Пек. III, *2940*; ср. также: Бётлингк, *555*). Однако эта основа, как, вероятно, и башк. *тылкыу* 'мять, разминать языком'; перен. 'пережевывать, много раз повторять один и тот же разговор', может быть связана с изобразительным *тылк* — подражанием глотанию (кбалк.).

Образованиями от последнего являются ног. *тылкав* 'картавый' и *тилкав* 'заика', кбалк. *тилкаў* 'заика'. (Варианты с нарушением сингармонизма — *тилкав*, *тилкау* — результат вторичного сближения с *тил* 'язык' в ног. и кбалк. языках.) Ср. также сиб.-тат. (тоб.) *тылдык* 'заика' при *тил* 'язык' (РСл. III, *1333*, *1379*). Вышеприведенные образования следует отличать от *келегей* и под. 'заика; косноязычный', являющихся монголизмами (ЭСТЯ V-1, *30*), в т.ч. и хак. *тилегей* (наряду с *килегей*).

Констатация влияния звукового облика названия языка на некоторые из указ. слов с исходными звукоподражательными основами не исключает возможности обратного влияния, результатом чего

могли быть *тыл* 'язык' и подобные ему варианты с заднерядным вокализмом.

Тюрк. *тил*... издавна сближалось с материалами тунг.-маньчж. языков, в частности с тунг. *dilgan* 'голос' и под. (см.: ЭСТЯ III, *229*), но подобное сближение едва ли способно прояснить вопрос о происхождении тюрк. слова. Сомнительна также реконструкция его архетипа как **dilk* с опорой на тунг.-маньчж. и чув. данные (чув. *čĕlxe* 'язык') (СИГТЯ Л, *227—228*) или как **dījlk* или *dijlk* (Дыбо, *36, 47*).

дыл-домак *собир.* 'язык, речь'.

См. **дыл, домак**.

дымыра- 'течь очень слабой струей; падать мелкими каплями'.

В одном из совр. источников (см.: СИГТЯ Л, *26*) приводится тув. *дымырат-* 'моросить', являющееся формой каузатива от *дымыра-*. Оно охарактеризовано как имитативное образование, но рассматривается в изоляции от материалов других тюрк. языков, в части которых отмечена именная основа *дум ~ дым*... 'сырость; влага, испарение; капля...', имеющая глаг. соответствие *дум-*... 'погружаться в воду, тонуть...'.

Как отмечал Э.В. Севортян, «омоформы *дум* (*дым/тым*) ~ *дум-* слабо распространены в тюрк. языках (это в большей степени относится к глаг. основе, нежели к именной. — *Б. Т.*) и отмечаются не ранее, чем в чагатайских текстах» (ЭСТЯ III, *294*). Исследователь считал, что губной гласный в указ. формах, возможно, вторичный, образован под влиянием *-м*. С этим можно согласиться.

Исходная основа этих форм, думается, имитативного происхождения, и у них реальны варианты с широким гласным (см. **дамды**).

Тув. слово *дымыра-*, не отмеченное и в ЭСТЯ, может представлять собой образование на *-ра-* от **тым*: **тым-ра-* > **тым(ы)ра-*. Вероятным производным от глаг. основы типа **тымы(ы)ра-* можно считать як. диал. *тымыраат* 'ручеек' (ДСЯЯ, *254*).

дын- см. **тын-**.

дын I 'повод, поводья, вожжи; канат для привязывания плота к берегу'; *перен.* 'власть, бразды правления'.

Ср. др.-уйг. *tin* 'повод', др.-тюрк. (МК) *tin* 'узда', хак. *тін*, шор. *тин* 'повод', турк. *ди:н* 'часть свитой веревки или нитки', чув. *чĕн* 'ремень, привязь; сыромятная кожа' и некот. др. (см. ниже).

Э.В. Севортян представлял *tin* и его соответствия, из которых приведена только часть, в одной статье с *дизгин ~ тизгин* (ЭСТЯ III, *220—221*), не давая этимологии ни того, ни другого слова и не приводя доказательств их генетической общности, и в то же время указывая на то, что «строение формы *tin* не ясно и не исключена ее гетерогенность в отношении *дизгин*» (Там же).

Относительно последнего высказано соображение о том, что оно является производным от *diz-*... 'нанизывать' (СИГТЯ Л, *558*). С этим можно согласиться с учетом того, что соответствия указ. основы имеют значения 'надевать, привязывать' и под. (ЭСТЯ III, *219*), соответствующие семантике *дизгин*.

Этимология *тин*... отсутствует; исходная форма представлена не во всех источниках (отсутствует, напр., в словарях М. Рясянена и Э.В. Севортяна). По имеющимся данным, она выглядит как **tin* (СИГТЯ Л, *557*) и **di:n* (Мудрак, *21—22*). Интересно, что в последнем случае указана и первоначальная семантика 'веревка, нить для привязи', что, по-видимому, основывается на турк. *дин* 'одна часть свитой веревки или нитки' и каз. *тін* 'уток и основа (поперечные и продольные нити ткани)' и, возможно, близко к истине. Ср. также тув. *дын* 'канат...'.

Интересно отметить, что в значении 'короткий повод' употребляется тув. *муңгаш-дын* (*муңгаш* 'закрытый, глухой; образующий петлю'), с которым сопоставимо тоф. *муңгаш баа* 'повод', где *баа* — посессивная форма от *баг* 'веревка; кожаный ремень' (см. **баг**).

В свою очередь, *тин*... может быть гомогенно с *дик- ~тик-* 'шить, сшивать; соединять, скреплять; вязать, ткать', имеющим именное соответствие *дик ~ тик*, означающее 'сшитый', а также реализуемое в составе алт. диал. *тик-те-* 'зашнуровывать; шить шнуром; ловить петлей (из веревки или волос) рыбу или птицу' (РСл. III, *1350*; ЭСТЯ III, *227—228*). *Тик-* едва ли родственно *тик-* 'втыкать', как указано в ЭСТЯ. *Тик-* 'шить' можно рассматривать как форму каузатива или интенсива (**ти-к-*) от основы **ти-*, которая, возможно, означала 'соединять(ся)' или 'свивать(ся), скручивать(ся)'. От последней и могло быть образовано *тин* < **ти-н*. С *тин*... при таком истолковании его структуры и мотивирующего семантического признака сопоставимы тур. *tire* '[бумажные] нитки' (< **ti-r-e*, где **ti-* — основа, гомогенная с **ти-*, *-r-* — аф. каузатива и интенсива, а *-e* — формант, образующий отглаг. имена), чаг. *тире* 'нитки (для кружев)', с которыми, вероятно, гомогенно тур. *tirenti* 'трос (веревка) подъемного блока'.

Это образование свидетельствует о наличии глаг. основы **tire-*, соответствующей имени *tire*. С **tire-* родственны, вероятно, каз., кирг. *тирке-* 'прицеплять', уйг. *тирки-* то же, узб. *тирка-* 'прицеплять, зацеплять, сцеплять', тур. диал. *tirke-* 'привязывать друг к другу', которые связаны с основами, означающими 'подпирать' и под. (ЭСТЯ III, *238*), что, скорее всего, ошибочно.

К возможной форме пассива от той же основы *ти-* (*ти-л-*) может восходить чаг. *тиле* 'круг, колечко из крученой веревки' (РСл. III, *1381*) (< **ти-л-е*?).

Тув. *дын* — единичная и явно вторичная форма основы *тин*. Изменение характера гласного (*и* > *ы*) могло быть результатом контаминации с другими словами, напр. с *дыңзы-* 'натягиваться' (см. **дыңзы-**).

дын II 'жизнь; душа'; см. **тын**.

дынала- *тодж.* 'становиться худшим, плохим'.

Ср. тоф. *тынала-* 'вязнуть, увязать', ? шор. *тунчук-* 'нырять' (РСл. III, *1442*); ср. также тоф. *тыньчы-* 'протухать (о мясе)', др.-тюрк. *tïnčï-* < *tunčï-* 'протухать, портиться', сиб.-тат. *тунчук* 'затхлый', тат. *тынчу* 1) 'тухнуть, протухать'; 2) 'душный, затхлый, спертый'. Сюда же, возможно, относится тур. *тунджы-* 'быть удрученным' (РСл. III, *1442*).

В *тыньчы-* и подобных глаг. основах выделима именная основа (*тын* ~ **тун*) с семантикой типа 'негодный, плохой, (ис)порченный; порча' которая имеет, по-видимому, и глаг. соответствие, прослеживаемое в тув. *дынала-* (< **тын-а-ла-*). С ним могут быть связаны такие глаголы, как чаг. *дин-* 'уставать, утомляться, обессилеть' и вост.-тюрк. (чаг.?) *тын-* 'падать от усталости', которые Э.В. Севортян приводил в качестве соответствий к *тын-*... 'успокаиваться, отдыхать' (ЭСТЯ III, *341—342*), но которые, скорее всего, не относятся к их числу. Ср. также др.-тюрк. *тун-* 'погружаться в раздумье, печалиться' (Боровков 1963, *311*).

См. также **думчук- ~ дунчук-**.

дынгар- см. **тын, тынгар-**.

дың — *усилит.-ограничит. частица* 'всего только, совсем' (в сочетании с числительными типа **чаңгыс ~ чааскаан** 'единственный', **ийи** 'два', **ийилээн** 'вдвоем').

По-видимому, тув. *дың* гомогенно с распространенным в сиб.-тюрк. языках словом *тың* 'крепкий, сильный; очень, весьма' (РСл. III, *1308*), в т.ч. хак. *тың* 'крепкий, сильный, мощный; очень крепко, слишком сильно'; ср. также кирг. *тың* 'бодрый, крепкий, здоровый...'. В свою очередь, *дың* ~ *тың* связано этимологически и с другими основами: см. **дыка, дыңзы-**.

дыңгылдай 'мелодия с повтором слова «дыңгыл-дыңгыл», которой сопровождается, в частности, горловое пение'.

Слово образовано от звукоподражания: ср. др.-тюрк. *tïŋ* 'звучание; звук', тур. *тың* — звенящий звук, тат. *дың* — глухой звук. В ряде тюрк. языков имеется глаг. основа типа тур. *dıngılda-t-* 'бренчать', кирг. *тыңкылда-* 'визгливо смеяться', ккалп. *дыңылда-* 'скрипеть (о колесах)', азерб. *дангылда-* 'звенеть, греметь', *дынгылда-* 'бренчать, тренькать'. Последние два считаются образованиями на *-ылда-* (АИ, *199, 200*), хотя структура подобных основ может быть представлена иначе: как образования от **тыңыл*, распространенной формы

тың, образованные с помощью аф. *-да-*. Ср. каз. *тың* — подражание бренчанию, дребезжанию; *тыңкыл* 'треньканье, бренчание, звучание струны' (Кайдаров, *291*).

Тув. *дыңгылда-й* образовано от глаг. основы рассмотренного выше типа посредством аф. *-й*. Слово *дыңгыл* [*-дыңгыл*] — подражание звучанию музыкального инструмента дошпулура (см. **дошпулуур**).

дыңзы- 'натягиваться; усиливаться, крепчать; крепнуть, поправляться (после родов); быть трудным, тяжелым'.

Ср. тоф. *дыңзы-* 'крепчать, усиливаться'. Очевидно, тув. и тоф. глаг. основы образованы от имени *тың* 'крепкий; сильный...', отмеченного в сиб.-тюрк. языках (РСл. III, *1308*); ср. также кирг. *тың* 'бодрый, крепкий, здоровый; бойкий, ловкий, расторопный', у которого имеется также глаг. соответствие *тың-* 'оправиться, окрепнуть, приободриться, войти в силу'. В кирг. языке отмечена также глаг. основа *тыңсын-*, означающая 'воображать себя крепче, сильнее, лучше остальных' и истолковываемая как уподобительная форма от *тың* (КРС, *792*).

Тув. и тоф. *дыңзы-* структурно близки кирг. *тың-сы-н-*, поскольку также образованы с помощью глаголообразующего аф. *-зы-* со значением уподобления, который в данном случае по своей семантике близок другим аф. глаголообразования, напр. *-ы-* в сиб.-тат., алт. диал. *тың-ы-* 'сделаться крепким; усиливаться' (РСл. III, *1308*).

Этимологические связи основы *тың ~ дың* прослежены в предшествующих статьях: см. **дыка, дың**.

дыңна- 'слышать, слушать, прислушиваться'.

Ср. тоф. *дыңна- ~ тыңна-* 'слышать, слушать; служить, нести службу', а также соответствия в других тюрк. языках *тыңла- ~ дыңла- ~ диңне- ~ диңле-* и под. со значениями 'слушать; подслушивать; слышать; слушаться' и т.п., истолковываемые как производные, которые образованы при помощи аф. *-ла-* от сущ. *тың* и его соответствий в памятниках и некоторых совр. тюрк. языках, означающих 'слушание, подслушивание' и под.

Высказывается мнение, что указ. имя может восходить к кит. *t'ing* 'слушать, прислушиваться', но эта точка зрения вызывает сомнение. См.: ЭСТЯ III, *236—237*.

См. также **дыыжы**.

дыра- 'расчесывать, причесывать, чесать; очищать (какое-л. волокно или шерсть); раздергивать, теребить'.

Ср. тоф. *дыран-* 'чесаться, причесываться'. Слово имеет общетюрк. соответствия с широким гласным в первом слоге типа *дара- ~ тара-* 'чесать, расчесывать, причесывать; чесать (шерсть и т.п.)' и под. Относительно *дыра-* сказано, что «закрытый корневой гласный *-ы-* в тувинском закономерен» (ЭСТЯ III, *147—148*). Имеется в виду характерное для тув. языка соответствие вторичного *ы* в указ. пози-

ции общетюрк. *а*. В данном случае, возможно, имело место сближение тув. *дыра-* и его тоф. соответствия с основами типа *дырба-* и под. (см. **дырба-, дырбак, дыргак**).

По мнению Э.В. Севортяна, тюрк. *тара-...* образовано от имени *тар*, «однако в имеющемся материале нет данных для установления такой лексемы и ее значения» (ЭСТЯ III, *148*). Впрочем, далее приводятся алтаистические сближения с указ. тюрк. глаг. основой монг. *tar* 'волосы', произведенные (под вопросом) Г. Рамстедтом и не вызывающие возражения Севортяна (ЭСТЯ III, *148—149*), хотя и явно сомнительные, в частности, в семантическом плане.

Имеющиеся данные, по всей вероятности, вообще не позволяют говорить о существовании имени *тар*, хотя в то же время реальна односложная глаг. основа **тар-*, соотносительная с *тара-...* Она выявляется, напр., в таких образованиях, как др.-тюрк. (МК) *тарта-* 'скрести; царапать', шор. *тарба-* 'грести граблями; боронить', каз. *тарбан-* 'боронить', алт. *тарма-* 'грести (граблями)' (РСл. III, *871—873*), як. *тарбаа-* 'царапать, чесать'.

Подобные формы Э.В. Севортян считает вариантами более распространенных глаг. типа *дырма- ~ тырма-*, в которых выделяется основа *тыр-* (со значением 'скрести' и под.), а у последней существует фонетическая модификация с широким гласным (*тар-*), сопоставляемая с *тара-* 'чесать, боронить, сгребать' (ЭСТЯ III, *345—347*).

Думается, что эти глаг. основы связаны со звукоподражательными основами **тыр* и **тар*, обозначающими треск (в частности, при разрыве, раздирании чего-л.): ср. кирг. *дыр-ыл-да-* 'драть, рвать', як. *тыр-к* — подражание слабому треску, напр. рвущейся одежды, ткани, др.-тюрк. (МК) *тыр-т тыр-т* — звукоподражание треску разрываемой ткани, а также як. *тарылаа-* (< *тар*) 'издавать звук *таррр*; звонко трещать...', *тырылаа-* (< *тыр*) 'производить звук *тырррр*; заглушенно трещать...' (Харитонов, *276*, *278*) и, вероятно, тур. *tır-la-* 'царапать; цепляться, карабкаться' (иначе о нем см.: АГ, *354*; Дыбо, *311*, прим. 241).

По-видимому, односложные глаг. основы *тар-*, *тыр-* восходят непосредственно к звукоподражаниям **тар ~ тыр*, а двухсложные образованы от последних с помощью аф. *-а-* (*дара- ~ тара-*, тув. *дыра-*) или *-ы-* (ср. тур. диал. *dır-* 'скоблить, скрести, сгребать граблями колосья' в ЭСТЯ III, *317*).

дырба- 'чесать, причесывать; скрести, царапать (о мышах и т.п.); скрести, скоблить, очищать (кожу при выделке)'; **дырбак** 'ноготь, коготь'; **дыргак** 'ноготь, коготь; расческа, гребень, гребенка'; **дырмак** *диал.* 'коготь, когти'.

У *дырба-* существуют соответствия общетюрк. характера *дырма- ~ тырма-* и под. (часто в составе залоговых форм) со значениями

'царапать; скрести, скоблить; бороздить, боронить, чесать' и под. (см., в частности: ЭСТЯ III, *345—346*; Дыбо, *311—312*). Эти основы, по Севортяну, представляют собой учащательную форму с аф. *-ма-* от основы типа *тыр- ~ дыр-* (ЭСТЯ III, *346—347*; см. также: АГ, *352—355*). Тув. *дырба-*, таким образом, < **тырма-* или **дырма-*.

Соответствия тув. *дырба-к* (< *дырба-*)... также распространены достаточно широко (чаще всего в значениях 'ноготь, коготь', а также 'царапина; грабли, борона' и т.п.) (см.: ЭСТЯ III, *347—348*). Можно согласиться в целом с реконструкцией глаг. основы и производного от нее имени соответственно в формах **dīrma-* и **dīrma-k* (см.: Дыбо, *311—312*; СИГТЯ Л, *258*). Последней соответствует тув. диал. (Бай-Тайга) *дырмак* 'коготь, когти'.

Слово *дыргак* является структурно и семантически более сложным, нежели *дырбак*, хотя и родственно последнему. В других тюрк. языках тув. *дыргак* практически соответствует два слова; первое из которых означает в основном 'ноготь' и/или 'коготь', а второе — 'расческа, гребень, гребенка'. При этом одно из них характеризуется узким гласным первого слога, а другое — широким. Ср., в частности, с одной стороны, араб.-кыпч. *dīrγaq* 'птичий коготь', с.-югур. *tīrγaq* 'ноготь', шор. *tīrγaq* 'ноготь, коготь' и под., а с другой — уйг. диал., алт. диал. и др. *tarγaq* 'расческа' (см.: ЭСТЯ III, *149*; Дыбо, *324*).

Подобные различия наблюдаются иногда в одном и том же языке: ср. хак. *таргах* 'гребень, гребенка' и *тыргах* 'коготь, ноготь', чул.-тюрк. *таргак* 'расческа; околотина' (деталь ткацкого станка) и *тыргак* 'ноготь'.

Э.В. Севортян правомерно включил тув. *дыргак* со значениями 'гребень' и под. в ряд слов с подобной семантикой других тюрк. языков. Среди этих соответствий наиболее частотными являются формы *дарак ~ тарак*, характерные для совр. языков; гораздо реже встречается вариант типа *таргак*, который отмечен и в памятниках: ср. др.-тюрк. (МК) *tarγaq* 'гребешок, расческа' (ДТС, *537*).

Тюрк. *дарак ~ тарак* представляют собой образования на *-к* от *дара- ~ тара-*, означающего, в частности, 'чесать, расчесывать'. Форма *таргак* истолковывалась Э.В. Севортяном как предположительно вторичная и образовавшаяся от основы *тара-* с помощью аф. *-как* «в орудийном значении»: **тара-как* > **тарагак* > *таргак* (ЭСТЯ III, *149*), что выглядит малоубедительно, в частности, в плане изменения **тарагак* > *таргак*: исчезновение широкого гласного в подобных случаях едва ли реально.

Скорее всего, *таргак* < **тарга-к*, где **тарга-* — вариант глаг. основы **тара- ~ *дара-* и где аф. *-га-* варьирует с *-а-* в этой основе. Чередование указ. аффиксов (или вариантов аффикса), образующих

глаголы от именных или подражательных основ, наблюдается и в других случаях, см.: АГ, *242—243*; ИМЧЯ, *172*, прим. 79). Кстати, у глаг. *дара-* ~ *тара-*, образованного, по нашим данным, от звукоподражания **тар* (см. **дыра-**), вариант *тарга-* реально существует или существовал в шор. языке со значением 'чесать'. Он отмечен и в ЭСТЯ, хотя с предложенной там интерпретацией его структуры едва ли можно согласиться: *тарга-* возводится, в частности, к *тара-* + аф. учащательности или к *тараг* 'расческа' + глаголообразующий аф. *-а-* (ЭСТЯ III, *148*).

Тув. *дыргак* 'гребень, расческа' < *таргак* подобно тув. *дыра-* 'расчесывать'... < *тара*... При этом в случае с именем явно имела место контаминация названия гребенки для расчесывания волос со словом *тыргак* ~ *дыргак*, обозначающим коготь и/или ноготь и характеризуемым наличием исконного *ы* в первом слоге.

В этом слове, как это было уже отмечено в предыдущей статье, фигурирует *тыр* — узкорядный вариант звукоподражательной основы *тар*, от которого была образована глаг. основа **тырга-* 'чесать, царапать' (ср. выше *тарга-*), восстановленная Э.В. Севортяном в результате анализа хак. *тыргах* 'ноготь; коготь' (АГ, *353*). Естественно, что этот анализ может быть применен и к соответствиям указ. имени, о которых уже говорилось выше (см. также: ЭСТЯ III, *348—349*).

В некоторых современных работах по этимологии тув. *дыргак* с его соответствиями включаются в ряд таких наименований ногтя (когтя), как *tïrŋaq*, характерного для древних памятников, и *tïrnaq*, употребляемого в более поздних памятниках и ряде совр. тюрк. языков. Все эти формы рассматриваются, по-видимому, как фонетические варианты, восходящие к единой праформе **dïrŋaq* (Дыбо, *323—324*; СИГТЯ Л, *258*), хотя между ними определенно существуют структурные различия, что отмечалось, напр., Э.В. Севортяном (ЭСТЯ III, *347—349*).

Произвольным выглядит алтаистическое сближение пратюрк. **dïrŋaq* 'ноготь' с монгол. **tu*(*γu*)*raγun* 'копыто', а также восстановленная в результате его праалт. форма *tïrŋu-* 'ноготь' (Дыбо, *323, 337*).

дырбак см. **дырба-**.

дырбыл [ыъ] 'жидкий, редкий (об усах, бороде, волосах); редкий и низкий (напр., о кустарнике, траве)'.

Слово имеет также вариант с широким гласным — *дарбыл* [даърбыл]. Соответствия в других тюрк. языках не обнаружены.

Допустима этимологическая связь с образными основами, характеризующими нарушение цельности, величины, разделение, распыление чего-л. и т.п., вроде турк. *ды:р* в сочетаниях *ды:р-пытырак* (см. *ды:р-пытырак бол-* 'расходиться; разбредаться; распадаться, разлетаться, разбиваться вдребезги') или *ды:р-пытырак-лык* 'разбросан-

ность, рассеянность'); ср. также каз. *тырбий-* 'растопыриваться; расползаться' (*тырбиган шөп* 'низкая (стелющаяся) трава', *тырбык* 'низкорослый'). В каз. *тырбий-* (< *тырбый-*) вычленяется основа ***тыр*** **'нечто, связанное с деформацией' (Кайдаров,** *292*).

С указ. словом сопоставимы тат. *тырпай-* 'взъерошиваться, топорщиться' и ряд подобных глаг. основ, возводимых к праформе **Tïrpa-* 'растопырить' (см.: Дыбо, *311—312*).

В тюрк. языках фиксируются также соответствия подобных основ с широким гласным *а*, чередующимся в них с гласным *ы*: ср. тув. *дарбай-* 'растопыриваться (о пальцах, руках, ногах)', каз. *тарбий-* 'растопыриваться' (КазРС, *319*), *тарып-* 'царапать; ногами рыть землю' (РСл. III, *849*), ккалп. *тарбай-* 'растопыривать руки и ноги'. С этими глаголами, вероятно, связаны имена типа хак. *тарып* 'останки животного, изодранного волками', кирг. *тарп* 'остатки трупа', *ала тарп* 'обветшалый, истрепанный, рваный'; ср. вост.-тюрк. *тарпй* 'падаль' (РСл. III, *871*).

Приводимый выше материал имеет общность с глаг. *тарма-* 'скрести, царапать' ~ *тырма-* 'царапать, скрести; бороздить' и под. (см. **дыра-, дырба-**). Вероятно и его родство с последними. У указ. материала ощутима связь с древней глаг. основой *тар-* 'рассеивать, развеивать, разбрасывать; разделять' (см. также **дыргын**), характер которой неясен (может быть, это результат контаминации?).

Тув. *дырбы-л* ~ *дарбы-л* — вероятно, производные от основ типа ***тарп**(ы)- ~ ***тырп**(ы)- 'быть растопыренным' (или 'разорванным на части').

дыргак см. **дырба-**.

дыргын [ыъ] **1.** 'известный, прославленный'; **2.** 'повсюду, везде, повсеместно, полностью; много, множество'.

Ср. хак. *тырхын* 'сенсация; молва; примечательное событие, о котором только и говорят' (ХРИЭС, *162*). Хак. слово имеет явную смысловую связь с тув. *дыргын*, обозначая то, что становится известным и о чем, а также через посредство чего ('молва') распространяется информация.

У тув. *дыргын* ощутима связь с глаг. основой *тар-* 'распускать рассеивать; расходиться, распространяться...', отмеченной главным образом в памятниках (ЭСТЯ III, *150*). Ср также **тара-**. В *дыргын*, возможно, имел место переход *а* > *ы*, зафиксированный на материале тув. языка в ряде подобных случаев (см., в частности: ИП, *20—22*). Структурно *дыргын* (? < ***тар-кын**) при этом представляло бы собой имя, образованное от указ. основы *тар-* при помощи аф. *-кын*. О подобных образованиях см., в частности: АИ, *325* и след.

У основы *тар-* есть двухсложное соответствие *дарга-* ~ *тарка-* 'распространять(ся)' и под., рассматриваемое как образование от имени ***тар**, соответствующего *тар-*, посредством форманта *-ка-* ~

-кы- (ЭСТЯ III, *150–151*). Если допустить реальность варианта **тар-кы-*, то структура исходной формы тув. *дыргын* может быть представлена в виде **тар-кы-н* (откуда **тыркын* > *дыргын*).

При принятии указ. этимологической версии можно допустить, что хак. *тырхын* является старым тув. заимствованием, восходящим к варианту **тыркын*.

Имеющиеся данные свидетельствуют, скорее всего, в пользу образной природы основы **тар-* и о наличии у последней варианта **тыр-* (или **тыр*), что доказывается наличием прилагательного в вариантах *дарбыл*, *дырбыл* (см. **дырбыл**). См. также кирг. *тырай-* 'раскорячиться, расставить руки и ноги', *тым-тыракай* 'врассыпную', каз. *тырагай ет-* 'рассеять, разогнать' (см.: РСл. III, *1321*), як. *дырай-* 'вытягивать чересчур длинные и тонкие ноги', *дыргый-* 'распространяться, доноситься (об остром приятном запахе)' (ЯРС, *121*).

Последняя из этих основ дается также со значением 'рябить, пестреть, мелькать' и относится к числу образных глаголов як. языка, образованных с помощью аф. *-гый-* (*дыр-гый-*), однако характеристика основы при этом отсутствует (Харитонов, *234*, *288*).

Тув. *дыргын* и хак. *тырхын* могут быть связаны с исконно узкорядным вариантом основы *тар-* ~ **тар* и образованы от основы, близкой як. *дыргый-*.

дырмак см. **дырба-**.

дырыш- 'морщиться, мяться; коробиться'.

Ср. тоф. *тырыш-* то же, кирг. *тырыш-* 'корчиться, корежиться, морщиться', хак. *тырыс-* 'морщиться; образовывать складки'. В части из указ. и некоторых других языках представлены именное соответствие данной глаг. основы или производные от нее имена: кирг. *тырыш* 'морщина; морщинистый', алт. *тырыш* 'морщины (на коже)', хак. *тырыс* 'складка, морщина (на коже)', ккалп. *тырыжык* 'корявый, рябой', шор. *тырышкак* 'складка, морщина', тув. *дырышкак* 'морщинистый, в морщинах; морщина; покоробленный'. Ср. также алт. *тырыш* 'морщины на коже'; кирг. *тырык* 'шрам, рубец', определенно связанное с *тырыш-* ~ *тырыш*, и, кроме того, кирг. *тыртый-* 'морщиться', *тыртык* 'покрытый морщинами, обезображенный; перекосившийся; шрам, рубец', алт. *тыртык* 'кривой, кривобокий', тув. *тыртый-* [дыъртты] 'быть (становиться) кривым, косым', *тыртык* [дыърттык] 'кривой, косой'.

Очевидно, реальна и глаг. основа **тыры(й)-* 'делаться неровным, кривым' и под., связанная с образной основой **тыр*. *Тырыш-...* представляет собой форму совместного залога от указ. глагола. Ср. также **быржы**, **бырыш-**.

Не совсем правомерно сближение тув. *дырыш-* с глаг. основой **düjr-* 'морщить' — огуз. *dür-* (Дыбо, *36*), имеющей иные этимологические связи, см.: ЭСТЯ III, *319–320*, а также **дүр-**.

дыт- 'растрепывать; очищать, растрепывая; раздергивать'; **дыдык, дыдык-таар** 'дырявый, с отверстиями; дыра, отверстие'.

Общетюркское; отмечены варианты *дүйт- ~ тит-* (наиболее распространенный) *~ тыт-* 'трепать, теребить; рвать, разрывать; раздроблять, ломать' и под. Чередующиеся гласные *-ү- ~ -и- ~ -ы-*, как предполагается, восходят к древнедиалектным соответствиям (ЭСТЯ III, *321*).

Некоторые исследователи считают наиболее древним вариант с гласным *-ы-*: см., напр., **тыт-* 'перебирать, трепать, разрывать на части, вычесывать (шерсть)' (Щербак 1970, *197*), хотя здесь не исключено вторичное сближение с основами типа *дыр- ~ тыр-* 'драть, скрести' и под. (см. **дырба-**).

У *дыт- ~ тыт-* имелось, по-видимому, именное соответствие: ср. чаг. *tit ma tit* 'кусками, на куски', *tit wa pit* 'разбитый, разорванный, рассеянный, разбросанный; кусками, мелкими кусками; измельченный; разодранный' (Боровков 1961, *174*).

В тув. языке отмечено также имя *дыдык* 'дырявый, с отверстиями; дыра, отверстие' (ср. тоф. *тыдык* 'дырявый; дыра'), явно связанное с *дыт-*, но не вполне соотносимое с ним по своей семантике. Интересно, что в тоф. языке отмечаются две омонимичные глаг. основы: *тыт-* I 'теребить (напр., шерсть)' и *тыт-* II 'продырявливать, протыкать (что-л. тонкое)', вторая из которых по значениям непосредственно соотносится с тоф. *тыдык*, тув. *дыдык*.

Следует заметить, что в случае *тыт-* I, II мы имеем дело, скорее, с полисемией (налицо общий смысловой признак нарушения первоначальной цельности материального объекта). Следует заметить, что у отдельных соответствий глаг. *дыт-* (напр., у вост.-тюрк. *tit-*) также отмечены значения 'протыкать, продырявливать' (ЭСТЯ III, *321*).

В тув. языке, кроме *дыдык*, существует и парное слово *дыдык-таар*, семантически тождественное *дыдык* и содержащее связанный компонент *-таар*. Последний, определенно, является производным от тюрк. основы *дага- ~ тага-* и ее соответствий, имеющих довольно широкое распространение (большей частью в залоговых формах и в составе образований от указ. основы) и характеризуемых семантикой типа 'рассеяться; рваться, изнашиваться; выходить из строя' и под. (см.: ЭСТЯ III, *119—120*). Тув. *таар*, по всей вероятности, *< *тага-р*.

См. также **таар-оът**.

дыт 'лиственница'.

Соответствия отмечены в др.-тюрк. (МК) *ït* 'лиственница', алт., хак., шор., тоф. *тыт*, як. *тиит*, тат. диал. *тӗт агач* то же, сиб.-тат. *тӗт* 'сосновые дрова' (Тумашева, *209*). Праформа обычно восстанавливается в виде **tīt* (исходя из як. варианта); ср. **tït* (СИГТЯ Л,

726). У як. слова отмечены также значения 'лес на корню, дерево, лесина' (Пек. III, *2589*).

Происхождение слова неясно. В некоторых источниках этимология вообще не указывается (см.: ОСЛАЯ, *195*; а также СИГТЯ Л, где **tït* названо среди пратюрк. лексики). Преобладает мнение о том, что слово является заимствованием из уральских или конкретней угорских или самодийских языков. Ср.: Рясянен, *25* (сноска), EW, *479*, а также публикации В.Н. Топорова (Этимология. — 1965. — С. 315), Ю. Янхунена (Altaica. — Helsinki, 1977. — С. 126), Е.А. Хелимского (Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. — Омск, 1984. — С. 7) и др., но это мнение не доказано.

К.Г. Менгес, сопоставляя уральские языковые материалы с индоевропейскими (рус. *тис* и под.), реконструировал протоалт. формы **taqty ~ *tyqty ~ *tikti*, а в целом, как он полагал, название данной древесной породы «можно рассматривать как древний северно-ностратический этимон, обозначающий определенный вид хвойного дерева вроде лиственницы и тиса, а в некоторых местах можжевельника» (Менгес, *205*, *206*).

Существует и попытка включить тюрк. *тыт...* в сопоставление с материалами только алт. языков (но с иными, нежели у К.Г. Менгеса) с восстановленной праалт. формой типа **čiagda* 'лиственница' (Дыбо, *10*). Подобные реконструкции не сводимы друг с другом и достаточно сомнительны сами по себе. Кроме того, ни структура, ни семантическая мотивация указ. форм не ясны, и фактически здесь отсутствует этимологизация.

Высказано также предположение, что, в частности, тув. *дыт* «имеет древнюю общую семантику с *тут* 'дерево'». При этом имеется в виду название конкретного дерева — *тут ~ дут* 'тутовник, шелковица' (Мусаев, *207—208*). Это слово является перс. заимствованием в тюрк. языках (СИГТЯ Л, *137*), и, кроме того, едва ли между наименованиями тутовника и лиственницы существует какая-либо связь.

Не является ли все-таки тюрк. *дыт ~ тыт* собственно тюрк. по происхождению словом? Ср. як. *тиит* 'лиственница' и *титирик* 'молодая лиственница', последнее из которых О. Бётлингк (с. 558) производил от *титириэ-* 'дрожать, трястись, трепетать', что, скорее всего, является народной этимологией (ср. также: Пек. III, *2631*), як. диал. уст. *титирик дьэллик* 'кровать из лиственичных жердей' и *титирик оһох* 'камелек, забранный снаружи жердями' (ДСЯЯ, *240*).

Между *тиит* и *титирик* существует различие по характеру долготы гласного, что не является исключительным случаем, поскольку «в якутском языке... при изменении односложного слова в мно-

госложное долгота гласного первого слога может колебаться и исчезать». При этом, как отмечено, его долгота утрачивается преимущественно в словах, оканчивающихся на согласный, когда к ним присоединяются аффиксы (в частности, словообразовательные) с начальным гласным (Щербак 1970, *62*), что, возможно, имело место и в случае с *тиит* и *титирик*, второе из которых считается также уменьшительной формой от первого и даже истолковывается как соответствие тув. *тытчык* 'маленькая лиственница' (по Катанову) (см.: Антонов, *17*).

По-видимому, родственным *тиит* и *титирик* является як. *титиик* 'летний хлев для рогатого скота (в виде шалаша)'; диал. 'шалаш для временного жилья летом' (ЯРС, *386*; ДСЯЯ, *240*), обозначающее, таким образом, сооружение с основой из жердей, а первоначально, вероятно, и имевшее значение 'жердь' или под.

Возможно, название лиственницы, а именно варианта с переднерядным гласным (**тит*), гомогенно с общетюрк. *дик ~ тик* 'прямой, стоящий прямо; вертикальный, перпендикулярный' и под. и *дик- ~ тик-* 'втыкать; ставить прямо (вертикально), сажать дерево...' (ЭСТЯ III, *224–227*), где можно выделить глаг. основу **ти-* 'втыкать(ся)' (см. **диш**), означавшую также, вероятно, 'стоять прямо' или 'быть прямым (в т.ч. и о дереве, которое как бы посажено человеком)'.

От подобной основы могло быть образовано и **тит* < *ти-т* 'прямой, вертикальный' > 'прямое дерево' > 'лиственница' (= дерево, характеризуемое исключительной прямизной, ровностью ствола). Як. *титиик*, вероятно, < **тит-и-к*, где *тит* — вышеприведенная основа в ее первоначальном значении, *-и-* — глаголообразующий аф., *-к-* — имяобразующий аф. Может быть, и *титирик* — не уменьшительная форма от *тиит*, а образование со структурой, аналогичной (**тит-ир-ик*) или близкой той, что отмечена у *титиик*.

Сходный мотивирующий признак заложен в основу названий лиственницы, а также сосны в тур. и азерб. языках. Эти названия, как считается, образованы от слова, означающего 'свеча' или включают в свой состав компонент с этим значением (см.: ОСЛАЯ, *195*, *205*).

Предложенная выше этимологическая версия не согласуется с праформой тюрк. названия лиственницы, реконструируемой, как было указано выше, с заднерядным гласным *-ы-*. Ничто, думается, не свидетельствует о вторичности переднерядного вокализма в як. языке, тем более что в нем у данного названия имеются бесспорные родственные слова. Не исключено, что варианты *тит ~ тыт* отражают древнее чередование форм с соответствующими гласными. Это, возможно, чередование характеризовало варианты производящей глаг. основы (**ти- ~ *ты-*?), о чем свидетельствует аналогичность

ситуации с тюрк. словом *диш ~ тиш*, обозначающим зуб и, как явствует из сказанного, родственным **тит*.

У этого слова частью исследователей также восстанавливается праформа с гласным *-ы-*. Э.В. Севортян считал, что «можно говорить об архетипе **ти:ш* и его древнедиалектной параллели **ты:ш*» (ЭСТЯ III, *243*). Подобные варианты архетипа могут быть реконструированы и у тюрк. названия лиственницы.

дыш 1. 'покой, отдых'; 2. 'свежий, со свежими силами, отдохнувший'.

Ср. тоф. *дыш ~ тыш* 1. 'тихий, спокойный'; 2. 'тишина; отдых, покой' и др. Соответствия имеют общетюрк. характер: *дынч ~ динч ~ тынч* и под. со значениями 'покой, спокойствие, благополучие; спокойный, мирный...'. Они являются производными от глаг. основы *дын- ~ тын-* 'отдыхать', образованными с помощью аф. *-ч* и передающими значения процесса и его признака (ЭСТЯ III, *344*, а также *341—343*). В тув. языке конечный *-ш* может восходить к сочетанию *-нч* и соответствовать последнему (ср. также **сагыш**). Подобный облик соответствия *тынч...* имеют в тур. диал. *diş-lik* 'покой' и уйг. диал. *тыш* 'тихий; спокойный' (ЭСТЯ III, *344*).

дыыжы 'обладающий острым слухом (о человеке); хороший (о слухе)'.

Ср. тоф. *дыңшы* 'хорошо слышащий' (Рассадин. Словарь), а также турк. диал. *диңчи* 'слушатель', др.-тюрк. *тыңчы* (*tïŋčï*) 'шпион, лазутчик; сыщик, доносчик, осведомитель'. См. также: ЭСТЯ III, *237*.

Эти образования на *-чы* родственны глаг. основе *диңле- ~ тиңле- ~ дыңла-* 'слушать' (см. **дыңна-**) и подобно последним связаны с сущ. *тың, дың...* 'слушание, подслушивание...'.

Вероятно, в тув. *дыыжы* и тоф. *дыңшы* (а также в турк. диал. *диңчи*) сохранилась более древняя семантика слова (см. также: СИГТЯ Л, *578*). Тув. *дыыжы*, по-видимому, < *тың-чы*, где в последующем появился вставочный *-ы-* (**тың(ы)чы*). Выпадение интервокального *-ң-* дало долгий назализованный *-ы-* в *дыыжы* [дыːжы].

дыын- 'резать (о ноже); пробивать, прокалывать (о чем-л. остром); одолевать, осиливать'.

Ср. тоф. *дыын- ~ тыын-* 'резать (о коже)', хак. *тыын-* 'быть острым (напр., о лезвии ножа); резать, прорезать что-л.', алт. **тыгын-* (ср. *үлдү тыгынбас* 'сабля не берет'; ГАЯ, *281*), алт. диал. *тыгыр-* 'протыкать' (в немецк. переводе durchstossen — 'пробивать ударом') (РСл. III, *1306*).

Судя по алт. данным, первоначальный вариант рассматриваемой основы содержал интервокальный *-г-* (по всей вероятности, исконный), который отражен как *-ң-* в причастной форме на *-р* данного глагола (*дыңнып* < **тыг(ы)нып*).

В.И. Рассадин предполагал, что данное слово происходит от тюрк. *tïq-* 'вонзать, втыкать' + *-n-* — аф. возвратного залога (Рассадин. Фонетика, *179*), что вызывает сомнения как в фонетическом, так и в семантическом отношении. В частности, *г* < *к*, скорее всего, должен был сохраниться (см. **дыгы-**). Кроме того, хотя тюрк. *tïq-* (*тык-*) и имеет значение 'втыкать', но семантика типа 'резать, колоть' и под. не прослеживается в его медиально-возвратной форме: ср. *тыгын-* (< *тык-ын*) со значениями 'набивать; засовывать, затыкать; наполнять; торопливо есть' и т.п. (ЭСТЯ III, *340*).

Может быть, происхождение рассматриваемого глагола связано с именной основой вроде тур. *тыг* 'орудие с откинутым лезвием, употребляемое сапожниками, портными и седельщиками'; 'острый конец передней части лодки' (РСл. III, *1304—1305*); ср. *tığ* 'вязальная спица, игла; шило'. См. также турк. *тыг* [ты:г] 'клинок, лезвие, острие; холодное оружие'.

В.В. Радлов считал тур. слово перс. по происхождению, однако М. Рясянен уже со знаком вопроса возводил его к перс. *tiğ* 'меч' (EW, *477*), а в современных турецко-русских словарях помета о иноязычном происхождении отсутствует.

От вышеприведенного имени образованы глаг. типа тур. *тыгла-* 'колоть иглой, вводить острый инструмент; резать себе тело в религиозном экстазе' (РСл. III, *1308*), *tığla-* вонзать иглу или какой-л. другой острый предмет; колоть, прокалывать', турк. *тыгла-* 'вонзать, втыкать'.

Можно полагать, что от подобной же основы с помощью аф. *-ы-* был образован глаг. **тыг-ы-*, к залоговой форме которого (**тыг-ы-н-*) восходят тув. *дыын-* и его ближайшие соответствия.

К рассмотренному материалу, по всей вероятности, не имеет прямого отношения др.-тюрк. *tïγ-* 'притуплять, затуплять' (ДТС, *566*).

дээвиир 'потолок; крыша, кровля'.

Ср. алт. *тебүүр* 'кошма на остове юрты', а также соответствия в некоторых других тюрк. языках. «Слово заимствовано из монгол. языков» (СИГТЯ Л, *516*): *degebüri* 'войлочное покрытие верхней части юрты, состоящее из двух полукруглых кусков; покрытие крыши дома', *дээвэр* 'крыша, кровля' и под. Б.Я. Владимирцов приводил такие варианты п.-монг. слова *degebür ~ degebüri ~ degelbüri ~ degelbür*, считая более древними те, которые содержат согласный *-l-* (Владимирцов. Ср. грамматика, *239, 364*).

Судя по облику тюрк. соответствий монгол. слов, они относятся к числу поздних монголизмов.

дээди 'высший; верховный'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *degēdü* 'верхний, высший; лучший; верховный, высочайший; знатный, именитый; государь'. См. также: EW, *134*.

дээжи 'самое лучшее (из пищи); образец'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *degēji* 'часть пищи или напитка, подносимая старшим или ставившаяся перед бурханами; первая чаша вина, подносимая старшим, почетным лицам; лучшая, отборная часть', калм. *дееж* 'лучшая часть, лучший кусок; начаток (питья, еды)', монг. *дээж* 'лучшая часть, лучший кусок'. См. также: ЯМВМ, *148.*

дээк- (обмораживаться (обычно о щеках)'.

Ср. тоф. *дээк-* 'опухать при сильном обмораживании (обычно о щеках, ушах, носе)' (Рассадин. Словарь).

Можно предполагать наличие связи с глаг. основой типа *дег- ~ тег-* 'касаться...' (см. **дег-**) с учетом таких ее значений, как 'нападать, настигать; поражать, бить' и т.п. (ЭСТЯ III, *174*). Тув., тоф. *дээк-*, вероятно, < **дег-(и)к-*, где *-(и)к-* — формант, придающий глаг. основам значение интенсивности действия с оттенком медиальности (о нем см.: Рассадин. Морфология, *152—153*). Семантика интенсивности явно ощутима в тоф. глаг. *дээк-*, который, скорее всего, сохранил более древнее значение слова.

дээк 'чека; шпилька; запонка; крючок (дверной)'.

Ср. тоф. *тээк* 'палочка-чека', хак. *теек* фольк. 'столб-коновязь; застежка на путах; кобылка, подставка под струны музыкальных инструментов; псалия (удил); взвод, зарубка на самостреле; вертушка дверей, дверной засов; щеколда, шпингалет; шпенек, скрепляющий ножницы; обруч, скрепляющий туесок; стержень ручной мельницы' (ХРИЭС, *140*), алт. диал. *тэ:к ~ тегек ~ тёк* 'крюк, багор' (РСл. III, *1016*, *1030*), кирг. *тээк* 'палочка, которой застегивается петля недоуздка на шее жеребенка; дверной засов; кобылка (подставка для струн музыкального инструмента); пластинка, соединяющая путлища ловчей птицы'; каз. *тиек* 'пуговица; кобылка' (ср.: КазРС, *327*; РСл. III, *1359*).

Часть приведенных выше данных (без тув. *дээк*) дается в словаре М. Рясянена, который считает их производными от глаг. основы *täg-* 'попадать в цель, достигать' (EW, *469*), что особенно с учетом наличия у соответствий последней семантики 'задеть; зацепить' (ЭСТЯ III, *174*) представляется вполне возможным (ср. также **дег-**). Но едва ли допустимо непосредственное возведение Рясяненом к указ. основе тув. *degē* 'подсечка, крюк' (см. **дегээ**).

Соответствия рассматриваемого имени наблюдаются в монгол. языках, в т.ч. п.-монг. *tegēg* 'поперечное древко посредине рогатины на тигров; деревянный кляп, крючок у треног' (Голст. III, *93*, *98*), монг. *тээг* 'предмет, за который зацепляют что-л., зацепка; засов, щеколда', бур. *тээг* 'перекладина, поперечина; засов, щеколда; пуговица (в виде палочки, привязываемой за середину)'; диал. 'коромысло; ручка у рычага плуга'; ср. также калм. *тееглх* 'закрывать поперечной задвижкой; туго стягивать (связывать)'.

Вышеприведенные имена могут быть непосредственно связаны с монгол. глаг. *tege-* 'зацеплять крючком', который Г. Рамстедт считал родственным тюрк. *teg-* 'трогать; достигать, попадать (в цель)' (см.: ЭСТЯ III, *175*), но который мог быть и тюрк. заимствованием.

Характер связи тув. *дээк* и его тюрк. соответствий с указ. монгол. именами недостаточно ясен. Возможно, часть слов тюрк. языков — вторичные монголизмы, что по причинам, связанным с характером звуковых различий, едва ли относится, в частности, к каз. *тиек* 'пуговица'.

дээлдиген 'коршун'.

В тув. языке отмечены и другие варианты данного названия: тодж. *тейлиген*, а также *тээйлиген*, *тейилген* (по Катанову). Ср. также тоф. *тэйлиген*, алт. *тейлеген*; алт. диал. *тейлиген*, *телиген*, *теелген*, шор. *теглеген*, *теглегин*, чул.-тюрк. *tägligän*, азерб. *дигәлгән*, тат. *тилгән*, хак. *тигілген*, хак. диал. *теглиген* 'коршун', кирг. *телик* 'малый сокол-самец (плохой охотник)'; (в эпосе) 'хваткая птица', *телиген* 'малый сокол-самец...' и др.

Удовлетворительной этимологии указ. названия птиц не имеют. М. Рясянен (EW, *469*) ограничился приведением сравнительного материала (без тув. и других данных), причем не во всех случаях можно поручиться за гомогенность включенных в соответствующую статью слов.

По мнению В.И. Рассадина, *тэйлиген* (*tejligen*) принадлежит к кыпч. лексике в тоф. языке (Рассадин. Фонетика, *83*).

Э.Ф. Ишбердин сопоставляет башк. *төйләгән* 'коршун' и его многочисленные варианты (*төйләгән*, *төйөлгән*, *төйөлдө*, *тийҙегән*, *төйҙөгән*, *төйҙергән*, *төлөгән*, *дөйләгән*, *дөйөлгән*, *дилегән*) с тув. *дээлдиген* и частью слов, приводимых выше, высказывая предположение о том, что подобные названия восходят к слову *түй* 'пух; шерсть' (Вопросы башкирского языкознания. — Уфа, 1973. — С. 153).

В тюрк. языках отмечено немало слов, обозначающих хищных птиц, напоминающих по своему звуковому облику вышеприведенные наименования и характеризуемых наличием гласного *ү* (*ü*) в первом, а иногда и в последующих слогах. Ср., напр., сал. *tüle* ~ *tüli* ~ *t'ülä* 'орел, коршун', сопоставляемое с огуз. формами типа *tülü* то же, *tülügeč* 'ястреб' (Тенишев. Сал., *522*). Там же приведено чаг. *tülä* 'птичьи перья, пух' (см.: РСл. III, *1567*).

В связи с этим следует отметить, что в некоторых случаях тюрк. названия хищных (в т.ч. ловчих) птиц определенно связаны со сменой оперения, линькой. Таковы, напр., кирг. *түлөк* 'уже линявший; в возрасте старше года (о ловчих птицах)', входящее также как компонент в составные наименования беркутов и других птиц

(КРС, *780*), каз. *түлек* 'линявший (о птицах); в возрасте старше года (о беркуте)'. Сюда же относятся, по всей вероятности, тур. *түлек* 'кобчик', *дулек* 'коршун' (РСл. III, *1568, 1809*); см. также тур. *dülengeč* 'коршун', сопоставляемое с чаг. *dülgänč* 'небольшой коршун' (EW, *142*).

Подобные названия явно образованы от тюрк. *туле-* 'линять' (см. түле-) или могут быть возведены к этой основе с той или иной степенью вероятности. Очевидно, что не все из вышеприведенных тюрк. наименований коршуна или, реже, других птиц можно связать напрямую со словами, обозначающими линьку или пух (в последнем случае характер такой связи в общем неясен).

Часть подобных наименований, скорее всего, имеет другую этимологию, что в первую очередь относится к словам с неогубленными гласными (*-е-* и восходящему к нему *-и-*) в первых слогах. Кроме того, к таким наименованиям могут быть отнесены некоторые слова с гласным *-у-* в указ. позиции, где его появление, возможно, явилось результатом вторичного сближения с формами, для которых характерен этот звук. Складывается, в частности, впечатление, что в результате подобной контаминации возникло башк. *төйләгән* и значительная часть его вариантов; ср. также кум. *tüjlügen* 'коршун'.

В отличие от форм *түлек* и под. эта часть названий хищных птиц, вероятно, отражает особенности их полета (кругами, кружением в воздухе). Такие названия могут быть связаны с глаг. основой *тег-* 'вращаться, кружиться' или с ее возможным именным соответствием **тег* 'круг' (см.: ЭСТЯ III, *289, 391*). Так, хак. *тигілген* 'коршун', по всей вероятности, гомогенно с хак. *тигілек* 'круглый; колесо', а хак. диал. *теглиген* 'коршун' — с хак. же *теглек* 'круг, окружность'. Формы типа **тегилген* (ср. хак. *тигілген*, алт. диал. *телген*) могли иметь структуру **тегил-ген*, где первый компонент — форма страдат. залога от **тег-*, а *-ген* — аф., образующий отглагольные имена. Форма **теглеген* (ср. хак. *теглиген*, шор. *теглеген* и под.) членима на компоненты **тег-ле-ген*, где **тег* — именная основа, означающая 'круг', а *-ле-* и *-ген* — соответственно глагольо- и имяобразующий аф. Варианты названия коршуна типа *тейлиген ~ тейлеген* и *тейилген* носят вторичный характер, а *-й-* вместо *-г-* — результат перехода *г > й* или контаминации с какими-либо сходными основами, содержащими *й* (ср., напр., тодж. *тейлиген* и тув. *тей* 'холм, сопка').

В структурно-фонетическом плане не вполне ясны кирг. *телик* и *телиген*, а также близкие соответствия последнего (типа алт. диал. *телиген*), приведенные выше. Возможно, мы имеем дело со вторичными вариантами названия типа **теглеген*, хотя нельзя исключить и их гетерогенности с последним. Может быть, здесь существует связь

с основами типа кирг. *тели* — название болезни лошадей (от которой скрючивает корпус и лошадь крутится) — и его соответствиями в других тюрк. языках *дели ~ тели*, означающими 'сумасшедший, безумный, глупый' и т.п., но также и 'отважный, храбрый, удалой; бурный, быстрый' (см.: ЭСТЯ III, *215—216*). Ср. также тур. *delice* 'сумасбродный, ненормальный, неразумный; дикий (о растениях и животных)', 'вид сокола' (существует также аналитическое наименование *delice doğan* 'чеглок; полевой лунь'). К *телиген* близко тат. *тилгән* 'коршун' (здесь, впрочем, вероятно вторичное сближение с тат. *тилпен-* 'вспархивать, взмахивая крыльями').

Глаг. основа *тег-* и ее именной коррелят имеют варианты с конечным *ң* (**тең-* и **тең*), с которыми могли быть связаны др.-тюрк. *teŋälgün* 'небольшая птица из семейства ястребиных' и *teŋälgüč* то же (ДТС, *552*), хотя здесь возможна также прямая связь или сближение с др.-тюрк. *teŋ- ~ teŋi-* 'подниматься, влетать, взмывать ввысь' (ДТС, *551*, *552*; см. также дээр I).

Тув. *дээлдиген*, думается, имеет структурные отличия от ранее рассмотренных наименований типа **тегилген* и *теглеген*. Это слово можно сопоставить с башк. *төйәлдә*, представив структуру первоначальной формы тув. слова в виде **тегил-диген*. Компонент **тегил-* (< **тег-ил-*) эквивалентен соответствующей (глаг.) части образования **тегил-ген*; *-ди-* — аф., образующий отглаг. имена, а *-ген* в данном случае представляет собой фонетический вариант форманта *-кан ~ -кен*, считающегося аф. диминутива (см.: Кононов. ГЯТРП, *96*) и, судя по некоторым данным, имевшего также семантику сравнительности (СТ. — 1990. — № 6. — С. 47).

Возможно, **тегил-ди* обозначало какую-то другую хищную птицу, путем сравнения с которой и образовано название коршуна **тегил-диген* > *дээлдиген*.

дээр I 'небо'.

Ср. хак. *тигір*, хак. диал. *тегір*, с.-югур. *teŋer ~ teŋir*, *teŋir* 'небо'. В ряде языков отмечены формы с конечным гласным (*-и* или реже *-е*) типа др.-тюрк. *t(ä)ŋri*, алт. *теңери*, тоф. *дээри*, алт. диал. *тегре ~ тегри ~ теңери* и под. В некоторых языках наблюдается сосуществование форм с конечным гласным и без него: ср. кирг. *теңри* и *теңир*. Значение 'небо' у данного слова отмечено главным образом в древних памятниках и вост.-тюрк. языках, а в большинстве совр. выступает в более позднем значении 'бог'.

Самая древняя форма слова — по-видимому, **теңир*. По нашему мнению, оно образовано от глаг. основы типа др.-тюрк. *teŋ-* 'подниматься, взлетать' или *teŋi-* то же с помощью аф. *-(i)r* и, очевидно, гомогенно с др.-тюрк. *teŋäk* 'воздух; небо' (ДТС *551—552*). Указ. глаг. основа, судя по имеющимся данным, имела вариант с конечным *-g-* (*-г-*), чередующимся с *-ң-* и восходящим к послед-

нему типа **тег-* или **теги-*. Эта ситуация имеет близкие аналогии с другими. Так, отмечены варианты омонимичных *теӈ- ~ *тег-* 'подниматься...' и друг другу глаг. основ, означающих соответственно 'вращаться, крутиться' и 'достигать, касаться' (см.: ЭСТЯ III, *175, 282*).

Вариант рассматриваемого слова с согласным *-г-* зафиксирован в хак. *тигір ~ тегір*. Судя по отсутствию назализации долгого гласного, к варианту с указ. согласным восходит тув. *дээр* (* < *тегир*) и, по-видимому, тоф. *дээри*. Ср. также **деӈгер**.

Формы слова с конечным гласным (*теӈери* и под.) имеют структурные отличия от **теӈир ~ *тегир*. Более детально эти отличия и вообще проблема происхождения данного слова рассматриваются в нашей публикации (см.: СТ. — 1984. — № 4. — С. 73 и *след.*). См. также: СИГТЯ Л, *59*; Девяносто лет, *174 и след.*

дээр II *послелог* 'до'.

По мнению А.М. Щербака, тув. *дээр* связано своим происхождением с глаг. основой *дег- ~ тег-* 'достигать' и под. (см. **дег-**), от которой образовано с помощью аф. *-(а)р*: *дээр* < **тег-ир* или **тег-ер*. В других тюрк. языках подобная форма послелога не зафиксирована, хотя имеются послелоги с тем же значением, что и у *дээр*, и родственные с последним, но образованные с помощью других формантов. Наиболее распространенным из них являются **тег-ин* и его варианты. См., в частности: Щербак 1987, *87—88*; ЭСТЯ III, *182—183*.

дээрбе 'мельница'.

Ср. тоф. *тээрме* то же и другие, общетюрк. соответствия в основном с конечным *-н* типа *дегирмен ~ тегирмен* и проч. 'мельница' (в отдельных случаях — 'жернов', 'мельничное колесо'). ЭСТЯ отмечает лишь один случай без *-н*: алт. диал. *те:рбе*. Тув. и тоф. данные в этом источнике отсутствуют.

Производящей основой указ. слова, согласно принятой этимологии, является *тегир-* 'крутить, поворачивать', от которой при помощи аф. *-ман* (*-мен*) образовано название мельницы (см.: ЭСТЯ III, *177*).

Э.В. Севортян оспаривает мнение А. Йоки, который видел в алт. диал. *те:рбе* монгол. заимствование: ср. п.-монг. *tegerme* / монг. *тээрэм* 'мельница'. Скорее всего, Йоки прав и *те:рбе*, как и тув. *дээрбе*, тоф. *тээрме*, действительно представляют собой монгол. заимствование, носящее вторичный характер, поскольку источником монгол. слова являются тюрк. языки.

Указ. слово юж.-сиб. тюрк. языков по своему фонетическому облику ближе к монгол., нежели к его тюрк. эквиваленту. Речь идет, в частности, об отсутствии в этом слове конечного *-н*, элизия которого отмечена в п.-монг. *tegerme* и вообще характерна для монгол. языков.

дээрбеде- 'грабить'; **дээрбедел** 'ограбление, грабеж'.

Монгол. заимствование — глагол; ср. п.-монг. *degērmede-* / монг. *дээрэмдэ-* 'грабить, разбойничать' < п.-монг. *degērme* 'грабеж, разбой; грабитель, вор', монг. *дээрэм* 'разбой, грабеж, бандитизм...'. Н.Ф. Катанов отмечал в тув. языке слово *тӑрбӑ* 'преступление, грабеж' (Опыт, *139*). У тув. *дээрбедел* прямого соответствия не найдено. Возможно, оно образовано уже в тув. языке, хотя и по монгол. модели и с использованием заимствованного из монгол. языков аф. *-л*.

дээрбедел см. **дээрбеде-**.

дээрбек 'кольцо (железное); обруч; круг'.

Ср. тоф. *дээрбек* 'подвеска (поясная)' (ТРС-РТС, *212*). В тюрк. языках широко распространено образование *дегирми ~ тегирми ~ тегирме* 'круглый; круг, колесо...', считающееся производным от глаг. основы *дегир- ~ тегир-*... 'вращать, кружить...' (см. также **дээрбе**) с помощью аф. *-ма* (*-мы*). Анализ *дегирми*... дан в ЭСТЯ (III, *178*); ср. **дээлдиген**.

В то же время в тюрк. языках встречаются образования, однокоренные с *дегирми*..., но образованные посредством других, хотя и сходных с *-ма*, формантов. В их числе производные с аф. *-мач* типа сиб.-тат. *тӓгӓрмӓч* 'колесо' (РСл. III, *1032*), каз. диал. *тегірмеш* 'колесо; кольцо', як. *тиэрбэс* 'кольцо'.

Тув. и тоф. *дээрбек* < **тегир-мек* (с вторичной долготой и переходом *м* > *б*, характерным и для подобных случаев: см. **дээрбе, дээрбеде-**), где *-мек* — вариант аф. *-мак*, являющегося мертвым формантом в тув. языке. К соответствиям *дээрбек* можно отнести шор. *тӓрпӓк* 'круглый; лепешка' (РСл. III, *1078*), хак. *терпек* 'круглый, овальный; колесо' с утраченной вторичной долготой и оглушением начального согласного аф. компонента; см. также **дээригле-**.

дээрге 'это; а, что касается'.

Соответствия в других тюрк. языках не выявлены. Тув. *дээрге* считается по происхождению формой причастия будущего времени от *де- ~ ди-* 'говорить' (см. **де-**) в форме дат. п. См.: Щербак 1987, *114*.

дээрги *уст.* 'государь, господин' (при обращении).

По-видимому, монголизм. Слово рассматривалось М. Рясяненом в ряду слов, обозначающих небо, куда входит тув. *дээр* и под., и возводимых к п.-монг. *degere* 'верхний; выше', что неправомерно (см. **дээре**). Имеет основания возведение тув. *дээрги* к п.-монг. *degereki* 'находящийся сверху; верхний' (см.: EW, *136*).

дээргиле- см. дээригле-.

дээре 'лучше, лучший'; **дээреде- ~ дээреле-** 'становиться лучше, чем...'.

Дээре — монголизм (Рассадин. МБЗ, *62*). Ср. п.-монг. *degere* 'вверху, наверху, на поверхности чего-л.; кроме, сверх, лучше, выше; верховный; государь', монг. *дээр* 'наверху, вверху; наверх, вверх'. С

монг. словом связано и як. *диэрэ* 'почетная подстилка, на которую сажают особо уважаемого человека' (Пек. I, *698*).

Вероятно, монгол. заимствованиями являются и производные от *дээре* глаг. *дээреде-* и *дээреле-*. Ср. п.-монг. *degerede-* 'быть возвышенным, превознесенным, почтенным, улучшаться' и *degerele-* 'возвышать, возвеличивать, возносить'.

дээреде- см. **дээре**.

дээреле- см. **дээре**.

дээрзи *мест.* 'некто, какой-то'.

Соответствия не выявлены. В работе А.М. Щербака тув. *дээрзи* приводится (очевидно, ошибочно) в качестве союза со значением 'что' и истолковывается как форма принадлежности причастия будущего времени от *де- ~ ди-* 'говорить' (Щербак 1987, *114*). Подобное истолкование приемлемо. Ср. также **дээрге**.

дээригле- 'обходить, кружить, кружиться'.

Слово отмечено также в варианте *дээргиле-*. Оба варианта связаны с глаг. основой *дегир- ~ тегир-* 'вращать, кружить', которая прослеживается и в других образованиях: см., в частности, **дээрбек**. В данном случае от этой основы образовано имя **дээриг* < **тегир-(и)г* 'круг' или под., а от последнего — глаг. *дээриг-ле-*. Соответственно *дээргиле-* < **тегир-ги-ле-*, где **тегир-ги* имело ту же семантику, что и **тегир-(и)г*.

Соответствий ни у имени, ни у глагола в других тюрк. языках не обнаружено.

дээш 'за, из-за, ради, для; затем, для того [чтобы], чтобы; так как, потому что'.

Ср. тоф. *дээш* 'за, из-за, ради, для; чтобы, для того, чтобы'. Тув. и тоф. союзы восходят к форме деепричастия прошедшего времени от глаг. речи *де- ~ ди-* (**де-геш* или **ди-геш*). См.: ИП, *437*; Рассадин. Морфология, *265*. Следует отметить, что союзы с той же семантикой в других тюрк. языках также связаны этимологически с деепричастными формами указ. глагола (Щербак 1987, *121*).

— Ё —

ёзу [ёъ] 'обряд, обычай, традиция, порядок; нрав, характер; приличие, пристойность'.

Ср. кирг. *жосун* 'порядок, правило' и подобные соответствия (ЭСТЯ IV, *31—32*). Слово является монгол. заимствованием. См. п.-монг. *josun* 'обычай, общепринятое правило, закон; приличие,

пристойность; веление неба; способ, образец, обряд', монг. *ёс* 'общепринятое правило, обычай, традиция; этикет, порядок совершения чего-л., церемония; учение'. См. также: ЯМВМ, *149*.

Соответствие монгол. слова отмечено в качестве заимствования и в относительно поздних тюрк. памятниках: см. *josun* 'правило, обычай' (ДТС, *275*). Ср. также тоф. *joho* 'уважение, почет, авторитет', заимствованное из бур. языка (Рассадин. Фонетика, *202*).

ёзугаар [ёъ] 'согласно чему-л., в соответствии с чем-л., на основании чего-л.; так, как...'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *josuγār* 'по обычаю, по правилу, по закону, по примеру, способу, образцу; согласно с.../по.../на основании...', монг. *ёсоор* 'согласно...; в соответствии...'.

Монгол. слово представляет собой застывшую форму орудного п. от *josu/ёс* (см. **ёзу**).

Ёзугаар — одно из поздних монгол. заимствований (возможно, 20-х гг. XX в.). Его источником были тексты на п.-монг. языке, где сохраняется более старая форма слов (в частности, комплексы с интервокальным *-г-*; ср. монг. *ёсоор*). В звуковом облике заимствования отражена также архаичная манера чтения подобных слов: с воспроизведением указ. комплекса и в данном случае — долготы гласного, следующего после *-г-*. Ср. алт. *йозор* 'по закону' (В.И. Вербицкий) (ЭСТЯ IV, *32*).

ёзула- [ёъ] 'отдавать честь, салютовать; соблюдать этикет', **ёзулал** [ёъ] 'салют; этикет, церемония; торжество, парад'.

Монголизмы. Ср. п.-монг. *josula-* 'исполнять обряд, правило вежливости; приветствовать', *josulal* 'установленный обряд, церемония; правила приличия, этикет, вежливость, церемониал' и монг. *ёслох* 'отдавать честь, приветствовать, салютовать; выполнять обряд', *ёслол* 'обряд, церемония; торжество, парад', связанные с *josun/ёс* (см. **ёзу**).

Судя по семантике, *ёзула-* и *ёзулал* принадлежат, скорее всего, к поздним заимствованиям.

ёзулал см. **ёзула-**.

ёзулуг [ёъ] **1.** 'настоящий, подлинный, действительный, истинный'; **2.** 'обязан, должен'.

По-видимому, *ёзулуг* — переоформленное монгол. заимствование, где аф. *-луг* соответствует монгол. *-tai* (*-тай*). Ср. п.-монг. *josutai* 'законный, обычный; парадный; приличный, пристойный; степенный; надлежащий, правильный', монг. *ёстой* 1) 'должно, надо'; 2) 'настоящий, действительный, неподдельный'. Об основе слова см. **ёзу**.

ёзу-тургузуг [ёъ] 'строй, режим, порядок'.

См. **ёзу**. Компонент *-тургузуг* связан со словом *тургузуг* 'строй, уклад' и под. (< *тургус-* 'устанавливать; создавать, строить'; см. **тур-**). Ср. **ёзу-чурум**.

ёзуурга- [ёъ] 'жеманничать, манерничать; важничать, кичиться'; **ёзуургак** [ёъ] 'жеманный, манерный; важный, кичливый; склонный к формализму'.

Монгол. заимствования с изменением оценочной семантики. Ср. п.-монг. *josurga-* 'лукавить, плутовать', монг. *ёсорхох* 'быть педантом, быть педантичным', *ёсорхог* 'педант; педантичный'; калм. *йосрхх* 'властвовать', *йосрхг* 'формалист, буквоед; властолюбивый'.

Ср. также бур. заимствования в тоф. *йоъhоорhа-* 'гордиться', *йоъhоорhак* 'гордый, горделивый' (при бур. *ёhорхо-* 'держать себя высокомерно; церемониться', *ёhорхог* 'высокомерный, важный, напыщенный; церемонный; буквоед, формалист').

ёзуургак см. **ёзуурга-**.

ёзу-чурум [ёъ] 'порядок, режим, распорядок; система, строй'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *josu(n) jirum* / монг. *ёс журам* 'порядок; мораль, нравственность'. См. **ёзу**, **чурум**.

ёозажок 'неразумный; дурной, недостойный; неприличный, непристойный; вялый, слабохарактерный; инертный, флегматичный'.

Переоформленное и в значительной мере переосмысленное монгол. заимствование. Ср. монг. *ёозгүй* 'скверный, некрасивый; неприличный', бур. *ёозогүй* 'вредный'; диал. 'невзрачный'. В тув. языке наблюдается своеобразное освоение монгол. знаменательных слов с отрицательной частицей *-гүй*. «Тувинцы заменяют монгол. *-гүй* своим отрицанием *чок* 'нет', сохраняя неизменным знаменательное слово» (Рассадин. МБЗ, *61*).

Та же замена произошла и в случае с *ёозажок*, где *-жок* < *чок*. Монг. *ёозгүй* образовано от *ёоз* ирон., пренебр. 'вид, наружность, форма'. Ср. также монг. *ёозтой* пренебр. 'манерный, с претензией на лучшее'.

ёра: бак ёра 'дурное предзнаменование'; **ёралыг** 'дурной, скверный (о человеке); пагубный (о поступке)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *irwa ~ iruwa ~ iruγa ~ iru* / монг. *ёр ~ ёро* 'знамение, знак, предзнаменование' (Владимирцов. Ср. грамматика, *187*) или, по другим данным, 'предзнаменование (обычно дурное), дурная примета, предчувствие' (см.: ЭСТЯ I, *660*), бур. *ёро* (по традиционным представлениям) 'плохое знамение, дурное предзнаменование; несчастье, беда'.

Семантика, более нейтральная, но очень близкая к первоначальной, отражена в труде Б.Я. Владимирцова. Не случайно и то, что в монгол. языках отмечено словосочетание типа монг. *муу ёр* 'дурная примета' (*муу* 'плохой, дурной'), к которому, очевидно, восходит тув. *бак ёра* (при *бак* 'плохой').

Тув. *ёралыг* — переоформленное монгол. прилагательное типа бур. *ёротой* (*~ муу ёротой*) 'со скверным поведением; вредный, скверный...'.

Монгол. *iruγa/ёр(о)* имеет тюрк. происхождение: ср. тюрк. *ыр(ы)к* 'знак, примета; предзнаменование' и под., а также родственные с ним слова *ырым* знак...' и *ырыс* 'примета...' (ЭСТЯ I, *665—667*). См. также **ырым**.

ёралыг см. **ёра**.

— И —

иви 'олень' (общее название).

Ср. тоф. *иби ~ иви* 'домашний северный олень'. Слово обычно сопоставляется с наименованиями типа *ывык*, зафиксированными в памятниках XI—XIV вв. в значениях 'серна, газель' и под. (см.: ИРЛТЯ, *134*; Рассадин. Фонетика, *83, 200*; СИГТЯ Л, *153*). М. Рясянен дает тув. слово вообще без всяких сопоставлений (EW, *175*).

Происхождение *ывык* и под. неясно, как и характер их связи с тув. и тоф. словами. Высказано мнение, что к *ывык*... «алтайской параллелью может быть монг. *iwi* 'северный олень', заимствованное в тув. *iwi* (но ср. самодийское *iwi* то же)» (СИГТЯ Л, *153*).

Это утверждение не подкреплено ссылками на источники и, скорее всего, ошибочно. Можно определенно сказать, что в монгол. языках указ. название не зафиксировано. Ср. публикацию В.И. Рассадина в кн.: Языки и фольклор народов Севера. — Новосибирск, 1981. — С. 103.

В монгол. языках имеется слово, внешне и семантически близкое тув. *иви*: ср. п.-монг. *ili* 'детеныш оленя (только что родившийся)', монг. *ил* 'детеныш оленя', калм. *ил* [иле] 'олененок'. Тув. *иви* едва ли имеет этимологическую связь с последним. Кроме того, на указ. странице процитированного труда (в следующей статье СИГТЯ Л) монгол. *ili* 'олененок' дается уже как одна из «алтайских параллелей» к другому тюрк. слову — *älik* 'косуля' (см. **элик**).

Неясен также источник информации о существовании самодийского *iwi*.

Скорее всего, тув. и тоф. *иви*... — тюрк. происхождения и связано с характеристикой хода, бега животного. Ср., в частности, хак. *ибек* 'быстрый, резвый' (*ибек ат* 'конь с быстрым ходом'); 'шустрый', ног. *ебе* [йэбе?] уст., фолькл. 'скаковая лошадь', др.-тюрк. *ewäk ~ iwäk* 'торопливый, спешащий; поспешный, скорый', *ewüg* 'быстро, скоро' (ДТС, *189, 191, 216*); ср. также *ebäk* 'бегун; скороход' (Наджип. XIII, *464*).

Они образованы от глаг. основы *ew- ~ iw-* 'спешить, торопиться' (ДТС, *189, 216*), реконструированной в исходной форме *äβ-* (Щер-

бак 1970, *193*), очевидно, с учетом турк *э:в-* 'быть расторопным; обладать быстрой реакцией'.

Для совр. тюрк. языков эта основа малохарактерна. Она отмечена, кроме турк., еще в тур.: ср. тур. *ew- ~ iw-* 'спешить, торопиться', *iwik* 'лыжи', диал. *iwgil* 'торопливый' и под., в т.ч. *ewi ~ iwi* 'поспешность' (и, вероятно, 'поспешный, спешный; быстрый') (см.: РСл. I, *942*).

Тув. и тоф. название оленя — скорее всего, также производное от указ. основы (**ив-и*). Возможно, первоначально оно подобно хак. *ибек* и ног. *ебе* относилось к лошади, но затем было перенесено на северного оленя.

Об отношении между *иви* и словом *ывык*, зафиксированном в памятниках, можно высказать лишь некоторые предположения. *Ывык*, кроме отмеченных 'серна, газель', означало также 'косуля, дикая коза, кабарга'. Кроме того, у соответствий этого слова отмечена семантика 'дикий (зверь)', и они варьируются по своему фонетическому облику: ср. *ивук* (*айвук?*) 'газель, серна' (Щербак), *iwīq* 'дикий', *айвук* 'газель', *äÿäk* 'дикий зверь, горлица, утка; дикая птица' (см. Базарова, Шарипова, *99*; Наджип. XIII, *462*, *464*, *465*; Наджип. ИТЯ, *266*).

Вероятно, названия копытных животных, приводимые выше, были связаны с *иви* и его соответствиями (ср., напр., хак. *ибек*) и первоначально восходили к указ. глаг. основе, но затем произошла их контаминация с другим словом, имеющим заднерядный вокализм, обозначающим диких животных и, по-видимому, не имеющим соответствий в совр. тюрк. языках. На контаминацию могут указывать как наличие отклоняющихся форм (*ивук*, *iwīq*, *айвук*), так и наличие у варианта с переднерядными гласными *еÿäk* значения 'дикий зверь...'.

игил [иъ] 'игил' (*смычковый музыкальный инструмент*).

Существует также вариант *эгил* [эъгил]. Э.В. Севортян связывал тув. *игил* с «древним звукоподражательным словом» *ык*, а также с его именным (*ык* 'скрип') и глаг. (*ык-* 'скрипеть') соответствиями и их вариантами, в частности переднерядными. Например, в одном ряду им рассматривались (по-видимому, как отглаг. образования) хак. диал. (койб.) *īk* 'струнный инструмент' < из **иг-ик* (ср. также хак. *ыых* (< **ыг-ык?*) 'скрипка'), тув. *игил* < *ик-ил*, алт. *икили* 'двухструнный смычковый национальный инструмент' < *ик(и)л-и*.

Из родственных указанным названий музыкальных инструментов, Э.В. Севортян привлекал *ык-лыг* 'скрипка' и *ік-ліг* то же (от *ык ~ ік* 'скрип'), отмеченных в поздних письменных памятниках.

Представляют интерес также хак. (саг.) *ык* 'смычок' (РСл. I, *1353*; Вербицкий, *457*), которое является либо соответствием *ык* 'скрип', либо возникло из **ыг-ык* > **ыык ~ ыых* (см. выше) с утратой дол-

готы, а также др.-тюрк. (МК) *ekäta ~ ikätä* 'музыкальный инструмент, род скрипки' (ДТС, *167, 206*). Последнее прозрачно по своей структуре и, скорее всего, образовано от глаг. основы *ekä- ~ ikä-* с помощью аф. *-tä*. Указ. основа — отыменная, произведена от **ek (*ik)* с вероятным значением 'скрип'. Структура тув. *игил...*, возможно, представлена Э.В. Севортяном вполне адекватно, хотя и не исключено, что тув. слово образовано от глаг. основы, близкой той, что прослеживается в др.-тюрк. *ekätä...* (< *ek-ä-tä*), т.е. *игил ~ эгил < *ик-и-л ~ *эк-и-л*.

По мнению М. Рясянена, основная часть названий музыкальных инструментов, проанализированных Севортяном (в т.ч. и тув. *игил*), имеет монгол. происхождение и возводится к п.-монг. *jekeli* 'струнный инструмент' (EW, *170*). Ср. также ойр. (Зап. Монголия) *ikkil ~ ikil* 'двухструнный музыкальный инструмент' (Kara, *145*), калм. *икл* [икел] диал. 'гармошка'.

С точкой зрения Рясянена трудно согласиться в полной мере: очевидно, формы типа *ыых* или *иклиг* едва ли следует трактовать как монголизмы и как случаи, восходящие к указ. монгол. словам. Однако, допустимо, что такие наименования инструментов, как тув. *игил ~ эгил* и алт. *икили* (ср. также алт. диал. *иккили* 'музыкальный инструмент вроде скрипки' в кн.: РСл. I, *1421*) принадлежат к числу монгол. заимствований (вторичного характера?), источником которых явились ойр. диалекты. Носители последних могли заимствовать соответствующий музыкальный термин из тюрк. языка-источника.

иде 1. 'удаль, вдохновение; забава, развлечение'; 2. 'по-удалому; быстро'; **иде дүрген** 'очень быстро'.

М. Рясянен (EW, *169*) привел в одной статье чул.-тюрк. *idä*: 'сила', як. *idä* 'искусство, знание, ловкость; ремесло', а также, по неясной причине, тув. *идежи* 'мерка для пороха...' и алт. *idäzä* 'отверстие в пороховнице'. Включение в этот ряд последних двух слов не оправдано: см. **идежи, идээжи**.

Чул.-тюрк. и як. слова обоснованно сопоставлены М. Рясяненом с п.-монг. *ide* 'сила, способность'; ср. также монг. *ид* 'удаль; сила, энергия; ловкость, умение', калм. *ид* [иде] 'сила, мощь'.

Тув. *иде* как сущ. с семантикой 'удаль' и под. — монголизм. В этом случае допустимо сближение с глаг. основой *ит-* 'толкать' и под., обозначающей энергичное движение (см. **ит-**), результатом чего могло быть появление у *иде* значения быстроты.

идеге- [иъ] 'надеяться, полагаться на кого-л.; верить кому-л.'; **идегел** [иъ] 'надежда, вера, доверие'.

Монголизмы. Ср. *itege-* 'верить, веровать; доверять, полагаться на что-л., основываться на чем-л.' (Поппе. Мук.), п.-монг. *itege-* 'верить, доверять', *itegel* 'вера, верность, доверие; уверенность; опора, защитник, покровитель; символ веры' (Попле. Мук.), п.-монг.

itegel 'доверие', монг. *итгэх* 'верить, доверяться; надеяться, полагаться', *итгэл* 'вера; доверие, надежда'. См. также: ЯМВМ, *164.*

идегел см. **идеге-**.

идегет I [иъ], **идегээт** [иъ] 'чужак, чуждый элемент'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *eteged* 'сторона, бок; лицо, лица; вопреки, против; посторонний, со стороны', монг. *этгээд* 'лицо; сторона (противоположная)'. Очевидно, одно из поздних заимствований, источник которого — тексты на п.-монгол. языке (начальная гласная *е* ошибочно прочитана как *и*-). Значение монгол. слова также понято не вполне адекватно: ему приписано значение отрицательной идеологической оценки; ср. взятые из поздних монгол. текстов словосочетания типа *xoratai eteged* 'вредные элементы, вредители', *daisun[u] eteded* 'враждебные элементы, враги' (ЧР, *41*).

Ср. также хак. *идеет* 'отвратительный, противный' — по-видимому, также монголизм, в семантике которого произошли изменения, аналогичные имевшим место в тув. *идегет*, хотя хак. слово явно заимствовано раньше последнего.

идегет II [иъ] 'довольно, достаточно, заметно'.

Ср. хак. диал. *идеет* 'сильный, очень большой, огромный; громоздкий, грузный', каз. *ӑдӑүр* 'довольно много, довольно большой, довольно взрослый' (РСл. I, *849*), *едәүір ~ недәүір* 'довольно много, значительно, порядочно'.

Структурно вышеприведенные слова неясны. Возможно, они связаны с глаг. основой типа др.-тюрк. (МК) *etik-* 'увеличиваться, полнеть', которая, судя по представленному в ДТС (с. 187) букв. переводу 'обрастать мясом', связывается с *et* 'мясо' и его соответствиями (см. **эът**), что небесспорно.

Тув. *идегет* в отличие от хак. *идеет* (< **идегет*) и каз. слова употребляется в постпозиции к определенному слову, которое при этом имеет притяжательную форму 3 л. ед. ч.: ср. *соогу идегет* 'довольно холодно', *чылыы идегет* 'довольно тепло', *чиктии идегет* 'довольно странный', *кежээзи идегет* 'довольно прилежный' и т.п.

Как и в хак. *идеет*, в тув. слове имел место переход начального широкого гласного в узкий, что весьма характерно для хак. языка, но нередко встречается и в тув. (см. **иви, игил, иденги, идик** и др. статьи).

Тув. слово отмечено также в варианте без начального гласного — *дегет* [деъгет]. Полная редукция узких гласных в указ. позиции спорадически встречается в тув. разг. речи, что могло иметь место и в данном случае.

идегээт см. **идегет I.**

идежи *тодж.*, **идээжи** 'мерка для пороха (в виде конуса из рога или металла); мешочек для пороха, пороховница'.

Ср. алт. диал. *ідӓзӓ* 'отверстие в пороховнице' (РСл. III, *1507*). По-видимому, монголизмы. Ср. п.-монг. *ideši* / монг. *идэш* 'мерка для по-

роха' (Цэвэл, *300*). Это монгол. слово, возможно, связано с тюрк. *идиш*, обозначающим разного рода посуду (см. **идиш**). Во всяком случае, трудно согласиться с тем, что значение 'мерка для пороха' связано с *ideši/идэш* 'еда, пища; запасы продовольствия на зиму' и под., как полагает Я. Цэвэл. Последнее — производное от глаг. основы *ide-/идэх* 'есть, кушать'. Ср. также калм. *идш* [идеш] 'зимний запас продовольствия; корыто, лохань (в которых дают корм собакам, свиньям и т.п.)' (последнее значение также могло возникнуть в результате контаминации с тюрк. *идиш*). Ср.: EW, *36*.

В варианте *идээжи* отмечена долгота широкого гласного, носящая позиционно-комбинаторный характер.

идек-дадак [иъ-аъ] **1.** 'неважный, плохонький'; **2.** 'кое-как, с затруднениями, еле-еле, с грехом пополам'.

Первый компонент слова ср. с турк. *итек* в составе *итек-чомак* 'кое-как, еле-еле', а также с як. *итэгэс* 1) 'недостаток; изъян; недостача'; 2) 'меньше, менее; недо-' (ЯРС, *158*) или, по другому источнику, 'нехватка, недостаток, недовес; недостающий, неполный; нехватает, меньше, чем следовало быть' (Пек. I, *979*). С производящей (глагольной) основой *идек...* возможно, связано др.-тюрк. *etät-* 'стеснять, ставить в затруднительное положение' (ДТС, *187*). (В этом случае, возможно, более точным является чтение **ität-*.)

Эта основа — форма каузатива от **etä-* (**itä-*) 'затрудняться, испытывать трудности' и под. Соответственно структура *идек* < **итек* может быть представлена в виде **ите-к*.

Аналогичную структуру имеет и компонент *-дадак* в тув. *идек-дадак*, который, очевидно, был семантически близок к *идек* и сопоставим с кирг. *матоо* 'спутанный, перепутанный (напр., о нитках); неровный, со складками'; ср. также выражение *өгөй-матоо сөз* 'бранные слова, хула'; кирг. *матоо* < **матаг*. Сюда же можно отнести с.-югур. *матты-* 'упрекать, укорять', як. *татым* 'незначительный; скудный, недостаточный', *татыр* 'ступающий неровно, как бы прихрамывая (о коне)'. См. также **дазыр**.

Тув. *дадак* < **мат-(а)к*. Оба компонента *идек-дадак* передают общую семантику неполноценности.

иденги *диал.* 'прямая кишка'.

Непосредственные соответствия не обнаружены. Возможно, *иденги* этимологически связано с основой, имеющей семантику типа 'низ; нижний'. Ср. в этом плане чаг. *ӑддӑн* 'нижняя часть юрты; место, близкое к двери, где сидят непочетные люди' (противоположное — *тӧр* 'почетное место'), сопоставляемое с тат. *ідән* (*идән*) 'пол' (РСл. I, *850*). Последнему соответствует, в частности, башк. *изән*, сиб.-тат. *итән* то же.

Версия происхождения тат. слова, высказанная Р.Г. Ахметьяновым, сближает *идән* и под. с далекими от них в структурно-фонетическом плане основами (см.: Ахметьянов. ОЛМК, *56*) и не выглядит

убедительно. Можно предполагать, что существовала именная основа **ет* (> *ит*) 'низ(кий)' и соотносительная с последней (**ет-*) или производная от нее глаг. (**ет-е-* > **иде-*), от которой при помощи форманта *-(е)н* было образовано **етен* *'низ'.

Тув. *идеңги*, вероятно, образовано от **етен* посредством аф. *-кы...* и первоначально **етен-ки* > **едеңги* > *идеңги* означало 'нижний' (ср. *адак* 'низ' и *адаккы* 'нижний'), а затем приобрело значение 'прямая кишка' (первоначально — эвфемистическое). В *идеңги* отмечен характерный для ряда слов тув. языка переход анлаутного *е-* > *и-*. Судя по возможным исходным именным основам рассматриваемого слова, оно принадлежит к архаичной лексике.

идепкей 'активность; инициатива'.

Монгол. заимствование. Ср. п.-монг. *idebki* 'ловкость, проворство', монг. *идэвх* 'активность', бур. *идэбхи* 'активность; инициативность'. Вероятнее всего, тув. *идепкей* — одно из поздних заимствований, источником которого послужили тексты на п.-монг. языке: конечный *i* мог быть прочитан как *ei*, но не исключена и форма **idebkei*, о которой, вероятно, свидетельствует монг. *идэвхийлэх* 'проявлять активность'. См. также **иде**.

идепкейжи- 'активизироваться'.

По всей вероятности, одно из поздних монгол. заимствований. Ср. п.-монг. *idebkiji-* ~ *idebkiši-*, монг. *идэвхжих* ~ *идэвхших* 'активизироваться, становиться активным'. См. также **идепкей**.

идер: идер чалыы 'самый молодой возраст; удалая молодость'.

Ср. як. *эдэр* 'молодой, юный; молодость, юность'.

Монголизмы. Ср. п.-монг. *ider* 'зрелый, возмужалый, в возрасте от 30 до 40 лет' / монг. *идэр* 'молодой, юный'. Компонент *чалыы* также имеет монгол. происхождение: см. **чалыы**. Ср. также монг. парное слово *идэр залуу* (Цэвэл, *300*).

идиже- *диал.* 'класть в определенном порядке, укладывать (напр., вещи в мешок); шнуровать обувь; наливать жидкость в сосуд'.

Ср. тоф. *идічже-* 'укладывать по порядку' (Рассадин. Словарь). Вероятно, тув. *идиже-* и его тоф. соответствие имеют этимологическую связь с др.-уйг. *idi-* 'собирать' (ДТС, *203*) ~ *iti-* 'собирать, составлять' (Тугушева, *332*). Можно предположить, что от подобной основы вначале было образовано имя **иди-ш*, означавшее процесс действия ('собирание; укладка' и под.), а от последнего — вторичная глаг. основа *идиже-* (< **иди-ш-е*) 'класть в определенном порядке...; шнуровать обувь'. В отличие от нее *идиже-* 'наливать жидкость в сосуд' образована от *идиш* 'сосуд', которое, как мы считаем, родственно **иди-ш* с указ. семантикой. См. **идиш**.

идик [иъ], эдик [эъ] 'обувь'.

Ср. тоф. *иътік* ~ *эътік* 'обувь' и другие соответствия, носящие общетюрк. характер, типа *едик* ~ *етик* ~ *етүк* ~ *итик*... 'обувь; легкая обувь из кожи; сапог(и)' и под. (ЭСТЯ I, *319—320*).

На основании турк. *э:дик* у слова восстанавливается, хотя и с разной степенью вероятности, этимологическая (первичная) долгота (ср.: ЭСТЯ I, *320* и СИГТЯ Л, *479*). Э.В. Севортян при этом ориентировался не только на турк., но и в определенной мере на тув. данные, привлекая «сойотское» (по Кастрену) *êdek*, где, возможно, отражена частичная долгота гласного, сопутствующая его фарингализованному произношению. Не случайно то, что фарингализованные гласные ранее именовались «полудолгими».

Вообще наличие фарингализации в тув. и тоф. языках в данном случае — один из аргументов против реконструкции в рассматриваемом слове «первичного» долгого гласного.

Г. Рамстедт высказал мнение о связи тюрк. слова с маньчж. *etu-* 'одеваться', которое приводится и в трудах по тюрк. этимологии (ЭСТЯ II, *320–321*; СИГТЯ Л, *479*), но которое ранее уже получило критическую оценку: см. нашу публикацию (ПЭТЯ, *150–151*). Стоит отметить, что другие исследователи практически не поддерживали сопоставления Рамстедта и сближали *etu-* и другие тунг.-маньчж. данные уже с другими тюрк. словами, напр. с *кет- ~ кед-* 'одеваться' (В.И. Цинциус в кн.: АЭ, *128–129*) или с **ätek* 'подол' (Дыбо, *15*).

Мы в публикации, на которую уже ссылались, обратили внимание на наблюдение Э.В. Севортяна, согласно которому «почти во всех... значениях *э:дик ~ едик ~ етик* и т.д. имеется в виду закрытая (разрядка наша. — *Б. Т.*) обувь, которая... в древности представляла собой сапожки или полусапожки» (ЭСТЯ I, *320*). Поэтому мы сочли возможным связать указ. названия обуви с глаг. основой, имеющей соответствующую семантику: ср. уйг. *эт-* 'закрывать, запирать; застегивать', лоб. *ет-* 'застегивать; покрывать (о шапке)', тоф. *эт-* 'закрывать (дверь, ворота)', кбалк. *эт-* 'закрывать', *этик* диал. 'закрытый'.

Фонетические различия тоф. *эт-* и имени *эътік ~ иътік* 'обувь' (в первую очередь отсутствие в глаг. основе фарингализации гласного), могут быть обусловлены возможностью чередования последующих гласных по их силе/слабости. Так, у глаг. основы согласный *-т-* слабый (Рассадин. Фонетика, *183*), а в названии обуви он, судя по наличию фарингализованного гласного, сильный. Различия в качестве указ. гласного и согласного могут быть связаны с различной «судьбой» этих слов, расхождения которых по линии семантики также ощутимы на материале тоф. языка.

Таким образом, рассматриваемое название является именем, образованным от глаг. **эт-* 'закрывать (в частности, ноги путем изготовления и надевания соответствующей обуви)' с помощью продуктивного аф. *-(и)к*.

Тув. *идик* и тоф. *ыытік* — результат сужения начального э- > *и-*, что характерно и для других случаев (ср., в частности, **ийи**).

идик-хеп *собир.* 'одежда'.

См. **идик, хеп**.

идиш 'посуда' (*диал.*); 'кадка (деревянная); род деревянного ведерка'.

Ср. тоф. *идіш* 'посуда; сосуд' и соответствия в других тюрк. языках и памятниках в формах *идиш* (преобладающая) ~ *ідіš* ~ *ädiш* и под. «Корневым гласным почти во всех современных языках является *и-*; то же в старейших памятниках»; формы с корневым *е-* (*ä-* у В.В. Радлова) рассматриваются как вторичные (ЭСТЯ I, *328*).

Соответствия *идиш* имеют широкий спектр значений, среди которых отмечаются как общие (собирательные), типа 'сосуд, посуда; вместилище; тара' (ср. также (МК) 'всякая посуда, включая даже мешок' в: Наджип. XIII, *170*), так и различные специализированные: «посуда для хранения» ('кадка, ведро, горшок, кувшин' и под.) и «посуда для питья» ('чаш(к)а, кубок, рюмка') (ЭСТЯ I, *329*).

В СИГТЯ Л (с. 729) приведена тюрк. праформа ***iδiš*** со значением 'сосуд для питья', однако, учитывая сказанное, едва ли можно признать его наиболее древним. Скорее всего, такое значение связано с посудой или другим вместилищем, емкостью для хранения жидкостей или сыпучих тел (ср. в як. 'корзина'). Трудно также согласиться с реконструкцией межзубного интервокального согласного *-δ-* (вместо более вероятного *-d-*).

Этимология слова неясна. К. Менгес считал, что тюрк. ****iδiš*** восходит к греч. *diskos* 'блюдо'. Эта этимология считается «интересной», хотя она и «сопряжена с некоторыми фонетическими трудностями и, кроме того, не выяснено, какими путями греч. слово могло попасть в тюрк. языки» (ВЯ. — 1989. — № 2. — С. 79). Вероятнее всего, что в данном случае мы имеем дело с совпадением гетерогенных слов.

Еще Г. Вамбери пытался истолковать *идиш...* как собственно тюрк. по происхождению слово, связанное с глаг. *it-mek* 'делать, творить' и означающее букв. 'что-то сделанное, инструмент' (см.: ЭСТЯ I, *313, 329*). Эта версия выглядит малоубедительной в семантическом плане, однако *идиш...* вполне могло быть тюрк. по происхождению словом, образованным от глаг. основы, близкой по своему звуковому облику общетюрк. *ет-* ~ *ит-* 'делать (производить)' (о ней см., в частности: ЭСТЯ I, *312—313*).

Предполагаемой производящей основой *идиш...* вероятно, является древняя (др.-уйг.) глаг. основа типа *idi-* 'собирать' (ДТС, *203*) ~ *iti-* 'собирать, составлять' (Тугушева, *332*), которая частично объединилась с *ет-* ~ *ит-* 'делать': ср. др.-уйг. *id-* 'строить, создавать;

составлять' при *it-* 'строить, воздвигать, сооружать; устанавливать; издавать' (Там же, *329, 332*).

Представляется возможным то, что в основе наименования *идиш* лежит мотивирующий признак, аналогичный тому, который выявлен для слов рус. языка типа *посуда, сосуд, судно* (с первичным значением 'вместилище, составленное из частей (напр., бочка, ведро — вначале деревянное)' и т.д. (Шанский и др., *431*).

У тюрк. *идиш* также отмечены значения подобного характера, которые и могут быть отнесены к числу наиболее древних. Вполне вероятно, что рассматриваемое слово имело несколько иную смысловую мотивировку, а именно 'вместилище, куда что-л. собирают, складывают (в определенном порядке)'.

Вероятность подобной мотивировки подтверждается тув. *идиже-* 'класть в определенном порядке, укладывать (напр., вещи в мешок)', которое мы также связываем с теми же глаг. основами, что и *идиш* 'посуда...'. Основа **иди-ш* 'собирание, укладка', которую мы считаем производящей для **идиже-** (см.), могла обозначать не только процесс действия, но и его результат ('вместилище, составляемое из частей') или место ('место, куда что-л. собирают...'). См.: АИ, *140 и след.*

Следует отметить, что в настоящее время нет достаточных данных для того, чтобы предпочесть одну из вышеприведенных смысловых мотивировок слова *идиш* другой.

идиш-сава *собир.* 'посуда'.

См. **идиш, сава**.

идээ 'дубитель' (*вещество для дубления кожи*); **идээле- II** 'дубить (кожу)'. Монголизмы. Ср. монг. *идээ(н)* 'дубильное вещество, дубитель', *идээлэх* 'дубить'.

идээжи см. **идежи**.

идээле- I 'объедаться чем-л., переедать'.

Монголизм с изменением семантики (появление отрицательного характеризующего момента). Ср. п.-монг. *idegele-* / монг. *идээлэх* 'есть, кушать, принимать пищу' < *idege(n)*/*идээ* 'еда, пища, кушанье'.

идээле- II см. **идээ**.

идээрге- [иъ] 'зазнаваться, чваниться, важничать; хвастаться'; **идээргек** [иъ] 'заносчивый, чванливый, важный; хвастливый'; **идээргел** [иъ] 'зазнайство, важничанье; хвастовство'.

Идээрге- и *идээргек* — монголизмы. Ср. п.-монг. *iderke-* 'показывать силу, употреблять силу, насилие, поступать насильственно', монг. *идэрхэх* 'проявлять лихачество', *iderkeg* 'сильный, мужественный, крепкий, дюжий' / *идэрхэг* 'удалой, лихой'. Соответствий тув. *идээргел* в монгол. языках не найдено. Возможно, это слово образовано непосредственно в тув. языке.

идээргек см. **идээрге-**.

идээргел см. **идээрге-**.

ие [иъйə] 'мать, мама; самка по отношению к детенышам'.

Ср. тоф. *иъйе* 'мать'. Тув. *ие* обычно рассматривается в ряду тюрк. слов типа *ана, ене* и их соответствий со значениями 'мать, мама, матушка; бабушка; тетя; самка, особь женского пола' и под. (ЭСТЯ I, *278—280*). Э.В. Севортян склонялся к версии лепетного происхождения слова (ЭСТЯ I, *281*), которая уверенно заявлена в СИГТЯ Л (с. 298—299).

Тув. слово в ЭСТЯ дается в формах *ийе* (наряду с як.) и *ийе*, причем они не совсем точны (см. выше). Кроме того, по поводу тув. и сходных с ним слов высказано соображение о целесообразности сопоставления кбалк. *ынна* 'мать' с хак., бараб. *ине*, тув., як. *ийе*, что небесспорно.

Далее, отмечая, что в плане семантики рассматриваемые им формы «все однородны», Э.В. Севортян утверждал, что «в фонетическом отношении отнести их к гомогенным затруднительно, пока остается невыясненным параллелизм открытого и закрытого гласных в корневом слоге (*ана/ене ~ ынна ~ ине*)». Причины указ. параллелизма остаются невыясненными, хотя в то же время считается ясным, что «хак. и бараб. *ине* ближе к тув. и як. форме *ийе*, чем к остальным из приводившихся выше, и, вероятно, гомогенна с ней» (ЭСТЯ I, *280*). Это допустимо, хотя и требует определенной конкретизации и уточнения.

По-видимому, трактовка рассматриваемого термина (или терминов) родства тюрк. языков как слов(а) лепетного происхождения не согласуется с фактами. Э.В. Севортян реконструировал глаг. основу **ин- ~ ен-* 'рожать, зачать' (см. ЭСТЯ I, *751*), что выглядит достаточно убедительно. Кроме того, в *інä* 'мать' (языковая принадлежность последнего не указана) исследователь также вычленил эту основу и, таким образом, *інä* < **ін-ä* (ЭСТЯ I, *359*).

Исходя из сказанного, логично предположить, что и вариант с заднерядным вокализмом типа *ана* также может иметь подобную структуру (**ан-а*), а указанная глаг. основа — заднерядный вариант (**ан-*), на реальность которого могут указывать некоторые данные тув. и тоф. языков (см. **анай, аныяк**).

Заднерядные формы слова (*ана* и под.), как предполагается, являются первичными по отношению к формам с переднерядным вокализмом, поскольку «форма *ене* отсутствует в наиболее ранних памятниках», хотя «обе господствующие формы — *ене* и *ана* можно считать равно распространенными и нередко параллельными в одних и тех же языках» (ЭСТЯ I, *279*; СИГТЯ Л, *299*). Но произведенная ранее реконструкция производящей основы слова и ее вариантов не свидетельствует в пользу этого предположения.

Думается, вопрос о первичности какой-либо из указ. господствующих форм пока неясен и едва ли в настоящее время может быть однозначно разрешен.

Варианты с узким начальным гласным, которые имеются у формы *ене* и к числу которых принадлежит тув. *ие*, скорее всего, в основном вторичны. Як. вариант *ийе* (орфографически *ийэ*) мог быть результатом перехода интервокального *н* или *н'* > *й*. Нечто подобное произошло и в тув. *ие* [иъйэ], хотя последнее едва ли прямо связано с *ене* или *ине*, как это обычно полагают: в данном случае нуждается в объяснении наличие фарингализации.

В связи с этим можно допустить, что тув. слово восходит к форме, близкой тат. *энкэ* (< **эн-кэ*) 'самка', которая (как, по-видимому, и *ене*...) образована от указ. выше глаг. основы **ин-* ~ **ен-* (ЭСТЯ I, *282—283*, *359*) и ранее была более распространена в тюрк. языках. Согласный *-к-* был сильным и придыхательным или близким по своим характеристикам к таковому, отражением чего и явилась фарингализация предшествующего гласного, сопровождаемая ослаблением, а затем утратой этого согласного. Подобные изменения наблюдаются и в некоторых других подобных случаях (см., напр., **анай**, **аныяк**, **ийи**).

Изменения, аналогичные рассмотренным, произошли в звуковом облике тоф. *иъ̃h'е* 'мать', которое, очевидно, связано с той же исходной формой, что и тув. *ие*. Однако в тоф. слове заднеязычный *-к-* не выпал, а превратился в щелевой, носовой, палатизованный согласный *-h-*, назализованность которого отражает подвергшийся редукции и исчезновению *-н-* (Рассадин. Фонетика, *49*, *51*).

См. также **эне**.

ием 'склон, наклонное место'; **иемдик** 1. 'наклонный, покатый'; 2. 'наклон, склон, скат'.

Слова связаны с основой *ий* 'неровный, покатый; склон' (см. **ий**). *Ием* — скорее всего, производное от предполагаемой глаг. основы *ийэ-* 'наклоняться' (ср. *ий-ле-н-* то же), и, таким образом, *ием* [ийэм] < **ий-э-м*. В свою очередь, *иемдик* образовано от именной основы *ием* с помощью редк. для тув. языка аф. *-дык* ~ *-дик* (о нем см.: АИ, *180*; Хабичев, *78 и след.*).

иемдик см. **ием**.

ие-чаш 'материнство и младенчество'.

См. **ие**, **чаш**.

ие-чурт 'отчизна, отечество'.

См. **ие**, **чурт**. Ср. **ада-чурт**.

ижегеле- 'шуровать, мешать (в печке, костре, огне)'.

Возможно, данная основа связана с тув. **эш-** 'грести (веслами); сгребать' и ее общетюрк. соответствиями *еш-* ~ *иш-* 'рыть, разрывать; ворочать (огонь)' и проч. (см.: ЭСТЯ I, *315*; **эш-** I). Исходная ос-

нова *ижегеле-* может восходить к варианту *еш-* с узким начальным гласным (**иш-*); характерно также отсутствие в *ижегеле-* фарингализации (в отличие от *эш-* I, *эъжер*).

Структура рассматриваемой основы не вполне ясна (**иш-е-ге-ле-*?). Можно допустить, что **иш* могло быть именным соответствием к *еш- ~ иш-*, *-е-* — глаголообразующим аф., *-ге-* — аф., образующим имена, а *-ле-* — опять-таки глаголообразующим формантом. Не исключено, что элемент *-геле-* — нерегулярный вариант тув. аф. многократности *-гыла- ~ -гиле-*. Это также подразумевает существование глаг. основы **иш-е-*, т.е. наличие именного (или образного?) соответствия глаг. основы *эш- ~ иш-*, которое, кажется, еще не выявлялось предыдущими исследованиями.

Полных структурных соответствий тув. *ижегеле-* не выявлено. У этой основы прослеживается определенная близость к тур. *eşele-* 'смешивать; мешать (дрова в печи); рыть, разрывать', где **eş* также могло составлять именную пару к *eş-* 'рыть, копать...' (при структуре **eş-e-le-*), однако, согласно мнению В.В. Радлова, первичная структура тур. глагола может быть представлена в виде **eş-ke-le-* (РСл. III, *907*), где *-ke* — по-видимому, аф. именного словообразования.

ижик- [иъ] 'привыкать, приучаться; искать, находить'.

Данная глаг. основа, возможно, гомогенна с древней глаг. основой *ичик-* 'покоряться, подчиняться; проникать внутрь', отмеченной в др.-тюрк. памятниках. Она считается образованием от общетюрк. *ич* 'нутро; внутренняя часть' (ЭСТЯ I, *392*). См. также **ижин**.

ижик 'дверь'.

См. **эжик**.

ижик-дөжек [-өъ] 'кровать и постель'.

Второй компонент композиты связан с *дөжек* 'постель' и под. (см. **дөже-**). Соответствий компонента *ижик* не обнаружено, и в тув. языке он в качестве самостоятельного слова не употребляется. Может быть, *ижик* этимологически связан с именной основой типа **шор.** *эш* 'уют, покой' (*эштиг* 'уютный, удобный'; *эжи чок* 'неуютный'), хак. *ис* (ср.: *изі-чох* 'неудобный; неудобно, не по себе'). Эта основа представляет собой вторичную форму, восходящую к имени, отмеченному, в частности, в др.-тюрк. памятниках в вариантах *enč ~ inč* 'мир, спокойствие, покой; тихий, спокойный'; ср. также *enčik- ~ inčik-* 'приходить в себя, успокаиваться' (ДТС *173—174, 210*; Тугушева, *331*). См. также: EW, *43, 172*.

В.В. Радлов представлял структуру др.-уйг. *änč* 'спокойствие, хорошее расположение духа, мир' в виде *än* + *č*, где *än-* — скорее всего, глаг. основа, означающая 'опускаться; уменьшаться; успокаиваться (о ветре)...' (РСл. I, *727—728, 745*). Ее соответствие *ен- ~ ин-* имеет также семантику 'останавливаться в пути; устраи-

ваться, располагаться лагерем; сниться, грезить' и под. (ЭСТЯ I, *353—354*).

Появление у *енč ~ инč* формы *эш ~ *иш* — результат звуковых изменений, аналогичных тем, что произошли с тюрк. *тынч* 'покой...' (см.: ЭСТЯ III, *344—345*; а также **дыш**).

Тув. *ижик-* (в составе *ижик-дөжек*) могло быть связано именно с подобной вторичной формой именной основы. В таком случае его структура представляется в виде **иш-и-к*, где **иш* — вариант указ. формы, *-и-* — глаголообразующий аф., а *-к* — распространенный формант, образующий имена. Глаг. **иш-и-* мог означать 'отдыхать, покоиться', а **иш-и-к* 'место для отдыха; кровать, постель'.

ижин [иъ] 'желудок; внутренности убитых животных, идущие в пищу; местность, покрытая лесом и имеющая форму углубления; внутренняя часть, полость или углубление; подкладка; мысль, душа'; **ишти** [иъ] — *посессивная форма 3 л. слова ижин; употребляется в значениях* 'его живот (желудок); внутренности чего-л.; содержимое чего-л.; нутро'; *служит основой служебных имен* (ИП, *443—444*).

Ср. тоф. *иьшти* 'внутренности; живот; внутренняя часть чего-л., нутро; долина (в горах)'; употребляется также в качестве основы служебных имен (Рассадин. Морфология, *262—263*; ТРС-РТС, *25*), хак. *істі* с подобной же семантикой (см.: ХРС, *69*), шор. *ишти* 'внутренность' (при отсутствии в тоф., хак. и шор. языках исходной формы слова, подобной тув. *ижин*).

Последняя, по-видимому, не имеет прямых соответствий в других тюрк. языках, однако у тув. слова имеются родственные слова в формах *ичеги...* и *ичек...* означающие 'кишки; внутренности' и под., связываемые с общетюрк. *ич* 'внутренняя сторона...' (> *иш*) или с производными от нее глаголами (ЭСТЯ I, *392—393*).

Относительно структуры тув. *ижин* было высказано предположение, что оно состоит из основы *иш* (< *ич*) и «древнего аф. принадлежности 3 л. *-ин*» (ИП, *443*). А.М. Щербак обращает внимание на то, что «компонент *-ын ~ -ун* обнаруживается в нескольких десятках слов, большую часть которых составляют названия частей тела». В числе последних названо и тув. *ижин*. Исследователь также склоняется к поддержке «предположения о том, что компонент *-ын ~ -ун* представляет собой древнейшую разновидность аффикса принадлежности 3-го лица» (Щербак 1987, *68*). Подобная версия происхождения тув. слова прослеживается, кажется, и в некоторых других источниках, где, в частности, *ижин* возводится (без комментария) к *иш + ин* (СИГТЯ М, *503*).

Следует заметить, что посессивная природа указ. компонента (аффикса) не доказана, тем более что он явно может иметь иную семантику (по всей вероятности, исходную), не связанную с принадлежностью (см., напр., **алын**).

Иной взгляд на происхождение и структуру тув. *ижин* высказывал Э.В. Севортян, предположивший, что это слово можно возвести к глаголу **иче- ~ *ичи-* 'быть/находиться внутри', образованному от *ич* 'внутренняя сторона...', и обоснованно считавший, что *ижин* «труднее... объяснить как лексикализацию [формы] орудийного падежа, так как этому препятствует состав значений *ижин*» (ср., к примеру, тур. *için* 'внутренне', которая как раз и является такой формой) (ЭСТЯ I, *393*).

Предложенная Севортяном этимологическая версия приемлема, хотя и небесспорна. В случае с *ижин* (< **ичин*) предполагаемая глаг. основа **ичи-*, вероятно, все-таки не была использована, а рассматриваемое слово представляет собой отыменное образование от *ич* с помощью аф. *-ин...* с уменьшительным или с уменьшительно-уподобительным значением. Слова, образованные по такой модели, характерны для анатомической лексики. Ср. в этом плане **алын** (а также ЭСТЯ I, *146*), **хырын** (также см.: ЭСТЯ V-1, *321*), **эрин**. См. также **даштыг**.

Э.В. Севортян считал, что «исходное значение *ич* по имеющимся данным восстановить невозможно», но этим значением могут быть 'внутренности; нутро' (ЭСТЯ I, *389*). Данное мнение, думается, близко к реальности, и тув. *ижин* вполне может быть рассмотрено как производное от *ич*, означающее не все «нутро», а его часть.

В связи со сказанным можно отметить, что, рассматривая происхождение тюрк. *ичек* 'кишки' и т.д., Севортян считал возможными две этимологии данного слова; согласно первой из них, слово является уменьшительной формой на *-ак...* от *ич* 'внутренняя сторона; внутренности...'. В таком случае, имеет место структурная близость *ичек* и *ижин*.

От основы *ич* (> *иш*) образованы и другие тув. слова (см. **ишкир**, **ишкээр**, **иштик**).

ижин-хырын *собир.*, **ижин-шөйүндү** *собир.* 'внутренности; потроха (у птиц, рыб)'.

См. **ижин**, **хырын**, **шөйүндү**.

ижин-шөйүндү см. **ижин-хырын**.

ижээ- [иъ] 'залегать в берлогу (на зимнюю спячку)'; **ижээн** [иъ] 'логово, логовище, берлога'.

Монголизмы. Монгол. происхождение *ижээн* наряду с алт. *ичӓ̄н* 'звериная нора' (по РСл.; ср. алт. *ичеен* 'нора, берлога', алт. диал. (туба) *ичиген* 'нора') отмечено М. Рясяненом, возводившим эти слова к п.-монг. *ičigen* 'зимняя звериная нора' (EW, *169*) или, по другим данным, *ičige(n)* — 'дупло в дереве; берлога, в которой залегает на зиму медведь; место залегания на зиму змей'; ср. монг. *ичээ(н)* 'зимние норы животных (змей, сурков); берлога'. Эти имена образованы от п.-монг. *iče-* 'залегать на зиму в норах, в берлоге (о змеях,

медведях); погружаться в спячку' / монг. *ичих* 'уходить на зимнюю спячку; залегать в нору' (см. также: ЯМВМ, *165*).

Монгол. слова имеют, вероятно, тюрк. происхождение: ср. тюрк. *ичек* 'кишки, внутренности' и под., в т.ч. уйг. *учӑк* 'нора, берлога' (последнее едва ли обоснованно включено М. Рясяненом наряду с указ. тув. и алт. словами в число монголизмов), а также предполагаемую производящую основу тюрк. *ичек* — глаг. **иче-* 'быть / находиться внутри' (< *ич* 'внутренность, внутренняя часть') (см.: ЭСТЯ I, *392—393*). Долгота в тув. *ижээ-* связана с влиянием формы *ижээн*, с которым, очевидно, была сближена глаг. основа.

ижээн см. **ижээ-**.

изи- [иъ] 'становиться горячим (жарким); разогреваться'; *перен.* 'горячиться'; **изиг [иъ]** **1.** 'жаркий, горячий; знойный'; **2.** 'жар(а), зной'.

Ср. тоф. *иъсі-* 'нагреваться, быть горячим', *иъсіг* 1) 'горячий'; 2) 'жара, зной' и соответствия в других тюрк. языках типа *иси- ~ ысы-* 'нагреваться, согреваться; становиться горячим...', *исиг ~ ысыг* 'теплый, жаркий' и под., а также их фонетические и структурные варианты (ЭСТЯ I, *668—670*). Э.В. Севортян считал более древними варианты с заднерядным вокализмом, производящими основами которых, как он предполагал, являются глаг.-именные омоформы **ыс- ~ *ыс*, «но в привлеченном материале данные на этот счет отсутствуют» (ЭСТЯ I, *670*).

В более позднем труде (СИГТЯ Л, *19—20*) именная основа реконструируется в двух вариантах: **isiγ* и **ysyγ*. При этом дана примечательная вариативность узкого гласного по ряду, наблюдаемая уже в среднетюрк. период. Констатируется также, что «генетические связи корневой основы глагола [*ysy- ~ isi-*] пока не установлены, хотя сделана попытка идентифицировать ее с подражательной основой» (СИГТЯ Л, *20*; см. также: ЭСТЯ I, *671*; Рамстедт, *127*). Эта попытка, предпринятая Г.И. Рамстедтом, не выглядит убедительной.

Следует отметить, что сходные проблемы, связанные с реконструкцией первоначальной (односложной) основы, наблюдаются и у других тюрк. названий, содержащих температурные характеристики (напр., холода, теплоты). См. **соо-**, **чылы-**.

изиг см. **изи-**.

изиг-түлүк **1.** 'горячий, напряженный; спешный'; **2.** 'горячая пора, самое напряженное время'.

См. **изи-**, **түлүк**.

изиг-халыын *собир.* 'сильная жара, жарища, зной; лихорадка, горячка'.

См. **изи-**, **халыын**.

изиг-чар [иъ] *собир.* 'сильная жара, жарища'.

Первый компонент связан с *изиг* 'жара, зной' (см. **изи-**). Второй (*-чар*) носит обобщенный, собирательно-усилительный характер и

употребляется только в подобных сочетаниях, в частности, со словами, обозначающими стихийные природные явления: ср. *соок-чар* 'холод, мороз', *суг-чар* 'наводнение, половодье'.

Происхождение этого компонента неясно. Возможно, он связан с общетюрк. *йар-* (> *чар-*) 'разделять, рассекать' и под. или, точнее, с этой основой в переносных значениях типа 'распускаться (о почках на растениях); расцветать' (см.: ЭСТЯ IV, *135—136*), т.е. речь идет о развитии, усилении и под. У данной глаг. основы имеется именное соответствие *йар* (> *чар...*) 'яр, крутой, высокий берег; крутая скала; пропасть (в прямом и перен. смыслах); крутой, высокий, отвесный' и под. (ЭСТЯ IV, *17*), где также прослеживается усилительный смысловой компонент.

Вероятно, *йар...* с семантикой усиления выступает также в качестве производящей основы тюрк. глаг. *йарсы-...* 'прийти в возбужденное состояние; (раз)горячиться; разъяриться; сильно желать', которая может иметь иное происхождение, нежели *йарсы-* 'испытывать отвращение, брезговать; опротиветь'. Указ. основу с обоими приведенными выше комплексами значений считают производной от имени *йар* 'слюна' (ЭСТЯ IV, *144—145*), что требует объяснений. Принятая в данном источнике интерпретация структуры данной основы как образования с аф. *-сы-*, имеющим симулятивное значение, от указ. имени нелогична. См. также **чаржын-, чаржынчыг**.

Образования с компонентом *-чар* в тув. языке — вероятная реликтовая форма собирательности.

ий 1. 'неровный, покатый'; 2. 'склон; 'сторона, бок' (с аф. принадлежности); 'окружающее пространство'.

Ср. тоф. *ий* (*ij*) 'южный склон горы, горного хребта'. Ту же семантику имеет и тодж. *ий*. По мнению В.И. Рассадина, тоф. слово имеет своим источником енисейские (кетские) языки и возводится им к ассан. *ий, йии* (*ииӣ? — Б. Т.*) 'гора' (Рассадин. Фонетика, *94, 201*).

Согласно другой точке зрения, последнее (в формах *ий, ииӣ*) принадлежит к тому слою лексики енисейских языков, которая «не допускает однозначного определения ее в качестве тюркских заимствований в указ. языках или, наоборот, — енисейских заимствований в тюркских» (Поляков, *82*).

Представляется вполне допустимым считать ассанское слово тув.-тоф. заимствованием, тем более что тув. *ий* многозначно и служит основой для некоторых образований (ср. *ийле-* 'двигаться по склону (откосу)', *ийлен-* 'клониться, наклоняться; крениться', а также **ием, иемдик**), а это — свидетельства, скорее, в пользу исконного характера слова.

Более обоснованной является точка зрения Э.В. Севортяна, согласно которой тув. *ий* рассматривается в ряду слов, включающих др.-

тюрк. *äг* 'край, изгиб', азерб. диал. *ей* в составе *ейдеш-үйдеш* (< *ей-деш, үй-деш*) 'кривой, изогнутый', которые являются именными соответствиями глаг. основы *ең- ~ ег- ~ ей- ~ ий-*... 'гнуть(ся), сгибать(ся)' и т.п. (см.: ЭСТЯ I, *330–331*).

Данной основе в тув. языке соответствует форма *эг-*, и, следовательно, на месте *ий* можно было бы ожидать его более древний вариант **эг* (возможно, > **иг*). Судя по тому, что указ. глаг. основа в ее поздних вариантах *эй-* (азерб. *эй-*) ~ *ий-* характерна в основном для огуз. и кыпч. языков (ЭСТЯ I, *330*), можно предположить, что именно в каких-то из них употреблялось и имя *ий* (или *эй*), пришедшие из какого-л. подобного источника в тув. язык.

ийе *частица утв.* 'да'; **ийет** то же (часто в форме повтора **ийет-ийет** 'да-да; вот-вот').

У *ийе* отмечен также диалектный заднерядный вариант *ыйа* (ИП, *431*). Э.В. Севортян рассматривал тув. *ийе* в ряду таких его соответствий, как кирг. *ийи*, каз. *ийэ*, тат., башк. *әйе*, чув. *ийя* 'да'; хак. *изе* 'да; так, конечно' (ЭСТЯ I, *335*). Число этих сопоставлений может быть увеличено за счет шор. *эзе* 'да', *эккей* 'конечно', тоф. *эъһе* 'да', алт. *эйе*, хак. *я* (*йа*), чул.-тюрк. *әй* 'да', чаг. *jä ~ je* то же.

Как считал Севортян, *ийи ~ изе*... могут быть гомогенны с тюрк. *ейи* и *ийи* и их коррелятами, означающими соответственно 'хороший; хорошо' (= 'согласен') и 'имущество, добро, благо' (см.: ЭСТЯ I, *245–246, 329–330*, а также **эки** и **эт**).

Основа *ейи* считается коррелятивной с корнем *еδ ~ ed ~ äi*... 'богатство, имущество', а также 'впору, в самый раз' (что может означать и согласие). Но исследователь в то же время считал, что в основе *ейи*... лежит не именной, а омонимичный с ним глаг. корень, по значению, очевидно, соотносительный с указанным именным (ЭСТЯ I, *246*).

Утв. частица в вариантах *ийи ~ ийе* также могла быть образована от подобной же глаг. основы (с помощью аф. *-и* или *-е*, а в случае с тув. *ийет* — возможно, посредством аф. *-(е)т*). При этом в отличие от ситуации с *ейи*... преобладающей формой указ. основы является **ий-* ('соглашаться'?) с начальным узким гласным и конечным согласным *-й*. Чул.-тюрк. *әй*, возможно, восходит к «йотовому» варианту указ. выше именного корня *еδ ~ ed*... 'в самый раз'.

В некоторых двухсложных вариантах частицы сохраняется именно та форма глаг. основы, которая характерна для соответствующих тюрк. языков, напр. *изе* и *эзе* в хак. и шор., относящимся к *з*-языкам.

Тоф. *эъһе* — из **эт-* (< **эд-*) + аф. *-ке*? Форма основы с согласным *-т-* (*-д-*?) также естественна для данного языка, а частица в отличие от тув. *ийе* может рассматриваться как очень близкий фонетико-морфологический вариант тоф. *экки ~ эъкки* 'хороший, приятный, добрый; хорошо, ладно'. Ср. **эки**.

ийет см. **ийе**.

ийи [иъйи] 'два'.

Для тюрк. языков более обычны формы этого числительного типа *ики* (наиболее частотная) и *еки*, а также *икки*, *екки*. По мнению Э.В. Севортяна, первичным является открытый гласный (*е-*); геминированные формы он считает остаточными, а негеминированные — более поздними (ЭСТЯ I, *337—338*); сводка имеющихся на то время этимологий приведена в указ. труде (с. 339). Из этих версий Севортян не отдал предпочтения ни одной.

После выхода в свет ЭСТЯ I отмечено появление других гипотез происхождения тюрк. числительного со значением 'два', частично следующих ранее существовавшим их вариантов. Так, Э.Р. Тенишев придерживается алтаистической версии Г.И. Рамстедта, который тюрк. 'два' рассматривал как производное от некоей основы **ek-* 'следовать'. Тенишев полагает, что подобной версии можно следовать, «оставаясь на тюрк. почве». Он связывает числительное с др.-тюрк. глаг. *er-* 'следовать, преследовать' или, точнее, с его медиальной формой **erik-*. «Производное имя от этой основы — **erik-i* > **erki* > **eki* 'следующий, ближайший' > 'два'» (ТС. 1974. — М., 1978. — С. 112). По мнению М.Р. Федотова, аналогичное алтаистическое предположение Г.И. Рамстедта выглядит более предпочтительным (Федотов II, *76*).

С указ. гипотетическими построениями имеет определенную общность этимология, связывающая рассматриваемое числительное также с именной основой **ek*, имеющей «гипотетическое значение» 'задний, поздний, второй'. Эта основа базируется на неясных исходных данных и лишь сопоставлена с азерб. *ilk* 'первый', *ilki* 'первенец', диал. *ilkindi* 'закат' (ИМЧЯ, *39*).

Указ. этимологии неубедительны, поскольку сама реальность их предполагаемых производящих основ вызывает сомнение.

Согласно точке зрения Т.М. Гарипова и Я.А. Чанышева (ЛМТЯ, *29*), рассматриваемое числительное восходит к глаг. *ик-* 'сеять, возделывать', который, как считают авторы, ранее означал 'отбивать от целого, откалывать' (?) (ср.: ЭСТЯ I, *251—252*). Образованное же на его основе числительное якобы имело первоначальное значение 'отдельный, отделенный'.

Эта этимологическая версия не вызывает доверия. Она не нова, поскольку фактически возвращается к этимологии, предложенной еще Г. Вамбери, который сближал *еки ~ ики*, в частности, с чаг. *ikmek* 'сеять' (см.: ЭСТЯ I, *253*).

Версия Вамбери в наше время всерьез не воспринимается. Так, Э.В. Севортян, отмечал, что связь слов *екиз ~ икиз* 'близнецы' (см. **ийис**) и *еки ~ ики* 'два' «была ясна уже Г. Вамбери, но он без оснований объединял *ekiz* с др.-уйг. *ekmek* 'дополнять', 'сочетать', чаг. *ikmek*... 'сеять'» (ЭСТЯ I, *253*; ср. также с. 339 указ. работы).

Следует согласиться с мнением Севортяна о безосновательности сближения указ. числительного с чаг. глаголом, но, думается, он едва ли справедлив, высказывая то же мнение о связи между словами со значениями 'два' и 'близнецы', с одной стороны, и между др.-уйг. *ekmek* с указ. выше значениями — с другой. Последнее сближение явно более обосновано, чем первое.

К сожалению, в других источниках этот глагол нам обнаружить не удалось, однако имеется его именное соответствие в виде тур. *ek* 'дополнительный; дополнение, приложение; аффикс', а также 'приставной кусок' (ср. *ekti* 'что-л. связанное или присоединенное к другому предмету') (АИ, *286*), чаг. *ек* 'сустав, сочленение, звено'. Ср. также тур. *ekle-* 'наращивать, присоединять; добавлять, прибавлять; соединять(ся), складывать(ся)', чаг. *екле-* 'соединять, связывать; присоединять, надставлять, удлинять', семантически близкие к др.-уйг. *ekmek*, отмеченному Г. Вамбери.

В других источниках отмечены слова, которые могут быть истолкованы, скорее, как образования от именной основы *ек*: см. чаг. *äклик* 'прибавка' (РСл. I, *685*), др.-тюрк. *екčäк* 'вена, кровеносный сосуд' (ДТС, *167*), *egän- ~ igän-* 'жеребиться' (см.: ДТС, *204*), шор. *эктем* 'больше, более' и под. Однако некоторые из них, возможно, связаны с глаг. **ек-*: др.-тюрк. (МК) *экмä* 'балка, укладываемая поперек основных балок' (МК И, *41*), алт. диал. *äкпä-* 'сложить, составить, держать вместе' (РСл. I, *691*) (возможно, < **ек-ме-*, где *-ме-* — аф. с интенсивно-учащательной семантикой, но В.В. Радлов допускал в этом случае метатезу).

Поскольку тюрк. числительное со значением 'два' и те слова, которые можно считать родственными с ним, в ходе языкового развития практически оторвались друг от друга, в настоящее время между ними в одних и тех же языках существуют фонетические различия: ср., напр., тур. *iki* 'два' и *ek* с указ. семантикой (а также производные от него основы).

Можно полагать, что рассматриваемое числительное — производное от глаг. основы **ек-* 'соединять, дополнять', образованное посредством аф. *-и* или, возможно, *-ки* (если принять версию, согласно которой формы с геминированными согласными типа **екки* являются старейшими; см. **ийис**). Первоначально **ек-(к)и*, вероятно, означало нечто вроде 'соединенный (в пару)' или 'дополненный (до пары, до двух)'.

Э.В. Севортян полагал, что тув. *ийи* и тоф. *ih'i* могут восходить к исходной форме **иги* (ЭСТЯ I, *338*), что не объясняет всех фонетических особенностей тувинского *ийи* [иъйи] и тоф. *иъhи* 'два' (см. ТРС-РТС, *25*), в частности наличия фарингализации и назализации. Характер звуковых изменений в этих формах практически аналогичен тому, что мы ранее наблюдали в названии матери (см. **ие**).

В случае с числительным не исключено его сближение с данным названием (через посредство *ийис* 'двойня', *ийисте-* 'родить двойню'). Тув. *ийи* имеет также несколько диалектных вариантов, в числе которых *иъжи ~ иън'и ~ иъхи ~ ихи* (Сат. ТД, *13, 23, 85*), где два последних близки к тоф. *иъhи*.

ийик *частица* 'бы; ведь, же'.

В тодж. диалекте *ийик* гармонирует с тем словом, к которому относится, приобретая заднерядный вариант *ыйык* (Чадамба 1974, *96*). О семантике *ийик* также см.: ТРС, *204*; Сат, Салзыңмаа, *243*; Монгуш 1998, *129—130*. Ср. тоф. *иик*, восходящее, в частности, к **ийик* (Рассадин. Морфология, *216*), с выпадением *-й-* и образованием долгого *и*. Относительно происхождения тув. *ийик* высказано обоснованное мнение о том, что эта частица восходит к древней (в частности, др.-уйг.) форме прошедшего времени на *-йук* (совр. тув. форма — в основном *-чык*) от глаг. *эр-* 'быть', который в совр. тув. языке как самостоятельный не сохранился, а вычленяется только исторически в застывших морфологических образованиях (*ирги, иргин, эртик* и др.). Д.М. Насилов возводил *ийик* к **эр-j(у ~ и)к*, называя тув. частицу «очень древним образованием», выпавшим из всей системы форм глаг. *эр-*, благодаря чему в *ийик* сохранился исторический фонетический облик аффикса с *j-*. В других тюрк. языках тув. *ийик* нередко соответствует частица *эди* < *эр-ди* (ТС. К 60-летию А.Н. Кононова. — М., 1966. — С. 98—99), также восходящая к одной из форм прошедшего времени от указ. глагола бытия[1], основа которого отмечена в вариантах с *-р-* (*эр- ~ ир-*) или без него (*э- ~ и-*) (см.: ЭСТЯ I, *218—220*).

В тув. языке имеются образования от тех и других вариантов основы (в т.ч. с широким и узким гласными). Ср. **эвес, ирги** (~ **эрги**) и под. В случае с *ийик* возможны различные варианты первоначального облика указ. основы: с конечным согласным или без него, с широким или узким гласным (в результате перехода *э-* → *и-* уже в самом тув. языке).

В научной литературе отмечена и несколько иная, хотя и близкая к рассмотренной, версия происхождения тув. *ийик*, согласно которой последнее является результатом звукового перехода *-д-* > *-й-* и восходит к *идик*, а последнее, по-видимому, < **эр-дик* также является формой прошедшего времени (с аф. *-дык*). Приводится, кроме того, и тув. частица *эртик*, которая считается более древней по своему фонетическому облику, нежели *ийик* (СИГТЯ М, *365—366*).

Однако для тув. языка такой звуковой переход сомнителен. Что же касается частицы *ийик*, то она определенно имеет не только фо-

[1] Возможно, с *эрди* (> *эди*) связана редко употребляющаяся тув. частица *эртти*, которая, как предполагается, восходит к *эртик* (Монгуш 1998, *131*). См. **эртик, эртти**.

нетические, но и структурные отличия от *эртик*, а последняя в фонетическом аспекте едва ли древнее, нежели *ийик*. См. **эртик**.

ийикпе 1. *частица, служащая для усиления выразительности сказанного, а также выражающая сомнение в совершении действия*; 2. *союз* 'или'.

Соответствий в других тюрк. языках не обнаружено. По-видимому, значение разделительного союза у слова *ийикпе* вторично. Первоначально оно являлось частицей. Не случайно, что *ийикпе*, скорее всего, является результатом соединения частиц **ийик** (см.) и *бе* (последнее — вопросительная частица) (Сат, Салзыңмаа, *237*).

Возможно, ранее частица *ийикпе* употреблялась в постпозиции к другому разделительному союзу, в частности **азы** (см.), усиливая идею разделения, выбора, но постепенно сочетание **азы... ийикпе* стало восприниматься как парное слово, а компонент *ийикпе* — как союз со значением 'или'. В настоящее время наряду с *азы* и *ийикпе* употребляется своего рода парный союз *ийикпе азы*, компоненты которого имеют обратное расположение по сравнению с вышеприведенным гипотетическим сочетанием.

Рассмотренная ситуация, думается, в определенной мере аналогична той, что наблюдается в тоф. языке, где наряду с *азы* употребляются и сложные (образованные на его основе) союзы типа *азы... баан*, где *баан* — усилительная частица, которая подобно тув. *ийикпе* может также выражать удивление и сомнение. Образовано *баан* слиянием вопросительной частицы *бе* с эмоциональной частицей *аан* (Рассадин. Морфология, *265, 270*). Как отмечает В.И. Рассадин, в роли разделительных союзов выступают также парные частицы, в т.ч. и *баан* (Там же, *265*).

ийин *частица смягчения.*

В тодж. диалекте частица имеет вид *ийен*, у которого, кроме того, существует твердорядный вариант *ыйан* (Чадамба 1974, *96*). Тув. *ийин* характеризуется и как утвердительная частица (Сат, Салзыңмаа, *243*), что также соответствует реальности. Ближайшим соответствием слова является тоф. *ийен* — «усилительная частица с оттенком удивления и в то же время уверенности» (Рассадин. Морфология, *271*).

Ийин, подобно ряду других сходных с ним частиц, считается связанным своим происхождением с глаг. *э(р)-* 'быть' (см., в частности, **ийик**). Ср. также: ЭСТЯ I, *219*. Структура частицы *ийин* в полной мере не прояснена. Так, *ийин* членится на компоненты *и-йин*, первый из которых связан с указ. глаг. основой, а второй не имеет сколько-нибудь определенного объяснения (Сат, Салзыңмаа, *244*).

Следует отметить, что *ийин*, определенно, гомогенно с частицей или модальным словом *экен ~ икен ~ экан* в других тюрк. языках,

представляющим собой по происхождению форму причастия на *-кан* от указ. глаг. *эр-* (первоначальная форма — *эр-кен*), с которой обоснованно связывалось происхождение другой тув. частицы — *иргин*. Соответствие *эркен*... (правда, еще с иной семантикой) отмечено Д.М. Насиловым в др.-уйг. памятниках (см.: УЗ ТНИИЯЛИ. — Вып. XI. — С. 322—324; Щербак 1987, *94*; а также **иргин**).

А.М. Щербак объединяет совр. тюрк. соответствия *эркен* и тув. *ийин* в общую тематическую группу частиц, выражающих предположение, неуверенность, неочевидность (Щербак 1987, *107—108*).

Вероятно, тув. *ийин*, как и тоф. *ийен*, связано происхождением именно с *экен ~ икен*, но в отличие от *иргин* восходит к варианту слова, в котором отсутствовал согласный *-р-*. Замена *-к-* на *-й-* спорадически происходит в тув. языке, хотя и иным образом: см. **не**, **ийи**, **ийис**.

В данном случае не исключено уподобление *ийин* в ее более ранней форме другой частице — **ийик** (см.), которая, возможно, приобрела свой современный вид раньше, нежели *ийин*. Тоф. и тодж. *ийен* лучше сохранили характер вокализма во втором слоге, где в тув. *ийин* в большей мере проявилась редукция и сужение гласного. Ср. также тув. *иргин* и тоф., тодж. *эрген* (см. **иргин**).

По-видимому, образование *ийин* произошло относительно давно, поскольку компонент, связанный с рассматриваемой частицей, прослеживается в других частицах, имеющих сложный состав: см., в частности, **ийне**, **ийнен**.

ийис [иъ̄йис] 'двойня'.

Ср. тоф. *иьһис*, *иьһиспен* 'двойня, близнецы', а также соответствия общетюрк. характера *екиз ~ икиз* и под., означающие в основном 'близнецы, двойня', а также 'двойной'; 'пара' и т.п.

Слово традиционно считается производным, образовавшимся при помощи древнего показателя *-з* со значением парности или мн. ч. от числительного *еки ~ ики*... 'два' (ЭСТЯ I, *253*), которому в тув. языке соответствует **ийи** (см.).

Э.В. Севортян определяет эту этимологию как «почти общепринятую», отмечая мнение А.М. Щербака, который «не согласен с распространенной трактовкой *-з* как показателя грамматического числа» (ЭСТЯ I, *253*).

А.М. Щербак указывал, что «в слове *ік(к)із* 'двойня' значение двойственности-парности выражено самой основой — числительным *іккі* 'два'». Что же касается компонента *-з*, то он, по мнению исследователя, является утратившим продуктивность аффиксом именного словообразования и сравнивается с тем формантом, который вошел в состав форм субъективной оценки: ср. *кічігäз* 'маленький' (< *кічіг*), *јајчыгаз* 'луна' (< *јајчык*) (Щербак 1977, *86*).

А.М. Щербак, скорее всего, прав, отрицая реальность аф. *-з* в качестве показателя двойственного или мн. ч. и распространяя это отрицание на тюрк. название двойни. Но ничто не указывает и на то, что в данном случае указ. формант использован для образования формы субъективной оценки, как это имеет место в примерах, приводимых Щербаком, и, более того, что в *ик(к)из* аф. элемент вообще служит для отыменного словообразования.

Нам представляется вполне вероятным, что данное слово образовано не от числительного *еки ~ ики* 'два', а подобно последнему восходит к глаг. основе **ек-*... 'соединять (в пару); дополнять (до пары)' (см. **ийи**).

Необходимо напомнить о наличии тюрк. аф. *-з* (в данном случае — *-(и)з*: *екиз ~ икиз* < **ек-(и)з ~ *ик-(и)з*), «одного из древнейших аффиксов, образующих имена существительные (прилагательные) от глагольных корней» (Кононов. ГЯТРП, *94*). Возможно, первоначально *екиз ~ икиз* означало нечто вроде 'двойной, парный; пара', а специализированное значение 'двойня, близнецы' было вторичным.

Таким образом, в случае с *екиз ~ икиз*... мы имеем дело не с отыменным, а с оттлаг. образованием. Однако в связи с диэтимологизацией этого слова оно стало восприниматься как непосредственно связанное с *еки ~ ики* 'два' и по его образцу могли создаваться другие подобные слова уже на основе числительных. Примером таких образований может служить тур. *йкйz* 'тройня', сопоставляемое А.М. Щербаком с *uçuz* (Щербак 1977, *86*).

Возможно, что существовавшие между тюрк. *еки ~ ики* и *екиз ~ икиз* структурные различия нашли свое отражение в звуковом облике этих двух слов. Вероятно, Севортян правомерно интерпретировал геминированную форму числительного (*екки ~ икки*) как остаточную, а негеминированную как более позднюю. «Все формы *икиз ~ екиз* и т.д. имеют одинарный согласный. Геминированные формы приведены лишь в словаре Махмуда Кашгарского... и в словаре В.В. Радлова» (ЭСТЯ I, *338*).

Исходя из традиционных представлений, согласно которым *екиз ~ икиз* образовано от *еки ~ ики*, Э.В. Севортян склонялся к тому, чтобы реконструировать первоначальную геминацию также и для названия двойни, близнецов (Там же). Между тем, слабая отраженность этого фонетического явления в вариантах *екиз*... может свидетельствовать о его вторичности в данной ситуации, и, напр., *ikkiz* 'двойня, близнецы' (МК) могло быть результатом его сближения с *ikki* 'два; оба', зафиксированного тем же источником (ДТС, *207*).

Тув. *ийис* — вторичная и отклоняющаяся форма слова, появившаяся, вероятно, как результат контаминации (см. **ийи, ие**).

ийна *тодж. частица* 'ведь'; **ийне** *частица, выражающая опасение в возможности совершения какого-л. нежелательного действия* ('ведь, как бы не...').

Ср. также тоф. *ийнэ*, представляющее собой «подтвердительно-усилительную частицу с оттенком уверенности» (Рассадин. Морфология, *270*).

По-видимому, *ийна ~ ийне...* образовано слиянием частиц **ийин** (см.) и *а*. В отдельных тюрк. языках отмечаются различные по семантическим характеристикам частицы типа *а*: одним из них присуще значение подчеркивания, подтверждения, а другим — «побуждения-запрета» (Щербак 1987, *98, 105*). Частицы подобного характера могли участвовать в образовании слов *ийна, ийне*.

Тот факт, что рассматриваемая частица образована путем слияния двух слов с несингармоничными гласными, отражен в облике диалектного варианта *ийна*.

ийне см. **ийна**.

ийнен, ийнээн, ыйнаан *частица* 'может быть, возможно, должно быть; конечно'.

В тодж. диалекте указ. частица отмечена в вариантах *ыйнан ~ ийнен* (гармонирующих со словами, к которым они относятся) (Чадамба 1974, *96*). Ср. также тоф. соответствие *ийнаан ~ ыйнаан*, означающее частицу усиления, варианты которой, судя по языковому материалу, не зависят от характера вокализма, а используются факультативно. Как считает В.И. Рассадин, она составлена из частиц *ийен + аан* (Рассадин. Морфология, *271*).

Подобная же точка зрения высказывалась и относительно происхождения тув. *ыйнаан* (< *ийин + аан*) (ИП, *433*). См. также **ийин, аан II**.

Утрата долготы гласного во втором слоге вариантов типа *ыйнан, ийнен* не поддается однозначному объяснению. Возможно, в данном случае имело место уподобление частицам **ийна** и **ийне** (см.).

ийнээн см. **ийнен**.

ики *диал.* см. **эки**.

ил- '(на)цеплять; подцеплять, поддевая чем-л.; вытаскивать, подцепляя чем-л.; наметывать, шить (иглой)'; *перен.* 'устраивать подвох'; **илги** 'петля (напр., на одежде)'; **илбек** 'крюк'.

Отмечена общетюрк. глаг. основа *ил-* (основная форма) со значениями 'вешать, прицеплять(ся), зацеплять(ся); ловить' и рядом др., из которых основными считаются 'вешать' / 'висеть', 'зацеплять' / 'прицеплять' и под.

В некоторых языках и диалектах у данной основы фиксируется долгий гласный; эта долгота, как считается, этимологическая (первичная) (ЭСТЯ I, *343—344*); ср. также **īl-* 'вешать, цеплять, зацеплять' (Щербак 1970, *194*).

Как считал Э.В. Севортян, наряду с глаг. *ил-*, существовало также соотносительное с ним имя, которое на основе тур. диал. данных восстанавливалось в виде **il* со значением 'петля', однако этимология глаг. основы отсутствует; имеются лишь алтаистические сближения (ЭСТЯ I, *345*).

В ЭСТЯ отмечается также продуктивность корня *и:л- ~ ил-*, от которого образован ряд производных, в числе которых на первом месте названо существительное с аф. *-мак/-мек* в значении орудия, средства типа *ил-мек...* 'крюк, крючок; петля'. Ему соответствует тув. *илбек* (< *илмек*) 'крюк; петля для пуговицы; дверной запор'. В тув. лексике существует также образование *ил-ги* 'петля (напр., на одежде)' (ср. тоф. *илгі, илге* 'булавка, заколка; вешалка', як. диал. *илги* 'крюк с рукояткой для вытаскивания из воды пойманной рыбы'). Имеются и глаг. производные основы и соотносительные с ними имена, образованные от залоговых форм тув. основы и рассматриваемые ниже. См. **илдик- I, илдирге, илчирбе.**

илбек см. **ил-.**

илбер-самдар 'драный, изодранный, изношенный (об одежде)'.

См. **элбер-самдар.**

илби 'волшебство, колдовство; фокус, трюк'.

Ср. алт. *илби-* 'колдовать', *илбичи* 'колдун', а также алт. диал. *йилби*, шор. *чилби* 'обольщение, обман...'; в эту группу едва ли можно отнести тув. *чилби* 'жадный, прожорливый' и его соответствия (ЭСТЯ IV, *202*; см. также **чилби**). В памятниках же отмечено слово *jelwi* 'волшебство, колдовство' с его фонетическими вариантами.

ЭСТЯ (IV, *202*) отмечает, что совр. соответствия др.-тюрк. *jelwi* распространены в тюрк. языках Сибири, где они явились заимствованиями из монгол. языков, носящими, очевидно, возвратный характер (ср. п.-монг. *ilbi ~ jilbi* и под. 'обман; хитрость, коварство; обольщение; фокусы, волшебство; магические свойства', монг. *илбэ* 'фокус; колдовство'). Как монгол. заимствование истолковывал тув. *илби* и Н.Ф. Катанов (Опыт, *141*).

Происхождение тюрк., а именно др.-тюрк., слова в имеющихся публикациях не установлено. Сомнительна точка зрения, согласно которой источник слова неясен и в то же время является общим для тюрк. и монгол. языков (ЭСТЯ IV, *203*), однако тюрк. версия его происхождения также не разработана. По мнению Дж. Клосона, вероятна связь *jelwi* с глаг. *jelpi-* ('обмахивать; дуть, веять'), но она затемнена, а семантическая связь его с *jel* (*je:l*) 'ветер' может носить случайный характер. С последним предположением согласен и автор статьи в ЭСТЯ, который полагает также, что для сближения *jelwi* и *jelpi-* нет достаточных оснований (ЭСТЯ IV, *202*).

Скорее всего, здесь нет оснований для непосредственного сближения друг с другом именно этих словоформ; однако есть смысл

сблизить *jelwi* с глаг. основой *йел-* 'дуть (о ветре)', имея в виду вероятность у него семантики, связанной с колдовством, сверхъестественной силой и т.п. Такая семантика проявляется у именного соответствия данной основы — *йел* (*jel*) 'ветер', означающего также 'дух; злой дух; дух — помощник шамана' и под., и у глаг. основы *jelpi-* с ее соответствиями и производными формами, у которых отмечены значения 'ворожить платком' и 'попадать под действие злых чар'. См.: ЭСТЯ IV, *174–175*, *182* (ср. **челби-**).

Подобные значения существуют и у слов, образованных от *йел-*. Так, в ЭСТЯ к числу возможных производных от этой основы отнесены турк. *йелгин* 'порыв ветра', тур. диал. *йелкин* 'ветреная погода' (ЭСТЯ IV, *176*), у которого есть также соответствие в виде алт. диал. *jälkin* 'невидимый дух, слуга Эрлика' (см.: РСл. III, *352*, а также ГАЯ, *173*).

Др.-тюрк. *jelwi*, возможно — из **jel-bi*, где *jel-* — вышеприведенная глаг. основа, а *-bi* — редк. для тюрк. языков аф., образующий отглаг. имена (ср., в частности: Рассадин. Морфология, *76*). На возможность формы **jelbi* может указывать такой графический вариант др.-тюрк. слова, как *jelpi* (см.: ДТС, *254*).

илги- 'двигаться, идти медленно; **илдирт-** 'медленно идти, ковылять'. Ср. кирг. *илки-* 'двигаться медленно, вяло, лениво; плестись', *илби-* 'двигаться медленно и вяло', *илең-салаң* 'медленно, вяло; спустя рукава'; каз. *ілбі-* 'едва-едва двигаться; идти крайне медленно; брести, плестись', тув. *илбең-тендиң* 'передвигающийся еле-еле, неуклюже', первый компонент которого — вероятное производное от глаг. основы **илбе-*, представляющей собой вариант основы типа кирг. *илби-*, каз. *ілбі-*.

Глаг. *илги-* (< *илки-*) и *илби-* ~ **илбе-*, возможно, представляют собой формы интенсификации глаг. корня **ил-*, который может быть идентифицирован с общетюрк. *ил-* '(за)цеплять; цепляться' (см. **ил-**), имея в виду такую характеристику медленного, вялого, неуверенного передвижения, когда ноги как бы цепляются друг за друга.

Допустимо поэтому, что *илги-* и под. гомогенно с тув. *илдик-* 'спотыкаться' (см. **илдик-** I) и *илдирт-* 'медленно идти, ковылять', представляющее собой, в сущности, форму двойного побудительного залога (*ил-дир-т-*) глаг. *ил-*. Возможно также, что на семантику *илги-* и других рассмотренных выше слов могло повлиять сближение с глаг. основой типа тув. *чыл-* 'ползти, ползать', внешне сходной с *ил-* (ср. варианты *чыл-* в других языках вроде *йыл-* и т.п.).

илги см. **ил-**.

илгин: илгин чүвүр *диал.* (Бай-Тайга) 'брюки, сшитые из шкуры без шерсти'.

В приведенном словосочетании **чүвүр** означает 'брюки, штаны' (см. **чүвүр**). Компонент *илгин*, как, очевидно, и алт. *илгин* 'замша; замше-

вый', имеет монгол. происхождение: ср. п.-монг. *ilgi(n)* / монг. *илгэн* (*илэг*) 'замша, замшевый', калм. *илгн* 'илген' (выделанная домашним способом овечья или козлиная шкура), *илгн шалвур* 'брюки из выделанной овчины'. См. также: СИГТЯ Л, *389*.

илдең 'ясный, ясно видимый (различимый); отчетливый; явный, понятный'.

Слово определенно имеет связь с рядом других тув. слов, в т.ч. *иле* 'отчетливый, ясный' (см. **иле** I) и других, являющихся, вероятнее всего, монголизмами. Однако в случае с *илдең* прямых монгол. соответствий не обнаружено, есть лишь близкая форма типа *ilte* / *илт* 'ясно, определенно'. Возможно, *илдең* не является монголизмом. В связи с этим обращает на себя внимание то обстоятельство, что в тюрк. языках обнаруживаются основы, которые могут быть гомогенны с рассматриваемой и в то же время не быть заимствованиями. Ср., напр., каз. диал. *іл-* 'знать', *ілік* 'знание' (Аманжолов, *425*), уйг. *ил-мә* 'примета', а также др.-тюрк. (МК) *ilär-* 'показываться, виднеться, бросаться в глаза' (ДТС, *207*), алт. диал. *илер-* 'быть ясным, раскрытым' (РСл. I, *1480—1481*).

В двух последних глаголах, похоже, вычленяется основа ***il-ä* ~ ***ил-е*, соотносимая с тув. *иле* в указ. значении и ее тюрк. и монгол. соответствиями (последние — вероятно, тюркизмы).

Вышеприведенные данные свидетельствуют о существовании тюрк. глаг. основы ***ил-* 'видеть (ясно, четко); понимать' и под. (ср. каз. диал. *іл-*). Тув. *илдең* — возможно, производное от ***ил-(и)т-*, формы каузатива от указ. основы, образованное с помощью аф. *-(е)ң*.

См. также **илдик- II**, **иледе**, **илейти**, **илейтир**.

илди, үлдү *фолькл.* 'вид холодного оружия тяжелее сабли; меч'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *ildü* / монг. *илд* 'меч, сабля', калм. *үлд* [үлдә] то же (ср. также: ЯМВМ, *163*). В тув. языке это слово, судя по наличию указ. вариантов, могло быть заимствовано из разных источников: вост.-монг. (*илди*) и ойр. (*үлдү*).

илдик- I 'цепляться за что-л.; спотыкаться обо что-л.; задерживаться, замешкаться; затрудняться с ответом'; **илдик: илдик чок** 'без запинки, гладко (напр., об ответе)'.

Ср. тоф. *илдік-* 'запинаться, спотыкаться'. Указ. глагол — форма медиопассива от основы *ил-* 'нацеплять, подцеплять...' (см. **ил-**), образованная при помощи редк. форманта *-дык-*... (о нем см.: АГ, *512*). Именная основа *илдик* в составе *илдик чок* — возможно, результат конверсии глаг. основы *илдик-* в именную.

илдик- II 'виднеться; слышаться, доноситься (о звуках)'.

В ТСТЯ как одно многозначное слово даются *илдик- I* ('цепляться за что-л.') и *илдик- II*. Значения последнего реализуются в составе таких конструкций, как *каракка илдик-* 'виднеться/показываться (в глазах)' и *кулакка илдик-* 'слышаться в ушах'. Ср. также др.-тюрк. *közgä ilärt-* 'обращать внимание на что-л.,' *közgä iläп-* 'бро-

саться в глаза, привлекать внимание', где и *közgä* — форма дат. п. от *köz* 'глаз', подобно тому, как тув. *каракка* — та же форма от *карак* 'глаз'.

Форма *ilärt-* в *közgä ilärt-* интерпретируется как каузатив от *ilär-* 'показываться, виднеться', а *ilän-* в составе *közgä ilän-* — как форма возвратного залога от *il-* 'цеплять; ловить' (ДТС, *207*). С последним выражением следует сопоставить уйг. диал. *közügä il-* 'замечать, обращать внимание', букв. 'зацеплять на глаза' (Тенишев. УДС, *70*).

По-видимому, подобное исходное значение имело и тув. *каракка илдик-*, а по аналогии с ним — и *кулакка илдик-* (букв. 'зацеплять на ухо'). В таком случае *илдик- I* и *илдик- II* имеют общее происхождение, хотя их значения сильно разошлись.

Др.-тюрк. *ilär-* 'показываться...', очевидно, гомогенно с каз. диал. *in-* 'знать' и под. (см. **илдең**), где, впрочем, нельзя исключить метафоризацию *ил-* (*il-*) 'цеплять; ловить', имеющему также значения 'хватать, бросаться на дичь' и т.п. (см.: ЭСТЯ I, *344*).

илдик см. **илдик- I**.

илдирге 'веревочная или волосяная петля (для скрепления жердей в юрте); кожаная петля (на конце кнутовища)'; **илдирик** *диал.* то же.

Ср. хак. *ілдірбе, ілдіргес* 'веревочная петля' (ХРИЭС, *37*). Указ. слова, по всей вероятности, производные от *илдир-*, формы каузатива от *ил-* '(на)цеплять' и под. (см. **ил-**), образованные соответственно при помощи аф. *-га ~ -ге*, *-(и)к*, а также *-бе* (< *-ме*), *-гес* (? < *-геш*).

илдирик см. **илдирге**.

илдирт- см. **илги-**.

иле I 'отчетливый, четкий; ясный, хорошо видимый'.

Ср. тоф. *иле* 'отчетливый, ясный; явный, очевидный', алт. *иле* 'ясно, понятно; отчетливо, разборчиво', хак. *іле* то же, як. *илэ* 'явно, открыто, наяву; самый настоящий', относимые к числу монголизмов. (См.: Рассадин. Фонетика, *201*; Рассадин. МБЗ, *26, 37, 76*). К ним следует, очевидно, отнести и тув. *иле*. Ср. п.-монг. *ile* 'явный, ясный; явственно видимый', Поппе. Мук. *ile* 'ясный', монг. *ил* 'явный, ясный; очевидный'. См. также: ЯМВМ, *163*.

Монгол. слово может иметь и тюрк. происхождение, а его указ. тюрк. соответствия — быть вторичными заимствованиями: см. **илдең**.

иле II 'остаток араки на дне при питье из общей чаши (по национальному обычаю)'.

Соответствия в других тюрк. языках неизвестны. Допустима связь с глаг. основой типа др.-тюрк. *il-* 'спускаться, сходить; опускаться' (ДТС, *207*). Сочетаемость этой основы не вполне ясна. Может быть, она могла означать 'опускаться, понижаться' (в т.ч. об уровне жидкости в сосуде). В таком случае образованное от подобной основы имя **ил-е* вполне могло относиться и к недопитой араке, оставшейся в чаше. См. также **эл**.

иледе 'ясный, ясно видимый (различимый); отчетливый; явный, понятный'.

См. **илдең**.

Монголизм. Ср. п.-монг. *ilede* 'явно, ясно; очевидно, явственно', бур. *элитэ* 'ясный, понятный; явный, очевидный; ясно, понятно...'. См. также **иле** I.

илейти, илейтир 'заметно; на виду'.

Соответствия не найдены. Возможно, указ. слова родственны *илдең* 'ясный, отчетливый; отчетливо видный' (см. **илдең**) и подобно последнему восходят к глаг. основе **ил-* 'видеть (ясно, четко)...'. Первоначально от этой основы было образовано прил. *илей* (< *илей*), а от него при помощи аф. *-ти* и *-тир* — наречия. Аф. *-тир*, образующий отадъективные наречия, отмечен в тув. языке (ИП, *426—428*), а формант *-ды*, используемый для той же цели — в тоф., но существовал еще в др.-тюрк. памятниках (Рассадин. Морфология, *249—250*).

илейтир см. **илейти**.

илергей 'ясный, понятный, отчетливый'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *ilerkei* 'явный, ясный, очевидный; видный, на виду' / монг. *илэрхий*, бур. *элирхэй* то же. Ср. **иле** I, **илере-**.

илергейле- 'выражать, проявлять'; **илергейлел** *книжн.* 'выражение, проявление чего-л.'.

Монголизмы, скорее всего, поздние, по форме и семантике более близкие к п.-монг. вариантам монгол. слов. См. также **иле** I, **илергей**.

Ср. п.-монг. *ilerkeile-* 'делать явным, очевидным, ясным; обнаруживать, проявлять', монг. *илэрхийлэх* 'объявлять, высказываться; заверять, обещать; рапортовать', а также *ilerkeilel* 'обнаружение, огласка; дощечки с надписью над воротами дворцов, кумирен, присутственных мест, лавок и т.п. вывески' и *илэрхийлэл*, *илэрхийлэлт* 'заверение, обещание; высказывание; рапорт; вывеска'.

илергейлел см. **илергейле-**.

илере- 'обнаруживаться, выявляться; выясняться'; **илерел** 'проявление чего-л.'.

Монголизмы. Ср. п.-монг. *ilere-* 'делаться явным, очевидным, обнаруживаться, проявляться; прославляться', монг. *илрэх* 'выясняться, выявляться, обнаруживаться; делаться очевидным; сказываться', *илрэл* 'выражение'. См. **иле** I, **илергейле-**.

илерел см. **илере-**.

илетке- 'делать доклад, выступать с докладом; сообщать, докладывать, рапортовать'; **илеткел** 'доклад'.

Поздние монголизмы. Ср. п.-монг. *iledke-* 'делать явным, известным, объявлять, обнаруживать, обнародовать; обличать'; нов. 'докладывать', *iledkel* 'обнаружение, объявление; прокламация; хроники, в

которых описаны важнейшие события разных эпох'; нов. 'доклад', монг. *илтгэх* 'докладывать, делать доклад' и *илтгэл* 'доклад'. См. **иле I.**

илеткел см. **илетке-**.

иле-туда [-уь] 'сразу, немедленно'.

Ср. кирг. *иле-сала* 'тотчас', каз. *іле-сала* 'немедленно, тотчас', *іле-шала* 'немедленно; по свежим следам', башк. *әлә-һала* (< *иле-сала*) 'мельком, неясно; небрежно, наскоро, второпях, поверхностно, кое-как'.

Очевидно, подобные парные слова состоят из компонентов, являющихся формами деепричастия на *-а...* определенных глаголов в однотипных значениях, характеризующих быстрое, энергичное действие. Так, компонент *иле...* связан с общетюрк. *ил-* 'цеплять(ся)' и под., в т.ч. 'бросаться на дичь, нападать; хватать' (см.: ЭСТЯ I, *344*, а также **ил-**). Интересно, что этот глагол, судя по производным от него словам, мог характеризовать и, наоборот, медленные, вялые движения (см. **илги-**).

Второй компонент тув. *иле-туда* восходит к глаг. *тут-* 'держать; хватать, ловить' (см. **тут-**). Компонент *-сала* в кирг. и других соответствиях тув. нар. *иле-туда* < общетюрк. *сал-* 'класть; бросать, кидать; бить, ударять', а *-шала* в каз. *іле-шала* < *шал-* (< *чал-*) 'косить, наносить сильный удар'. Существуют сходные с указанными парные слова с противоположными значениями, ср. кирг. *иле-сала* 'тотчас' и *илең-салаң* 'медленно, вяло'.

илиг 'илиг' (*мера длины, равная толщине пальца*).

Слово имеет соответствия общетюрк. характера в вариантах *елиг ~ илиг* (характерных для сиб.-тюрк. языков), *елик ~ илик* и *ели ~ или*, в основном с тем же значением, что и у тув. *илиг*. Кроме того, в отдельных источниках фиксируется семантика, явно вторичная: 'вершок' (44 см), 'дюйм' и под. (ЭСТЯ I, *263—264*).

Удовлетворительной этимологии слово не имеет. Э.В. Севортян считал, что его «можно было бы связать со словом *ел ~ елиг ~ илик* 'рука', среди значений которого имеется также 'палец...'» (см. также: EW, *39*; ED, *140*). По его мнению, основные формы названия меры длины восходят к глаг. корню **ел-*, соотносительному с *ел* 'рука'. Э.В. Севортян приходит к следующему выводу: «...*Елиг ~ елик ~ илиг ~ илик* 'ширина/толщина пальца' (руки) и *елиг ~ елик ~ илиг ~ илик* 'рука' образуют лексически обособившиеся значения единого производного, т.е. омонимы, поскольку в одном из омонимов глаг. корень **ел-* участвует одним своим значением, во втором — другим своим значением» (ЭСТЯ I, *264*). Указ. значения при этом не даны, и сама их реальность ничем не подтверждена. Хотя связь указ. названий выглядит достаточно вероятной (тем более, что и Севортян отмечал «типичность семантической связи между названием органа тела и единицей измерения, в функции

которой тот или иной орган применяется»; см.: ЭСТЯ I, *264*), но сам ее характер в данном случае остается непроясненным, а этимология оказывается незавершенной.

Эта связь практически отрицается А.В. Дыбо, восстанавливающей разные тюрк. и алт. праформы названия руки (ср. **älg* и **'algä*) и меры (**eilig* или **'eilgi* и **ei̯(l)lig*) и соответственно проводящей алтаистические сближения с различными тунг.-маньчж. словами (в реконструированных формах) (Дыбо, *316*, *324*; СИГТЯ Л, *259*).

Структура восстановленных подобным образом названий не устанавливается, хотя и делается попытка реконструировать их первоначальную семантику. В частности, предполагается, что «первичным значением для **ei̯(l)lig* является прослеживаемое как реликт 'фаланга пальца', которое изменилось на 'ширину пальца' в связи с переходом тюрков на иранскую систему ручных мер, в которой аналогичной мелкой мерой «работала» 'ширина пальца' *angušt-...*» (Дыбо, *178*; СИГТЯ Л, *259*).

Достаточных же оснований для реконструкции в качестве первичного для рассматриваемых тюрк. слов значения 'фаланга пальца' (= 'кость пальца') нет. Очевидно, по аналогии с тюрк. языками, но так же безосновательно такая первоначальная семантика восстанавливается и для тунг.-маньчж. языков (Дыбо, *324—325*; СИГТЯ Л, *259*), по которым приводятся лишь единичные данные, в т.ч. удэйск. *ниӈи* 'мера длины, равная ширине среднего сустава пальца'.

При этом остается неясным то, как возникла эта мера у носителей удэйского языка и связана ли она с их переходом на «иранскую систему ручных мер». Сомнительна и гомогенность, а следовательно, и сопоставимость тюрк. и тунг.-маньчж. слов.

Сравнивая две вышеприведенные этимологические версии, можно прийти к выводу, что первая из них, принадлежащая Э.В. Севортяну, явно ближе к истине, чем вторая, которая, в сущности, ограничивается сближением наименований, относящихся к разным языковым семьям.

Если же исходить из гомогенности рассматривавшихся Севортяном тюрк. названий руки и меры, то следует согласиться с ним и в том, что эти слова связаны с глаг. основой **ел-* (> **ил-*), которая могла иметь семантику типа 'широко расставлять, разводить в стороны, раскидывать, разбрасывать' и, вероятно, 'расширять, раздвигать'. Такая основа прослеживается, напр., в як. *ілäі-* (*илэй-*) 'раскидывать что-л. на обе стороны' (Пек. I, *913*; ДСЯЯ, *106*). Ср. як. *ілäjäн барабын* 'иду, раскидывая руки на обе стороны' (Пек. I, *913*). Как предполагается, *илэй-* относится к типу як. глаг. основ с аф. *-ай-* (который присоединяется, в частности, к глаголам, существенно не изменяя их значений) (Харитонов, *50*, *52*).

С *илэй-*, вероятно, гомогенны як. *ilk-* 'бросать наотмашь; выбрасывать порывисто, стремительно, небрежно; отбрасывать, откидывать' (Пек. I, *928*) или, согласно совр. источнику, *илк-* 'отбрасывать, отшвыривать кого-что-л.' (ЯРС, *147*), а также *элит-* 'откидывать, отбрасывать' (ЯРС, *539*), которые представляют собой производные формы основы **эл- ~ *ил-*. Ср. также хак. *іліг* 'кропление', *ілтік* 'берестяная чаша, используемая для кропления духам' (ХРИЭС, *38*).

Вышеприведенным словам могут быть родственны общетюрк. глаг. основы *елге- ~ еле-* 'просеивать (сквозь решето, сито); сеять', которым, в частности, соответствует тув. *элге- ~ эгле-* (< *элге-*) 'отделять, очищать толченый ячмень или просо от шелухи (ударяя о колени корытцем с зерном)'.

Эти основы считаются производными от имени **ел*, а последнее Э.В. Севортян склонен был отождествить со словом *ел* 'рука' (ЭСТЯ I, *263*), что близко к реальности. Но лексическая семантика этого имени (основы *елге-...*) требует уточнения. Думается, в данном случае **ел* представляет собой именное соответствие к ранее указ. глаг. основе **эл- ~ *ил-*, и его семантика должна, очевидно, соответствовать значению этой основы. **Ел*, возможно, означало нечто вроде 'отдельный, раздельный; разделенный' (или 'разделяющий'), что представляет собой первоначальную семантику слова.

Здесь следует отметить, что мотивирующий семантический признак разделения или раздвоения лежит в основе и других наименований конечностей и их частей (пальцев, ногтей) в тюрк. языках (см. **адак I, II, бут**, а также нашу публикацию: СТ. — 1988. — № 1. — С. 23—24).

Односложное слово *ел* 'рука' (а также 'палец' и под.) восходит непосредственно к указ. именной основе **ел*, в то время как его двухсложные соответствия *ел-иг, ел-ик* образованы от глаг. коррелята **ел*, а именно **ел-* (**эл-*).

От той же глаг. основы, но, возможно, в значении 'расширять' образовано и название меры *ел-и ~ ел-иг ~ ел-ик* 'ширина (толщина) пальца как мера длины'. Структурно это название аналогично другому тюрк. обозначению меры, имеющему меньшее распространение, чем *ел-и* и под. Речь идет о кирг. *сере* 'ширина слегка раздвинутых четырех пальцев', каз. *сере* 'мера толщины, равная ширине слегка раздвинутых четырех пальцев', турк. *сере* 'мера длины, равная расстоянию между большим и указательным пальцами или между указательным пальцем и мизинцем', тур. *sere* 'расстояние между большим пальцем и мизинцем (как мера)'.

Это название меры А.В. Дыбо обоснованно считает производным от глаг. **sEr-* с первоначальной семантикой 'лежать, класть, раскладывать' ~ 'растягивать'. См.: Историко-культурные контакты на-

родов алтайской языковой общности: XXIX сессия PIAK. — Ташкент, 1986. — Вып. II. — С. 52—53. Ср. также тур. *ser-* 'растянуть; разостлать, разложить'. См. **сери**.

Тув. *илиг* < **эл-иг*. Ср. тув. *элге-...* с указ. семантикой, а также тув.-тодж. *элдик* 'рукавица', где сохраняется начальный широкий гласный, который в *илиг*, как и в ряде других слов, претерпел сужение. См. **элдик**.

илиир 'борона; утюг'.

В ТРС *илиир* 'борона' и *илиир* 'утюг' даются как омонимы (1968, *206*), но фактически этот случай может быть истолкован как проявление полисемии, поскольку в указ. значениях отмечен общий семантический признак выравнивания. Слово имеет монгол. происхождение. Ср. п.-монг. *iligür* 'лощило, гладилка; лопатка у штукатуров', *ilеür ~ ilegür* 'утюг', монг. *илүүр* 'утюжок', калм. *илүр* [илүүр] 'утюг', являющиеся производными от глаг. основы типа *ili- ~ ile-* 'гладить; ласкать, проводить рукой (по чему-л.)'. См., в частности: Владимирцов. Ср. грамматика, *178, 179*. Значение 'борона' у монгол. соответствий тув. *илиир* не обнаружено, и, возможно, оно возникло уже непосредственно в тув. языке.

илилбе-дилилбе *фолькл.* 'очень много, дополна'.

Ср. кирг. *илек* 'несметное число', которое относится к иран. заимствованиям (КРС, *299*), хотя неясно, насколько обоснована такая трактовка. Ср. также каз. *илеу* 'муравейник', як. *илбээ-* 'соединять, собирать', *илбэн* 'мешочек для пуль', як. диал. *илбээн* 'кожаная перевязь через плечо с запасами боеприпасов', *илбиччи* 'всё, полностью; дотла' (ДСЯЯ, *105*). Исходной основой этих слов могло быть имя **ил* 'нечто собранное в большое количестве' (?) или соотносительный с ним глаг. **ил-*; он, возможно, был связан с основой *ил-* '(при)цеплять; вешать' (см. **ил-**), у которой отмечены и такие значения, как 'привязывать, связывать, соединять' и к которой возводится тюрк. *ил(и)* 'с, вместе' (послелог); 'и' (союз). См.: ЭСТЯ I, *344, 346*.

Тув. *илилбе-* — первый компонент указ. слова, возможно, < **ил-ил-ме*, где **илил-* — форма страдательного залога от *ил-*, а *-ме* — имяобразующий аф. (ср., в частности, **илчирбе**). Второй компонент *-дилилбе* выглядит как звуковой повтор к *илилбе-* и как своего рода «пустое слово», но, вероятно, что и этот компонент связан с реальной словоформой. В целом *илилбе-дилилбе* напоминает монгол. *elbeg delbeg / элбэг дэлбэг* 'изобильный, обильный, обилие; в изобилии, вдоволь' при *elbeg/элбэг* 'обильный, изобилующий; обилие, изобилие' и *delbeg* 'обильно, изобильно; с избытком' (Голст. III, *87*). См. также **элбек**.

Может быть, *elbeg...* имеет этимологические связи с вышеуказ. тюрк. словами. Подобные связи, по-видимому, имеются и у *delbeg*, а также

у компонента *-дилилбе* тув. слова. Ср. як. *тилэ* 'подряд, без перерыва', *тилэри* 'полностью, до конца', хак. диал. *тилем* 'везде, всюду', где можно выделить основу **тил-* 'наполнять(ся); заполнять(ся)', в которой гласный *-и-*, очевидно, < *-е-*, см.: др.-тюрк., чаг. *telim* 'много', алт. диал. *телем* то же, тур. *delim* 'много, многочисленный' (EW, *472*), турк. *телим* 'несколько; неоднократно', ? *телки* 'широкий'.

В таком случае, *-дилилбе* односструктурно с *илилбе*.

илчик см. **чилчик**.

илчирбе 'цепь, цепочка'.

Ср. тоф. *ильчирме* то же, а также алт. *илјирме*, хак. *ілчирбе*, шор. *илчирбе* 'цепь' (Рассадин. Фонетика, *201*); сходный список соответствий см. также в: EW, *171*; ЭСЧЯ, *51*. М. Рясянен под вопросом возводит эти слова к кирг. *ilgir* 'кто любит хватать, зацепляться' (по РСл.) < *il-* 'повесить, привесить; цепляться' (см. **ил-**).

Илчирбе и под. действительно связаны с указ. глаголом, но его непосредственная производящая основа (*ilgir*) представлена неточно. Рассматриваемое слово образовано от другой производной (причем глагольной, а не именной) формы, а именно от формы, объединяющей взаимный (аф. *-(и)ш-*) и побудительный (аф. *-(и)р-*) залоги: **ил-(и)ш-(и)р-* (> **илшир-* > **илчир-*...) с помощью аф. *-ме* (с переходом *м* > *б*).

Ср. хак. диал. *іліспе* 'цепь' (ХРИЭС, *38*) с более простой структурой: оно, очевидно, образовано от формы взаимного залога *илиш-* (> *іліс-*) с использованием указ. словообразовательного форманта (*-ме* > *-пе*).

илчиргей 'гноящийся, гнойный; переспелый, перезрелый, истлевающий; разлагающийся; растленный; непрочный, недоброкачественный'; **илчире-** 'гноиться; переспевать, перезревать; истлевать, разлагаться'.

Ср. тув. *ылчыргай* и *ылчыра-* со значениями, близкими тем, которые характеризуют рассматриваемые основы (ТРС 1968, *595*). Соответствия глаг. основы типа *ылжыра- ~ елджире-* и под. со значениями 'гноиться; разлагаться' и под. отмечены и в других тюрк. языках (главным образом, сиб., а также каз., кирг., ккалп.). Э.В. Севортян связывает эти глаголы с именной основой *ылжыр ~ ылчыр ~ илчир*, означающей 'слизь, гной', а также имеющей целый ряд других значений, часть которых, возможно, принадлежит имени, омонимичному с указанным (ЭСТЯ I, *653*).

Данные слова имеют образный характер, причем они характерны в значительной степени и для монгол. языков. Это следует сказать в первую очередь о глаг. основах и о производных от них прилагательных: ср. п.-монг. *ilǰire- ~ iljara-* 'гнить, портиться, разлагаться; протухать', *ilǰirkei ~ iljarkai* 'сгнивший, испортившийся'.

М. Рясянен (EW, *171*) отнес тув. *илчире-* наряду с его як. соответствием к числу монголизмов. Монгол. источник для як. *илдьирий-* 'размякнуть, распариться, разопреть, размягчиться' и *ильдиркэй* 'лохмотья, тряпье' указан В.И. Рассадиным (МБЗ, *70, 73*). Для такой этимологии, бесспорно, имеются основания.

Очевидно, монгол. происхождение имеют и тув. *илчире-* и *илчиргей, ылчыра-* и *ылчыргай,* первая пара которых восходит к монгол. словам с переднерядным вокализмом, а вторая — к их вариантам с гласными заднего ряда, у которых сохраняется их древняя форма: отсутствие «перелома» гласного *i-* и сохранение шипящей аффрикаты *-ǰ-* (ср. монг. *ялзрах* 'гнить' и *ялзархай* 'сгнивший, гнилой' с «переломом» указ. гласного и свистящей *з* [дз]).

илчире- см. **илчиргей.**

им I 'метка, надрез на ухе домашнего животного; естественная отметина у животных (напр., клок шерсти иного цвета)'.

им II 'жест'.

Фактически в случае **им** I, II мы имеем дело с многозначностью, поскольку значения содержат общий смысловой компонент, который можно определить как 'видимый знак'. Тув. *им* соответствует в тюрк. языках в основном вариант с конечным *-н* (*ен ~ ин ~ ын*) и в меньшей степени — с *-м* в ауслауте, который отмечен для турк. и тур., а также помимо тув. в алт. и як. языках. Соответствия тув. *им* имеют значения 'метка (надрез на ухе домашнего) животного; тавро, тамга, клеймо' и др., из которых «более первичным» считается первое (ЭСТЯ I, *279*).

При этом «форму *им* было бы правомерным рассматривать как монгол. заимствование в алт., тув. и як. Ср. [монгол.] *im/им* 'метка, знак, символ; клеймо на ухе животного'» и т.п., «однако, при этом допущении остается без объяснения турк. *и:м* с долготой» (ЭСТЯ I, *278*).

В другой статье ЭСТЯ даются слова, подобные турк. *ум,* алт. *ум,* тур., тув., др.-тюрк. *им, ым* (последнее — в ряде в основном кыпч. языков) и т.п. с указанием на вторичность губной формы корневого гласного и со значениями 'знак (в т.ч. знак глазами, бровями, руками); знак рукой, жест; мимика' и др. В качестве параллели указано вышеприведенное монгол. слово (ЭСТЯ I, *632–633*).

По мнению Э.В. Севортяна, *ен...* и под. 'надрез на ухе животного' принадлежит иному корню-основе, нежели *ым...* 'знак', что не выглядит убедительным.

Происхождение слова остается неясным. Может быть, судя по многочисленности его вариантов, оно имеет образную природу, связанную прежде всего с языком жестов и других движений, имеющих знаковый характер. Соответственно семантика типа 'жест' и под., скорее всего, первична, значения 'метка' и близкие ему вторичны.

Монгол. слово, определенно, заимствовано из тюрк. языков в форме *им*. Для варианта тув. *им* в значении 'метка, надрез на ухе домашнего животного', вероятно, монгол. происхождение, но это труднодоказуемо, тем более что тув. слово сохраняет и такое древнее значение, как 'жест'.

им-демдек *собир.* 'примета, признак'.

См. **им I, II, демдек.**

имеек *диал.* 'прабабушка'; **эмеек** 'прадед'.

По всей вероятности, слова, особенно первое, связаны с тюрк. *ебе ~ ебей* (где *-й*, вероятно, восходит к звательной форме) и под. в значениях, 'бабка, бабушка; старушка, почтенная женщина; прабабушка' в уменьшительной форме на *-ак/-ек*): < *ебей-ек* < *емей-ек* с характерным сужением начального гласного. Ср. также п.-монг. *ebei* 'мать, матушка' и т.п. (ОСЛАЯ, *32*).

В отношении мужчин старшего поколения (старик, дед, прадед) также может употребляться мягкорядная лексема (обычно таковой является твердорядная), что наблюдается в монгол. языках (ОСЛАЯ, *33*). Возможно, это же имело место и в тюрк. языках, о чем свидетельствует и тув. *эмеек*, структурно тождественное *имеек* (< **эбе-й-ек*), но не претерпевшее сужения начального гласного.

Можно полагать, что подобные слова восходят к глаг. основе **еб-*, варьируемой с **аб-* 'быть престарелым' (см. **ава**, а также **ашак**; ср. также як. диал. *эбэн* 'среднего возраста, в летах, старый'), от которого могли образовываться названия особей как мужского, так и женского пола. См.: ЭСТЯ I, *221—222.*

имиле- 'кишмя кишеть (напр., о муравьях)'.

По всей вероятности, глаг. основа связана с именной основой **им* 'множество; масса (движущаяся)' (ср. **им-чам**). Можно предположить гомогенность *имиле-* с др.-тюрк. *im-är-* 'собираться, стекаться (о народе)', *imrät* (< *im-rä-t* или *im-ir-ät*) 'толпа, народ' (ДТС, *209*). Тув. *имиле-*, — возможно, < **им-(и)ле-*, где *-и-* второго слога — протетический (?). Не исключено существование двухсложного варианта производящей основы (*ими*). В таком случае *имиле-* < **ими-ле-*.

имир[тиң] 'сумерки'.

Соответствия тув. *имир* отличаются разнообразием. В частности, преобладающим является вариант с интервокальным *-ң-*, отличающийся также и особенностями вокализма: ср. *ингир ~ иңир ~ ыңыр ~ еңир* и под.; формы с *-м-* встречаются реже: ср. тоф. (карагас.). *имир*, кыпч. формы типа *ымырт ~ умырт*. Значения соответствий — 'сумерки, вечер; рассвет' и под. Варианты с *-м-* считаются поздними; в имеющихся материалах засвидетельствована как раз возможная производящая основа слова с указ. согласным: ср. як. *им* 'вечерняя (потухающая) заря; вечерний полусвет, вечерние сумерки', турк. диал. *ым* в составе *ымлык* 'сумерки' (ЭСТЯ I, *354—355*).

Имир и его соответствия — явно отглаг. образования, хотя их морфемный состав может быть представлен по-разному. См. также **имисте-, имистел-**.

Аф. *-тиң* в тув. *имиртиң* может быть тем же редк. формантом, что в тоф. языке представлен в *айдың* 'лунный свет' и *кырдың* 'острая грань' (см.: Рассадин. Морфология, *65*), хотя не исключено, что структура *имиртиң* может быть представлена и по-иному. Ср. **бүлүртүң**.

имисте-, имистел- 'угасать; тлеть; мерцать'.

Вероятно, гомогенно с предшествующим словом (ср. **имир[тиң]**). В *имисте-* выделяется именная основа **имис*, сопоставимая с *ымыз* 'дремота' > *ымыз-га-н-* 'задремать; отдыхать; находиться в состоянии покоя' (Наджип. ХШ, *451—452*), ср. турк. *ымызган-* 'дремать', тур. *imizgan- ~ imizgen-* 'дремать; тлеть', а также, вероятно, ст.-азерб. *имин* 'спокойно'.

Как и в случае с *имир[тиң]*, мы имеем здесь дело с передне- и заднерядными вариантами слова. *Имис* (< **имиз*) ~ *ымыз* имеют структуру, сходную с *имир ~ *ымыр*, где *-р* и *-з* — различные словообразовательные аф., чем объясняется «зетацизм» в первом случае и «ротацизм» во втором.

имистел- см. **имисте-**.

им-чам 'многочисленный, бесчисленный'.

Первый компонент указ. парного слова связан с основой глаг. *имиле-* (< *им-(и)ле-* ?) (см. **имиле-**). Второй, по-видимому, также лишен самостоятельного употребления, однако его можно вычленить из глаг. основы *чам-а-* 'латать, ставить заплаты' и под. с учетом того, что производные от этой основы означают кроме 'заплата' ('заплаты') также различного рода пятна (ржавчины, родимые), т.е. те объекты, которые могут встречаться во множестве. См. **чама-**.

индир 'трибуна'.

Одно из поздних монгол. заимствований. Ср., в частности, п.-монг. *inder ~ jinder ~ jender* 'помост, площадка, возвышение, подмостки', монг. *индэр* 'трибуна'.

ине 'игла, иголка'.

Общетюрк.; отмечено в вариантах *игне ~ игине ~ иӈне ~ инне ~ инге ~ ине* и др. со значениями 'игла, иголка' (практически во всех источниках), а также 'булавка, шило; вязальная спица; колючка, шип; хвойная игла' и под. (ЭСТЯ I, *367—368*). Убедительной этимологии нет. Существует алтаистическое сопоставление Г.И. Рамстедта, а также М. Рясянена, приводимое Э.В. Севортяном, но не проливающее свет на происхождение слова, хотя некоторые моменты данного сопоставления могут указывать на его первоначальную форму.

Так, по-видимому, близко к реальности представление варианта *игне* в качестве более древнего, нежели, например, *инге*. «Так как

последовательность *-гн-* в тюрк. языках не закономерна, то можно данное стечение рассматривать как вторичное, развившееся из другого фонетического состояния основы, когда между *г* и *н* находился гласный» (имеются в виду формы типа *игине*). Менее убедительно соображение о том, что последние образовались из **ицине* и что формы *иңне ~ иңнэ ~ иңне* «исторически старше форм типа *игне*» (ЭСТЯ I, *368*).

Очевидно, что названия иглы, шила и под. (первоначально шипа, колючки и т.п.) должны быть связаны с обозначениями заостренных предметов или действий, направленных на придание острой формы соответствующим предметам. В данном случае вероятна производящая именная основа, гомогенная с тюрк. *ик ~ иг...* 'веретено' (как предмет, заостренный с краев), 'стержень', 'гвоздь' и т.п., также, на наш взгляд, не имеющими удовлетворительной этимологии (ср.: ЭСТЯ I, *336—337*), но упоминающимися в качестве одной из производящих основ названия иглы (Хабичев, *75*).

Если принять указ. имя за производящую основу названия иглы, то структура последнего может быть представлена в виде *игине* < **ик/г-и-н-е-*, где *ик/г* — указ. именная основа, *-и-* — глаголообразующий аф., *-н-* — аф. медиопассива (форма **ик-и-н- ~ *иг-и-н-* могла означать 'заостряться' или 'быть заостренным'), а *-е-* — формант, образующий отглаг. имена.

Э.В. Севортян был, по-видимому, прав, высказывая мнение о том, что формы *инге* (по РСл.), а также хак. *іңе* можно было бы объяснить как результат метатезы из *игне* (ЭСТЯ I, *368*). Однако отнесение им к указ. группе койб. *іне*, скорее всего, ошибочно и подобным образом объяснять появление последнего, а также других вариантов, тождественных *іне*, в т.ч. тув. *ине*, нереально.

Возможно, в подобных случаях произошло стяжение комплекса *иги-* (в *игине*) с образованием долготы, как это отмечено, напр., в чаг. *и:не*, а затем долгий *и* превратился в краткий. В тув. *ине* (и, возможно, в части других подобных вариантов) могло произойти выпадение слога, состоящего из сонанта *г* и узкого гласного *и*.

Не исключено, что у части вторичных форм названия иглы могла произойти контаминация с тюрк. *инче* и под. 'тонкий' (см.: ЭСТЯ I, *364—365*). Э.В. Севортян считал эти слова родственными, с чем трудно согласиться. См. **чинге**.

инек 'корова'.

Имеет широкий круг соответствий, из которых наиболее широко распространено *инек* (в совр. тюрк. языках и памятниках); встречается также *ингек*, редк. (як.) — *ынах ~ анах* и некот. др. Основное значение — 'корова' (ЭСТЯ I, *359*; см. также: СИГТЯ Л, *436*).

Э.В. Севортян расширил круг сопоставлений с *инек...* за счет *еник* и под. 'щенок; детеныш животных и зверей' (см. также **эник**), а также

привлекая тат. *энке* 'самка', *энчик* 'сука', тур. диал. *engi* 'ребенок' и др.

Все эти слова образовались от глаг. **ин-* 'рожать' или 'зачать' с помощью аф. *-(е)к, -чек* или других формантов[1]. Недостатком данной этимологии Севортян считал различие в корневом гласном в *инек* и **ен-* в других основах, допуская для древнего состояния корневого гласного закрытый **е-*, который мог реализоваться в виде как *и-*, так и *е-*(*э*).

Кроме того, преобладание в *инек* закрытого, а в *еник, энке-* открытого корневого гласного может быть поставлено в связь с необходимостью семантического разграничения производных, образованных от корня **(й)ен-* (ЭСТЯ I, *360*), варианта **ин-*, с чем можно согласиться.

См. также **ие, иниг, ингеи.**

инелик I *тодж.* 'игольник из рога марала'.

инелик II 'стрекоза'.

Слова *инелик I* и *инелик II* происходят от *ине...* 'игла, иголка' (см. **ине**), от которого образованы при помощи аф. *-лик*. Ср. кирг. *ийнелик* 'стрекоза; булавка', каз. *инелик* 'стрекоза', диал. 'деревянная иголка, посредством которой плетут сеть', тоф. *ийнэлик* 'большой длинноногий комар', тур. *ignelik* 'коробочка, подушка для иголок, игольник', алт. *инелик* 'колючий; терновник' (ГАЯ, *162*), алт. *ийнелик* 'вязальные спицы; игольник; колючки (степное колючее растение)'.

Название стрекозы возникло по признаку колючек, которыми заканчивается хвост насекомого; ср. также тоф. название одного из видов комара (*ийнэлик*).

иниг *тодж.* 'лосиха'.

Ср. тоф. *иніг* 'лосиха, самка лося'. В тодж. диалекте слово имеет вариант *илиг*, скорее всего, вторичный, но не ясный по происхождению (результат сближения с глаг. основой *ил-* 'цеплять, подцеплять'?). Ср. также *иниг* (Тере-Холь) 'лось-самка' (ВТЯ, *83*). Очевидно, по происхождению представляет собой фонетико-морфологический вариант слова *инек* 'корова' и подобно последнему образовано от **ин-* 'рожать; зачать', но с помощью аф. *-(и)г* (**ин-(и)г*). Ср. также: СИГТЯ Л, *436*.

инчеек 'войлочная пастушья сумка (в которую кладут новорожденного ягненка или козленка); кожаный вьючный мешок (у оленеводов)'. Ср. также тодж. *инчижак, унчужак, унчуйек, учуйек* 'мешочек из камуса, служащий обычно для хранения ниток, иголок, пуговиц' (Чадамба 1974, *62*), которые не сопоставлялись автором с *инчеек*, но

[1] Спорно представление исходной формы слова в виде **in(i)gāk* и объяснение появления форм с *-н-* через развитие *нг- > -н- > -н-*. См.: СИГТЯ Л, *436—437*.

явно родственны с последним. Все они представляют образования с аф. диминутива в вариантах *-чек ~ -жак* (последний без сингармонического мягкорядного варианта) и *-йек*. Производящей основой является *инчи ~ инчү* (> *үнчү*) и т.п., обозначающая приданое, наследство и под. Интересны значения 'приданое, состоящее из домашней утвари' (ср. *инчижак* и т.п.) и 'подарок, дар (обычно дается ребенку детеныш скота для размножения)' (ЭСТЯ I, *361—362*).

Для тув. языка само название приданого в форме *инчи ~ үнчү* нехарактерно. См. **өнчү**.

инчик 'ремешки для подтягивания голенищ сапог (прикрепляются к поясу), ушки сапог, ремень для брюк'.

Тув. *инчик* [инчик] правомерно включено в ряд анат. терминов типа ср.-уйг. *jiŋjik* 'тонкая кость голени', чаг. *injük* 'голень' и их соответствий в нескольких совр. тюрк. языках типа *inčik* и под. со значениями 'голень, берцовая кость; бедро; нога...' (см.: EW, *172, 203*; СИГТЯ Л, *286*). Семантически *инчик* (название деталей одежды) — результат метонимического переноса наименования.

Этимология неясна. Возможно, эти слова представляют уменьшительную форму на *-чик* от *ең ~ ің* (в данной ситуации отмечен последний) 'низ; спуск' (о глаголе и соотносительном с ним имени см. в: ЭСТЯ I, *353—354*), но не менее вероятна этимологическая общность с тюрк. *инче ~ (й) инчке...* 'тонкий, узкий' (< *инч-* 'утоньшать; быть тонким') (см.: Там же, *364—365*). См. также **чиңге**.

иңген *тодж.* 'пренебрежительное название важенки (*самки домашнего оленя*)'; **иңгин ~ эңгин** 'верблюдица'.

Ср. тоф. *иңген* 'важенка, самка домашнего северного оленя' (см.: Рассадин. Словарь; ТРС-РТС, *24*). В ЭСТЯ дается из тув. материалов только *эңгин*, а тоф. слово не приводится вообще (ЭСТЯ I, *360*), но эти данные представлены в СИГТЯ Л (с. 447).

Тув.-тодж. *иңген* сопоставляется с тув. лит. *эңгин* и его вариантами в тюрк. и монг. языках со значением 'верблюдица' (Чадамба 1974, *63*, прим. 2). В тюрк. языках слово бытует в формах *инен ~ инген ~ иңген*, означая в основном 'верблюдица', но в турк. *инен* — 'самка'. Слово родственно *инек* 'корова' и также является производным от глаг. **ин- ~ ен-* 'рожать' или 'зачать' (ЭСТЯ I, *361*): *иңген* < **ин-ген*. См. также **инек, иниг**. Название верблюдицы в тув. языке, определенно, монголизм, и появление у него варианта с начальным *и-* является результатом сближения с указ. словами.

Тув. и тоф. *иңген*, по всей вероятности, имеют иную историю. Согласно существующей точке зрения, в значениях слова проявляется «семантическая линия, связанная с обозначениями самок диких животных», которая «подтверждает предположения о том, что названия верблюдицы и коровы восходят к единой основе — **iniγ*

(см. **иниг.** — *Б. Т.*)... обозначавшей самку диких парнокопытных» (СИГТЯ Л, *447—448*).

Указ. названия, как уже говорилось, гомогенны, но едва ли восходят к вышеприведенной именной основе и прямо связаны с наименованиями самок диких животных. Эта «семантическая линия» основывается на толковании значения тоф. *иңген* (*iŋgen*) в более раннем источнике как 'взрослая самка домашнего или дикого оленя, горного козла' (Рассадин. Фонетика, *201*), впоследствии уточненном (см. выше).

Э.В. Севортян обращал внимание на предположение А.М. Щербака относительно происхождения *іңän* от общего названия самки (ЭСТЯ I, *361*), что не исключено. Но вероятен и перенос названия самки верблюда (возможно, еще домонгольского, типа др.-тюрк. *iŋen*) или какого-то другого домашнего животного на самку домашнего оленя. Ср. як. *taba*, восходящее к названию верблюда, но получившее значение 'лось' (см., в частности: СИГТЯ Л, *446*).

иңги- 'идти, передвигаться тихо, медленно'.

Возможно, тув. *иңги-* имеет связь с тюрк. *емекле- ~ емгекте- ~ имгекле- ~ іңäklä-* (последнее — уйг. диал.) ~ каз. *еңбекле-* 'ползать (о ребенке); ползти, ползать; медленно идти/двигаться...', причем формы с *-ң-* считаются первичными (ЭСТЯ I, *275*). Эти основы — производные от имен *imek ~ емгек ~ еңбек*... 'ползание'.

По имеющимся данным, Э.В. Севортян восстанавливает глаг. **еме- ~ *емге-* 'ползать/ходить на четвереньках (о ребенке)'. Элемент **ем ~ *им ~ *ең ~ *иң* он считает глаг. основой, а *емгек*... членит на форманты *ем-ге-к*, где *-ге-* рассматривает в качестве показателя учащательности (в данном случае, видимо, наоборот, «замедлительности») действия (ЭСТЯ I, *276*).

Скорее, однако, *ең ~ иң* и проч. могли быть вариантами именной основы, семантически близкой или тождественной *емгек*... а *-ге-*, или в тув. его узкорядный вариант *-ги-* (**иң-ги-*) — глаголообразующим формантом.

иңгилеме 'отвесный, очень крутой (напр., о скале)'.

Ср. тоф. *эңги, эңгим* 'круча, обрыв; крутизна' (ТРС-РТС, *104*), *эңгирик* 'обрыв' (Рассадин. Словарь), а также тув. *эңгиве* (< *эңгиме*) 'очень крутой, отвесный; отвесная скала, крутизна' (о последнем см. **эңгиве**).

Тув. *иңгилеме* < **ин-ги-ле-ме*, первые два компонента которого соответствуют тоф. *эңги*, остальные элементы структуры ясны. Но, судя по тоф. *эң-ги-м*, тув. *эңги-ве, эңги- ~ *иңги-* могла быть и глаг. основой, соотносительной с именной *эңги ~ *иңги*. Структурно глаг. основа, по всей вероятности, была образованием от общетюрк. *ин- ~ ен-*... 'спускаться (в частности, под гору)' при помощи аф. *-гы-* (*-ги-*) с интенсифицирующей семантикой. Именная же осно-

ва могла быть результатом конверсии указ. глаг. или образовалась от того же глаг. корня *ен- ~ ин-* при помощи имяобразующего форманта *-ги*, а семантический компонент высокой степени качества мог появиться у *эҥги...* под влиянием сближения с глаг. *эҥги-*.

иҥгин см. **иҥген, эҥгин**.

ирби см. **ирт II**.

ирбис, ирбиш '[снежный] барс'.

В некоторых тюрк. языках и памятниках имеются соответствия типа *илбирс, ирбиз ~ ирбис, ирбич* и под. 'барс; снежный барс, леопард, пантера' и под. Этимология неясна. По мнению Дж. Клосона (ED, *157*), формы совр. тюрк. языков типа *irbiz, irbis* являются обратными заимствованиями из монгол. языков, что применимо, в частности, к тув. *ирбис*, но едва ли может быть отнесено к др.-тюрк. *irbiz*. Среди соответствий слова есть и другие вторичные варианты, являющиеся результатом контаминаций. См., напр.: СИГТЯ Л, *157*.

К числу наиболее древних форм слова относятся *irbič, irbiš, irbiz, irpiz*. Можно предположить, что (поскольку подобные слова являются названиями крупных кошачьих хищников) они, возможно, и гомогенны с общетюрк. словами вроде *ири ~ ирик...* 'крупный; значительный, видный; резкий, грубый', в которых выделяется основа *ир ~ ер* (без указания значений) (см.: ЭСТЯ III, *371—372*), но явно существовала и глаг. основа **ир-* **'вырастать'. Структурно в названиях барса и под. кроме **ир-* можно вычленить и модификатор с усилительным значением *-п(и)-* (ср. нечто подобное с другим модификатором в турк. диал. *irek-* 'неожиданно вырасти'). Сказанное подтверждают, по-видимому, формы с *-п-* типа др.-тюрк. *irpiz* и уйг. *йилпиз*. Аффиксами, образующими названия зверей от **ирп(и)-*, являются *-з-, -ч-* и *-ш*. Тув. *ирбиш* восходит, скорее всего, к *irbič*.

ирбиш см. **ирбис**.

иргек [иъ] 'самый большой медведь-самец; самец' (**даг иргек** то же); *диал.* 'козел-производитель'.

Ср. тоф. *иърһек* 'самец медведя; самец соболя', а также общетюрк. соответствия в наиболее распространенной форме *еркек* и под. в значениях 'самец/особь мужского пола, баран старше одного года; верблюд; петух; мужчина' и под.

Как полагал Э.В. Севортян, центральным среди этих значений следует считать 'самец/особь мужского пола', а также названия конкретных разновидностей самцов в животном мире (ЭСТЯ I, *297—298*), что выглядит вполне достоверным.

Севортян обоснованно возражал против распространенной этимологии, согласно которой *еркек...* членится на *ер* (*эр*) 'мужчина' + *-как/-кек* со значением уменьшительности и интенсивности (там

же), хотя эта версия воспроизводится и в более поздних трудах (см., напр.: СИГТЯ Л, *436*).

Э.В. Севортян полагал, что *еркек...* возможно возвести к отглаг. существительному, образованному посредством аф. *-γ/-q* от **ерке-*, в основе которого лежит *ер* ('мужчина'?). На такую возможность, по мнению исследователя, указывают балк. форма *erkeg* 'самец; петух', а также узб. диал. форма *еркэв* 'мужчина; самец'. Севортян называет «слабый пункт» указ. предположения, имеющий фонетический характер, но главный его недостаток заключается в том, что **ерке-* неясно ни в семантическом, ни в структурном аспектах.

Глаг. основа **ерке-* как производящая и для *еркек*, и для *erkeg* представляется вполне реальной, но она едва ли связана с *ер* 'мужчина'. Скорее, она производна от *ерк...* и под., означающих 'воля, свобода; сила, могущество, мощь; желание' и др. (ЭСТЯ I, *295—296*; ср. также эрге I). Вполне реальна и глаг. основа **ерк-е-* 'проявлять волю (силу и под.)', т.е. качества особи мужского пола. От этой основы посредством аф. *-к...* и образовалось *еркек*. Переход начального *е* > *и* закономерен для тув. и тоф. языков и некоторых их соответствий.

ирги [иъ] — *частица вежливости или риторичности при вопросе*; **иргин** [иъ] — *частица смягчения*; 'оказывается'.

В тодж. диалекте указ. частицы сохраняют варианты с начальным широким гласным: *эрги*, *эрген* (вторая имеет подобный гласный и во втором слоге) (Чадамба 1974, *28, 96*). Ср. также тоф. *эрген* — положительная модальная частица, привносящая в высказывание оттенок удивления; 'оказывается' (Рассадин. Морфология, *269, 271*).

Д.М. Насилов связывал тув. *ирги* с др.-уйг. модальным показателем *эрки*, употребляемым для выражения предположения, вероятности, неуверенности (УЗ ТНИИЯЛИ, XI, *319*), а согласно другому источнику, *erki* — частица для усиления вопроса (ДТС, *179*). *Иргин* сопоставляется с др.-уйг. *эркен*, а также вариантами типа *экен ~ икен...* в других тюрк. языках (УЗ ТНИИЯЛИ, XI, *322—324*).

Частицы *ирги* и *иргин* (< *эрки* и *эркен*) считаются имеющими общее происхождение. *Эркен* считается формой причастия прошедшего времени на *-кан* от глаг. *эр-* 'быть', а этимология *эрки...* остается не вполне ясной, хотя ряд авторов возводил последнее к *эркен* и считал его вариантом последнего.

иргин см. **ирги**.

ире 'дед, дедушка; прадед'; *диал.* 'свекор, дядя, старший брат матери'[1]; *тодж.* 'медведь'; **ирей** 'дед, дедушка, старец; муж, глава семьи (в старческом возрасте); «дедушка» (о медведе)'; **ирек** 'дед, старик'.

[1] По информации Л.С. Кара-оол, в речи населения Пий-Хема слово *ире* означает 'тесть, свекор' и 'старший брат отца'.

Ср. тоф. *ире* 'дедушка, отец мужа; прадед, предок (по мужской линии); медведь' (Рассадин. Словарь), *ире(й)* 'прадед; дедушка; медведь' (ТРС-РТС, *24*).

В.И. Рассадин первоначально склонялся к версии самодийского происхождения тоф. *ir'e* (*ире*) (Рассадин. Фонетика, *92*), но впоследствии, по-видимому, отказался от нее, находя самодийский субстрат только в топонимике Тофаларии (см.: Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. — СПб., 1997. — С. 107).

Согласно точке зрения А. Йоки, напротив, в южносамодийских языках, ныне мертвых (в частности, в маторском) близкое к рассматриваемым здесь слово восходит к тув. и тоф. *ире* и под. Кроме того, близкие к ним тюрк. заимствования отмечены и в других самодийских языках (Joki, *257—258*).

Что касается слов *ире*, *ирей* и *ирек*, то они, возможно, гомогенны с общетюрк. *ерте* 'рано', а также 'прежде, давно, в древности' (см. **эрте**), а также с прил. *ерги* и под. 'старый, прежний; старинный, древний' (см. **эрги**) (см. также: ЭСТЯ I, *302—303*).

Указ. основы не вполне ясны по структуре, но не исключено существование глаг. основы **ер-* ~ **ир-* 'быть старым (в т.ч. по возрасту), древним' и т.п. Возможно, специализация основы с начальным узким *и* связана с возрастной характеристикой. От **ир-* и могло быть образовано *ир-е*, а от последней *ире-й* (звательная форма) и *ире-к* — форма диминутива.

ирей см. **ире**.

ирек см. **ире**.

ири- 'гнить; свертываться скисать (о молоке); становиться трухлявым (о дереве); преть (напр., о сене)'.

Ср. тоф. *ири-* 'свертываться (о молоке); гнить, трухляветь (о дереве)', а также соответствия типа *ири-* ~ *ери-* и под. в ряде совр. тюрк. языков и памятников со сходными значениями.

У указ. глаг. основы есть односложный вариант, а у последнего именное соответствие: ср. ног. *ир-* 'свертываться, скисать (о молоке)', каз. *ір* 'гной' (РСл. I, *1456*; см.: ЭСТЯ I, *372—374*). *Ири-* могло быть произведено от подобной именной основы. См. **ирт II**, **иртпек**.

ирт [иъ] I 'валух, кастрированный баран'.

Ср. тоф. *иърт* 'кладеный баран, валух', *ирк* (тур. диал. и памятники), *ирик* в некоторых кыпч. и сиб.-тюрк. языках, а также некоторые другие — явно вторичные формы. Конечный *-к* и *-т* в тув. языке Э.В. Севортян считал словообразовательными аффиксами (ЭСТЯ I, *377—378*), тогда как *-т* в тув. *ирт* (и тоф. *иърт*) — скорее всего, лишь фонетический вариант форманта *-(и)к* (ср. **бөрт**).

Значения соответствий тув. *ирт* — 'холощеный баран; баран; четырехлетняя овца' (последнее отмечено МК) и др.; ср. также тур.

диал. *hirek* 'курдючная овца' (с протетическим *h*-). Тюрк. слово «употребительно почти во всех ареальных группах и засвидетельствовано в ранних текстах, что позволяет отнести его к старейшим слоям тюрк. лексики» (ЭСТЯ I, *378*). Слово имеет также и монгол. соответствия, с чем связана попытка произвести реконструкцию древней (по-видимому, праалтайской) формы рассматриваемого слова, которая выглядит как ***hiregēn*** и представляется весьма далекой от реальности (см. нашу публикацию в сб.: Теория и практика этимологических исследований. — М., 1985. — С. 36).

Этимология слова практически отсутствует. С точки зрения Э.В. Севортяна, центральным значением тюрк. *ирк ~ ирик* является 'холощеный баран', которое якобы «позволяет связать приведенные формы с глаголом, который, однако, еще необходимо выяснить» (ЭСТЯ I, *378*), чего не было сделано.

Можно согласиться с тем, что производящей в данном случае является глаг. основа, но едва ли ее можно выяснить, исходя из указ. семантики. Неясно, в частности то, как, исходя из значения 'холощеный баран', обосновать появление семантики типа '(взрослый) баран', или 'курдючная овца' и 'четырехлетняя овца'.

Если обратиться к реальности, то у тувинцев, напр., ягнят кастрируют в возрасте трех-четырех месяцев, но в то время они еще не имеют названия *ирт*. Это название применяется к валухам двух- или трехлетнего возраста, когда те становятся достаточно крупными, жирными, т.е. вполне пригодными для еды. Так, в кирг. языке *ирик*, а в хак. *ірік* — это 'трехлетний холощеный баран', а в монгол. языках *irge* и под. — 'четырехлетний баран', 'взрослый баран', 'кастрированный взрослый баран' (монг. *ирэг*).

Итак, можно полагать, что мотивирующими семантическими признаками в данном случае следует считать 'большой, крупный; жирный, полный'. Вследствие этого допустима гомогенность *ирт* и его тюрк. соответствий с общетюрк. прил. в формах *и:ри, ири ~ ери, ирик* с тем же кругом основных значений (ЭСТЯ I, *371*). Последние, по-видимому, образованы от ***ир-*** 'вырастать' или под. (см., в частности, ирбис). Исходная форма названия валуха — ***ир-ик*** (и тогда она совпадает с одним из вариантов слова *ири...* 'крупный') или ***ир-к***. В этом случае она представляет собой фактически односложный вариант указ. слова.

Монгол. соответствия рассматриваемого наименования — явные тюркизмы, восходящие, вероятнее всего, к тюрк. основе в форме *ирк*. Тув. и тоф. формы (< *ирк*) — определенно, исконно тюркские.

ирт [иъ] II, **ирби** 'осадок от молочных продуктов на стенках сосуда'. Непосредственных соответствий не обнаружено, но можно полагать, что *ирт* II образовано от основы *ири-* или, скорее, от ее односложного варианта *ир-* 'свертываться, скисать (о молоке)' (см.

ири-). Исходная форма слова не вполне ясна. Ею может быть **ир-т* с формантом *-т*), но не исключена и **ир-к* (с формантом *-к* и с изменением, в дальнейшем, конечного *-к* > *-т* по тому же образцу, что и в случае **ирт I** (см.).

При этом условии тув. *ирт* может быть сближено с тат. *йр-йк* 'творог'. Помимо *ирт* в тув. языке встречается его диалектный морфологический вариант *ир-би* (< *ир-би*), образованный, по-видимому, от указ. глаг. основы (*ир*-) при помощи редкого для тюрк. языков деривационного аф. *-би* (о нем см.: Рассадин. Морфология, *76*).

иртпек 1) 'пенка, сгусток кислого молока в бочке или на стенках перегонного аппарата'; 2) *диал.* 'прокисшее молоко'; **итпек** 'пенка, сгусток кислого молока в бочке или на стенках перегонного аппарата'.

Ср. алт. *иртпек* 'кушанье из кислого молока, смешанное со свежим кипяченым молоком', алт. диал. *іртмäк* 'пища из молока и кумыса' (< *ірім-* ('причинять брожение, гниение') + *-мäк*) (РСл. I, *1470*). Последняя основа — форма каузатива от *ири-* 'свертываться, скисать (о молоке)' (см. **ири**-). Вариант *итпек* < *иртпек* (с утратой *р* в комплексе *-ртп-*). Ср. тоф. *иримек* < *ири-мек* 'засохший осадок на стенках посуды от молока и молочных продуктов' (Рассадин. Словарь) < *ири-*.

ис 'след'.

Общетюркское. Ср. *ы:з ~ ыз ~ и:з ~ из* и под. 'след(ы); отпечаток; знак; черта, борозда; тропа, тропинка' и т.п. Происхождение и этимологические связи неясны.

ис-даш *собир.* 'следы'.

Ср. **иш-даш**.

испик [иъ] 'щипчики для выдергивания волос на лице'.

В ряде совр. тюрк. языков отмечены соответствия *испик* в основном в виде *искек*, изредка *искев* (< **искег?*) 'пинцет, щипчики (для выщипывания растительности на лице)' и под. Ср. также хак. *іспік* 'пинцет; щипчики'.

Искек... истолковывается как производное со значением орудия/средства, образованное от глаг. *иске-* 'тянуть, рвать, теребить; тащить, трепать за волосы; щипать, выщипывать' с помощью аф. *-к* или *-г*. Возможно, *-иске-* — форма интенсива от **ис-*.

Форма типа тув. *испик* — из *испи-к*, где *испи-* соответствует *иске-* (ЭСТЯ I, *382—383*), а *ис-пи-* — та же глаг. форма, что и *иске-*, но образованная при помощи иного форманта (*-пи-*?).

ит- [иъ] 'толкать, отталкивать(ся); двигать пешку, ходить пешкой (в шахматах)'.

Общетюркское; ср. *ит-* и под. 'толкать; отталкивать; трогать, колебать; двигать' и т.д. ЭСТЯ приводит лишь соображения о фонетических изменениях слова, в частности об исконности или вторич-

ности начального и срединного *й* в части форм указ. глагола; интересны также соображения о близости данной глаг. основы и тюрк. названия собаки, не доведенные, однако, до завершения (см.: ЭСТЯ I, *386—387*, а также **ыт**).

итпек см. **иртпек**.

итпик 'удод'.

В словаре М. Рясянена тув. слово сопоставлено с др.-уйг. *übüp*, кирг. *üpüp*, каз. *üdüd ~ üdüt*, тур. *hüthüt* (приравненное к араб.), турк. *hüjpipik* 'удод'. Все они истолковываются как основы звукоподражательного характера (EW, *518*; ср. также: СИГТЯ Л, *174*, где приведен более обширный материал).

Существует представление о близости тув. *итпик* к пратюрк. форме слов, «когда явно приходится восстанавливать пратюрк. **δp-*, в том числе **üδpik* 'удод' > тув. *itpik* и, с перестройками, турк., *üjpipik*, каз. *üdüd*, киргиз. *üpüp* (при монг. *öbüg*)» (Дыбо, *34*)

Та же праформа приводится и в другом источнике (СИГТЯ Л, *174*), где отмечен араб. источник как для тур. слова, так и для каз. *üdüt* и сказано, что «фонетическое развитие [названия удода] происходит под влиянием дескриптивизации», но «тем не менее, можно выделить формы (какие? — *Б. Т.*), позволяющие реконструировать пратюркскую основу с алт. параллелью: монг. *öbüg*».

Отметим, что монг. *öbüg* приведено в качестве параллели к тюрк. названиям удода, но дано без указания значения, как и чаг. *öbük*, которое возводится к монгол. слову (EW, *518*). Однако чаг. *өбүк* означало 'птица с хохлом на голове' (РСл. I, *1313*), а монгол. *öbüg/өвөг* имеет значение 'хохолок у птиц' (см.: Голст. I, *228* и другие источники). Обозначение же удода в монгол. языках хотя и соотносительно, по-видимому, с *öbüg*, выглядит все-таки иначе: ср. *öbügeljin/өвөөлж*, *böbügeljin/бөвөөлж*, бур. *бубөөлжэн*. Кстати сказать, монгол. *öbüg/өвөг* можно, думается, сблизить с тур. *ibik* 'петушиный гребень; хохолок', почему-то считающимся арабизмом (ТурРС 1945, *257*).

Предполагаем также, что в случае с тюрк. названием удода мы имеем дело не с «дескриптивизацией» какого-то общего, единого для всех тюрк. языков слова, а с разными, чисто дескриптивными (звукоподражательными, отчасти образными) основами, что, скорее всего, исключает возможность реконструкции их пратюрк. формы.

К последней, в частности, не сводимо кирг. *үпүп* 'удод', связанное с идеофоном *үп* — подражанию негромкому и мгновенному звуку. Ср. выражение *үп эткен үпүп чок...* 'нет удода, который бы крикнул «үп»...'.

Данное наименование обнаруживает общность с образными основами, обозначающими торчащие перья, хохолок (наличие которого также характеризует удода) и под. и внешне сходными с указ.

звукоподражанием. Ср. кирг. *рпөйгөн жүнүм бар да, үп эткен үнүм бар* (говорит удод) 'Есть у меня торчащие перья, есть у меня голос, чтобы выкрикивать «үп»' (КРС, *823*).

Кирг. *үрпөй-* означает 'нахохлиться, ощетиниться' и соответствует основам *үрпей-* и *үрпер-* в других языках со значениями 'становиться дыбом — о волосах, шерсти; ощетиниваться, топорщиться, взъерошиваться' и т.п. Ср. также производные имена вроде кирг. *үрпөк* 'нахохлившийся, взъерошенный', каз. *үрпек* то же и другие их соответствия со значениями 'косматый, лохматый; курчавый' и т.п. (ЭСТЯ I, *637*), напоминающие *ibik* и *öbüg*, которые обозначают хохолок.

Тюрк. названия удода, основанные на дескриптивном начале, весьма напоминают их индоевропейские соответствия, имеющие подобное же происхождение: ср. рус. *удод*, нем. диал. *wuddwudd*, польск. *dudek* (Фасмер IV, *149—150*), а также **e/opʰopʰ* при лат. *upupa*, лит. *pupikis* 'удод' и под. (Гамкрелидзе, Иванов, *540*, прим. 1).

Тув. вариант названия птицы *итпик* по форме ближе всего, пожалуй, к др.-тюрк. *übgük* 'удод', *üpgük* (в составе наименования *qara üpgük* 'черный удод') (ДТС, *423*, *621*) и вероятно, варьирует указ. наименования памятников.

иче [иъ] 'моча (у детей)'.

Ср. каз. *іш* возглас, которым побуждают детей помочиться, *іш ет-* 'помочиться' (детская речь), сопоставляемые с др.-тюрк. (МК) *iş* то же (Кайдаров, *311*). По-видимому, имеется в виду то же самое, что и каз. *іш?* Ср. также тур., азерб. *ишə-* 'мочиться' (РСл. I, *1550*), тур. *işe-*, чаг. *ише-* то же.

По-видимому, старое слово с междометной основой. Каз. *іш*, скорее всего, *< *ич* (ср. тув. *иче* [иъче]), судя, в частности, по огуз. данным, в основе наблюдалось чередование конечных *ч* и *ш*.

Структура тув. слова неясна. Может быть, оно является результатом конверсии глаг. основы **иче-* в именную.

ищ- [иъ] 'пить; есть (о жидкой пище)'.

Общетюркское; наиболее частотная, и, по всей вероятности, наиболее древняя форма *ич-*, означающая 'пить; выпивать, хлебать; есть (кушать, вкушать)' и под. (ЭСТЯ I, *391*). По Севортяну, все значения кроме 'пить' являются сравнительно поздними, что не бесспорно и не обязательно. Вполне вероятно, что *ич-* (*> ищ-*) могло первоначально обозначать то, что поглощается, вводится **внутрь**. Ср. особо выделенное Э.В. Севортяном в качестве переносного значение 'впитывать, всасывать', которое может, наоборот, принадлежать к числу исходных. Жидкость — именно та субстанция, которая наиболее легко входит внутрь, впитывается нутром. Не случайно уже сравнительно давно глаг. основа *ič-* 'пить, принимать внутрь' правомерно рассматривалась как гомогенная с

іč 'внутренность; середина, нутро' (см., напр.: Кажибеков, *85*). Ср., в частности, **ижин**, **ишти** и др.

иш I 'работа, дело, занятие'.

Ср. тоф. *иш* 'работа, труд', а также другие соответствия, имеющие общетюрк. характер, — *и:ш ~ иш ~ ыш*... 'работа, дело, труд; занятие' и под. Как считал Э.В. Севортян, основу семантического состава *и:ш* и т.д. образуют значения... 'работа, дело'. Этимология неясна.

Первоначальная форма *иш* также не совсем ясна. В ЭСТЯ она не реконструирована, но отмечено, что долгий гласный в слове — этимологический, т.е. первичный, а «корневой *ы*... принадлежит, вероятно, к древнедиалектному чередованию» (ЭСТЯ I, *395*). Реконструкция праформы слова с долгим *ы* *(*ыш* 'дело, работа') (Щербак 1970, *194*) неубедительна.

иш [иъ] II: **иш тыртын-**, **ишкирин-** [иъ] 'всхлипывать'.

Ср. тоф. *иъш тын-* 'делать последний, предсмертный вздох', *иъш тырт-* 'втягивать в себя воздух; всхлипывать; делать предсмертный вздох'.

По всей вероятности, тув. и тоф. данные должны быть отнесены к тем же случаям, восходящим к звукоподражательной основе *ыш* (эпизодически — *иш*), что приведены в ЭСТЯ и представляют собой глаг. основы *ышкыр- ~ ыжгыр-* (ср. также тур. диал. *ишкирт-*) со значениями 'свистеть, шипеть, завывать (о ветре)' и под. (ЭСТЯ I, *674*). Но специфика семантики (связанная с глубоким вздохом) и звукового облика (наличие только переднерядных вариантов слова *иш* и производного от него глагола) побуждает думать о возможности его связи или, скорее, сближения в тув. и тоф. с *иш* (< *ич*) 'внутренность, нутро' (см., напр., **ижин**), а глаг. *ишкирин-* — с производной от **ич* формой *ичкери ~ ичкири*... 'внутрь, внутри; внутренняя часть (сторона)' и под. Ср. ЭСТЯ I, *390*, а также **ишкээр**.

иш-даш *собир.* 'домашняя работа'.

Относительно первого компонента *иш-даш* см. **иш** I. Компонент *даш*, придающий целому собирательное значение, прослеживается также в **ис-даш** (см.). Возможно, *-даш* связано с тюрк. *таш*, означавшим 'друг, приятель'; 'одинаковый', возможно, 'сходный, похожий' (см. ст. С.Н. Муратова в: ПОАЯ, *335—336*), на базе которого возник аф. *-таш*..., а при помощи последнего образуются в основном «существительные со значением лица по определенному признаку, общему с другим лицом» (АИ, *164*). Возможно, *таш* могло иметь и значение типа 'и тому подобное', которое и реализовалось в таких образованиях, как тув. *ис-даш* и *иш-даш*.

ишкир [иъ] 'емкий, вместительный'.

Соответствий не найдено. Структура тув. *ишкир* ясна; это образование с помощью продуктивного аф. *-кыр*... от основы **иш* < **ич* 'нутро, внутренность' (ИП, *199*), которая в настоящее время в качестве

самостоятельного слова тув. языка не употребляется, будучи фактически вытеснена производными основами (см. **ижин**, **ишти**).

Следует отметить, что у соответствия **ич...* (в частности, в як. языке) отмечена также семантика 'вместимость' (ЭСТЯ I, *389*), наиболее близкая значению *ишкир*.

ишкирин- см. **иш II**.

ишкээр [иъ] **1.** 'внутрь, внутри; вниз, внизу'; **2.** 'местность в низине, долине'.

Ср. тоф. *иъшкээрі* 'внутрь', а также соответствия общетюрк. характера *ичкери ~ ичери...* '(во)внутрь; внутренняя сторона (часть); нутро, желудок; комната' и под., считающиеся вариантами лексикализованной формы направ. п. на *-кару ~ -кары* от основы *ич* 'внутренность, внутренняя часть...'. Исходное значение этой формы — 'внутрь, внутри'; остальные значения — «результат ее вторичного семантического развития на почве десемантизации указ. форманта» (см.: ЭСТЯ I, *390*).

Этот же путь развития характерен для тув. *ишкээр* (в отличие от тоф. *иъшкээрі*, у которого фиксируется только исходная семантика), однако семантика *ишкээр* имеет и свою специфику: отмечены «направительное» значение 'вниз, внизу' и связанная с ним субстантивная семантика 'местность в низине...'.

Подобные значения у соответствий *ишкээр* не зафиксированы. Можно полагать, что основа *ич* (> *иш*) могла означать не только 'внутренняя часть', но и 'нижняя часть, низ' (последнее значение также в тюрк. языках практически не отмечено, а в тув. оно реализуется и в других образованиях от *ич...*: см. **иштик**, а также **иштики**). Ср. **дашкаар**.

иште- [иъ] 'занимать, наполнять, заполнять (посуду, мешок, сундук и т.п.)', **ишгел-** [иъ] 'быть занятым, наполняться, заполняться'; *разг.* 'беременеть'; **ишген-** *разг.* 'беременеть'.

Тув. *иште-* — глаг., образованный с помощью аф. *-те-* (возможно, вариантом форманта *-ле-*) от именной основы *ич* (> *иш*) 'внутренняя часть' и под., у которого отмечено также значение 'емкость' (см. **ишкир**). Соответствия *иште-* в других тюрк. языках не отмечены, как и залоговые формы типа *ишгел-* — формы страдательного залога от *иште-*, для которой характерно появление переносного значения 'беременеть'. Ср. также *ишген-*, форму возвратного залога от *иште-*, которая и употребляется именно в этом значении. См. **ишгеш-**.

ишгел- см. **иште-**.

ишген- см. **иште-**.

ишгеш- [иъ] 'вместе наполнять, заполнять (какую-л. емкость); быть равным по емкости, объему'; *разг.* 'дружить, сближаться'.

Указ. глагол в его первом значении непосредственно связан с *иште-* 'наполнять, заполнять' (см. **иште-**), представляя собой форму

взаимного залога от указ. основы, тогда как возникновение у *иштеш-* семантики 'быть равным по емкости...', скорее всего обусловлено сближением этой формы с именной основой *иштеш* 'равный, одинаковый по емкости' (см. **иштеш**).

Вероятно, с подобной семантикой (близости, общности и под.), а также с грам. значением взаимности формы *иштеш-* следует связать значение 'дружить, сближаться'. *Иштеш-* в указ. значении дается как омоним к *иштеш-* 'быть равным' и под. (ТРС 1968, *211*), но данная ситуация может быть истолкована и как проявление многозначности.

иштеш [иъ] 'равный, одинаковый по емкости, объему'.

Образование с формантом *-таш...* от основы *ич* (> *иш*) 'внутренняя часть; емкость' (см. также **ишкир, иште-**), не употребляемой в тув. языке как самостоятельное слово. Подобные образования в тюрк. языках, имеющие адъективную семантику и в то же время не связанные с обозначением лиц, для тюрк. языков в целом не характерны, с чем связано возможное отсутствие в них соответствия тув. *иштеш*. В тув. языке же подобные образования спорадически встречаются: см., напр., **аасташ**.

ишти [иъ] см. **ижин**.

иштии [иъ] 'нижний'.

Вариант слова **иштики** (см.).

иштик [иъ] 1. 'низменный, находящийся в низине, долине; мягкий, отзывчивый'; 2. 'низина, долина'.

Вероятно, < **ич-лик*. Тув. слово одноструктурно с образованиями типа тур. *içlik* 'внутренний', диал. 'нижнее белье, подкладка', др.-тюрк. *ičlik* 'чепрак, войлочная подкладка под седлом', ног. *ишлик* 'подкладка'; они семантически заметно отличаются от тув. *иштик*, основе которого (*ич* > *иш*), возможно, было присуще не только значение 'внутренняя часть', но и 'низ'. Последнее в значительной степени реализовалось в образованиях, характерных для тув. языка. См. также **ишкээр, иштии, иштики**.

Иштик в значении 'мягкий, отзывчивый' слабо связано с другими значениями слова и фактически является омонимом к *иштик* 'низменный' и под. *Иштик* 'мягкий...' обнаруживает определенную связь с *ич...* в его переносных значениях, подобных 'сердце, душа; внутренний мир' и в целом малохарактерных для указ. основы. См. также **иштики**.

иштики [иъ] 'внутренний, обращенный внутрь; внутренний, связанный с психической деятельностью человека; нижний'.

Как и *иштии* 'нижний' (ср. также тоф. *иъштii* 'внутренний; долинный, находящийся в долине'), *иштики* может быть образовано с помощью аф. *-ки* от *ишти*, лексикализованной в форме принадлежности от основы *ижин* (см. **ижин**). Вероятна также связь (сближение?) с **иштик** (см.).

— Й —

йөрээ- *уст.* 'благословлять; напутствовать, произносить напутствие (пожелание)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *irüge-* 'произносить пожелания, благопожелания; молить(ся); поздравлять', монг. *ерөө-* 'желать блага; произносить тост, ерол' (см. **йөрээл**), бур. *юрөө- ~ үрөө-* то же, калм. *йөрэх* 'приветствовать, поздравлять; произносить благопожелание'. Судя по звуковому облику, тув. *йөрээ-* принадлежит к числу поздних заимствований.

Монгол. глаг. основа, возможно, имеет тюрк. происхождение и связана с глаг. *йор(ы)-* 'толковать сон; гадать, предсказывать, предугадывать; пожелать...', у которого имеется и переднерядный вариант (см.: ЭСТЯ IV, *224*). В памятниках отмечено также производное имя *йоруг ~ йораг, йөруг ~ йөрүк* 'объяснение, толкование сна' (Там же). Ср. также **ёра**.

йөрээл 'благословение, напутствие, пожелание'; *фолькл.* 'благопожелание'.

Как и предыдущее слово (см. **йөрээ-**), *йөрээл* является одним из поздних монголизмов. Ср. п.-монг. *irügel* 'пожелание (дурное и хорошее); благо от рождения, благоволение неба, счастье, благополучие; молитва, молитвенное обращение; благословение, предопределение' (Голст. I, *142*), монг. *ерөөл* 'пожелание, желание блага, ерол', бур. *юрөөл ~ үрөөл* 'благопожелание; возглас(ы); тост', калм. *йөрэл* 'благопожелание; поздравление'. См. также: Владимирцов. Ср. грамматика, *181—182, 316—317.*

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3
Используемые сокращения 4
Д 18
Ё 333
И 336
Й 387

Научное издание

Татаринцев Борис Исакович

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

ТОМ II

Д, Ё, И, Й

Редактор *С.П. Попова*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *И.С. Попов*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Малышева, С.М. Погудина*
Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

ЛР № 020297 от 23.06.97. Сдано в набор 27.05.02. Подписано в печать 20.08.02.
Бумага офсетная. Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Офсетная печать. Гарнитура TimesET.
Усл. печ. л. 24,25. Уч.-изд. л. 24,5. Тираж 1230 экз. Заказ № 148.

«Наука». Сибирская издательская фирма РАН.
630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.

ГП "Новосибирский полиграфкомбинат" 630007 г. Новосибирск, Красный проспект, 22.